Г. А. ПУТАЧЕНКОВА

ПУТИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА ПОРЫ РАБОВЛАДЕНИЯ И ФЕОДАЛИЗМА

ЮТАКЭ
1948-1954

* АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР *

ТРУДЫ ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА АКАДЕМИИ
НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ПРОФ. М.Е. МАССОНА

* ТОМ VI *

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1958

* АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР *

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ПУТИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА ПОРЫ РАБОВЛАДЕНИЯ И ФЕОДАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1958

ВВЕДЕНИЕ

В 1922 г., намечая задачи работ молодого Туркестанского государственного университета по изучению Средней Азии, акад. В. В. Бартольд указывал на необходимость проведения специального исследования местных архитектурных памятников. Намеченный к составлению альбом сохранившихся построек он предлагал начать в хронологическом порядке с мавзолея Саманидов в Бухаре (IX—X вв.) как памятника самого раннего из числа известных в это время, указав, кроме того, на необходимость подробного исследования кёшков—«укрепленных замков дворян-землевладельцев домусульманского периода и первых веков ислама»[1].

За 30 лет, протекшие с тех пор, в области среднеазиатского архитектуроведения проделано столь много, что пожелания покойного академика ныне составляют давно уже пройденный этап. В отделах охраны и реставрации памятников при республиканских управлениях по делам архитектуры хранятся десятки альбомов и многие сотни чертежей, фотографий, рисунков, фиксирующих состояние памятников, процессы их восстановления, результаты археологических и конструктивных вскрытий. Широкие археологические исследования в Средней Азии выявили массу интереснейших сооружений древности, ранее неведомых или просто не привлекавших внимания. При этом хронологические рамки раздвинулись вглубь веков по крайней мере на полторы тысячи лет от эпохи Саманидов. Существенно изменился и самый характер задач, возникших перед советскими учеными как старшего, так и младшего поколения, приступившими к исследованию истории архитектуры народов Средней Азии.

Если в дореволюционном Туркестане изучение замечательных памятников местного зодчества исчерпывалось составлением внешнеописательных их характеристик и сбором иллюстраций, если статьи аналитического характера были исключительно редки, если

[1] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан.— «Изв. РАИМК», т. II, № 1, 1922, стр. 20—21; его же. Ближайшие задачи изучения Туркестана.— «Наука и просвещение». Ташкент, 1922, № 2, стр. 6—8.

в общих оценках памятники эти характеризовались как произведения арабской культуры или как создания персидских мастеров, то в советское время положение радикально меняется. Истории среднеазиатской архитектуры уже посвящен ряд обобщающих исследований; создано несколько обширных монографий об отдельных выдающихся памятниках местного зодчества; появился ряд работ, касающихся специальных проблем древней архитектуры Средней Азии, например по градостроительству, архитектурно-прикладным искусствам, архитектуре национального жилья и т. п.; неизмеримо расширены горизонты познания архитектуры прошлого благодаря археологическим работам 1930—1950-х годов, открывшим круг далеких, прежде неведомых цивилизаций; наконец в противовес панираністским и панисламистским измышлениям буржуазной науки, наглядно показано самостоятельное место среднеазиатской архитектуры.

При всех этих крупных достижениях приходится, однако, констатировать, что многое предстоит еще выяснить, систематизировать, понять и многое творчески осмыслить. Одной из ответственнейших задач, в частности, является написание истории архитектуры не Средней Азии «вообще», но истории архитектуры тех народов, из которых в советское время в Средней Азии сложились социалистические нации: таджикская, туркменская, узбекская, киргизская и др.

Настоящая работа ставит целью проследить основные этапы формирования зодчества тех народов, вошедших в этногенез туркмен, которые населяли области Южного Туркменистана.

С 1946 г. при Туркменском филиале АН СССР (с 1951 г. — Академии наук Туркменской ССР) развернулась деятельность Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), возглавляемой проф. М. Е. Массоном. В ее задачу входило всестороннее археологическое изучение Южного Туркменистана, заметно до того отставшее сравнительно с северными областями республики, уже с 1938 г. вошедшими в орбиту работ Хорезмской археологической экспедиции, руководимой проф. С. П. Толстовым. В задачу VII (архитектурного) отряда ЮТАКЭ входило углубленное изучение архитектурных памятников всех эпох — от времени доклассового общества и до XIX в. включительно, сохранившихся на территории работ экспедиции. Архитектурные исследования протекали как комплексно — в составе стационарных раскопочных или маршрутно-рекогносцировочных археологических отрядов ЮТАКЭ, так и самостоятельно — по специальному изучению отдельных архитектурных объектов, комплексов и городищ.

Предлагаемое исследование построено на материалах этих работ. Автор сознательно ограничивает тему пределами Южного Туркменистана, а не республики в целом. Археологическими исследованиями ЮТАКЭ установлено, что Южный Туркменистан, некогда составлявший часть территории средневекового Хорасана, представлял в прошлом иную историко-культурную область, чем Хорезм, где также размещается часть земель Туркменской ССР (Ташаузская область). Положение это красноречиво подтверждается и архитектурным материалом. Несомненно, что соседство этих двух областей не могло пройти для них бесследно в отношении взаимного культурного контакта, но при всем том северно-хорасанское зодчество очень долго принадлежало иному стилистическому кругу, нежели хорезмийское. Тезис этот будет подробно развит нами ниже, при анализе самого материала.

Начало изучения архитектурных памятников Южного Туркменистана относится к сравнительно позднему времени. Некоторые сведения о них, заключенные в восточных сочинениях средневековья и более близких к нам эпох, сохраняют для нас значение лишь письменного первоисточника, подтверждая или дополняя данные о памятнике, если он еще сохранился, восполняя сведения в тех случаях, если он стерт с лица земли.

Началом изучения никак нельзя признать и те отрывочные, случайные упоминания или беглые описания развалин некоторых архитектурных памятников, которые можно встретить в отчетах, проникавших в южнотуркменистанские земли, начиная с первой половины XIX в. западноевропейских путешественников (Бёрнс, Аббот, Конноли и др. — о Мерве, Вамбери — о Мешхеди-Мисриане). Но специальный интерес к архитектурным памятникам Закаспия возникает лишь вслед за присоединением его с конца 70-х годов прошлого столетия к России. Памятники местного зодчества привлекают внимание русских офицеров, пересекавших по делам службы просторы Туркменистана (Шетихин, Деконвиль, Кастальский, Логофет и др.), инженеров, осуществлявших геолого-географические разведки (Лессар, Коншин и др.), журналистов и туристов (Эспер-Ухтомский, Циммерман, Марков и др.), художников (Каразин, Дмитриев-Кавказский, Мишин и др.), фотографов (в числе их был и известный в свое время парижанин Надар). В публикуемых начиная с этого времени очерках, отчетах, корреспонденциях можно встретить разной ценности упоминания, краткие описания, изображения ряда сооружений Мерва, Анау, Мешхеди-Мисриана и др. Первичный учет памятников закаспийской старины был выполнен в 80-х годах генералом А. В. Комаровым.

Однако началом подлинно научного подхода к древним памятникам архитектуры Туркменистана следует считать 1890 г. — год научной поездки в Закаспий профессора В. А. Жуковского, командированного со специальной целью Археологической комиссией, который осмотрел ряд архитектурных памятников, описал их, зафиксировал в фотографических снимках, прочел надписи, собрал легенды с привлечением письменных первоисточников. Если труды В. А. Жуковского до сих пор не утратили своего большого научного значения, то поездка в 1892 г. в Закаспий и Туркестан археолога Д. И. Эварницкого едва ли заслуживает упоминания, так как опубликованные им сведения о памятниках не представляют почти никакой научной ценности. Бесплодно прошли для изучения истории местной архитектуры работы американской экспедиции Р. Пампелли в Анау и Мерве (1903—1905 гг.).

После 1905 г. и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции отмечается определенный спад в накоплении данных о древнем зодчестве Закаспийского края. Однако недолго функционировавший (в 1901—1906 гг. и в 1915—1917 гг.) в Асхабаде Закаспийский кружок любителей археологии при деятельном участии В. Д. Дейнеко, Б. А. Литвинова, Ф. А. Михайлова, Л. А. Зимина произвел обследование памятников Фараба, Астана-баба и некоторых других. Вообще в среде русских ученых интерес к древним памятникам не угасал, о чем свидетельствуют отдельные публикации тех лет: А. А. Семенова — о мечети Анау (к памятнику этому он возвращался не раз в своих работах послереволюционного периода); Б. А. Литвинова — об архитектурном комплексе в Астана-баба. Академик В. В. Бартольд, затрагивавший вопросы истории

городов Хорасана в своих трудах, привел в них отдельные сведения историко-архитектурного порядка.

При всем том сами памятники местной архитектуры былых эпох не только не служили предметом забот со стороны царской администрации, но нередко разбирались по кирпичам на строительные нужды. Ряд сооружений был подвергнут искажавшим их облик, безграмотным с точки зрения научных требований ремонтам, осуществлявшимся по инициативе благочестивых жертвователей. Иногда при некоторых памятниках состояли полуграмотные представители местного духовенства племен ших, сеид, ходжа, вымогавшие немалую мзду с приходивших на поклонение к «святыням» туркмен и персов, но мало заботившиеся о поддержании этих памятников в сохранности.

После Великой Октябрьской социалистической революции положение в корне меняется. В 1921 г. был основан Туркомстарис (Туркестанский комитет по охране памятников старины и искусства), с 1925 по 1928 г. функционировавший под наименованием Средазкомстариса (Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и искусства). Декретом ЦИК и СНК Туркестанской республики № 58 от 23 марта 1923 г. сохранившиеся архитектурные сооружения прошлого на территории Средней Азии, в том числе и Туркменистана, объявляются общенародным достоянием, а наиболее выдающиеся из них берутся под государственную охрану. В числе их — мечеть Анау, мавзолей Абу-Саида в Меана, постройки на городищах старого Мерва и Мешхеди-Мисриана.

Отныне памятники не только охраняются, но и тщательно ремонтируются; они становятся объектами пристального изучения.

С момента национального размежевания Средней Азии (1924 г.) появляются республиканские органы, осуществлявшие государственную охрану и изучение архитектурных памятников. В конце 1920-х годов производятся работы по реставрации мечети Анау и мавзолея султана Санджара при участии инженеров В. Р. Трипольского, О. Э. Визеля и архитектора С. Н. Скляревского. Как правило, подобным ремонтным мероприятиям предшествует разностороннее обследование памятников: составление обмерных чертежей, выяснение состояния грунта и деформаций, изучение конструкций и материалов. Предварительной стадией работ служат выезды к памятникам по поручению Средазкомстариса ряда компетентных консультантов: проф. А. А. Семенова, проф. А. Э. Шмидта, архитектора А. П. Удаленкова (мечеть Анау, мавзолей султана Санджара, мавзолей Абу-Саида в Меана — 1926 г.), художника-академика А. А. Карелина (мечеть Анау — 1926 г.), архитектора Б. Н. Засыпкина (мавзолей султана Санджара — 1927 г.), искусствоведа Б. П. Денике; результаты этих выездов находят свое отражение в письменных отчетах и публикациях.

В 1926 г. с основанием в Ашхабаде Археологического кружка на территории Туркменистана начинаются археологические разведки. В результате работы Хаверанской экспедиции 1928 г., организованной Средазкомстарисом и Туркменкультом и возглавленной проф. А. А. Семеновым, были введены в научный обиход почти не привлекавшие к себе раньше внимания архитектурные руины Каахкинского района (Чугундор-баба, Пештак, Сундуклы-овлия).

Новое оживление археологических работ в республике в 1930-х годах связано с деятельностью Туркменкультa (Научно-исследовательского института истории

туркменской культуры), основанного в 1928 г. Активное участие в работах Туркменкульта принимают А. А. Марущенко, С. А. Ершов и др. К числу достижений этого научного учреждения в области историко-архитектурного изучения Южного Туркменистана относятся: обнаружение при раскопках на Нисе (в селении Багир близ Ашхабада) остатков архитектурных построек парфянского времени; вскрытие архаического дома на холме Ак-тепе в Ашхабадском районе; регистрация некоторых ранее не известных архитектурных руин, например пещерного комплекса у Таш-Кепри. С конца 1928 г. при Туркменкульте было учреждено Бюро по охране памятников старины и искусства, функции которого впоследствии перешли к археологической секции Туркменского института истории. Архитектурные работы последнего с 1934 по 1940 г. возглавлял Н. М. Бачинский. В 1936—1937 гг. им осуществлялись ремонтные работы на мавзолеях Санджара и так называемого Мухамеда Ханапья в Мерве и на мечети Анау, которым предшествовала закладка разведочных шурфов с целью выяснения состояния фундаментов, анализ некоторых строительных растворов, обследование конструкций. Впервые после В. А. Жуковского Н. М. Бачинский при участии архитектора В. И. Пилявского проводит изучение некоторых сырцовых зданий старого Мерва — ледохранилищ и древних кёшков (феодальных замков). Результаты работ обоих этих исследователей получили отражение в ряде публикаций. Значительным достижением предвоенных лет следует признать издание первого выпуска «Архитектурных памятников Туркмении» (Москва—Ашхабад, 1939), включающего наиболее выдающиеся постройки Куня-Ургенча, мавзолеи Мерва—султана Санджара и так называемого Мухамеда Ханапья, а также мечеть Анау. Сборник содержит очень лаконичные аннотации, но вместе с тем значительный иллюстративный материал: обмеры, фотографии, рисунки, чертежи.

В годы Великой Отечественной войны при земляных работах на городище Мадау (1941 г.) были обнаружены руины большого средневекового медресе, а в 1942 г. при работах на территории городища Таш-Рабат (средневековый Данданкан) были обнаружены остатки мечети X—XI вв., богато украшенной резным алебастром.

Большие историко-архитектурные исследования на территории Южного Туркменистана связаны с первой послевоенной пятилеткой. Управление по делам архитектуры при Совете министров Туркменской ССР в 1946—1947 гг. через свои органы по охране памятников проводило подготовительные мероприятия к ремонтно-реставрационным работам на некоторых сооружениях, состоящих в списке памятников всесоюзного значения. В 1946—1947 гг. архитектор А. М. Прибыткова произвела обмеры и исследования мечети Талхатан-баба и мавзолея Абул-Фазла в Серахсе. Однако наиболее значительный цикл исследования осуществляется с 1946 г. по настоящее время Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ).

Перед архитектурным отрядом ЮТАКЭ, возглавлявшимся автором настоящего исследования, была поставлена задача всестороннего изучения историко-архитектурного прошлого Южного Туркменистана. Наряду с памятниками, давно уже получившими всеобщую известность, углубленному изучению были подвергнуты памятники малоизвестные; при этом в процессе работ были открыты также объекты, вообще в науке не зарегистрированные.

В 1946 г. ЮТАКЭ было начато изучение памятников парфянской архитектуры, продолжавшееся в последующие годы работ экспедиции. В 1947 г. обследовались

памятники Ашхабадского, Каахкинского, Кизыл-Арватского, Мешхеди-Мисрианского, Серахского районов; детальному изучению была подвергнута мечеть Анау, рухнувшая в 1948 г. при землетрясении. В 1948 г. изучались памятники Керкинского района; в 1949 г.— Каахкинской области; в 1950—1954 гг. — Мерва, Марыйской и Чарджоуской областей, а также предгорий Копет-Дага. Собранный историко-архитектурный материал содержит детальные описания памятников, обмеры, чертежи, рисунки, фотографии. Научно обработанные материалы этих исследований уже частично опубликованы в ряде трудов экспедиции.

В работах ЮТАКЭ большое внимание было уделено проблеме парфянского зодчества на территории Туркменистана. И для античной и для феодальной эпохи изучались вопросы градостроительства, развития конструктивных идей, композиционных принципов и стиля. С 1947 г. изучение архитектуры позднетуркменских поселений, до сих пор незаслуженно не привлекавших к себе внимания, становится особой темой работ ЮТАКЭ; комплекс полученных наблюдений позволил в конечном счете подойти к проблеме периодизации местного зодчества.

Научное обобщение новых материалов по истории архитектуры Южного Туркменистана с учетом предшествующих исследований составляет содержание настоящей монографии.

Ввести в обиход данные углубленного исследования исторических памятников архитектуры Южного Туркменистана; проследить основные линии развития местной архитектуры на фоне конкретно-исторической обстановки; вскрыть внутреннее содержание этой архитектуры, выявив как прогрессивные, общенародные качества, так и черты, порожденные идеологией правящих классов; дать по возможности анализ памятников с точки зрения конструктивных, планировочных, композиционных, общеэстетических норм; выяснить ведущие закономерности, заключенные в этой архитектуре; вооружить новым материалом советских зодчих, осуществляющих задачи архитектурного строительства в Туркменской ССР,— такой мыслилась конечная цель предлагаемого исследования.

Глава первая

АРХАИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Южный Туркменистан — одна из древнейших областей обитания человека и сложения высокой земледельческой культуры. Не только в предгорной полосе Копет-Дага, на побережьях великой Аму или Каспия, но и среди песков археологи встречают многочисленные остатки древнейших культур, возникших еще на заре человечества. Уже в ту пору слагались здесь зачатки архитектуры.

Первобытный человек, основу хозяйственной жизни которого составляли охота, собирательство и рыбная ловля, владевший лишь орудиями, изготовленными преимущественно из камня, ютился в убежищах, случайно образованных природой,— в пещерах и под навесами скал. Исследования Джебельского грота, возраст которого определяется VII—V тысячелетиями до н. э., показали, что он был обжит в эпоху неолита многими человеческими поколениями. Вместе с тем многочисленные стоянки как древнего, так и нового каменного века, в особенно большом числе зарегистрированные в Красноводском районе и вдоль русла реки Узбой, наглядно показывают, что уже в те далекие времена человек не ограничивался естественными укрытиями, но умел создавать себе примитивное жилище типа шалашей и палаток. В силу недолговечности употреблявшихся в те времена строительных материалов постройки эти, естественно, не дошли до наших дней, однако большие площади, усеянные кремневыми орудиями, зольники былых очагов, остатки грубой посуды, — все это следы тех первичных поселений, которые создавались первобытными человеческими коллективами родов и племен. Сооружение многосемейных домов преследовало чисто утилитарные функции — уберечь людей от непогоды и жары. Однако это уже не элементарное приспособление для жилья естественного убежища, но постройка, созданная разумно действующим человеческим коллективом.

Типологически такого рода многосемейное примитивное жилье было, очевидно, сходно с домом кельтеминарцев в Хорезме. Дом этот имел овальный контур с тремя концентрическими линиями столбов, соединенных стропилами и обрешеткой, которые

образовывали шатровую кровлю, покрытую слоем камыша. В нем обитала целая родовая община; в центре располагался священный очаг [1].

Интересно отметить выделение еще в эпоху неолита примитивной ремесленной специализации: исследованиями у Дам-дам-чешме в Красноводском районе обнаружена «мастерская» первобытного ювелира по изготовлению раковинных бус [2]. Разумеется, что никаких специфических элементов в типе ее ограждений, отличных от тех, которые использовались в архитектуре жилищ, не существовало. Главным объектом строительства было в ту пору и оставалось на протяжении многих тысячелетий жилище.

Археологические работы, начатые в 80-х годах прошлого столетия ген. А. В. Комаровым на холмах у селения Анау, не прошли бесследно. В результате раскопок, продолженных здесь в 1903—1905 гг. экспедицией Института Карнеджи, был обнаружен тот большой вещественный материал, публикация которого прочно ввела в международную археологическую номенклатуру термин «культуры Анау». Между тем исследования советского времени показали, что северный и южный холм Анау — это далеко не самые значительные объекты среди огромного числа рассеянных по всему Южному Туркменистану больших и малых поселений времен энеолита, меди и бронзы. Поселения эти характеризует общность в облике археологического инвентаря, связанная с развитием человеческого общества в единых социальных условиях и единых хронологических рамках; при этом несомненно этническое родство слагавших его родов, племен и народов, наименование которых дошло до нас от середины I тысячелетия до н. э. под общесобирательным термином «массагетов» или «скифов».

Возраст созданных этими народами древнейших культур определяется по данным советских археологов IV—III тысячелетиями до н. э. (культуры «Анау-I» и «Анау-II») и II тысячелетием до н. э. (культура «Анау-III»). Культура же «Анау-IV», заключенная в верхних слоях южного холма Анау и отмеченная в ряде других мест, относится ко времени распада патриархально-общинного строя и сложения рабовладельческих отношений; хронологически она примерно совпадает с эпохой Ахеменидов и македонско-селевкидского владычества (VI—III вв. до н. э.).

Итак, уже в пору великих цивилизаций классического Востока—Египта, Двуречья, долины Инда — в Южном Туркменистане на обширных орошаемых пространствах, в системе быстротекущих и затухающих вод, живут организованные племенные объединения. Основу хозяйства для населения составляло земледелие, базировавшееся в значительной мере на искусственном орошении, что требовало участия большого коллектива родо-племенной общины для сооружения при лиманном типе ограждающих валов, а при поливном хозяйстве — плотин и отводящих каналов. Не менее значительную роль играло домашнее скотоводство — разведение коз, овец, коров, а позднее — лошадей, свиней, верблюдов, ослов; оно составляло важную сторону хозяйственного благосостояния общин. Позднее появилось и пастушество, выделившееся из оседло-земледельческого хозяйства. Это сосуществование двух различных

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 68 и сл.

[2] А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении.— КСИИМК, вып. XXIII, 1949, стр. 60—70.

типов хозяйства и общественного уклада— оседлого и пастушеского— нередко приводило к взаимным противоречиям и сыграло свою роль в распаде общинного строя.

Области Южного Туркменистана времен патриархально-общинного строя упоминаются в одном из древнейших среднеазиатских источников — священной книге зороастризма «Авесте». В числе «областей благословения, изобилия, блаженства», якобы созданных Ормуздом, названы Маргав, или Моуру (ныне Марыйская область), Векеретем (ныне Каахкинский район), Веркана (юго-восточный Прикаспий)[1].

Преобладающую массу поселений Южного Туркменистана составляли в эпоху патриархально-общинного строя большие и малые селища со сплошной застройкой.

Среди наиболее крупных памятников этого рода («тепе» в местной терминологии) значительных размеров достигают как по площади, так и по мощи культурных слоев такие памятники былой авестийской области Векеретем, как Намазга-тепе близ железнодорожной станции Каахка (площадь до 50 га, общая толща культурных слоев — до 34 м), Ясы-тепе к югу от Душака (площадь — до 13 га, высота — до 30 м), Алтын-тепе близ Меана и некоторые другие. К числу «рядовых» принадлежат прославленные бугры Анау, холм Ак-тепе близ Ашхабада, Кара-тепе близ Гяурса и десятки других. Обширные и малые археологические селища той же эпохи зарегистрированы и в областях древней Моуру (например Яз-тепе, Тахирбай-тепе, Дашлы-тепе на севере Марыйской области) и Верканы (например Мадау-тепе на Мисрианском плато).

Раскопки архаических тепе, осуществленные ЮТАКЭ, показали, что накопления слоев совершались на протяжении жизни многих десятков и сотен поколений. При этом многометровые толщи нередко содержат археологический инвентарь, общий облик которого претерпевает во времени незначительные изменения, что свидетельствует о замедленном развитии материальной культуры среди племен Южного Туркменистана тех отдаленных эпох. Эти явления отражены и в архитектуре.

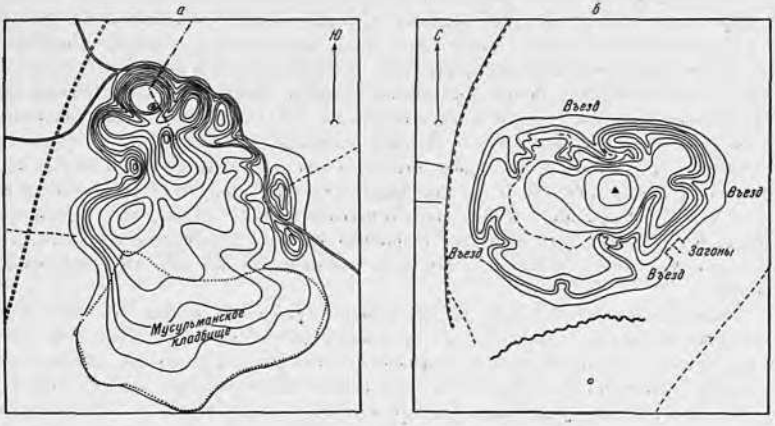
В IV—III тысячелетиях до н. э., на самом раннем этапе, поселение составляет как бы огромный многосемейный дом, заключающий десятки комнат, в котором новые помещения механически присоединяются к старым. Именно такую картину дали раскопки на холме Ясы-тепе близ железнодорожной станции Каахка. Стены этого огромного дома, сложенные из крупного прямоугольного сырца, нередко непараллельны: комнаты имеют то прямоугольное, то трапециевидное очертание. Особый интерес представляет центральное помещение, видимо культового назначения, с панелью, покрытой росписью: по ярко-красному фону белой и черной краской нанесена сетка прямых и диагональных линий. Возможно, что этот мотив имитирует каркасную конструкцию примитивной кибитки. Самый узор сохранился в народной туркменской орнаментации доныне и известен под названием «кызляр»[2].

Раскопки верхних слоев Намазга-тепе показывают, что ко II тысячелетию до н. э. произошел процесс выделения отдельных большесемейных домов в самостоятельные

[1] Об отожествлении авестийских наименований с областями Южного Туркменистана см. М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. II. Ашхабад, 1951, стр. 15—16.

[2] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау. —«Изв. АН Туркм. ССР», 1954, № 1, стр. 26 и сл.

жилые массивы. Между ними уже появляются улички и проезды. Поселение Намазга-V занимает обширную территорию и имеет сложную планировку. В результате раскопок одного из таких большесемейных домов, осуществленных в 1949—1950 гг., было обнаружено около 30 помещений[1]. Материалом этого здания служит сырцовый кирпич длиной 42—47 см, шириной 22—24 см и толщиной 10—12 см, т. е. с соотношением сторон почти кратным 1:2:4 (прямоугольная, а не квадратная форма сырца вообще типична для данной эпохи). Кладка на глиняном растворе, вперевязку швов

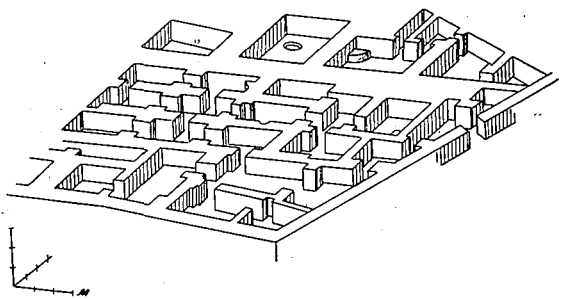
План Намазга-тепе (*а*) и Ясы-тепе (*б*).

по вертикали и горизонтали. Поверхность стен обычно оштукатурена глиной, но в одном помещении сохранилась обмазка ганчем. Глиняная смазка употреблена на полах. Толщина стен — в 1—1½ кирпича (50—60 см). Пролеты помещений — от 1,70—2,00 м до 3,00—3,50 м; длина — от 3 до 5 м. Перекрытий не сохранилось; судя по археологическому завалу, они были как балочными (деревянными), так и сводчатыми (сырцовые своды отрезками). Уже в доме на Ясы-депе обнаружен сырцовый «ложный» свод, которому стык двух верхних кирпичей придает как бы стрельчатое очертание.

Таким образом, уже в III—II тысячелетиях до н. э. (а может быть и раньше — решить этот вопрос смогут последующие раскопки) отмечается важное достижение строительной техники Южного Туркменистана: употребление сводов — «ложных» и «отрезками». Известно применение их и в древнем Египте (Рамессеум) и в Месопотамии (Дур-Шаррукин); в первом случае материалом служил камень, во втором—кирпич-сырец. Создание этого свода в областях Южного Туркменистана имело, не-

[1] Б. А. Литвинский. Намазга-тепе. По данным раскопок 1949—1950 гг.— СЭ, 1952, № 4, стр. 30 и сл.

сомненно, местную основу; причины, обусловившие его применение предпочтительно перед балочными перекрытиями (употреблялись и они), были те же, что и в Двуречье, — бедность в лесе, экономия его не только в конструкциях, но и в качестве строительных подмостей, и наличие лесса как общедоступного материала, обладающего превосходными строительными качествами. Изготовление и применение в строительных конструкциях подсушенного на солнце кирпича является характерной чертой для средней ступени так называемой эпохи «варварства». Оно знаменует важный этап прогресса строительной техники у народов Южного Туркменистана.

Намазга-тепе. Часть многосемейного дома II тысячелетия до н. э.

В планировке ясы-тепинского и намазгинского домов ясно чувствуются разновременность сооружения отдельных частей, разрастание первичного ядра за счет пристройки новых групп помещений и отсутствие архитектурного единства целого при несомненной четкости отдельных частей комплекса. В доме на Намазга-тепе восемь комнаток размещено в виде двух продольных анфилад, сообщающихся между собой дверными проемами; о наличии здесь некогда дверей свидетельствуют каменные пятки с округлым гнездом для вращения на стержне полотнища двери. Это помещения моногамных пар, уже выделившихся (в отличие от обитателей ясы-тепинского дома) внутри рода, но, судя по отсутствию отдельных односемейных очагов и наличию специального большого кухонного помещения общего пользования, еще не ставших вполне самостоятельными хозяйственными единицами. Почти все комнаты комплекса построены по тому же принципу. Они возникали по мере потребности в течение длительного отрезка времени в связи с разрастанием семей от поколения к поколению.

Картину аналогичной планировки дали осуществленные А. А. Марущенко раскопки сравнительно некрупного поселения на вершине холма Ак-тепе под Ашхабадом с остатками здания несколько более древнего, чем намазгинский дом. Эта постройка состояла из ряда узких параллельных комнат большесемейного дома времен патриархально-общинного строя. Раскопки экспедиции Р. Пампелли на буграх Анау, которые велись на снос, не дают возможности судить о планировке зданий. Однако как

Ак-тепе, так и Анау дают в верхних культурных слоях строительный материал, аналогичный намазгинскому: крупный сырцовый кирпич размером 47 × 22 × 10 см, глиняную обмазку стен, глинобитные полы[1]. В одном из помещений северного бугра Анау выявлена интересная деталь: стены его облицованы крупными кусками битых хумов (глиняных корчаг)[2]. Предстоит еще установить, преследовал ли этот прием какие-либо практические цели, например ограждение низа стен от сырости, художественные или какие-либо иные, связанные с магическими представлениями.

Строительные принципы южнотуркменистанских архаических домов находят себе прямые аналогии в одновременных им памятниках на территории сопредельных областей Ирана, дающих очень близкий по типу археологический инвентарь (Тепе-Хисар, Тюренг-тепе, Тепе-Сиалк и др.). Так, раскопки Тепе-Хисар близ Дамгана выявили остатки сооружений, включающих группы небольших комнаток; материалом стен в верхних стратиграфических слоях («Хисар-II» и «Хисар-III») служил прямоугольный кирпич (57 × 30,5 × 9 см), в глину которого подмешан саман[3]. Сооружения Тюренг-тепе близ Астрабада[4] также воздвигнуты из сырца еще более крупного размера — 68 × × 38 × 15 см.

Большие жилые дома-массивы намазгинского типа характерны для поселений Южного Туркменистана и Северного Ирана эпохи бронзы. Сложность их планировочной композиции при наличии, однако, отдельных организованных элементов вызывает в памяти «лабиринты» большесемейных домов Крита.

Несмотря на стихийность былой застройки, на хаотичность распределения жилых массивов, в этих больших селищах чувствуется определенный принцип. Общая форма планировочного пятна приближается к неправильному овалу. Толщи культурных наслоений, нарастающие к середине тепе, указывают, что процесс разрастания поселения шел концентрически. Улицы направлены радиально, как бы теряясь в центре. Вероятно, в эту пору уже выделяется и основной общественный комплекс поселения. Внутри авестийского первограда — «вары» согласно II фаргарду Вендидада — располагались «дом, свод, двор, место, закрытое со всех сторон» (не имеется ли в виду «запретная» ограда культового ансамбля?). Принципы планировки, аналогичные южнотуркменистанским, отмечаются также в архаических «тепе» Мазандерана и Джурджана[5], причем и здесь раскопками возвышенной части Тюренг-тепе близ Астрабада выявлено наличие значительного общественного комплекса сооружений с мощными подпорными и ограждающими сырцовыми стенами — дворца или храма[6].

---

[1] H. Schmidt. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, t. I. Ed. R. Pumpelly, Washington, 1908, стр. 87 и сл., фиг. 25; стр. 112, фиг. 42—43. Сырцовый кирпич в нижних ярусах северного кургана Анау (культура «Анау-I») имеет размер 42×19×9 см. Размеры кирпича приводятся по новым обмерам.

[2] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 11.

[3] E. Schmidt. Tepe Hissar Excavations 1931.—«The Museum Journal», vol. XXIII, № 4. Philadelphia, 1933, стр. 367 и 382.

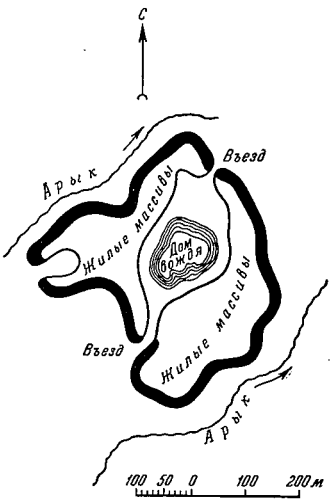
[4] F. Wulsin. The Early Cultures of Astrabad (Turang Tepe).— SPA, I, стр. 168.

[5] T. Arne. La steppe Turkomane et ses antiquités.—«Geografiska Annales», Stockholm, 1935, табл. II, стр. 40.

[6] F. Wulsin. Указ. соч., стр. 168.

В Намазга-тепе недалеко от подножья главного комплекса располагается обширный и очень глубокий бассейн, в который, видимо, собиралась вода для пользования жителей этой наиболее густо заселенной части. Здесь отмечены остатки гончарного производства — печи и шлаки. Хотя в быту населения основное место занимало домашнее производство, однако внутри племенной общины, видимо, уже наметились выделение и специализация ремесла.

Раскопками установлено отсутствие у этих древних селищ ограждающих стен. Роль последних, видимо, играло кольцо окраинных жилых домов, может быть, подобно тем деревням, которые можно видеть и поныне в глухих районах Афганистана, — расположенные на краю селения дома сомкнуты своими тыльными стенами как бы в единое оборонительное кольцо; обстрел ведется из находящихся в них бойниц или с крыш.

Элькен-тепе. План.

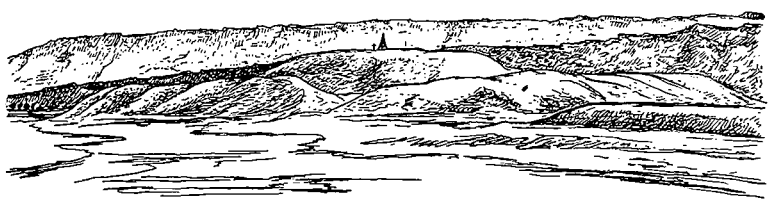
К началу I тысячелетия до н. э. в областях Южного Туркменистана завершается процесс распада патриархально-общинного строя, выделение родо-племенной аристократии и связанных с ней общественных учреждений. Общество вступает в новую фазу развития, когда рабовладельческие отношения начинают играть видную роль и уже налицо признаки появления государственности. Это запечатлено и в планировке населенных пунктов. На городище Элькен-тепе (близ железнодорожной станции Коушут) центральный холм высотой до 15 м резко выделен из окружающих его массивов жилой застройки [1]. Последняя уже не примыкает к холму вплотную, но отделена эспланадой шириной до 10 м, располагаясь по кругу и образуя как бы мощные заслоны, игравшие в дни осад роль крепостных стен. Число проездов-улиц резко сокращается — их только два, причем они расположены почти на одной оси и играют таким образом роль главной магистрали, делящей поселение на две части. Элькен-тепе — памятник переходной поры, прообраз раннеантичного города.

Выше уже было отмечено, что зародыши градостроительных идей заложены еще в южнотуркменистанских архаических селищах. Однако для того чтобы стать подлинным «городом», такого рода поселения должны были обрести тот необходимый слагающий элемент, который заложен в корне самого русского слова «город»,— особые ограждающие стены, внутри которых протекают основные функции общественной жизни. Эти ограждающие поселение стены появятся уже на грани распада патриархально-

[1] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г.—«Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 25—26.

общинного строя и сложения новой социально-экономической формации — рабовладельческой. Характерно, что столь распространенный в местной древней топонимике термин «ниса», отмечаемый еще в топографии Авесты, по своему содержанию, очевидно, соответствует описанному типу большого поселения земледельцев и оседлых скотоводов. Качества же подлинного «города» появятся лишь в условиях новых общественных отношений.

Крушению патриархально-родовых устоев, вызванному внутренними общественными противоречиями, способствовал и внешний побудительный фактор — включение областей Южного Туркменистана в состав восточно-деспотического рабовладельческого

Элькен-тепе. Общий вид.

государства Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.). Борьба местного населения с персидскими захватчиками окончилась поражением местного населения; их сопротивление было потоплено в потоках крови (при подавлении восстания в Маргиане, например, было истреблено до 70 тысяч человек как воинов, так и мирных жителей)[1]. Включение этих областей в состав ахеменидских сатрапий значительно ослабило силу и значение родо-племенной организации. Новый уклад пришел на смену старому. В эту пору возникают поселения нового типа, изредка— на тех же местах (например, слой «Анау-IV» на южном бугре), чаще — на новых.

Исключительно интересно описание первограда-вары, приведенное в древнейшем литературном памятнике Среднего Востока — Авесте. Создание вары приписывается легендарному царю Йиме-Джемшиду, который якобы обучил людей различным ремеслам — в том числе и строительному делу. В тексте II фаргарда Вендидада говорится:

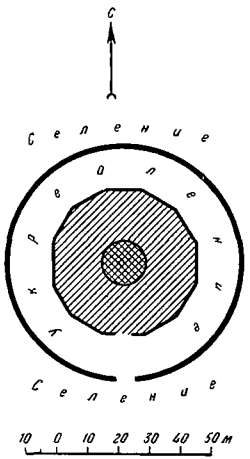
«Йима построил вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам и перенес туда семена людей, собак, птиц и огней красных, пылающих. Он сделал вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам жилищем для людей; вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам — загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиной в хатр. Там он построил жилище, дом, свод, двор — место, закрытое со всех сторон. В широкой части постройки он сделал девять проходов, шесть в средней, три в узкой...»

С. П. Толстов первым выдвинул сопоставление этого текста с той группой хорезмских городищ VI — IV вв. до н. э. (Кюзели-гыр, Калалы-гыр), которые им

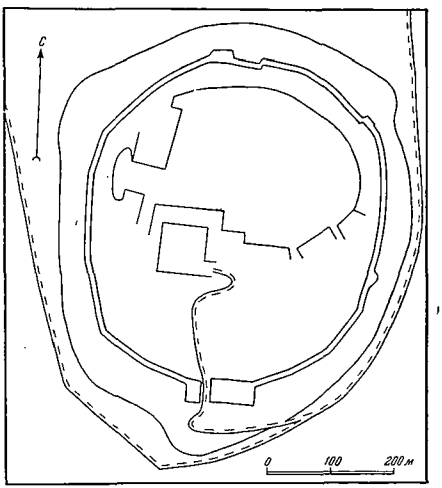
[1] В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I.— «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, Ашхабад, 1949.

именуются «городищами с жилыми стенами» [1] (хотя, как показали раскопки, «жилых»-то стен здесь не оказалось — то были крепостные ограждения) [2].

Описание «вары» свидетельствует о наличии определенных представлений об идеальном городе — квадратном в плане, обнесенном оборонными стенами, включающими ансамбль крупных сооружений — храма, дворца, запретной ограды. Характерно, что сам авестийский термин «вара» соответствует значению укрепленной ограды [3].

Султан-дешт.

Эрк-кала (архаический Мерв). План.

С 1954 г. ЮТАКЭ начато изучение огромного старо-маргианского поселения Яз-тепе в северо-западной части Мервского оазиса, верхние слои которого восходят к VI в. до н. э. Планировочные принципы его служат отражением глубоких общественных сдвигов и нарастающих процессов социальной дифференциации. Здесь выделяется массивный холм цитадели, приподнятой на высокой платформе, сложенной из прямоугольного сырцового кирпича. Вокруг простирается неукрепленная часть поселения. Налицо уже четкое обособление главной твердыни и формирование крепостных приемов.

Другой, более поздний восходящий уже к ранне-античному времени, интересный памятник находится в Апаварктикене. Это городище Султан-дешт, лежа-

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Цит. соч., стр. 94.

[2] Д. Дурдыев. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954.

[3] E. Herzfeld. Zoroaster and his World. Princeton, 1947, p. 807.

2*

Мерв. Эрк-кала.

щее к северо-западу от железнодорожной станции Коушут (обследовано нами в 1952 г.). Это небольшое сельское поселение, планировочные контуры центрального ядра которого приобретают вполне упорядоченный характер. Внутреннее пространство окружено глинобитным валом диаметром около 100 м. У стен оно оставлено свободным, а густо застроенная часть включена в правильный двенадцатигранник, в центре которого высится холм главного здания — дом правителя или может быть местный храм. Вне вала, видимо, простирались возделанные земли с разбросанными на них усадьбами. Намного уступая своими масштабами расположенному неподалеку Элькен-тепе, Султан-дешт, однако, иллюстрирует процесс дальнейшего развития и оформления «круглого» поселения по определенной планировочной схеме.

Тип большого многогранного (почти круглого) города являл собой к середине I тысячелетия до н.э. архаический Мерв, остатками которого является городище Эрк-кала. Археологически установлено, что он существовал как значительный город, обведенный в радиусе около 500 м высоким земляным валом. Застройка внутригородской территории располагалась по периметру стен, но главный архитектурный ансамбль (видимо, дворец правителя и может быть культовые строения) размещался в центре. Въезд был только один и осуществлялся по пандусу, тянувшемуся вдоль стены. Вне укрепленной части Мерва также имелись постройки жителей, находивших за городскими стенами убежище в дни осад.

Если принять за достоверное указание Квинта Курция Руфа об основании Александром Македонским в центре Мервского оазиса Александрии Маргианской, то есть полное основание полагать, что речь идет не об основании нового поселения, но об использовании уже существующего, хорошо укрепленного города (Мерва—Эрк-кала), который был занят лишь гарнизоном греческого завоевателя.

Городища Эрк-кала и Султан-дешт по существу уже входят в группу городов и селений местной ранней античности, открывающих новую страницу градостроительной и архитектурной культуры Южного Туркменистана.

О существовании в Средней Азии таких городов ко времени походов Александра Македонского говорят не только памятники археологические, но и письменные источники. Арриан (Анабасис Александра, IV, 2) характеризует города Согда как селения, обнесенные земляными валами, сравнительно высокими, осада которых, однако, требовала применения штурмовых лестниц. Чрезвычайно важно подчеркнуть, вопреки утверждению буржуазных историков, будто бы Александр во время походов в Среднюю Азию застал там лишь жалкие становища варваров, что в действительности здесь уже были города, большие и малые, города в подлинном смысле этого слова, осада которых требовала от опытного македонского войска значительных усилий. Не греки основанием нескольких «Александрий» положили здесь начало градостроительству; создание подлинных городов было уже ранее начато теми народами, которые издревле населяли обширные территории Средней Азии. Неверно утверждение о среднеазиатских городах VI—IV вв. до н. э. лишь как о «становищах родо-племенных групп»[1]. Даже сами греки применяли в отношении к ним термин «полис».

Города периода сложения в Южном Туркменистане рабовладельческих отношений уже существенно отличаются от селищ эпохи родового строя. Новая эпоха выдвигает новые градостроительные и архитектурные решения.

---

[1] В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 8.

Глава вторая

ПАРФЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

К середине I тысячелетия до н. э. в Южном Туркменистане окончательно утверждается рабовладельческий строй. Парфия и Маргиана фигурируют в Бехистунской надписи Дария, причем Парфия названа в числе податных областей — сатрапий Ахеменидской державы, а эпизоды жестокой борьбы, протекавшей в Маргиане в VI в. до н. э., непосредственно связаны с закреплением Дарием основ рабовладельческого государства Ахеменидов[1]. В истории этих областей IV—III столетия до н. э. отмечены большими политическими потрясениями: крушением Ахеменидского царства, походами Александра Македонского, кратковременным величием и быстрым распадом его империи. В состав образовавшейся на ее обломках Селевкидской державы почти на полстолетия вошли и Парфия и Маргиана. Однако уже к середине III в. до н. э. происходит отделение Парфии от Селевкидов; во главе движения за политическую независимость становятся братья Аршак и Тиридат, опиравшиеся на местные племена и родо-племенные объединения.

Вновь созданное Парфянское царство в первоначальных своих контурах размещалось в пределах коренных парфянских земель, т. е. именно в областях Южного Туркменистана. Лишь со II в. до н. э. при Митридате I и особенно при Митридате II Великом, проводивших политику внешней военной экспансии, границы Парфии как государства простираются до Месопотамии и Армении на западе, до Андхоя и Сеистана — на юго-востоке, до Хорезма — на севере. Выросла огромная Парфянская держава, которая в течение нескольких столетий являлась грозным соперником двух не менее могущественных соседей: Римской империи и Кушанского царства. С середины III в. до н. э. по 226 г. н. э. Парфия существует как государство рабовладельческого типа, основанное на значительно более высокой социальной системе, чем рухнувшая восточно-деспотическая держава Ахеменидов. За время своего почти полутысячелетнего

[1] В. В. Струве. Указ. соч.— «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, стр. 9 и сл

существования Парфянское государство проходит через последовательные ступени развития рабовладельческой формации; окончательный крах последней происходит уже в системе нового государственного организма — Сасанидской империи.

Парфянская эпоха открывает новую страницу истории местной культуры. Но не внешними заимствованиями, не влиянием греческого гения определялись коренные ее достижения. Они порождены были новым этапом общественного развития, который обусловил и основные качества новых историко-культурных явлений.

Представители греко-римского мира передали потомству самые нелестные характеристики о народе, который для них был прежде всего непримиримым политическим врагом. Парфян именуют «варварами», и «варварской» именуется созданная ими культура. У Лукиана мы читаем: «Не заботило Аршакидов прекрасное и, выставляя что-либо на показ, думали они не о наслаждении зрителей, не об их одобрении, а лишь о том, чтобы поразить взоры; ибо варвары — друзья не красоты, а одного лишь богатства»[1].

Некритическое отношение к античным первоисточникам породило ту предвзятую оценку парфянской культуры, которая прочно утвердилась в буржуазной науке. Суть этой оценки сводится к характеристике парфянской культуры как явления эклектического, как варваризации греческого элемента на «восточной» почве, как отказ от достижений предшествующей (ахеменидской) поры, самобытные качества которой якобы были вновь возрождены лишь «национальной» политикой Сасанидов, отвергнувших творческую подражательность времени Аршакидов.

Вынести беспристрастное суждение о парфянской культуре надлежало историкам материальной культуры на основе изучения самих вещественных памятников данной эпохи. Однако предвзятость буржуазной концепции способствовала тому, что выявленные раскопками произведения парфянской архитектуры, скульптуры, живописи, прикладных искусств расценивались зарубежными учеными не в аспекте их объективных качеств, но в меру близости их к искусству греко-римского круга. А так как памятники эти не только не давали тождественных последнему образцов, но при наличии черт отдаленной общности несли в себе совершенно особые стилевые качества, «отход» от норм средиземноморской античности трактовался как искажение ее высоких принципов, как эклектизм, как варваризация. Кроме того, необходимо учесть, что основные объекты исследований были сосредоточены по преимуществу в Месопотамии, которая, располагаясь на границе римских владений, нередко переходила от Парфии к Риму и обратно. Таким образом, даже безусловные достижения парфянской культуры в месопотамских городах и поселениях вменялись исследователями в заслугу лишь мастерам или неместного происхождения, или, по крайней мере, воспитанным на эллинистически-римских традициях.

Нетрудно понять причины устойчивости отрицательных оценок буржуазной наукой парфянского этапа истории культуры. Противопоставление «косного» Востока «творчески активному» Западу, утверждение о недосягаемости достижений греческого гения для народов «варварской периферии» таят в себе отражение той концепции о «неполноценности» восточных народов, которая издавна усиленно пропагандировалась

---

[1] Лукиан. О доме, § 5.

в лагере европейской и американской буржуазии и получила свое предельно циничное выражение в делах и взглядах немецкого фашизма и современного американского империализма.

Предвзято пренебрежительное отношение к парфянскому культурному наследию нашло свое отражение, в частности, в том, что еще в XIX в., в пору широкого повсеместного проведения археологических работ на Ближнем Востоке, ни одни раскопки не имели специальной целью изучение каких-либо парфянских городищ. Разрушение парфянских культурных слоев В. Лофтусом при раскопках в Варка (1849—1852 гг.) было связано с поисками древнемесопотамского Урука [1], равно как лишь остатки культуры древнего Двуречья интересовали Ж. Петерса при раскопках Ниппура (1888—1890 гг.)[2]. Наблюдения Э. Фландена и П. Коста (1840—1841 гг.) [3] и позднее М. Дьелафуа [4] над немногочисленными наземными руинами парфянских зданий носили попутный и случайный характер в общем цикле осуществленных ими в Иране больших разведочных работ. Но и в XX в. археологические раскопки В. Андре в Ашуре [5] и Колдвея в Вавилоне [6] сопровождались беспощадным разрушением верхних парфянских слоев, перекрывавших города времени ассирийского и вавилонского владычества; графической фиксации подвергались лишь наиболее крупные архитектурные сооружения, описание которых отличается крайне общим и поверхностным характером.

Между тем число выявленных археологами памятников парфянской культуры все возрастало, и, наконец, некоторые города и отдельные постройки Парфии стали объектами специального изучения. В числе их — Хатра (работы В. Андре) [7], Дура-Европос (Дж. Брестэд, Фр. Кюмон, М. Ростовцев)[8], Селевкия на Тигре (Н. Дибвойз), Кухи-ходжа в Сеистане (А. Карр, А. Стейн, Э. Херцфельд) [9], Тахти-Сулейман (Д. Н. Вильбер) [10]. Развернутая сводка материала о парфянской архитектуре была

---

[1] W. K. Loftus. Travels and Researches in Chaldea and Susiana New York, 1851, стр. 203—215.

[2] J. P. Peters. Nippur or Explorations and Adventures on the Euphrates. New York—London, 1898.

[3] E. Flandin et P. Coste. Voyage en Perse pendant les années 1840—1841. Paris, 1851.

[4] M. Dieulafoy. L'art antique de la Perse, vol. V. Monuments Parthes et Sassanides. Paris, 1885.

[5] См. отчеты W. Andraeb «Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft», 1903—1908.

[6] R. Koldeway. The Excavations at Babylon. London, 1914; его же. Das Wiedererstehende Babylon. London, 1925.

[7] W. Andrae. Hatra, t. I—II. Leipzig, 1908—1912.

[8] Литература по Дура-Европос очень обширна. См. сводные публикации: Fr. Cumont. Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). Paris, 1926; «The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and French Academy of. Inscriptions and Letters». New Haven — London, 1929—1945; M. I. Rostovtzeff. Dura and the Problem of Parthian Art. New Haven, 1935; его же. Dura-Europos and its Art. Oxford, 1938.

[9] H. Carre. Une ville morte de la Perse orientale.—«L'Illustration». 1908, XXVIII; A. Stein. Third Expedition in Central Asia. — «The Geographical Journal», 1916, XLVII, N 5; E. Herzfeld. Sakastan: Geschichtliche Untersuchungen in Kuh-i-Kwadja.— «Archäologische Mitteilungen aus Iran», IV, Berlin, 1932.

[10] D. N. Wilber. The Parthian Structures at Takht-i-Sulayman.—«Antiquity», 1938, vol. XII, N 48.

выполнена в 1930-х годах О. Ройтером[1]. Мы еще вернемся к вопросу о качественных характеристиках парфянской культуры, выдвинутых указанными авторами. Здесь подчеркнем лишь следующее: все изучавшиеся объекты, кроме Кухи-ходжа, находятся в Месопотамии и специфичны для более или менее эллинизированной или романизированной парфянской культуры Передней Азии. Но какова была культура, созданная самими парфянами в коренных парфянских землях — Парфиене, Апавархтикене, Дахистане, Маргиане[2], *не только территориально удаленных от непосредственных* греко-римских воздействий, но и иных по этническому составу населявших эти области народов?

Решить вопрос об исконно-парфянской культуре могли лишь исследования памятников, сохранившихся в этих областях. Неполноценность суждений, основанных на анализе переднеазиатского материала, вполне отчетливо вставала даже перед немногочисленной объективно настроенной группой зарубежных ученых; «парфянская» глава «Обзора иранского искусства» завершается фразой: «Время, когда подлинно-парфянский стиль был принесен с Востока на Запад, будучи в своих основных началах связан с еще не известным греко-бактрийским зодчеством,— это проблема, которая еще ждет своего разрешения; может быть, результаты раскопок Нисы близ Ашхабада прольют на это некоторый свет»[3].

Решение этой важной проблемы выпало на долю советской науки. Уже в 1930—1936 гг. разведочные работы А. А. Марущенко на городищах Нисы установили наличие здесь мощных культурных толщ парфянского времени и выявили остатки своеобразного археологического инвентаря. Однако немногочисленные публикации, отражающие результаты этих раскопок, содержали лишь беглые описания некоторых из частично вскрытых помещений, фрагментов архитектурного декора и статуй; все это весьма неопределенно характеризовалось как создание «раннепарфянского искусства», напоминающего «эллинистические образцы»[4]. Кроме подобных общих определений и очень интригующих, но ни чем не подкрепленных заявлений о культурных связях с искусством Греко-Бактрии и сарматских кочевников Казахстана, Кубани и Причерноморья, в них ничего не содержится[5]. Некоторые прошедшие «через третьи руки» данные об архитектуре Нисы были опубликованы в сводном труде «A Survey of Persian Art»[6]. Отдельные выдержки и данные из неопубликованного отчета археолога

---

[1] O. Reuther. Parthian Architecture.—SPA, I.

[2] Земли Парфиены, примерно соответствуют современной Ашхабадской области, Маргианы— Марыйской, Апавархтикены — Каахкинскому району, Дахистана — Мешхеди-Мисрианскому плато. Наименования эти фигурируют в трудах античных авторов: Страбона, Плиния, Исидора Харакского, Птоломея и др. Об отожествлении их см. статьи М. Е. Массона в «Трудах ЮТАКЭ», т. I и II.

[3] SPA, I, стр. 444.

[4] Библиография публикации в газетно-журнальной прессе данных о раскопочных работах 1930-х годов на Нисе приведена в статье: Н. А. Винберг. Указатель литературы по истории и археологии Парфии.— «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, стр. 195—197.

[5] Например, статьи: А. А. Марущенко. Предварительные итоги работ по раскопкам Старой Нисы.— В кн.: «Предварительные итоги экспедиционных работ в Туркменской ССР за 1934 г.». М., 1935, стр. 149—151; А. С. Стрелков. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии.— «Советская археология», II, 1937, стр. 209—210; Б. В. Веймарн и Б. П. Денике. Итоги иранского конгресса. «Искусство», 1936, № 1 и др.

[6] SPA, I, стр. 444.

А. А. Марущенко, производившего работы на Нисе, получили частичное отражение в публикациях недавнего времени[1]. Попытка анализа двух орнаментированных терракотовых плит из Старой Нисы была осуществлена С. А. Вязигиным[2].

Большие раскопки ЮТАКЭ в 1946—1954 гг. на обширных площадях Старой и Новой Нисы привели к открытию замечательных памятников парфянской материальной и художественной культуры, созданных как в пору сложения парфянского государства, так и в период его расцвета[3]. Вместе с тем в результате работ маршрутных отрядов экспедиции на территории Южного Туркменистана обнаружены десятки обширных городов и посел ний парфянской эпохи. Углубленное изучение их при помощи даль ейших раскопок позволяет надеяться на новые открытия в области парфянской истории и парфянской культуры. Обнаруженные экспедицией археологические памятники парфянского времени уже сейчас намного превосходят в количественном отношении число их, установленное буржуазными учеными на Ближнем Востоке. В качественном же отношении произведения парфянской культуры из коренных парфянских земель свидетельствуют о высокоразвитом художественном творчестве местных племен и народностей, возникшем в недрах общества, вступившего в пору развитых рабовладельческих отношений. Об этом красноречиво говорят памятники парфянского зодчества северо-восточных областей Парфянской державы.

ГОРОДА, ПОСЕЛЕНИЯ, КРЕПОСТИ, СТАНЫ

Изучение парфянских городищ показывает, что они в большинстве возникали не на местах былых архаических селений, но рядом с ними или поодаль. Возникновение и развитие некоторых из них относятся к середине I тысячелетия до н. э., другие возникали позднее.

Македонско-селевкидский этап в истории Южного Туркменистана не внес каких-либо принципиальных новшеств или изменений в общую линию историко-культурного развития. Положительное объективно-историческое значение этого этапа состояло во включении областей Южного Туркменистана в сферу обширных международных связей, что в свою очередь форсировало процесс развития рабовладельческой системы.

---

[1] Например: И. Н. Бороздин. К изучению древней истории Туркмении.— ВДИ, 1946, № 4, стр. 161—163; Г. П. Горшков. Землетрясения Туркмении. — «Труды Сейсмологического института», № 122, М.— Л., 1947, стр. 3—5.

[2] С. А. Вязигин. Материалы к характеристике парфянского искусства.— «Изв. Туркм. ФАН СССР», 1945, № 5—6, стр. 36—40.

[3] Полученные ЮТАКЭ данные по истории парфянской архитектуры Южного Туркменистана нашли пока лишь частичное отражение в печати; см.: «Труды ЮТАКЭ», т. I. Ашхабад, 1949; т. II, Ашхабад, 1951; М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии. — ВДИ, 1950, № 3; его же. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1951, № 1; его же. Новые данные по древней истории Мерва (из работ ЮТАКЭ).— ВДИ, 1951, № 4; его же. Новые археологические данные к истории Парфии.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1952, № 5; Г. А. Пугаченкова. Архитектура среднеазиатской античности.— ВДИ, 1951, № 4; ее же. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1952, № 2; ее же. Парфянские крепости Южного Туркменистана.— ВДИ, 1952, № 2; ее же. Храм и некрополь в парфянской Нисе.— ВДИ, 1953, № 3.

И Александр и Селевкиды пытались установить контакт с местной аристократической верхушкой. Однако Александр Македонский стремился лишь к завоеванию чужих земель и продвижению в глубь Азии и не предпринимал каких-либо значительных общественно-культурных мероприятий в захваченных им областях. Историки упоминают об основании им в оазисе Маргианы единственной Александрии, где оставлен был охранный гарнизон; к востоку от нее было основано два небольших сторожевых пункта, к югу — четыре. Расстояние между пунктами позволяло им сообщаться сигналами между собой и с центральным пунктом и оказывать друг другу помощь в случае необходимости [1]. Почти тотчас же после смерти Александра эта Александрия была покинута греками; их кратковременная «полицейская» служба в Маргиане не могла таким сбразом хоть сколько-нибудь сказаться на культурной жизни Мервского оазиса.

Планировочные принципы этих македонских поселений в Средней Азии были всецело связаны с приемами регулярной разбивки военного лагеря. По поводу основания так называемой Александрии Эсхата (Крайней) на Сыр-Дарье источники прямо сообщают, что Александр попросту распорядился окружить пространство, занятое лагерем македонцев, стеной, причем «постройка была закончена так быстро, что уже на 17-й день после закладки укреплений закончили выведение крыш». Даже при наличии большого количества рабочей силы (из числа пленных и из самих солдат) при подобных темпах едва ли возможно было осуществление каких-либо значительных строительных мероприятий.

Археологические наблюдения дают основание считать, что для Александрии Маргианской было использовано уже существовавшее в VI—IV вв. до н. э. местное поселение — упомянутое выше городище Эрк-кала старого Мерва. «Основание» Александрии, видимо, исчерпывалось изгнанием жителей, возвышением оборонительных валов и сооружением внутри города общественных зданий — храма и алтаря, дома военачальника и др.; в качестве казарм могли использоваться уже существовавшие здесь постройки местного населения. Согласно историческим данным, по уходе македонцев из Маргианы жители разрушили эту Александрию. Слова эти не следует понимать буквально; действия маргианцев, очевидно, ограничивались разрушением построек, напоминавших им о незваных пришельцах.

Деяния Селевкидов, в отношении к окраинным восточным областям государства подражавших политике Александра, исчерпывались подобным же основанием в Средней Азии нескольких Селевкий и Антиохий, где размещались гарнизоны, чиновно-податной аппарат и устанавливались перевалочные пункты для торговых караванов. К числу таких мероприятий историки относят «восстановление» Александрии Маргианской уже на новом месте под новым именем — Селевкии или Антиохии Маргианской — и окружение оазиса большой районной стеной протяжением до 250 км [2]. Осуществление подобных крупных работ свидетельствует о далеко зашедшем процессе развития рабовладения. Что касается технических принципов этого строительства, то они целиком были связаны с местной традицией и ничем не обязаны греческой строительной культуре. Так, например, стена Антиоха Сотера вокруг оазиса Маргианы сложена была

---

[1] Квинт Курций Руф. О деяниях Александра Македонского, VII, 10, 15.
[2] Страбон. География, XI, 10.

из рядов битой глины — пахсы[1] способом, который искони практиковался в Средней Азии при возведении ограждающих валов.

Наиболее значительные градостроительные работы в Южном Туркменистане падают на эпоху Парфянского царства. Осуществляя политику насильственного захвата соседних земель и их ограбления, Аршакиды вместе с тем поддерживали мероприятия, связанные с возвышением благосостояния своих коренных областей.

На территории Южного Туркменистана уже зарегистрированы десятки парфянских городищ — больших и малых. Для их классификации можно частично использовать античные первоисточники; характеристику же их облегчают данные археолого-топографических наблюдений.

В дорожнике Исидора Харакского (I в. н. э.) «Парфянские стоянки» употребленный им термин «стоянки» (σταθμοι) обозначает, по-видимому, пункты возможного постоя для караванов, пересекающих страну. Внутри перечня он выделяет «города» (πολῖς) и «деревни» (κώμη). В пределах Южного Туркменистана им названы города Парфиены — Парфавниса, Гатар, Сирок; по данным историко-топографических изысканий советских археологов, они отожествляются с теперешними городищами — Ниса, Анау, Койне-кала у Гяурса[2]. В Апавархтикене упомянуты город Апавархтика, город Рагау (точное местоположение их пока не выяснено) и две безымянные деревни (остатки одной найдены близ железнодорожной станции Коушут). В Маргиане названа Антиохия Маргианская (Гяур-кала, городище старого Мерва). Данные Клавдия Птоломея значительно расширяют перечень маргианских городов, однако указания местоположения их весьма приблизительны, а в число названных им пунктов ошибочно включены некоторые города Парфиены (в том числе Ниса). Среди городов Маргианы им названы Ариака, Сена (Сина), Арата, Аргадина (Арадене), Иасоний, Рея (Рия), Антиохия Маргианская, Гуриана, Нигея (Нисея)[3]. Судя по указанным координатам, некоторые лежащие к северу от Мерва Антиохии пункты могут быть отожествлены с обследованными ЮТАКЭ в 1950—1952 гг. крупными парфянскими городищами: Иасоний — с Чичанлык-тепе, Арата — с Акча-тепе, Сена — с Дурнали, Ариака — с Кишман-тепе. Разумеется, перечень, приводимый античными писателями, не исчерпывает всего числа значительных населенных пунктов, существовавших в парфянскую эпоху, не говоря уже о малых. Эти перечни основаны, по-видимому, на устных данных, полученных от купцов, отваживавшихся пересекать просторы воинственной страны, ревниво оберегавшей свои торговые монополии, или от парфян, проживавших вне родины. Они отражают лишь основные известные в римской среде места стоянок караванов или войск на одном из великих путей, тянувшихся от Средиземного моря в глубь Азии.

Составить суждение о типе парфянских поселений, в которых слагаются опреде-

---

[1] С. А. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 266—267.

[2] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 27—28.

[3] С. А. Вязигин. Сведения Клавдия Птоломея по географии Туркменистана.— «Изв. Туркм. ФАН СССР», 1946, № 1, стр. 8—9; ср. также Птоломееву карту Азии в кн.: P. Sykes. A History of Afghanistan. London, 1940, стр. 90—91.

ленные принципы градостроительного искусства, можно на основании изучения сохранившихся археологических остатков их.

Центральное ядро («аркс» в терминологии античных авторов) ранних рабовладельческих городов Южного Туркменистана как бы развивает планировочный принцип, уже наметившийся в позднеархаическом поселении Элькен-тепе и оформившийся в раннеантичном городке Султан-дешт. В них сохраняется центрическая конфигурация, близкая к фигуре круга, овала или многогранника. Таковы ядро древнего Мерва (Эрк-кала), город Гатар (крепость Анау), город Сирок (Койне-кала у Гяурса), безымянный парфянский городок — холм Гек-тепе близ стекольного завода г. Ашхабада и др. Ограждением их являются уже не массивы концентрически расположенной жилой застройки, а специальные крепостные стены. Материалом последних до III в. до н. э. служила преимущественно пахса (глинобитная кладка рядами), позднее — пахса в комбинации с сырцовым кирпичом или один сырец.

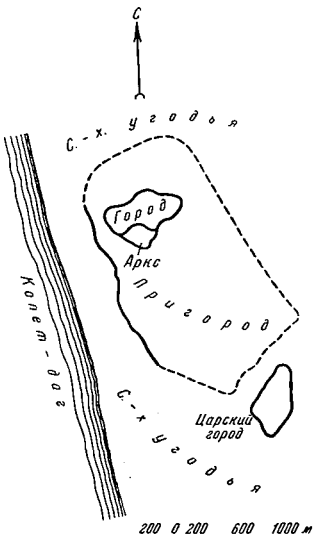
Арксы городов, возникших уже в парфянскую эпоху, получают правильное оформление в виде квадрата или прямоугольника, обведенного стенами с башнями; таковы Акча-тепе, Чичанлык-тепе, Елиминг-тепе, Дэв-кала, Гёбеклы, Кишман-тепе (все — к северо-западу от Байрам-Али) в Маргиане, городище Денгиль-тепе в Парфиене (близ современной ж.-д. станции Геок-тепе). В Эрк-кале Мерва в центре аркса размещался приподнятый на платформе комплекс культовых и административных зданий; вокруг них располагались жилые постройки. Внутрь этого крепостного ядра античного Мерва вели единственные ворота, подъем к которым осуществлялся по довольно крутому пандусу. Центральный холм возвышается и в середине арксов городищ Акча-тепе и Гёбеклы; на городищах Дэв-кала и Денгиль-тепе главный комплекс сооружений крепости сосредоточен в юго-западном углу аркса и имеет форму квадрата.

С ростом рабовладельческого города жизнь его перестает укладываться в рамки первоначального крепостного ядра. Последнее присбретает значение цитадели, где сохраняется дом правителя и арсенал, в то время как основной пульс городской жизни бьется вовне. Город нередко обводится стеной, иногда неправильной конфигурации, видимо связанной как с естественными условиями рельефа, так и со стихийностью жилой застройки; таков план Нисы (городище Новая Ниса). Однако Мерв (Гяуркала), Акча-тепе, Чичанлык-тепе, Дэв-кала, Денгиль-тепе и др. имеют упорядоченный прямоугольный контур ограждающих стен.

Вместе с тем большинство крупных парфянских поселений Маргианы остается без этих ограждений, хотя и имеет хорошо укрепленный аркс. Таковы городища Чичанлык-тепе, Гёбеклы, Елиминг-тепе, Акча-тепе, Дурнали и др. Археологические наблюдения показывают, что размеры упомянутых парфянских городов были очень значительны и составляли по занимаемой площади от 100 до 300 га при довольно плотной застройке.

Не в арксе, но именно на территории собственно-города сосредоточивается торгово-ремесленная и вся общественная жизнь рабовладельческого полиса; социальное расслоение в них четко обозначено благодаря выделению ремесленных кварталов, базаров, домов знати, тесноте в жилой застройке рядовых свободных граждан, наличию культовых ансамблей, при которых, вероятно, размещались храмовые хозяйства, и т. д.

Специфическую особенность античных городов Южного Туркменистана составляла тесная взаимосвязь их с сельскохозяйственной округой. Вокруг города простирался обширный пригород, где размещались усадьбы и угодья городского общинного пользования, храмовые хозяйства, частные владения; в усадьбах этих возделывались различные садовые культуры, особенно виноград. В крупных городах — Мерве, Нисе, Сироке, Кишман-тепе (возможно, парфянская Ариака) — пригород этот был обведен особой стеной городской округи.

Парфавниса. План.

Итак, планировочную структуру крупного парфянского города определяет наличие трех элементов: аркса, выполнявшего военно-административные функции, собственно-города, где протекала основная общественная жизнь, и полусельского пригорода. Иногда два последних элемента не были четко разделены и сливались воедино. Более детальная характеристика парфянских городов Южного Туркменистана может быть дана на конкретных примерах.

Среди городов Парфиены в первую очередь должна быть названа Ниса[1]. Расположенные на землях селения Багир развалины городищ Койне-Нусой (Старая Ниса) и Тязе-Нусой (Новая Ниса) уже в прошлом столетии получили в трудах русских исследователей отожествление с главным городом области Парфиены — Парфавнисой, упоминаемой Исидором Харакским, что было подтверждено археологическими работами советского времени.

Археологические исследования показали, что парфянская Ниса заключала аркс, собственно город (ныне городище Новая Ниса), обширный пригород полусельского типа и вне его — царский заповедник (городище Старая Ниса). Пространство пригорода опоясывал мощный (около 3 м в основании) глинобитный вал — стена округи; Старая Ниса оставалась хотя и вблизи, но вне этого вала, представляя собой самостоятельную мощную крепость.

Античный город Новая Ниса возник, как показала стратиграфия слоев, на месте уже существовавшего ранее поселения II—I тысячелетия до н. э. По-видимому, это в известной мере определило его изломанную конфигурацию, унаследованную от стихийно слагавшегося поселения архаического типа. В парфянскую эпоху Новую Нису обвели по старому периметру мощной крепостной стеной, фланкированной часто

[1] См. о Нисе в «Трудах ЮТАКЭ», тт. I и II (статьи М. Е. Массона, М. И. Вязьмитиной, Е. А. Давидович, С. А. Ершова, Г. А. Пугаченковой); см. также: Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1952, № 1, стр. 16 и сл.; е е ж е. Парфянские крепости Южного Турменистана.— ВДИ, 1952, № 2, стр. 217 и сл.

Новая Ниса. Часть крепостных стен.

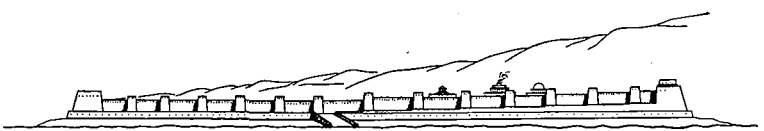
расположенными прямоугольными башнями. Материалом стен служил сырцовый кирпич квадратной формы (39—42 см в стороне на 10—14 см толщины). В нижних участках использовались комбинации сырцовых кладок и пахсы. Стена эта в значительной своей части функционировала в средние века вплоть до XVIII столетия, подвергаясь на протяжении веков неоднократным ремонтам, обкладкам и переделкам, но неизменно сохраняя старую парфянскую основу. Особо был укреплен юго-западный участок города, возвышенный на естественном геологическом останце; в парфянскую эпоху он играл роль акрополя, в средние века — кухендиза.

Пространство крепости и города в пределах стен было, по-видимому, чрезвычайно густо застроено и обжито; повсюду в местах обнажений слоев парфянской эпохи отмечаются руины стен из характерного крупного парфянского кирпича-сырца и фрагменты бытовой керамической утвари. Раскопками ЮТАКЭ обнаружены в крепости остатки больших зернохранилищ (вероятно, провиантских складов, устроенных здесь на случай осады), а также местоположение какого-то административного учреждения или канцелярии, где были найдены остатки разрозненного уже в древности архива хозяйственных документов, писанных тушью на черепках.

Судить о характере внутригородской планировки пока не представляется возможным. Однако социальное расслоение городского организма вполне ощутимо. Кварталы городской знати располагались отдельно от мест обитания среднего сословия и бедноты. Жилища богачей находились в пределах цитадели — здесь обнаружены остатки жилых сооружений с обильным изысканным керамическим материалом, службы и склады с многочисленными хумами для зерна и вин. Аристократические кварталы располагались также и вне цитадели, к северо-востоку от современной аллеи, идущей от былых крепостных ворот к ныне действующему колодцу. В северо-восточной части города близ стены располагался некрополь парфянской знати. В юго-западной части размещались постройки средних и низших городских слоев. Раскопками ЮТАКЭ 1949 г. здесь было начато вскрытие остатков рядового парфянского жилого дома. Материалом его стен служил не тот сырцовый парфянский кирпич, который известен по сооружениям царского заповедника Старой Нисы или руинам домов в цитадели Новой Нисы и некрополе парфянской знати, но пахса. По-видимому, сырец как более

трудоемкий в изготовлении материал шел на строительство жилищ имущих классов, в то время как широкие слои городского населения использовали более дешевый и простой материал — сырцовые блоки-пахсу. Полы были глинобитными, покрытыми плетеными из камыша циновками «буйра»; перекрытия балочные и сводчатые.

При обследовании территории пригорода парфянской Нисы, ныне занятой садами, огородами и постройками селения Багир, были встречены в разных местах типичные парфянские торовидные каменные базы колонн не сохранившихся построек, кирпич и фрагменты керамики парфянского времени, но далеко не в том обилии, какое отмечено на городище НоваяНиса. Несомненно, что жизнь имела здесь рассредоточенный характер; это были более или менее значительные усадьбы, владельцы которых, используя рабский труд, возделывали участки под садово-огородные культуры, в частности виноград.

Старая Ниса. Северо-западный фасад. Реконструкция.

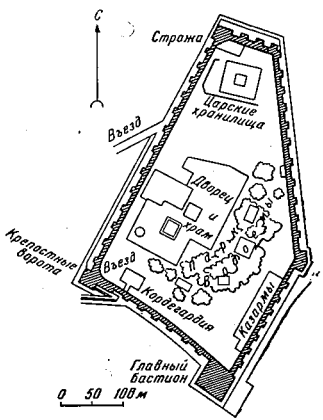
Крепость Старая Ниса представляла собой комплекс особого рода. Это было заповедное место обитания самих царей или членов Аршакидской династии. Его изоляция от внешнего мира высокими крепостными стенами была продиктована не только соображениями обороны от внешних врагов. Не случайно этот заповедник («курук» в среднеазиатской терминологии) стоит вне пределов античного города: его обитатели, видимо, имели основание иногда опасаться собственных сограждан — измены вельмож или восстания рабов и бедноты. Подобная предосторожность была нелишней, если вспомнить ту усобицу, которая царила внутри членов династии даже в пору наивысшего могущества Парфянского государства.

Обследование и раскопки показали, что в крепости Старая Ниса находились царские дворцы, места пребывания гвардии и вельмож, культовые постройки и хозяйственные строения. При создании се был использован значительный геологический останец, вытянутый с севера на юг и возвышавшийся над окружающей поверхностью; его естественный контур слегка геометризовали, придав ему форму неправильного пятиугольника. Местами (преимущественно у южного и восточного фасов) была осуществлена подсыпка земли и выкладка подпорных стенок из пахсы и сырцового кирпича. Образованная таким образом платформа высотой до 5—7 м послужила основанием для крепостных стен[1]. Естественное повышение холма обусловило разницу уровней оснований вне крепостных стен Старой Нисы и внутри них.

[1] Принцип нивелировки холма под крепостную платформу был распространен в парфянскую эпоху. Так, по сообщению Моисея Хоренского, один из членов армянской ветви Аршакидов, Ерванд, перенес царский двор из Армавира в новое место, использовав скалистый холм, который приказал обвести стенами (см. Моисей Хоренский. История Армении. Пер. А. О. Эмина. М., 1893, стр. 90—91).

Материалом конструкции крепостных стен служат пахса и сырцовый кирпич. Обычно пахса изготовлена из хорошо обработанной глины; иногда в нее подмешивалась галька. Нередко пахса имела комковатую структуру с большими включениями кусков сырцовых кладок; видимо, это результат вторичного использования материала, на изготовление которого брались остатки разрушенных стен. Участки кладок из пахсы такого рода, несомненно, являются показателями каких-то ремонтов, пристроек и перестроек более позднего времени по сравнению с начальной датой строительства крепостных сооружений Старой Нисы, но в пределах той же парфянской эпохи.

Основная кладка выполнена из пахсы; с наружной стороны пахса чередуется с обкладками из сырца. Кирпич квадратной формы, размеры его колеблются от 39 до 42 см в стороне при толщине 10—14 см. В глину сырца примешивался в небольших количествах саман, а иногда добавлялся шамот (галька или битая керамика). Вес подобного сырцового кирпича достигал 10—15 кг. Перевязка швов осуществлена только по вертикали. Кладка велась на глиняном растворе, который наливался на горизонтальные постели рядов. Так как при этом раствор затекал лишь частично в вертикальные швы, последние четко выделялись на плоскости стен. Этот рациональный строительный прием определял собой характерное для восточно-парфянского строительства «фактурное» выявление стенной конструкции. Так как откос стен составлял около 75°, то каждый последующий ряд кладки как бы слегка отступал от предыдущего. Эта ступенчатость кладки иногда нивелировалась штукатуркой, следы которой сохранились местами в верхней части стен и башен. Кое-где в кладке стен прослеживаются гнезда давно истлевших деревянных связей.

СтараяНиса. План.

Несмотря на чрезвычайную разрушенность крепостных сооружений Старой Нисы, в настоящее время есть достаточно данных для того, чтобы реконструировать в общих чертах их первоначальный облик.

Пятиугольник крепости опоясывают стены, толщина которых достигает у основания 8—9 м, а вверху — 3—3,5 м. Стены фланкируют 43 башни прямоугольной формы, расположенные в среднем на расстоянии 25—30 м друг от друга. Ширина обычных башен — 4—4,5 м; они выступают из плоскости стены метра на три. Углы крепости закреплены башнями, значительно более развитыми.

Короткий северный отрезок крепости заключает четыре мощных, близко расположенных по отношению друг к другу башни шириной до 13 м, куртины между которыми имеют пролет около 17 м. Крайняя северо-западная башня, смыкаясь под острым углом со смежной башней восточной стены, образует фигуру «ласточкина

хвоста». Подобная конструкция, характерная еще для архаических крепостей Древнего Востока, отмечена в архитектуре античных городищ Хорезма (Кургашин-кала, Аяз-кала № 1, Базар-кала)[1].

Угол смыкания восточной и юго-восточной стен Старой Нисы закреплен мощной башней (частично раскапывавшейся при работах ЮТАКЭ 1946 г.). Она образует тупой угол, имеет до 20 м в стороне и заключает вверху остатки какого-то помещения размером 3,5×6 м.

Особенно внушительное впечатление оставляет «башня-великан» в южном углу крепости. Это могучий бастион почти квадратной формы (размеры его поверху около 35 м в стороне). Провалы в микрорельефе позволяют угадывать, что он заключал в себе не одно помещение, но может быть целый комплекс их. Несомненно, что этот бастион и башня юго-восточного угла составляли главные узлы обороны против врага, наступавшего от предгорий на востоке (с запада эту функцию выполняла крепость античного города — НоваяНиса). Возможно, что южный бастион заключал в себе арсенал и вообще служил главным пунктом наблюдения и обороны. Прилежащий к нему микрорельеф внутри крепостной стены ясно указывает на наличие в этом участке какой-то длинной постройки; может быть, это были казармы гвардии, неотлучно находившейся при царском заповеднике.

Западную стену, наиболее длинную, обращенную в сторону города, оформляют небольшие башни, и только угол соединения ее с юго-западным фасом (имеющим очертание слегка вогнутой дуги) фланкирует мощное сооружение с очень крутым откосом стен. Так как крепость Старая Ниса существовала и функционировала с начала и до конца парфянской эпохи, т. е. около пяти столетий, совершенно несомненно, что не все в ней оставалось неизменным. В своем бытие она знала периоды каких-то перестроек и даже перемены функций различных своих частей. В частности, это коснулось и ее крепостных ворот.

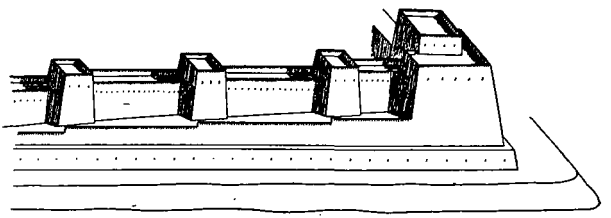
Ворота — всегда самое уязвимое место крепости. По правилам древней фортификации ворота, откуда грозил массовый прорыв неприятеля, должны были быть одни. В настоящее время на Старой Нисе еще прослеживаются остатки пандусов, ведущих вдоль стен наверх. Среди них особенно значителен и четко различим пандус у длинного северо-западного фаса. Он начинается примерно у середины стены, сначала почти перпендикулярно к ней со стороны города. Боковые кручи пандуса здесь были укреплены крупным булыжником и галькой, которыми до настоящего времени покрыты некоторые площади, ясно намечая его былое направление. На высоте 3,5—4 м от уровня земли пандус поворачивает и тянется вдоль стены вплоть до западного угла. Здесь он как бы упирается в очень большую угловую юго-западную башню, сильно выдвинутую относительно плоскости стены, и исчезает. Несомненно, что именно здесь располагались мощные крепостные ворота, которые, вероятно, имели внутри сложный лабиринт переходов, крайне затруднявших продвижение врага в том случае, если бы он форсировал ворота. Такого рода лабиринты широко известны в древней крепостной архитектуре Средней Азии; таковы предвратные сооружения

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 102 и сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 120 и 157.

античных крепостей Хорезма (Джанбас-кала, Топрак-кала и др.)[1] или, например, крепость Урта-Курган под Шахрисябзом.

Что касается пандуса, то устройство его совершенно ясно указывает на соблюдение одного из правил древней фортификации — расположения подхода-ската вдоль стены[2]. При этом враг, осаждавший Старую Нису, находился на длинном (280 м) участке узкого (около 4 м) пути под усиленным обстрелом защитников крепости. Так как пандус поворачивает у стены на высоте около 3,5—4 м и идет отсюда на большом протяжении вдоль нее вверх, то неприятель не мог отступать иначе, как только по самому пандусу, так как прыжок вниз был связан с риском для жизни.

Старая Ниса. Часть стены и пандуса. Реконструкция.

Остатки небольшого и довольно крутого пандуса прослеживаются также на юго-западном участке, причем и он ведет наверх, в свою очередь упираясь в массив той же юго-западной башни-ворот. Возможно, что здесь располагался один из добавочных входов в крепость.

Другой значительный пандус располагался вдоль юго-восточного участка крепости и подводил к узкому промежутку между угловым бастионом и смежной башней. Он очень оплыл и с трудом читается в рельефе. Есть основание предполагать здесь местоположение первоначальных ворот крепости, которые впоследствии были закрыты и застроены, пандус был сравнен с откосом, а новые ворота устроены на западном углу, обращенном в сторону города, а не в направлении, откуда мог появиться внешний враг. Характерно, что в этом старом пандусе было соблюдено одно из древних правил фортификации: противник при подъеме вверх был обращен правой стороной к защитникам стены, что затрудняло воинам возможность прикрываться щитом. Правило это сформулировано, например, в трактате о военном деле «Айн-наме» сасанидского времени, многие пункты которого восходят, несомненно, к предшествующей эпохе[3].

Крепостная архитектура Старой Нисы обладает рядом архаических черт. Чрезмерно частое, неэкономное размещение башен, прямоугольная, а не округлая форма

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 90, 119 и сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 120 и сл.

[2] Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. Кн. I, гл. V, § 2. М., 1936.

[3] К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 46.

их, затрудняющая фланговый обстрел [1],— все это показатели известного несовершенства обороны. Защита подобной крепости требовала большого числа участников. Черты эти сближают Старую Нису с античными крепостями Хорезма кушанского времени (Аяз-кала № 1, Топрак-кала и др.).

Характерной, не отмечавшейся в других крепостях среднеазиатской античности, деталью крепостной архитектуры Старой Нисы является наличие на высоте 3—4,5 м неширокого отступа в виде платформы наружу. Устройство его, видимо, было продиктовано стремлением ограничить возможность действия на стены стенобитных орудий. У подошвы крепости последние могли долбить лишь ее мощную платформу; поднять их на высоту этого выступа было нелегко, а самый отступ не давал возможности свободно маневрировать неуклюжим осадным орудиям того времени и разрушать собственно стены.

Раскопки 1946 г. выявили в основании платформы в кирпичной кладке несколько узких щелей, перекрытых сводиками из пары наклонно поставленных кирпичей, придающих им стреловидный характер. По типу они живо напоминают те стреловидные бойницы, которые так типичны для парфянского зодчества [2]. Однако устройство бойниц заставляет предполагать наличие за ними каких-то внутристенных помещений, откуда мог бы осуществляться обстрел. Такого помещения во вскрытом в 1946 г. участке основания башни не обнаружено. В. А. Левина полагала, что это могли быть дренажные устройства, употреблявшиеся для осушки платформы [3]. Можно выдвинуть, однако, другое истолкование. В основании некоторых башен, видимо, располагались кое-где маленькие потайные каморки, в которых помещались парфянские стрелки, разившие неожиданной стрелой приближавшегося врага. В целях маскировки, с одной стороны, и, с другой,— для устрашения и создания иллюзии сплошной засады, щели-бойницы располагались по всему периметру крепости. Огромное число такого рода «психологических» ложных бойниц, среди которых располагалось некоторое количество подлинных, отмечено в позднепарфянских крепостях Дурнали и Чильбурдж в Мервском районе (см. стр. 48, 52).

Первоначальная высота башен и стен Старой Нисы устанавливается достаточно определенно. Для башен она реконструируется из расчета, что высота внутрибашенных помещений, уровень пола которых определен вскрытиями 1946 г. на башне № 1, составляла (считая с кровлей) 4—4,5 м. Крышу, на которой также располагались стрелки, должен был защищать извне высокий зубчатый парапет. Обстрел осуществлялся через промежутки между зубцами или же через бойницы в самих зубцах. Форма этих бойниц была, очевидно, аналогична описанным выше стреловидным щелям. Высота стен устанавливается из следующих соображений. Выход из верхних внутрибашенных помещений мог быть осуществлен именно на гребни стены, уровень которых, таким

---

[1] Витрувий (кн. I, гл. V, § 5) настоятельно рекомендует круглую или многоугольную форму башен, «ибо четырехугольные скорее разрушаются осадными орудиями, потому что удары баранов обламывают их углы, тогда как при закругленных они, как бы загоняя клинья к центру, не могут принести повреждений».

[2] См. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 222—224.

[3] В. А. Левина. Стена и башня Старой Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 140.

образом, соответствовал полу этих помещений. Несомненно, что стена также была снабжена зубчатым парапетом.

Пространство Старой Нисы внутри крепостных стен ныне характеризует сложный микрорельеф. Оставленные в забросе почти на 17 столетий, лишенные кровель, разрушенные человеком, землетрясениями и непогодой постройки постепенно оплывали, заполняясь глиной упавших стен, и превратились в конечном счете в группу неправильных увалов. Наиболее значительный, так называемый южный комплекс включает в себя группу дворцовых помещений и храмовых построек; те и другие имеют множество подсобных помещений, связующих коридоров, открытых двориков и хозяйственных комнат. Северный комплекс, меньший по площади, видимо, представлял собой ансамбль особого рода, связанный с хранилищами, имевшими отношение к культу усыпальниц парфянских царей. На городище виден ряд менее значительных всхолмлений, обозначающих местоположение былых построек. Одно из них намечается во внутреннем юго-западном углу крепости, т. е. у массива главных ворот: несомненно, что это было продолжение внутривратного лабиринта-въезда. Вблизи, слегка на восток видно небольшое удлиненное всхолмление, очевидно, развалины главной кордегардии. Остатки длинного сооружения тянутся вдоль внутренней стороны юго-восточной стены, близ главного бастиона; здесь, скорее всего, размещались казармы личной гвардии царя. В северном углу крепости неподалеку от северного комплекса, видимо, располагались постройки, где проживал обслуживавший персонал.

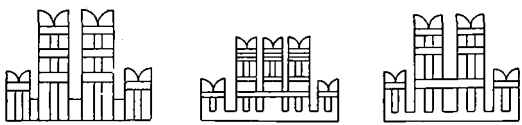
В средней части территории крепости отмечаются остатки трех былых водоемов. Особенно значителен средний квадратной формы площадью около 400 кв. м при глубине до 4,5 м. Снабжение крепости водой являлось одной из основных проблем с самого момента ее сооружения. Большой запас воды был необходим не только ввиду возможной осады, но и в обычных условиях мирной жизни; помимо бытовых нужд, она требовалась также на полив тех деревьев и цветников, которые, несомненно, когда-то произрастали на территории, свободной от застроек, дворов и проездов.

Вода либо поступала в крепость самотеком, может быть по закрытому арыку в середине западного участка и отсюда растекалась на север и юг, либо подводилась на значительной глубине кяризом и подавалась наверх при помощи насосов. Кяризная система вплоть до настоящего времени является основным методом водоснабжения предгорной полосы Копет-Дага; огромное число старых кяризных колодцев сохранилось доныне вверх от Багира к предгорьям.

Крепостной архитектуре Нисы присущ характер величавой мощи, вполне соответствующей значению могущественного народа, перед которым не раз бесславно отступали римские легионы. Не исключена возможность, что именно изображение Нисы, родовой резиденции Аршакидов, вычеканено на обороте некоторых групп монет Орода I, Фраата IV и Пакора II[1]. Изображения, разумеется, чрезвычайно условны, но в них нетрудно распознать высокую платформу и близко расположенные, возвышающиеся над стенами прямые башни, увенчанные зубцами.

[1] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London —New York, 1941, фиг. 395.

Очень любопытным памятником парфянского изобразительного искусства является часть терракотовой плиты, найденная в раскопе у северо-западного участка крепостной стены Новой Нисы в 1949 г. На ней в невысоком рельефе вырезан угол крепостной стены (или башни), из-за которой выступают парфянские воины. Не затрагивая иконографии этой сцены, отметим лишь одну очень интересную деталь: украшение сохранившегося зубца круглым диском со следами легкой полустертой орнаментации. Вероятнее всего это имитация умбонов, может быть тех щитов, захваченных в качестве военных трофеев, которые как бы во устрашение неприятеля набивались на стены крепости; возможно, что им придавался и определенный магический смысл

Изображения крепостей на парфянских монетах.

отвращения зла. Украшение стен крупными дисками известно уже в памятниках древней архитектуры Ближнего Востока; таков был, например, храм урартийцев в Мусасире. Этот мотив отмечается и в более позднем строительстве Средней Азии и Ирана— на ряде памятников VI—VII вв. н. э. Крупные терракотовые диски, украшенные несложной штампованной рельефной орнаментацией, были обнаружены В. А. Шишкиным при раскопках дворца в Варахше; многие десятки подобных терракотовых дисков, но значительно меньшего диаметра, принадлежавших зданию дворца или замка VI в. н. э., были собраны М. Е. Массоном при раскопках в Джамбуле (древний Тараз). Аналогичные диски были найдены А. Н. Бернштамом в Сукулуке, А. И. Тереножкиным в Ак-тепе под Ташкентом и т. д. [1]. Представление о первоначальном размещении подобных дисков дает известное изображение замка на Аниковском блюде Государственного Эрмитажа: они входят в оформление фриза под зубчатым парапетом. Именно такое размещение круглых орнаментированных дисков под зубцами отмечается в некоторых памятниках сасанидского зодчества: памятнике Нарсе в Пайкули (293—303 гг. н. э.) и штуковом декоре из раскопок Таки-Кесра (VI—VII вв. н. э.) [2]. Приведенные примеры наглядно подтверждают, что если уже в парфянскую эпоху крупные диски, имитировавшие умбоны, украшали участки стен, то позднее этот мотив полностью утрачивает свой смысловой и магический характер и приобретает чисто декоративное выражение, превращаясь в элемент архитектурного убранства верха стен.

---

[1] О применении и эволюции орнаментированных терракотовых дисков в архитектуре Средней Азии см. нашу статью: «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах». (Материалы по археологии и этнографии Узбекистана).— «Труды Института истории и археологии АН УзССР», т. II. Ташкент, 1950, стр. 16—17 и 53.

[2] O. Reuther. Sasanian Architecture. — SPA, I, фиг. 144а и 145, стр. 522.

Самым значительным был в парфянскую эпоху в Южном Туркменистане город Мерв[1]. Развалины его лежат в 6 км от районного центра Туркменской ССР — г. Байрам-Али. Историко-топографическое изучение его городищ тесно связано с именами крупных русских ориенталистов — В. А. Жуковского и В. В. Бартольда. Однако оба они затрагивали почти исключительно Мерв средневековый.

История античного Мерва впервые была освещена работами ЮТАКЭ[2]. Коснемся *тех наблюдений, которые связаны непосредственно с вопросами градостроительного* и архитектурного характера.

Площадь Эрк-калы (мервского аркса) — около 20 га, форма близка к овальной. Стены, обводящие его, возвышаются на 20 м от подошвы и, несмотря на значительный оплыв, очень круты. Первоначальная высота, несомненно, превосходила современную еще на 7—8 м, а уклон стен не превышал 75°. Все это делало стены аркса совершенно неприступными. Еще в X в. подъем по этим стенам был не осуществим, и хотя заброшенная территория крепости еще частично использовалась мервскими жителями для засева бахчей, доступ туда был возможен лишь по какой-то особой тропе; по словам Макдиси, «войти в нее [цитадель] можно было с особым проводником»[3]. Ширина стен по верхнему обрезу — до 2,5—3 м, у подошвы она доходила до 6—7 м. Основной материал — квадратный сырцовый кирпич, размеры которого колеблются в пределах 39—45 см × 10—14 см. Стена имела башни, возвышавшиеся над ней, но не выступавшие по флангам. Мощный форт высится в южной части цитадели и заключает внутри несколько камер разных размеров. Не исключена возможность наличия проходов внутри самих стен. Единственные крепостные ворота были обращены внутрь города (т. е. в Гяур-калу) и также были укреплены возвышающимися над ними башнями. Подъем к ним осуществлялся по пандусу, тянувшемуся от подошвы вдоль почти одной трети периметра стен аркса и также обращенному внутрь города. Характерно направление пандуса, расположенного так, что осаждающие были обращены правой, не защищенной щитами стороной к стене, с которой их поражали защитники крепости. И здесь налицо упомянутое выше, в связи с Нисой, правило древней фортификации, широко применявшееся в античную эпоху в странах Запада и Востока.

В центре аркса располагалось здание, приподнятое на искусственной платформе, в которой в парфянскую пору устроено было несколько печей для обжига глиняных ядер, использовавшихся как в камнеметной артиллерии, так и для сбрасывания их при обороне стен. Большое количество глиняных ядер найдено внутри и вне Эрк-калы. Платформа сложена из крупного сырца размером 40×40×10 см; на ней в пар-

[1] Современное туркменское произношение Мерва как Мару, перенесенное на главный город области — Мары, по-видимому, фонетически близко к старинному наименованию, корень которого восходит к отдаленнейшим временам. В Авесте область именуется Моуру, в Бехистунской надписи Дария I — Маргуш; в грецизированной форме название передается как Маргиана; китайские источники времени Хань и Суй транскрибируют его иероглифами Му-Лу или Му. Средневековая и поздняя транскрипция буквами арабского алфавита مرو; ориенталисты озвучивают ее как Мерв, хотя вполне возможно, что название произносилось именно как Мару, т. е. было близко и к древнему Моуру и современному Мары, но лишь в нисбах звучало как Мервези.

[2] М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва.— ВДИ, 1941, № 4.

[3] Макдиси.— МИТТ, I, стр. 195.

Крепостные стены Гяур-калы у северных ворот.

фянскую эпоху возвышалось здание, перестроенное и перекрытое в VII—VIII вв. другими сооружениями так, что составить четкое суждение об его архитектуре не представляется возможным. Не подлежит сомнению правительственно-административное назначение этой постройки. Она имела прямоугольный контур. В северной части аркса видны остатки застройки, как бы подковообразно огибавшей центральный холм, не примыкая ни к нему, ни к крепостным стенам; в южной половине застройка становится сплошной, возрастая в направлении былых ворот. Планировочная организация внутри мервского аркса, основание которого, как уже указывалось, относится к I тысячелетию до н. э., еще сохраняет архаические черты поселений типа Элькен-тепе.

Основная городская застройка Мерва простиралась к югу от аркса на территории Гяур-калы. Первоначальные градостроительные мероприятия были связаны с возведением крепостных стен. Город получил очертание почти квадрата, северо-западный угол которого срезан наискось, следуя руслу главного оросительного канала Разик. Изучение разреза стены в юго-западном углу показывает, что первоначальная стена античного города была воздвигнута из кирпича. Ширина ее в основании — до 15 м. В какой-то период (по-видимому, около II—I вв. до н. э.) имела место капитальная перестройка стены[1]. Старая стена, выравненная на высоте около 6 м, послужила мощной платформой для новой стены, воздвигнутой из сырцового кирпича (40×40×14—15 см) на лессовом растворе.

Еще сейчас, несмотря на сильный оплыв верхней части стен, кладки эти возвышаются на 15—20 м от подошвы. Кладка велась с откосом до 75°. Башни прямоугольны, они вздымались над стеной, но не фланкировали ее. Оплыв верхушек закрыл в настоящее время заключенные здесь некогда помещения и площадки для стрелков, но в одном месте обвал кладки обнажил изнутри стреловидную бойницу. Выкладка ее аналогична бойницам старонисийской крепости: верхний треугольник образован парой наклонно поставленных, опертых друг на друга кирпичей.

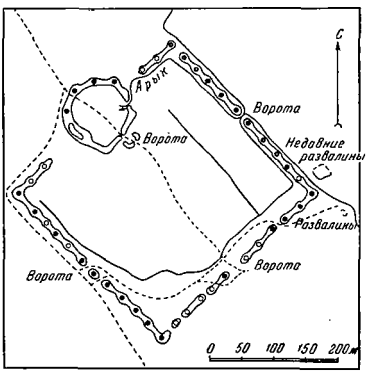
Если для аркса главным оставалось оборонное назначение, в силу чего он имел единственные хорошо защищенные крепостные ворота, то ремесленно-торговые

[1] Это большое строительное мероприятие, на выполнение которого требовался огромный контингент рабочей силы, может быть, осуществлялось руками тех 10 000 римских военнопленных, которые были выселены Ородом I после поражения армии Красса вглубь Маргианы.

и общественно-бытовые функции собственно города предопределили иные принципы его планировки. В каждой из стен основного квадрата Гяур-калы расположены примерно посередине ворота, от которых тянулись две главные городские магистрали, рассекавшие его крест накрест.

Своей конфигурацией, местоположением ворот, магистралей, крепостного ядра планировочные контуры античного Мерва повторяют небольшой позднеантичный городок области Мерва — Кырк-тепе, явное свидетельство преемственности традиций.

Ремесленные производства группируются в античном Мерве обособленными кварталами, тяготеющими к северной его части, располагаясь как бы концентрически вокруг аркса. Специализация ремесленного производства находит свое выражение, в частности, в том, что представители одной профессии в течение многих поколений пребывают на одном и том же месте.

Городище Кырк-тепе в Маргиане.

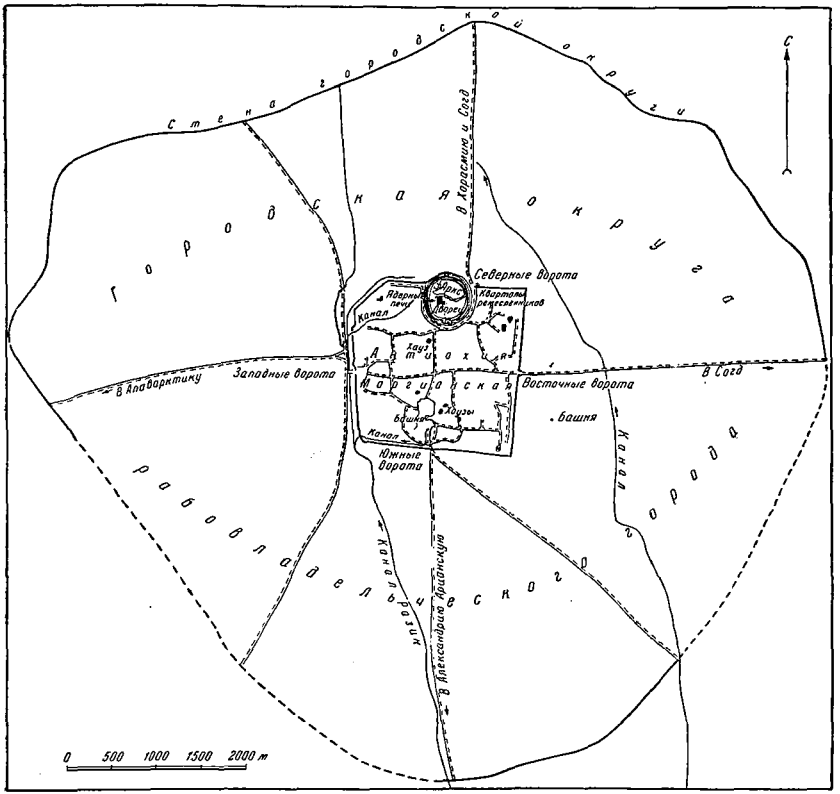
Главные базары Мерва, очевидно, тянулись вдоль основных магистралей, но были и отдельные базарные площади; возможно, что именно функцию рынков выполняли те ровные открытые эспланады, почти лишенные культурного слоя, которые расположены в северо-восточной и юго-западной частях Гяур-калы.

Снабжение города водой осуществлялось отводом арыков от большого оросительного канала Разик. В центральной части города было несколько крупных общественных хаузов с проточной водой.

Местоположение былых культовых ансамблей может быть определено лишь после производства больших раскопочных работ. Нахождение их мы вправе ожидать скорее всего в центральной части городища.

Некоторое представление о внутриквартальной застройке античного города дает микрорельеф в северо-западной части Гяур-калы, не перекрытой средневековыми напластованиями. Здесь выявляется группа участков неправильной формы со следами строений, плотно примыкавших друг к другу; они показывают, что в пределах городской черты жилая застройка рядового свободного населения отличалась большой скученностью и густотой. Особняком (в северо-восточной части Гяур-калы, отчасти в юго-восточной) стояли дома городской знати — крупные компактные сооружения, располагавшиеся на свободных участках, где, видимо, размещались службы и даже сады. Составить суждение о типе такого рода домов богачей позволяет крупный дом парфянского времени на городище Джин-тепе к северо-западу от Мерва, ныне почти целиком занесенном песками. Джин-тепе был крупным городом, более 2 км в поперечнике; археологический материал датирует его пределами парфянской эпохи. Неподалеку от возвышенного бугра былого аркса из гряды барханов выступают сыр-

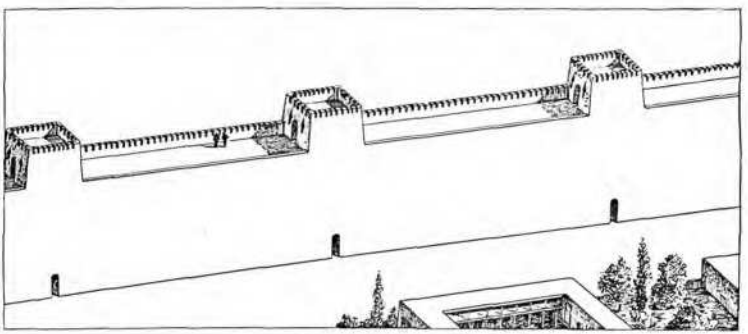
цовые стены большой постройки, общая схема плана которой (см. стр. 58) восстанавливается довольно детально. Дом прямоугольный (60×48 м). Наружные стены его были

Парфянский Мерв. План.

глухими. Имеется обширный двор, вокруг которого группировались жилые и хозяйственные помещения. Чувствуется четкость архитектурной разбивки и организации плана, наличие определенной системы параллельных комнат, часть которых обращена была проемами во двор (вероятно, через колонные айваны). Юго-западный фасад дома был обращен на широкую прямую улицу, вдоль которой, судя по контурам других стен, располагались подобные же крупные дома состоятельных горожан.

Город Мерв был вполне подготовлен к возможности осад; об этом свидетельствуют и мощь ограждающих его стен, и большое скопление глиняных ядер близ ворот. Однако наличие четырех ворот вместо полагающихся по правилам древней фортификации одних является несомненной данью потребностям мирной жизни: оживленной торговле, притоку в город как чужестранных купцов, так и собственного сельского и кочевого населения, приходившего с целями обмена в столицу области, и, наконец, удобству горожан. К воротам подходили главные пути из Хорезма, Согда и Ирана. Эти большие дороги рассекали на четыре сектора также и территорию пригорода.

Крепостные стены античного Мерва. Реконструкция.

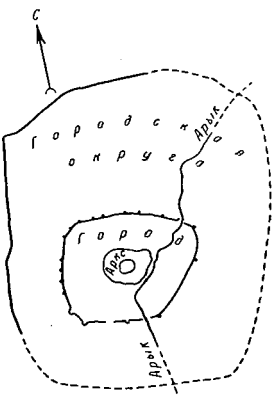
Площадь последнего приближается к 55 кв. км. Окружающая его стена Гилякин-Чильбурдж, считавшаяся ранее средневековой, как установлено археологическими данными, восходит к парфянскому времени[1]. Как и стена округи Нисы, Гилякин-Чильбурдж сложена из пахсы (высота блоков 70—80 см) и достигала у подошвы толщины в 6—7 м. Раскопками установлено, что уже в позднепарфянскую пору вал подвергался ремонту сырцом (размером 39×39×9 см). Названием своим Чильбурдж (Сорокабашенная) стена, возможно, обязана наличию в ней в былые времена буржей-башен. В основном он призвана была служить ограждением от возможных набегов кочевников: высокие стены не позволяли нападавшим всадникам проникнуть внутрь пригорода иначе, как через ворота, где стояли дозоры. Уже в античную пору взаимоотношения с кочевниками оседло-земледельческого и городского населения носили двойственный характер: то это были дружественные сношения с целью мирного обмена продуктами скотоводческого хозяйства и городского ремесленного производства, то воинственные степняки производили на город внезапные набеги в надежде поживиться грабежом.

В отличие от Нисы, падение Аршакидов не сказалось существенно на судьбах Мерва. При первых Сасанидах город сохраняет тот же облик; почти не изменяется

[1] З. А. Альхамова. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 405 и сл.

и характер археологического материала. Резкое запустение Мерва падает лишь на конец IV—V вв. н. э. Это наглядно прослеживается, в частности, в кварталах парфянских ремесленников близ Эрк-калы, территория которых после III в. н. э. уже никогда не обживалась. Причины этого коренятся в глубоких социально-экономических потрясениях — в кризисе и крушении рабовладельческой системы, на обломках которой зарождается новая общественная формация.

За время почти тысячелетнего существования античного Мерва (с середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э.) город, несомненно, проходит через ряд последовательных этапов развития, выявить которые можно будет лишь после обширных археологических раскопок на всей территории его гигантских городищ. Но уже теперь вполне очевидно, что в рамках единой общественной формации город претерпел лишь частные изменения, в то время как общий градостроительный принцип оставался в нем тем же.

Город Сирок. План.

Сходные планировочные приемы можно наблюдать в другом парфянском городе, несравненно уступающем Мерву масштабами, —Сирок (Койнекала у Гяурса). Аркс расположен здесь примерно в центре; территория собственно-города опоясана была глинобитной стеной, фланкированной часто расположенными башнями; вторая внешняя стена охватывала обширный пригород.

Оформление парфянского города в виде правильной фигуры квадрата можно видеть на городище Тургай-тепе (Мервский оазис). Размеры его — около 250 м в стороне; город окружен крепостными стенами, фланкированными прямоугольными башнями; примерно на осях располагаются ворота, к которым подводят от пригорода прямые улицы, видимо *пересекавшиеся в центре; в Тургай-тепе таким образом соблюден тот же планировочный* принцип, что и в Гяур-кале.

В административном подчинении Мерву находился ряд других античных городков и селений, разбросанных во всем оазисе. Для раннепарфянского времени типично городище Гёбеклы, лежащее в 32 км к северо-западу от Гяур-калы. Выросший рядом с заброшенным большим архаическим поселением древних маргианцев Яз-тепе [1] на границе орошенных земель, притом вне стены Антиоха, городок этот имел высокий, почти квадратный аркс с единственным пандусом-въездом. В центре его возвышенный холм (гёбеклы—значит «пупок») дома правителя. Вокруг аркса простирался собственно-город. В нем налицо остатки ремесла (гончарного, кирпичеобжигательного, железообр-

[1] Е. Хантингтон определял Гёбеклы как «курган переходного типа», не уточняя при этом его датировки и не давая археологической характеристики (E. Huntington. Description of the Kurgans of the Merv Oasis. «Explorations in Turkestan. Expedition of 1904», t. I. Washington, 1908, стр. 223—224).

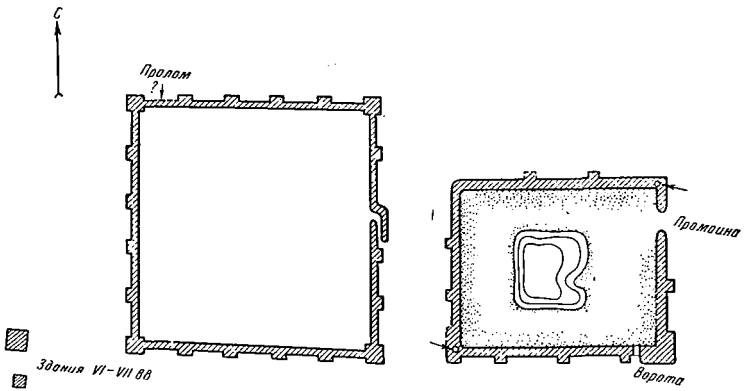
Гёбеклы-тепе.

рабатывающего, ювелирного), изделия которого, видимо, шли в обмен на продукты скотоводства кочевников. В тревожные дни горожане укрывались в цитадели.

Близок по типу другой городок Маргианы, сложившийся ко II—I вв. до н. э., остатки которого известны под наименованием Акча-тепе (может быть Арата, по списку Клавдия Птоломея). Его крепостное ядро прямоугольно в плане (около 100×120 м), обведено крепостными стенами, фланкированными прямоугольными башнями — по две на каждой стороне. Два угла южной стороны укреплены особыми башнями. *Наиболее мощной является юго-восточная башня, под прикрытием которой располагались* крепостные ворота. Посередине крепости — прямоугольная платформа главного строения. Город имел полусельский характер и простирался вне аркса в радиусе от 300—400 до 700 м. Характерно, что в целях удобства обороны площадь вокруг крепости оставалась незастроенной в расстоянии до 50 м.

В правление младшей ветви Аршакидов (I в.— начало III в. н. э.) при неспокойной обстановке в стране (как во внешних взаимоотношениях с Римом и Кушанской империей, так и в связи с внутренними общественно-политическими противоречиями) возникает необходимость усиленного крепостного строительства. Возведению крепостей придается особое внимание; именно в эту пору были подвергнуты реставрации стены Старой Нисы. В Маргиане создается ряд новых крепостей с усовершенствованной системой фортификации, чрезвычайно выразительных по своему архитектурному облику. Развалины их известны ныне под названиями Чичанлык-тепе, Елиминг-тепе, Кишман-тепе, Дурнали, Чильбурдж (к северу и к северо-западу от Гяур-калы).

Парфянская крепость Чичанлык-тепе квадратна (около 200 м в стороне) и фланкирована квадратными башнями на углах и прямоугольными на фасах (по четыре на каждом). Материал стен и башен — сырец 40—42 см в стороне на 12—14 см. Посередине восточного участка располагаются ворота с оригинальной системой предвратной обороны: выдвинутой вперед Г-образной стеной, создающей узкий закоулок, затруднявший свободное маневрирование и прорыв врага. Как уже упоминалось, предвратные «лабиринты» хорошо известны в памятниках хорезмийской античности (Джанбас-кала, Аяз-кала, Кургашин-кала, Топрак-кала и др.); применялись они и в иных областях Средней Азии, например в Согде.

Чичанлык-тепе и Акча-тепе. Планы.

Внутри крепости Чичанлык-тепе бросается в глаза, что оплывы былых строений и обильная парфянская керамика сосредоточены вдоль стен, в то время как обширная гладкая квадратная площадь его посередине почти лишена каких-либо археологических остатков. Несомненно, что крепость несла сугубо военные функции, заключая в себе казармы и обширную внутреннюю эспланаду, на которой может быть стояли шатры, содержались кони и осуществлялись строевые учения. Самое поселение простиралось вне крепости и имело преимущественно сельскохозяйственный характер. Крепость Елиминг, меньшая по размерам, также почти квадратна (около 100 м в стороне) и фланкирована башнями по углам и на стенах. В юго-восточном углу ее находится мощный бастион. Судить о деталях крепостной архитектуры Чичанлык-тепе и Елиминг-тепе до производства раскопок невозможно, так как стены их сильно оплыли.

Чрезвычайно четко принципы крепостного зодчества первых веков нашей эры предстают в развалинах Дурнали и Чильбурджа.

Городище Дурнали (Сена в списке Птоломея?) расположено в 25 км к северу от Гяур-калы и лежит на большом древнем пути из Маргианы в Хорезм. На городище сохранились многочисленные руины построек IX—XII вв. Между тем в основе его

Дурнали. Общий вид.

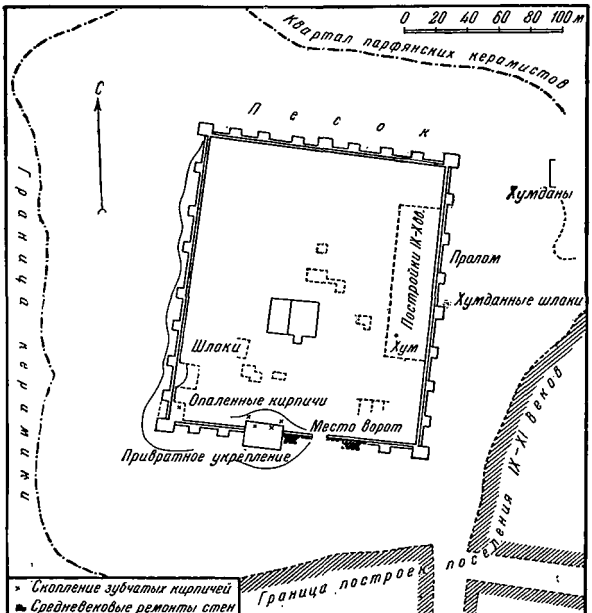
лежит крупный парфянский город, мощная крепость которого отчасти использовалась и даже реставрировалась в средневековье. Подножье крепости на расстоянии до 80 м окружала эспланада, за которой простирался самый город в радиусе до 700 м. Главная ось крепости ориентирована с небольшим отклонением от направления юг — север. Крепость почти прямоугольна; размеры длинных сторон четырехугольника равны 183 и 173 м, коротких — 160 и 150 м.

Материал постройки комбинированный. В основании — род высокого цоколя, сложенного из двух рядов пахсы; высота каждого ряда — по 1 м, наклон рядов — по 16 см на 1 пог. м высоты. Далее следует отвесная кладка из квадратного сырца размерами 40—42 см в стороне на 13—14 см толщины на глиняном растворе. Стены и башни местами совсем оплыли, местами сохранились на высоту до 7,5—8 м; первоначально они, очевидно, достигали 15 м.

Крепость фланкирована башнями на углах и вдоль стен. По трем сторонам расположено, кроме угловых, по семи пристенных башен на расстоянии от 10 до 17 м друг от друга. На южном участке, где находятся ворота, шесть башен. Этот участок особенно разрушен и искажен средневековыми перестройками, поэтому судить об устройстве античных ворот не представляется возможным. Можно лишь отметить наличие мощного выступавшего предвратного укрепления, ныне совершенно оплывшего.

Внутренняя территория почти не застроена. Остатки сооружений видны лишь у стен, какое-то крупное здание располагалось близ центра крепости. Крепость в основном призвана была укрывать в дни осад за своими стенами большое количество горожан.

От уровня платформы толщина стен невелика — 1,20 м. Снаружи они раскрепованы широкими пилястрами, выступающими на 43 см (т. е. в размер кирпича). В каждой пилястре и разделяющем их простенке устроено по бойнице. Башни прямоугольны, выступают относительно стены на 6 м и оформлены подобным же образом; на лицевом фасаде — по три пилястры и по два простенка, на боковых — по две пилястры

Дурнали. План.

и одному простенку; все они также прорезаны бойницами. На угловых пилястрах бойницы ложные, декоративные. Внутри башен находятся квадратные комнатки для стрелков пролетом 3,70 м, некогда перекрытые не то сводами, не то куполами. Вход в такое помещение лучника оформлен аркой пролетом 1,20 м сильно вытянутой эллиптической формы. Кладка ее клинчатая; при очень сильной удлиненности очертания кривой возведение арки могло осуществляться и без кружал. Обстрел со стороны стен производился с высоты специальных возвышенных площадок, усиливавших кладку самих стен. Каких-либо особых внутристенных проходов не существовало.

Оборона крепости предусматривала участие очень большого числа стрелков; к ней, видимо, привлекалось все боеспособное мужское население города. Число бой-

Дурнали. Стены.

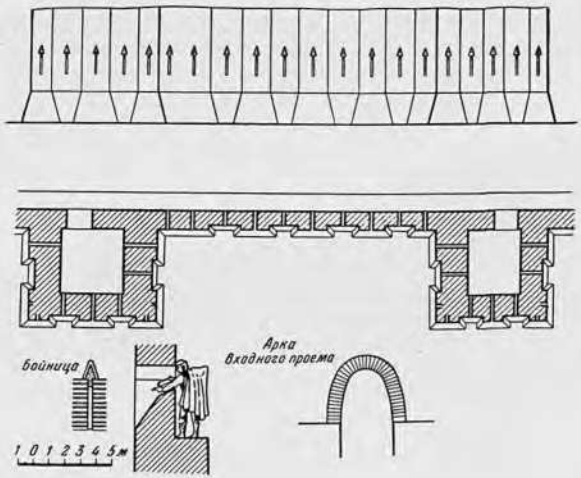
ниц достигало пятисот; кроме них использовался, несомненно, и верхний ярус — зубцы стен и башен, из-за которых осуществлялся обстрел неприятеля. Можно предположить, что верхняя оборонительная площадка, ныне не сохранившаяся, покоилась на каких-либо сводчатых субструкциях или просто деревянных консолях, заделанных в кладку стен.

Бойницы узкие удлиненные (до 2 м по высоте), с сильным скосом нижней грани, позволявшим осуществлять навесной обстрел. Каждая имеет стреловидную форму. Стреловидный верх, создававший для бойца уширение на уровне лица, осуществлялся постановкой двух наклонных взаимоопертых сырцовых кирпичей.

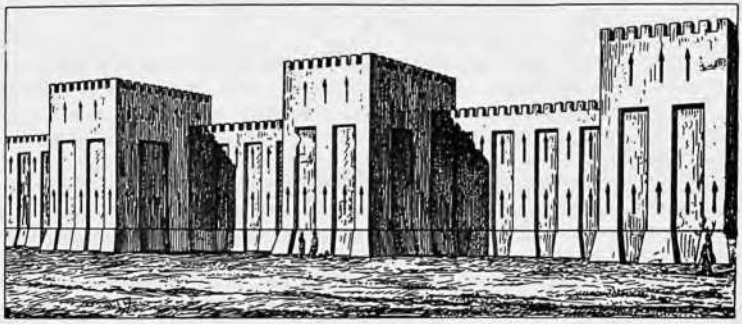
Архитектурное оформление башен Дурнали очень близко к крепостным башням городища Топрак-кала в Хорезме[1]. Находка в Дурнали парфянских монет I—II вв. н. э. свидетельствует о том, что крепость эта старше, чем Топрак-кала (III—IV вв. н. э.). Между тем архитектура маргианской крепости носит несколько более развитой характер: в Дурнали не только башни, но и стены украшены пилястрами; в Хорезме подобный прием отмечается лишь на памятнике «кушано-афригидской» группы — Кизыл-кала[2]. Мы сознательно употребляем здесь слово «украшены», так как никакой особой практической надобности в этой легкой раскреповке стен и башен не было.

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 34.

[2] Там же, рис. 66.

Дурнали. Стены.

Дурнали. Реконструкция.

Пилястры их, подчеркнутые падающими от них густыми тенями, вносили в оформление крепости особый строгий, несколько монотонный ритм. Они как бы усиливали значность черных щелей бойниц, вырисовывающихся на светлых плоскостях самих пилястр и простенков. Четкую завершенность придавали стене и башням зубчатые парапеты, своим изломанным контуром контрастировавшие с вертикальным ритмом

Чильбурдж. Общий вид.

пилястр. В Дурнали архитектурные средства направлены на выражение черт монументальности, мощи и неприступности укрепленного парфянского города.

В участке былого местоположения крепостных ворот нами были обнаружены крупные облицовочные терракотовые плиты. Они почти квадратны, до 47 см в стороне при 7 см толщины, и имеют по одному краю прямые зубцы (6×5 см). Плиты аналогичного типа в большом числе выявлены были в южном комплексе Старой Нисы (см. стр. 83). Вероятно, плиты из Дурнали некогда принадлежали декоративному убранству крепостных ворот. Они как бы имитируют в миниатюре тот парапет с прямыми зубцами, который изображен на терракотовом рельефе из Новой Нисы (см. стр. 38), и вероятно, входили в систему декора завершающих элементов предвратного сооружения.

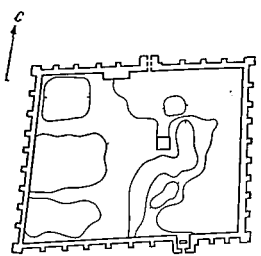
Развитие и совершенствование принципов, определившихся в архитектуре Дурнали, отражено в памятнике позднепарфянского строительства — крепости Чильбурдж, лежащей в зоне наступающих песков в 20 км к северо-западу от Гяур-калы. Заброшенная уже в древности, она сохранила на высоту до 13—15 м свои стены. Крепость стоит на равнине. Она четырехугольна в плане, имея протяжение длинных сторон 260 и 230 м и двух коротких — по 200 м. Стены фланкированы множеством башен. Расстояние между ними — до 17—20 м; общее число достигает тридцати девяти. Одна из ее сторон обращена на запад, три остальных несколько отклонены от направления стран света. На двух фасах размещены ворота: в северном — посередине, в южном — ближе к юго-восточному углу. Возможно, что, так же как на Старой Нисе, они функционировали в разные периоды.

В основании стен проходит высокая (7,70 м) платформа, сложенная из пахсы, со значительным откосом граней. Высота рядов пахсы — 90 см. У башен та же платформа выведена из пахсы на 5,20 м, а выше на 1,50 м сложена из сырца размером 36×36×8 см.

4*

Кладка самих стен и башен осуществлена почти отвесно из квадратного сырцового кирпича размером 41—42 см в стороне на 10—11 см толщины.

Башни шириной 5 м выступают на 5,40 м из толщи стен. Углы крепости закреплены особенно мощными квадратными бастионами размером в основании до 14 м. Отрезки стен между башнями имеют внутристенные проходы шириной 1,30 м с тремя нишами, образующими небольшие каморки, предназначенные для стрелков; каждая из них имеет по бойнице. Внутристенные проходы тянутся от башни к башне. В каждой из башен имеется узкое помещение, перекрытое очень вытянутым эллиптическим сырцовым сводом «отрезками». Каждая из трех сторон этого помещения снабжена бойницей.

Чильбурдж. Генеральный план.

Все бойницы узкие, щелевидные, с сильно скошенной нижней гранью, рассчитанные на навесной бой.

Наружное оформление фасадов Чильбурджа исключительно интересно. Каждый участок стены между башнями раскрепован двумя прямоугольными неглубокими нишками, которые в плане соответствуют коридорообразным отрезкам внутристенных проходов, связующим между собой каморки стрелков. Фактически число подлинных бойниц в межбашенном пролете стены ограничивается тремя. А между тем по фасаду их не 3, а 17 (все остальные ложные); при этом расположены они в два яруса.

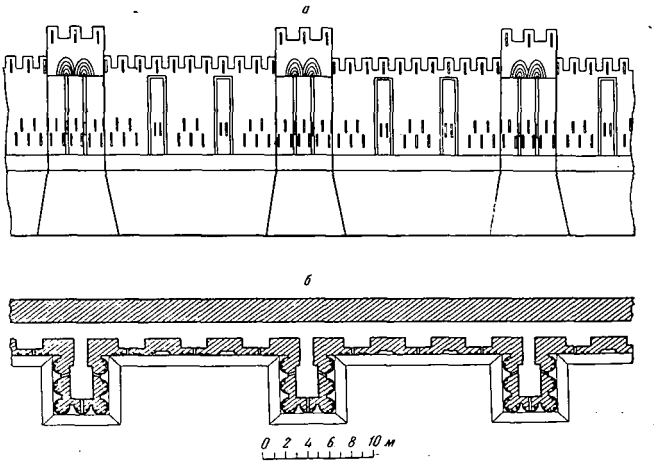
Очень оригинально архитектурное решение прямоугольных башен Чильбурджа. Они оформлены по каждой стороне тремя полуколонками, но не сближенными вплотную, как в «гофрированных» кёшках среднеазиатского средневековья, а разделенными 35-сантиметровыми промежутками. На боковых гранях башен в ряде случаев именно в промежутках между двумя гофрами расположены подлинные, идущие в плане несколько наискось, отвесные бойницы, через которые из внутрибашенной камеры осуществлялся обстрел; третья настоящая бойница лежит обычно на оси средней гофры фасадной грани башни. Между тем число ложных бойниц на башнях не менее значительно, чем на стенах. Они также распределены в два яруса и размещены по одной в межгофровых промежутках, по три—на каждой полугофре, по четыре—на каждой угловой гофре, имеющей сечение трехчетвертного столба. Всего, таким образом, на каждой башне—по 31 бойнице, из них лишь три подлинных, остальные ложные. Все эти ложные бойницы стен и башен имели чисто психологическое назначение, создавая у врага иллюзию угрожающего ему сплошного обстрела из бесчисленных бойниц.

Ворота выступают из стен на 15—18 м в виде мощных прямоугольных сооружений. Устройство южных ворот прослеживается довольно четко. Въезд расположен посередине предвратной постройки; пространство внутри нее разгорожено отрезком поперечной стены, как бы создающей преграду движению и разделяющей его на два русла. Внутривратное пространство представляло таким образом отсек-ловушку, в которой прорвавшийся враг не мог свободно маневрировать; при этом сам он подвергался ожесточенной атаке защитников крепости. Планировка северных ворот в настоящее время не читается; здесь характерно, помимо мощного предвратного сооружения, на-

личие по внутреннему контуру стены значительного выступа какой-то добавочной крепостной постройки.

Угловые бурджи имеют гладкие наклонные грани; на северо-восточной ясно видна облицовка ее толщи дополнительной «рубашкой» — может быть, результат одной из обкладок, сопутствовавшей какой-то перестройке или ремонту.

Планировка пространства внутри городища сильно сглажена от времени. В настоящее время лишь в центре сохранились остатки какого-то сооружения с большим

Чильбурдж. Часть стены. Реконструкция.

а — фасад; *б* — план.

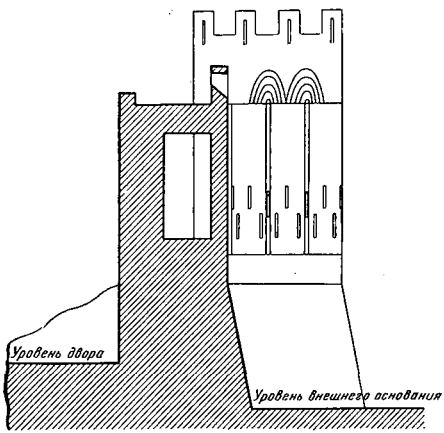
количеством внутри него слежавшегося пепла и обожженного глиняного вещества. Соблазнительно предположить в нем остатки былого аташгоха — святилища огня. В остальном рельеф невысок и представляет очень отлогие увалы, нарастающие в направлении стен. Возможно, что обитатели крепости проживали не только в сырцовых домах, но и в палатках.

Вопрос о датировке Чильбурджа разрешается пока на основании подъемного археологического материала. Основная насыщающая его керамика, парфянские монеты, терракотовые фигурки дают даты II—III вв. н. э. Видимо, накануне падения Парфянской державы Чильбурдж подвергался капитальному ремонту, следами которого являются пахсовые «рубашки» на угловых башнях.

Итак, Чильбурдж — памятник поздней Парфии, может быть существовавший еще в IV в. н. э. В пору кризиса и крушения рабовладельческого общества в Южном Туркменистане Чильбурдж остался в зоне надвигающихся песков. Судя по керамическому материалу, его великолепные стены были использованы вновь лишь в пору

расцвета феодализма в X—XII вв. для стоянки караванов; в качестве такого караван-сарая Чильбурдж функционировал вплоть до завоевания края монголами, после чего уже больше не обживался.

С точки зрения архитектурного типа Чильбурдж исключительно интересен. Сохраняя традиционный для парфянского крепостного строительства характер стен, фланкированных часто расположенными башнями, и характерный для архитектуры среднеазиатской античности принцип фортификации ворот в виде выдвинутого предвратного сооружения с усложненными коленчатыми проходами внутри него, Чильбурдж дает самый ранний пример использования специфической для среднеазиатского зодчества «гофрировки» стенных поверхностей.

Чильбурдж. Разрез стены. Реконструкция.

Сопоставление башен Чильбурджа и Дурнали дает красноречивую картину эволюции архитектурных форм—замены пилястр полуколонками-гофрами при единой композиции архитектурных объемов. В обработке стен Чильбурджа еще сохраняется прежнее оформление пилястрами. Вопроса о генезисе гофр в зодчестве Южного Туркменистана мы коснемся в другом месте. Здесь лишь следует подчеркнуть, что при несомненном совершенствовании фортификационных приемов (создание внутристенных проходов, повышение платформы, введение «психологических» ложных бойниц и др.) в Чильбурдже все же сохранены общие принципы восточнопарфянской крепостной архитектуры: частое расположение башен, прямоугольная форма их, обилие бойниц, употребление эллиптических сводов и т. п. Никаких коренных новшеств в Чильбурдже нет. Радикальные изменения архитектурных методов появятся в местном строительстве лишь в условиях иного общественного строя.

Образцом развитого окраинного маргианского города парфянской эпохи, оформившегося в первых веках нашей эры, является городище Кишман-тепе на севере Мервского оазиса (может быть Ариака по списку Клавдия Птоломея). Сложившийся рядом с ним средневековый Кушмейхан отчасти исказил картину, но все же М. Е. Массону удалось в 1952 г. восстановить его основную планировку. Крепостная часть города прямоугольна в плане (185×150). Мощные стены толщиной до 3 м сложены из сырца 40×40×10—41×41×11 см. Они фланкированы башнями: по одной — на углах, по 4 — на отрезках длинных сторон, по 3 — на коротких. Башни не прямоугольны, но имеют вытянуто-эллиптическое очертание. Налицо известный прогресс форти-

Чильбурдж. Деталь башни с гофрами.

фикации сравнительно с крепостями Дурнали и Чильбурдж. В Иране округлые башни заменяют прямоугольные в III в. н. э. (Истахр)[1]; в Хорезме — со II—III вв. н.э. (Базар-кала и др.)[2].

Ворота крепости Кишман-тепе, расположенные на восточном участке, выдвинуты вперед и имеют усложненный коленчатый въезд, приближаясь по типу к тем предвратным лабиринтам, которые характерны для античных крепостей Хорезма.

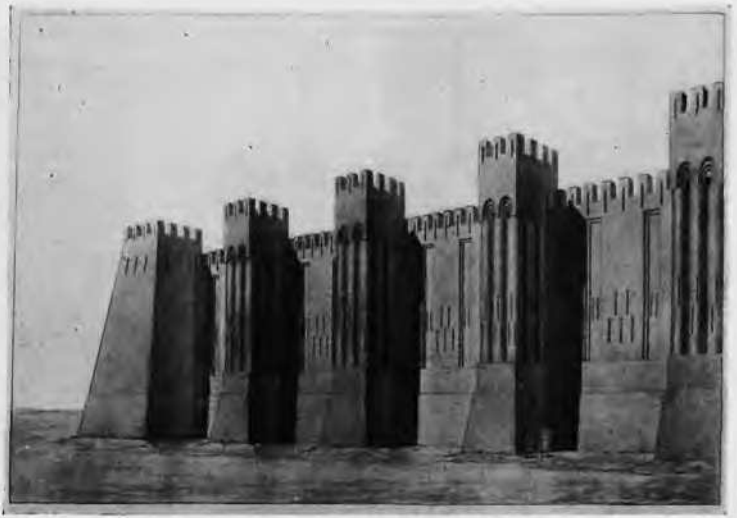
Принципиально важно установление того факта, что городское поселение у Кишман-тепе окружало крепость в радиусе до полукилометра и было обведено особым глинобитным валом. Таким образом, планировочный принцип здесь тот же, что и в других парфянских городах — Нисе, Сироке, Мерве.

Сельское хозяйство, основанное на труде свободных общинников и рабов, имело в парфянскую пору весьма развитой характер; зерновые культуры, виноградарство, домашнее скотоводство, в условиях которого была выведена и поддержана знаменитая порода парфянских коней, составляли основу материального благополучия жителей орошенных оазисов. О парфянских деревнях (κώμη) упоминает Исидор Харакский.

---

[1] E. Herzfeld. Iran..., стр. 276, табл. XCII и XCIII.

[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 112.

Чильбурдж. Реконструкция.

Остатки парфянской деревни обнаружены ЮТАКЭ в 1951 г. в 30 км от Ашхабада у Алты-яба. Расположенная на склоне возле самой гряды Копет-Дага деревня занимала до 3 га. Рельеф местности совершенно сглажен силевыми потоками; поэтому судить о внутренней планировке не представляется возможным. Деревня имеет пятиугольный план и обведена по периметру глинобитным валом. Остатки другой парфянской деревни лежат в 1 км южнее железнодорожной станции Коушут. Она имеет четко выделенное пятно административно-общественной застройки в виде квадрата со сторонами по 120 м, охваченного стеной. Окружающий микрорельеф нарушен современными полями, но в ряде мест в радиусе до 2 км попадаются скопления типичного парфянского археологического инвентаря, указывающего на местоположение былых жилищ.

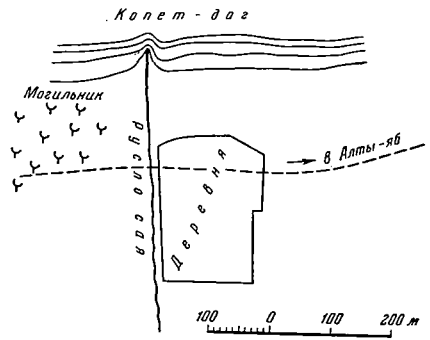
Если деревня в Алты-ябе связана с оседло-скотоводческим хозяйством, а деревня близ Коушута — как со скотоводством, так и с богарными посевами, то для большей части сельских поселений Маргианы характерно высокое развитие разнообразных сельскохозяйственных культур — зерна, винограда, бахчей и т. д.

Особую группу парфянских поселений составляли становища кочевников-скотоводов. Изучение их остатков стоит в плане будущих археологических исследований.

Итак, в парфянскую эпоху в Южном Туркменистане слагаются развитые приемы планировки городов и населенных мест. При наличии определенных индивидуальных особенностей в планировке отдельных городских и сельских поселений, они имеют общие

черты, обусловленные единством социально-экономического строя и соответствующей ему идеологии населявших эти области этнически родственных народов.

В городе этого времени выявляются три основных планировочных элемента: крепостное ядро—аркс (нередко унаследованное от допарфянской эпохи), площадь развитой общественной, жилой и торгово-ремесленной застройки самого полиса и обширный полусельский пригород. Каждая часть города приобретает свое социально-бытовое назначение; расчленение этих частей получает четкое выражение благодаря высоким ограждающим стенам и особым архитектурно-планировочным приемам, хотя границы между городом и пригородом не всегда бывают отчетливо выражены. Площадь больших городов достигает внушительных размеров: в Мерве она равна без пригорода 380 га, в Нисе — 18 га; с пригородом в Мерве—6000 га, в Нисе—до 300 га. Если добавить, что толщи культурных отложений парфянского времени достигают местами в Нисе 10 м, в Мерве — 12 м, то цифры эти становятся показателями чрезвычайно интенсивного пульса городской жизни рабовладельческих городов Южного Туркменистана первых веков до и после начала нашей эры. Напомним, что площадь Афин времен Перикла (в пределах крепостной стены) была равна примерно 200 га, а императорского Рима (в пределах стены Аврелиана) — около 1200 га.

Парфянская деревня близ Алты-яб.
Схема плана.

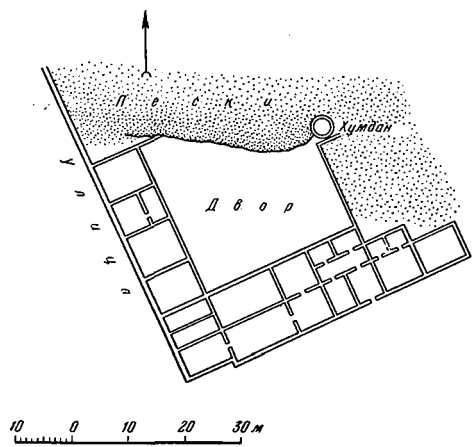
Если ранние арксы, по большей части связанные с ранее существовавшим на данном месте доантичным поселением (Эрк-кала Мерва, цитадель Нисы, Анау), сохраняют овальную или многогранную конфигурацию, то возникшие уже в парфянскую эпоху крепости городищ Гёбеклы, Чичанлык-тепе, Акча-тепе, Кишман, Дэв-кала имеют прямоугольный план. План собственно-города иногда очень четок, имея прямоугольный или квадратный контур (Мерв — Гяур-кала, Кишман, парфянский город у Тургай-тепе и другой у Геок-тепе), но иногда благодаря закреплению контуров более раннего архаического поселения он весьма неупорядочен по очертанию (НоваяНиса).

Площадь пригорода нередко, так же как и города, охваченного кольцом стен, приближается к кругу. Четкость контура и обнесение стенами отмечаются и в деревнях парфянской эпохи.

Две главные магистрали рассекают античный Мерв и парфянский город у Тургай-тепе; в Нисе, Джин-тепе, Дурнали, Чильбурдже, Кишмане такая магистраль была по-видимому, одна. Несколько добавочных улиц членили город на отдельные кварталы. В застройке их налицо уже не многосемейные дома - массивы архаических пос-

лений, но множество индивидуальных строений, обширных или малых, свободно размещенных или скученных, в зависимости от имущественного положения владельцев. Классовая дифференциация обусловливает выделение ремесленных кварталов, базаров, кварталов знати, культовых ансамблей и пр.

Крепостная архитектура парфянских городов претерпевает значительные усовершенствования. Происходит переход от гладких, крутых стен с вздымающимися, но не выступающими наружу башнями к фланкированию стен прямоугольными башнями, оформленными в своих поздних вариантах пилястрами и гофрами. Последние появляются в значительной мере как элемент не только функциональный, но и архитектурно-декоративный.

Джин-тепе в Маргиане. Жилой дом парфянского времени.

Сравнение парфянских поселений Южного Туркменистана с городами других крупных областей среднеазиатского античного мира показывает, что при наличии известной общности архитектурно-планировочные принципы в Южном Туркменистане имеют ряд специфических черт.

В этом отношении весьма красноречиво сопоставление их с хорошо изученными городищами древнего Хорезма. Общим являются: правильная прямоугольная форма городищ, обнесение их стенами — гладкими в ранних сооружениях (Джанбас-кала), фланкированными часто расположенными прямоугольными башнями в более поздних (Топрак-кала и др.). Однако в городах Хорезма не обнаружено функционально и планировочно взаимосвязанного с ними пригорода. Отлична и внутренняя их планировка; в хорезмийских городах характерно наличие единственной центральной магистрали, как бы делящей их надвое (в чем С. П. Толстов склонен видеть пережитки дуальной организации патриархального общества), застройка обеих половин огромными большесемейными домами-массивами, отсутствие четкого выделения ремесленно-производственных кварталов, отсутствие самостоятельного ядра-цитадели. Если в Нисе «царский город» стоит особняком не только от античного города, но даже вне пределов пригородной стены, то в Топрак-кале дворец хорезмийских правителей занимает северо-западный угол городища, где выделен лишь архитектурно — громадой своих башен, многоэтажных покоев и пр. Отличия отмечаются и в крепостной архитектуре: стены раннеантичного хорезмского городища Джанбас-кала, снабженные внутристенными проходами, изобилующие бойницами, не имеют, однако, возвышенных башен, как Гяур-

кала или парфянское городище Денгиль-тепе. Гофрировка стенных поверхностей появляется в Хорезме лишь в VI—VII вв. в оформлении замков-кёшков, в то время как в Чильбурдже она применена в архитектуре крепостных башен и имеет значительно более раннюю дату — III в. н. э.

По-видимому, принципы восточно-парфянского градостроительства и крепостной архитектуры оказали известное влияние и на застройку западнопарфянских городов. Нельзя не вспомнить в этой связи пророческих слов акад. В. В. Бартольда, высказанных им 30 лет назад в его полемике с Херцфельдом и Стржиговским: «Пока не найдено никаких парфянских или сакских сооружений на родине этих народов, трудно было бы объяснить происхождение тех памятников, которые были сооружены при Арсакидах в завоеванных ими областях, и тех черт, которыми эти памятники отличаются от ахеменидских»[1]. Памятники Южного Туркменистана, созданные исконными парфянами на их родине, объясняют многие принципы западнопарфянского крепостного строительства, сохраненные здесь, несмотря на близость Рима и знакомство с римской строительной культурой. Так, стены Хатры[2] и первоначальные стены Дура-Европос[3] выстроены из битой глины и сырцового кирпича на глиняном растворе, а не из камня на известковом растворе. Башни их размещены на коротких отрезках и имеют прямоугольную форму, в то время как уже в трактате Витрувия настоятельно рекомендуется строительство башен полукруглых как более рациональных[4]. Стреловидные бойницы, широко представленные в архитектурном декоре парфянских сооружений Ближнего Востока, имеют свой конструктивный прообраз в стенах Гяур-калы и Старой Нисы, Дурнали и Чильбурджа. Архитектурные решения Дурнали и Кишман-тепе являются прототипом сырцовых стен и башен Истахра (первая половина III в. н. э.), своеобразный характер которых привел Э. Херцфельда к заключению об отсутствии, якобы, аналогий для этой постройки раннесасанидского времени[5].

Отметим также характерные для западнопарфянских областей города круглого плана, обведенные по периметру крепостными стенами, которые фланкированы часто расположенными прямоугольными башнями с двумя осевыми магистралями, рассекающими площадь крест-накрест, идя от ворот к воротам, с главным ансамблем дворцово-храмового характера в центре. Таковы в Иране — Тахти-Сулейман[6] и Дарабджерд[7], в Ираке — Ктесифон, сложившийся еще в парфянскую пору[8], Хатра (I—II вв. н. э.), Хиралка — городище, как полагают, парфянского времени[9]. Согласно общепринятому

---

[1] В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос.— «Изв. РАИМК», т. II, 1922, стр. 368.

[2] G. Rowlinson. The Sixth Great Oriental Monarchy, London, 1873, стр. 374.

[3] A. von Gerkan. The Fortifications at Dura Europos, Preliminary Report, 1939. Обкладка сырцовых стен и башен Дура-Европос камнем имела место лишь в конце I в. до н. э.

[4] Витрувий, кн. I, гл. V, 35.

[5] E. Herzfeld. Iran..., стр. 275, табл. XCII и XCIII.

[6] K. Erdmann. Das Iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, табл. IV.

[7] E. Flandin et P. Coste. Указ. соч., t. I, стр. 31—33; t. II, табл. 31 и 32.

[8] O. Reuther. Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon-Expedition im Winter 1928/29. Berlin, 1930, стр. 6—9.

[9] K. A. C. Creswell. Early Muslim Architecture, vol. II, Oxford, 1940, стр. 165—166, фиг. 154.

воззрению, план этот, якобы, ведет происхождение от приема разбивки по кругу военного лагеря[1].

Не оспаривая местный, восходящий еще к ассирийской эпохе генезис круглых городов парфянской Месопотамии, полагаем, что в парфянских городах Ирана и Южного Туркменистана нашли отражение стародавние традиции городского строительства, сложившиеся в коренных парфянских землях. Уже раннеантичный «круглый» городок Парфиены — Султан-дешт предвосхищает план Дарабджерда и Хиралки. Схема города, обведенного по окружности валом и заключающего центральный, охваченный особыми стенами комплекс, четко представлена в Кишман-тепе. Наконец, сравнение с античным Мервом, обведенным по кругу стеной Гилякин-Чильбурдж, рассеченным двумя большими магистралями и включающим центральный квадрат Гяур-калы, убеждает, что и в Ктесифоне и в Хатре как бы повторена в уменьшенном масштабе планировочная идея, восходящая к принципам восточнопарфянского градостроительства с его ярко выраженной местной спецификой.

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС В НОВОЙ НИСЕ

В северо-западной части Новой Нисы, там, где крепостные стены античного и средневекового города издавна подкапывались жителями Багира, в 1936 г. обнажились остатки каких-то строений. Археологические расчистки, осуществленные в том же году А. А. Марущенко, позволили выявить здесь участок окрашенной в красный цвет стены, полуразрушенную погребальную камеру I в. до н. э. и следы штукатурок, как бы отпечатавшихся на поверхности смежных кладок.

Раскопками ЮТАКЭ 1946—1949 гг. была вскрыта целая группа сооружений былого некрополя и установлено наличие нескольких этапов застройки его, но в пределах единой парфянской эпохи.

Самым ранним здесь было сооружение, своим тыльным фасадом непосредственно примыкавшее к крепостной стене античной Нисы. По археологическим данным и по стилю установлено, что постройка относится к III—II вв. до н. э.; уже к I в. до н. э. она пришла в упадок, была частично разрушена и обстроена или перекрыта погребальными камерами парфянского некрополя, уровень полов которого на 1,5—2,5 м выше его основания.

Несмотря на чрезвычайную фрагментарность руин, сохранившихся лишь в виде платформы и отдельных участков стен[2], а в одном случае — в виде отпечатка стены на позднее пристроенном к ней вплотную массиве сырцовой кладки, детальное изучение их позволило восстановить в графической реконструкции первоначальный вид этого памятника и составить определенное суждение о его архитектурном стиле.

Не задерживаясь на описании археологических наблюдений, полученных в процессе работ[3], охарактеризуем архитектуру здания по его остаткам.

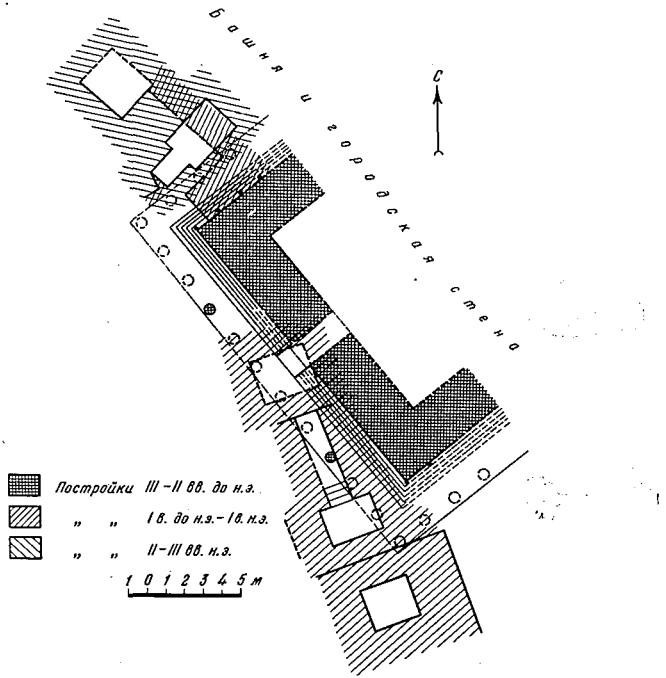
---

[1] E. Beaudoin and A. U. Pope. City plans.— SPA, II, стр. 1391.

[2] Во время землетрясения 6 октября 1948 г. рухнули последние немногочисленные остатки сохранившихся еще на значительную высоту стен этого сооружения. Обмеры и описания их были осуществлены еще при работах 1946—1947 гг.

[3] См. отчетные статьи о работах на Новой Нисе в I и II томах «Трудов ЮТАКЭ».

Здание было обращено главным фасадом (пролет его 18 м) в сторону парфянского города. Оно покоилось на сырцовой платформе высотой 80 см. Кладка платформы выполнена из сырца размером 40×40×12 см на глиняном растворе и оштукатурена глиной. Из того же кирпича сложены стены. Платформа была на 2,50 м вынесена относительно стен (пролет ее по главному фасаду равнялся таким образом 23 м). На

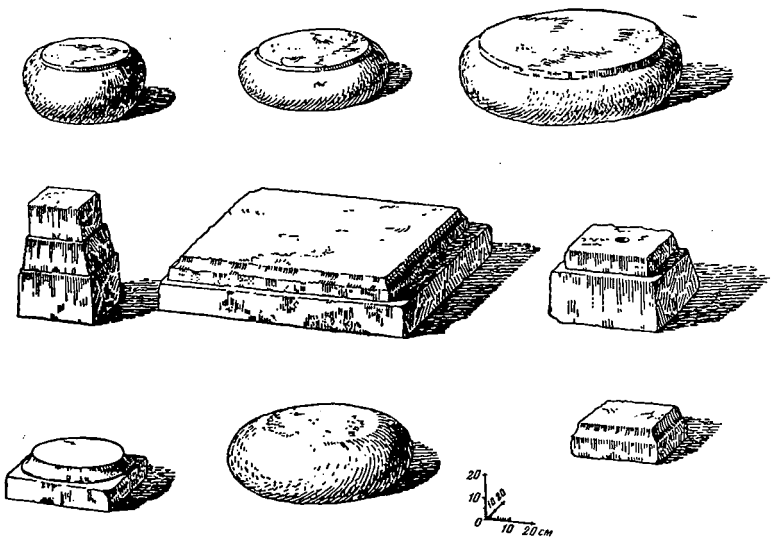

Новая Ниса. План вскрытых помещений в некрополе.

сохранившихся участках в двух местах обнаружены базы, принадлежавшие колонному портику-айвану, наличие которого объясняет значительный относ платформы относительно стен.

Одна из баз сложена из типичного парфянского жженого кирпича (с черным перекалом в изломе) на превосходном ганчевом растворе, оштукатурена ганчем и имеет форму крупного тора. Другая (сохранилась наполовину) имеет тот же торовидный профиль, но представляет собой блок зеленовато-серого песчаника, также со следами штукатурки на поверхности. Диаметр баз — 48 см, высота — 24 см.

Торовидные базы чрезвычайно типичны для архитектуры Нисы. Как установлено, довольно обычным было применение их как в камне, так и в жженом кирпиче, нередко в пределах одной и той же постройки. Они отмечены в помещениях и дворовых айванах северного комплекса Старой Нисы; большое число каменных баз собрано было ЮТАКЭ на территории былого нисийского пригорода. Иногда базы имеют вид простого тора с маленькой полочкой поверху. Нередко тор покоится на одинарном

Каменные парфянские базы из Нисы.

квадратном плинте, иногда — на уступчатом. Диаметры этих баз колеблются в пределах от 30 до 90 см. Материалом их, помимо кирпича, служит камень местных копетдагских пород — зеленоватый или серый песчаник. Мы уже писали о широком распространении торовидных баз в памятниках древней архитектуры Средней Азии[1]. ПарфянскаяНиса является еще одним пунктом распространения баз этого типа в первых веках до нашей эры[2]. Форма торовидных баз показывает прием простейшей обработки каменного блока, причем их употребление было связано с деревянными стойками.

---

[1] См. «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 213 и сл.

[2] Недавние работы в Пянджикенте в свою очередь дали образцы торовидных каменных и деревянных баз в постройках VII—VIII вв.; см. В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента.— МИА, № 37, «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. II. М.—Л., 1953, стр. 123 и сл.

Каменные подушки подводились под деревянную опору, чтобы предохранить ее от непосредственного соприкосновения с землей и загнивания. Шаровидный элемент «кузаги», который составляет неотъемлемую часть среднеазиатских колонн уже с эпохи средневековья и до последних дней, исходит, по нашему мнению, от стародавней традиционной формы тора[1]. В колонном портике рассматриваемого здания Новой Нисы и в колоннадах северного комплекса Старой Нисы одновременно употреблены как каменные, так и кирпичные базы, которые повторяют ту же традиционную форму тора. Кирпичам еще до обжига придавалась лекальная форма, повторяющая вчерне

Терракотовая капитель из храма в Новой Нисе.

кривизну тора. База выкладывалась из двух рядов кирпича, оштукатуренных ганчем, по которому осуществлялась точная корректировка профиля.

Сами стойки рассматриваемого айвана были деревянными. Число их по главному фасаду выясняется на основании следующих данных: по наличию трех сохранившихся баз, по несомненности расположения на углах платформы также по одной колонне айвана и по нечетному числу интерколумниев, поскольку на средней оси располагался дверной проход. При этих условиях единственно возможное число колонн равно двенадцати при расстоянии между осями до 2 м. Высота айвана выясняется благодаря наличию в кладке стены неглубоких гнезд от деревянных балочек былого плоского перекрытия айвана.

Построение стены очень своеобразно. Она как бы расчленена на две половины. Нижняя высотой 2,60 м представляет собой род сильно развитой панели. Архитектурное оформление ее включает пятиступенчатое основание, полуколонки с капите-

[1] Г. А. Пугаченкова. О каменных колоннах из Таласской долины.— «Труды ИЯЛИ КирФАН СССР», вып. 2. Фрунзе, 1948, стр. 152.

лями, вырезанными на плоской терракотовой плитке, и горизонтальную полосу фриза. Стена оштукатурена двойным слоем глины (2 и 1,5 см) и особым розоватым раствором алебастра с примесью крупногалечного песка, битой красноватой керамики и жженого кирпича. Она окрашена в основной плоскости в малиново-красный цвет; поверхность залощена.

В этой связи уместно вспомнить некоторые данные, заключенные в трактате Витрувия, который составлялся через два столетия после сооружения новонисийского храма. Витрувий настоятельно рекомендовал употребление штукатурного раствора, изготовленного на толченом кирпиче, с тем чтобы оштукатуренные части стен не подвергались воздействию сырости[1]. В условиях отделки наружных стен это имело немаловажное значение. Штукатурка такого рода в новонисийском здании также служила хорошим грунтом для окраски в красный цвет. Употребление последнего, по Витрувию, наиболее целесообразно в закрытых комнатах, так как под воздействием солнечных лучей киноварь портится и темнеет. Однако далее он предлагает способ сохранения наружных красных штукатурок: «После того, как стена отделана и высохла, покрыть ее при помощи кисти распущенным на огне понтийским воском с добавкой небольшого количества деревянного масла, после чего, разогрев этот воск вместе со стеной угольями, наложенными на железную жаровню, заставить его вспотеть; после этого совершенно выровнять его, затем растереть свечой и чистыми тряпками, как это делается с голыми мраморными статуями. Это называется по-гречески γανωσις. Такой защитный покров из понтийского воска не допустит в этой отделке выцветания красок путем поглощения их лунным светом и солнечными лучами»[2]. Лощение красных штукатурок в зданиях из Нисы, возможно, осуществлялось каким-то аналогичным способом. Если здесь и не употреблялась энкаустика, то во всяком случае были применены втирание жиров и механическое лощение. Остатки красных штукатурок из Нисы сохранили до наших дней чистоту окраски и мягкий блеск поверхности.

Ступени, базы и стволы полуколонн, оформляющих Красную стену, окрашены в черный цвет, капители — в красный. Этот своеобразный «ордер» завершает плоская черная полоса слегка выступающего антаблемента. Верхняя часть стены, возвышавшаяся над плоским перекрытием айвана, была оштукатурена белым ганчем. Высота ее над гнездами балочек достигала в максимально сохранившемся участке 2,50 м, но первоначально она была по крайней мере вдвое выше.

Полуколонны Красной стены по высоте равны всего лишь 1,70 м при диаметре 15,5 см. Базой им служит невысокий плинт. Капители вырезаны на терракотовых плитках размерами 23×13×3—5 см, покрытых по поверхности красноватым ангобом; они выдержаны в формах ионического ордера — с волютами, имеющими трехкратный раствор спирали, с розеткой посередине и невысокой абакой. Анализ этих колонок позволил установить их местное до-греческое, азиатское происхождение[3] и связь с традициями народной деревянной архитектуры. Характерно, что в жилом строительстве

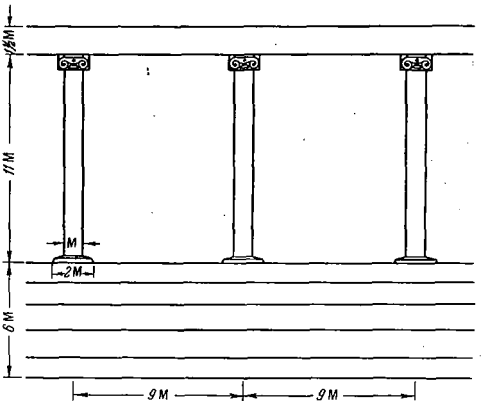
[1] Витрувий, кн. 7, гл. IV, § 1.

[2] Там же, гл. X, § 2—4.

[3] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 235.

туркменских племен мурчали, нохурли и гёклен подбалки деревянных колонн айванов и обширных помещений доныне сохранили форму «праионических» капителей нисийского типа.

Исследование колонок Красной стены установило для них определенные пропорции. Модульной единицей служил диаметр колонн, который 11 раз укладывался в их высоте, 8 раз — в интерколумнии, 6 раз — в общей высоте стереобата, $1^1/_2$ раза — во фризе. Чрезвычайная стройность колонок и обширные пролеты между ними, превосходящие нормы самых стройных ордеров греко-римской архитектуры, связаны с приверженностью к тем легким пропорциям, которые присущи были, очевидно, деревянным колоннадам массового парфянского народного строительства.

Храм в некрополе Новой Нисы. Пропорции «ордера» Красной стены.

Модуль — М=15,5 см.

Реконструируя форму деревянных колонн айвана, диаметр которых известен по верхней постели торовидных баз, а высота—по гнездам над черной полосой фриза, мы придаем им не цилиндрический, а слегка конически суживающийся кверху силуэт естественной формы древесного ствола. Вероятно, капителями служили плоские деревянные подбалки, обработанные по краям. Плоское перекрытие айвана представляло собой, видимо, обычную среднеазиатскую глинобитную кровлю. Она имела небольшой скат для стока воды; местами были проложены водосбросы-желоба (при раскопках найден фрагмент такого гончарного желоба).

Были ли окна? На сохранившихся по высоте до 5 м участках стен их нет. Однако по аналогии с более поздними, средневековыми строениями Южного Туркменистана можно предположить, что в верхней части стены были проделаны узкие световые проемы; щелевидная форма их диктовалась отсутствием в те времена остекления, что вынуждало устраивать эти проемы минимальных размеров. В завершении стены, как мы полагаем, был узорный парапет, составленный из терракотовых декоративных зубцов, подобных тем, которые были обнаружены в значительном количестве при раскопках на Старой Нисе (см. стр. 96—98).

Ступеньки декоративного стереобата, оформляющего низ стены, посередине прерываются; несомненно, что здесь располагался вход в помещение. Очевидно, в центре должна была находиться и лестница для подъема на платформу. Реконструируем ее

как лестницу с боковыми маршами, расположенными вдоль платформы, подобно лестнице в восточной части большого южного комплекса Старой Нисы, лестницам Персеполя и др.

Стены здания очень мощные (до 2,50 м). Внутренние габариты его сравнительно невелики — около 13 м длины примерно на 5 м глубины. Было ли здесь несколько помещений или одно — решить невозможно.

Назначение постройки почти несомненно культовое. Об этом говорят и факт создания на этом участке античной Нисы некрополя парфянской знати и особый, парадный характер архитектуры здания при сравнительно небольших его размерах. Видимо, это был род поминального храма при наусах парфянской знати, которые первоначально воздвигались рядом, а к I в. до н. э. вплотную надвинулись и перекрыли сооружение полуторавековой давности, пришедшее к этому времени в ветхость. Возведение парфянами храмов у крепостных стен отмечено в Дура-Европос; в числе их, например, святилище Афлада, воздвигнутое прямо в укреплениях этого города[1].

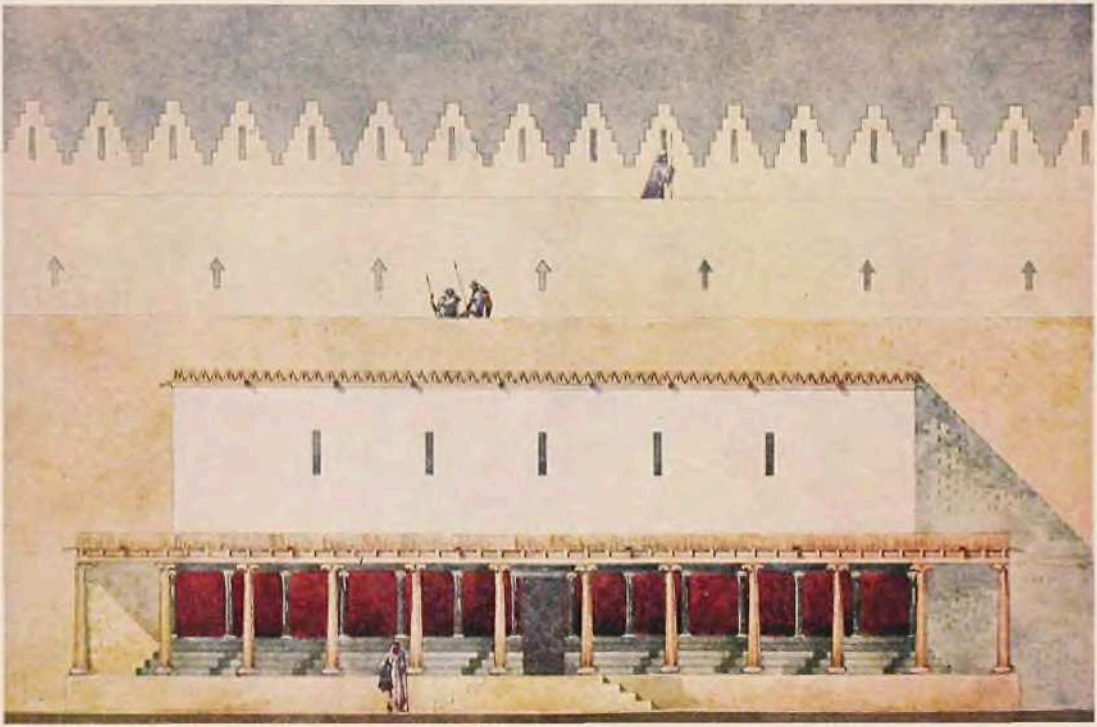
В планировочном отношении новонисийский храм приближается к так называемому «храму А» парфянского Ашура[2], заключающему в мощных толщах своих стен два продолговатых помещения. Еще более сближается он с парфянским храмом Гареуса в Варка. Последний также имеет невысокую платформу, к которой подводит четырехступенная лестница, колонный портик, глухую целлу храма, как бы расчлененную надвое; стены храма фланкируют небольшие пристенные колонки[3].

Архитектурный облик нисийского храма весьма своеобразен. Оформление стен его лишь отдаленно напоминает группу одиночных построек в парфянской Хатре, по мнению В. Андре (не подкрепленному им, однако, никакой аргументацией) — мавзолеев[4]. Здания в Хатре, выстроенные в основном из камня (или по крайней мере облицованные им), прямоугольны в плане, заключая внутри от одной до пяти-семи комнаток, и имеют единственный вход. Для архитектуры их характерно наличие высокого подиума; стены или гладкие или оформленные плоскими пилястрами с капителями коринфизированного типа[5]. Архитектурные формы обнаруживают известную близость к строительным традициям восточноримских провинций. Нисийский же храм воплощает принципы местной строительной культуры: фронтальность композиции; колонный айван как специфическая форма среднеазиатского жилищного зодчества; особый тип колонн; сочетание тонов — красного, черного и белого, излюбленное доныне в туркменском быту и искусстве; глина как основной строительный материал,— все эти качества связаны с традицией народного парфянского строительства и оригинальной переработкой некоторых мотивов эллинистического зодчества.

Несмотря на относительно небольшие масштабы, здание производит впечатление большой монументальности. Это достигается противопоставлением значительных гладких участков стены и тщательно разработанных мелких архитектурных

---

[1] M. I. Rostovtzeff. Dura and the Problem of Parthian Art, стр. 206—207.
[2] SPA, I, фиг. 109.
[3] SPA, I, стр. 110.
[4] W. Andrae. Указ. соч., т. I, стр. 106.
[5] Там же, фиг. 126.

Новая Ниса. Храм. Реконструкция.

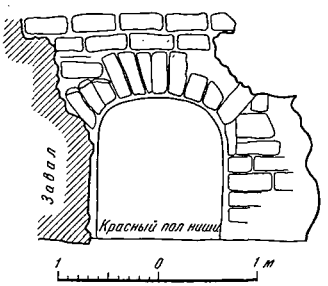

Новая Иса. Раскоп парфянского некрополя.

деталей, использованием принципа крупного ордера при небольших габаритах Красной стены, контрастом легкого, воздушного айвана и массивного параллелепипеда основного архитектурного объема, ритмическими членениями колоннад айвана и Красной стены. Однако это не количественная монументальность древневосточной архитектуры. В нисийском храме нет всеподавляющей грандиозности объемов и форм, но его архитектурные детали — легкий айван, ступени и колонки Красной стены, ажурный зубчатый парапет, а главное, общее соотношение частей и целого вводят ощущение человеческого масштаба. В этом

и заключаются те новые качества, которые принципиально отличают нисийский храм от памятников древневосточной архитектуры.

Уже к 1 в. до н. э. участок территории, прилежащий к храму, был использован для постройки комплекса погребальных камер парфянской знати[1], очевидно для захоронения по зороастрийскому обряду — не трупа, а костей покойника. Здание храма за полтора-два столетия своего существования пришло в упадок; новые постройки пристраиваются вплотную к его фасаду, гребни стен разрушаются. Выявленные к настоящему времени раскопками в этом участке четыре погребальных камеры сложены из сырца 40×40×10—12 см на глиняном растворе. Стены их весьма массивны — от 1,20 до 2,20 м, в то время как размеры самих камер невелики: 2,00×2,50м; 2,00×3,00 м. Камеры строились впритык друг к другу. В одном случае две камеры воздвигнуты были одновременно и последовательно заложены.

Арка прохода, соединяющего парфянские погребальные камеры.

Перекрытием служили своды, сложенные из сырца. В коридорообразной камере свод пролетом 1,10 м сложен клинчатой кладкой, в прочих, более обширных (до 2,00 м)— наклонными «отрезками». Кривая клинчатого свода — отлого-эллиптического начертания; своды больших камер, сохранившиеся лишь в нижних рядах кладки, были как будто повышенной кривизны.

Стены и своды камер оштукатурены глиной, по которой нанесен слой ганча, окрашенного в малиново-красный цвет, с лощением.

Аналогичны полы, очень хрупкие и не пригодные для ходьбы; они были предназначены лишь для помещения на них костных останков покойного и некоторого погребального инвентаря.

Следующий период строительства погребальных камер отмечается в северо-западной части храма и уже падает на II в. — начало III в. н. э. Первоначально у одного из углов храма была воздвигнута сырцовая перегородка, закрашенная так же, как и открывшийся угол стены здания, в черный цвет. По всей вероятности, эта новая стена также образовывала выступающий угол, судя по обрезу черной штукатурки, видимому в раскопе. Она ограничивала сводчатое помещение, перекрытое коробовым сводом «отрезками», пролетом в 2,30 м. Кладка последнего начиналась от торцовой стены, выведенной со специальным наклоном около 75° для «отрезков» свода. Но и эта камера подвергалась переделкам: она была заложена на высоту 1,60 м от пола сырцом и вымощена плитами хрупкого жженого кирпича размерами 44×31×5см и 46×47×5 см. Подобные продолговатые плитки полов отмечены и в

---

[1] Датировка одного из захоронений уточнена находкой монеты Орода I (56—37 гг. до н. э.).

греко-парфянских гробницах в Сузах, где они употреблялись исключительно для вымостки полов[1].

В приеме архитектурной организации красных камер налицо некий интересный принцип пока еще почти не выявленной системы наусов восточнопарфянского зороастрийского погребального культа. По типу они отдаленно напоминают Ипогей некрополя Пальмиры, где вдоль продолговатого зала перпендикулярно к стенам расположена система узких вытянутых камер, наглухо заделывавшихся вдоль линии стены, оформленной в простенках полуколонками[2]. Подобное распределение погребальных камер отмечается и в комплексах парфянских погребений в Дура-Европос. Сводчатые погребальные камеры I—II вв. н. э., аналогичные по структуре нисийским, обнаружены на парфянском кладбище в Сузах[3]. Наусы Нисы представляли менее четкий архитектурный организм, чем Ипогей, поскольку слагались они в течение нескольких столетий, не по единому планировочному замыслу, но в меру потребности организации новых погребений.

В архитектуре нисийских погребальных камер важно отметить, во-первых, употребление уже в I в. до н. э. двух типов сырцовых сводов; в памятниках западнопарфянского строительства применение сводчатых конструкций падает лишь на первые века нашей эры[4]. Во-вторых, надо указать на особую значимость ярко-красного цвета, видимо игравшего в эстетических воззрениях парфян (может быть в связи с религиозной символикой) не меньшую роль, чем в наши дни в быту у туркмен. Дальнейшие раскопки нисийского некрополя, несмотря на значительные трудности, связанные с выемкой огромных толщ верхних культурных наслоений, весьма перспективны в смысле выявления всего ансамбля слагавших его парфянских погребений.

СЕВЕРНЫЙ КОМПЛЕКС СТАРОЙ НИСЫ

Большое всхолмление в северной части городища Старая Ниса служило несомненным показателем наличия здесь руин какого-то значительного сооружения. В 1935—1936 гг. археолог А. А. Марущенко заложил на этом участке десятки узких разведочных, мелкого заложения траншей, сильно исказивших микрорельеф территории. Встретив в одной из них гребни сырцовых стен, производитель работ осуществил их расчистку, выявившую шесть небольших следующих в направлении с юга на север глухих комнаток. Не заметив дверных проемов и обнаружив вместе с тем на полу отдельные фрагменты разнообразного инвентаря, А. А. Марущенко высказал предположение, что то были кладовые, род замурованных сейфов, доступ в которые осуществлялся сверху, посредством переносных лестниц[5].

---

[1] J. de Morgan. Travaux en Tell de la citadelle. Fouilles à Suse en 1897/98, 1898/99. Délégation en Perse, Mémoires, Paris, 1900, стр. 53.

[2] R. Amy, H. Seyrig. Recherches dans la nécropole de Palmyre.—«Syria», t. XVIII, 1936, стр. 229—266, табл. XXXII.

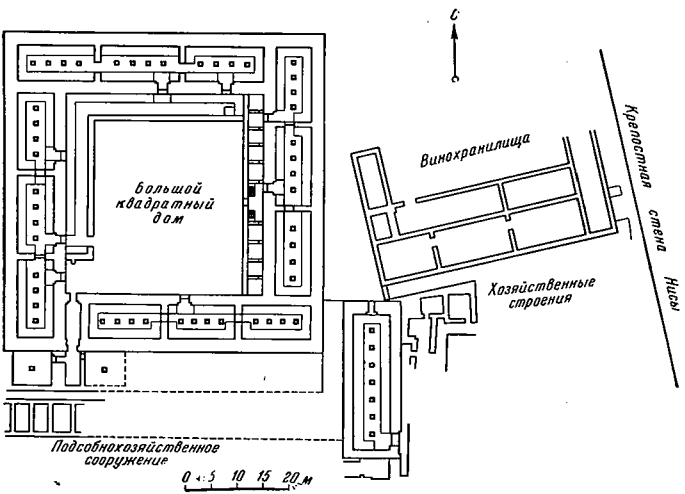
[3] R. Ghirshman. Iran from the Earliest Times to the Islamic Conquest, London, 1954, стр. 271, табл. 30-c.

[4] O. Reuther. Parthian Architecture.—SPA, I, стр. 100—101.

[5] А. А. Марущенко. Краткий отчет о работе Кабинета археологии Туркменского государственного института истории.— «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 183.

Лишь широкие раскопки на всей площади северного комплекса Старой Нисы, проводившиеся ЮТАКЭ в 1948—1952 гг., позволили выявить общий характер его планировки, установить основные данные его истории, наконец, извлечь ценнейший вещественный материал — парфянскую утварь и произведения искусства[1].

Работами экспедиции установлено, что упомянутые комнатки входили в состав крупного здания, которое в дальнейшем мы будем условно именовать Квадратным домом. Это была постройка особого назначения. Расположенный в северном участке

Старая Ниса. План вскрытых строений северного комплекса.

царского заповедника — Старой Нисы, поодаль от основного пространства садово-паркового и дворцового ансамбля, Квадратный дом отличается компактностью и замкнутостью плана.

По свидетельству Исидора Харакского (I в. до н. э.), в Нисе—Парфавнисе располагались «могилы парфянских царей». Речь идет об усыпальницах старших Аршакидов, так как останки представителей младшей ветви этой династии (I—III вв. н. э.) предавались погребению в Арбелах, причем усыпальницы их были подвергнуты кощунственному разграблению Каракаллой в 217 г. Однако несомненно, что и в первых веках нашей эры царские могилы в Нисе продолжали сохранять значение родовой святыни, пиетет в отношении которой со временем лишь возрастал.

Выявленный при раскопках Квадратного дома археологический инвентарь (мо-

[1] См. М. Е. Массон. Новые археологические данные к истории Парфии.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1952, № 5, стр. 14 и сл.

Старая Ниса. Раскопки длинных комнат Квадратного дома.

неты, произведения прикладного искусства и др.) дает даты от III в. до н. э. до I в. н. э., но не позднее. Богатство и специфика этого инвентаря, своеобразная картина последовательного замуровывания отдельных помещений, известная парадность его архитектуры,— все это вполне отвечает предположению, что Квадратный дом не просто выполнял функции складов, но представлял комплекс особых хранилищ, как-то связанных с ритуальным обслуживанием упомянутых Исидором Харакским усыпальниц парфянских царей старшей ветви Аршакидской династии.

Раскопками установлено несколько этапов в истории Квадратного дома.

В конце III—начале II в. до н. э. возникает основной объем здания квадратного плана (59,70×59,70 м по внешнему периметру), заключающего квадратный двор (38×38 м), первоначально обведенный колонным портиком с двойным рядом колонн у южного фаса, с одинарным — у остальных. Раскопки выявили вдоль западного и северного фасов двора остатки оснований колонн. На каждой стороне их было по девяти в ряду, но в настоящее время от большей части сохранились лишь куски каменных плит от баз и лишь местами сами базы — маленькие, аккуратно выточенные из серого камня, торовидные по форме, на квадратном плинте. Диаметр их в широкой части — около 30 см, в плоскости опирания стволов —20 см. Несомненно, что сами колонны были деревянными; судя по

столь малому диаметру, они достигали 3 — 3,5 м по высоте и несли легкое плоское перекрытие.

Здание сооружено из квадратного сырца размерами от 39 до 40 см в стороне на 11—12 см толщины, на глиняном растворе. Стены внутри и снаружи оштукатурены глиной. По всем сторонам располагалось по три продолговатых помещения, анфиладно сообщавшихся между собой, причем средние имели также выход в сторону двора. Главным фасадом был южный. В южной группе помещений сбоку находился узкий вестибюль, сообщавшийся с колонным портиком двора.

Вдоль стен всех комнат расположены выведенные в перевязку с ними и из того же сырцового кирпича суфы высотой 60—70 см, шириной 1,75—1,80 м; поверхность их также оштукатурена глиной.

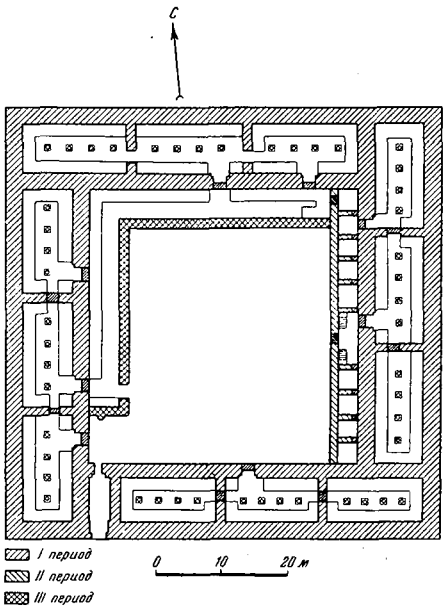
На оси каждой из комнат лежат на равных расстояниях по четыре торовидных базы былых колонн. В двух помещениях базы каменные, выточенные из серовато-зеленого песчаника. Диаметры их в максимальном сечении — от 55 до 60 см, по верхней постели 40—45 см, высота — от 60 до 70 см. Некоторые базы имеют одинарный плинт, другие — в виде двух уступов. Базы остальных помещений сложены из жженого кирпича на чистом ганчевом растворе и оштукатурены тем же ганчем. Тор покоится обычно на одном уступе. Высота тора и плинта составляет 21—22 см, большой диаметр тора — 63 — 65 см, малый — 44—45 см. Тор выложен из двух рядов лекального кирпича, тщательно отесанного по наружной поверхности. Установлены пропорциональные закономерности в размерах этих баз: двухкратное отношение общей высоты базы к малому диаметру тора, трехкратное — к его большому диаметру.

Стволы колонн и перекрытия были деревянными, о чем свидетельствуют найденные в завале куски стоек, балок и сплошной слой истлевшего дерева над суфами и полами.

Отстроенное в III — начале II в. до н. э. по четкому архитектурному плану здание в пределах парфянской эпохи претерпевало ряд изменений. Археологически установлен факт последовательной закладки наглухо проемов сначала смежных комнат, затем помещений, обращенных во двор, с оставлением внутри разнообразного, нередко драгоценного инвентаря. По-видимому, выключение отдельных комнат комплекса осуществлялось по мере совершения обрядов погребения умиравших членов династии. В конечном счете уже к I в. до н. э. все комнаты оказались замурованными и потребовалось возводить новые помещения.

Это был второй крупный строительный период в истории здания. Предпринятые мероприятия свелись к следующему. Колонные портики двора были снесены, а поверхность снивеллирована так, чтобы базы или обломки их попали под новый пол, на 30 см возвышающийся над первым. Параллельно стене восточного фасада была воздвигнута стена, а образовавшееся узкое помещение было расчленено на 10 комнаток. Последние соединялись между собой маленькими проемами, впоследствии наглухо замурованными. В одной из комнат (предполагаемая кордегардия) имелись две сложенные из сырца лестницы, которые вели на крышу.

Третий строительный период связан с выведением вдоль северного и западного участков двора новых стен, сложенных из сырца несколько более крупного стандарта, чем прежние,— 43—44 см в стороне на 12—14 см толщины. Вдоль стен проходят длинные суфы. Прямо напротив входа в дом появился участок поперечной кладки из сырца, оштукатуренной ганчем, посередине которой вприток располагался алтарь. Последний имел округлую форму и базис в виде невысокого тора на квадратном плинте, аналогичный по типу базам пристенных колонн Квадратного зала в южном ансамбле Старой Нисы (см. стр. 88). Верхняя часть алтаря разрушена; общая высота его достигала примерно 1—1,20 м. Ствол алтаря украшает живопись: гирлянды алых цветов (роз?), перевитых черными лентами. В греко-римском мире тип подобных алтарей встречается уже в эллинистическую пору, но сохраняется и в римское время; известные памятники этого рода изготовлены из мрамора и украшены скульптурными гирляндами, букраниями, масками (алтари из Кумеи, Делоса и др.)[1]. Алтарь из Квадратного дома Нисы явно имитирует эллинистический образец, но в местном строительном материале, с заменой пластического оформления живописным. Известны невысокие каменные алтари того же типа и из западнопарфянских областей (Шами)[2].

Квадратный дом. План с показанием последовательных изменений.

Интересным элементом благоустройства здания второго периода строительства является прокладка со стороны двора наружу в северном направлении под полом коридора и одной из комнат сточных труб. Этот типичный для среднеазиатского строительства «таш-нау» служил для отвода скапливавшихся в замкнутом периметре двора

---

[1] C. G. Yavis. Greek Altars. Saint-Louis, Missouri, 1949, стр. 149.
[2] A Stein. Old Routes of Western Iran. London, 1940, табл. XXVII, 21.

атмосферных вод. Таш-нау был выполнен из круглых гончарных кобуров сечением 25 см, нанизанных друг на друга.

Заключительные мероприятия осуществлены были в Квадратном доме уже к началу I в. н. э., когда были замурованы и опечатаны царскими печатями все помещения. Археологический материал из Квадратного дома свидетельствует, что с начала нашей эры процесс перестроек прекращается.

Установленный раскопками факт жестокого ограбления Квадратного дома, уноса не только драгоценного инвентаря, но даже деревянных частей дает основания полагать, что этот акт был совершен в III в. н. э. после падения династии Аршакидов, вероятно, по прямому указанию кого-либо из первых Сасанидов, как надругательство над сооружением, высоко чтимым низвергнутой династией.

Особенностью Квадратного дома в его первом строительном варианте является перистильная организация двора. Прием этот, несомненно, связан с традициями жилищной архитектуры, общими для многих южных стран. Перистильная композиция очень типична для жилых домов эллинистической архитектуры (ср., например, «Дом Трезубца», «Дом Дельфина», «Дом Диониса» на о. Делосе — III—II вв. до н. э.)[1]. Колонные портики окружают дворы парфянских дворцов Ашура и Ниппура[2]. Оформление двора колонными айванами доныне сохранилось в туркменском народном жилом строительстве Приамударьинских районов. Однако принцип группировки помещений вокруг прямоугольного центрального пространственного ядра — двора или помещения—довольно типичен также и для погребального ближневосточного строительства парфян. Примеры тому можно проследить в малых масштабах в парфянском некрополе Дура-Европос[3], в крупных — в Ипогее Пальмиры[4], где замурованные камеры также расположены по периметру двора. Одна из гробниц юго-восточного некрополя Пальмиры представляет собой квадратный дом с перистильным двором, окруженным узкими камерами[5].

Перестройки же Квадратного дома в третьем периоде, когда колонные портики были заменены обводным коридором, скорее напоминают принципы планировки культовых сооружений, например храма огня ахеменидской эпохи в Сузах, храма Ваала Шамина, храма огня в парфянской Хатре и др.[6]

Анализ плана Квадратного дома позволил установить, что он имел очень четкие пропорции, подчиненные определенной модульной сетке. Величина модуля (М) равна 2,28 м и соответствует толщине основных ограждающих стен. Внешний периметр здания составляет 26×26 М, размеры двора (по осям колонн портика)— 14×14 М, пролеты помещений — 3 М, а расстояние между крайними точками четырех колонн каждого из этих помещений — 4 М. Эти пропорции, точность разбивки и правиль-

---

[1] ВИА, т. II, вып. 1, рис. 348 и 349, стр. 325 и сл.

[2] O. Reuther. Parthian Architecture.—SPA, I, фиг. 106 и 108.

[3] Fr. Cumont. Указ. соч., табл. CI—CIII.

[4] R. Amy, H. Seyrig. Указ. соч.

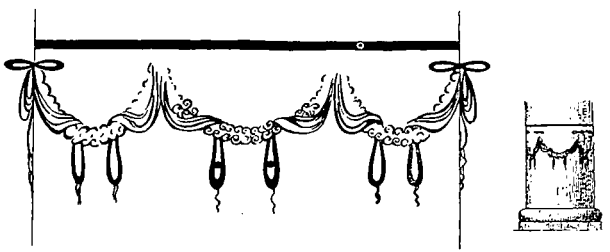
[5] A. Gabriel. Recherches archéologiques à Palmire.— «Syria», VII, 1926, фиг. 7, стр. 90—91.

[6] Ugo Monneret de Villard. The Fire Temples. «Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology», vol. V, 1936, стр. 175, фиг. 2—4.

ность углов свидетельствуют о высоком развитии архитектуры и приемов практической геометрии.

Наружные стены дома были гладкими и глухими. Архитектура интерьеров выявляется достаточно четко. Представление о ней дает чертеж реконструкции одной из стандартных по типу комнат первого строительного периода (см. стр. 77).

Высота помещений, исходя из размеров сохранившихся до 3 м стен и примерных пропорций колонн, диаметр которых известен, достигала 4,5—5 м. При восстановлении первоначального вида колонн мы руководствовались теми же принципами, что и для деревянных колонн на торовидных базах портика хронологически близкого храма

Квадратный дом. Алтарь; деталь росписи.

Новой Нисы. Характер плоского перекрытия устанавливается благодаря обнаружению при раскопках остатков истлевших и съеденных термитами деревянных балочек, а также по конструктивным соображениям. Постановка ряда колонн на оси помещения, несомненно, преследовала цель вдвое сократить пролет балок перекрытия в помещении шириной 6,70 м. На колоннах покоился несущий продольный прогон. Балочки перекрытия лежали на нем и на стенах. Комнаты аналогичной композиции — продолговатого плана с рядами колонн на каменных торовидных базах — известны в персепольской сокровищнице Ахеменидов[1]. Тип такого рода колоннад, рассекающих надвое продолговатые помещения большого пролета и несущих главный прогон, доныне можно наблюдать в оригинальных мечетях туркменского племени мурчали.

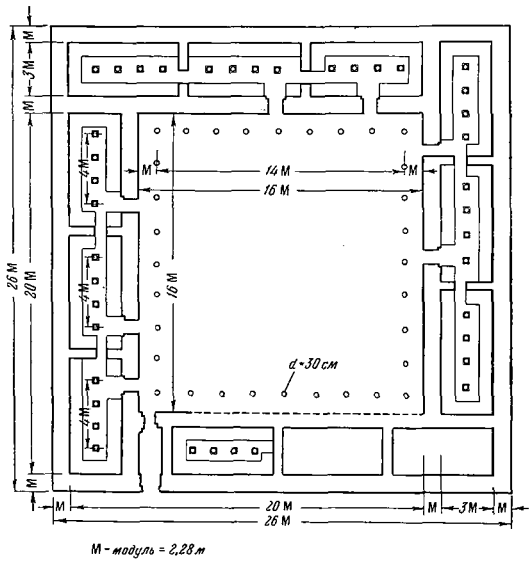
Архитектурный облик помещений Квадратного дома весьма оригинален, несмотря на известную скромность отделки стен и полов, поверхность которых покрывает лишь глиняная обмазка. Вероятно, в древности они были увешаны и устланы великолепными парфянскими коврами, похищенными при ограблении здания. В более поздних малых камерах второго строительного периода поверхности стен покрыты слоем белоснежной штукатурки.

Наличие покрытого живописью алтаря подкрепляет предположение об особом, «посвятительном» характере здания.

---

[1] E. Schmidt. The Treasury of Persepolis. Chicago, 1939, фиг. 32, стр. 53 и сл.; его же. Persepolis. Chicago, 1953, фиг. 64, 75—80, стр. 156 и сл.

В заключение остается подчеркнуть, что архитектурная концепция Квадратного дома Старой Нисы очень своеобразна и не имеет прямых параллелей себе не только в памятниках греко-римского круга, но и западнопарфянского зодчества. Характерные для нее черты — большая роль колонных систем, особый «парфянский ордер» колонн, подчинение декоративных задач архитектурным — были установлены нами и в оформлении парфянского храма Новой Нисы.

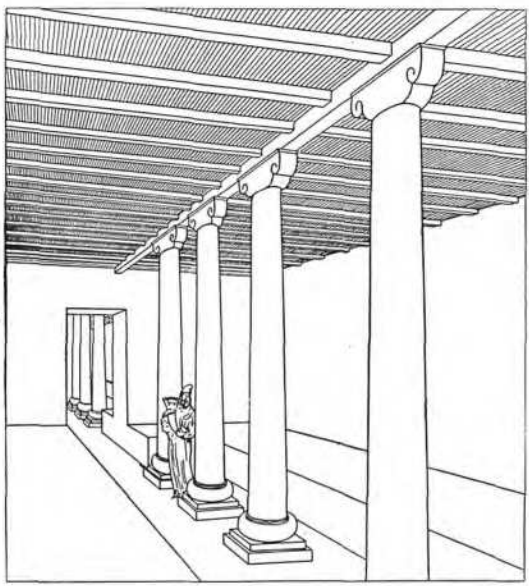

Квадратный дом. Анализ пропорций плана (первый строительный период).

С 1951 г. первым отрядом ЮТАКЭ были начаты раскопки за южным и восточным фасами Квадратного дома, принесшие замечательное открытие архива парфянских хозяйственных документов II—I вв. до н. э. Вскрытие руин располагавшихся здесь построек позволило сделать ряд новых интересных наблюдений, относящихся к характеристике парфянского строительного дела.

С восточной стороны дома находилось сооружение, заключавшее группу винохранилищ — «хумхана». В настоящее время вскрыто уже девять таких хумхана, содержащих многие десятки крупных глиняных пифосов—хумов. В сооружении их отмечаются два строительных периода. В раннем, датируемом первыми веками до нашей эры, стены возводились из пахсы; в позднем (I—II вв. н. э.) — они складывались из сырца

крупного формата, 42—44 см в стороне на 12—14 см толщины. В этом чисто хозяйственном сооружении обращает внимание точность разбивки — параллельность стен и правильность углов. Помещения имеют крупные размеры: до 14,50 м длины при 6,40 м ширины. Никаких остатков промежуточных опор здесь нет; перекрытие, видимо, осуществлялось при помощи балок значительного сечения.

Комнаты Квадратного дома. Реконструкция.

Близ юго-восточного угла Квадратного дома располагалась какая-то другая постройка хозяйственного назначения; в 1953 г. была вскрыта одна из комнат. При этом выяснилось, что общий архитектурный принцип ее идентичен комнатам Квадратного дома: она продолговата в плане, с суфами вдоль стен, с расположенными на оси семью деревянными колоннами на торовидных базах из жженого кирпича, оштукатуренных ганчем.

С южной стороны Квадратного дома к внешней стене примыкала многокомнатная постройка производственного характера (здесь встречены, между прочим, литейные очажки). В 1952 г. вскрыты три небольшие комнатки, стены которых сложены из сырца. В архитектурном отношении особенно интересна одна из них, квадратная в плане, в центре которой — небольшая торовидная база из зеленоватого песчаника. На ней,

очевидно, покоилась деревянная колонна, на которую крестообразно опирались несущие прогоны перекрытия.

Таким образом, хозяйственные сооружения северного комплекса развивают те же специфические строительно-технические приемы, которые отмечены в архитектуре новонисийского храма и Квадратного дома Старой Нисы.

ЮЖНЫЙ КОМПЛЕКС СТАРОЙ НИСЫ

Наиболее значительный архитектурный комплекс в Старой Нисе сосредоточен в южной части городища. Микрорельеф его был совершенно искажен в 1930-х годах вследствие бессистемного метода траншейных раскопок, избороздивших поверхность, выявивших какие-то отрезки стен и помещений, но не установивших ни общей планировки ансамбля, ни хронологической последовательности возведения его слагаемых. Датировка южного комплекса была отнесена к промежутку времени между III—серединой I вв. до н. э., причем на грани нашей эры он будто бы был погребен в результате землетрясения, после чего уже более не восстанавливался. Сведения эти проникли в литературу, где приводились как безусловные вплоть до недавнего времени[1].

Проводившиеся ЮТАКЭ с 1946 г. систематические раскопки на больших площадях этого огромного археологического памятника (полное вскрытие которого потребует нескольких десятилетий планомерных работ) позволили внести ясность в вопросы истории сложения комплекса и установить основные черты его архитектурного стиля.

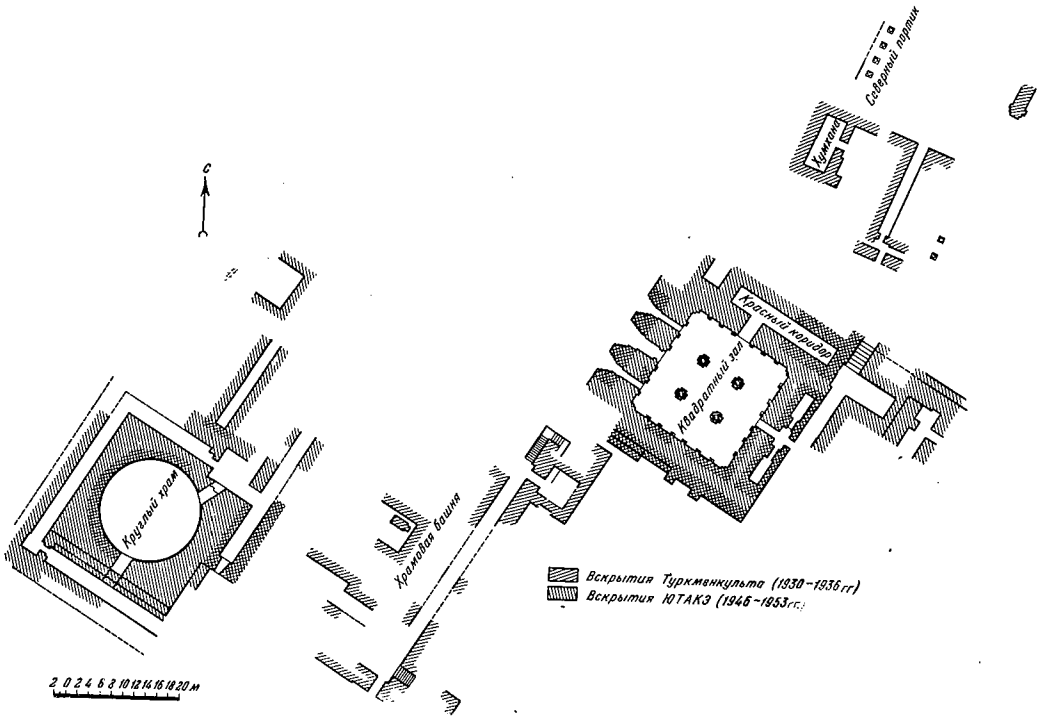
В планировочном отношении южный комплекс составляют как бы три основных группы построек: центральная — с большим квадратным четырехстолпным залом, к которому примыкают коридоры, кордегардии, большие и малые комнаты; северная — со множеством покоев и бытовых помещений, с ясно читаемым в микрорельефе прямоугольным двориком, имевшим колонный портал; южная — с большой монолитной квадратной башней, обведенной коридорами, и с круглым залом, также охваченным по квадрату сводчатым коридором.

Основным строительным материалом служил крупный квадратный сырцовый кирпич, размеры которого колеблются от 39—40 до 42—43 см в стороне на 12—14 см толщины. Отмечены отдельные кирпичи с тамгообразным знаком Аршакидов — кружком и крестовиной, нередко встречающимся на монетах парфянских царей с I в. до н. э. и до II в. н. э. Оттиски клейм на сырце, как известно, широко практиковались в античных постройках Средней Азии; кроме Нисы, они отмечены в кушанском Термезе, в Хорезме, в Кобадиане, в парфянском Мерве.

Кладка велась на глиняном растворе, наносившемся в жидком состоянии лишь по горизонтальным постелям. Стены оштукатурены глиной, иногда с ганчевой побелкой поверх. В особо парадных помещениях применялась орнаментальная роспись, или сплошная окраска в малиновый цвет по особому подслою, включающему ганч, речной песок и толченую керамику (т. е. тот же прием, что и в постройках

---

[1] См. Г. П. Горшков. Землетрясения Туркмении.— «Труды Сейсмологического института», № 122, М.—Л., 1947, стр. 3—5; Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949, стр. 40—41.

Южный комплекс. План выявленных раскопками строений.

Вскрытие Квадратного зала.

некрополя Новой Нисы). В особо ответственных несущих конструкциях применялся жженый кирпич квадратной формы (в фундаментах, размер 38×38×8 см) или лекальный (колонны, столбы). Как установлено Н. С. Гражданкиной, осуществлявшей анализ строительных материалов Нисы, кирпич этот характерен приготовлением сырой массы при малой добавке воды и с введением большого количества волокнистых веществ — самана или камыша. Выгоревшие следы их четко видны на лицевых поверхностях и в изломе. Обжиг далеко не совершенен — в изломе кирпича виден черный перекал, а между тем по прочности кирпич приближается к современной марке 75 ГОСТ.

В архитектурном декоре нередко употреблялась терракота. Из нее изготовлены аканты колонн, карнизы и тяги, архивольты арок и особые фигурные облицовочные плиты со скульптурными изображениями. Применялись также алебастровые облицовки.

В перекрытии кровель иногда использовались черепицы. Они имели форму плоских плит (размером около 50×35×5 см) с рельефными закраинами, накладывавшимися внахлестку на закраины соседних черепиц. По типу они схожи с черепицами из Причерноморья.

Ядро центральной группы южного комплекса Старой Нисы составляет большой Квадратный зал. Изучение стратиграфии археологических слоев и анализ его ар-

хитектуры позволили установить здесь наличие нескольких строительных периодов.

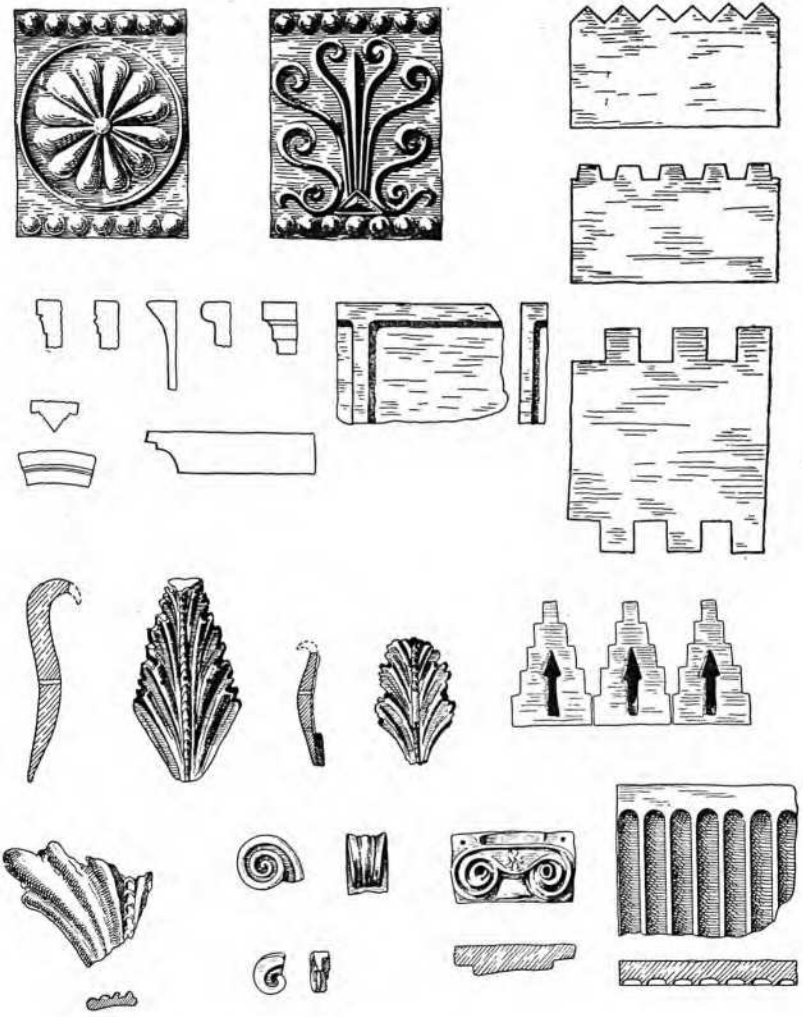
Первый из них падает на III—II вв. до н. э.

Зал был основан на сплошной двухметровой по высоте платформе из сырцового кирпича. Размер зала — около 20×20 м. Его окружают мощные (до 3 м) сырцовые стены. С северной стороны располагались три входа, оформленные снаружи мощными пильерами, раскрепованными по пяти уступов каждый. По одному выходу имелось также на осях восточной и южной стен. Стены интерьера уже в первом строительном периоде были расчленены на два яруса. Нижний оформляли пилястры, по семи на каждой стороне, высотой около 3 м, сложенные из сырцового кирпича и выступающие на 25—30 см. В углах стены были раскрепованы на два уступа. Пилястры были облицованы каменными ортостатами. При расчистке под полом второго строительного периода была найдена одна из таких облицовочных плит серого камня (размером 30×38×5 см), оформленная каннелюрами. Последние имеют полуциркульное завершение и плоские разделительные «дорожки». Начертание каннелюр в плане эллиптическое, характерное для греческих ордеров, в отличие от римских, где очерк каннелюр составляет часть окружности. На тыльной стороне плиты сохранился ганчевый раствор для закрепления на кладке.

Деталей капителей пилястр пока не найдено. Однако составить суждение о возможном облике их, о распределении над ними архитравных элементов и вообще о стиле ордера позволяют найденные в Квадратном доме Старой Нисы среди парфянских изделий из резной слоновой кости II в. до н. э. фрагменты инкрустации от шкатулки. Одна из ее стенок была украшена костяными пластинками с гравированными изображениями ордера с каннелированными пилястрами. Их капители — дорического типа с небольшим эхином и абакой; они напоминают по начертанию образцы несколько суховатой эллинистической дорики III—II в. до н. э. (например, Священной Стои, портика Афины, храма на Вехнем рынке в Пергаме, Булевтерия в Милете, западного портика агоры в Магнесии на Меандре и т. п.[1]). Архитрав гладкий, фриз оформлен триглифами, карниз имеет профиль четвертного вала и украшен овами.

Найденные при раскопках Квадратного зала архитектурные фрагменты позволяют предположить аналогичный характер антаблемента над пилястрами. Архитрав, по-видимому, был обозначен, как на костяной шкатулке и как на Красной стенке храма из Новой Нисы, глухой, может быть окрашенной полосой. Что касается фриза, то в его оформление как будто входила группа найденных при раскопках особых прямоугольных терракотовых плит трех типов. Два первых имеют размеры 32×40×4,5 см. Вверху и внизу они окаймлены почти смежными выпуклыми полусферическими «горошинами», по шести в ряду. В основной же плоскости выполнена в горельефе (до 2,5 см) 12-лепестковая розетка в круге или пальметта с тремя парами загибающихся внутрь завитков и центральным стержнем на треугольном основании, обрамленном парой лежачих, закручивающихся наружу завитков. В последнем случае налицо парфянизированная интерпретация широко распространенного мотива эллинистической архитектуры. Если в классическом зодчестве Греции преобладали пальметты-

[1] ВИА, т. II, вып. 1, рис. 267, 281, 286, 292, 313 и др.

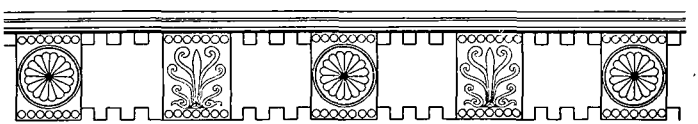

Архитектурные терракотовые детали.

антефиксы с обратным описанному заворотом лепестков, то близкий к нисийскому *тип пальметты получает распространение лишь в эпоху эллинизма*[1].

Антефиксы, совершенно идентичные по начертанию антефиксам наших терракотовых плит, выгравированы на царских ритонах III—II вв. до н. э. из Квадратного дома Старой Нисы.

Третий тип терракотовых плит имеет размеры 34×40×4,5 см. На малых параллельных гранях их имеется по три выступающих и западающих уступа размером 5,5—6 см, примерно квадратной формы. Высказывавшееся предположение, будто эти плиты служили для облицовки сырцовых стен, сопрягаясь врепереплет зубцами[2], невероятно, так как зубцы и прорези отформованы не очень правильно и невозможно не только осуществить точную взаимную подгонку их, но нередко даже вогнать зубцы

Реконструкция фриза.

в отверстия. Совпадение материала, высот и толщин этих плит с описанными плитами с розеткой и пальметтой и обнаружение их в единых археологических комплексах наталкивают на предположение, что те и другие входили в систему облицовки какого-то фриза, с последовательным взаимным чередованием их, наподобие триглифов и метоп; зубцы на гранях играли при этом роль «капель»; вообще же вся система являла переработку форм дорического ордера, слияние разнородных, своеобразно понятых декоративных элементов.

Сложнее решается вопрос о первоначальном оформлении второго яруса стен. Однако материал археологических раскопок и наблюдений позволяет ответить и на него.

При вскрытии пола в участках, прилежащих к четырехлопастным столбам второго строительного периода Квадратного зала, был установлен факт вымостки их оснований особыми лекальными четвертными кирпичами радиусом 18,5 см, тщательно отшлифованными по криволинейной поверхности. Они попали сюда уже во вторичном использовании; такие же кирпичи или фрагменты их встречаются просто под верхним полом. Совершенно несомненно, что первоначально они были специально изготовлены и, судя по наличию на постелях связующего раствора, употреблены в кладках *каких-то колонн диаметром до 40 см. Местоположение этих колонн* где-нибудь в нижних частях стен исключено, поскольку последние были оформлены сырцовыми пиля-

[1] Анализ типа нисийских пальметт приведен в нашей статье: «Архитектурные памятники Нисы».— «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 224.

[2] Н. М. Бачинский. Искусство старых зодчих Туркмении. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. М., 1950, стр. 9.

страми. Колонки эти могли располагаться лишь над антаблементом первого яруса стен. Можно думать, что это были настенные полуколонны. Капители их оформлялись терракотовыми акантами, фрагменты которых также обнаружены в археологическом слое между полами первого и второго строительных периодов. Пропорции этих колонн приняты на чертеже реконструкции близкими к обычным нормам коринфского ордера, т. е. 1 : 10.

Комплект терракотовых акантов, найденных при раскопках южного комплекса Старой Нисы, представляет выдающийся интерес. Они дают несколько вариантов размеров, но преобладают два (40×21 см и 27×17 см), вполне однородных по стилю.

Аканты очень выпуклы в профиль и удлинены в фас; они имеют четырех-пятикратное членение контура на группу рельефных элементов листа и вдавленных поверхностей, разделенных отлогими петлями. Контуры лепестков (по 3—4 в пучке) скорее заострены, чем округлы; крайний лист резко загнут наружу. Выпуклый центральный прожилок оформлен косыми насечками. Некоторые листы явно располагались на криволинейной поверхности, другие — на плоскости. Крепились аканты на свинцовых штырях, вставлявшихся в специально высверленные еще до обжига отверстия (от одного до трех), размещенные на среднем прожилке, иногда — на самой листве. Некоторые аканты несут следы окраски в голубой и розовый цвет, но, кажется, она связана со вторичным использованием акантовых листов.

Ближайшие аналоги акантам Нисы [1] дают некоторые высокохудожественные предметы прикладного искусства, найденные в самой Нисе: аканты на бронзовых чашах и венцы акантов, украшающие основания царских ритонов, выточенных из слоновой кости [2].

Употребление в северопарфянской архитектуре терракотовых акантов не было исключительной особенностью комплекса царских построек Старой Нисы. В 1952—1953 гг. на парфянском городище Дэв-кала (в области Мерва) найдены фрагменты капителей пилястр. Материалом их служила светло-серая (не красноватая, как в Нисе) терракота хорошо отмученного и крепко обожженного лессового черепка. Техника формовки — оттиск матрицей по сырому тесту с последующей подправкой вручную. Внешняя поверхность акантов полита голубой глазурью. Аканты эти высотой 10 см имеют средний рельефный прожилок, оформленный насечками, и по два боковых пучка лепестков, мягко моделированных по очертанию. Лист широкий; по рисунку он в общем несколько иной, чем аканты Нисы. Аканты размещались на капители в ряд, причем между ними на втором плане были введены верхние лепестки промежуточных листов.

Исключительно интересна также небольшая литая гипсовая капитель из дома ремесленника в Мерве I—II вв. н. э., обнаруженная при работах ЮТАКЭ в 1953 г. Это коринфизированная капитель пилястры с двумя рядами акантов (несколько мятой моделировки) и женской погрудной фигуркой посередине. Капитель относилась, видимо, к оформлению домашнего алтаря, как мы полагаем, алтаря

---

[1] Анализ нисийских акантов приведен в нашей статье: «Архитектурные памятники Нисы». — «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 226 и сл.

[2] М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии.— ВДИ, 1950, № 3, рис. 1.

Капитель из Мерва.

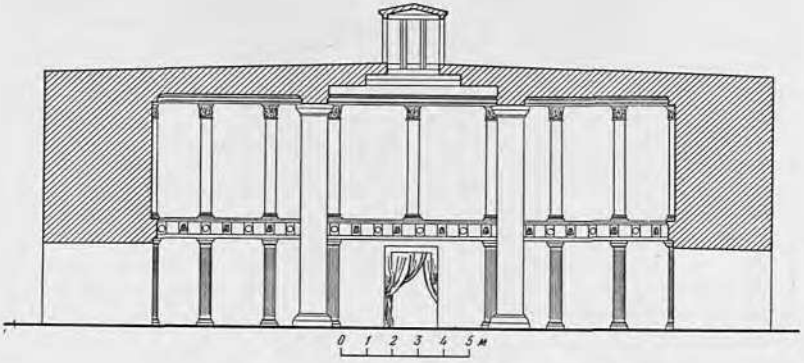
Великой Маргианской богини, стойкий и длительный культ которой в античном Мерве засвидетельствован многочисленными статуэтками.

Капители пилястр из Мерва и Дэв-калы, равно как и аканты Нисы, являются примером применения коринфизированного ордера в местном зодчестве поры Парфянского государства Аршакидов. Этот эллинистический в своей основе мотив получает на местной почве определенную переработку форм. Характерно и то, что при изготовлении капителей используется не камень, но типичный среднеазиатский материал—безглазурная или глазурованная терракота.

Перекрытие Квадратного зала было архитравным; балки его опирались на стены и на четыре круглых столба, расположенных по малому квадрату помещения. Столбы были сооружены из жженого кирпича особой лекальной формы. Вычисление по хорде и дуге позволило установить размер диаметра, составляющий около 90 см. Общая высота помещения достигала примерно 8—9 м, чему соответствовала и высота этих столбов. При 20-метровой длине сторон Квадратный зал, несомненно, производил впечатление несколько приземистого.

Приведенный материал дает достаточно обоснований к составлению графической реконструкции оформления стен Квадратного зала в том первоначальном виде, в каком он был возведен в III—II вв. до н. э.

Обстоятельства капитальной перестройки зала в конце I — начале II в. н. э. связаны с определенной исторической ситуацией. К этому времени относится период нового подъема политической мощи Парфянского государства, но уже под эгидой младшей ветви Аршакидской династии. В целях демонстрации своей преемственной

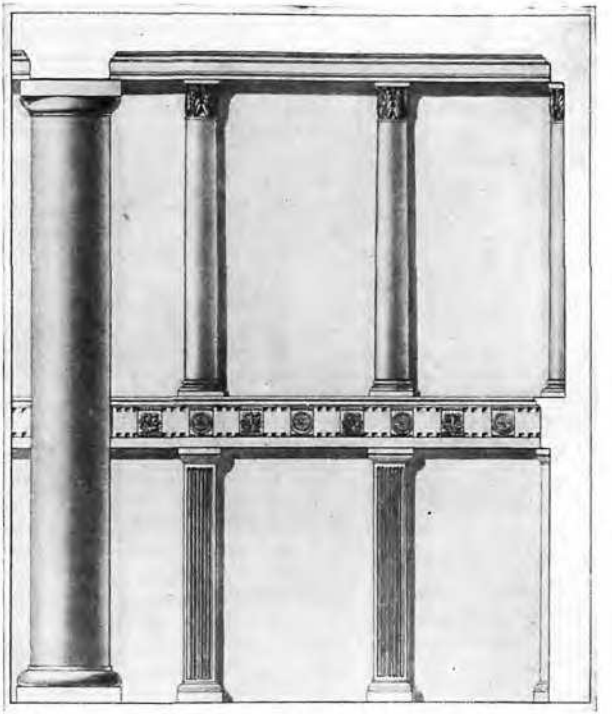
Квадратный зал (первый строительный период). Разрез. Реконструкция.

связи со старшими Аршакидами (как известно, кровнородственная связь уже прервалась) и особого уважения к родовому «куруку» были предприняты большие строительные работы на Нисе, отражением чего, вероятно, и является реконструкция центрального зала главного архитектурного ансамбля «царского города». Значительные переделки, которым подверглись конструктивные элементы Квадратного зала, позволяют предположить серьезное разрушение их, скорее всего вследствие землетрясения. Неизбежное при сильном подземном толчке обрушение его главных несущих столбов, части кирпичных полуколонок, облицовочных каменных плит подсказали строителям необходимость при капитальной перестройке зала обратить особое внимание на прочность новых конструкций.

Во втором строительном периоде главным, несущим перекрытия столбам уже было придано четырехлопастное сечение. Наряду с увеличением размеров они превратились как бы в пучок сомкнутых колонн, приобретая большую жесткость. При этом для экономии жженого кирпича сцементированные глыбы кладок первоначальных устоев попадают в толщу четырехлопастных столбов. Они имеют сечение 1,92 м и покоятся на крестовидном плинте, основанном на мощном кирпичном фундаменте[1].

---

[1] См. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 203—204, рис. 2.

Квадратный зал. Ордер первого строительного периода. Реконструкция.

Лекальный кирпич былых полуколонок второго яруса частично отесывается и вводится в кладки новых полуколонн, фланкирующих низ стен, а частично идет на вымостку базисов четырехлопастных устоев. Уцелевшие аканты во вторичном использовании употребляются на оформление капителей, а сломанные куски их попадают под пол, в забутовки. Два прохода в западной стене замуровываются, а главный вход теперь устраивается с восточной стороны.

В эту пору существенно изменяется весь облик интерьера. При сохранении основной планировочной и пространственной схемы формы и детали приобретают совершенно иные архитектурные качества, свидетельствуя о новом этапе развития архитектурных идей в местном строительстве.

Квадратный зал. Полуколонны второго строительного периода.

Оформление стен интерьера получило также иной характер. Старые сырцовые пилястры были срублены заподлицо со стенами. Вместо них появились полуколонны по семь на каждой стене, расположенные в новом ритме. Диаметр полуколонн равен 52 см; они выстроены из жженого кирпича на ганчевом растворе и как бы входят в гнезда, встроенные в толщу сырцовых стен; в кладку этих гнезд попали обломки терракотовых орнаментированных плит первого строительного периода.

Четырехлопастные столбы снаружи выведены из четвертных лекальных, гладко подшлифованных кирпичей на превосходном ганчевом растворе. Базис имеет профилировку в виде отлогой выкружки и вала и покоится на общем крестовидном плинте; видимо, таковы были и их капители. Моденатура базиса выполнена вчерне на лекальном кирпиче и скорректирована снаружи ганчем.

Полуколонны нижних участков стен сложены также из лекальных кирпичей. Ствол их прямой; базы имели вид эллиптического вала на плинте. Судя по находке фрагментов в средних слоях завала, капители были аналогичной формы (но в обратном расположении профилей). Высота полуколонны несколько превышала 3 м; диаметр ее равен 52 см. Общие пропорции таким образом были довольно массивны (1 : 6).

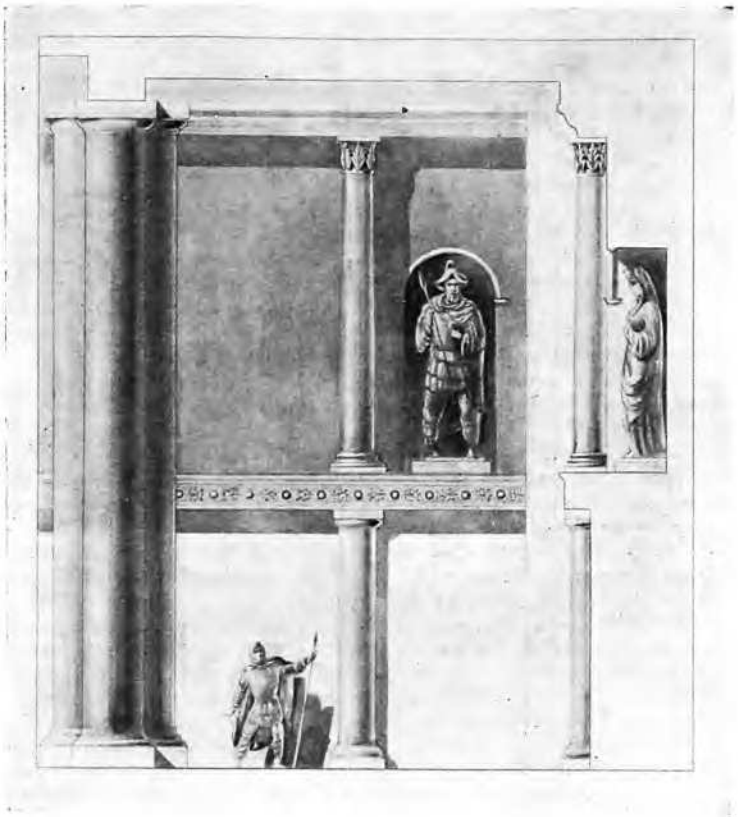
Во втором ярусе располагались круглые колонны; две из них, рухнувшие во время древнего землетрясения, были обнаружены при раскопках над полом. Диаметр этих колонн составляет около 60 см, высота — до 4,5 м. Крайне интересна их конструкция: это толстый древесный ствол, обмазанный глиной и оштукатуренный алебастром. Такие колонны известны уже в ахеменидских постройках Персеполя[1]. Раскопки в парфянском Вавилоне выявили аналогичные конструкции как бы взятых в оболочку деревянных колонн, чем подтверждаются слова Страбона об употреблении в его время (I в.н. э.) подобных столбов в Месопотамии, принадлежавшей то парфянам, то Риму[2]. Замена строителями Квадратного зала первоначальных кирпичных полуколонн деревянными была, несомненно, вызвана эмпирическим знанием сейсмики, что побудило строителей перейти к дереву как к более сейсмостойкому материалу.

Находки in situ при раскопках ЮТАКЭ в верхних завалах Квадратного зала значительного числа фрагментов терракотовых акантов указывают на заимствование

---

[1] E. Schmidt. The Treasury of Persepolis, фиг. 33, стр. 54.

[2] Страбон, XVI, 1, 5.

Квадратный зал. Ордер второго строительного периода. Реконструкция.

их (наряду с новым изготовлением) из облицовок зала II в. до н. э. Аканты эти получили вторичное употребление в коринфизированных капителях второго яруса стен.

Стены первого яруса были оштукатурены белым ганчем. Вышележащие части их, судя по значительному числу обнаруженных при раскопках фрагментов штукатурки, были окрашены в ярко-красный цвет, причем в оформлении их участвовали какие-то бордюры и тяги черного цвета с красной орнаментацией, полоски красного меандра на

белом фоне, белые пальметки и круги на красном фоне, а также позолота. Здесь налицо, таким образом, то же излюбленное сочетание цветов, которое мы уже отмечали в других постройках Нисы.

Судя по множеству фрагментов крупных алебастровых обломов, лежащих среди нагромождения кирпичей из кладок обрушившихся при землетрясении четырехлопастных столбов, капители последних примерно повторяли профилировку баз (отлогая скоция, массивный вал-эхин и плита-абака), несколько напоминая капители тосканских или римско-дорических ордеров.

При составлении графической реконструкции Квадратного зала наиболее трудным явилось воссоздание рухнувшего перекрытия. Что оно было балочным, а не сводчатым, подтвердилось при большом масштабе раскопок не только отсутствием остатков рухнувших кирпичных перекрытий (применение сырцовых подпружных арок более чем пятиметрового пролета, переброшенных между столбами, было бы конструктивно невозможно), но и обнаружением большого числа полуистлевших, изъеденных термитами остатков деревянных балок. Направление их в некоторых участках ясно прослеживается как перпендикулярное к линиям стен; таким образом, они покоились, очевидно, на стенах и на переброшенных между четырехлопастными столбами прогонах.

Мы полагаем, что заполнение между этими балочками было не кессонным, а в виде широко распространенного в зодчестве среднего Востока сплошного наката из коротких небольшого сечения кругляков или брусочков, традиция которого сохранена в современном среднеазиатском народном строительстве в виде так называемого перекрытия «васса». Что касается перекрытия центрального квадрата (между столбами), то здесь мы считаем наиболее вероятной систему так называемого кассетного потолка, или, по среднеазиатской терминологии, «дарбази».

Сущность этой конструкции заключается в последовательном опирании балок по сокращающимся квадратам, диагонально вписанным друг в друга. В центре при этом остается световое отверстие. Такой фонарь обязательно должен был быть в Квадратном зале как единственный источник дневного света, поскольку многометровая толща его обращенных в сторону двора западной и южной стен едва ли могла заключать оконные проемы. Деревянные дарбазные потолки еще доныне можно видеть в некоторых среднеазиатских постройках — в Семиречье[1], а также в жилищах горных таджиков[2] и афганцев Пянджшира[3]. Известно также широкое распространение их в народном строительстве Закавказья[4]. Все это — переживание древнего строительного приема, запечатленного в плафонах древнебуддийских монастырей Бамиана (Афгани-

---

[1] Г. А. Пугаченкова. О резных деревянных колоннах XIV—XV вв. в Туркестане. «Изв. АН Каз. ССР. Серия архитектурная», вып. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 52.

[2] Таджикские жилища с дарбазным потолком зарегистрированы в очень большом числе проф. М. С. Андреевым; см. также В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема.— Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, рис. 1—3 и 9.

[3] A. Stein. Serindia, vol. I, стр. 48.

[4] М. И. Ильина. Древнейшие типы жилищ народов Закавказья и их значение в истории архитектуры — «Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 5. М., 1946.

Квадратный зал. Расчистка упавшей глиняной статуи.

стан)[1] и Восточного Туркестана[2]. Видимо, с Востока кассетный потолок проникает и в римское зодчество, где он изредка употребляется в строительстве первых веков н. э.[3]

Раскопками старых лет и особенно раскопками ЮТАКЭ обнаружены сильно фрагментированные остатки крашеных глиняных статуй больше человеческого роста. Эти статуи располагались в верхнем ярусе в нишах, число которых может быть соответствовало числу интерколумниев или, что вероятнее, которые располагались через один интервал. Общее число их составляло таким образом 12 или 20. Статуи были и мужские, в характерных парфянских одеждах — в штанах из мягкой ткани, в военных панцирях и в плащах, и женские — в просторных мантиях, окутывающих фигуру наподобие античного гиматия. Они окрашены тонким слоем краски, причем и здесь преобладают цвета белый и красный; реже употребляются другие цвета — желтый, зеленый, голубой. Головы их разбиты на мелкие куски; сами статуи низвергнуты сверху наземь; все это свидетельствует о нарочитом разрушении их и надругательстве над предметами, некогда составлявшими объект высокого почитания.

---

[1] A. Godard, J. Godard, J. Hackin. Les antiquités bouddhiques de Bamyan. «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», t. II. Paris — Bruxelles, 1928.

[2] A. von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925, стр. 100—103.

[3] Н. И. Ронч е вский. О древнеримских плафонах.— «Изв. РАИМК», т. I, 1921, стр. 130—132.

Глиняная статуя из Квадратного зала после реставрации.

Стилистически глиняные статуи Нисы входят в общий цикл монументальной скульптуры среднеазиатской античности — от Топрак-калы в Хорезме до Хадды в Афганистане включительно. Всем им присущи органическая взаимосвязь их с архитектурой, типизация образов, обобщенность художественной формы, полихромия, однородность материалов и технических приемов. Отличием прежде всего является их внутреннее содержание.

Глиняные статуи Нисы изображали или богов, или обожествленных предков аршакидского дома. По свидетельству Аммиана Марцеллина (XXIII, 6), основатель династии, Аршак, был обоготворен парфянской знатью и народом; позднее вообще особы аршакидского происхождения почитались священными[1]. Согласно описанию

[1] Н. С. Эмин. Очерк религии и верований языческих армян. Исследования и статьи. М., 1896, стр. 49.

Филострата, статуи царей и богов украшали дворец Вологазов в Вавилонии. Прямую параллель Квадратному залу Нисы дает дворец Топрак-кала в Хорезме (III—IV вв. н. э.), где в 1947—1948 гг. была обнаружена целая галерея царских статуй[1] — показатель распространения этой традиции в дворцовом строительстве среднеазиатской античности. Прием этот сохраняется также позднее, в искусстве Сасанидов. Напомним свидетельство римского историка Кедрена (XI—XII вв.), опиравшегося на данные более ранних авторов, о храме Шиз в г. Ганзаке, в главном зале которого стоял идол Хосроя Парвеза, разрушенный Ираклием после бегства этого сасанида[2].

Каково было назначение Квадратного зала? Предлагавшееся в 1930-х годах истолкование его как, якобы, мавзолея Аршака и Тиридата ничем не подкреплено. Все, что известно о принципах погребального культа у парфян, — туфлеобразные гробики в западных областях Парфянского царства, погребальные камеры некрополя в Дура-Европос, положение костей под дорогой тканью в камерных погребениях Новой Нисы, видимо, характерное для областей северо-восточных, говорит в пользу устройства замурованных погребальных наусов. Несомненно, во всяком случае, что династические наусы парфянских царей должны были быть устроены в сокровенном месте. Между тем, Квадратный зал в первом своем периоде имел пять функционировавших проходов, а во втором — три. Планировочно же он взаимосвязан с целой группой различных бытовых помещений.

Типологически, по характеру плана Квадратный зал напоминает или храм, или, скорее, аудиенц-зал дворца. Композиционно он близок к двум четырехколонным парфянским храмам I в. н. э., вскрытым на холме Тахти-Сулейман близ Тебриза[3]. Однако храмовому характеру нисийского зала противоречит наличие в нем нескольких проходов, отсутствие обводных коридоров, окружение его целой группой бытовых помещений. Сказанное позволяет считать Квадратный зал именно аудиенц-залом, которому в эпоху младших Аршакидов были приданы качества зала обожествленных предков. Четырехстолпный квадратный зал мы отмечаем в хронологически и стилистически близких парфянских дворцах Ашура и Ниппура[4]. Принцип тройного портального входа хорошо известен в оформлении фасада сасанидского дворца в Сарвистане (V в.)[5], а развитие темы парадного зала, оформленного кирпичными столбами, можно проследить во дворце на холме Тепе-Хисар близ Дамгана (III или V в. н. э.)[6] и даже значительно позднее — в среднеазиатском средневековом зодчестве (дворец термезских правителей XI—XII вв[7].).

Архитектурное решение Квадратного четырехстолпного зала Старой Нисы в высшей степени своеобразно. По самой идее своей оно вообще не свойственно греко-

---

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 182 и сл.

[2] Ф. А. Розенберг. Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. — Отд. оттиск из журн. «Живая старина», т. XXI, 1912, стр. 24.

[3] D. N. Wilber. Указ. соч., стр. 389 и сл.

[4] SPA, I, фиг, 106 и 108.

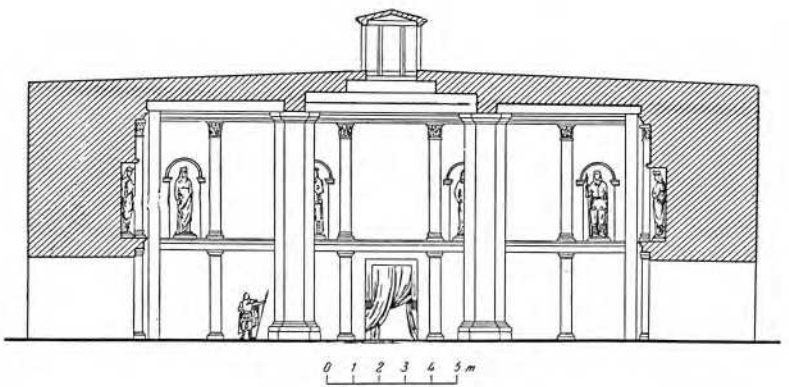
[5] E. Diez. Die Kunst der Islamischen Völker. Berlin, 1915, Abb. 30.

[6] E. Schmidt. Excavations of Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937, стр. 325—328, фиг. 170—175, табл. LXXII—LXXIX.

[7] В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 году дворца термезских правителей. — ЮТАКЭ, II, стр. 139.

римской традиции. Сравнение же архитектурных принципов его первого варианта (II в. до н. э.) и второго (I—II вв. н. э.) четко иллюстрирует даже в отдельных формах и деталях эволюцию архитектурных идей в двух крупных периодах развития северно-парфянского зодчества.

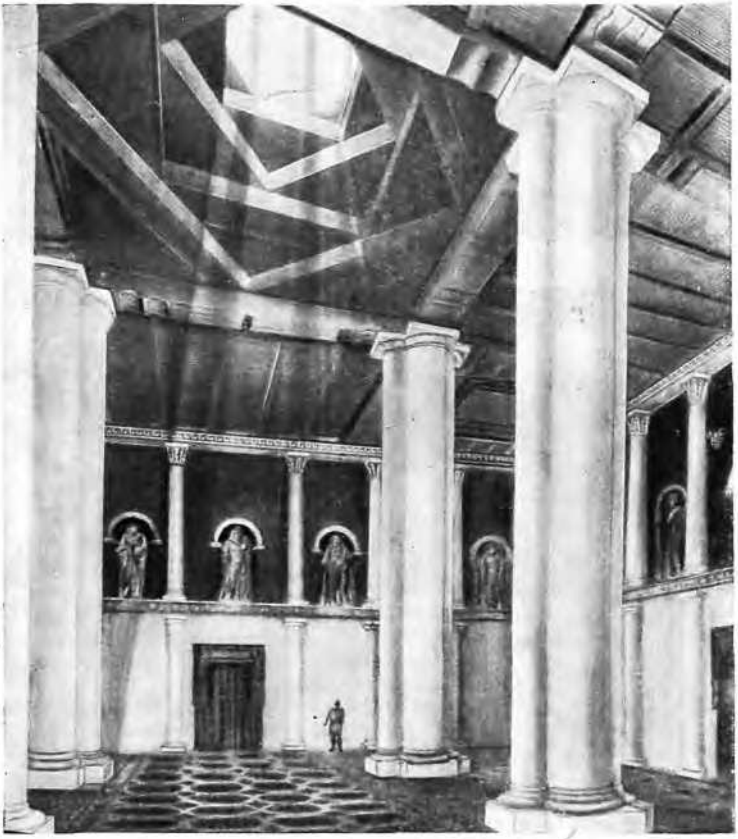
Архитектурные формы раннего варианта дают картину формирования оригинального архитектурного стиля и творческой переработки мотивов эллинистической архитектуры. Исходный строительный материал — сырец, жженый кирпич, терракота—

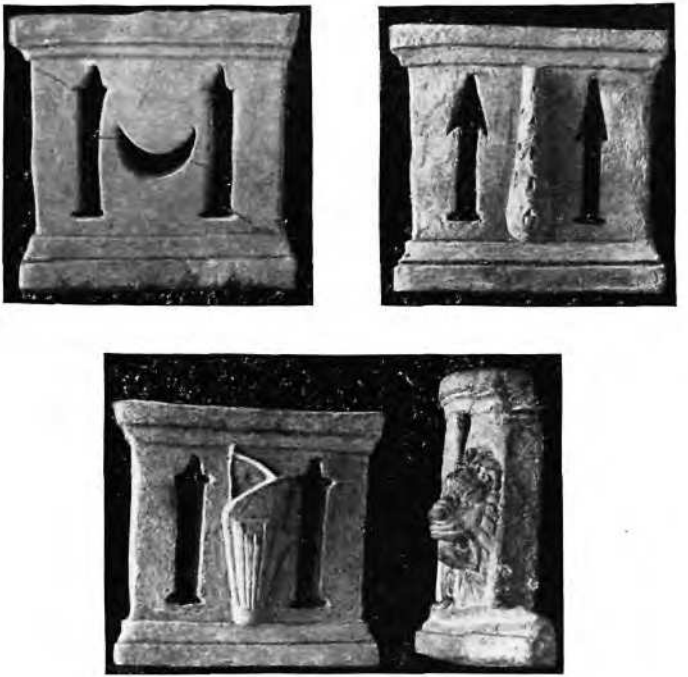
Квадратный зал (второй строительный период). Разрез. Реконструкция.

в основном местный, но в облицовку пилястр (и, кажется, наличников) вводятся каменные плиты. Колонны и пилястры явно восходят к дорическому и коринфизированному ордерам античности, но в трактовку антаблементов, в профилировку обломов и в стиль акантов мастер вносит неожиданные элементы и комбинации. Необычным является и взаиморасположение пилястр внизу и колонн над ними (а не наоборот, как принято в греческом зодчестве), притом без традиционной для классики последовательности ордеров (выключение промежуточного ионического). Но особенно своеобразно общее решение интерьера с его четырехстолпной композицией.

В Квадратном зале второго периода налицо не только отход от норм и принципов средиземноморской классики, но и сложение величавого, вполне оригинального парфянского стиля. Своеобразны здесь конструктивные методы, начиная от обмазанных глиной деревянных стоек и кончая системой балочного перекрытия. Совершенно необычны для классики принципы построения интерьера: пространственное выделение его центральной части, выраженное вертикалями четырехлопастных столбов. Нов

Квадратный зал. Реконструкция.

Метопы.

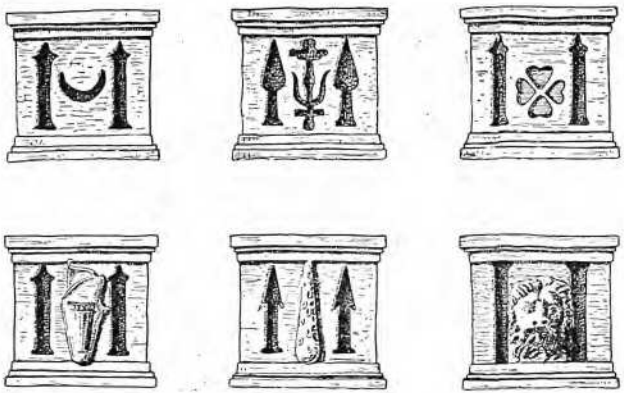
самый тип этих столбов, выразителен масштабный контраст их с настенными колоннадами, вполне индивидуальны архитектурные формы и детали.

В числе найденных при раскопках южного комплекса терракотовых деталей весьма обширную группу составляют два типа, видимо, принадлежавших облицовке его венчающих фризов и карнизов. Это особые орнаментированные плиты и терракотовые зубцы.

Терракотовые плиты, которые мы условно именуем метопами, почти квадратны (36×37 см) и имеют до 5 см толщины. По верхнему и нижнему краям они оформлены профилировкой в виде выкружки, полочки и полки, окрашенных ярко-красным ангобом. Метопы крепились на стене ганчевым раствором, слой которого местами сохранился на тыльной их поверхности. Основное поле метоп заключает рельефное или прорезное изображение, расположенное между парой сквозных прорезей, имитирую-

щих формы различных бойниц. Детальный анализ нисийских метоп приведен в другой нашей работе[1]. Здесь мы дадим лишь краткую их характеристику.

Всего имеется шесть вариантов изображений: 1) полумесяц рогами вверх — широко распространенный в парфянской среде культовый символ, чеканившийся, между прочим, на монетах Аршакидов; 2) розетка с четырьмя сердцевидными лепестками—

Метопы.

орнаментальный мотив, исключительно популярный в парфянском изобразительном искусстве; 3) «якоревидная» тамга — династический знак Аршакидской династии; 4) дубинка — несомненно, эмблема Геракла, образ которого на парфянской почве слился с образом зороастрийского «небесного воителя» — Веретрагны; 5) парфянский горит и лук — видимо, как атрибуты прославленных парфянских конных стрелков; 6) львиная маска с отверстой пастью и разметавшимися прядями гривы, выполненная в хороших традициях пергамской скульптуры II в. до н. э.; иконографически эта маска более всего напоминает великолепные головы львоподобных грифонов на парфянских ритонах III—II вв. до н. э. из Нисы. По своему значению львиная маска на метопе, может быть, также является символом Геракла — Веретрагны. В целом нисийские метопы связаны с династическими эмблемами, которые тесно сплетены, как и вообще на Востоке, с символикой господствующих культов. Общий характер их выполнения свидетельствует об участии мастера — скульптора высокой художественной квалификации.

Среди других терракотовых архитектурных деталей, найденных при раскопках южного комплекса Старой Нисы, характерны пятиступенчатые зубцы со стреловидной

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 216 и сл.

прорезью посередине. Мотив этот явно имитирует те стреловидные бойницы, которые, как показано выше, были типичны для парфянской крепостной архитектуры (крепость Дурнали, Чильбурдж и др.). Зубцы с прорезями-стрéлками широко представлены также в памятниках западнопарфянского зодчества (Селевкия, Варка, Ашур и др.). Мы полагаем, что в парфянский период в этом архитектурном мотиве тесно сплетаются функция (бойница, требующая некоторого местного уширения щели в уровне глаз), конструкция (кирпичный треугольный сводик), художественное претворение мотива (зубчатая линия парапета, стрелка-прорезь) и символическое значение (острие стрелы как оберег; стрела и зубчатый парапет как эмблемы обороноспособности)[1].

Любопытно, что в народной жилой архитектуре туркмен племени мурчали можно встретить доныне украшение камина крупным «крепостным» зубцом с «бойницей», которая предназначена для установки светильника[2].

В пору большой перестройки Квадратного зала во II в. н. э. с восточной стороны к нему были пристроены три небольшие оштукатуренные глиной комнатки: две боковые продолговатые, игравшие роль кордегардий[3], и средняя квадратная, представлявшая собой род вестибюля и имевшая четыре прохода на осях. Восточная стена по всему фасу возвышалась над уровнем примыкающих помещений более чем на 3,50 м. Очевидно, выход из вестибюля вел на плоскую террасообразную крышу примыкающих внизу одноэтажных помещений.

Раскопки в этой части, начатые в 1930-х годах и продолженные ЮТАКЭ в 1947 г., выявили длинный коридор, от которого в южном направлении шла широкая лестница, оштукатуренная ганчем; отличная сохранность этой смазки позволяет думать, что ступени были некогда застланы коврами. К востоку отходит группа больших и малых комнат, в одной из которых были найдены крупные фрагменты красных с позолотой штукатурок. Застройка тянулась вплоть до большого хауза Старой Нисы.

С северной стороны Квадратный зал соединялся с «красным коридором», названным так за свою высокую малиново-красную панель, отделанную поверху бордюром из черных и белой полос; выше шла побелка ганчем. Перекрытие, видимо, было сводчатым (пролет 3,20 м). Пол выстлан жженым кирпичом.

В северо-западном участке центральной группы размещены комнатки подсобно-хозяйственного назначения, в которых обнаружены хумы для вина (один из них со старопарфянской надписью), очажки и пр.

В северной группе комплекса отмечен прямоугольный двор с обращенным на него портиком, основанным на кирпичных колоннах, имевших базы «аттического» профиля (два вала, между которыми находятся отделенная узкими полочками скоция и квадратный плинт).

К востоку имелся еще один аналогичный портик. В траншеях старых раскопок видны участки каких-то стен и помещений, однако составить ясное представление о планировке будет возможно лишь после вскрытия обширных площадей.

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 222 и сл.

[2] «Труды ЮТАКЭ», т. III. М., 1953, стр. 13.

[3] Комнатки эти ранее ошибочно трактовались как царские погребальные камеры; см. Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии, стр. 40.

Старая Ниса. Колонна портика в южном ансамбле.

Вскрытие колонн упомянутых портиков этой группы выявило интересную конструкцию их фундаментов. Последние имели кирпичную подушку (в два ряда кирпича), которая покоилась на 25-сантиметровом слое мелкого пустынного песка; под ним располагался слой галечника с песком, а дальше — булыжное основание с галечником. Эта конструкция «на песке», видимо, служила некоей эластической подушкой, погашавшей сейсмические толчки.

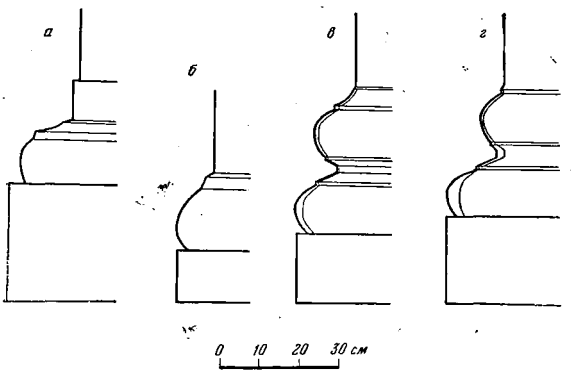
Что касается «аттической» профилировки баз, то она имеет не греческое, а древнеазиатское происхождение; распространение этой формы в первых веках до и после начала нашей эры засвидетельствовано на целом ряде памятников парфянской, кушанской — среднеазиатской и индо-парфянской архитектуры[1]. Происхождение ее идет, как нам кажется, от усложнения традиционной формы торовидных базисов азиатских архитектур путем постановки двух плоских торов, расчленение которых подчеркнуто глубоким профилем скоции.

Принадлежность рассмотренной северной группы к дворцовому комплексу почти несомненна. Наличие внутренних дворов, открытых колонных портиков, парадных

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 210 и сл.

покоев и лестниц наряду со служебными малыми комнатками напоминает парфянские дворцы Ашура и Ниппура. Традиция оформленных портиками дворов восходит к принципам народной жилой архитектуры, сохранившимся в местной строительной практике на долгие века, а сами колонны еще раз свидетельствуют о высокоорганизованных системах архитектурных ордеров, разработанных в своеобразных нормах общих пропорций и соотношения деталей.

Южная группа сооружений комплекса заключает две основные крупные постройки, вокруг которых группировалось множество различных помещений и коридоров.

Профили баз из помещений южного комплекса Старой Нисы.

а — базы четырехлопастных столбов Квадратного зала; *б* — базы полуколонок Квадратного зала; *в* — базы северо-восточного портика; *г* — базы северо-западного портика.

Почти на 15 м от подошвы вздымается в настоящее время оплыв огромной квадратной башни монолитной кладки, имевшей лишь на вершине огороженное стенами помещение, в углу которого на возвышенной суфе стояла некогда вотивная статуя. В первом этаже башню эту огибал по контуру сводчатый коридор (свод «отрезками»), к которому примыкал ряд комнаток; план их может быть установлен лишь последующими раскопками. Их перекрытие по большей части также сводчатое. Отметим, что в западнопарфянской архитектуре переход от балочных перекрытий к сырцовым сводам отмечается лишь к I в. н. э.[1] (Ашур, Селевкия, Кухи-Ходжа), в чем может быть содержится намек на датировку данной группы помещений Старой Нисы.

В юго-западном углу ансамбля располагается обширный Круглый зал, игравший очень ответственную роль в общем комплексе старонисийских зданий. Строение зала примыкает к западному отрезку коридора, обводящего квадратную башню. Оно квад-

[1] N. Debevoise. The Origin of Decorative Stucco.— AJA, 1941, vol. XLV, N 1, стр. 58.

ратно снаружи, но внутри заключает круглое помещение диаметром 17 м. С юга лежал проход, заложенный во время одной из перестроек здания. Другой проход вел в зал из упомянутого коридора. Закладка первого была, возможно, вызвана какими-то изменениями функций зала. При этом с южной и западной сторон (а может быть и с северной) был создан новый обводной коридор. Последний сам подвергался добавочной перестройке, когда стены основного объема были как бы одеты вторым футляром сырцовых кладок.

Стены зала сложены из обычного парфянского квадратного сырца. Кладка осуществлялась следующим образом: на $2^1/_2$ кирпича строго по кругу с радиальным размещением кирпичей и треугольными швами между ними, с перевязкой швов по вертикали. Затем велась выкладка, осуществлявшая переход к квадратному плану (без перевязки с кирпичами основного круга) с последовательным скосом рядов и широкими клинчатыми зазорами между ними, обильно залитыми глиняным раствором. Стены зала и коридоров оштукатурены белым ганчем. На вскрытой площади зала не обнаружено каких-либо столпных конструкций. Несомненно, что во втором ярусе стены его прямо несли шатровое перекрытие стропильной конструкции. Архитектура эллинизма знает примеры подобных смелых инженерных решений — устройства деревянных перекрытий большепролетных зданий. Таков Экклезиастерий в Приене, Булевтерий в Милете и др.[1] Прекрасным образцом перекрытия шатровыми стропилами круглой постройки 17-метрового пролета является Арсинойон на о-ве Самофракa[2], памятник, с которым Круглый зал Нисы имеет много сходных черт.

Терракотовый акант из Круглого храма Нисы.

Обилие в завалах Круглого зала больших и малых кусков ганчевого раствора с приморожеными на некоторых из них фрагментами жженого лекального кирпича и цилиндрических кусков рухнувших колонн указывает на наличие в зале каких-то колонн, кирпич от которых в пору заброшенности здания мог быть выбран окрестным населением. Несомненным показателем этого служат находки довольно крупных терракотовых акантов двух типов, стилистически аналогичных акантам из Квадратного зала. Они принадлежали убранству ныне не сохранившихся пристенных колонн верхнего яруса при гладких стенах внизу. Аналогичен прием оформления стен и в упомянутом Арсинойоне.

[1] ВИА, т. II, вып. 1, рис. 270, 288 и 289.
[2] Там же, рис. 336.

«Метопа» с головой льва.

Среди находок в завалах имеется много фрагментов терракотовых метоп, совершенно идентичных тем, что обнаружены в центральной дворцовой группе южного комплекса. Мы полагаем, что они использовались в качестве фигурных заполнений в основании интерколумниев второго яруса Круглого зала. Подобное оформление имеет интерьер того же самофракийского Арсиноэйона.

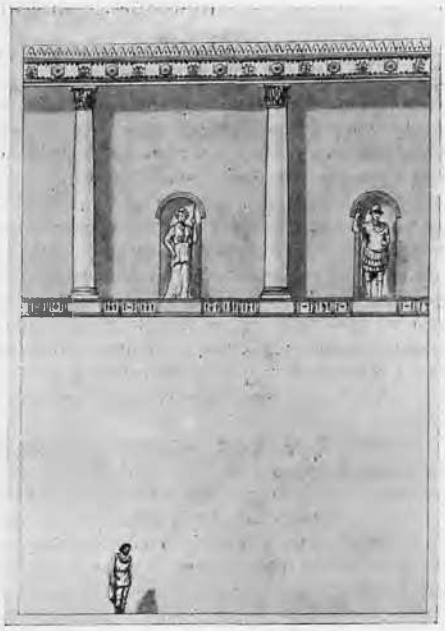
Прямо на полу Круглого зала лежат раздавленные обломки глиняных статуй. Как и в Квадратном зале, монументальная скульптура играла здесь важную роль; располагалась она наверху, подобно глиняным скульптурам Квадратного зала.

Что касается истолкования зданий южной группы, то для прямоугольной башни возможно принять предположение А. А. Марущенко, что это был храм. Типологически он был чем-то вроде зиггурата, может быть играл роль монументального основания для алтаря огня или служил святилищем, где стояла вотивная статуя и покоились различные реликвии, в частности трофеи. У Горация содержится прямое указание, что «значки» римских легионов, захваченные при разгроме парфянами армии Красса, украшали «стены кичливых парфов»[1], и что римские знамена были повешены в парфянских храмах[2].

Предлагавшееся А. А. Марущенко осмысление Круглого зала как мавзолея не подтверждается ни археологическими, ни архитектурными данными. Между тем какой-то особый, «запретный» характер здания, его изоляция от внешнего мира, обведение особыми коридорами,— все это указывает на культовый характер постройки. Видимо, Круглый зал был также храмом (может быть, судя по обломкам глиняных статуй, храмом Великих богов), планировочная взаимосвязь которого с башней для возжигания священного огня вполне оправдана. Нельзя не вспомнить при этом выявленного археологическими работами в Таксиле в сложном комплексе правильно организованных построек здания Абсидального храма, в котором обращает внимание круглое, значительного диаметра помещение с толстыми стенами; храм относится,

[1] Гораций. Послания, кн. I, посл. 18, ст. 56—57.
[2] Гораций. Оды, IV, 15.

по Маршаллу, ко «второму парфянскому слою», возникшему на развалинах старых зданий скифо-парфянского периода [1]. Сама архитектура Круглого зала вызывает в памяти Арсинойон — храм Великих богов (III в. до н. э.), а среди памятников более поздних, аналогичных по назначению, римский Пантеон. Обведение храмовой постройки особым коридором можно, например, найти в главном парфянском комплексе Хатры. Но в целом интерьер Круглого зала Нисы дает оригинальное решение храма-ротонды раннепарфянского зодчества.

Круглый храм. Ордер. Реконструкция.

Период капитальных ремонтных работ в южном комплексе Старой Нисы падает на последние десятилетия правления Аршакидской династии (конец II — начало III в. н. э.). О некоторых разрушениях, вызванных возможно землетрясением, свидетельствует, в частности, Квадратный зал. Ремонт несет следы спешки: взамен вывалившихся кирпичей верхних кладок полуколонн осуществляется закладка глиной с оштукатуркой поверх; взамен разбившихся терракотовых акантов формуются и раскрашиваются просто глиняные аканты и т. п.

С падением Аршакидов парфянские постройки Старой Нисы не только забрасываются, но и подвергаются специальному разорению: расхищается ценный инвентарь, низвергаются статуи царей и богов, растаскиваются деревянные части перекрытий. Покинутые здания погребаются под оплывами глины, а в V в. н. э. сокрушительное землетрясение опрокидывает столбы и верхние части стен. Заброшенные постройки превращаются в комплекс холмов и увалов. И лишь полтора тысячелетия спустя заступы советских археологов извлекают из недр заброшенных городищ остатки величавых сооружений и фрагменты высокохудожественного инвентаря — красноречивые свидетели далекой, забытой цивилизации.

---

[1] J. Marshall. A Guide to Taxila. Ed. 3. Dehli, 1936, стр. 94—97, табл. XI.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Оценки парфянской архитектуры, как и парфянской культуры, хотя и сформулированные по-разному рядом крупных специалистов, примерно однородны по своему содержанию. Еще в прошлом столетии парфянский этап в истории культуры стал рассматриваться как период полного застоя; при этом сами произведения искусства расценивались как произведения рабской подражательности и эклектизма, как «плохая прививка на греко-римском древе»[1].

Взгляд этот в буржуазной науке по-прежнему пропагандируется и в наши дни, несмотря на значительное количество выявленных к настоящему времени произведений парфянской архитектуры, скульптуры и прикладного искусства. Среди зарубежных ученых наиболее непримиримую позицию занимал в течение ряда десятилетий Э. Херцфельд. Уничтожающая характеристика парфянской художественной культуры, основанная по преимуществу на разборе памятников архитектуры, повторяется примерно в одних и тех же выражениях в ряде его сводных трудов. Четыре с половиной столетия аршакидского периода он рассматривает как неуклонную деградацию культуры, как полнейший упадок архитектуры, декомпозицию скульптуры и вырождение живописи[2].

Другие буржуазные исследователи подходят к объяснению различных явлений парфянской художественной культуры с точки зрения «влияний». Так, О. Ройтер рассматривает развитие парфянского зодчества в основном с позиций наличия в нем влияний эллинистической или римской архитектуры. В частности, памятники парфянской архитектуры в Месопотамии он рассматривает как некий возврат к древним ассиро-вавилонским традициям на базе античных заимствований[3]. Н. Дибвойз расценивает эту архитектуру как некую восточную реакцию на эллинистические влияния, выразившуюся в возврате к старомесопотамским принципам[4]. Р. Гиршман выдвигает оценку «новоиранского» искусства Парфии первых веков нашей эры, как «грустную фазу» возврата к староиранским принципам во имя возрождения родных традиций, свободных от всякого чужеземного влияния[5]. По существу и здесь налицо отрицание прогресса творческой мысли народов, которые будто бы обращались к старому, так как были не в силах подняться к вершинам нового.

Несколько иные точки зрения проводил в современной буржуазной науке лишь М. И. Ростовцев, рассматривавший парфянскую архитектуру как проявление новых, сравнительно с зодчеством Ахеменидов, идей, которые были лишь развиты и дополнены при Сасанидах[6]. Но четких определений этого «нового» М. И. Ростовцев не выдвинул; объяснение причин, их породивших, он ставит в связь с вторжением скифских влияний.

---

[1] Например, О. Шуази. История архитектуры, т. I. М., 1935, стр. 122; A. Gayet. L'art persan. Paris, 1895, стр. 90.

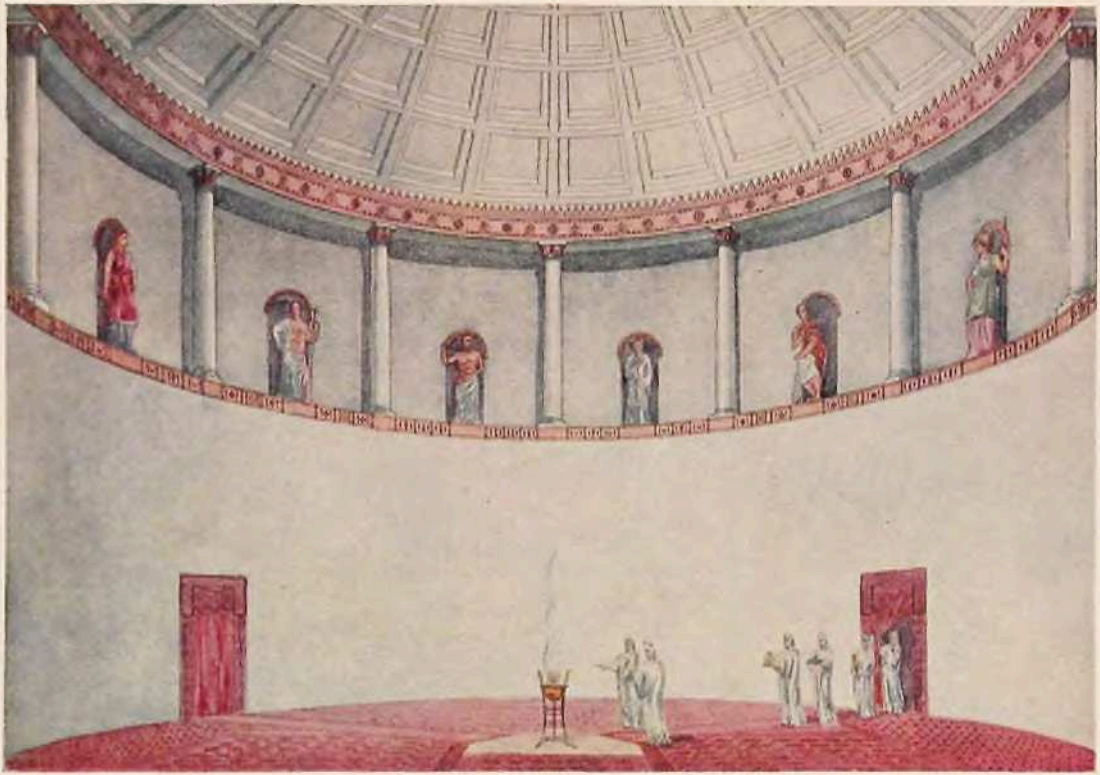
[2] E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. London, 1935, стр. 75; его же. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 285 и 305—306.

[3] SPA, I, стр. 411, 428—436 и 444.

[4] N. Debevoise. Указ. соч., стр. 46 и 57.

[5] R. Ghirshman. Iran. . . , стр. 277.

[6] M. Rostovtzeff. Dura and the Problem of Parthian Art, стр. 170—171.

Круглый храм. Интерьер. Реконструкция.

Нетрудно понять причины устойчивости всех этих концепций в буржуазной науке. Противопоставление «варварской» восточной периферии высоким творческим достижениям греко-римского мира, утверждение о неспособности этого Востока подняться до постижения «эллинского духа», назойливое повторение терминов «эклектизм», «вырождение», «заимствования» в отношении парфянского искусства содержат в себе тенденцию снизить значение вклада народов Востока в сокровищницу мировой цивилизации античной поры и подчеркнуть творческую «неполноценность» далеких предков современных азиатских народностей.

К сожалению, эти оценки почти не получили в советской науке должного отпора, а в ряде случаев повторялись как не вызывающие сомнений. В свое время еще акад. В. В. Бартольд, разбирая мало обоснованные домыслы Хартмана и Стржиговского и полемизируя с Херцфельдом, выдвинул мысль о том, что политическое объединение Ирана под властью Аршакидов могло сыграть определенную роль в распространении с Востока на Запад элементов индийской, греко-бактрийской и затем буддийской культуры[1] (но не собственно-парфянской!). Вместе с тем он не считал возможным связывать с парфянами и саками культурные явления западнопарфянских областей (Месопотамия), поскольку Аршакиды якобы ничего не сделали для поднятия культуры *своих коренных восточных областей. В последующем проблема парфянской* культуры затрагивалась советскими исследователями лишь вскользь, в свете ее якобы подражательных качеств, причем в лучшем случае признавалась роль Парфии как посредника в распространении достижений греко-римского мира в глубь Азии — в Бактрию и Индию, но не с точки зрения ее самостоятельного места в общем пути развития мировой культуры[2].

Показательно, что даже в последних по времени трудах видных советских исследователей парфянская архитектура характеризовалась все с тех же позиций. Определяющим качеством этой архитектуры объявляется римско-эллинистическое влияние[3]. «Эпоха парфянских царей проявляет себя в искусстве в чертах эклектизма»,— пишет проф. М. В. Алпатов[4]. «В искусстве Парфии греческие элементы растворились в древнеиранских художественных традициях, что сказалось на архитектуре и на архитектурном орнаменте»,— читаем мы в другом капитальном исследовании[5], причем ни единой строки, как-либо характеризующей эту архитектуру, не добавляется.

Изучение парфянского архитектурного наследия на территории Туркменистана показывает, как несправедливо и тенденциозно отрицание высокого художественного творчества у народа, в течение четырех с половиной столетий игравшего видную роль на арене мировой истории. Данные, полученные в первом же году работ ЮТАКЭ на Нисе, позволили осветить проблему парфянской архитектуры с иных позиций — в

---

[1] В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос.— «Изв. РАИМК», т. II, № 26, 1922, стр. 361 и сл.

[2] См., например, комментарии А. С. Стрелкова к кн.: О. Шуази. История архитектуры, т. I. М., 1935, стр. 138 и 568.

[3] Ср. Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. I. М., 1937, стр. 301.

[4] М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. 1. М.—Л., 1948, стр. 236.

[5] ВИА, т. II, вып. 1, стр. 268.

аспекте ее самостоятельной творческой основы и высоких художественных достижений[1]. При правильном понимании этой проблемы анализ объектов парфянского зодчества следует проводить не с позиций близости в той или иной мере к архитектуре греко-римского круга, но в свете их самостоятельных художественных качеств и художественной ценности на фоне породившей их конкретной исторической обстановки.

Выявление и анализ группы южнотуркменистанских памятников парфянской эпохи особенно важны потому, что если в отношении западнопарфянского искусства могли иметь место всякого рода научные спекуляции в части утверждений о якобы прямой зависимости его от эллино-римских влияний, то эти памятники, созданные самими парфянами на исконно-парфянских землях, характеризуют богатое, полнокровное, самобытное художественное творчество народов, некогда населявших земли Южного Туркменистана.

В парфянский период в Южном Туркменистане в условиях развитой рабовладельческой системы возникают предпосылки к широкому развитию экономических связей и расцвету культурной деятельности. Архитектуре Парфии[2] присущи в широком смысле слова основные черты зодчества иных государственных образований эллинистического типа (Египта Птоломеев, Сирии Селевкидов, Пергама Аталлидов и др.): решение крупных градостроительных задач; значительное развитие парадного монументального строительства, связанного с деятельностью монархов, аристократии, жречества; резкий контраст этих строений с убогими жилыми и производственными постройками широких масс трудовых слоев городского и сельского населения; использование классического наследия с переработкой его на местной творческой основе.

В условиях могучего Аршакидского государства, располагавшего большими богатствами и массой рабов, сами парфянские цари, правители отдельных областей, представители аристократии и плутократии осуществляют грандиозное строительство. Города обводятся мощными стенами; возникают крупные культовые комплексы и дворцовые ансамбли. Характерными чертами архитектуры этого периода являются ее репрезентативность и пышная монументальность.

Однако при всем сходстве общих задач, стоявших перед архитектурой в Парфии и иных областях эллинистического мира, парфянская архитектура отличается ярко выраженным своеобразием. Основные принципы этой архитектуры запечатлены в исследованном комплексе памятников Нисы и Мерва.

Расцвет материальной и духовной культуры в недрах развитого рабовладельческого общества находит свое отражение в памятниках парфянской архитектуры. В развитии стиля этой архитектуры может быть намечено несколько этапов. Изменения его в условиях развивающегося рабовладельческого общества происходят в плане эволюции архитектурных принципов и форм.

Первый этап охватывает III—I вв. до н. э. Особенности природных условий

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 236 и сл.; М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии.— ВДИ, 1950, № 3, стр. 54—55.

[2] Здесь и далее, говоря о парфянской архитектуре, мы имеем в виду лишь зодчество северо-восточных, коренных парфянских земель, особо оговаривая, если речь идет о западнопарфянских владениях в Месопотамии, Малой Азии, Армении и др.

предопределяют преимущественное использование в местной архитектуре глины в виде ее основных производных: пахсы, сырца, жженого кирпича и терракоты; дерево употребляется здесь лишь частично и камень — мало. Следует отметить, что этот исходный строительный материал накладывает определенный отпечаток на некоторые принципы монументальной парфянской архитектуры, подобно тому как камень определяет собой многие черты стиля монументального зодчества древнего Египта. Масштабы сооружений этого раннепарфянского этапа (новонисийский храм, Квадратный дом) уже весьма значительны, а тонкое чувство пропорций, продуманные соотношения целого и деталей придают им парадность и композиционную завершенность. В построении фасадов определилась тенденция к фронтальности. Этот композиционный прием прямо противоположен схеме античного периптера; здание новонисийского храма вытянуто по фасаду; его пропорции, колонный портик и ордер «красной стены» подчеркивают фронтальный принцип композиции. Монументальным фоном для него служит плоскость увенчанной зубцами крепостной стены. Очень важным качеством архитектуры храма является участие особых ордерных систем, о чем подробнее будет сказано ниже.

В южном комплексе Старой Нисы устанавливается существование здания, украшенного каменными ортостатами и профилированными плитами, терракотовыми метопами и акантами, оформленного кирпичными колоннами и заключающего в себе обширный аудиенц-зал. Обращение к формам эллинистического зодчества находит отражение лишь в частных деталях, например в употреблении облицовочных каннелированных каменных плит, в мотивах антефикса и львиной маски, выполненной в драматической манере эллинистической скульптуры и в употреблении акантов. Однако даже элементы античного зодчества (аканты, украшения орнаментированных плит и метоп) получают новую интерпретацию и своеобразный изобразительный смысл (например, династические и культовые эмблемы) и используются наряду с мотивами типично восточного архитектурного декора (например, зубцы парапетов с прорезями-стрелками). Все это говорит об активном формировании нового стиля.

Следующий этап I в. до н. э. — I в. н. э. представлен пока несколько скупо архитектурой Красных камер Новой Нисы и достройками Квадратного дома. Это время интенсивной жизни античного города со значительным населением, когда у северо-западного участка его стены складывается комплекс некрополя парфянских аристократических семейств. В Квадратном доме в эту пору появляются новые камеры и отрезок стены, к которой пристроен алтарь с росписью. Перед нами дальнейшая «парфянизация» архитектуры в духе местной традиции: введение бескружальных сводов, анфиладный прием планировки, алые штукатурки на стенах и потолках.

Третий этап, охватывающий вторую половину I в. и II в. н. э., отображен в развернутом строительстве южного комплекса Старой Нисы. Это период торжества парфянской культуры в ее «имперской» фазе развития, период торжества местной культурной традиции. Это время, когда ранние постройки на Старой Нисе уже пришли в упадок, когда ставшие ненужными, видимо в связи с формированием новых архитектурных традиций, каменные детали попадают под пол перестраиваемого Квадратного зала, когда кирпичи разрушенных старых колонн идут на вымостку мощных платформ под базами четырехлопастных столбов или, с соответствующей отеской, на кладку

оформляющих стены зала полуколонн, а метопы либо закрепляются наново на восточном фасаде, либо употребляются в кладках кирпичных гнезд этих полуколонн. В эту эпоху, хотя возможно и в течение нескольких строительных периодов, возникают Красный коридор, яркая окраска которого напоминает стенки Красных камер, северная группа построек с двумя колонными портиками и двором, парадная лестница, шедшая от террасы восточного фасада центральной группы к восточному портику. Во всем этом видно высокое строительное мастерство; наряду с применением в коридорообразных помещениях коробовых сводов «отрезками» создаются кирпичные стоечные конструкции. В стиле архитектуры Квадратного зала заметна определенная «антиэллинская» реакция в общем архитектурном решении, сохраняются лишь отдельные введенные ранее архитектурные формы (например, «аттическая» база или аканты).

Стилистически архитектура Квадратного зала говорит о связи не с римскими архитектурными принципами, но с западнопарфянской, точнее парфяно-месопотамской традицией. Мощные кирпичные на алебастровом растворе колонны, покоящиеся на кирпичной же платформе, можно найти, например, в здании парфянской эпохи на холме Амран в Вавилоне[1]; кирпичные полуколонки оформляют стены парфянских зданий Варки[2]. Нет надобности напоминать о распространенности столпных кирпичных конструкций еще в шумеро-аккадской архитектуре, где, например, храм в Телло заключал зал с четырехлопастными столбами, подобными нисийским. Раскрепованные пилоны, оформляющие западный фасад Квадратного зала в Нисе, находят аналогию в храме Вусвас в Варка[3], на некоторых стенках из парфянского некрополя этого города, особенно в оформлении входа так называемого храма Иштарь в Вавилоне[4] и др. Заметим, однако, что если месопотамские памятники имеют несколько измельченную раскреповку стен, то в Нисе тот же мотив передан в монументальных пропорциях. Развитие сырцовых сводчатых систем в Нисе также идет параллельно со сложением их в Селевкии, Ашуре, Ниппуре. Таким образом, архитектура Нисы опровергает выдвинутый В. В. Бартольдом тезис, гласящий, что «после перенесения столицы Парфянской державы на Тигр в Селевкию и Ктесифон, связь династии с ее восточными областями должна была ослабеть»[5]. Напротив, она говорит о закреплении историко-культурных связей всего могущественного Парфянского государства в его обширных границах.

Черты торжественной монументальности отличают Квадратный зал, храмовую башню и Круглый зал Старой Нисы. В синтезе с архитектурой предстает в эту пору монументальная скульптура, украшавшая обширные пространства дворцовых и культовых помещений.

Третий этап развития парфянского зодчества отражен также и в архитектуре крепостных стен. В крепости Дурнали стены и башни, оформленные пилястрами, на ко-

---

[1] R. Koldewey. Das Wiedererstehende Babylon, стр. 210—217.
[2] J. Jordan. Uruk-Warka, Leipzig, 1928, фиг. 4.
[3] Там же, фиг. 22 и 34.
[4] R. Koldewey. Там же, фиг. 244 и 247.
[5] В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос, стр. 369.

торых и в промежутке между которыми размещены длинные узкие щели бойниц, приобретают выразительный ритм чередующихся вертикалей, усиливающих мощь призматических объемов башен.

Четвертый этап падает на конец II—III вв. н. э., время заката Парфянского царства и появления на мировой арене Сасанидского государства, возникшего еще в рамках рабовладельческой системы. В эту пору в Южном Туркменистане уже нет предпосылок для развернутого строительства. В Старой Нисе оно отмечено текущими ремонтами построек южного комплекса, в Новой Нисе — появлением новых, более скромных в своем оформлении погребальных сводчатых камер городского некрополя. Неспокойная эпоха побуждает к реставрации крепостных стен и даже в отдельных случаях к возведению новых крепостей (Чильбурдж). Появляются гофры — зародыш той архитектурной системы, которой суждено было сыграть столь важную роль в формах раннефеодального зодчества Южной Туркмении.

К числу наиболее значительных достижений архитектуры северо-восточной Парфии относится создание системы своеобразных «парфянских ордеров».

Употребление термина «ордер» здесь вполне правомерно, если не ограничивать понятие «ордера» лишь системой колонн и антаблементов классического зодчества, *выраженных непреложной схемой цифровых взаимоотношений и размеров в целом* и в деталях. Запечатленные на памятниках греко-римского зодчества в разнообразных вариантах «ордера» получили некогда в трактате Витрувия математическое истолкование, доведенное до абсолютной нормы теоретиками Ренессанса. К сожалению, в целом ряде трудов по теории архитектуры понятие «ордера» иногда догматически суживается настолько, что все отходящее от общепризнанных классических норм объявляется нехудожественным и эклектичным. Именно с этих позиций Э. Херцфельд объявляет главным качеством парфянской архитектуры «дегенерацию греческих ордеров».

Утверждение это предвзято и ошибочно в своей основе. Не останавливаясь на различных трактовках термина «архитектурный ордер», мы считаем, что он всегда должен браться в наиболее широком его определении — как гармоническое соотношение несомых и несущих частей архитравной конструкции, выраженное не только в принципе свободной колоннады, поддерживающей систему балок, но и иными средствами, *в частности архитектоникой глухой стены. В этой связи* уместно вспомнить слова Дж. Пиранези об ордерах: «Если их вообще надо иметь в архитектуре, то можно различить из них только три: ордер с колоннами, ордер пилястровый и ордер, состоящий из непрерывной стены»[1]. Парфянская архитектура знает все три типа этих ордеров и применяет их нередко во взаимном сочетании. Активную роль здесь играет сама стена — и как заполнение интерколумниев, и в системе пристенных колоннад, и как обширная, свободная от архитектурной лепнины гладь, противостоящая ритмическому чередованию колонн. В этом отношении принципы парфянской архитектуры сближаются с эллинистической и особенно с римской архитектурной традицией, хотя сами архитектурные формы и средства выражения их иные. Парфянский ордер в различных вариантах разрешает тему ритмической организации поверхностей архитектурного объема, а также пространства интерьера.

[1] С. А. Торопов. Джованни Баттиста Пиранези. М., 1939, стр. XV.

Типы парфянских ордеров представлены нисийскими памятниками. В одних случаях употребляется система деревянных колонн -- в оформлении внешних и дворовых айванов, в расчленении пространства комнат (храм в Новой Нисе, Квадратный дом). В других случаях оштукатуренный глиной и ганчем древесный ствол, сохраняя конструктивный смысл, приобретает новое внешнее выражение колонны с акантизированной капителью (второй ярус Квадратного зала). Иногда материал «окаменевает» в жженом кирпиче (круглые, а позднее четырехлопастные устои и нижние полуколонны Квадратного зала, колонны портиков северной группы южного комплекса), получая соответствующие новому материалу пропорциональные соотношения.

Использование элементов классического искусства носит чисто внешний характер. Ордера имеют глубоко своеобразное качественное выражение; основу их следует искать в колонных системах легких деревянных айванов народного строительства. Характерно, что даже мощные четырехлопастные столбы Квадратного зала Нисы, утрачивая (сообразно с неподатливостью нового материала — жженого кирпича) энтазис, сохраняют благодаря членению по вертикали общую стройность, присущую именно деревянной стойке. Те же качества — стройность пропорций, прямой ствол, обширные интерколумнии — отмечаются и в пристенных вариантах колонн из жженого кирпича и просто из глины (первый ярус Квадратного зала, «Красная стенка» храма в Новой Нисе).

Колонны эти декоративны; они не вызваны конструктивной надобностью, но художественно вполне оправданы, так как выражают определенную архитектонику фасадов или интерьеров здания.

Анализируя детали нисийских колонн, нетрудно заметить некоторые элементы, сближающие их с основными ордерами классической архитектуры — дорическим, ионическим, коринфским, но в еще большей мере бросается в глаза отход от них. О местном происхождении «азиатской праионики», как и о специфической «парфянизации» близких к дорическому типу колонн и акантизированных капителей, уже говорилось выше. Отличия от классических ордеров выражены в пропорциях, в форме деталей, в начертании и последовательности обломов. Но главное отличие состоит в ином применении и иных взаимоотношениях колонных систем в общем архитектурном облике сооружения.

Для парфянской архитектуры характерен получивший широкое распространение в эпоху эллинизма прием двухъярусных колоннад. Но если памятники эллинистического зодчества дают в основном примеры архитектурного расчленения объемов и стен как бы на два яруса: нижний — глухой и верхний — оформленный колоннадой (мавзолей в Галикарнасе, алтарь в Пергаме, Арсинойон и др.), то в почти одновременном с ними храме Новой Нисы наблюдается обратная картина: внизу — легкий колонный айван, приоткрывающий выдержанную в изящных пропорциях колоннаду «красной стены», во втором ярусе — гладь стены, завершенной зубчатой линией фигурного парапета. Если греко-римское зодчество придерживается в двух- и трехъярусных композициях последовательного чередования ордеров — дорического, ионического, коринфского, то в Квадратном зале Старой Нисы архитектор ставит внизу колонны дорического типа, над ними — коринфизированный вариант, но вместе с тем выносит во внутреннее пространство интерьера мощные четырехлопастные столбы, базы и капители

которых почти повторяют в укрупненных масштабах обломы пристенных колонн первого яруса.

Характеризуя парфянский ордер, следует подчеркнуть в нем прием контрастного сопоставления двух разномасштабных колонных схем в едином композиционном решении. Принцип этот, с одной стороны, передает архитектурными средствами ощущение масштабности и, с другой, — усиливает впечатление монументальности. В ранних решениях этот комбинированный ордер мог бы быть назван уравновешенным (храм Новой Нисы, Круглый зал, Квадратный зал в его первом варианте с круглыми центральными столбами), в позднем — монументальным (Квадратный зал с четырехлопастными колоннами и монументальной скульптурой). Здесь налицо эволюция общего метода за время раннего и «имперского» этапа развития парфянского зодчества.

Важное качество парфянского ордера составляет в ряде случаев использование цветовых соотношений. Белый, малиново-красный и черный цвета особенно отчетливо выявляют архитектурные свойства стены как на обширных гладких ее плоскостях, так и в межколонных промежутках (храм в Новой Нисе, Квадратный зал и др.).

Употребление парфянскими зодчими свободно стоящих колонн выражено в композиции интерьеров с продольно-базиликальным построением пространства, как, например, в Квадратном доме, в длинных комнатах которого оно расчленено надвое колоннадой, или же с центрическим построением пространства, как в Квадратном зале или в Круглом храме.

Квадратный зал с его развитой архитектурой дает образец архитектонически выраженной масштабности. Она строится на противопоставлении глухих пристенных декоративных колоннад несущим четырехлопастным устоям, вдвое бóльшим по высоте и вчетверо — по сечению, размещение которых в среднем квадрате усиливает ощущение пространственной организации зала.

Тема квадратного помещения, перекрытие которого покоится на стенах и на четырех стойках, очень стара, традиционна и была издавна распространена в архитектуре древнего Востока. Для допарфянского времени достаточно напомнить многочисленные четырехколонные комнаты персепольского ансамбля («гарем», таджары, сокровищницу). Композиция этого рода, очевидно, ведет свое начало от архитектуры народного жилища; отголоски ее доныне можно видеть в этнографическом жилье народов Кавказа, Ферганы, Памира и т. д. Но если в ахеменидском дворцовом комплексе четырехколонные комнаты представляют помещения второстепенного значения, то в Квадратном зале Нисы композиция приобретает необыкновенно репрезентативный характер, зал становится центральным компонентом ансамбля, в котором играет ту же роль, что многоколонные ападаны в Персеполе и Сузах. Характерно, что дворец в парфянской Нисе назывался именно ападаной, судя по употреблению этого термина в одном из хозяйственных парфянских документов, найденных на том же городище[1].

Вместе с тем сопоставление Квадратного зала с ахеменидской ападаной указывает на глубокое отличие самого архитектурного образа дворцового зала в ахеменид-

[1] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянский архив из древней Нисы. — ВДИ, 1953, № 4, стр. 119.

скую и парфянскую пору, хотя как будто в приеме выражения глубины, третьего измерения через посредство колонных композиций мы вправе видеть развитие одной и той же идеи.

В ападанах преобладает лес однозначных стройных колонн, растворяющихся в облекающем их пространстве. Колонны здесь — лишь обезличенные участники обширного архитектурно оформленного пространства; количество рядов их могло бы быть произвольно увеличено без особого ущерба для композиции в целом. Идея ападаны — идея подавления личности, всецело отвечающая мировоззрению древнего восточно-деспотического общественного строя. В нисийском Квадратном зале число опор, поддерживающих венец конструкции потолка, сведено к минимуму — к четырем, но зато самим колоннам придана значительность индивидуального архитектурного компонента; впечатление это усиливается контрастным противопоставлением их масштабам и стилю настенных колоннад. Здесь наблюдается уже иное, «античное» отношение к колонне, передающей средствами художественной выразительности идею активно несущей конструкции, органически взаимосвязанной с архитектурным замыслом в целом: нельзя было бы ввести даже пары добавочных четырехстолпных колонн, чтобы в корне не разрушить основную композиционную идею Квадратного зала. Это новое понимание архитектурной задачи вполне закономерно для тех тенденций развития индивидуализма и значения отдельной активной могущественной личности, которые столь типичны для мировоззрения эпохи эллинизма.

Уместно акцентировать затронутый в этой связи вопрос о взаимоотношении парфянского зодчества с архитектурными традициями ахеменидской эпохи. Широко распространено мнение, будто парфяне, отвергнув наследие своих предшественников и восприняв искаженно ряд элементов художественной культуры греков, проявили свое искусство «в чертах эклектизма» и будто лишь «национальная реставрация» Сасанидов вновь возродила архитектурные принципы ахеменидской поры. Не говоря уже о неприемлемости самой формулировки о «национальных» качествах в условиях рабовладельческого строя, к пониманию проблемы преемственности для парфянского этапа истории архитектуры древнего мира следует подходить с совершенно иными мерилами. Парфяне не отвергли достижений предшествующего периода, но исходили из них и развивали их дальше. Новое в сравнении с ахеменидской эпохой «античное» миросозерцание вытесняет «восточно-деспотическое», новые эстетические принципы приходят на смену прежним.

С другой стороны, при Сасанидах отнюдь не были отброшены почти полутысячелетние достижения парфянской художественной культуры. Из достижений парфянской архитектуры в целом (и восточных и западных областей) многое безоговорочно вошло в зодчество сасанидской эпохи: монументальные сводчатые айваны, трехарочные входы, контрастная масштабность большепролетных сводов и измельченной обработки смежных плоскостей, обработка стен пилястрами или полуколоннами, резной штук, монументальная скульптура и многое другое.

В позднепарфянском зодчестве Южного Туркменистана уже проступают зародыши тех новых черт и качеств, которым суждено было стать руководящими в местном строительстве последующих веков. Сводчатые системы интерьеров, возвышенные платформы, гофрированная разделка стен перейдут в новом качественном преломлении

в раннефеодальную архитектуру, получив в ней свое дальнейшее развитие. Позднепарфянская крепость Чильбурдж дает самый ранний для всей Средней Азии пример употребления типичной для архитектуры VII—X вв. «гофрировки» стен.

Вопросы происхождения гофр поднимались в специальной литературе уже неоднократно, не получив, однако, исчерпывающего объяснения. Опуская формалистические гипотезы, связывающие, например, появление их с подражанием складкам матерчатого шатра кочевников и др., приведем некоторые основные высказывания. Распространенным является выдвинутое Б. Н. Засыпкиным мнение, будто применение гофр в сырцовом строительстве было продиктовано соображениями конструктивного порядка, так как складчатая поверхность их обеспечивает стенам бо́льшую жесткость[1]. Едва ли, однако, придание дополнительной жесткости и без того мощным сырцовым стенам гофрированных зданий, достигающим двух-трехметровой толщины, могло играть существенную роль и оправдать усложнение строительного процесса особой отеской и специальной укладкой сырцовых кирпичей. В противовес этой «конструктивно-технической» концепции В. Н. Чепелев выдвинул на первый план момент эстетический, усматривая в гофрах «зародышевую форму дорического и ионического храма» и трактуя композицию фасадов раннефеодальных гофрированных кёшков Мерва и Хорезма как «восточный вариант дорической или ионической колоннады, выраженный в местной своеобразной декоративности»[2]. Однако знакомство с архитектурой среднеазиатской античности показывает, что в ней были разработаны свои системы колоннад, построенные на иных художественных нормах, чем «ордера» греко-римской классики. Вместе с тем в теории В. Н. Чепелева необъяснимым остается предполагаемое им появление «зародышевой формы» ионических и дорических колоннад уже в пору заката в Средней Азии рабовладельческой формации, зарождения феодального уклада и соответствующих ему новых архитектурных явлений, нашедших особенно яркое выражение в укрепленных дихканских замках-кёшках, стены которых обычно покрыты гофрами.

В ином аспекте рассматривается вопрос появления гофр археологами. А. И. Тереножкин выдвинул гипотезу о возникновении гофрированной обработки стен из частого расположения бойниц (как в хорезмской крепости Аяз-кала № 1), что на расстоянии «создает иллюзию тяжелых, массивных полуколонн»[3]. На это можно возразить, что момент простой подражательности сам по себе никогда не определяет в зодчестве сложения новых стойких архитектурных концепций; декоративной форме, как правило, предшествует форма утилитарная. С. П. Толстов склонен возводить происхождение гофр к скрещению двух архитектурных приемов: к обработке стен прямоугольными пилястрами, снабженными бойницами, а также к «галереям-аркадам»

---

[1] Б. Н. Засыпкин. Заметки по строительной культуре Советского Востока. — «Строительная промышленность», 1930, № 1, стр. 70—78; В. И. Пилявский. Гофрированные постройки Средней Азии. — «Архитектура СССР», 1941, № 5, стр. 61.

[2] В. Н. Чепелев. Об античной стадии в истории искусства народов СССР. М.— Л., 1941, стр. 58—61; рец. Б. В. Веймарна в журн. «Архитектура СССР», 1941, № 1.

[3] А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме. — «Советская археология», VI, 1940 стр. 184.

культовых и дворцовых зданий, хорошо нам известных по согдийским оссуариям». В фасадах гофрированных кёшков VI—VII вв. (типа Тешик-кала) С. П. Толстов усматривает «трансформацию решения фасада Кизыл-кала и башен Топрак-кала под влиянием принципа аркады»[1].

Памятники парфянской архитектуры I—III вв. н. э. позволяют предложить иное объяснение происхождения гофр. Появление их первоначально связано с созданием мощных столпных конструкций. Несущие плоское балочное перекрытие столбы дворцового зала Старой Нисы представляют собой как бы пучок гофр — четырех цилиндрических сросшихся колонн. Прием этот, но уже в подражательном варианте, входит и в архитектуру сырцовых стен, организуя ритмом своих гофр вертикальное членение их глухих поверхностей. Примеры этому дают стенки некоторых сооружений парфянского некрополя в Варка[2].

Использование этого разработанного в парфянской архитектуре приема в башнях Чильбурджа (наряду с прямыми пилястрами в обработке стен) преследовало не только эстетическую, но и практическую цель. Расположение на гофрах этой постройки огромного числа ложных бойниц позволяло, с одной стороны, маскировать положение бойниц настоящих (в частности, в межгофровых промежутках). С другой стороны, благодаря круглой форме гофр и радиальному размещению на них бойниц создавалась иллюзия сплошного флангового и косого обстрела, который будто бы мог грозить осаждающему неприятелю отовсюду. Выше уже говорилось о подобных «психологических» бойницах более ранних парфянских крепостей — Старой Нисы и Дурали-

В эстетическом отношении гофры Чильбурджа являют собой заключительный уже качественно новый шаг в развитии парфянского ордера, а их появление совпа. дает с порой заката местной античности. Квадратные башни Чильбурджа развиваю, в совершенно новом качественном преломлении мотив четырехлопастных устоев Квадратного зала Нисы. Число сомкнутых колонн здесь достигает по каждому фасу не двух, но трех (т. е. по девяти на каждой башне). Дело, однако, не в количественной стороне, а в качественных изменениях: иной утилитарной функции соответствует совершенно иное архитектурное выражение. Утратив значение несущей опоры в ее конструктивном решении и даже в пристенном варианте, колонны становятся комплексом однородных сомкнутых на стене гофр. Отсутствие интерколумниев и слитность столбов превращают гофры в элемент стены; отсюда утрата ими компонентов, подчеркивающих конструктивный смысл колонн,— баз и капителей. Взамен первых появляется общий высокий постамент, венчанием же стволов становится объединяющая их в общую плоскую гладь верхнего участка стены цепочка перспективных арочек. Эстетический смысл гофр — в расчленении стены по вертикали, четко выраженном объемно и светотенью благодаря округлой форме их. На смену парфянскому ордеру новонисийского храма или Квадратного зала с их тонко прочувствованной системой взаимоотношений, стены несущих и несомых элементов приходит несколько монотонный ритм безлико-однородных вертикалей, выражающих мощь непроницаемо-глухих, огороженных от внешнего мира массивов башен. В этих принципиальных

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 139.

[2] A. Gayet. Указ. соч., стр. 83.

изменениях стиля, по-видимому, отражаются глубокие внутренние процессы, протекавшие в позднепарфянский период и породившие существенные изменения общественной идеологии, в частности в области художественных воззрений и самого художественного творчества.

В заключение важно подчеркнуть, что парфянская архитектура отнюдь не представляет стилистически тожественного явления для Парфянского государства в целом в его обширных политических границах. При наличии очень многих сходственных черт парфянское зодчество Южного Туркменистана не идентично парфянской архитектуре Месопотамии (памятники Хатры, Ашура, Вавилона и др.) или Сеистана (Кухи-ходжа). Причина тому лежит не в пресловутой «эклектичности» парфянской культуры, но в том, что Парфянское царство не составляло этнически единого организма. Парфянское искусство создавалось народами, населявшими крупные области Парфянского царства и вошедшими на время в состав политически единого государственного организма; они, эти народы, внесли те локальные особенности, которые существенно отличают, например, парфянские сооружения Месопотамии от сооружений Нисы. В Хатре и Ашуре получает развитие композиция обширных сводчатых айванов, в Нисе — система местных ордеров при балочных системах перекрытия больших пролетов; в Дура-Европос широко используются горельефные изваяния на ортостатных плитах, в Нисе — монументальная объемная крашеная скульптура. Если в постройках Хатры употреблен архитектурно обработанный камень, то в памятниках Нисы преобладает лёсс в его разнообразных производных: сырец, жженый кирпич, терракота. Примеры таких различий можно умножить.

Вместе с тем, изучение памятников парфянской архитектуры Южного Туркменистана опровергает тезис В. В. Бартольда, отрицавшего возможность культурного воздействия восточнопарфянских областей на западные[1]. С полным правом мы можем говорить если не о воздействии, то об их взаимодействии. Принципы планировки городов, система сырцовых стен, фланкированных часто расположенными прямоугольными башнями, композиции четырехколонных залов, сходственность орнаментальных форм, например декоративных зубцов, стреловидных прорезей, розетт, красно-черно-белой гаммы архитектурной раскраски и т. д.,— все эти архитектурные принципы и формы общи для парфянских памятников и южнотуркменистанских и месопотамских.

Будучи частью обширного комплекса художественных явлений «среднеазиатской античности», парфянское зодчество Южного Туркменистана вместе с тем рядом своих принципиальных качеств отличается от архитектуры других областей рабовладельческой Средней Азии. В развитии среднеазиатского зодчества античной эпохи мы считаем возможным выделить ряд крупных архитектурных школ, сложившихся в областях Тохаристана (юг Узбекской и Таджикской республик и афганский Туркестан), Согда (междуречье Кашка-Дарьи и Сыр-Дарьи), Хорезма (Кара-Калпакская АССР и Северный Туркменистан); слабо пока выявлена особая школа Северного Туркестана (Семиречье и Фергана)[2]. Сложение этих школ проходило на местной народной твор-

[1] В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос, стр. 361 и сл.

[2] Г. А. Пугаченкова. Архитектура среднеазиатской античности. — ВДИ, 1951, № 4, стр. 185 и сл.

ческой основе на фоне определенной исторической эпохи, а создателями их были те народы, к которым тянутся нити этногенеза современных народов республик Средней Азии. Выявление этих школ имеет, таким образом, важное познавательное значение в свете проблемы художественного наследия и художественной преемственности, поскольку зарождение элементов национальной формы в архитектуре как проявление культурной общности народа восходит ко временам, предшествующим окончательному сложению наций, т. е. еще к докапиталистическим формациям.

Не останавливаясь на деталях, дадим краткую характеристику основных архитектурных качеств выделенных нами школ, сопоставление которых с парфянским зодчеством наглядно подтверждает его самостоятельное место в истории среднеазиатской архитектуры.

Школа тохаристанская представлена памятниками Сурхан-Дарьинской группы античных городищ (Термез, Айрытам, Хатун-Рабат и др.). Хотя, как и повсеместно в Средней Азии, основным строительным материалом здесь служили сырец и пахса, в облицовке стен и в конструкциях колонн большое место занимает камень. Ортостатные плиты, профилированные тяги и карнизы, пилястры и раскреповки широко используются в парадной архитектуре времени Кушан (I в. до н. э. — III в. н. э.). Характерны сложные моденатуры горизонтальных элементов стен и архивольтов арок. В оформлении капителей используются коринфизированные варианты тяжеловесных пропорций с сильной схематизацией акантовых листов. Значительное место занимает горельефная скульптура, в которой преобладают буддийские сюжеты в местной художественной интерпретации; стиль ее сближается с принципами гандхарской школы. Буддизм налагает глубокую печать на идеологические представления и художественные образы северных районов Тохаристана. Здесь возникают целые комплексы пещерных и наземных монастырей-вихара с многоярусным расположением келий, коридоров, святилищ; воздвигаются ступа — монолитные башнеобразные, увенчанные куполами; строятся храмы, замечательным образчиком которых является Айрытамское святилище, с пронаосом, увенчанным скульптурным фризом, изображающим музыкантов и носителей даров среди акантовой листвы. Характерно применение наряду с традиционной среднеазиатской аркой эллиптического начертания арки килевидной—индийской. Общие пропорции сооружений и отдельных архитектурных форм характеризуют известная сдавленность и приземистость, усиливающие их монументальность. Тохаристанская архитектурная школа предстает как сложное явление среднеазиатской культуры, растворившей в себе мотивы индийской и греко-римской архитектуры.

Школа согдийская пока выявлена памятниками не ранее первых веков нашей эры. В главном здании Тали-Барзу характерны крепостные элементы постройки и сырцовые своды «отрезками». Как показывают объекты согдийской торевтики и коропластики, в архитектуре массового строительства значительное место занимали колонные системы и аркады. Форма деревянной согдийской колонны характеризуется наличием раструбообразной капители, иногда оформленной волютами или снабженной импостной подбалкой; ствол суживается снизу вверх; база торовидна или трапециеобразна. Настенные аркады имеют различные очертания арок: полуциркульное, эллиптическое и фестончатое.

В архитектуре хорезмийского круга четко прослежена картина развития античного градостроительства. Типичен город прямоугольной формы, рассеченный надвое главной магистралью, в конце которой, противоположном от крепостных ворот, находятся площадь и ансамбль общественных и культовых сооружений (Джанбаскала). В позднеантичную эпоху появляется ряд добавочных поперечных улиц (Топрак-кала). Основу застройки составляют дома-массивы, важным элементом которых являются высокие башни-донжоны. В облике городов преобладают мощные геометрические массы. Процессу развития городов сопутствует усовершенствование фортификационных приемов: введение прямоугольных башен и усложнение предвратных сооружений. Основным материалом хорезмийских построек служит сырец; в конструкциях преобладают массивные стены и сводчатые перекрытия; своеобразны платформы, как бы закрепляющие в сырцовых отсеках песчаные барханы. Выдающееся сооружение эпохи — дворец шахов Хорезма в Топрак-кала. Здесь высился величавый донжон, доминировавший в общем силуэте города. Самый дворец насчитывал более сотни различных помещений: парадных залов, малых покоев, коридоров, хозяйственных комнат. Главный зал заключал целый пантеон глиняных крашеных статуй обожествленных предков царствующего дома; некоторые комнаты украшала живопись с изображением воинов, женщин, различных животных и птиц. Синтез искусств составляет важное качество архитектуры античного Хорезма.

Сопоставление памятников этих архитектурных школ наглядно показывает, что при целом ряде сходственных принципов и черт, сложившихся в результате единства социальных процессов, этнической близости населявших среднеазиатские области народов, наличия тесных культурных связей, парфянской архитектурной школе Южного Туркменистана принадлежит особое место в общей линии развития зодчества среднеазиатской античности. Школа эта являет собой результат творчества дахов, парнов-парфян, маргианян, которые составляли коренное население этих территорий и которые вошли каким-то своим элементом в этногенез туркменского народа, законного наследника этого богатого античного наследия.

Глава третья

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО (VI—X вв.)

События III в. н. э., когда царство Аршакидов рухнуло под натиском коалиции иранских племен, возглавленной Арташиром, были явлением исторически-закономерным. Ни политический авторитет, ни военная сила не могли поддержать одряхлевшее Парфянское рабовладельческое государство, подтачиваемое изнутри противоречиями общественного строя. Утверждение с 226 г. династии Сасанидов, овладевших большинством былых парфянских земель, не смогло задержать неодолимый распад рабовладельческой формации. Уже в IV в. и особенно в V в. н. э. кризис старого общественного строя охватывает страну. Пора эта отмечена вспышками народных восстаний, крупных социальных движений, из которых наиболее значительным было движение Маздака, ослаблением центральной власти и как следствие притоком с северо-востока орд кочевников — кедаритов, эфталитов, тюрков. Выход из кризиса намечается к VI в. На развалинах старого общества, в недрах которого уже начали слагаться элементы иного уклада, вырос новый общественный строй — феодальный. И хотя Сасанидам удается сохранить власть вплоть до середины VII в., так называемый сасанидский период, который принято рассматривать как единое историко-культурное целое с III по VII в., в действительности включает в себя два этапа, принадлежащие двум различным социальным системам[1]. Положение это в Южном Туркменистане ярко прослеживается на памятниках материальной культуры: археологический инвентарь, четко датируемый монетами ранних Сасанидов, ничем не отличается от позднепарфянского; между тем для VI—VII вв. он приобретает ярко выраженное своеобразие. То же в полной мере может быть сказано и в отношении архитектуры.

[1] Об этом см.: М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 109; его же. Новые данные по древней истории Мерва. — ВДИ, 1951, № 4, стр. 89—101.

Новые черты в местном зодчестве намечаются уже с VI в., когда зарождаются ростки феодальных отношений. Южный Туркменистан в эту пору включает часть двух обширных провинций — Хорасана и Джурджана, заключавших множество мелких независимых владений, в каждом из которых сидел собственный правитель со своим особым титулом. По ибн-Хордадбеху правитель Нишапура именовался кунар, Мерва — махуйе, Серахса — задуйе, Абиверда — бахман, Нисы — абраз, Гарчистана — баразбанда, Мерверруда — килян, Джузджана — гузган-худа, Джурджана — сул[1]. Арабский географ громко именует их «царями», хотя несомненно, что это были лишь владетельные князья, правители отдельных областей, достаточно независимые, хотя номинально и входившие в состав державы Сасанидов (кроме джурджанского сула, который чаще подчинялся кагану тюрков), нередко враждовавшие друг с другом.

В эту пору жизнь в сельских местностях, земли которых принадлежали крупным землевладельцам-дихканам, приобретает рассредоточенный характер. Историки не располагают достаточными данными, чтобы твердо судить о характере земельных отношений в этот период, в частности о прикреплении крестьян к земле. Пережитки рабовладельческого уклада были еще слишком сильны, и, видимо, еще не выкристаллизовался тот новый способ классовой эксплуатации путем закрепления крестьянства, который отлился в четкие формы лишь на исходе I тысячелетия н. э. Однако появление в государстве Сасанидов нового социального сословия — крупнопоместных землевладельцев, среднеазиатского рыцарства «дихкан» — очень симптоматично. Его еще нет среди сословий, перечисленных в «Авесте». А между тем при Сасанидах именно дихканство составляло основную социальную силу и классовую опору государства.

Завоевание Хорасана в VII в. арабами совершалось с величайшей жестокостью. Во многих областях местные правители предпочитали идти на сговор с противником, откупаясь высокой данью. Так было в Нисе, Абиверде, Мерве[2]. Несмотря на вспышки народных антиарабских движений (в частности в Мерве зародилось перекинувшееся затем в Мавераннахр движение Муканны) и даже попытки совместного действия отдельных хорасанских феодалов против арабов (например, в 680 г.)[3], хорасанская знать очень быстро нашла общий язык с пришлыми завоевателями. Арабы сохранили за местным дихканством права на все наследственные угодья и их эксплуатацию, наложив лишь налог — харадж, исчислявшийся пропорционально богатству тех или иных областей. За дихканами сохраняются не только экономические привилегии, но и военная сила в виде тех боевых отрядов, на которые опиралось в военных действиях хорасанское рыцарство[4].

В конечном счете Хорасан начинает играть очень видную роль не только в экономической, но и в политической жизни всего халифата. Именно в Мерве в VIII в. зреют

---

[1] Ибн-Хордадбех. — МИТТ, I, стр. 146. Как полагают исследователи, в перечне этом содержатся не только титулы, но и собственные или родовые династические имена (там же, прим. 5), как, например, Махуйе или Сул.

[2] Ал-Белазури. — МИТТ, I, стр. 66—68.

[3] Табари. — МИТТ, I, стр. 102.

[4] Там же, стр. 115.

нити заговора, который ниспровергает династию омейядских халифов и ставит во главе арабского халифата Аббасидов.

Неосновательность преувеличения роли арабов в сложении средневековой культуры народов Среднего Востока с непреложностью устанавливается при изучении памятников, созданных этими народами. Однако до недавнего времени в историко-архитектурных публикациях имело хождение перенесенное из буржуазной исторической науки подразделение среднеазиатской архитектуры былых эпох на две категории: мусульманскую и доисламскую[1].

Между тем новые направления местной художественной культуры в первую очередь были предопределены не надстроечным идеологическим элементом, каковым является религия (ислам, мусульманство) и не политическими факторами смены династий и внешних завоеваний, но коренными изменениями социальной основы и общественной идеологии в целом. Новые качества возникают в среднеазиатском зодчестве вслед за крушением местной античности и зарождением иных общественных устоев, т. е. задолго до появления арабов на арене среднеазиатской истории. Приход арабов на первых порах вызывает упадок общественной жизни и культурной деятельности. Лишь в пору наметившейся политической самостоятельности отдельных крупных областей халифата начинается новый подъем культуры среди народов, вошедших в систему арабского халифата.

Формирование собственно арабской культуры багдадского круга в ее блестящих образцах IX в. было результатом синтеза творческой деятельности народов, вошедших в систему халифата Аббасидов. Лишь с этого времени в странах Среднего Востока прочно закрепляется мусульманство. Ислам используется арабами как мощное орудие идеологического объединения и порабощения. Ислам становится той активной силой, каковой является всякая идеологическая надстройка, порожденная определенными формами базиса.

Девятое столетие знаменует известное упрочение социального строя, политической ситуации, экономики, общественной жизни в Хорасане и в Дахистане (северная часть области Джурджан — на территории юго-западной Туркмении). Централизация власти в руках Тахиридов, позднее Саманидов, при номинальном подчинении халифату, оживление торговых и культурных связей,— все это благоприятствовало упрочению феодализма, развитию городов и расцвету торговли и ремесел. Строительная деятельность получает новый толчок к бурному развитию.

В IX—X вв. на территории Южного Туркменистана происходит консолидация в единую народность оседлого, таджикского по языку населения. Одновременно большая роль принадлежит тому тюркоязычному населению края, которое жило на границах среднеазиатских земледельческих областей и которое в X в. впервые именуется «туркменами». Между теми и другими проходил процесс взаимного проникновения, отражением чего, в частности, была определенная сходственность культуры.

[1] Ср. сводные работы: Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства советского Востока. — Сб. «Художественная культура советского Востока». М.—Л., 1931, стр. 22; Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927, стр. 9—10; его же. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 30 и 38; Б. В. Вейнарн. Искусство Средней Азии. М.—Л. 1940, стр. 20, 22 и 31.

Развитие местного раннефеодального зодчества Южного Туркменистана VI—X вв. протекает на фоне сложных процессов формирования новой общественной системы и этнических конгломераций.

ПЕРВЫЙ ЭТАП (VI—VII вв.)

ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ

Кризис рабовладельческой формации (IV—V вв. н. э.) сказывается роковым образом на жизни античных поселений Южного Туркменистана. Крупные античные города хиреют, малые гибнут. Очень красноречивую картину дают в этом отношении раскопки в Мерве и в Нисе. Заброшенные здания погребены под массивами оплывших стен и рухнувших перекрытий. Археологические вскрытия обнаруживают удивительное зрелище бесчисленных тончайших натечных слоев, которые намывались в сезоны дождей в течение многих десятков лет. Эти натечные толщи достигают от 1 до 2 м. Четвертый и пятый века нашей эры в истории южнотуркменистанского зодчества знаменуют собой период определенного застоя. Лишь с VI в. намечается перелом. Облик поселений VI—VII вв. радикально отличается от античных: жизнь рассредоточивается по сельскохозяйственным округам. В противовес античности становление нового социального уклада связано уже не столько с городом, сколько с деревней, что отмечается в тот же период и для других областей Средней Азии. Ведущими археологическими памятниками этой эпохи являются высокие мощные тепе «столового» типа, расположенные иногда на значительных, иногда на небольших расстояниях друг от друга; они сохранились по всей территории Южного Туркменистана и несколько разнятся лишь по масштабам. Только на пути от Ашхабада к ж.-д. станции Каахка при рекогносцировке XI отряда ЮТАКЭ нами было отмечено их до трех десятков, причем по силуэту уже на значительном расстоянии можно было безошибочно отличить их от городищ и тепе иных эпох. Таковы Ак-тепе и другое безымянное тепе, близ Гяурса, еще одно Ак-тепе и Дазлыхан-тепе неподалеку от станции Артык, Кюрень-тепе близ Коушута, тепе у Пештака, Койне-Баверд и многие другие. Особенное обилие раннефеодальных тепе установлено в богатом оазисе Мерва. Только к северу от руин этого города в радиусе до 25 км установлены десятки их: Дуе-чакын, Апиеклан, Одинчи-тепе, Туп-тепе, Давали, Кунград-тепе, Сули-тепе, Зейнель, Куюлы-тепе, Айрыклы-тепе, Елиминг-тепе, Гичигран, Чанглы, Кууртлы, Обайдаш и др. Картина феодальной раздробленности и отсутствия единой центральной области красноречиво подтверждается также отсутствием в Мервском оазисе в эту эпоху какого-либо крупного города, за исключением самого Мерва, сильно сократившегося по сравнению с парфянской эпохой.

Эти тепе — остатки дихканских замков, рыцарских гнезд — «кахов» в местной исторической терминологии[1], жизнь которых была непосредственно связана с прилежащим, особым для каждого каха сельскохозяйственным районом —

[1] О термине «ках», соответствующем понятию укрепления, воздвигнутого представителями землевладельческой аристократии, см. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 34 и сл.

«рустаком» (волостью). Архитектурно-планировочные принципы, несомненно, слагаются в связи с потребностями нового общественного уклада. Усадьба дихкана имеет четырех-, пяти- или шестиугольный план. Она приподнята на высокой (до 5—6 м) искусственной глинобитной платформе, наклон граней которой даже в оплыве достигает 45°; первоначально он был, несомненно, намного круче. Поверху вздымались высокие крепостные стены. На одной из граней располагался въезд, который осуществлялся по пандусу. Внутри находились замок владетеля (каср, кёшк), службы и двор. Каждый из таких кахов представлял собой таким образом маленькую неприступную

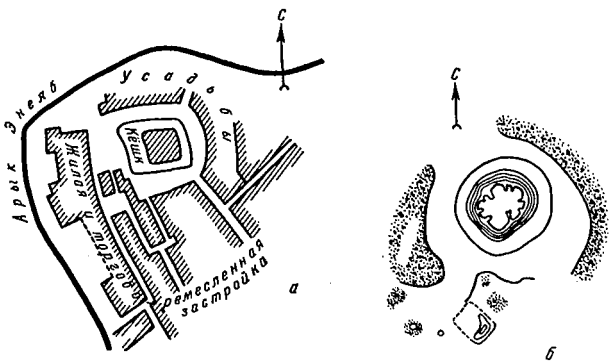
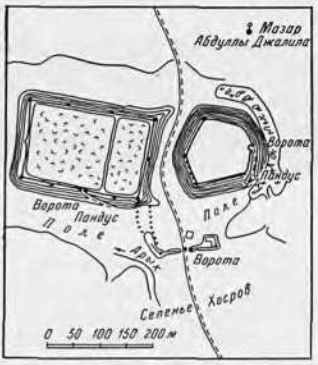

Схема поселений Кара-тепе и Дазлыхан-тепе.

крепость, способную выдержать длительную осаду и вместить большое число людей. Вокруг этих высоких тепе на некотором расстоянии отмечаются остатки как бы опоясывавших центральный ках глинобитных построек, ныне совершенно разрушившихся и оплывших. Здесь, очевидно, селились подвластные феодалу крестьяне, обрабатывавшие поля, в среде которых уже выделилась группа ремесленников, изготовлявших разнообразные орудия и утварь, а также торговые слои населения. Мужское население этого поселка составляло вместе с тем ополчение дихкана, в дни осад находя вместе с семьями защиту внутри каха.

В поселениях этих налицо определенные планировочные приемы, отличные от тех, которые созданы были в парфянскую эпоху. Характерным образом является поселение VI—VII вв. на городище Кара-тепе (близ колхоза им. Ленина Марыйской области). Ядром его служит приподнятый на искусственной платформе ках феодала. Вокруг него находилось открытое пространство, род обширной кольцевой улицы; дома селения не подступали вплотную, видимо из соображений удобства обороны каха. Улицы радиально сходятся к этому планировочному центру. С севера и с востока располагаются крупные дома-усадьбы зажиточных слоев населения. Вдоль главных радиальных магистралей — плотная жилая и торгово-ремесленная застройка. Важно отметить наличие двух крупных архитектурно выраженных площадей. Одна из них простирается

у западной стороны каха, вторая находится в центре густой застройки. Эта последняя особенно интересна: она прямоугольна в плане (размеры — 80×40 м), в нее вливаются две главные уличные артерии; она оформлена по четырем сторонам массивами больших строений, одно из которых было караван-сараем (см. рис. на стр. 140). Вероятно здесь располагался главный рынок. Поселение у Кара-тепе представляет собой в планировочном отношении как бы зародыш средневекового города с типичными для него торгово-ремесленными улицами, рыночными площадями, *густой жилой застройкой трудовых слоев населения* и выделенными в особые массивы домами богачей. В нем уже выявляются четко организованные планировочные узлы, но вместе с тем здесь еще нет ни городских стен, ни четкого отграничения города от предместий: само поселение как бы влито в территорию окружавших его возделанных земель.

План Хосров-калы.

Попытки централизации власти уже в эту пору делались владетелями крупных областей. Отражением этого служат мероприятия по созданию городов. Число их крайне невелико. Типичными примерами являются Мерв — центр одноименной области, упоминаемый раннеарабскими географами, и городище Хосров-кала близ Коушута, видимо, главный город доарабского Абиверда. Планировочный принцип един: оба города имеют мощный ках феодала, правителя области (марзбана в Мерве, бахмана в Абиверде), близ которого располагается обведенный стенами город. В Мерве в качестве каха используется Эрк-кала, на центральном холме которого осуществляется перестройка верхнего здания парфянской эпохи. Город располагается в Гяур-кале, где лишь слегка реставрируются великолепные античные стены. Однако площадь Гяур-калы была обжита в VI—VII вв. лишь частично, намного уступая плотной застройке и густой заселенности парфянского города. Характерно, что усадьбы самого марзбана располагались вне ее, к востоку, у канала Асада ал-Хорасани.

Городище Хосров-кала, также античное в своей основе, существовало как город до завоевания области арабами, при которых главный административный центр области переместился к Абиверду — ныне городищу Пештак. Забота об обороне побудила строителей Хосров-калы возвести высокую (до 9 м от подошвы) глинобитную платформу, основанную на более древних культурных толщах, и обвести ее массивными стенами, фланкированными угловыми башнями. Въезд осуществлялся по отлогому пандусу, который был обращен в сторону приподнятого на мощной платформе близрасположенного замка правителя; атака ворот таким образом становилась для осаждающих вдвойне опасной.

Хосров-кала наглядно иллюстрирует процесс усовершенствования фортификации

Хосров-кала. Общий вид руин.

стен. Взамен часто расположенных башен парфянских крепостей здесь башни размещены экономно на расстоянии, позволяющем осуществить меткий полет стрелы. Взамен прямоугольной формы им придана более совершенная, округлая. Тот же процесс усовершенствования фортификации отмечен был С. П. Толстовым для памятников крепостной архитектуры Хорезма VI—VII вв. (Тешик-кала и др.)[1].

Наметившаяся в зародыше на Кара-тепе и выделившаяся в четкий планировочный элемент в Хосров-кале территория собственно-города соответствует, видимо, понятию шахристана средневековых восточных авторов. Рядом с ним располагается ках, который уже в IX—X вв. в период наметившейся централизации общегосударственной власти чаще именуется «кухендиз», т. е. «старая крепость»[2]. Город и замок имеют самостоятельную, но в случае надобности взаимодействующую систему крепостной обороны. Общественную основу вновь возникающих городов-шахристанов составляют социальные слои, которые изначально группировались вокруг дихканских замков в поселениях, еще не получивших четкого планировочного облика.

Выясняя по данным письменных источников состав населения ранних шахристанов Мавераннахра, А. Ю. Якубовский отмечал здесь наличие домов-усадеб дихканства, храмов различных функционировавших в Средней Азии до утверждения ислама культов, домов купечества, лачуг и мастерских ремесленников[3]. Такова же была в основном и застройка севернохорасанских городов поры раннего феодализма, что подтверждается, между прочим, некоторыми историческими сведениями о Мерве.

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 128 и сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 195.

[2] Об историческом значении этого термина см. В. В. Бартольд. Персидское арк «крепость, цитадель». — «Изв. РАИМК», т. I, 1920, стр. 29 и сл.

[3] А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. — «Труды Тадж.ФАН СССР», т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 10—11.

Следует, однако, оговорить, что эти данные относятся не только и не столько к шахристану, сколько к городу в целом со всей примыкающей к нему округой. По данным ал-Белазури, при сдаче Мерва арабам одним из условий контрибуции было предоставление жителями места в своих жилищах для завоевателей[1]. При этом упоминается о большом числе принадлежащих местному дихканству укрепленных дворцов-кёшков внутри Мерва[2], затем в значительной своей части перешедших к арабской знати[3]. Из числа культовых зданий Мерва упоминаются храмы огня[4], а сведения о наличии здесь несторианской митрополии не оставляют сомнения в существовании христианских церквей[5]. Остатки ремесленных производств, возле которых располагались жилища самих ремесленников, выявлены археологическими наблюдениями.

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

В VI—VII вв. существенно меняется общий стиль архитектуры Северного Хорасана.

Строительным материалом служит сырец квадратной формы, иногда того же стандарта, что и в парфянских постройках, но чаще — меньшего (до 34—38×7—8 см), пахса, в малой мере — дерево, изредка жженый кирпич. Последний, видимо, как и в античную пору, употреблялся в основном в наиболее ответственных конструкциях. В частности, находки специально формованных клинчатых кирпичей указывают на применение их в кладках арок и сводов. Совершенствуются конструкции сводов «отрезками», выведенных бескружально из сырцового кирпича; пролеты их достигают 4,50 м. Квадратные помещения перекрываются куполами на угловых конических сводах — тромпах.

Новая эпоха рождает качественно новые архитектурные решения.

Преемственная связь с архитектурными типами античности сохраняется, видимо, в наибольшей мере в культовой архитектуре, всегда более традиционной и консервативной, чем гражданское зодчество. До арабов зороастризм сохранял в Хорасане положение государственного вероисповедания, храмы маздеистов были здесь многочисленны. По сведениям Табари, один из так называемых «великих огней» был перенесен бежавшим Иездигердом из Рея в Керман, а оттуда в Мерв. «Он перенес туда и огонь, построил для него здание, устроил сад и в двух фарсахах от Мерва (т. е. около 12 км) по дороге к этому саду воздвиг здание со сводом»[6]. Интересно указание на ансамблевую связь храма огня с садом и на сводчатую архитектуру самой постройки. Сочетание культового здания с садом было, видимо, традиционным в местном строительстве. В нижнем течении канала Маджан располагался обширный сад

---

[1] Ал-Белазури. — МИТТ, I, стр. 67.

[2] Худуд ал-Алам. — МИТТ, I, стр. 213.

[3] Табари. — МИТТ, I стр. 131; Якуби. — МИТТ, I, стр. 148; Истахри. — МИТТ, I, стр. 173.

[4] Табари. — МИТТ, I, стр. 87.

[5] Там же, стр. 114.

[6] Там же, стр. 87.

мервской митрополии (местность именовалась Пои-Бабан); здесь стояло сводчатое здание науса, где происходили обычно епископские собрания. Сюда, между прочим, перенесли в 651 г. тело убитого Иездигерда. Здесь его погребли и замуровали вход[1]. Любопытен факт изменения функции храма, превращенного в усыпальницу царя. Судить об его архитектуре на основании этого краткого упоминания нельзя; единственной конкретной деталью является указание на наличие сводчатого перекрытия, видимо, господствовавшего в объемной композиции храма.

В этой связи чрезвычайный интерес представляют руины постройки Хароба-кошук, обследованной нами в 1951 г.[2] Они высятся в 15 км к северу от старого Мерва, у древней дороги, шедшей в направлении к Хорезму, близ мощного холма-тепе Дуе-чакын; вокруг тепе — следы небольшого поселения VI—VII вв.

Здание Хароба-кошук ориентировано своей главной осью с северо-запада на юго-восток. Стены и сводчатые перекрытия его сложены из сырца размерами 40×40×11 см—41 × 41 × 11 см. Сооружение прямоугольно в плане и необычайно вытянуто; размеры его по внешнему периметру равны 51 × 13 м. Оно заключало единственное высокое помещение, как бы расчлененное на семь (или восемь) секций, расположенных анфиладно. В юго-восточном отсеке характерно наличие двух глубоких ниш на поперечной оси, двух малых комнаток (или лестничных клеток?) в углах и общее повышение всей этой части сооружения относительно остальной.

Стены интерьера были оформлены сводчатыми нишами. Здесь отмечается своеобразный конструктивный метод: арки ниш выводились в процессе кладки самих стен, имевших толщину 90 см, после чего последние были как бы одеты снаружи футляром стен 70-сантиметровой толщины.

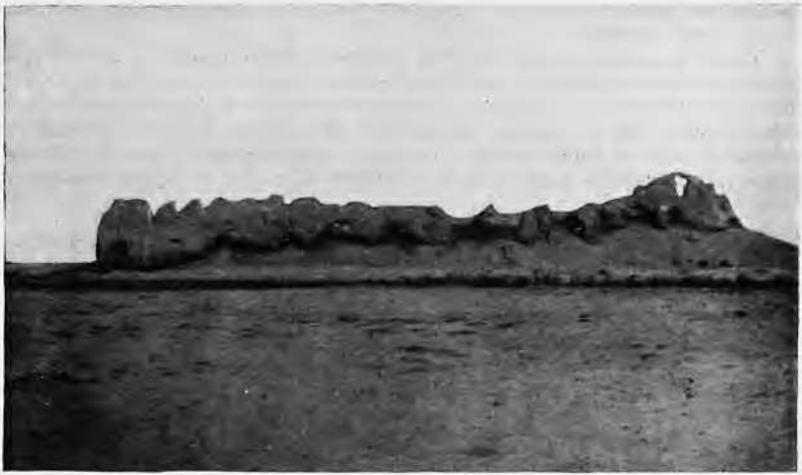
Большие арки и своды (пролетом до 3—4 м) сложены из того же сырца, что и стены, приемом клинчатой кладки, и имеют очертание возвышенной коробовой кривой. Малые арочки (до 1,50 м) выведены своеобразной кладкой кирпичом плашмя; контур их получает легкую стрельчатость благодаря смыканию двух смежных кирпичей в замке под некоторым углом. Тот и другой прием требуют при выведении употребления кружал. Путем точных замеров и последующего анализа удалось установить метод начертания коробовой кривой. Она трехцентровая; местоположение центров кривизны определяется следующим образом. Пролет основания делится на 6 частей; откладывая в уровне пят вправо и влево по 4 части, получаем 2 центра кривой, радиус которой таким образом соответственно равен 10 частям. Откладывая по вертикали на оси 2 части, находим третий центр, из которого описываем завершающую свод дугу. Судя по юго-западному участку здания, отдельные отсеки его могли перекрываться основанными на подпружных арках куполами, переход к которым, видимо, осуществлялся при помощи тромпов.

Наружные стены гладкие, оштукатуренные глиной; никаких следов архитектурного декора в сохранившихся участках нет. Здание, как видно, использовалось еще

---

[1] Табари.— МИТТ, I, стр. 96 и 97. Как показано А. Я. Борисовым, арабским термином наус «объединялись всевозможные виды погребальных построек, и христианских, и зороастрийских, и языческих»; см. его статью «О значении слова «наус» — ТОВЭ, III. М.—Л., 1940, стр. 310.

[2] Г. А. Пугаченкова. Хароба-кошук. — «Изв. АН Туркм. ССР», 1954, № 4, стр. 15 и сл.

Хароба-кошук.

в XI—XII вв., о чем свидетельствует скопившаяся в нем керамика, а также некоторые ремонтные подкладки стен сырцом, размеры которого (29×29×6 см) обычны для построек этих столетий.

Время сооружения Хароба-кошука может быть отнесено к V—VI вв. Размер сырца, из которого он возведен, обычный еще для построек парфянской эпохи, применяется по традиции в архитектуре крепостных стен и крупных сооружений Мервского оазиса вплоть до VII в., когда преобладающим становится меньший размер его (около 34—36×7—8 см). Коробовая форма сводов, сложенных в приеме клинчатой кладки, представлена в позднепарфянских крепостях этого района — Дурнали и Чильбурдж, однако очертание кривых в них значительно более повышено. Кривые же Хароба-кошука приближаются к сводам сасанидского дворца в Сарвистане (V в.)[1] и сасанидского здания в Натанзе[2]. Кроме того, важным датирующим показателем являются слегка стрельчатые формы малых арок, которых еще не знает местная античность, но появление которых установлено в ряде среднеазиатских замков VI—VII вв., например Ак-тепе под Ташкентом, Мунчак-тепе близ Фархада и др.[3] Наконец, указанная дата появления этой постройки подтверждается сооружением ее в пределах поселения VI—VII вв. близ крупного укрепленного замка местного

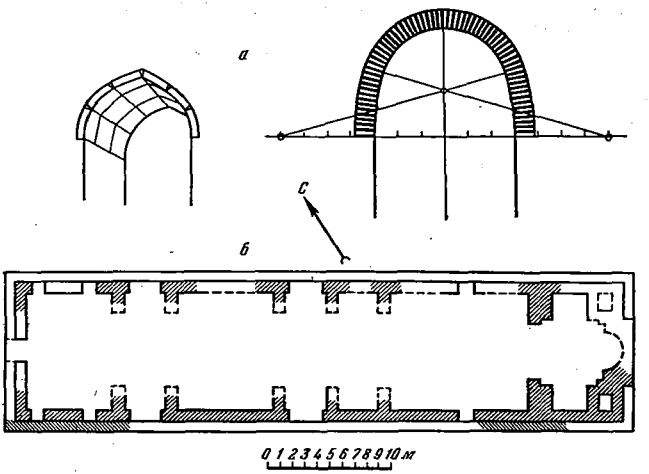
[1] A. Gayet. Указ. соч., стр. 100—101.

[2] A. Godard. Natanz.-AJ, t. I, fasc. II, 1936, стр. 79 и сл.

[3] В. Л. Воронина. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии. — КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, рис. 31а и 31б.

феодала при полном отсутствии в этом месте каких-либо археологических остатков более раннего времени.

Каково назначение здания? Крупные размеры и общая парадность архитектуры убедительно свидетельствуют о его общественном характере, а своеобразная планировка — о специальном назначении. Нам представляется, что Хароба-кошук — здание культовое. Однако оно едва ли связано с официальным культом Сасанидского государства, в состав которого входил Хорасан, — с зороастризмом. Храмы огня имели замкнутую планировку и святилище с круговыми обходами; изоляция священного

Хароба-кошук.
а — типы арок, *б* — план

огня осуществлялась также постановкой храмов вне густонаселенной части города или селения. Что касается Хароба-кошука, то он по всем признакам представлял собой христианскую церковь.

В V в. события маздакитского движения резко пошатнули влияние официального зороастризма в широких народных кругах. К VI—VII вв. в областях, входивших в состав Сасанидской империи, официальная религия зороастризма с его разработанным до мелочей ритуалом уже изживала себя. В эту пору христианство успешно соперничает с зороастризмом, получая здесь широкое распространение в формах изгнанных из Византии «еретических» сект: несторианства, яковитства, мелькитства и др. Христианство имело своих последователей даже в числе видных государственных

деятелей, но особенно среди торговых и ремесленных слоев городского населения[1]. Крупные христианские корпорации были рассеяны повсюду.

Что касается Мерва, то первый епископ этой области упоминается уже в 334 г. В 420 г. в связи с успехами здесь христианской пропаганды и ростом числа адептов Мервская епископия была преобразована в митрополию, причем господствующим толком был несторианский[2]. Учреждение в Мерве самостоятельной митрополии предполагает наличие в богатом Мервском оазисе немалого числа несторианских общин. Очевидно, одна из них группировалась в поселении при кёшке дихкана, жившего в Дуе-чакын.

В планировочном отношении Хароба-кошук напоминает группу ранних малоазийских «длинных церквей» в Эфесе[3], например церковь Троицы, храм св. Георгия в Сардах и др., в развитии которых О. Шуази был склонен видеть скрещение иранских и римских влияний[4], церковь сасанидского времени в Ктесифоне[5]. Они отличны от традиционных базилик, так как имеют единственный сильно вытянутый неф, расчлененный лишь архитектурно благодаря применению системы сводчато-купольных перекрытий. Особенно напоминает план Хароба-кошука церковь Троицы в Эфесе. Противоположная входу часть ее имеет на оси абсиду, в углах — небольшие потайные комнатки, на поперечной оси — глубокие нишки. Юго-восточный отсек Хароба-кошука дает аналогичную планировку; глубокие ниши на поперечной оси его образуют характерное очертание трансепта христианских храмов, в углах размещены комнатки; абсида, видимо, была разрушена еще в XI—XII вв. при вторичном использовании старой постройки уже в ином назначении. Общее повышение всей этой части здания как бы подчеркивает ее главенствующее архитектурное значение. Нашему отожествлению не противоречит и некоторая случайность ориентации главной оси сооружения: обращение абсид христианских церквей на восток или к «святым местам» восходит по времени не ранее X в.; даже храм Софии в Константинополе ориентирован лишь приблизительно в отношении стран света[6].

Архитектура Хароба-кошука целиком выполнена в местной строительной традиции; сырец как основной материал, эллиптические своды и стрельчатые арочки в нишах и проемах, купольные перекрытия,— все здесь выполнено руками мервских мастеров (видимо, приверженцев несторианства), удачно разрешивших задачу ограждения и перекрытия большепролетного зала.

Хароба-кошук является единственным пока выявленным на территории Сред-

---

[1] Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. —Л., 1946, стр. 235 и сл.

[2] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период.— ЗВО, т. VIII. СПб., 1893, стр. 6 и 11.

[3] J. Keil. Vorläufiger Bericht über die Arbeiten in Ephesos.—«Jahresberichte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien», Bd. XV. Wien, 1912, стр. 205—206.

[4] О. Шуази. История архитектуры, т. II. М., 1939, стр. 38—39.

[5] F. Wachtsmuth. Die Plannung des rechteckigen Einheitsraumes in der alt-morgenländischen Kunst. — «Jahrbuch für Kleinasiatische Forschungen». Heidelberg, 1915, фиг. 21; O. Reuther. The German Expedition at Ctesiphon. — «Antiquity», 1929, декабрь, фиг. 1—2, стр. 449—450.

[6] О. Шуази. Указ. соч., т. II, стр. 59.

ней Азии христианским архитектурным памятником, число которых в рассматриваемую эпоху, судя по историческим свидетельствам, было довольно значительным.

Среди домусульманских культовых сооружений Мерва чрезвычайный интерес в глазах современников и потомков составляло здание Кей-Марзубан. Описание его, основанное на некоем не дошедшем до нас первоисточнике, приведено у ряда восточных авторов. «Был в Мерве большой старинный дом, который называли Кей-Марзубан. Дойдя от земли до высоты роста человека, он поднимался к крыше на четырех изображениях по его сторонам — двух мужчин и двух женщин; и в нем было удивительное изображение — неизвестно, что такое. И пришли некие люди, заявили, что оно принадлежит им, и что их предки построили его и выбрали дерево, которое было в нем, и золото, которое было в изображениях, а он был домом, удивительно сделанным. В год, когда он был разрушен, Мерв и его селения постигли великие бедствия, и люди Мерва утверждали, что он был талисманом для процветания, и что город и его жителей никогда (ранее) не постигало то, что постигло их»,— пишет ибн ал-Факих[1]. У Ахмеда ат-Туси, описание которого в общем совпадает с предыдущим, введена следующая любопытная деталь: «И в Мерве был дом, имя которому Кей-Мерзбан, он был построен на четырех фигурах — два мужчины и две женщины — и внутри фигур сделаны были чудеса, никто не знал, что это такое. Народ заявлял, что это — н а ш ц а р ь» (разрядка наша. — *Г. П.*)[2]. В этой связи уместно вспомнить о главном святилище Сасанидов в Ганзаке — Шиз. В нем, по сведениям византийского историка Кедрена, при храме огня находилось помещение, в куполе которого светились солнце, месяц и звезды; под ним стоял идол царя Хозроя Парвеза, «окруженный ангелами, носившими скипетры и поклонявшимися ему» (видимо, имеются в виду изображения, подобные крылатым Никам Таки-Бустана, созданные именно при этом государе), а особые машины производили дождь, молнию и гром[3]. Изображение царей, очевидно, широко практиковалось в храмах V —VII вв. на Ближнем и Среднем Востоке. По сведениям китайских хроник, в одном из зданий этого времени столицы Согда — Кушании — стены были украшены изображениями государей Индии, Ирана, Китая, Византии и страны тюрков. Раскопками Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в Пянджикенте вскрыты целые комплексы храмовых и дворцовых помещений VII—VIII вв., украшенные живописью, в которой тесно сплетены культовые, мифологические и реальные сюжеты, в частности образы божеств, наряду с изображениями представителей согдийского дихканства[4].

Сложное оформление Кей-Марзубана скульптурными изображениями в общем чуждо духу официального зороастризма. Если учесть отмеченный исследователями факт распространения в Хорасане ко времени арабского завоевания, при официаль-

---

[1] Ибн ал-Ф а к и х. — МИТТ, I, стр. 151.

[2] В. А. Ж у к о в с к и й. Развалины старого Мерва.— «Материалы по археологии России», вып. 16. СПб., стр. 32.

[3] Ф. А. Р о з е н б е р г. Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. — Отд. оттиск из журн. «Живая старина», 1912, т. XXI, стр. 24.

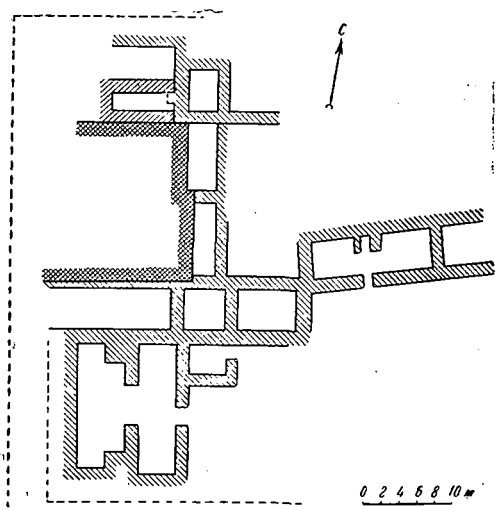
[4] А. Ю. Я к у б о в с к и й. Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг. — «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», [1950], т. VII, № 5, стр. 472 и сл.

ном преобладании зороастризма, различных ересей «буддийского и вообще индийского характера»[1], то можно высказать предположение, что Кей-Марзубан был храмом манихейского толка, того синкретического вероучения, которое вобрало многие черты передне- и центральноазиатских культов и было широко распространено в рассматриваемую эпоху.

Кей-Марзубан представлял собой постройку, сочетающую архитектуру и скульптуру в *едином синтетическом решении. Здесь, видимо, наличествуют переживания* позднепарфянских художественных традиций, запечатленных в архитектуре Квадратного и Круглого залов Старой Нисы.

ГРАЖДАНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

Гражданских зданий общественного назначения VI—VII вв. в Южном Туркменистане пока почти не известно. Представление о сооружении правительственно-административного характера дают лишь остатки строений VI в. на вершине Эрк-калы Старого Мерва. Раскопки показали, что при возведении его были использованы постройки парфянского времени. Стены воздвигнуты из сырца размером 39—40 см в стороне квадрата на 10 см толщины, положенном на глиняном растворе. Стены и полы оштукатурены глиной. План выясняется лишь частично. Сохранилась группа разнообразных прямоугольных комнат, стены которых параллельны, за исключением трех помещений в восточной части. Перекрытия, судя по пролетам и по картине завала, могли быть сводчатыми. Нет ничего парадного внутри этого сооружения, откуда вершились дела обширной области: это лишь группа однотипных комнат, вмещавших чиновно-административный аппарат Дома правления. Однако наружный силуэт его, господствовавший *над всей Эрк-калой, несомненно, создавал впечатление величия и мощи.*

Остатки административного здания на вершине холма Эрк-кала в Старом Мерве.

[1] А. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М., 1906, стр. 58.

Большая Нагим-кала.

Главным объектом творческого созидания и сложения новых архитектурных форм в рассматриваемую эпоху был замок феодала — кёшк.

Эволюция кёшка четко прослеживается на памятниках Мервского района, изучение остатков сырцовых зданий которого послужило предметом специальных работ VII отряда ЮТАКЭ в 1950—1952 гг. Число сохранившихся руин их довольно значительно, хотя не все они относятся к одному времени. К разряду наиболее ранних относятся две постройки, впервые зарегистрированные С. А. Вязигиным: Большая и Малая Нагим-кала, расположенные близ колхоза им. Молотова Марыйской области.

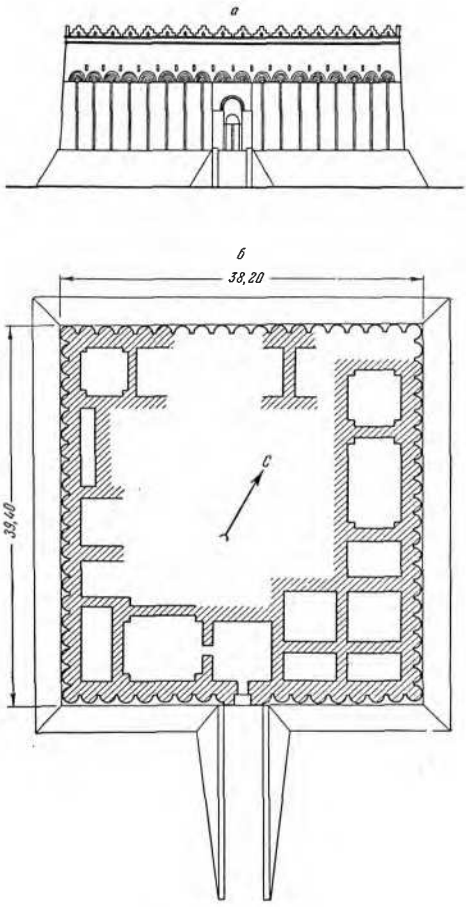
Большая Нагим-кала почти квадратна в плане; первоначальные контуры ее у подошвы достигали в стороне 44—45 м. Главный фасад ориентирован на юго-юго-восток. Первый этаж имел вид высокой (до 4 м) платформы со скосом граней под углом около 70°. Выкладка осуществлена чередованием рядов сырца и 16-сантиметровых слоев пахсы. Размер сырца — 36×36×8 см. Толща стен первого этажа достигала понизу 3 м. На северо-западной стене его сохранились оконца — узкие, продолговатые, размещенные довольно высоко и выведенные со скосом верхней грани, видимо, для лучшего проникновения света.

Над этим этажом платформой высились почти отвесные (лишь с легким уклоном граней) стены второго и, кажется, третьего этажа. Сложены они из сырца. Размеры здания в уровне этих стен 39,40×38,20 м; снаружи они оформлены полукруглыми

гофрами; толщина стен — 1,20 м без гофр (2,10 м, включая гофры). Довольно крутой пандус, расположенный на главной оси, вел прямо во второй этаж. Отсюда по внутренним лестницам можно было спуститься в помещения нижнего этажа.

Средняя часть второго этажа разрушилась и затекла; по аналогии с другими памятниками можно предположить существование здесь центрального квадратного купольного зала (может быть, с нишами на осях), вокруг которого были сгруппированы различные помещения. У входа расположен квадратный вестибюль. По периметру стен размещалась группа различных комнат — прямоугольных, квадратных, коридорообразных, часть которых сохранила остатки сводчатых перекрытий.

Характерны остатки свода на щипцовой стене северо-восточного углового помещения. Пролет его равен 4 м; кривая, как установлено уточненным обмером, близка к полуциркульной и лишь в замковой части имеет легкое заострение. Этот свод, как и другие, судя по сохранившимся участкам их, выведен наклонными «отрезками». Оригинально перекрытие оконца пролетом около 90 см: своеобразный «ложный свод», выведенный напуском четырех рядов сырцового кирпича, по которым диагонально проложен ряд наполовину выступающих кирпичей; образовавшиеся между ними квадраты также перекрыты диагонально лежащими кирпичами.

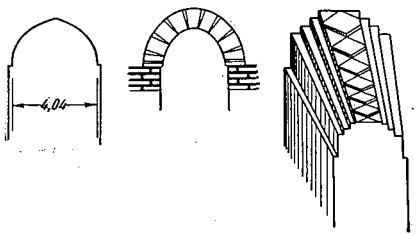

Большая Нагим-кала.
а — реконструкция фасада; *б* — план.

Помещения оштукатурены глиной. Расчистка верхнего участка стены одной из комнат первого этажа выявила остатки раскраски в темно-красный цвет по глиняному грунту.

Стены здания оформлены, как сказано выше, полукруглыми гофрами. Характерно, что хотя размеры сторон кёшка разнятся лишь на 1,20 м, т. е. менее чем на величину одной гофры, число гофр по более длинным сторонам равно 22, по более коротким — 19. Вход выделен слегка выступающим прямоугольным объемом, заключающим нишу, крытую аркой, в щипцовой стене которой находится арочный же проем дверей.

Археологический материал в кладках стен, формат кирпича и конструктивные детали позволяют датировать Большую Нагим-калу VI—VII вв. Прием чередования пахсовых и сырцовых кладок, употребленный в первом этаже Нагим-калы, известен, например, в замке VII в. Ак-тепе под Ташкентом[1]. Следует отметить эволюцию начертания сводчатых кривых. Здесь еще не те четкие стрельчатые арки, которые известны в южнотуркменистанских постройках IX—X вв. Вместе с тем, если позднепарфянская архитектура Туркмении знает сильно вытянутые эллиптические кривые (например в Дурнали и в Чильбрудже) или кривые полуциркульные (например, в Нисе)[2], то в Нагим-кале уже появляется заострение кривой в замке. Появление стрельчатых арок также отмечается в период, предшествующий арабскому завоеванию, в зодчестве других областей Средней Азии (Ак-тепе под Ташкентом, Мунчак-тепе близ Фархада и др.). Наконец, датировка Большой Нагим-калы VI—VII вв. подтверждается чрезвычайной близостью ее планировочных, конструктивных и общекомпозиционных принципов к хорезмскому кёшку VII—VIII вв. — Тешик-кала[3]; однако Нагим-кала превосходит его своими масштабами.

Большая Нагим-кала. Типы арок и перекрытие над окном.

Малая Нагим-кала расположена метрах в двухстах севернее Большой Нагим-калы. Здание крайне разрушено; сохранился глинобитный оплыв постройки и юго-восточный угол стен. Это был небольшой кёшк (около 12×12 м), гофрированные стены которого вздымались над высокой платформой. Постройка воздвигнута из квадратного сырца 33—34 см в стороне на 7—8 см толщины. В кладку введено большое количество деревянных балочек-связей. По две таких балочки заделаны вкось в каждую из гофр на уровне их основания (в угловой гофре они введены диагонально к плану) и заведены в стену. Малая Нагим-кала, видимо, несколько моложе Боль-

---

[1] В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. — «Материалы по археологии Узбекистана», т. I. Ташкент, 1948, стр. 143 и сл.

[2] «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 214 и сл.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 138 и сл.

Малая Нагим-кала.

шой. Оба кёшка использовались вплоть до монгольского завоевания, когда жизнь в районе замерла.

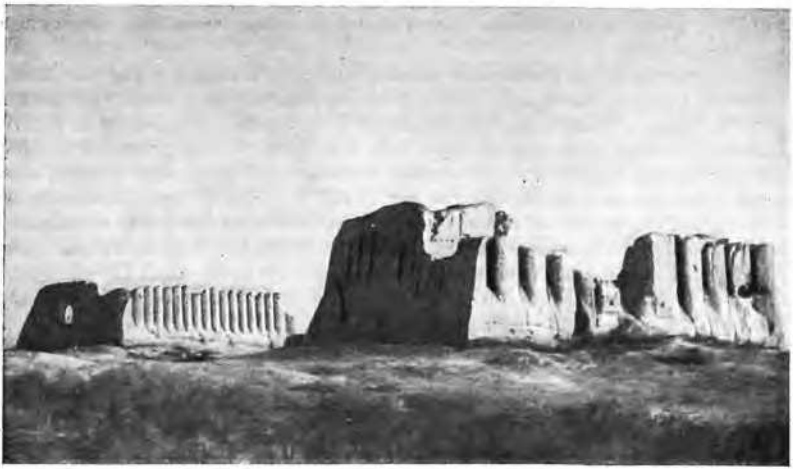
Архитектура обеих Нагим-кала невольно вызывает в памяти две другие аналогичные постройки: Большую и Малую Кыз-калу близ западной стены Султан-калы Старого Мерва. Довольно подробное описание этого здания принадлежит В. А. Жуковскому, который оставил открытым вопрос о его датировке, хотя отмечал сходство лицевой отделки Кыз-калы полуколоннами с башней в Радкане, близ Кучана, ошибочно относимой им к сельджукской эпохе[1]. В 1937 г. В. И. Пилявский выполнил архитектурные обмеры планов и конструктивных деталей обеих Кыз-кала, краткое описание и фотографии которых приведены в опубликованных им позднее статьях. Датировку зданий автор ставил сначала в пределах сельджукской эпохи (XI—XII вв.), позднее — между VIII—XII вв.[2] Двенадцатым столетием датировал обе Кыз-калы и В. А. Лавров.

[1] Отчеты Археологической комиссии за 1890 г., рис. 34; В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 165—167.

[2] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва. — «Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 8. М., 1947, стр. 56—64; его [же. Архитектура древнего Мерва.— «Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института», вып. 10. М., 1950, стр. 96 и сл. Некоторые сведения по данным работ 1937 г. о сырцовых сводах Кыз-кала опубликованы в кн.: Н. М. Бачинский. Сырцовые здания древнего Термеза. — ТАКЭ, т. II, стр. 209 и 222, рис. 45—46.

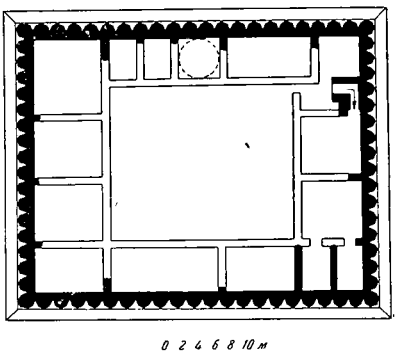

Большая и малая Нагим-кала. Реконструкция.

Большая и малая Кыз-кала.

Большая Кыз-кала имеет размеры 37×43 м по внешнему периметру гофрированных стен. Выстроена она из сырца размером 34—35 см в стороне квадрата на 8 см толщины. В основании — мощный первый этаж-платформа; над ним возвышаются гофрированные стены (по 22 гофры на длинных сторонах, по 18 — на коротких). Гофры здесь полувосьмигранны, выступая ребром, а не гранью. Верхний этаж давно рухнул. Ввиду того что стены использовались в течение долгого времени пастухами в качестве загона для скота, микрорельеф стен совершенно снивелирован, и лишь местами у ограждающих стен прослеживаются остатки располагавшихся здесь прямоугольных помещений и коленчатого перелома лестничной клетки. Высказывавшееся предположение, будто посередине располагался прямоугольный двор[1], неприемлемо, так как такой двор имел бы колодцеобразные пропорции, где скапливалась бы вода от дождя и снега. Скорее всего, здесь был центральный купольный зал, вокруг которого группировались комнаты и коридоры, лишенные прямого света, что довольно обычно в архитектуре этой эпохи (ср. планировку замка Ак-тепе под Ташкентом). Сохранились фрагменты коробовых сводов двух типов: кладки наклонными «отрезками» или радиально расположенным кирпичом; кривая их — повышенного эллиптического начертания, иногда с легким стрельчатым заострением в замке. Очень интересен декор стен одного из таких сводчатых помещений; здесь из специально отесанных рельефных полукирпичей выведены пересекающиеся трехлопастные арочки, образующие несколько грубоватую, но эффектную фестончатую настенную аркатуру.

Большая Кыз-кала. План руин II этажа.

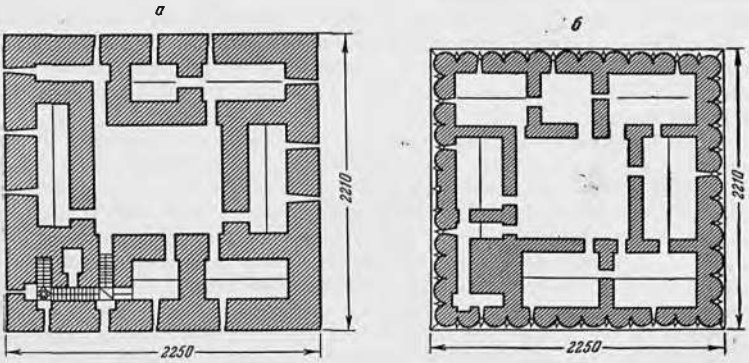
Малая Кыз-кала квадратна в плане; размеры ее составляют около 20 м в стороне квадрата; на каждой стороне — по 12 полукруглых гофр. Нижний этаж выражен платформой. Постройка сложена из сырца размером 35×35×7,5—8 см. В центре располагалось квадратное помещение (может быть, на высоту двух этажей), вокруг которого группируются квадратные и прямоугольные комнаты, лестницы и коридоры. Своды выведены по преимуществу «отрезками»; кривая их — повышенного эллиптического очертания, иногда с небольшой стрелкой. Очень своеобразен «ползучий» свод лестничной клетки, образованный постепенным отступом каждого последующего ряда «отрезков» свода[2]. Характерно употребление перспективных тромпов, выведенных как бы отступающими рядами кладки. Подобный уступчатый сырцовый свод обнаружен

[1] В. А. Лавров Указ. соч., стр. 87.

[2] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, рис. 13; Н. М. Бачинский. Сырцовые здания древнего Термеза. — ТАКЭ, т. II, рис. 46.

Большая Кыз-кала. Деталь свода.

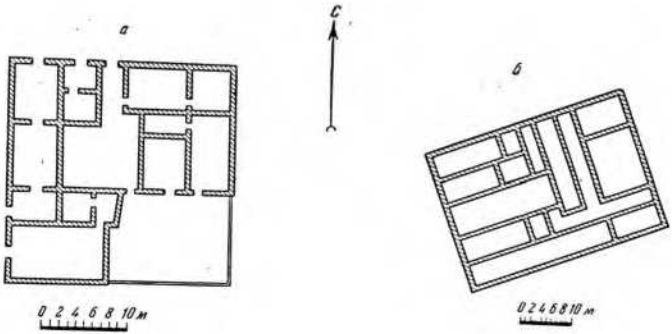

Малая Кыз-кала.

а — план I этажа; *б* — план II этажа.

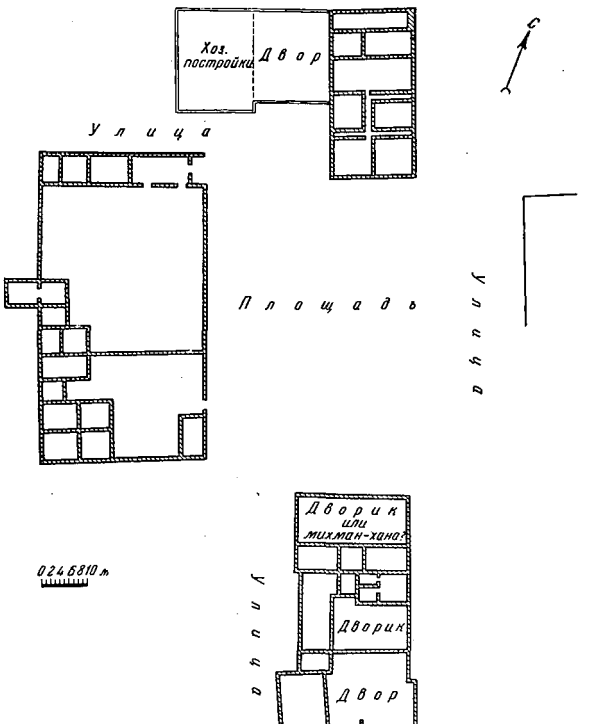
Малая Кыз-кала. Тромп.

Мервский оазис. Городище Тургай-тепе. Планы домов VI—VII вв.

а — дом в рабаде; *б* — дом в шахристане.

при раскопках лестницы парфяно-сасанидского здания в Сузах[1], применение же перспективных тромпов присуще для архитектуры Среднего Востока VI—VII вв., как показывает, например, одно из пещерных помещений Бамиана этой поры[2].

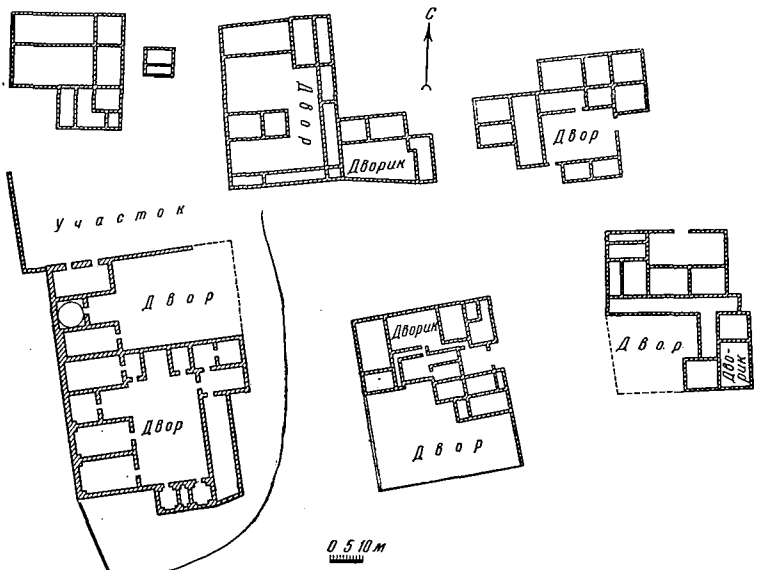
Кара-тепе. Ансамбль домов у площади (VI—VII вв.).

Назначение обеих Кыз-кала не вызывает сомнения: это кёшки, замки мервских дихкан. Вопрос же об их датировке должен быть в корне пересмотрен.

[1] R. de Mecquenem. Fouilles de Suse, 1933—1939.— «Mémoires de la Mission Archéologique en Iran», t. XXIX. Paris, 1943, фиг. 104, стр. 138.

[2] A. Godard, J. Godard, J. Hackin. Les antiquités bouddiques de Bamyan.— «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan», t. II. Paris, 1928, стр. 43—44, фиг. 12, табл. XXXI-a.

Совершенно неприемлемо отнесение обоих сооружений к XI—XII вв. Если применение гофр еще изредка имеет место в эту пору в зданиях полукрепостного назначения (например, в караван-сарае Рабати-Малик), если пережиточно они еще сохраняются в некоторых постройках культового или меморативного характера (Джар-курганский минарет, гофрированные башни в Рее, Верамине, Бистаме и др.), то общий тип сурового гофрированного замка в эту пору уступит место парадному, но лишенному

Кара-тепе. Планы домов-усадеб к северу и северо-востоку от цитадели (VI—VII вв.).

крепостных признаков жилому дому средневекового горожанина (см. стр. 203 и сл.). В Хорезме в сельских усадьбах XI—XII вв. (например, Кават-кала) гофры сохраняются лишь в качестве декоративных элементов частичного настенного оформления, но не тех сплошных мощных гофр, которые типичны для замков V—VII вв. (например, Тешик-кала). Не отвечают предлагавшейся датировке в обеих Кыз-кала ни крупные размеры сырца (в XI—XII вв. размер его в мервском строительстве не превышал 27—29 см на 6—7 см), ни конструктивные приемы, ни архитектурные формы. Наоборот, аналогия с Нагим-калой и близкой им группой кёшков раннефеодального среднеазиатского зодчества (Тешик-кала, Ак-тепе и др.) позволяют считать обе Кыз-калы замками мервских дихкан VI—VII вв.

Показателен район местоположения Кыз-кала у одного из крупнейших каналов древнего Мерва — Хурмузфарра, название которого связано с местной крупной дихканской фамилией, чьи земли, видимо, располагались по каналу, а владения простирались до городища Кишман-тепе (в 30 км к северу от Мерва), сохранявшего свое наименование Хурмузфарра вплоть до XIII в. Городская застройка Мерва захватила район у канала Хурмузфарра к концу IX в., когда по распоряжению Хусейна ибн-Тахира, правившего Мервом с 877 г., здесь были возведены многочисленные строения, причем сюда же он намеревался перенести базар и Дом правления[1]. При этом обе Кыз-калы оказались включенными в ансамбль городских строений, вероятно, по-прежнему выполняя свою основную функцию — замков владетельных местных аристократов из рода Хурмузфарра. Судя по археологическим находкам, Кыз-калы использовались до времени разрушения города монголами.

Изучение некоторых поглощенных песками городищ VI—VII вв. Мервского оазиса позволяет пролить некоторый свет на вопрос о жилищном строительстве широких слоев населения.

Целый комплекс планов домов был обмерен нами по микрорельефу на городищах VI—VII вв.: Кара-тепе, Тургай-тепе и Мунон-тепе. Материал их стен — сырцовый кирпич. Среди кара-тепинских домов выделяются дома-усадьбы, группирующиеся севернее и восточнее кёшка феодала. Они, как правило, имеют приусадебный участок (сад, огород), обведенный дувалом. Помещения группируются возле двора (иногда двух дворов). Дом имеет компактный правильный план со множеством больших и малых покоев, обращенных большей частью во двор. Устанавливается наличие сводчатых айванов-террас, видимо основанных на деревянных колоннах.

Дома горожан — ремесленников, чиновников, торговцев и других — значительно меньше по масштабу, но планировочный принцип их аналогичен: система прямоугольных комнат, часть которых связана айваном с пространством двора. В домах на городище Мунон-тепе прослеживается характерный архитектурный элемент — род угловой башни с монументальным основанием. Это как бы миниатюрный донжон, оборонная башенка. Традиция возведения жилых башен при доме была широко распространена у различных народов древности, средневековья и даже недавнего времени; она была вызвана возможностью внезапных нападений. Таковы, например, башни домов Хадрамута (Южная Аравия), башни при домах горцев Кавказа (например, у осетин) и Афганистана, «динги» туркменских поселений XVIII—XIX вв.

ВТОРОЙ ЭТАП (VIII—X вв.)

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Рассмотренная выше группа архитектурных памятников характеризует собой первый этап развития раннефеодального зодчества Южного Туркменистана. Завоевание арабами Хорасана резко прерывает поступательный процесс сложения новых форм художественной культуры. Лишь с преодолением разрушительных последствий

[1] Истахри. — МИТТ, I, стр. 173.

завоевания и вступлением этой провинции на путь самостоятельной государственности наступает новый этап подъема культурной и созидательной деятельности.

Обследование городищ в различных областях Южного Туркменистана выявило выразительную картину заброшенности при арабах большей части поселений и городов, вновь сложившихся после кризиса IV—V вв. Жизнь в них при арабах или угасает совсем, как, например, на Айрыкли-тепе, Обайдаш, Гичигран и других в Мервском оазисе, в целой группе поселений Мешхеди-Мисрианского района (Шаудуз-кала, Ханлы-тепе и др.) или перемещается на другую территорию, нередко почти вплотную к брошенному городищу, но только не на нем самом. Таковы, например, городища Мервского района у Кара-тепе, Тургай-тепе, Сули-тепе, Мунон-тепе и многие другие.

Сами арабы на первых порах сооружали во вновь захваченных областях лишь «рабаты» — пограничные укрепления «борцов за веру», где, по словам мусульманского автора, они «жили лицом к лицу с врагами [т. е. местным населением], отражая их козни и их нападения на мусульман»[1]. Уже к IX в. рабаты имелись в каждой деревне, жители которой обязывались возводить стены рабата и давать средства на содержание проживавшего в нем гарнизона[2]. Среди устроителей хорасанских рабатов упоминаются арабские наместники Фадл ибн-Яхья (VIII в.)[3], Абул-Касым ал-Микали[4] и др.

В IX—X вв. возле некоторых из таких рабатов выросли целые городки, превратившиеся в XI—XII вв. в крупные феодальные города. В числе наиболее значительных из них — рабаты Ферава, Шахрастана, Зак'ал или Мехне, Куфен, Дахистан[5], которым соответствуют городища: Фераве — Парау близ Кизыл-Арвата, Мехне — Меана близ одноименного аула, Куфену—Чугундор близ станции Артык, Дахистану—Мисриан (местоположение Шахрастаны не уточнено, но может быть это городище Шехри-ислам). Большинство хорасанских селений IX—X вв. также имело рабаты; остатки их можно видеть, например, у городищ Мервской области Яз-тепе, Кара-тепе, Дашиклы-кала и др. В планировочном отношении они однотипны, представляя собой отгороженное прямоугольное или квадратное пространство, где располагались шатры арабского гарнизона. Позднее здесь появляются сырцовые дома, планы которых, например, прослеживаются в рабате городища Кара-тепе. Любопытна конструкция крепостных стен этого рабата: они сложены из сырца и заключают внутристенные проходы, разбитые на ряд отсеков. Некоторые из рабатов имеют особый бастион (например, в Яз-тепе), обращенный не в сторону степи или дороги, но к поселению: арабы, несомненно, более всего опасались не столько нападений извне, сколько волнений среди своих собственных подданных.

Арабы не внесли ничего своего в архитектуру этих поселений, используя при сооружении стен и строений местное население, которое применяло при этом свой строительный опыт и свои навыки. Сами арабы в своем быту в течение долгого времени сохраняли кочевые традиции. И хотя в числе повинностей, ложившихся тяжким бре-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 29 и сл.

[2] Там же, стр. 31.

[3] Там же, стр. 30.

[4] МИТТ, I, стр. 204 и 266.

[5] Там же, стр. 192, 201, 204 и 217.

менем на население покоренных стран, было предоставление арабам жилищ, сами арабы предпочитали жизнь в шатрах. Историк сообщает, например, что инициатор аббасидского движения Абу-Муслим (VIII в.) жил в Балине (одной из мервских деревень) в палатке. Когда он поселился в Махуване, за ним были привезены «балдахины, шатры, кухни, кормушки для лошадей и сосуды из кожи для воды»[1], т. е. обычная экипировка кочевника. Все это является наглядным показателем преобладания кочевых традиций в быту даже верхушки арабского общества, в культурном отношении стоявшей значительно ниже населения Хорасана.

К концу VIII в. в Хорасане вновь усиливается роль местных феодалов. По словам Якуби, в составе населения Мерва «благороднейшие из дихкан Персии и есть там группы арабов»[2]. Как и в период, предшествующий арабскому завоеванию, в IX—X вв. формирование поселений связано с феодальными владениями крупных и мелких дихканских родов. Однако планировочный облик этих поселений уже несколько отличен от тех, что начали слагаться в VI—VII вв.

В рассматриваемую эпоху все более выкристаллизовывается особенность феодальной формации — эксплуатация сельского населения путем различных форм его закрепощения, обусловливающая собой процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. Археологически установлено, что число городов Туркменистана в IX—X вв. сравнительно невелико и масштабы их скромны. Но зато чрезвычайно разрастается количество селений и деревень. Планировочный принцип их четко прослеживается на группе городищ этой эпохи в Мервском районе.

Два важных организующих элемента в планировке поселения составляют рабат и кёшк. Первый как бы символизирует собой опору арабского владычества, мощь государственной власти, второй — власть экономическую, твердыню местных феодалов. Они лежат на противоположных концах селений, возвышаясь массивами своих высоких стен. Вся остальная застройка располагается вдоль длинной улицы, доходящей иногда до 2 км. Эти «длинные деревни» располагались чаще всего вдоль русла главного арыка. Улица была плотно застроена жилыми домами, к каждому из которых с тыльной стороны примыкал дворик с различного рода хозяйственными постройками; далее тянулся узкий приусадебный участок. Вокруг деревни простирались земли, использовавшиеся под сельское хозяйство. Селения эти в богатом Мервском оазисе были разбросаны на расстояниях 10—15 км друг от друга и были подчинены как крупным, так и мелким феодалам, воздвигавшим в них свои замки. В Хорасане к X в., по примерному подсчету, было до 6000 селений.

Севернохорасанские города IX—X вв. еще невелики по своим масштабам. Они становятся средоточием торгово-ремесленной жизни района или области. Во многих из них наблюдается специализация по производственному и экономическому признаку; товары производятся не только для местного потребления, но и на широкий экспорт. Некоторые города, как, например, Мехне, были связаны с сельским хозяйством района, здесь особенно процветала торговля зерновыми культурами, для взвешивания которых на главном рынке стояло 40 больших весов. Из Амуля (Чарджоу)

---

[1] Табари. — МИТТ, I, стр. 130 и 132.

[2] Якуби. — МИТТ, I, стр. 148.

вывозился виноград, из Мерва — дыни. Мерв производил шелковые, льняные, хлопчатобумажные ткани и одежды из них, Нишапур — разнообразные сорта одежд из шелка и хлопка, железные изделия, Тус — стеатитовые сосуды, камень для которых добывался в Нукане, Ниса — шелк, шелковые и хлопчатобумажные одежды и т. д.

В свое время академик В. В. Бартольд, характеризуя средневековые среднеазиатские города, указал, что они состояли из трех частей: крепостного ядра — кухендиза, городского поселения — шахристана и предместья — рабада[1]. Это определение прочно вошло в историко-архитектурную литературу, где, например, встречается следующее утверждение: «К XI в. окончательно сложился тип среднеазиатского феодального города, состоявшего из трех частей. Вначале эти части вырастали и складывались исторически, а затем старые города служили примером для постройки новых. Возвышенный холм, на котором некогда размещалась небольшая крепость с замком правителя, превратился при обстройке в центр города — арк (кала, кухендиз, цитадель). Вторая часть, которая окружала арк или примыкала к нему, называется городом — шахристаном (мадина). Третья часть, образовавшаяся из пригородов и слободок, — рабад»[2]. Однако при сопоставлении конкретных примеров севернохорасанских городов IX—X вв. наглядно устанавливается, что в эту схему не укладывается живое конкретно-историческое становление местных средневековых городов[3].

Несомненно, более правильной является картина формирования городов раннего средневековья, обрисованная В. А. Лавровым, который полагает, что в VI—VII вв. арком — цитаделью города — являлся замок феодала, а шахристаном — разросшееся близ него торгово-ремесленное поселение, где размещались также и органы управления. Лишь в VIII—X вв. у шахристанов разрастаются предместья — рабады, куда из них перемещается основная жизнь города[4]. Однако в этой последовательной схеме совершенно выпадает фактор арабского завоевания, который губительно сказался на нормальном развитии возникших близ дихканских кёшков селений и малых феодальных городков. Выше уже был показан перерыв с середины VII в. наметившейся традиции сложения новых населенных пунктов и формирование лишь в конце VII—X вв. селений и городов либо на совершенно иных местах, либо вблизи (но не на месте) покинутого доарабского пепелища. В композиции этих новых поселений, как было сказано выше, значительную роль играл воздвигнутый арабами рабат.

Процесс смещения жизни наблюдается даже на таких крупных, имеющих долгую историю, городах, как Ниса и Мерв. Окруженный еще с парфянской эпохи мощными стенами многоугольник античного города — Новой Нисы, именуемый авто-

---

[1] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 12.

[2] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 12.

[3] А. Ю. Якубовский предлагал условно обозначать термином «шахристан» стадию дофеодального развития города или самый дофеодальный город (см. его «Главные вопросы изучения городов Средней Азии», стр. 9). Поскольку мы касаемся вопросов развития средневекового города лишь в аспекте их градостроительных принципов, их планировки и топографии, мы употребляем термин «шахристан» в том конкретном историко-топографическом значении, которое вкладывалось восточными авторами в отношении шахристанов тех или иных городов средневекового Хорасана.

[4] В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 50, 67 и сл.

рами IX—X вв. «внутренним городом» (шахристаном), содержит крайне мало археологических остатков IX—X вв.; в самих стенах в эту пору устраиваются жилища; торгово-ремесленная жизнь города — базары, производства — сосредоточиваются к востоку от него[1].

О Гяур-кале Мерва Макдиси пишет: «Старый город [мадина] его на холме; в середине его мечеть, которая в старину была соборной, вокруг нее немногочисленные жилища. У ворот, ведущих к рабаду, постройки и маленький базар»[2]. Картина запустения Гяур-калы в IX—X вв. наглядно видна по археологическим остаткам. Пульс городской жизни в эту пору бился к востоку от Гяур-калы, у каналов Разик, Маджан и Хурмузфарра, где уже оформляется новый шахристан, впоследствии обведенный стенами и ныне именуемый Султан-калой.

К рассматриваемой эпохе оформляется шахристан Абиверда (городище Пештак), четырехугольник которого обведен был стенами. Пригород-рабад простирался в северном направлении. Роль арка-цитадели в нем играл раннеарабский рабат. Возле основанного арабами укрепления — рабата Ферава—в IX—X вв. разрастается пограничный городок, площадь которого также оформляется стенами. В Куфене (городище Чугундор) шахристан разрастается вокруг квадратного в плане возвышенного рабата. Ту же картину мы наблюдаем в Старом Гяурсе, в котором ограждением шахристана становится стена парфянского города Сирок. Иную картину мы видим в средневековом Кушмейхане[3]. Феодальный городок начал слагаться здесь в VI—VII вв. рядом с парфянским городом (Ариака), который в период кризиса рабовладельческой формации опустел. К VI в. в южной части его былого пригорода возводится мощная платформа феодального кёшка, возле которого образуется поселение. Но в VIII—X вв. Кушмейхан разрастается в значительный городок. Занимая на границе оазиса и песков выгодное местоположение крупного населенного пункта, лежавшего на главном караванном пути из Мерва в Амуль (Чарджоу) и оттуда в Бухару, Кушмейхан живет торговлей и сельским хозяйством (в частности, здесь процветало виноградарство — на всем Востоке был широко известен кушмейханский изюм). Кёшк в эту пору превращается в арк-цитадель с возвышенным дворцом правителя; вокруг простирается шахристан площадью до 100 га, обнесенный глинобитной стеной. В шахристане размещаются рынки, караван-сараи, ремесленные производства и мечеть. Рабада Кушмейхан не имел: сразу же за стенами шахристана простирались усадьбы и сельскохозяйственные угодья. Город просуществовал до монгольского нашествия, однако в XI—XII вв. его восточную часть уже стали поглощать пески; поэтому основные караван-сараи и рынки переместились во вновь сложившийся в 3 км к югу городок, остатками которого является городище ал-Аскер.

---

[1] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 55 и сл.

[2] Макдиси. — МИТТ, I, стр. 194.

[3] Отождествление городища Кишман-тепе с Кушмейханом средневековых авторов впервые было правильно предложено В. А. Жуковским (см. его «Развалины старого Мерва», стр. 42). Обследование городища было осуществлено по линии ЮТАКЭ в 1946 г. С. А. Вязигиным (см. его «Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы».—«Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 269—270). Историко-топографическое изучение Кишман-тепе проведено в 1952 г. М. Е. Массоном при участии автора настоящей работы.

Основными композиционными узлами городов этой поры становятся рыночные площади. Вокруг них группируются обособленные по производственному признаку мастерские ремесленников и купеческие лавки. В эти площади вливаются главные магистрали города, вдоль которых также расположена торгово-ремесленная застройка. Возле площади располагается основная монументальная постройка города — мечеть. Комплекс административных зданий размещается у особой площади.

Число главных магистралей в городе было различным. В Нисе оно достигало десяти[1], в малых городках полусельского типа (например на городище Яз-тепе) главная улица была одна. Общее количество улиц Нишапура превышало пятьдесят[2]. Восточные авторы X в. дают описания двух крупнейших городов Хорасана — Нишапура и Мерва. Нишапур имел кухендиз, обнесенный стенами с двумя воротами, внутренний город-мадину, отделенный от него рвом, с четырьмя воротами в стенах (тот и другой элемент, как и в Мерве, возможно, были унаследованы еще от античного Абрашехра) и окружающий их обширный рабад. В рабаде располагались жилые постройки, рынки и комплекс административных зданий. Самые крупные рынки именовались Большой и Малый Мураббаа. Базар Большой Мураббаа тянулся от центральной площади вдоль одной из главных улиц к востоку мимо колонной соборной мечети и к западу до пересечения с рынком Малая Мураббаа. Последний располагался близ площади ал-Хусайнийе, где стояли Дом правления и тюрьма. Базар этот тянулся в северном и южном направлении, т. е. вдоль магистрали, перпендикулярной к первой[3]. По ибн-Хаукалю, «в промежутках между этими рынками ханы и караван-сараи, в которых живут торговцы с товарами [предназначенными] для продажи в них. На каждый рынок привозят то, что соответствует ему, каждый караван-сарай походит на рынок какого-нибудь другого города. В одном из этих караван-сараев [находятся] богатейшие из тех, кто [торгует] на базаре. А у небогатых в других [местах] рынок и караван-сараи, там находят себе приют владельцы мастерских, [располагаясь] по своим ремеслам в лавках, населенных ремесленниками, и мастерских, набитых работниками. Так, у выделывающих калансувы [колпаки] среди их рынка караван-сарай с многочисленными лавками, и также у сапожников, починяющих обувь, веревочников и других работников и ремесленников. Что же касается до караван-сараев и складов торговцев материалами и торговли их, то бо́льшая часть городов имеет у них долю и не отстает от них»[4]. Здесь крайне важно указание на дифференциацию застройки по сословному признаку — отдельно богатого купечества и отдельно трудовых слоев ремесленного люда; на специализацию кварталов и рыночных площадей по производственному принципу; на широкие связи с другими городами, видимо не только Хорасана, но и сопредельных с ним областей.

В Мерве к X в. античный аркс Эрк-кала уже не функционировал в качестве крепости: стены его были почти недоступны для подъема, а пониженные места внутри его лишь иногда использовались для бахчей, поскольку вода по древнему водопроводу

---

[1] Е. А. Давидович. Исследование вала к юго-западу от Новой Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 199.

[2] Макдиси.— МИТТ, I, стр. 138.

[3] Истахри. — МИТТ, I, стр. 170—171; Макдиси. — МИТТ, I, стр. 198.

[4] Ибн-Хаукаль. — МИТТ, I, стр. 182—183.

еще продолжала туда поступать из Разика. Внутренний город-мадина — Гяур-кала сохранил свою парфянскую основу: большие стены, четверо ворот и соединявшие их две главные магистрали. Внутри в первые годы после арабского завоевания была воздвигнута пятничная мечеть, к X в. утратившая значение соборной и известная под наименованием мечети Бену-Махан. Однако, судя по археологическим данным, к IX—X вв. Гяур-кала была почти совершенно заброшена. Город в эту пору интенсивно разрастался в западном направлении. К VIII в. другая соборная мечеть (в X в. именовавшаяся «верхней» или «старой» мечетью) сооружается вне мадины, близ западных ворот, на канале Разик; здесь располагались главные базары. Но уже при Абу-Муслиме (середина VIII в.) рынки перемещаются еще западнее, на Маджан, где отстраивается и новая соборная мечеть. Вблизи сооружены были куполообразный Дом правления и тюрьма. Между каналами Маджан и Хурмузфарра располагалась намазга — мечеть для празднования двух крупнейших годовых празднеств, Курбан и Фитр. Район этот при Тахиридах (IX в.) застраивается особенно интенсивно различными сооружениями. Истахри пишет: «Мерв чистотой, красотой расположения, планировкой зданий и кварталов между каналов и древесных насаждений, обособленностью разных ремесленников на базарах превосходит прочие города Хорасана»[1]. «Жилища здесь красивые и высокие, по своей красоте дома — точно кайма по обеим сторонам города... Обе мечети соборные — кирпичные, в них нет дерева и навесов... Там медресе, в которых каждому читающему лекции — жалованье. Базары красивы,— разве ты не видишь, как ряды их теснятся со всех сторон около верхней соборной мечети»,— читаем мы у Макдиси[2]. Все эти данные письменных первоисточников, как и археологические наблюдения, наглядно показывают, что в IX—X вв. планировка Мерва ни в коей мере не соответствовала схеме арк-шахристан-рабад. Арк не функционировал, шахристан лежал в развалинах, и жизнь в нем едва теплилась, а пригород-рабад был не пригородом, но самим городом, цветущим Мервом, «матерью городов Хорасана», по выражению Макдиси. Для рассматриваемой эпохи не укладываются в эту схему ни Ферава, расположившаяся возле раннеарабского рабата в виде расчлененного стенами на три прямоугольные секции пограничного городка, ни Меана, которая имела крепость-арк, укрепленный раннеарабский рабат Зак'ал и собственно-город (шахристан или мадину), но была лишена пригорода-рабада; не укладывается сюда и средневековый Кушмейхан, совершенно не имевший рабада.

Таким образом, раннефеодальные города Южного Туркменистана слагаются исторически, не по стандарту и получают индивидуальный облик благодаря множеству разнообразных факторов: социального, историко-топографического и отчасти природного порядка. Вместе с тем в формировании этих городов («шахар» в местной терминологии, «балад» — в арабской) и селений отмечается некая общность планировочных принципов, порожденных единством социально-экономического процесса, в условиях которого слагались эти города и селения. В результате социальной дифференциации города и деревни, которые еще в VI—VII вв. развивались слитно, в IX—X вв. уже получают четкое обособление, в частности выраженное в самом градостроитель-

[1] Истахри. — МИТТ, I, стр. 192—194.
[2] Макдиси. — МИТТ, I, стр. 193—194.

ном принципе и в отдельных архитектурно-планировочных компонентах. Взамен античного аркса на первых порах имеет место появление суровых «дихканских гнезд»— укрепленных кёшков. Позднее, в связи с тенденцией централизации государственной власти и ослаблением значения правителей отдельных областей, этот крепостной элемент населенного пункта или исчезает или сохраняется в виде кухендиза — старой, брошенной крепости. В IX—X вв. функционально нет четкой грани во внутреннем содержании понятий «шахристан» и «рабад», хотя арабские географы терминологически и выделяют шахристан как охваченное поясом стен ядро обжитой в предшествующий период части города. Так называемый рабад — предместье (если оно имеется) — вовсе не предместье, но лишенная крепостной стены часть самого раннефеодального города. В планировке города главные улицы являются одновременно рыночными магистралями. Число их не обязательно равно двум; в зависимости от условий бывают одна, две и четыре магистрали. На них лежат главные общественные узлы площадей, на которых располагаются базары и вокруг которых сосредоточена застройка общественных сооружений: мечети, караван-сараи, ханы — складочные строения при постоялых дворах, тимы — крупные рыночные постройки типа пассажей и пр. Правительственно-административный комплекс (Дом правления, дворец, тюрьма) группируется у особой площади — открытого плаца, где производятся смотры, совершаются публичные казни и пр.

Новая, сравнительно с античностью и даже с первым этапом раннефеодальной поры, архитектурная застройка этих городов целиком связана с требованиями, предъявляемыми новыми социальными слоями общества. Она включает административные здания правительственного аппарата; культовые сооружения — мечети, медресе, мазары; постройки, связанные с торгово-ремесленными слоями феодального города, — рынки, караван-сараи. Если в VI—VII вв. основным объектом монументального архитектурного строительства был кёшк феодала, то в IX—X вв. бóльшую значимость приобретают здания перечисленного комплекса городских строений. Кёшки дихкан, еще игравших видную роль в политической и экономической жизни страны, возводятся и в эту пору. Однако в облике их отмечается стабилизация общего типа и форм, служащая показателем отсутствия творческих поисков; перед строительными корпорациями этой эпохи уже стояли иные архитектурные задачи.

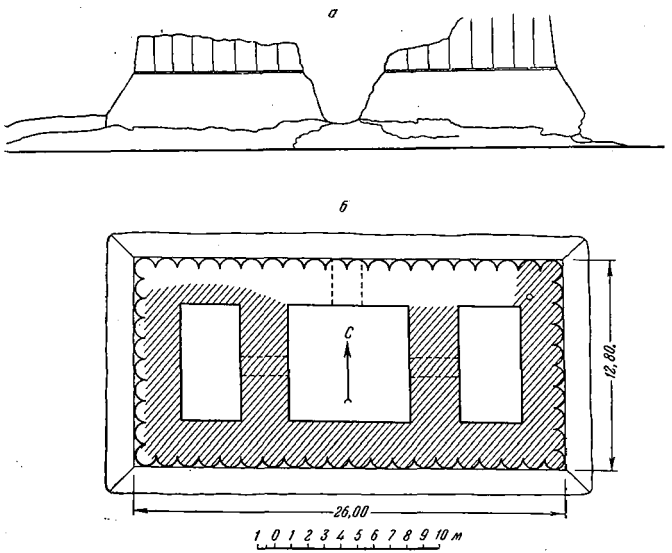
АРХИТЕКТУРА ЖИЛИЩА

Жилищная архитектура IX—X вв. хорошо прослеживается по руинам, сохранившимся на брошенных городищах области Мерва. В самом Мерве вне стен Гяур-калы еще доныне высится немало развалин и большие оплывы платформ гофрированных кёшков IX—X вв., что согласуется с указанием хроники X в. о большом числе кёшков в пределах этого города[1]. Приводим краткое первоописание этих объектов, обследованных нами в 1950—1952 гг.

1. Руина безымянного кёшка в северной части средневекового Мерва, между городищами Гяур-кала и Султан-кала, на левом берегу канала Разик. Сложен из сырца

[1] Худуд ал-Алам. — МИТТ, I, стр. 213.

размерами 32×32×7 см. Сохранился в виде большого оплыва и участка северной стены. Кёшк, видимо, двухэтажный. Первый этаж имеет вид мощного цоколя со скошенной кладкой стен, второй оформлен полукруглыми гофрами диаметром 1,80 м. Вблизи оплывы стен каких-то двух крупных сырцовых домов, планы их не читаются.

Старый Мерв. Развалины кёшка к югу от Гяур-калы.

а— фасад; *б*—план

Судя по местоположению, комплекс этих монументальных строений представляет собой развалины замков рода Халида ибн-Ахмеда (бывшего одно время правителем Бухары), лежавших, по Истахри, в нижней части Разика[1].

2. Руина гофрированного кёшка в юго-западной части городища Султан-кала. Строительным материалом стен и перекрытий является сырец 32×32×7 см. В уровне замков сводов первого этажа проложен горизонтальный ряд жженого кирпича 29×29×4 см. Принцип внешнего оформления стен—тот же, что и в предыдущем. Здание было двухэтажным с центральным квадратным, видимо купольным, помещением и с угловыми сводчатыми. Возможно, что это упоминаемый в источниках замок Насра ибн-Сайяра (VIII в.), лежавший на Маджане в рабаде Мерва[2].

---

[1] Истахри. — МИТТ, I, стр. 173.

[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 12.

Кёшк к югу от Гяур-калы.

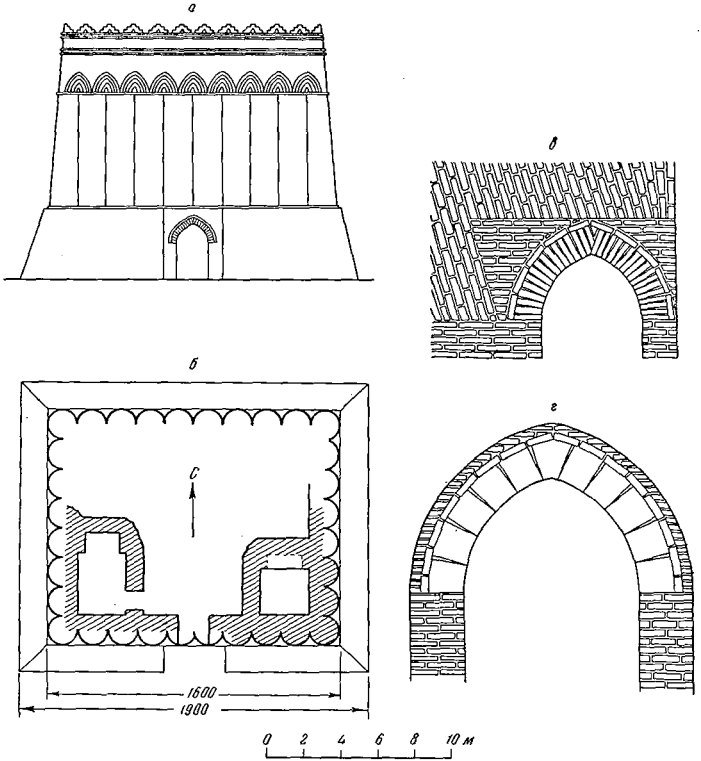
3. Гофрированный, сильно разрушенный кёшк к востоку от Гяур-калы, близ русла старого канала Асада ал-Хорасани, на котором располагались кварталы Баб-Санджан, Бену-Махан и пр. Ориентирован по странам света; вход расположен с южной стороны. Здание было двухэтажным и первоначально вмещало по двум этажам до 10—12 помещений. В настоящее время сохранились две угловые комнаты: юго-восточная квадратная (2,70×2,70 м), перекрытая куполом, и юго-западная сводчатая. Кладка бескружальная; купол сложен кольцевыми рядами, свод — «отрезками»; наклон рядов — около 75°. Кладка в один кирпич, причем над рядом «отрезков» положен разгрузочный ряд кирпичей тычками. Арочка дверного проема выведена клинчатой кладкой кирпича; над ней — аналогичный разгрузочный ряд кирпичей тычком. Кривые плавного начертания с четко выраженной стрелкой в замке.

Общий композиционный принцип: высокая (до 4 м) платформа с гладкими наклонными гранями, соответствующая первому этажу, и гофрированные стены второго яруса. Входной проем оформлен в виде стрельчатой арки пролетом 1,70 м.

4. Харам-кёшк в 7 км к северу от Гяур-калы. Одиночный замок какого-то дихканского поместья. Судя по археологическим материалам, он функционировал с IX по XIII вв. Упоминание и чертеж своеобразного перекрытия коридора этой постройки содержатся в публикации В. И. Пилявского[1]. Здание детально обследовано нами в 1950 г. Сохранился полузасыпанный первый этаж его и остатки второго. Материал постройки — сырец 32×32×7 см. Первый ярус снаружи имеет вид мощной платформы,

[1] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 61, рис. 14.

второй — гофрированную разделку стен. Размеры здания в уровне гофр 19×15 м; число гофр — по 14 на длинных сторонах, по 12—на коротких; форма их полуциркульная. На главной оси лежат два входа. В центре — квадратное помещение, видимо,

Развалины кёшка к востоку от Гяур-калы.

а — реконструкция фасада; *б* — план; *в* и *г* — детали арок и сводчатых перекрытий.

возвышавшееся на высоту двух этажей и перекрытое куполом. С ним сообщались (как будто бы даже в него открыты были) лежащие на осях сводчатые помещения, образующие крестовидный план. В южной части в углах расположены квадратные комнаты, крытые куполами, основанными на перспективных тромпах (по шести уступов каждый); в северной — два продолговатых сводчатых помещения: одно — парал-

Харам-кёшк.

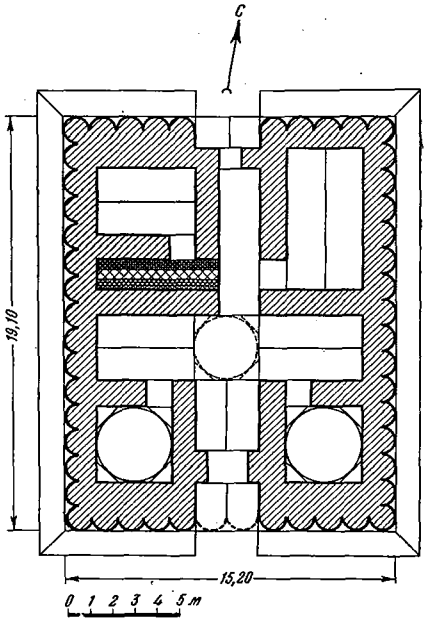
лельное главной оси, другое — перпендикулярное ей. Своды сложены наклонными «отрезками». Оригинально перекрытие узкого (1,20 м) коридора: ложный свод, образован свесом горизонтальных рядов прямо и диагонально положенного кирпича.

Кривые сводов, арок и тромпов — стрельчатого начертания. Для арки входа устанавливается метод трехцентрового построения: первый центр лежит на пересечении оси и линии уровня пят, два других — на вертикалях стен, ограждающих проем, ниже пят на величину полупролета. Способ этот был чрезвычайно легок в практическом выполнении благодаря возможности простого закрепления в трех этих центрах воробы.

5. Сулу-кошук на городище Дешиклы-кала. Это кёшк местного дихкана, стоявший в восточном конце небольшого поселения, заключавшего несколько десятков домов, на западной окраине которого лежит огороженный стенами рабат.

Ориентация здания — почти по странам света. Оно было двухэтажным; размеры по внешнему периметру второго этажа — 18×19,50 м. Материал постройки: внешние стены первого этажа выведены комбинированно чередованием ряда пахсы (высота блоков — 98 см) и тремя рядами сырцового кирпича; прочие участки стен сложены из сырца размером 30×30×6 см. В кладке сводов второго этажа употреблен сырец продолговатой формы 40×29×7 см. В основании кладки гофр проложен разделительный межъярусный пояс из жженого кирпича размерами 29×29×5—5,5 см; кирпич этот виден также в закладке горизонтального ряда над сырцовыми сводами первого этажа.

План первого этажа не читается. Вход, видимо, находился на северном фасаде со стороны подступающей сюда улицы селения. У входа на главной оси располагалась квадратная комната-вестибюль пролетом 5,25 м, перекрытая куполом на тромпах, за которой лежало удлиненное сводчатое помещение (свод «отрезками»). Оба они

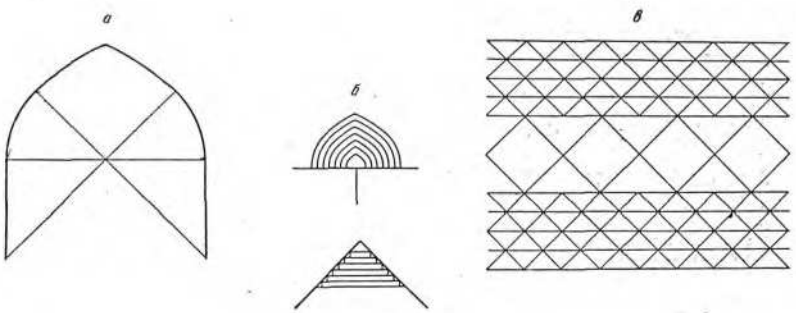
Харам-кёшк. План.

возвышались на высоту двух этажей. Во втором ярусе в восточной и западной половине расположено по три малых комнатки, причем угловые — купольные. Все комнаты оштукатурены глиной, следов архитектурного убранства в них нет. Наружное оформление кёшка традиционно: первый этаж трактован в виде мощной платформы с наклонными гранями, второй украшен сомкнутыми цилиндрическими гофрами (по 14 на каждом фасаде).

6. Акуйли-кошук. Находится среди руин безымянного средневекового селения, обжитого в основном в IX—X вв., лежащего в 2 км к югу от городища Дурнали. Помещения первого этажа почти все целы, второго — полуразрушены. Материал постройки — сырец 32×32×6,5—7 см. Кёшк прямоуголен (20×22,50 м) и имеет довольно сложную планировку. В первом этаже на продольной оси в центре лежит крестовид-

Харам-кёшк. Деталь перекрытия коридора.

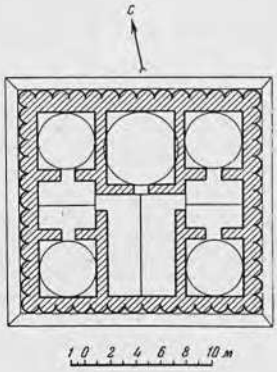

Харам кёшк. Детали перекрытий.

а—построение арки входа; *б*—фасад и план перспективного тромпа; *в*—план перекрытия коридора.

Сулу-кошук.

Сулу-кошук. План II этажа.

ное в плане помещение, возвышавшееся на два яруса, перекрытое некогда куполом; по обе стороны от него на той же оси лежит по комнате; справа и слева расположено по пяти перпендикулярных к оси продолговатых комнат. В среднюю, западную, вел главный вход. Во втором этаже на главной оси расположены помещения, аналогичные помещениям первого этажа. Прочие комнатки по своей планировке отличны от них (см. стр. 158). Общее число помещений в кёшке достигало 26.

Продолговатые помещения перекрыты сводами слегка стрельчатого очертания, выложенными «отрезками». Перекрытия квадратных комнат (в том числе, очевидно, и центральной крестообразной) — купольные, основанные на перспективных трompах, повышенно-эллиптического начертания. Комнаты первого этажа освещались окнами с уступчатым завершением верха, чем достигалось лучшее проникание света внутрь помещения.

Внешнее оформление кёшка: первый этаж имеет вид платформы со скошенными гранями стен, во втором этаже — гофры (по 16 на восточном и западном фасадах, по

Акуйли-кошук.

14—на двух других). Окна первого этажа размещены ритмически, соответственно межгофровым промежуткам верха, через каждые три гофры. Поверху гофр можно предположить наличие объединявшей их аркатуры и зубчатого парапета.

7. Гофрированная башня на средневековом городище Дурнали. Впервые обследована в 1937 г. В. И. Пилявским, в публикациях которого приведены краткое упоминание о ней, план и фотография[1].

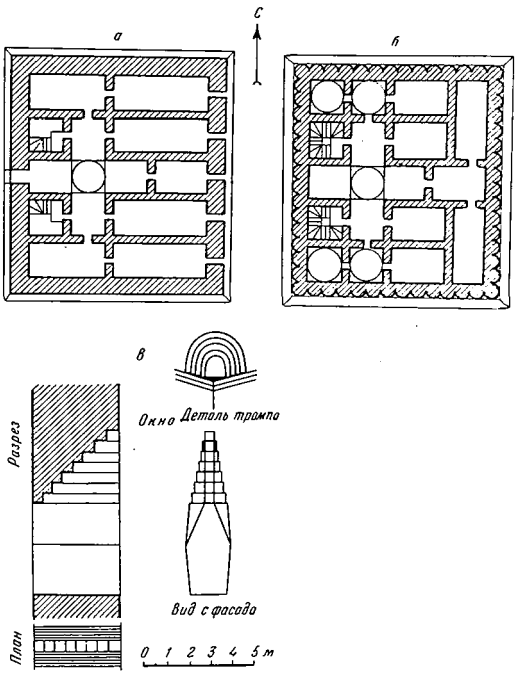
Башня составляет часть комплекса дома-усадьбы с обширным двором, в восточной и южной частях которого располагались два прямоугольных строения, ориентированные по странам света; размеры одного из них — 30×37 м, другого — 8,80×46 м; последнее было одноэтажным и завершалось в своем восточном участке двухэтажной башней. Установить планировку этих домов без раскопок невозможно.

Материал строений—сырец 32×32×6 см. Башня квадратна в плане (8,80×8,80 м), но заключала внутри круглое помещение диаметром 5,50 м с восемью нишами на главных осях. Вход — с юга. Дверной проем и ниши перекрыты стрельчатыми арками клинчатой кладки с разгрузочным рядом кирпича, положенного тычком. Остатки подобных же арок сохранились в восточном строении комплекса. Перекрытием первого этажа башни служит почти полусферический купол.

---

[1] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 63, рис. 16 и 17; его же. Архитектура древнего Мерва, стр. 101.

Наружное оформление башни: первый этаж выражен в виде мощного основания—усеченной четырехгранной пирамиды с крутым наклоном граней; второй этаж имеет на каждом фасаде по три цилиндрических гофры по краям и по две близрасположенных пилястры посередине, разделительная дорожка между которыми как бы акцентирует значение главной оси.

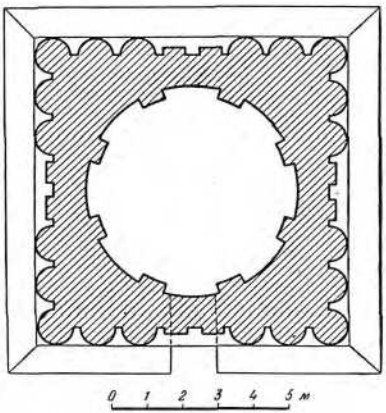

Акуйли-кошук. Планы и конструктивные детали.
а—I этаж; *б*—II этаж; *в* —конструктивные детали.

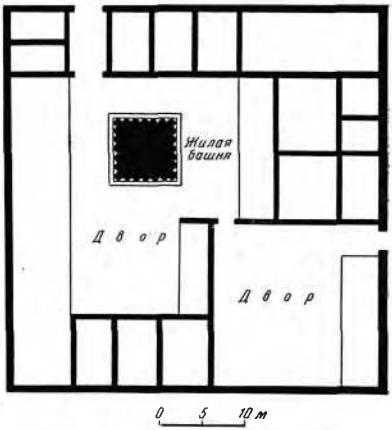
Каково назначение башни? По аналогии с хорезмскими зданиями VII—VIII вв. В. И. Пилявский считал, что она служила для входа при помощи перекидного моста во второй этаж отдельно стоящего кёшка. Между тем никакого кёшка здесь нет, строения усадьбы примыкают непосредственно к башне, и притом они одноэтажны. К IX—X вв., в период возведения этого комплекса, когда в связи с централизацией власти налаживается мирная жизнь городов и селений, оборонная функция кёшков уже сходит

Гофрированная башня на городище Дурнали.

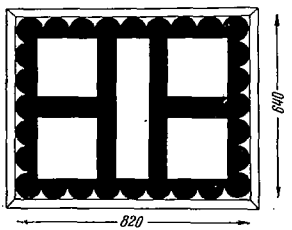
Жилая башня при доме на городище Дурнали. План.

Мунон-тепе. План жилого дома.

на нет. Тем более она неуместна в усадьбе зажиточного обитателя крупного средневекового селения. Гофрированная башня в Дурнали — лишь пережиточная форма раннефеодального донжона. Употребление гофр в этой башне, как и в кёшках IX—X вв., является отражением ее былого полукрепостного назначения, которое в эту пору уже было ею утрачено.

8. Гофрированные «жилые башни» — динги — сохраняются в архитектурных комплексах жилых домов Мервского оазиса IX—X вв. лишь по традиции. Размеры их невелики. Эти маленькие зáмки заключают в себе от двух до пяти комнаток и возможно служили парадным строением для приема гостей (михман-хана). Они входят в обширный комплекс жилых и хозяйственных строений богатого городского и сельского дома-усадьбы. Характерные образцы последних можно наблюдать на полузасыпанном песками городище Мунон-тепе VIII—X вв., сложившемся близ покинутого в VII в. поселения парфянской и раннефеодальной поры. Одна из таких усадеб, квадратная в плане (около 60×60 м), включает два двора: один, видимо, хозяйственный, второй — связанный с жильем. Вокруг последнего группируются различные жилые помещения. В центре высится гофрированный динг, имеющий по внешнему периметру размеры 7×7 м и оформленный семью гофрами с каждой стороны. Аналогична вторая близрасположенная усадьба, динг которой размещен в углу ее. Динг сложен из сырца размерами 32×32×7,5—8 см, в плане прямоугольен (6,60×7,50 м) и оформлен восемью гофрами по длинным сторонам и семью по коротким. При малых размерах он тем не менее заключает пять комнаток: продолговатую на главной оси и по две квадратных по обе стороны от нее. Неподалеку высятся развалины еще одного подобного гофрированного динга при доме. Несомненно, что динги эти составляли важный элемент объемной композиции зданий; на расстоянии их монументальные контуры господствовали в силуэте города, а стройные вертикали гофр игрой светотени при ярком свете дня придавали башням особую парадность.

Жилая башня при доме на городище Мунон-тепе.

Следует отметить пережиточное сохранение в жилых постройках VIII—X вв. наряду с гофрами ряда крепостных элементов. В 1952 г. нами обследованы руины сырцового жилого дома этого времени, стоявшего в шахристане средневекового Кушмейхана. Дом возведен из сырца размерами 33×33×6 см; он разрушен и занесен песками, над которыми, однако, возвышается угол двух стен крупной квадратной в плане комнаты (может быть, михман-ханы). Перекрытие было купольным, основанным на тромпах, конструкция которых расчленена как бы на две части. В отсеке, перекрывающем самый угол, размещено два щелевидных оконца, имеющих форму стреловидных бойниц. Отметим, что мотив таких угловых окошек будет использован в мавзолее Саманидов в Бухаре, где им, однако, уже придано эллиптическое очертание[1]. В кушмейхан-

[1] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Бухара. М., 1949, илл. 5.

Городище Мунон-тепе. Гофрированная башня при доме.

ском доме имеются еще бойницеобразные окошки, расположенные в шахматном порядке относительно тех, которые размещены в уровне тромпов. Самая форма стреловидных бойниц хорошо известна по памятникам парфянской и раннефеодальной крепостной архитектуры Южного Туркменистана.

Планировка жилых домов основной массы населения раннего феодального города отчетливо прослеживается по остаткам их на городищах VIII—X вв. у Тургай-тепе и Кара-тепе (в Марыйской области). Здесь нет какого-либо единого стандарта. Количество комнат и масштабы их зависели, несомненно, от социального положения хозяина, а распределение помещений связано было с условиями быта. Два домика на Тургай-тепе принадлежали, видимо, представителям небогатых слоев городского населения. Они включают несколько прямоугольных взаимосвязанных комнаток и примыкают к небольшому пространству двора, куда, возможно, были обращены их айваны на деревянных колоннах. Дом на Кара-тепе, обращенный фасадом на одну из главных улиц городка, значительно сложнее по планировке; он включает до 15 помещений и 2 двора (видимо, хозяйственный и связанный с жилой группой). Характерными качествами жилых построек этого типа являются правильность общей разбивки, параллельность осей помещений, связь с пространством двора и замкнутость внешних стен; вместе с тем видны известная свобода планировки и подчинение композиции плана функциональному заданию, а не симметрично-осевой схеме, как это наблюдается в планировке феодальных кёшков.

Общественные сооружения раннесредневековых городов Хорасана были связаны с их торгово-ремесленной деятельностью и со ставшим к этому времени господствующим культом — исламом.

Зданий административного назначения пока археологически не выявлено. Между тем для крупных городов Хорасана IX—X вв. обязательным был Дар ул-умара — Дом правления. Письменные источники позволяют составить суждение о Доме правления в Мерве, воздвигнутом еще при Абу-Муслиме (середина VIII в.). Истахри пишет: «Это куполообразное здание из обожженного кирпича; ширина его 55 гязов, и изнутри виден способ постройки крыши; в здании этом 4 двери, каждая ведет к портику вышиной в 30 гязов, а перед каждым портиком четырехугольная площадка»[1]. Здание, таким образом, характеризует центрическая композиция: оно имело главный зал, перекрытый куполом, определявшим собой общий силуэт постройки; система подкупольных переходных устройств (тромпов) и самого купола были видны в интерьере; на осях зала лежало четыре входа, выделенных снаружи четырьмя айванами (судя по приведенной высоте, — сводчатыми, а не колонными)[2].

Кроме площади, у которой располагались Дом правления и тюрьма, были и другие городские площади. Последние и подходившие к ним магистрали, как уже говорилось выше, играли роль базаров и были окружены крупными рыночными зданиями, лавками и мастерскими. Пример крупной рыночной площади можно видеть на городище IX—X вв. у Кара-тепе. Она расположена вплотную у воздвигнутого при арабах рабата и обведена сырцовыми стенами, по внутреннему периметру которых шли правильными рядами лавки и мастерские. Во многих городах рынки были крытыми, как, например, в Амуле (Чарджоу)[3]. Важную роль играли в этой застройке постоялые дворы и караван-сараи. Последние возводились как в крупных городах, так и в малых городах и селениях, лежащих на больших торговых путях. В эту пору на придорожные караван-сараи было перенесено название «рабат» или «рибат», утратившее свое начальное значение «укрепления газиев».

Тип крупного городского караван-сарая рассматриваемой эпохи можно видеть на городище Кишман-тепе, которое соответствует средневековому городу Хурмузфарра, лежавшему на границе орошенных земель Мерва на большом караванном пути из Мерва в Хорезм[4]. Караван-сарай построен из сырца размерами 32×32×8 см. Он очень обширен (76×70 м по наружному периметру) и имеет форму прямоугольника с выемом у северо-западного угла, что, видимо, было вызвано какими-то природными особенностями участка.

Несмотря на сильную разрушенность, схема плана восстанавливается полностью. Внутри караван-сарая имеется квадратный двор (44 × 44 м), окруженный портиками

---

[1] Истахри. — МИТТ, I, стр. 172.

[2] Схема реконструкции плана мервского Дар ул-умара, основанная на тексте Истахри, приведена в кн.: K. A. C. Creswell. Early Muslim Architecture, vol. II, Oxford, 1940, стр. 3—4, фиг. 1

[3] Макдиси. — МИТТ, I, стр. 189.

[4] Караван-сарай по линии ЮТАКЭ впервые обследован С. А. Вязигиным в 1946 г.; см. «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 271, рис. 6; историко-архитектурное изучение памятника было осуществлено нами в 1950 г.

Развалины караван-сарая на городище Кишман-тепе (средневековый Хурмузфарра).

на столбах, сложенных из сырцового кирпича. С западной стороны — три ряда таких портиков, с южной — два, с восточной — один. Столбы мощного сечения (1,48×1,30 м по внутреннему контуру двора и 1,30×1,30 м в промежуточных рядах). В южной части двора—ряд узких продолговатых худжр, некогда, видимо, перекрытых сводами. Их обхватывает обводной коридор. Перекрытия портиков были купольными, основанными на переброшенных между столбами подпружных арках. Высота арок в замке свода составляет 5,50 м от уровня двора. Арки повышенного коробового очертания, без стрельчатости. Всего в караван-сарае было 77 куполов.

Главный въезд располагался с юга и был оформлен двумя полукруглыми башнями. Подсобные входы-калитки имелись также на северной и восточной стенах. Обе эти стены фланированы круглыми башнями; на западной стене, обращенной к пескам, их не видно.

В архитектурном отношении караван-сарай в Хурмузфарра весьма своеобразен и совершенно не похож на караван-сараи ближневосточного строительства. Это прежде всего постоялый двор для караванов, приходивших из Хорезма после долгого пути через безлюдные пески пустыни, большая фактория, в которой разгружались вьюки и где нередко совершалась оптовая продажа предприимчивым купцам привезенных издалека товаров. Вот почему в нем так мало жилых худжр и такое множество

Сырцовые арки караван-сарая на городище Кишман-тепе.

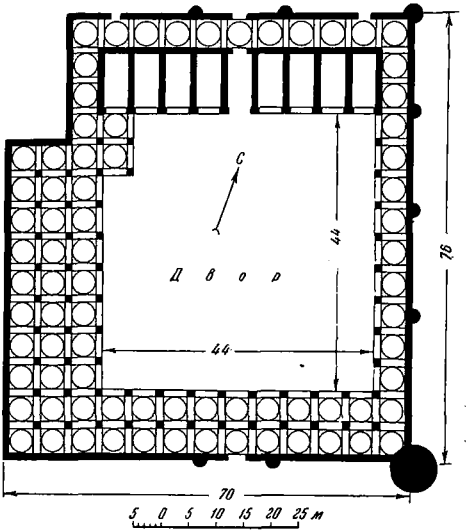
навесов для скота и тюков. Открытые многоарочные портики придают легкость всей композиции здания. Четким ритмом столбов и арок подчеркиваются законченность и организованность архитектуры караван-сарая.

Руины нескольких придорожных караван-сараев IX—X вв. были обнаружены М. Е. Массоном и автором при работах VII и XVIII отрядов ЮТАКЭ в 1952 г. во время исследования старого торгового пути, пролегавшего через Кара-Кумы от Мерва на Амуль (Чарджоу). Два из них, расположенные в песках в 20 км от железнодорожной станции Равнина и известные под наименованием Кизылча-кала, отожествляются с функционировавшим уже в самом начале X в. караван-сараем ад-Диваб и воздвигнутым несколькими десятилетиями позднее караван-сараем ал-Хадид.

Здания расположены одно напротив другого. Одно из них (видимо, ад-Диваб) совершенно оплыло, у другого (ал-Хадид) контур плана читается более отчетливо. Внешние стены его имеют толщину до 1,50 м и сложены в нижней половине из четырех рядов пахсы (высота блоков — 1,20 м), в верхней — из сырца (размеры 31—33 см в стороне на 6—7 см толщины). Из того же сырца выведены стены дворовых построек. План квадратен (60×60 м). На углах — округлые башни-бурджи; в середине северной стороны — ворота, не выделенные каким-либо объемом пештака. Застройка осуществлена по периметру квадратного двора. План помещений в оплыве не читается, но на осях угадываются глубокие (видимо, сводчатые) айваны. Ад-Диваб аналогичен по плану, но несколько уступает в размерах. Расположен он напротив ал-Хадида в расстоянии 80 м и имеет ту же ориентацию осей. Интересно подчеркнуть употребление здесь приема «кош», т. е. спаренных зданий, противолежащих на единой оси; этот прием является одним из наиболее типичных для среднеазиатского зодчества.

Впрочем, в данном случае строители, видимо, руководствовались не столько эстетическими требованиями, сколько функциональными: при таком расположении оба караван-сарая в случае нападения осуществляли взаимную оборону.

На середине того же старинного пути располагалась «станция», именуемая авторами X в. Мансаф, где были колодцы и укрепленные строения для стоянки караванов. Здесь также сохранились оплывы стен караван-сарая, который может быть отождествлен с упоминаемым Макдиси (вторая половина X в.) караван-сараем Насрак.

План караван-сарая на городище Кишман-тепе.

Здание сложено из сырца размерами 31×31×8 см. В XI—XII вв. оно подвергалось некоторым ремонтам, при одном из которых цокольная часть стен была обложена крупным жженым кирпичом (32×32×7 см). Караван-сарай квадратен в плане. Размеры его по внешнему периметру составляют около 35×35 м. Он заключает квадратный дворик, на осях которого имеются глубокие сводчатые айваны. Угловые четверти плана заключают худжры и отрезки открытых во двор арочных галерей. Планировка читается лишь на отдельных участках по гребням рухнувших стен, но как будто она была вполне симметрична.

Наружные стены оформлены полукруглыми гофрами, распределенными не сплошь, но лишь на отдельных участках их. На главном фасаде, где располагался вход, и на заднем они размещены пучками по три гофры, чередующихся с гладкими участками стен; на боковых фасадах — по пяти гофр через три отрезка. В здании Насрак видна тесная связь с архитектурным принципом оформления средневековых кёшков, что отчасти было вызвано той охранной, полукрепостной функцией, которую выполняли придорожные караван-сараи, обеспечивавшие пришлым караванам надежный приют. Общность этих принципов состоит в центричности плана и в приемах архитектурного оформления фасадов. Однако центральная михман-хана заменена здесь функционально необходимым двором, а в обработке стен гофры применены не сплошь, но на отдельных интервалах.

Показательно, что в раннем средневековье функции караван-сарая нередко выполнял именно кёшк, т. е. укрепленный замок, где останавливались люди. Кёшк имел

Ат-Тахмаладж. Руины.

хорошо огороженный двор, где размещался скот. Промежуточной между Мансафом и ад-Дивабом «станцией» в IX—X вв. был ат-Тахмаладж, руины которого обследованы нами в 1952 г. Он расположен на холме, имеет квадратный двор (42×42 м), за оградой которого на расстоянии 2 м находится квадратный кёшк. Вход в последний осуществлялся прямо на второй этаж, видимо, при посредстве мостика с крыши дворовых построек. Кёшк отстроен из сырца размерами 30—31 см в стороне на 6 см; он заключал в каждом этаже по 9 совершенно одинаковых квадратных комнаток (2,90×2,90 м), перекрытых куполами эллиптического сечения, основанными на тромпах. Во внешнем оформлении он имеет традиционный облик: внизу — мощную гладкую платформу со скошенными гранями, вверху — сомкнутые полукруглые гофры (по 8 на каждой стороне). Важно подчеркнуть, что, сохраняя традиционные формы, кёшк к этому времени из феодального замка превращается в хорошо укрепленный дом общественного пользования.

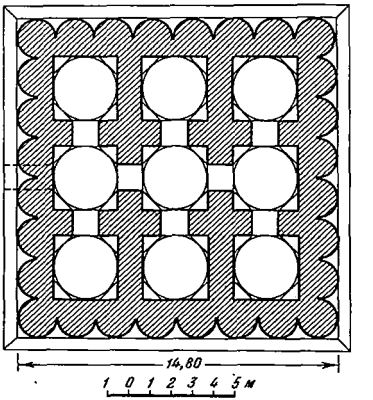
В числе построек гражданского характера важное место занимали бани. Историки упоминают бани Мерва, «доставляющие наслаждение», бани Данданакана и др.[1]

Существенным элементом благоустройства средневекового города являлось снабжение его водой. В старых городах использовались подземные водопроводные системы парфянской поры, как, например, в Гяур-кале Мерва[2]. Но на вновь обстраиваемых территориях устраивались новые водопроводы. Широко использовались также открытые хаузы. Так, в Куфене близ мечети располагалось два хауза и закрытое водо-

[1] Макдиси. — МИТТ, I, стр. 191, 194 и 195.

[2] В. В. Бартольд. К истории Мерва. — ЗВО, XIX. СПб., 1909, стр. 6.

хранилище — сардоба[1]; упоминаемый историками «подземный канал с пресной водой» этого города представлял собой, может быть, не что иное, как кяриз.

Ат-Тахмаладж. План.

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

С утверждением мусульманства на Среднем Востоке, в том числе и в Хорасане, культовые здания ислама призваны были выполнять повседневную пропаганду его установлений. Регламентированная обрядность, совершение положенных намазов пять раз в день в особых для этой цели воздвигнутых обширных, нередко парадно оформленных зданиях — мечетях — входит в повседневный быт горожан и жителей селений. Соборные мечети воздвигаются на многолюдных рыночных площадях. Практичное мусульманское духовенство предпочитало торжественной тишине полупустых безмолвных храмов переполненные молящимися дворы и навесы, в которых богослужения совершаются под приглушенный рокот «гульгуля» — базарной суеты. По меткому замечанию Макдиси, в городах Хорасана и Джурджана «по обычаю напротив минбара — лавка, и напротив дворца — площадь»[2]. Соборные мечети стояли на базарных площадях Мерва, Мерверуда, Нишапура, Абиверда, Серахса, Земма, Балха, Бушта, Синджа и др. Уже в X в. в Хорасане на 6000 населенных пунктов было 120 соборных мечетей[3], но в каждом из них были мечети гузарные (квартальные), число которых в крупных городах, видимо, достигало нескольких десятков.

В письменных источниках IX—X вв. сохранились краткие характеристики архитектуры некоторых из наиболее замечательных мечетей Хорасана. Многие из них слагались исторически, расширяясь и обрастая все новыми пристройками.

Так, в мечети Нишапура, стоявшей у рынка, было шесть частей. Главное сооружение, воздвигнутое при Абу-Муслиме (середина VIII в.) было основано на деревянных опорах, прочие, возникшие при саффариде Амр ибн ал-Лейсе (879—900 гг.), уже были сооружены на круглых колоннах из жженого кирпича. Мечеть имела обширный

---

[1] МИТТ, I, стр. 201.
[2] Макдиси. — МИТТ, I, стр. 208.
[3] Там же, стр. 192.

двор, обведенный с трех сторон колонными айванами. На главной оси располагалось основное здание мечети с одиннадцатью входами, с мраморными инкрустированными колоннами, с трехсводчатым перекрытием; стены и потолки были украшены позолотой[1]. Любопытно указание на переход в конце IX в. от деревянных колонн к каменным. Круглые кирпичные столбы типичны для мечетей IX—XI вв. Средней Азии и Ирана, каковы, например, мечеть в Хазара[2], Чар-сутун в Термезе[3], Тари-хана в Дамгане, мечеть в Найине[4] и др. К X в. все чаще практикуется сооружение мечетей из жженого кирпича, в то время как сырец остается еще по-прежнему главным строительным материалом монументальных зданий гражданской архитектуры. В Хорасане кирпичными были соборные мечети Мерва, Нишапура, Ривдана, Бушта, хотя во многих сохранялись портики на деревянных колоннах (как, например, в мечети Дизаха и Дахистана)[5] или деревянные элементы, украшенные резьбой (мечеть Балха[6]).

При мечетях воздвигались минареты; первоначально, вероятно, лишь некоторые из них строились из жженого кирпича, как, например, минарет Ахура (городище Мадау на Мисрианском плато), но подавляющее большинство было из сырца. Руины одного из таких сырцовых минаретов сохранились на городище Кишман-тепе (средневековый Кушмейхан). Строения самой мечети ныне полностью занесены песком. Высота минарета в настоящее время достигает 9—10 м; первоначально она была, безусловно, значительно большей. Диаметр его составляет около 6 м. Минарет сложен из сырца размерами 32×32×8 см. В нижнем участке кладок видны гнезда радиально заделанных бревен, располагавшихся на расстоянии 1,00—1,20 м друг от друга. Первоначально минарет был облицован жженым кирпичом (28×28×5 см и 31×31×6 см), но облицовка опала.

Генезис хорасанских минаретов — этой культовой башенной формы — следует искать, на наш взгляд, в дозорных башнях крепостной архитектуры, где сырец и пахса издавна составляли исходный строительный материал.

Составить суждение об архитектуре и планировке ранних мечетей Хорасана можно будет лишь после постановки широких археологических раскопок. Очень перспективны, в частности, раскопки старой мечети Мерва (Бену-Махан) в центре Гяур-калы. В настоящее время единственным сохранившимся архитектурным памятником этого рода является постройка, известная под названием мазара Шир-Кабир на кладбище Машад близ городища Месториан, историко-архитектурное изучение которой было впервые осуществлено X отрядом ЮТАКЭ в 1947 г.[7]

---

[1] Макдисн. — МИТТ, I, стр. 198.

[2] А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зерафшанскую долину 1934 г.— ТОВЭ, II, Л., 1940, стр. 137 и сл.

[3] В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чар-сутун в развалинах Старого Термеза.— «Труды АН УзССР. Серия I. История, археология», т. II. Ташкент, 1945, стр. 137 и сл.

[4] A. Godard. Les anciennes mosquées de l'Iran.— AI, t. I, fasc. II, 1936, стр. 187.

[5] МИТТ, I, стр. 196 и 209.

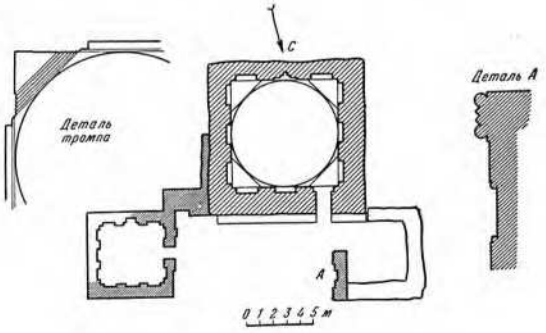
[6] МИТТ, I, стр. 193.

[7] О машадском Шир-Кабире см. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II. Ашхабад, 1951, стр. 194 и сл.

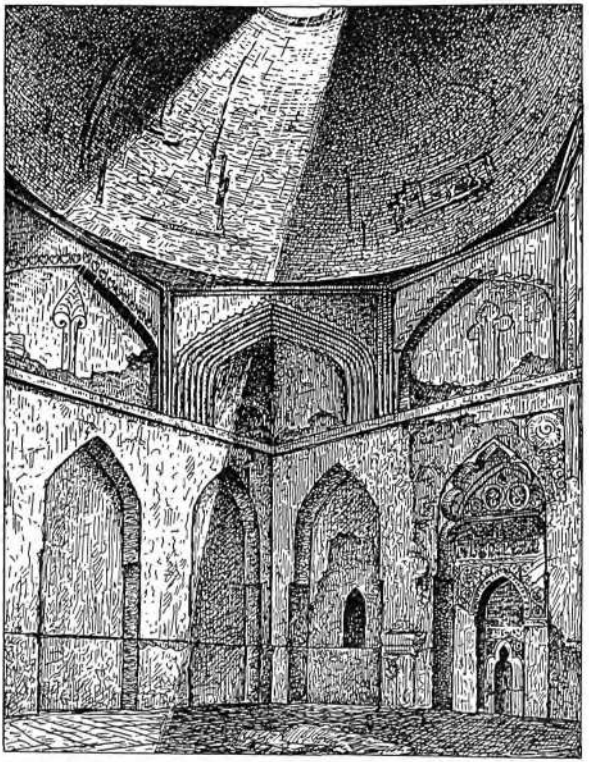
Мазар Шир-Кабир.

Основное здание выстроено из квадратного сырца размерами 22,5—23×6 см на глиняном растворе. Старое ядро его стен имеет разновременные наружные ремонтные обкладки жженым кирпичом. Сооружение квадратно, заключает в себе единственное

План мазара Шир-Кабир.

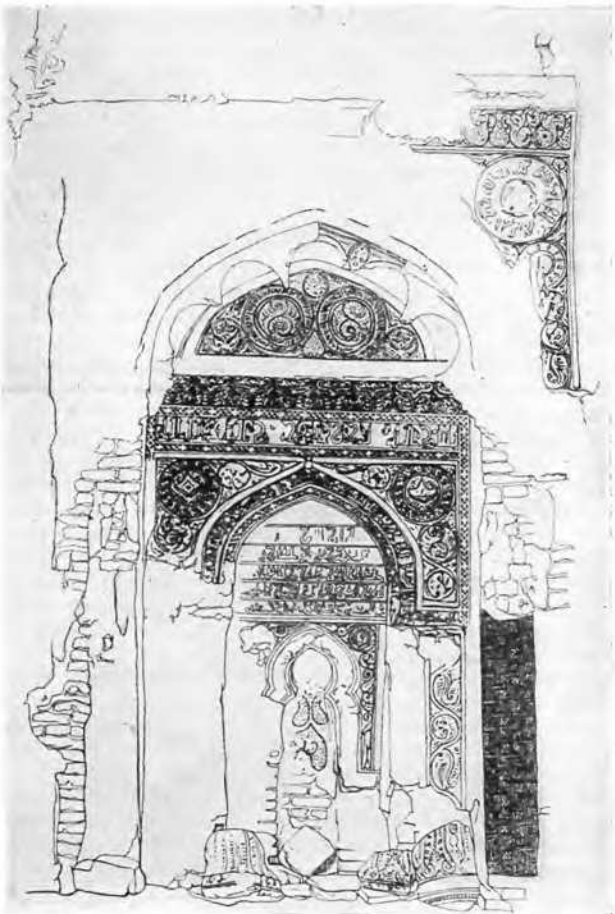
помещение размерами 8,50×8,50 м и ориентировано по странам света. Стены интерьера расчленены каждая тремя стрельчатыми нишами. По-видимому, первоначально все они были сквозными, кроме расположенных на южной стене. В центре этой последней имеется прекрасный михраб. Перекрытие купольное; переход к куполу осуществлен

Интерьер мазара Шир-Кабир.

снаружи системой восьмериков, внутри — посредством тромпов, выведенных шестью перспективно-сокращающимися арочками, переходящими к углу в сомкнутый свод.

Первоначально здание было покрыто внутри от основания стен до замка купола резным ганчем. Последний сохранился в настоящее время лишь на михрабе, на панели средней восточной ниши и фрагментарно на куполе. В орнаментации преобладают отвлеченные и эпиграфические мотивы. Особенно парадно был оформлен михраб. Он имеет вид трех последовательно-сокращающихся арочек, из которых первая пятилопастная, вторая стрельчатая, третья трехлопастная. В углах находятся четвертные колонки, ствол которых был украшен меандровым орнаментом, а капитель — удлиненными акантообразными листьями. В орнаментации тимпанов арочек и их щипцов

Михраб мазара Шир-Кабир.

преобладают круглые медальоны со вписанными в них S-образными завитками, мелкие лиственные узоры, а также куфические надписи. Сохранились следы раскраски ганча в синий, красный и фисташково-зеленый цвета.

Датировка Шир-Кабира, судя по его архитектуре и стилю орнаментальной резьбы, устанавливается в пределах IX—X вв. Мотивы резьбы михраба Шир-Кабира находят широкие параллели в орнаментации мечетей IX—X вв. от Каира, Самарры, Наина на западе до Искодара на востоке[1]. В этом внешнем единстве орнаментального стиля мы усматриваем те тенденции мусульманского «космополитизма», которые были направлены на нивелирование общественной идеологии (в частности, художественной идеологии) в странах арабского халифата. Между тем архитектоника михраба вполне своеобразна. Особый интерес представляет фестончатое оформление арки, имеющее местное среднеазиатское происхождение; форма эта, как мы увидим ниже, закрепится в архитектуре Северного Хорасана на несколько столетий.

Привлечение данных письменных первоисточников X в. позволяет отожествить Шир-Кабир с мечетью ар-Рабата (т. е. Дахистана, или Месториана). Макдиси писал, что в этом городе «нет соборной мечети, а только старая мечеть на деревянных столбах, у нее есть слава, она [мечеть] находится ниже ар-Рабата в месте, похожем на Данданкан. И в середине этого места есть мечеть с минаретом [принадлежащая] сторонникам хадисов, а остальные мечети принадлежат сторонникам [толка] Абу-Ханифы»[2]. В Худуд ал-Алам упоминаются минбар [т. е. мечеть] Дахистана и местная святыня — могила Али ибн-Суккари[3]. На поклонение сюда уже в X в. приходили паломники из Хорасана. Полагаем, что речь идет именно о мечети-мазаре Шир-Кабир. Памятник этот лежит на древнем кладбище, расположенном в 6 км ниже средневекового Дахистана (городище Месториан); датируется он IX—X вв., в нем сочетаются мечеть (некогда, очевидно, имевшая снаружи навесы на деревянных колоннах, впоследствии исчезнувшие) и мавзолей (почитаемого шейха Али ибн-Суккари). Ореол «святости» сохранялся за этим сооружением вплоть до прошлого столетия, когда к нему через пустыню шли паломники даже из иранского и афганского Хорасана.

Мечеть-мавзолей Шир-Кабир представляет значительный интерес как тип центрического купольного «киоска», открытого арочными просветами по трем сторонам и некогда, видимо, обнесенного колонными айванами. Прямых параллелей его архитектуре не дают близкие по времени постройки ни Ирана, ни Мавераннахра. В Иране тип мечети-киоска появится лишь с конца XI в. (мечети Исфахана, Гульпайгана, Ардистана и др.). Таким образом, местный генезис мечети Шир-Кабир несомненен.

Памятник неоднократно подвергался позднейшим реставрациям. Значительные переделки имели место в XII в., когда северный фасад получил новое оформление благодаря пристройке в углах двух комнаток, между которыми размещался открытый наружу айван (может быть, также на деревянных колоннах). Строительство велось уже жженым кирпичом (21×21×3—3,5 см). В оформлении стенок использовались

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 198. В. А. Крачковская на основании аналогии с надписями данданканской мечети склонна датировать надпись в Шир-Кабире XI в.; ср. ее статью: «Эволюция куфического письма в Средней Азии».— «Эпиграфика Востока», т. III. М.—Л., 1949, стр. 17.

[2] МИТТ, I, стр. 181.

[3] МИТТ, I, стр. 217.

Мазар Шир-Кабир. Деталь резьбы по ганчу.

Мазар Шир-Кабир. Пристройки XII в.

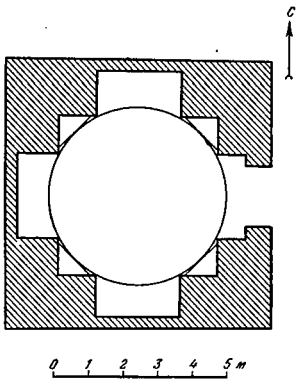
характерные для XI—XII вв. кладки спаренными кирпичами и резьба по ганчу, имитирующая кирпичные фигурные выкладки. Другой капитальный ремонт здания был выполнен в XVII—XVIII вв., когда были осуществлены закладки стен, заделки брешей и оштукатурка белым ганчем стен интерьера.

Машадская мечеть-мавзолей, сохранившая от IX в. свою древнюю основу — про-

порции, формы, конструкции, отчасти декор, является памятником, принципиальная значимость которого для архитектуры Дахистана такова же, как мавзолея Саманидов для Мавераннахра.

Строительство первых мавзолеев вне мечетей падает и в Хорасане на ту же эпоху. К числу их принадлежат три безыменные намогильные сооружения.

Руины одного из них лежат к востоку от городища средневекового Мерва — Султан-калы. Население именует его Кыз-биби. В. А. Жуковский, который в 1890 г. застал его почти целым, оставил краткое описание памятника, высказав предположение, что надгробие это, возможно, было поставлено над прахом супруги султана Санджара, Туркан-хатун, правившей Мервом в годы его пленения гузами и скончавшейся в 1156 г.[1] Архитектурные обмеры и описание памятника опубликованы В. И. Пилявским, который также датировал здание XII в.[2]

Мавзолей Кыз-биби. План.

Постройка невелика, квадратна в плане (7,50×7,50 м понаружи) и имеет единственное помещение (4,50×4,50 м) с нишами глубиной 1,30 м на осях. Вход расположен с востока; надгробие находится в западной части помещения. Материалом стен и перекрытий служит сырец размером 31,5×31,5×7,5 см, положенный на глине. В интерьере частично сохранились ганчевые штукатурки позднейшего ремонта. Ниши перекрыты сводами наклонными «отрезками». Кривая свода почти овальна с легким заострением в замке; кладка осуществлена в один ряд кирпича, над которым проложен другой ряд кирпича тычком. Над стенами проходит тяга в 3 кирпича. Переход к куполу осуществлен посредством перспективных тромпов слегка заостренного очертания. Купол кольцевой кладки; по описанию проф. Жуковского, на вершине его был укреплен голубой шар (?).

Крупный калибр сырца, тип перспективного тромпа, характерный для сырцовых построек IX—X вв. (Харам-кёшк, Акуйли-кошук, Шир-Кабир и др.), характер сводов «отрезками», аналогичных сводам безыменного кёшка к востоку от Гяур-калы,— все эти детали строительной техники, уже не свойственные мервской архитектуре XI—XII вв., позволяют считать, что мавзолей Кыз-биби был воздвигнут именно в IX—X вв. Памятник этот является одним из самых ранних мавзолеев Хорасана, дошедших до наших дней.

Мавзолей Кыз-биби поясняет генезис центрических усыпальниц хорасанской архитектурной школы. Первоначально они представляли собой небольшой сырцовый «киоск» над могилой видного по своему социальному положению лица (в данном слу-

---

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 163—165.

[2] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 50—54.

Мавзолей на кладбище Имам-баба.

чае как будто даже женщины), предназначенный для укрытия могилы от дождей. Может быть, в задачу этого «киоска» входило также несколько изолировать могилу от погребений низших общественных сословий. Возведение мавзолеев, т. е. монументальных архитектурных сооружений над прахом какого-либо видного лица из среды светских или духовных феодалов, примет на Среднем и Ближнем Востоке особенно широкий размах к XI—XII вв. Но формирование архитектурного типа этих построек в различных областях мусульманского мира начинается ранее и прочно связано с локальными строительными традициями и художественными вкусами. В Хорасане, преимущественно в северных его районах, к X в. проходит процесс сложения особой группы центрических купольных усыпальниц, специфичных именно для местной архитектурной школы.

Другой мавзолей, сходный с Кыз-биби, стоявший на кладбище у Имам-баба, также осматривал в 1890 г. В. А. Жуковский, опубликовавший его фотографию[1]. Это небольшая квадратная постройка из жженого кирпича, около 5 м в стороне, с одинаково оформленными гладкими стенами, посередине которых был расположен откры-

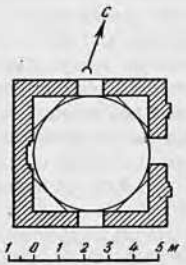
[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., рис. 29. Мавзолей этот ныне не существует.

тый арочный проход. Арки слегка стрельчатого начертания; кладка их клинчатая с разгрузочным архивольтом по ней, выведенным кирпичом плашмя. Отношение высоты фасада к его ширине равно примерно 2:3. Выше в углах начинаются кладки тромпов, не замаскированных, но выраженных снаружи. Никаких элементов архитектурного убранства на фасадах мавзолея нет.

Мавзолей в старом Чарджоу.

Еще один аналогичный мавзолей, обследованный нами в 1950 г., стоит на старом, ныне не функционирующем кладбище к юго-юго-западу от крепости старого Чарджоу (средневекового Амуля) Мазар сильно врос в землю благодаря насыпям примыкающих к нему многих могил. Материал постройки—жженый кирпич-маломерок размерами 23×23×3 см. Характерной деталью его являются три параллельные бороздки, нанесенные, видимо, для лучшего сцепления с раствором по постелям кирпича. Кладка осуществлена на глиняном растворе. В силу крайней засоленности почвы соль подтянулась по швам почти до середины высоты стен.

Мавзолей в старом Чарджоу. План.

В плане мавзолей квадратен (6,20×6,20 м по наружному периметру и 4,80×4,80 м по внутреннему). Главный фасад ориентирован на северо-восток. В центре его и на оси боковых фасадов — неширокие (около 1 м в пролете) арочные своды. Главный фасад выделен парой кирпичных пилястр, расположенных по обе стороны от арки; видимо, они некогда соединялись между собой, образуя П-образное обрамление.

В юго-западной стене интерьера устроена неглубокая михрабная нишка, указывающая направление на кыблу для приходивших совершать молитву в память об усопшем. Купольное перекрытие, основанное на тромпах типа сомкнутых полусводов, выведенных горизонтальной кладкой кирпича, переложено при каком-то старом ремонте.

Несмотря на наличие на главном фасаде упомянутых узких пилястр, композиция мавзолея в общем строго центрична. Впечатление это вызывается и простотой геометрических объемов — несколько тяжеловесной прямоугольной призмы основания и отлого-стрельчатой скуфьи купола, и равнозначными входами на трех фасадах. Судя по местоположению мавзолея, по формату кирпича-маломерка и по археологическому материалу в выбросе у могил, мавзолей был построен не позднее X—начала XI вв.

Местонахождение третьего мавзолея, ныне не существующего, пока окончательно не установлено. Этот мавзолей известен нам по фотографии 80-х годов прошлого столетия, по-видимому, из фонда А. В. Комарова, хранящейся в фототеке Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР (шифр 0-292.7). Судя по некоторым косвенным данным, здание располагалось на одном из старинных городищ по Мургабу, может быть на кладбище Баба-Гамбер, описанном в свое время Д. И. Эварницким[1].

Как и оба предыдущих памятника, мавзолей имеет центрическую композицию. Входы в него лежат на всех четырех фасадах; четырехугольная призма основания перекрыта отлого-стрельчатым куполом кольцевой кладки. Однако архитектурное оформление главного фасада (может быть и боковых) значительно сложнее.

Вход выражен отлого-стрельчатой аркой, которая выделена клинчатой кладкой, оконтуренной кирпичом, положенным плашмя. По обе стороны расположены две узкие, тянутые нишки-конхи, как будто полукруглые в плане. Кладка ниш выполнена чередованием горизонтальных пар кирпича и вертикальных полукирпичиков. Арка и обе нишки охвачены П-образно слегка выступающими рамами, выведенными кладкой спаренных кирпичей. В углах — две выбранных на высоту замков конховых нишек «четверти» с торчащими, местами заделанными в кладку кирпичами. Думается, что здесь располагались встроенные трехчетвертные колонки, скорее всего восьмигранной формы. Поверху фасада тянется сильно фрагментированная надпись, выложенная рельефно-выступающими кирпичами. Почерк ее — ранний куфи, стилистически напоминающий надпись с именем саманида Насра (914—943 гг.), вырезанную на доске над входной аркой восточного фасада мавзолея Саманидов в Бухаре[2], а также надпись на свинцовой доске минарета 1010—1011 гг. в Куня-Ургенче[3]. Датировка памятника, таким образом, устанавливается в пределах второй половины X — начала XI в. Дату эту подкрепляет и прием кладки спаренными кирпичами, который был известен уже в X—XI вв. (мавзолей Саманидов, Мир-Саид-Бахром в Кермине и др.) и состоял в чередовании спаренных кирпичей с вертикальными полукирпичами, но еще без применения фигурных кирпичиков; последние получат широкое распространение в архитектурном декоре хорасанских памятников в основном в XI—XII вв. М. Е. Массон разобрал в надписи описываемого мавзолея имя Ахмед, принадлежавшее, может быть, погребенному в нем лицу.

---

[1] Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. Ташкент, 1893, стр. 48—49.

[2] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 8.

[3] В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. — «Эпиграфика Востока», т. III. М.—Л., 1949, стр. 1.

Мавзолей Ахмеда.

Среди других культовых сооружений Южного Туркменистана IX—X вв. в исторических источниках упоминаются здания высших духовных учебных заведений—медресе[1]. Однако судить об их архитектуре из-за отсутствия сохранившихся памятников раннего средневековья пока не представляется возможным.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

VI—X вв. в истории архитектуры Южного Туркменистана знаменуют собой формирование качественно нового стиля, отличного по своему внутреннему содержанию и внешнему выражению от стиля, слагавшегося в условиях рабовладельческого общества. Вступление страны на путь интенсивной феодализации порождает новые нормы общественной идеологии, а перед народом — подлинным создателем произведений материальной, духовной и художественной культуры—встают новые задачи. Отражением их служат коренные изменения в области архитектурного творчества.

---

[1] Макдиси. — МИТТ, I, стр. 194 и 202.

Анализ памятников позволил установить, что в развитии местного раннефеодального зодчества отмечается два этапа. Первый обнимает VI — первую половину VII в. и знаменует собой зарождение нового стиля; время с середины VII — по середину VIII в., т. е. период арабского завоевания, отмечено задержкой его поступательного развития. Второй этап, охватывающий время с конца VIII по X в., характеризуется новым подъемом в формировании этого стиля.

К VI в., после выхода из кризиса, связанного с крушением в Средней Азии рабовладельческой формации, решительно меняется основная программа строительства. Главным объектом монументального зодчества становится не царский дворец, не городской храм, не стены обширного античного полиса, но кёшк — суровый замок феодала, взнесенный на мощной платформе и представляющий как бы малую крепостцу. В элементах и деталях этих кёшков многое сохраняет преемственную связь с традициями античности, но сами архитектурные принципы уже совершенно иные. Северохорасанская архитектура VI—VII вв. в корне отлична от парфянской, хотя и имеет общие с ней родственные черты. Исходным строительным материалом по-прежнему остается глина. Конструктивные достижения связаны с разработкой и усовершенствованием сводчатых систем. Общими являются многие архитектурные формы и детали, например гофры или зубцы. Но с изменением внутреннего содержания резко меняется смысл всех этих архитектурных элементов: разобщенно взятые, они сходны с парфянскими; в своей новой совокупности они предстают в качественно-новом композиционном выражении.

Положение это можно проиллюстрировать сопоставлением рассмотренных нами кёшков и позднепарфянской крепости Чильбурдж. Стены Чильбурджа фланкированы прямоугольными гофрированными башнями. Башни, повторяясь на фоне стен, не утрачивают качества индивидуального архитектурного элемента, составляя часть ритмической композиции стены. Гофры воспринимаются на них как небольшой, компáктный пучок колонн. Иное решение у кёшка. Он выделен в самостоятельный архитектурный объем жилой башни, жилого массива. Геометрическая простота его исходной формы — тяжелой прямоугольной призмы, стоящей на усеченной пирамиде цокольного этажа,— придает постройке даже при небольших размерах некоторых кёшков впечатление чрезвычайной монументальности. Это достигается также противопоставлением гладких плоскостей этажа-платформы вертикальному расчленению расположенных выше гофрированных стен. Если в Чильбурдже башни воспринимаются как соподчиненные элементы общей композиции, а гофры как индивидуальные детали оформления, то в кёшке роли меняются: композиционной самостоятельности архитектурного объема противостоит сплошное монотонно-метрическое распределение гофр, число которых могло бы быть произвольно увеличено или сокращено без существенного ущерба для общего впечатления.

Кёшк с предельной силой выражает свои крепостные качества в архитектурных формах: мощью глухих стен, ведущими на второй этаж пандусами и зубчатыми парапетами. Это архитектура нарождающегося сословия, которому суждено стать господствующим классом новой феодальной формации.

Господствуя над невысокой застройкой селения и зеленью прилежащих земель, силуэт кёшка был виден издалека, как бы являя собой зримое воплощение идеи вели-

чия и власти дихкана. Четкая светотень резко выделяла линии гофр, вертикали которых подчеркивали высотный принцип композиции кёшка.

Представление о полном виде раннефеодального гофрированного кёшка с завершающими его элементами архитектурных венчаний, в подавляющем большинстве в натуре до нас не дошедших, дает неоднократно публиковавшееся изображение такого кёшка на блюде Государственного Эрмитажа, найденном в селении Аниковском и датирующемся VI—VII вв.[1] Вполне доказано его среднеазиатское происхождение, а не иранское, как предполагалось прежде. Многочисленные споры о принадлежности этого блюда работе хорезмийских или согдийских торевтов (а может быть мервских?!) в значительной мере были порождены тем, что однородный тип раннего гофрированного кёшка был распространен в различных районах Средней Азии. Помимо Мервской области, такие кёшки представлены памятниками афригидского Хорезма (Тешик-кала, Якке-парсан и др.)[2], Термеза («Курган» на старом термезском городище)[3], даже центрального Тянь-Шаня (Чалдывар)[4]. В них отмечаются некоторые локальные особенности планировки, строительных материалов и конструкций, но в принципе они дают близкую архитектурную схему, порожденную прежде всего общностью социальной среды и отчасти природно-климатических условий, этническим родством населявших Среднюю Азию народов и известным обменом культурным опытом, существовавшим между этими народами даже в пору распадения Средней Азии на множество политически самостоятельных владений.

В двух этажах замкнутого прямоугольника хорасанского кёшка осуществляется архитектурная разработка сложно-организованного пространства. Совершенствование и усложнение сырцовых сводчато-купольных систем приводят к созданию остроумных, хотя в общем довольно отнотипных решений разнообразно перекрытых помещений. Нельзя не вспомнить в этой связи указания Ф. Энгельса о том, что местная замкнутость, ограниченность обмена и рынков составляли типичную черту средневековья, когда лишь слагались формы феодальных отношений, в силу чего характерной чертой этого этапа является стабильность форм производства[5]. Этим объясняем мы и ту устойчивость форм строительства Южного Туркменистана рассматриваемой эпохи, которая характеризуется применением однотипных строительных материалов и однородных типов строительных конструкций, варьирующих лишь в частностях.

Важно отметить появление в южнотуркменистанских постройках VI—VII вв. сырцовой стрельчатой арки, хотя ведущим остается эллиптическое или коробовое начертание кривых. В свое время Э. Херцфельд утверждал, будто стрельчатая арка

---

[1] Необоснованно высказывавшееся некоторыми зарубежными учеными утверждение, будто Аниковское блюдо датируется X в. (ср. J. Sauvaget. Remarque sur les monuments Omeyades.— «Journal Asiatique», CCXXII, 1940/41, стр. 19 и сл.; ср. также R. Ghirshman. Notes Iraniennes, I. Un plat d' argent doré. — «Artibus Asiae», 1947, vol X/2, Ascona, стр. 97).

[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 215 и сл.; В. А. Лавров. Указ. соч.. стр. 44 и сл.

[3] В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чар-сутун..., стр. 98 и сл.

[4] А. Н. Бернштам. Постройка Чалдывар на реке Манакельды в Центральном Тянь-Шане.— Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, стр. 241 и сл.

[5] См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 256.

была совершенно чужда доисламскому зодчеству стран Востока[1]. Ссылаясь на стрельчатые арки Кусейр-Амры и Хаммам ас-Сарах (VIII в.), Кресвелл вслед за Батлером выдвинул положение о сирийском происхождении этой конструкции[2]. Памятники среднеазиатского зодчества VI—VII вв. и среди них южнотуркменистанские (Хароба-кошук, Кыз-калы и Нагим-калы) показывают, что именно здесь зарождается стрельчатая арка, генезис которой связан с местным сырцовым строительством.

В отличие от интерьеров парфянской архитектуры, в постройках Южного Туркменистана VI—VII вв. колонные системы почти не употребляются ни в виде свободных, ни в виде пристенных колонн. Идея парфянского ордера сходит на нет; на смену ей является организация пространства замкнутыми отсеками комнат, перекрытых сводами или куполами. Характерен центральный планировочный элемент кёшка — квадратный зал со сводчатыми нишами на осях, обычно обнимающий высоту двух этажей; вокруг него группируется комплекс разнообразных помещений. Тема двора со сводчатыми айванами на осях, определившаяся уже в позднепарфянском и раннесасанидском зодчестве Ближнего Востока (дворец в Ашуре, дворец в Фирузабаде) в среднеазиатских феодальных кёшках, предстает в принципиально ином решении — во включении в планировку здания взамен двора высокого двухсветного зала со сводчатыми нишами на главных осях.

Этот характерный компонент пространственной организации здания — крестообразный, перекрытый куполом центральный зал — прочно войдет в хорасанское зодчество зрелого и позднего средневековья. Важно отметить, что уже в VI—VII вв. также зарождается и пештак (Большая Нагим-кала) как сильно выраженный объемный элемент оформления сводчатого входа. Пештаку суждено было сыграть очень важную роль в последующем развитии монументального зодчества Средней Азии.

Раннефеодальная архитектура Южного Туркменистана знает наряду с центрическим принципом планировочной организации и иной, анфиладный, пример чего дает Хароба-кошук.

Синтез искусства с большой силой был выражен в зданиях культового зодчества. Кей-Марзубан в Мерве являл собой сложное сочетание монументальной архитектуры, монументальной скульптуры и монументальной живописи в едином синтетическом решении.

Заторможенный событиями VII—VIII вв. процесс развития архитектуры получает новое поступательное движение на втором этапе (VIII—X вв.).

В VIII—X вв. в архитектуре Северного Хорасана строительным материалом почти повсеместно остается сырец. В письменных источниках X в. указывается, что даже в крупнейших городах, таких как Мерв, Нишапур, Серахс, не говоря о менее значительных (например в Бабане, Кейфе, Талькане, Мерверуде, Фарьябе и др.),—«постройки из глины»[3]. Историки подчеркивают как особо выдающийся факт, что Дом правления и обе соборные мечети Мерва были кирпичными. Обследование южнотуркменистанских городищ IX—X вв. подтверждает, что сырец служил основным материалом

---

[1] E. Herzfeld. Archäologische Reise im Euphrat und Tigris-Gebiet, II, стр. 91—92.

[2] K. A. C. Creswell. Early Muslim Architecture, I, London, 1932, стр. 279.

[3] МИТТ, I, стр. 168, 170, 172, 174—176.

стен и сводчатых перекрытий. Размеры сырца в эту пору сокращаются; форма квадратна; наиболее типичный стандарт в Хорасане 31—32 см в стороне на 7—7,5 см толщины, в Дахистане — 22—23 см в стороне на 6 см толщины. Кладка на глиняном растворе, толщина швов — от 2,5 до 4 см. Жженый кирпич VIII — начала IX в. встречается в виде маломерка 19—20 см в стороне на 3,5 см толщины; в X в. он заметно возрастает, достигая размеров до 29 см в стороне квадрата. Однако употребление его в сырцовых постройках крайне ограничено: он встречается в вымостке полов, иногда в прокладках разделительного пояса двух ярусов сводчатых перекрытий, в основании гофр. Видимо, довольно распространенным было и употребление дерева — в плоских перекрытиях комнат, в устройстве колонных айванов. Колонны и балки портиков мечетей, по историческим данным, нередко покрывала богатая резьба (например, в нишапурской мечети). Вероятно прием этот пришел из массового народного жилого строительства. В интерьерах использовались ганчевые штукатурки. В архитектурном декоре богатых сооружений применялась резьба по ганчу, который наносился толстым слоем прямо на сырцовой основе.

Памятники рассматриваемой эпохи наглядно иллюстрируют процесс развития и совершенствования конструкций сводчатых сырцовых перекрытий. Толща стен сокращается сравнительно с предшествующим периодом; даже в кёшках наружные ограждающие стены имеют толщину около 1,50 м, в то время как в замках VI—VII вв. она достигала 3 м. Своды выводятся «отрезками», арки—чаще клинчатой кладкой. Форма кривых получает четко выраженную стрельчатость. Широкое распространение приобретают купола. Обычно они перекрывают квадратные помещения. Переход к куполу осуществляется при помощи тромпов; преобладает так называемый перспективный тромп, осуществленный постепенным напуском от угла все возрастающих сырцовых арочек, в отличие от Мавераннахра, где в эту пору преобладает тромп в виде половины сомкнутого свода. Форма куполов близка к полуциркульной; сечение возрастает у пяты, но в замыкающей части достигает толщины одного кирпича. Развитием приема перекрытия узких, но длинных пролетов, уже использованного в окнах Большой Нагим-калы, является перекрытие коридора Харам-кёшка. Оно представляет собой оригинальный тип ложного свода, кладка которого осуществлена последовательным напуском продольно и диагонально положенных рядов сырцового кирпича.

Накопление опыта и совершенствование строительной техники в IX—X вв. в большой мере были обусловлены социальным развитием феодальных городов. По-видимому к X в. в городах Ближнего и Среднего Востока ремесленники различных специальностей уже начинают объединяться в корпорации — зародыши будущих цехов. Самое раннее упоминание о расчленении ремесленников по производственным признакам содержится в трудах представителей философской группы Ихван ас-Сафа (вторая половина IX в.). Автор объединяет их в несколько групп, указывая на преимущества различных ремесел перед другими: 1) по материалу, из которого изготовляются изделия (здесь преимущество за золотых дел мастерами и парфюмерами); 2) по сложности изготовления самих изделий (здесь на первом месте мастера точных инструментов, например, делавшие астролябии); 3) по незаменимости и срочной надобности труда (здесь автор ставит ткачей, земледельцев, строителей); 4) по повседневной массовой потребности (упомянуты банщики, мусорщики); 5) по искусности труда, но без прямой практической пользы

его (сюда относятся художники, музыканты фокусники)[1]. Характерно, что ремесленники строительных специальностей относятся не к пятой категории мастеров искусства, но к той третьей группе специалистов, чей труд отвечает прежде всего утилитарным целям и широким запросам масс. Таким образом, художественные задачи в архитектуре как бы ставились на второе место, вслед за функциональными.

В рассматриваемый период в пору централизации власти тема кёшка в Южном Туркменистане утрачивает свое первостепенное значение в области монументальной архитектуры. Гофрированные кёшки во всех своих поздних образцах дают чрезвычайно однообразное повторение общей архитектурной схемы. Если замки VI—VII вв. предстают в различных вариациях общих масштабов, пропорций, деталей, даже обработки самих гофр, то в рассматриваемую эпоху вырабатывается некий безликий стандарт, делающий Акуйли-кошук чрезвычайно похожим на Сулу-кошук, а этот последний — на Харам-кёшк или на безыменный кёшк к востоку от Гяур-калы.

Это однообразие архитектурного решения — отнюдь не показатель застоя архитектурной мысли. Как видно на примерах тех же кёшков, к IX—X вв. заметное развитие получают и принципы внутренней планировки, и системы сырцовых сводчато-купольных конструкций. Однако к этому времени тема замка мелкопоместного феодала оказалась исчерпанной этими ранее разработанными шаблонными типами архитектурного сооружения; новый тип монументального жилого дома появится в Хорасане лишь с XI в. При всем том гофрированные кёшки еще играют очень важную роль в силуэте городской застройки, но уже не как одиночный строгий архитектурный объем, но как группа монументальных массивов. Для IX—X вв. важно отметить также перерождение кёшка в гофрированную башню-динг при городской жилой усадьбе (Дурнали, Мунон-тепе). В них, быть может, следует искать генезис тех гофрированных башенных форм, которые широко войдут в архитектуру так называемых «погребальных башен» Хорасана XI—XIII вв. (башни в Бистаме, Кучане, Кишмаре и др.). В них вместе с тем содержится предвозвестие дингов туркменской жилой архитектуры, сохранившихся в образцах XVIII—XIX вв. Вообще строительные традиции позднего туркменского жилища уходят своими корнями в раннесредневековую жилую архитектуру. Дома рядовых горожан на городищах Кара-тепе и Тургай-тепе имеют внутренние дворики и связанную с ними через посредство колонных айванов или просто дверных проемов группу жилых и хозяйственных комнат.

К IX—X вв. монументальное строительство уже в значительной мере переключается из сельской местности в города. Среди общественных учреждений феодального города совершенно особую роль при этом начинают играть культовые постройки мусульманства. Ислам как государственная религия в эту пору пронизывает все стороны общественной жизни, выдвигает и освящает руководящие социальные и этические установки.

Лучшие мастера привлекаются к возведению пятничной мечети города, лучшие материалы идут на ее постройку, лучшие украшения применяются в ее отделке, ей отводится самое лучшее место на лучшей из площадей. Если арабы принесли в Хора-

---

[1] M. A g a-O g l u. Remarks on the Character of Islamic Art. —«The Art Bulletin», 1954, vol. XXXVI, № 3, стр. 192—193.

сан самую тему мечети, то местные мастера воздвигали их в соответствии с традицией местной архитектурной школы. Стремление арабов снивелировать под единый уровень всю общественную и духовную жизнь в странах халифата нашло свое выражение не в общих концепциях, но в частностях. Почти повсеместно для этой поры отмечается ограничение изобразительных сюжетов и переход к отвлеченной «арабесковой» орнаментике. Стиль ее в общем схож в архитектуре различных областей Среднего и Ближнего Востока. Так, резные орнаменты в михрабе мечети-мазара Шир-Кабир находят прямые параллели в мусульманских постройках IX—X вв. от Каира на западе, до Наина на юге и Искодара на востоке. Арабские надписи все решительнее вводятся в архитектурную орнаментацию. Характерно, что начертание стрельчатых арок мервских зданий этой эпохи сближаются, с одной стороны, с арками тулунидских построек Каира (например, мечети ибн-Тулуна), с другой, — мавзолея Саманидов в Бухаре. Как установлено М. Ф. Мауэром, арки мавзолея Саманидов представляют собой отрезки двух пересекающихся ветвей эллипсов. Эмпирическое знание сложных кривых второго порядка служит отражением того высокого расцвета математики, который отмечен на Среднем и Ближнем Востоке для данной эпохи.

Однако общая архитектурная концепция мечетей Хорасана и Дахистана абсолютно непохожа на традиционную «арабскую» мечеть. Взамен обширного пространства двора, окруженного портиками на колоннах, несущих аркады, на которых покоится плоское перекрытие (мечеть Амра, мечети Самарры и др.), здесь налицо выстроенная в местных композиционных и конструктивных приемах «мечеть-киоск». Это — центрально-купольное сооружение, к которому иногда (не всегда!) примыкает колонный айван или обведенный колоннами двор, композиционно соподчиненный этому главному архитектурному объему. Важно подчеркнуть, что в западном Иране «мечеть-киоск» вытеснит арабскую колонно-дворовую схему лишь в XI—XII вв.[1], в то время как в областях Южного Туркменистана процесс сложения этого локального архитектурного типа мечети протекал в IX—X вв.

Большую роль в силуэте городов и селений начинает играть обязательный высотный элемент мечети — отдельно стоящий круглоствольный минарет.

Тема монументального купольного здания широко входит в эту пору в застройку городов; такова была архитектура не только мечетей, но и правительственно-административных зданий (Дом правления), рыночных сооружений, цистерн-сардоб и др.

В IX—X вв. отмечается сложение типа центрического одиночного мавзолея (Кыз-биби, Безымянный мавзолей у крепости Чарджоу, мавзолей Ахмеда на фотографии Комарова). Для всех них характерен единый принцип: все они являют собой как бы монументальный павильон, купольный киоск, поставленный над могилой. Центричность композиции подчеркнута однозначностью фасадов, обычно заключающих арочный проем (кроме фасада, обращенного на кыблу, а потому имеющего не сквозной проход, но заключающего в интерьере михрабную нишку). Принципиальная значимость этих мавзолеев состоит в том, что они объясняют происхождение развитых

---

[1] A. Godard. Les anciennes mosquées de l'Iran, —AI, t. I, fasc. II, стр. 192 и сл.; его же. Note sur d'anciennes mosquées. — «Иранское искусство и археология». III международный конгресс. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 71 и сл.

центрально-купольных усыпальниц хорасанского зодчества. Понадобилось до полутора столетий, чтобы этот архитектурный тип прошел эволюцию от простейшей темы надмогильного киоска до величавой громады мавзолея султана Санджара. Однако истоки исходной идеи прослеживаются в этих скромных архитектурных памятниках, отстроенных на грани X—XI вв., причем генезис их восходит к тем однокомнатным купольным постройкам, которые существовали в Хорасане еще до прихода арабов[1].

Центрическая композиция получает несколько иное разрешение в зданиях с дворовой организацией плана. Образцом может служить караван-сарай IX в. в Хурмузфарра. Важно подчеркнуть, что планировка, конструктивные формы и детали его значительно отличаются от караван-сараев Ближнего Востока того же времени. В основе композиции лежит прием глубинной организации пространства за счет периметральной анфилады арочных галерей. Возможно, что именно таковы были и приемы архитектурной организации не дошедших до нас дворовых мечетей Хорасана (например, в Нишапуре), оформленных, однако, более парадно благодаря обильному использованию архитектурного декора.

Следует подчеркнуть, что уже в раннем средневековье в архитектуре Южного Туркменистана намечается тенденция нарушения центричности введением портала-пештака (ср. Большую Нагим-калу). Однако пештак полноценно проявит себя позднее, в следующем периоде развития феодального зодчества в Хорасане.

При сопоставлении раннефеодальной архитектуры Южного Туркменистана с памятниками иных областей Средней Азии на первом этапе становления нового стиля в единых социальных условиях зарождения феодальной формации отмечается большая общность архитектурных решений; гофрированные кёшки Хорезма или Термеза VI — VII вв. отличны от мервских лишь в части внутренней распланировки помещений, наличия некоторых локальных приемов конструктивных устройств или архитектурного декора (вполне индивидуален, например, крупнофигурный фриз одной из комнат Тешик-калы). Однако в процесе дальнейшего развития в IX—Хвв. локальные качества архитектуры выступают все более отчетливо. Для сравнения можно привлечь, например, два близких по дате памятника: мавзолей Саманидов в Бухаре и мазар-мечеть Шир-Кабир в дахистанском Машаде. Общим является в них центрическая композиция купольного однокомнатного сооружения. Между тем в своем решении они совершенно различны. Объемная композиция в мавзолее Саманидов выражена кубом и полусферой, а в машадском памятнике почти кубообразным основанием, несущим систему многогранных переходных элементов к слегка овальной скуфье купола. Отличны конструкции, например, тип сложного тромпа в первом памятнике и перспективного тромпа — во втором. Отличен декор — почти сплошь кирпичная фактура в одном здании и сплошной резной крашеный ганч в интерьере другого. Отлична архитектоника — размещение по одной арке на всех четырех сторонах мавзолея Саманидов и трехарочные стены мазара Шир-Кабира, и так далее.

---

[1] Таково, например, здание сасанидского времени Кала-и-духтар на пути между Нишапуром и Наином; см. E. Herzfeld. Damascus: Studien in Architecture.—«Ars Islamica», vol. IX, 1942, стр. 33, фиг. 23.

Эти различия архитектурных направлений Хорасана и сопредельных областей являются отображением отличий и локальных течений в культуре их населения в средние века. Не случайно историки и географы IX — X вв., сопоставляя Хорасан и Хорезм, подчеркивают, что Хорезм — «область отдельная и от Хорасана и от Мавераннахра»[1]. Макдиси, например, совершенно определенно говорит: «Они [хорезмийцы] отличаются от жителей обеих сторон [Хорасана и Хайтала] в обычаях, языке, характере и врожденных качествах»[2].

Раннефеодальная архитектура Южного Туркменистана предстает перед нами как порождение самобытной строительной традиции, как проявление особой «хорасанской» школы зодчества Среднего Востока. На грани X — XI вв. уже намечается совершенно новый, большой этап ее развития.

---

[1] Истахри. — МИТТ, I, стр. 178.
[2] Макдиси. — МИТТ, I, стр. 185.

Глава четвертая

АРХИТЕКТУРА РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (XI—XV вв.)

ПЕРВЫЙ ЭТАП (XI—НАЧАЛО XIII в.)

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

В начале XI в. после падения государства Саманидов, территории Южного Туркменистана входят в состав владений Газневидов. События второго и третьего десятилетий XI в. связаны с борьбой Махмуда и Масуда Газневи с тюрками-сельджуками за обладание этими областями, которая завершилась в 1040 г. в битве при Данданкане полной победой сельджукских войск. Сложение государства Великих Сельджуков знаменует собой создание могущественной феодальной державы, которая, однако, в областях Туркменистана сохраняет свою власть немногим более одного столетия. В середине XII в. ее сокрушают кочевники-гузы, которые в свою очередь уступают место династии правителей Хорезма, удержавшихся лишь до монгольского завоевания (1221 г.).

В период сельджукского движения усиливается начавшийся ранее процесс смешения тюрков-огузов как с остатками других местных кочевых племен, так и с коренным населением Южного Туркменистана— хорасанскими таджиками. С XI в. в связи с приходом к власти тюркских династий тюркский этнический элемент все более широко проникает в города и в городскую культуру. В результате этого смешения несколько столетий спустя завершилось формирование туркменской народности.

Общий ход политической истории XI — XII вв. явился лишь внешним выражением важных социальных сдвигов. Конец X в. знаменует собой новый этап в развитии феодальной формации. Классовые противоречия достигли к этому времени резкого обострения. Нарастающий характер народных движений, захватывавших эксплуатируемые массы города и деревни; изживший себя класс наследственной земельной аристократии — дихкан, на который в значительной мере опиралась

династия; сложение взамен этих нередко почти независимых в государственном организме старых родов новой категории владетельных феодалов, порожденной характерной формой феодальной собственности, которая в XI—XII вв. получает широкое распространение в виде так называемого института «икта», — таковы внутренние причины, сокрушившие основу саманидского могущества и вызвавшие на арену истории новые социальные силы.

Эпоха выдвигает новые слои развивающегося феодального общества. Утрачивают значение потомственные дихканские семьи, дряхлеют старые родовые кёшки. Установление института «икта», в котором земельное владение не определялось наследственными правами, резко подкашивает значение родовитого дихканства. В политической жизни страны все бóльшую роль начинают играть военно-феодальное, торговое и духовное сословия.

Икта—особый род временного земельного пожалования, обеспечивавший его держателю, так называемому «мукта», получение известной доли государственных доходов—приносит с собой интенсивные формы эксплуатации крестьянства.

Характерная черта этой эпохи, выявленная археологическими наблюдениями,— заметное сокращение в сравнении с IX — X вв. числа концентрированных сельских поселений, слагавшихся в ту пору близ дихканских кахов. Сельское хозяйство отныне сосредоточено в округе больших городов, в которых и проживают в значительной мере духовные и светские феодалы, эксплуатирующие труд полузакрепощенных крестьян.

Вместе с тем XI—XII вв. — это период роста и расцвета феодальных городов, уже не вмещавшихся в свои раннесредневековые границы. Расширение осуществляется за счет былого пригорода — рабада, в черте которого пульс жизни бьется не менее интенсивно, чем в пределах старых частей городов — шахристанов. Здесь часто на городских территориях, уже вполне оформившихся по-новому (шахри бирун), размещались многочисленные базары с лавками, торговыми пассажами и ремесленными мастерскими, караван-сараи для прибывающих издалека караванов, квартальные мечети и местные «святыни» — мавзолеи шейхов. Здесь были многочисленные лачуги ремесленного люда и городского плебса, но местами высились дома знати, парадные и комфортабельные. В черте собственно-города отмечается большая скученность застройки; при ограниченности городских участков, обусловливавшей чрезвычайно экономное использование пространства, почти не оставалось места ни для сада при доме, ни для создания новых обширных городских площадей, ни для крупных хаузов. Между тем просторы пригорода позволяли использовать при формировании новых городских территорий значительные участки под сады, базарные комплексы и места ремесленных производств. В условиях пригорода в это время по-прежнему малоощутимой оставалась разница между понятием «города» и «селения» и граница между городским и сельскохозяйственным населенным пунктом.

Советскими учеными уже отмечалось, что отсутствие резкой грани между городом и деревней составляет специфическую особенность среднеазиатского средневековья. Это получило отражение как в самом укладе жизни, так, в частности, и в элементах планировочной композиции рабада. Распределение основных жилых массивов вдоль русел главных питающих арыков, свободная застройка внутри усадебного участка,

большая роль зеленых насаждений — все это придавало рабаду полусельский характер. Но существенное отличие рабада от деревни заключается, однако, в различии общественных функций, с которыми связано сложение важных планировочных узлов, обусловленных торговыми и производственными функциями городского организма. Значение последних особенно велико в тех крупных городах Хорасана, в которых, подобно Мерву или Нишапуру, основной пульс городской жизни определялся широкими денежными оборотами и транзитной торговлей. В городах же, подобных Нисе, Куфену, Абиверду, Мехне, основу материального благосостояния которых составляли продукты сельского хозяйства — зерно, волокнистые культуры, скот или связанная с ними продукция (например, шелковые и бумажные ткани, кошмы и пр.), пригороды имели четко выраженный полусельский характер.

Города этого времени значительно развивают то ядро городского поселения, оформление которого уже определилось в IX — X вв. Характерной чертой является чрезвычайное разрастание их масштабов. Причина этого состоит в дальнейшем расширении функций общественной жизни феодального города: развиваются ремесла, торговля, возрастает активность политической жизни. Вместе с тем процесс усиления эксплуатации крестьянства порождает приток в города разоренного, еще не закрепощенного деревенского люда, который пополняет собой слои городской бедноты. Эта дешевая рабочая сила открывает широкие возможности для крупномасштабного строительства, на котором наряду с квалифицированными мастерами строительных корпораций работают сотни поденщиков-чернорабочих, также вовлекаемых в орбиту цеховой структуры.

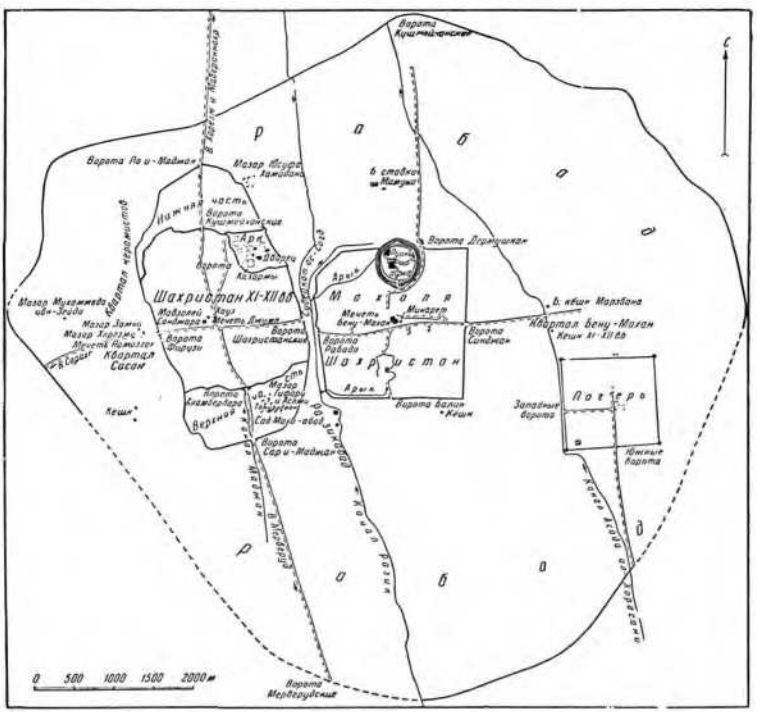
К сожалению, если в письменных источниках IX — X вв. заключен ряд подробностей о городах раннего средневековья, то для характеристики городов XI — XII столетий имеется крайне мало данных. Составить суждение об облике этих городов в интересующую нас эпоху в большей мере позволяет метод археологического исследования, непосредственного изучения городищ: их планировки, крепостных стен и руин построек.

В числе крупных и небольших городов Южного Туркменистана, которые, судя по данным археолого-топографических наблюдений, переживают в XI — XII вв. значительный подъем, следует назвать Мерв, Башан, Данданкан, Амуль, Земм, Серахс, Мехне, Абиверд, Куфен, Нису, Языр, Дахистан, Ахур и др. Все они развиваются из раннесредневекового планировочного ядра. Случаи появления совершенно новых городов немногочисленны; примером может служить городище ал-Аскер, лежащее на древнем караванном пути из Мерва в Амуль. Это городище возникло в 3 км от Кушмейхана в связи с тем, что на последний к этому времени уже сильно надвинулись пески.

Развитие этих городов протекало индивидуально.

Город Мерв в XI — XII вв. сохраняет значение главной хорасанской резиденции Сельджукидов. Развитие его осуществляется за счет чрезвычайного расширения раннесредневекового города, ядро которого в IX — X вв. формируется у канала Маджан[1], причем уже в XI в. происходит обведение четырехугольника этого нового шах-

[1] «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 52. В. А. Лавров явно заблуждается, утверждая, будто «Ста-

План Мерва XI—XII вв.

ристана (ныне именуемого Султан-калой) крепостными стенами. Радикальная реставрация этих стен была осуществлена в конце XI в. при Мелик-шахе. По сведениям Хафизи-Абру, в 1093 и 1095 гг. брат его Арслан-Аргун в борьбе с другим сельджукидом Баркияруком дважды разрушал эти стены[1], однако в данном случае речь, очевидно, идет об осаде и разрушении отдельных участков, которые затем без труда вновь ремонтировались, а не об уничтожении фортификации в целом.

рый Мерв, городище Гяур-кала... на грани XII в. был оставлен и перенесен на соседнюю территорию — Султан-калу». Выше было указано, что заброшенность Гяур-калы падает уже на начальную пору формирования феодализма; в IX — X вв. она едва была обжита.

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 307.

Стены Султан-калы.

В северо-восточном углу Султан-калы расположено ядро цитадели — Шахрияр-арк. Здесь размещены были казармы, почти в центре стоял обширный дворец правителя, а рядом с ним находилось монументальное общественное здание, видимо, административно-правительственного значения (диван). Арк, имеющий вид неправильного четырехугольника, охвачен высокими стенами, которые фланкированы полукруглыми башнями (общее число их в настоящее время равно 48). Особо мощные бастионы размещены на углах и у единственных ворот, обращенных внутрь города.

Наблюдения над стенами Султан-калы показали, что фортификационные мероприятия XII в. заключались в усилении их оборонных качеств. Башни одевают как бы в футляры из пахсы и сырца, стены наращиваются по высоте. В верхней части кладок местами видны выступающие тяги-козырьки из жженого кирпича (видимо, для предохранения стен от размыва). В башнях и стенах устроены прямые и косые бойницы. Подобные же стены охватывают Султан-калу; число сохранившихся башен ее равно 176; первоначально количество их, видимо, доходило до 200. Город был обведен рвом. Бурное развитие Мерва при Сельджукидах побуждает в начале XII в. включить в особые обводы стен густо заселенные к югу и северу территории города. Стены так называемого северного обвода фланкированы шестьюдесятью башнями, стены южного обвода имеют их 58. Когда в 1221 г. Тули-хан подошел к Мерву, он, по словам Мирхонда, «в течение шести дней все смотрел на вал, стену, ров и городские минареты,

сомневаясь, при таких мервских твердынях, в успехе»[1]. По своей структуре, техническим приемам и форме башен мервские стены сходны с крепостными стенами Газны, отстроенными в XI в.[2]

Почти посередине города с юга на север проходил главный канал средневекового Мерва — Маджан. Вдоль него от ворот к воротам тянулась и главная городская магистраль. По названию канала воротам южного обвода было дано наименование Сари-Маджан («Голова Маджана»), к ним подводила большая дорога из Мерверуда. Ворота северного обвода назывались Пои-Маджан («Подножье Маджана»), отсюда шел путь на Хорезм и в Мавераннахр. Вторая большая магистраль рассекала посередине Султан-калу от западных ворот Фирузи (куда подходила дорога из Серахса) к восточным воротам — Шахристанским. Пересечение их в центре Султан-калы было отмечено комплексом монументальных сооружений: мечети (отстроенной еще при Аббасидах в VIII в., но, видимо значительно расширенной при Сельджуках), сельджукидского дворца и мавзолея султана Санджара. В северном направлении отсюда отходила еще одна крупная улица, линия которой ясно прослеживается на городище. К сожалению, микрорельеф Султан-калы настолько исковеркан в результате многовековой «добычи» здесь жженого кирпича, что восстановить его планировку без проведения соответствующих раскопок не представляется возможным. Среди всхолмлений на городище встречаются в обилии обломки жженого кирпича, изразцы от облицовок былых сооружений, в южном и северном обводах — отходы ремесленных производств.

Из крупных зданий Мерва XII в. письменные источники упоминают большую мечеть ханефитов и превосходившую ее высотой мечеть для приверженцев шафиитского толка, отстроенную одним из везиров хорезмшаха Текеша, но сожженную по подстрекательству мервского шейх ул-ислама[3]. В Мерве был ряд крупных медресе, воздвигнутых в порядке «богоугодных дел» Шереф ал-Мульком ал-Хорезми, Низам ал-Мульком, а также медресе Амидийе и Ханумийе[4]. При всех них были большие книгохранилища, о чем упоминает Якут, называющий и другие крупные библиотеки Мерва —Азизийе и Камалийе, принадлежащие соборной мечети, две частные библиотеки фамилии Самани и библиотеку Думарийе при одной из мервских ханака[5]. В черте южного обвода на территории раннесредневекового квартала Джассин, где располагались некогда печники — танургароны, в XII в. функционировало кладбище, сложившееся возле почитаемых могил Бурейды ал-Аслами и Хакама ал-Гифари, похороненных здесь еще в VIII в. [6]

Пригород Мерва в рассматриваемую эпоху разросся во всех направлениях от шахристана, в основном вдоль русел главных и отводных каналов, тянувшихся с юга на север. Вдоль канала Разик располагалось целое селение того же названия, где

---

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 51.
[2] Ср. «Souvenir de l'Afghanistan», Paris (без года).
[3] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 33.
[4] Там же, стр. 28 и 34; Якут. — МИТТ, I, стр. 434.
[5] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 34—35; Якут. — МИТТ, I, стр. 434.
[6] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 39; Якут.— МИТТ, I, стр. 329.

проживали в своих обширных домах везиры Сельджукидов[1]. Границы рабада в эту эпоху переходят даже за пределы античной стены округи, так называемой Гилякин-Чильбурдж. В западной части пригорода располагался обширный квартал керамистов. Здесь же близ ворот Фирузи лежал квартал Сасан, где находилась Мусалля или Намазгох — мечеть для больших годовых праздничных молений[2]. Культовый характер места подчеркивался наличием двух мавзолеев: Ахмеда Замчи и ал-Хорезми. Почти незаселенной оставалась лишь территория Гяур-калы, куда уже не могла поступать вода; здесь располагался вдоль рассекавшей Гяур-калу восточной дороги только квартал Шахристан.

Основная же территория рабада заключала в себе комплексы домов, усадеб, ремесленно-производственных и торговых кварталов, застройку которых окружала зелень садов.

Связь населенного пункта с магистральным питающим арыком особенно четко видна на малых городках и селениях XI — XII вв. Самани упоминает о Джиренджe в области Мерва, лежащем в 10 фарсахах от него, на большом торговом пути, ведшем в Мерверуд и Герат; «река Мерва течет посередине его, так что он похож на Багдад». Якут добавляет: «через реку перекинут большой мост; у моста расположены некоторые рынки. Я видел его перед вторжением татар в 1219 г., он был в состоянии процветания и достатка; его население было многочисленно, дома, здания общественные и базары высоки, просторны и хорошо построены»[3]. Аналогична была планировка Синджа — одного из самых крупных селений Мерва, — лежавшего от него в 4 фарсахах. Синдж тянулся по обе стороны реки в длину на 1 фарсах (т. е. до 6 км), в то время как ширина застройки была незначительна. В нем была мощная крепость, которую в 1155 г. безуспешно осаждали гузы. В Синдже были базар, соборная мечеть, могилы видных деятелей ислама — Абу-Дауда Сулеймана ас-Синджи и Абу-Аббаса Ахмеда ас-Синджи[4].

Представление о такого рода типичных для области Мерва «длинных» городах XI—XII вв. дает городище Яз-тепе в 40 км к северо-западу от Султан-калы. Город вырос на месте раннесредневекового селения, которое к XI — XII вв. разрослось до значительного городка. Квадратное возвышенное тепе дихканского каха в эту пору уже играло роль мощной цитадели. Главная длинная прямая улица тянулась несколько западнее последней в направлении с юга на север протяжением почти на 3 км. Вдоль нее располагалась тесная застройка домов, ремесленных мастерских и лавок. Обширная базарная площадь лежала в северном конце этой улицы, которая замыкалась на окраине города квадратным массивом арабского рабата. Город имел еще один короткий отрезок добавочной улицы, параллельной главной и подходившей к крепости по другую сторону от нее, а также несколько поперечных улочек. В известной мере эти «длинные города» продолжают собой развитие тех «длинных деревень», которые возникают в VIII—X вв.

---

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 44.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 39; Якут. — МИТТ, I, стр. 330.
[4] Там же, стр. 44—45; Якут. — МИТТ, I, стр. 335.

Однако хотя здесь и наличествует связь с сельскохозяйственными функциями района, в них уже в полной мере выражены качества городского организма.

Картина планировки и роста в XI — XII вв. города Дахистана (городище Месториан), главного населенного пункта одноименной области, иная, чем в Мерве. Шахристан его сохраняет раннесредневековый пятиугольный план, но подвергается значительной перестройке[1]. Его обводят двойной линией стен, причем межстенное пространство подразделяется на множество отсеков (до семидесяти), являвшихся ловушкой для врага в случае, если бы при осаде были разрушены таранами отдельные участки передней стены. Эта усиленная оборона была отчасти вызвана отсутствием вокруг города рва, устройство которого не имело смысла при большой ограниченности количества воды, поступавшей в Дахистан. Глинобитные и сырцовые кладки первоначальных стен были именно в эту эпоху одеты великолепной рубашкой из жженого кирпича. Полукруглые башни фланкировали стены. Город имел трое ворот, от которых, видимо, шли к центру главные магистрали. Восстановить планировку шахристана по микрорельефу уже невозможно. Характерно отсутствие цитадели — арка, роль которого отчасти выполнял былой замок феодальных правителей, возвышавшийся в юго-восточном углу городища. Южные ворота города были главными. По обе стороны идущей от них магистрали лежат развалины крупных общественных сооружений: двух мечетей, медресе, бани, упомянутого дворца или замка, двух глубоких хаузов и т. д. Руины жилых домов с небольшими дворами и остатки некоторых ремесленных производств плотно насыщают городище, однако вдоль периметра крепостных стен оставлено неширокое свободное пространство, что, видимо, было вызвано соображениями обороны.

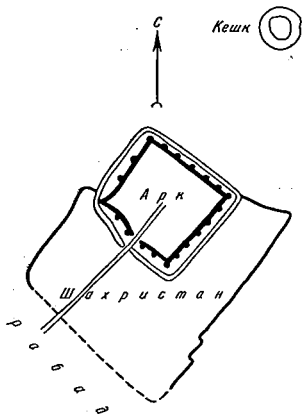
Территория рабада простирается с трех сторон шахристана, кроме северной, куда, очевидно, уже едва доходила вода. Здесь размещено городское кладбище (видимо, мусульман-ханефитов) и мечеть-намазга, у которой справлялись два ежегодных празднества мусульман—Курбан и Фитр. Другое крупное кладбище «сторонников хадисов» лежало к северу в 6 км у описанной ранее мечети-мазара Шир-Кабир. Здесь в XI — XII вв. возникает целый комплекс монументальных мавзолеев.

В рабаде Дахистана размещались бесчисленные ремесленные производства—кирпичные, гончарные, железных дел мастеров и т. п., караван-сараи, рынки, жилые усадьбы и наряду с этим обширные участки садов, виноградников, огородов. Главные улицы подводили к воротам, однако торгово-ремесленные площадки служили добавочными планировочными узлами, от которых улочки расходились уже радиально и не по прямым направлениям, а в обход частновладельческих участков, образуя сеть кривых и изломанных линий.

---

[1] Первая схематическая съемка Дахистана была произведена в прошлом столетии инж. А. М. Коншиным; см. его «Разъяснение вопроса о течении Аму-Дарьи по современным геологическим и физико-географическим данным».— «Записки РГО по общей географии», т. XXXIII, № I, СПб., 1897. Изучение городища осуществлено в 1947 г. М. Е. Массоном; см. «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 46—47 и 52—53.

В средневековом Абиверде (городище Пештаг близ ж.-д. станции Кааххa)[1] прямоугольник крепости площадью до 5 га обведен стенами, фланкированными угловыми и промежуточными округлыми башнями, и параллельной бермой; пространство между этой бермой и стеной подразделено на ряд отсеков. По периметру стен проходил ров. Крепость имела единственные ворота с юго-западной стороны. Примерно посередине стояло монументальное здание мечети, воздвигнутое в начале XII в., неподалеку от нее располагалась площадь. Цитадель лежала у середины северо-восточной стены шахристана, имевшего подпрямоугольную форму, и также была обведена стенами. Разрастание рабада шло главным образом в южном и западном направлениях; здесь размещались основные ремесленные производства; здесь же, видимо, были и главные базары, где осуществлялся обмен изделий городского ремесла и продуктов оседлого сельского и кочевого скотоводческого хозяйств.

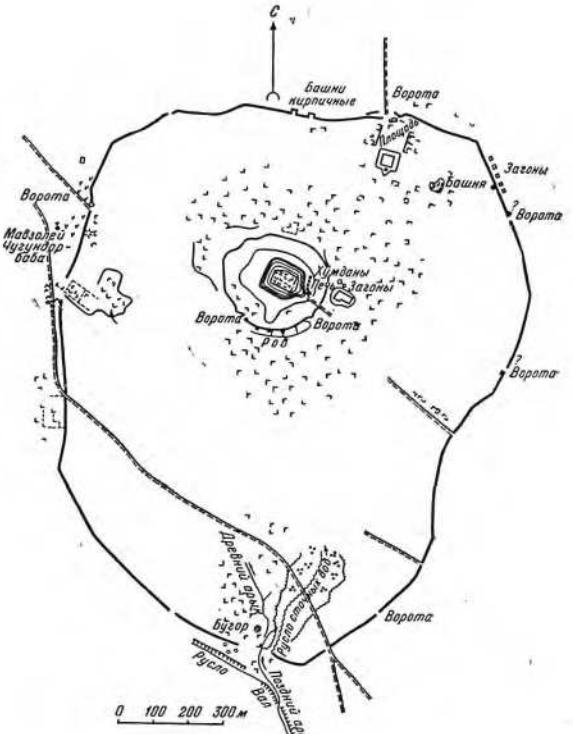
Средневековый Абиверд. План.

Город Куфен, которому ныне соответствуют развалины городища Чугундор, в VIII —IX вв. являлся всего только рабатом; в XI—XII вв. это один из значительных городов средневековой области Абиверд, переживающий в эту пору подъем городской жизни. Планировочный облик его отличен от городов, рассмотренных выше. В центре по-прежнему возвышалось прямоугольное тепе былого раннеарабского рабата, которое в эту пору уже использовалось в качестве цитадели, обведенной рвом и обнесенной кольцом стены. Контур собственно-города в виде неправильного овала охвачен внешней стеной, в которой в настоящее время прослеживается пять ворот (может быть первоначально их было больше). Внутри наблюдается всхолмление былой застройки, остатки керамических производств. Рабада нет; сразу же за пределами стены простирались сельскохозяйственные угодья.

О расцвете в XI— первой половине XII вв. одного из главных городов области Хаверан—Мехне свидетельствуют и письменные источники и археологические наблюдения. Город лежал на одном из больших путей из Серахса в Мерв. В окрестностях Мехне сеяли зерновые культуры, город упоминается восточными авторами как одна из житниц Хаверана. Ко времени похода в 1040 г. газневидского султана Масуда лишь в одном из мехнейских караван-сараев, Идрис, было до 40 весов для взвешивания хлеба. Мехне фигурирует в событиях борьбы с Масудом Газневи сельджуков Чагры-бека и Тогрул-бека, которым дал «благословение на царство» известный

[1] См. М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 50.

в свое время мехнейский шейх Абу-Саид. Впоследствии Сельджукиды проявляли большое внимание к ханаке и машаду этого шейха, близ которых проживали его последователи и потомки. В середине XII в. город был полностью разрушен гузами и обезлюдел. Лишь в XIV—XV вв. здесь снова начинает теплиться жизнь, в основном близ

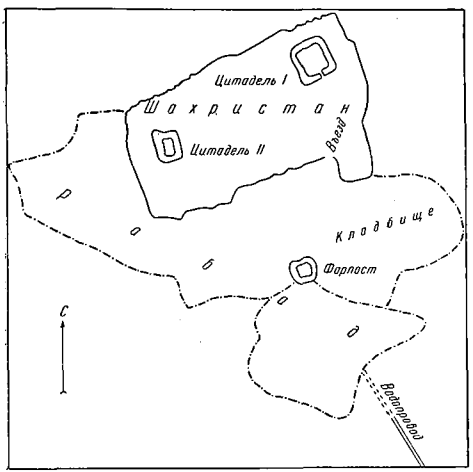
Средневековый город Куфен (Чугундор). План.

усыпальницы Абу-Саида, где духовенство искусственно поддерживает культ покойного шейха.

В XI—XII вв. вполне определился планировочный облик Мехне, формирование которого было начато еще в раннем средневековье[1]. Город имел прямоугольную цита-

[1] Обследование Мехне было осуществлено ЮТАКЭ в 1949 г.; см. М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана — «Изв. АН ТССР», 1951, № 1, стр. 95—96.

дель, возвышавшуюся на платформе старого тепе и обнесенную стенами с башнями на углах. В южной части лежал старый арабский рабат Зак'ал, где стояла старая, мало кем посещавшаяся мечеть. Здесь же была отстроена Абу-Саидом ханака для суфиев, а после его смерти был построен его мавзолей. Однако основная жизнь протекала на территории города (Мухаммед ибн-Мунаввар именует его термином «хисар»[1]), простиравшегося между крепостью и Зак'алом. Хисар был обведен глинобитной стеной. Площадь его пересекали три параллельные продольные улицы и несколько перпендикулярных к ним поперечных улиц. Неподалеку от цитадели лежала обширная базарная площадь. Основным предметом торговли и обмена здесь служили зерновые культуры, которые шли в обмен на изделия ремесленной промышленности, изготовлявшиеся в самом Мехне и привозившиеся из других городов, главным образом из Мерва. Ворот было двое — близ крепости и у Зак'ала. Город не имел рабада, вне его простирались поля. Кварталы Мехне оживляла зелень деревьев, среди которых особенно много было тутовника[2].

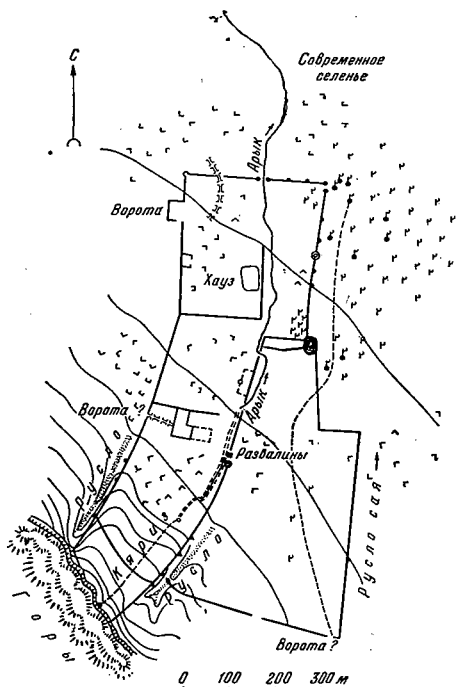
Средневековый Языр. План.

Связь города с сельскохозяйственным районом ярко выражена также в Нисе, где в XI—XII вв. наблюдается картина общего роста сравнительно с ранним средневековьем. В эту пору интенсивно заселяется почти заброшенная ранее территория парфянского города (Новой Нисы). Она играет роль цитадели, которая, по словам Мухаммеда ан-Несеви, являлась «одной из удивительнейших крепостей, построенных на холмах»[3]. Территория ее, по словам того же автора, была густо застроена домами, что подкрепляется археологическими наблюдениями. Главные базары по-прежнему лежали к северо-востоку от крепости, в урочище Сардова. На территории собственно города располагались крупные и мелкие усадьбы, дома которых стояли среди садов и виноградников. К северу на склоне предгорий лежало обширное кладбище, стояла мечеть-на-

[1] МИТТ, I, стр. 348.
[2] Там же.
[3] Мухаммед ан-Несеви. — МИТТ, I, стр. 472.

мазга, а также располагался комплекс культовых и жилых строений при ханаке Серави[1].

Чрезвычайно разрастается в рассматриваемую эпоху крупный город области Нисы—Языр. Площадь его в эту пору достигает почти 100 га. От раннего средневековья Языр унаследовал часть шахристана и восточную цитадель. В XI—XII вв. появляется вторая цитадель, западная. Шахристан обносится мощной линией стен. В юго-восточном отсеке его четырехугольной территории под стенами ранней цитадели располагались аристократические кварталы: здесь были общественные здания и дома богачей. В пределах шахристана размещалась и часть ремесленных производств. Однако большинство их находилось в пригороде, разраставшемся концентрически вокруг городского ядра. Примыкающий к южной стене шахристана отсек его был обведен стеной. Проблема водоснабжения Языра, стоявшего на границе песков, была разрешена благодаря сооружению водопровода, тянувшегося в виде закрытой сводчатой галереи на протяжении 20 км от самых предгорий Копет-Дага[2].

Ферава. План.

Приведенный выше обзор лишь некоторых из городов Северного Хорасана и Дахистана XI—XII вв. показывает, как и для раннего средневековья, неосновательность выдвинутого некогда В. В. Бартольдом тезиса, будто «как в Персии, так и в Туркестане в XI в. окончательно установился тип города, с тех пор не подвергавшийся существенным изменениям, с базарными улицами, пересекавшими город в направлении с запада на восток и с юга на север, с базарной площадью и центральным куполом

[1] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 66 и сл.

[2] Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 255 и сл.; его же. Средневековые поселения области Нисы (севернее Копет-Дага) в IX—XV вв. Автореферат диссертации. Ташкент, 1951, стр. 4—7.

(чарсу) в месте их пересечения»[1]. Этот тезис был безоговорочно принят рядом советских исследователей. Схема эта далеко не типична ни для средневековых городов Средней Азии вообще, ни для городов XI—XII вв. в областях Южного Туркестана в частности. В нее более или менее укладывается Мерв, лишь отчасти Дахистан (с тремя, а не четырьмя воротами в стенах его пятиугольника) и Абиверд. Бесспорно, что направление и число линий главных уличных артерий (а, следовательно, число и местоположение городских ворот) определялись наличием и направлением основных транзитных дорог, ведших к данному населенному пункту. Вот почему в Мерве их четыре, а в Абиверде, стоявшем рядом с единственным большим трактом, — лишь одна.

Специфичны для данной эпохи «длинные» города и селения, тянувшиеся подчас на несколько километров вдоль единственной улицы (Джирендж, Синдж, Яз-тепе). В данном случае определяющим фактором являлось направление питающего арыка, вдоль которого следовал также и главный торговый путь. Куфен дает пример концентрического развития города, улицы которого, идущие от пяти ворот, сходятся не к чарсу, но у лежащей в центре города цитадели. В Мехне планировка основана на правильной прямоугольной сетке улиц, а местом сосредоточения общественной жизни служит рыночная площадь на краю города. Одним словом, шаблона нет; предпосылки хозяйственно-экономического развития города, стратегическое положение, природно-топографические условия предопределяют индивидуальные черты его исторически слагавшейся планировки.

Вместе с тем города XI—XII вв. имеют и ряд типологически общих черт, обусловленных единством процесса развития общественных функций городского организма в рамках развитого феодального общества. Как и в раннем средневековье, обязательным элементом являются архитектурно-оформленные площади, но число их значительно возрастает, особенно в больших городах; они-то и служат главными узлами сосредоточения общественной жизни. По определению В. А. Лаврова «...в среднеазиатских городах в большинстве случаев площадь была простым расширением улицы. Даже при развитой площади ее пространство не имело самостоятельного значения. Началом, формирующим центральный городской ансамбль, было монументальное сооружение (или их группа), ради которого вся эта площадь существовала. Но наряду с открытыми площадями устраивались и замкнутые, повторявшие своим построением внутренние дворы общественных и культовых сооружений»[2]. В эту для ряда случаев правильную характеристику площадей среднеазиатских феодальных городов следует ввести коррективы, ибо нередко именно площадь служила важным формообразующим фактором, когда не площадь возникала при здании, а здания появлялись при площади, играющей роль организующего узла городской планировки.

В качестве примера может быть привлечена площадь на городище XI—XII вв. ал-Аскер в Мервском оазисе. Она прямоугольна, расположена в окраинной части города, и в нее вливается под прямым углом несколько улиц. На главной оси лежит по одну сторону караван-сарай, въезд в который подчеркнут выступающим объемом

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 77; его же. История Туркестана, стр. 19.

[2] В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 93.

пештака, а по другую — невысокий дувал, ограждавший пространство какого-то специализированного рынка (видимо, скотного). Две другие стороны площади оконтуривает застройка жилых домов и, может быть, лавок. Во всяком случае, площадь в ал-Аскере возникает не ради какого-либо здания, но служит активным элементом пространственной организации сетки улиц и городской застройки.

Аналогична базарная прямоугольная площадь, замыкавшая главную улицу на городище Яз-тепе. Пространство ее развито в поперечном направлении относительно этой улицы, которая как бы вливается в нее, будучи, однако, отделена строением двухарочных ворот. Застройка площади по одной из длинных сторон заключает в себе группу постоялых дворов, по другую—огороженный рынок (скотный или мучной). Короткая сторона площади являет собой продолжение главной улицы, а противоположная оставлена незастроенной; видимо, отсюда и осуществлялся въезд в город.

Довольно обычен также прием развития пространства в черте города за счет расширения улицы созданием «площади-кармана», пример чего можно видеть на том же городище Яз-тепе.

Площади при здании или при группе зданий связаны с монументальными ансамблями правительственных и культовых строений. Такова, например, была площадь в центре Мерва. В XI в. здесь высились здания двух мечетей (ханефитской и шафиитской), соперничавшие друг с другом масштабами и роскошью убранства, дворец Сельджукидов и величавая громада мавзолея султана Санджара. На центральных площадях такого рода происходили парады, торжественные въезды султанов, объявление глашатаями-джарчи государственных указов и пр.

В период развитого средневековья роль мусульманского духовенства в общественной и политической жизни Средней Азии все более увеличивается. Духовное сословие постепенно становится крупным феодальным владетелем. Все возрастающая роль духовенства находит свое отражение в архитектуре Южного Туркменистана: особое значение в рассматриваемую эпоху приобретают культовые ансамбли мечетей, медресе и особенно мазаров. Могилы первых воителей ислама, в пору арабского завоевания снискавших среди местного населения недобрую славу, в эту эпоху безраздельного господства мусульманства становятся объектами культа и почитания. Над гробницами «сподвижников пророка» и различных шейхов возводятся мавзолеи, которые становятся центральным элементом ансамблей усыпальниц, мечетей, ханака. Так, в Дахистане оформляется комплекс усыпальниц на кладбище Машад; в Мерве близ ворот Фирузи — ансамбль Мусалля и мавзолеев Ахмеда Замчи и ал-Хорезми; в Нисе — ханака Серави и мавзолей Абу-Даккака; в Мехне — ханака и машад Абу-Саида.

Большая роль в планировочной организации города принадлежит оформлению главных уличных магистралей, причем, вопреки утверждению В. В. Бартольда, они не обязательно являют собой как бы сплошной базар. Как показывает хорошо сохранившаяся улица в Яз-тепе, здесь четко выдерживалась красная линия застройки, преимущественно жилых домов. Они плотно теснились, образуя строгие контуры магистрали; лишь глубокие сводчатые ниши входов или отрезки поперечных улочек вводили некий пространственный разрыв в ее монотонную протяженность. Интересный элемент

завершения (вместе с тем и начала) улицы составляли двухпролетные ворота, которые как бы регулировали движение для въезда и выезда. Такого рода двухарочные ворота еще в XIX в. возводились в Хиве[1].

Важную роль в сложении уличной сети играли направления главных арычных магистралей. Джирендж и Синдж тянулись вдоль русел Мургаба. Распределение жилой застройки в рабаде Мерва следовало течению главных каналов — Асада ал-Хорасани, Разика, Маджана и Хурмузфарра — и вееру отводных арыков. Неотъемлемой частью в планировку самих городов входят водохранилища в виде открытых хаузов или закрытых купольных цистерн-сардоб. Значительное внимание уделяется озеленению: посадки деревьев осуществлялись частично в городе, но особенно в рабаде.

В композиции городов XI—XII вв. большую роль играют высотные элементы. Мощные стены, увенчанные зубцами, высокие крепостные башни, стройные вертикали минаретов — все это в условиях бескрайних равнин туркменистанских оазисов (особенно в области Мерва и в Дахистане) придавало силуэтам городов величавость очертаний воспринимавшуюся уже с далекого расстояния.

Следует подчеркнуть, что в архитектурно-планировочном отношении в этих городах еще резче, чем в раннем средневековье, выступают социальные контрасты. Прямые магистрали и обширные площади сосуществуют со скученной, бессистемной внутриквартальной застройкой. В черте рабада обширные комфортабельные дома богачей, окруженные зеленью садов, высятся поодаль от тесно застроенных ремесленных кварталов. В этом смысле очень выразительную картину можно наблюдать в западном участке мервского рабада. Здесь простирается обширный квартал мервских керамистов, изготовлявших и дешевую неполивную посуду и великолепную керамику, украшенную штампованными или цветными орнаментами. Среди отвалов производства, груды мусора и шлаков, гончарных печей теснились жалкие лачуги ремесленников, где жили и трудились они со своими семьями, постоянно вдыхая гарь. А между тем несколько поодаль стоял изящный мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда (может быть считавшегося «пиром» — покровителем ремесленного сословия гончаров), вокруг которого простиралась просторная площадка, видимо, некогда обсаженная деревьями, а впереди сардоба; мавзолей был отделен широким арыком от производственного квартала. Еще далее, в сотне метров, высился двухэтажный многокомнатный дом богача, возможно чиновника, которому был подведомствен сбор налогов с ремесленников-керамистов. Дом обширен, благоустроен; подле него значительный участок былого двора и сада, изолировавших его от дыма, проникавшего со стороны квартала гончаров.

Эти контрасты, порожденные социальным неравенством слагавших феодальное общество классов и сословий, четко выражены и в самой архитектуре XI—XII вв.

Градостроительные же принципы XI—XII вв. на новом этапе развития местного феодализма предстают перед нами как дальнейшая ступень развития средневековых городов Южного Туркменистана, обогатившая планировочные приемы IX—X вв. рядом новых качеств и черт.

---

[1] Я. Гулямов. Памятники города Хивы. Ташкент, 1941, рис. 2.

Мерв. Руины дворца правителя в Шахрияр-арке.

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Жилые дома Мерва

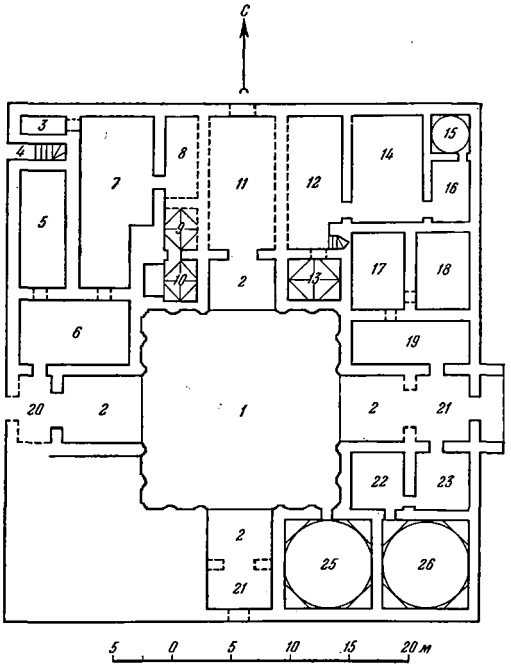
Дом правителя в Шахрияр-арке

Почти в центре крепостного ядра средневекового Мерва (городище Шахрияр-арк) высятся руины крупной сырцовой постройки, видимо, представлявшей собой дворец правителя. То было парадное двухэтажное (а, может быть, и трехэтажное) здание, возведение которого относится ко времени Сельджукидов, а недолговременное вторичное обживание полуразрушенной монголами постройки падает на XIV в.

Постройка прямоугольна в плане (45×39 м) и ориентирована по странам света. Вход обращен на восток, расположен ассиметрично относительно центра стены и выделен выступающим на 4 м пештаком с аркой 6,5-метрового пролета. На оси его лежит внутренний квадратный дворик (16×16 м), который является организующим планировочным центром. На оси двора — четыре глубоких сводчатых айвана с обширными проходами к комнаткам, служившим как бы вестибюлями группы примыкающих к ним помещений. В северной и южной половине дома находится сложный комплекс разнообразных комнат, больших и малых, прямоугольных и квадратных. Часть из них размещена в два этажа, другие имеют двойную высоту. Планировка первого этажа восстанавливается почти полностью (за исключением крайне разрушенного юго-западного отсека). В нем размещалось до 30 помещений; при наличии верхних этажей дом имел свыше 50 комнат.

Материал постройки — сырец размерами 26—27 см в стороне квадрата на 6 см толщины; кладка на глиняном растворе. Нельзя не подчеркнуть, что даже в таком па-

радном сооружении, как дворец правителя, основным строительным материалом служит не жженый, но сырцовый кирпич. Бо́льшая часть стен помещений оштукатурена глиной. Стены двора оформлены раскрепованными лопатками, которые, возможно, вверху смыкались в виде рам или настенных арочек.

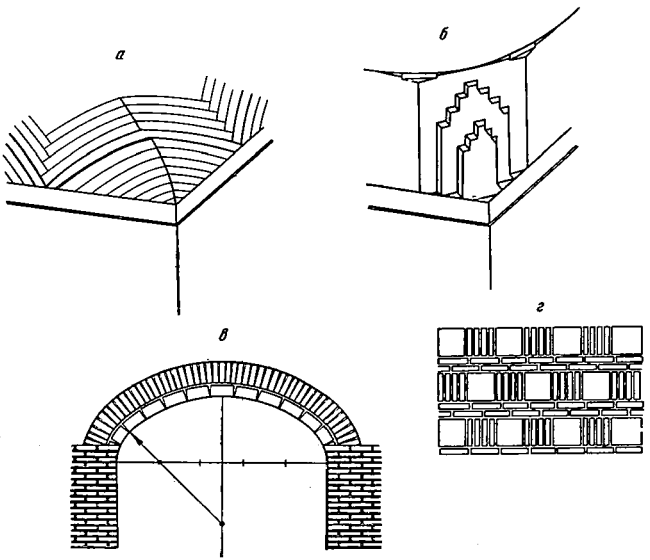

Мерв. Дворец правителя в Шахрияр-арке. План.

Чрезвычайно интересна кладка щипцовых стен одного из сводчатых помещений (*17*). Это конструктивная кладка вперевязку швов, выявляющая фактурные качества сырца. Последний то положен горизонтальными рядами, то поставлен вертикально, чередуясь в шахматном порядке, плашмя или тычком. Прием этот принципиально важен для понимания генезиса аналогичных кладок из жженого кирпича, которые еще конструктивны в мавзолее Саманидов и уже вполне декоративны в постройках XI—XII вв., где торцы кирпичей получают фигурное оформление. Применение фигурных резных кирпичиков занимало значительное место во внешнем декоре мервского

здания: они во множестве лежат у подножья его наружных стен с восточной и северной сторон (кирпичики З-образной, С-образной и трехромбической формы).

Почти все перекрытия дома — сводчатые, сырцовые. Бо́льшая часть продолговатых комнат, а также айваны двора перекрыты сводами «отрезками» стрельчатого

Мерв. Дворец правителя в Шахрияр-арке. Конструктивные детали.

а — своды балхи (комнаты *9, 10, 13*); *б* — парус комнаты *15*; *в* — арка входов айванов двора *2*; *г* — сырцовая кладка щипцовой стены комнаты *17*.

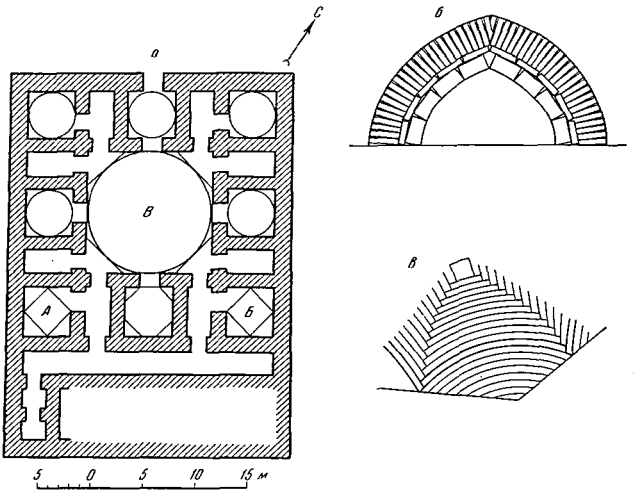
очертания. Интересны арки обширных проходов в щипцовых стенках дворовых айванов. Пролет их равен 2,30 м. Они имеют пологое коробовое трехцентровое начертание. Установлен следующий прием построения кривой: два центра малой кривизны и средний центр большой кривизны лежат на расстоянии трех десятых частей пролета от центра пересечения осей арки. Кладка была бескружальной и осуществлялась следующим образом: первый ряд выведен «отрезками» из полукирпичей, на нем — разгрузочная арка клинчатой кладки.

Комнатки подквадратной формы (*9, 10, 13*) перекрыты сводами балхи, квадратные комнаты перекрыты куполами, основанными на парусах. В комнатах *25* и *26* — обычный пояс тромпов, выведенных в принципе конического паруса. В комнате *15* паруса «перспективного» типа: на срезе под 45° грани угла размещены две сокращающиеся нишки с уступчато-треугольным завершением, образованным свесами кирпича.

Дом в Шахрияр-арке является образцом богатого средневекового жилого здания, в котором получает парадное воплощение дворовая организация плана.

Жилой дом в квартале керамистов

На территории большого производственного участка рабада средневекового Мерва, где располагались кварталы гончаров, высятся руины крупного сырцового дома XI—XII вв. Здание сильно разрушено, но план его второго этажа, за исключением южного участка, восстанавливается достаточно точно.

Мерв. Жилой дом в квартале керамистов.

а—план здания; *б*—арка дверного проема; *в*—свод балхи (комнаты *А* и *Б*).

Материал постройки — сырец размером 28×28×6 см; кладка на глиняном растворе; поверхности внутри и снаружи оштукатурены глиной.

В планировочном отношении здание членится на две части. Вход располагался на северном фасаде. Основная часть квадратна в плане (26×26 м по наружному периметру). В центре находился квадратный зал, возвышавшийся на высоту двух этажей, вокруг которого строго симметрично было размещено восемь квадратных и восемь прямоугольных комнаток. С юга примыкала еще группа помещений, отделенная узким коридором.

Перекрытия сводчатые сырцовые. Квадратные комнатки перекрыты отлогими сводами балхи или же куполами на тромпах, прямоугольные же — стрельчатыми сводами «отрезками». Сохранившаяся арка дверного проема имеет стрельчатое начертание.

В южной группе помещений, судя по обилию балочных гнезд в сохранившемся на значительную высоту участке стены, были плоские перекрытия. Можно думать, что эта группа была одноэтажной и что плоская земляная кровля ее использовалась в качестве террасы. Над стенами купольной комнаты *В* второго этажа высятся остатки тонких сырцовых стенок третьего яруса, которые, видимо, оформляли балахану, откуда имелся выход на террасу южной группы, обращенной во двор или в сад.

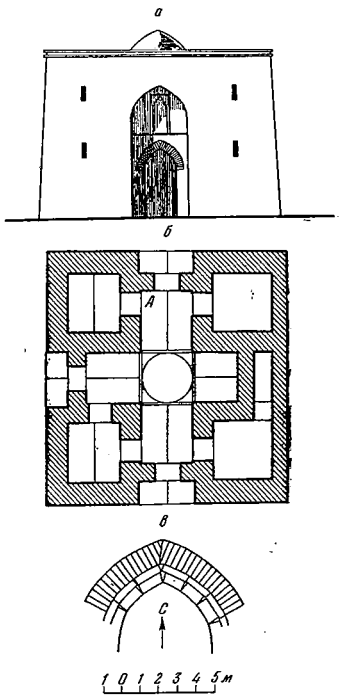
Дом, несомненно, принадлежал не рядовому ремесленнику-керамисту, а состоятельному лицу. В планировке его следует подчеркнуть деление на парадную и интимную части; южная группа, скорее всего, являла собой «женскую половину». Центральный зал служил приемной комнатой — михман-ханой.

Центричность построения планов раннефеодальных кёшков приобретает в этом здании качественно новое выражение. Дом лишен каких-либо элементов крепостной архитектуры; внешнее оформление его скромно, и сила общего впечатления достигалась подчеркнутой значимостью главного зала, выделенного высоким куполом над несколько скошенными гранями сырцовых стен.

Сырцовый дом к востоку от Гяур-калы

В полукилометре к востоку от крепостной стены Гяур-калы стоят развалины небольшого сырцового дома. Судя по керамическому материалу в кладках стен, он отстроен в XI—XII вв. Дом выведен из сырца размерами 27×27×5,5—6 см на глиняном растворе. Поверхность стен снаружи и внутри оштукатурена глиной.

Ориентация дома — по странам света. Главный фасад обращен на запад. Здание почти квадратное (14×13 м). Оно заключает центральное помещение, возвышавшееся на высоту двух этажей, с глубокими сводчатыми нишами, расположенными в плане крестообразно. Центральный квадрат был, видимо, перекрыт куполом. В углах в два яруса размещены небольшие комнатки; они перекрыты сводами «отрезками», наклон которых осуществлен в направлении к оси здания восток—запад. В уровне пят сводов сохранились гнезда от некогда заделанных в кладку балок; в стене юго-восточной угловой комнаты видно гнездо продольно-заделанной балочки; все они, несомненно, играли роль гибких связей.

Мерв. Жилой дом к востоку от Гяур-калы.

а—южный фасад. Реконструкция; *б* — план I этажа; *в*—арка *А* (деталь).

Сохранившиеся стрельчатые арки дверных проемов выполнены в том же приеме, что в доме из квартала керамистов. Освещение комнат осуществлялось через узкие щелевидные окошки.

Стены фасадов выведены с некоторым откосом граней. Три фасада (кроме совершенно глухого восточного) подчеркнуты на осях арочными нишами, в шипцах которых размещены: в первом ярусе — дверные проемы со стрельчатой аркой, во втором — удлиненные нишки с уступчатым оформлением верха их. Такие же нишки введены и в оформление шипцовых стенок сводчатых ниш центрального крестообразного зала.

Дом этот, видимо, принадлежал горожанину среднего достатка. Расположенный на территории рабада, он, судя по микрорельефу, имел приусадебный участок.

Архитектурная композиция его проста и строго выдерживает центрический принцип планировки, выявленный общим объемным решением и подчеркнутой равнозначностью оформления фасадов.

Сырцовый дом к западу от Султан-калы

Руины большого жилого дома XI—XII вв., лежащего в 4 км к западу от Султан-калы, изучались в 1937 г. В. И. Пилявским, результаты чего отражены в двух его публикациях. Осуществленные им обмеры дали основание к графической реконструкции здания; датировку его автор устанавливает в пределах между VIII—XI вв.[1] Памятник был обследован нами в 1950 г., что позволило внести принципиальный коррективв реконструкцию архитектурной схемы его фасадов, предложенную В. И. Пилявским.

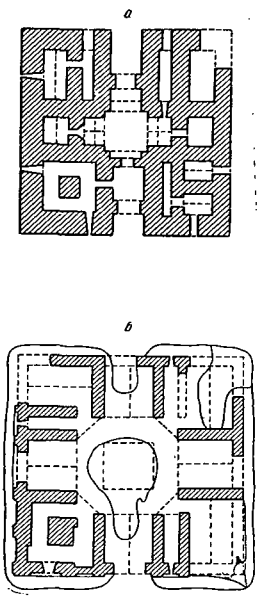
Этот крупный пригородный дом в планировочном и общекомпозиционном отношении развивает в более крупных масштабах ту же тему, что и предыдущий. Он почти квадратен в плане (20,10×20,85 м). Входы лежат на оси северо-восток — юго-запад и выражены глубокими нишами. Особенно значительна ниша юго-западного фасада; по обе стороны от нее — два дверных прохода, ведущих в узкие коридоры. Вход северо-восточного фасада ведет в небольшой квадратный вестибюль. В центре дома — обширный квадратный зал, возвышающийся на два этажа по высоте; лежащие на осях двухъярусные ниши придают ему крестообразный план. В правой и левой половинах дома находятся отрезки узких коридоров и прямоугольные комнаты, в восточном углу — обширная четырехмаршевая лестница, заключенная в квадратную лестничную клетку с центральным несущим квадратным же столбом, сложенным из сырца.

Материал постройки — сырец 29×29×6 см. Перекрытия сводчатые и купольные: глубокие ниши входов и те, что лежат на осях главного зала, коридоры и длинные в плане комнаты перекрыты сводами «отрезками»; квадратный вестибюль перекрыт сводами балхи; центральный зал — куполом на тромпах; комната второго этажа юго-западного угла перекрыта куполом на перспективных парусах в виде трех сокращающихся нишек, одна из которых имеет уступчатую форму. Важно подчеркнуть применение в этом доме трех типов арок: стрельчатого начертания, полого-коробового и настенных уступчатых арочек, выведенных последовательным напуском и смыканием горизонтальных рядов кирпича.

---

[1] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 54—58; его же. Архитектура древнего Мерва, стр. 96 и 98.

Кладка стен — с наклоном граней. Архитектурное решение всех фасадов однотипно. Оформлением входов служит прямоугольная рама, в которую вписана стрельчатая арка, в нее же вписана вторая стрельчатая же арка; заключающая полого-коробовую арку прохода. Линия раздела этажей четко отчленена несколько выступающим пояском жженого кирпича. Второй этаж оформлен пятью прямоугольными нишками, которые разделены неширокими лопатками. Самая обширная из них — центральная; в нее вписана стрельчатая арочка, заключающая обширное окно с полого-коробовым очертанием кривой. Смежные ниши — меньшего пролета, и в них вписаны арочки уступчатого очерка. Крайние нишки — самые узкие; в них также вписаны уступчатые арочки, едва достигающие по высоте середины ниш. В первом и втором этажах асимметрично размещены узкие щелевидные оконца (или вентиляционные продухи?). Венчанием стен служил скорее всего тот тип карниза, который был отмечен нами на стенах XI в. Султан-калы: два ряда жженого кирпича, вынос которых от сырцовой стены осуществлен диагональной кладкой кирпича. На основе уточненных обмеров нами дана реконструкция фасадной схемы[1].

Дом к западу от Султан-калы. *а*—план I этажа, *б* — план II этажа

Что касается датировки мервского дома, то она, безусловно, относится к XI—XII вв. Формат кирпича, приемы выкладки сводов (стрельчатых и балхи), характерные для этого времени уступчатые и отлого-коробовые арки, перспективные паруса и, наконец, общий композиционный принцип — все безусловно сближает эту постройку с большой группой сырцовых и общественных сооружений сельджукидского Мерва.

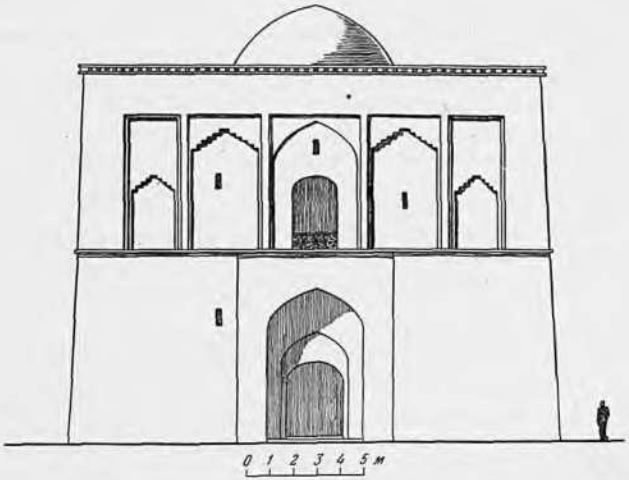
Яккипер

На поселении у Чиркоу-тепе к северу от Мерва высятся развалины загородного дома XI—XII вв., именуемого Яккипер. Материал его стен и перекрытий—сырец 29×29×5 см. Здание двухэтажное, квадратное в плане (16,20×16,20 м); оно ориентировано по странам света; на осях его лежат четыре входа. Планировка дома восстанавливается

[1] На реконструкции, предложенной В. И. Пилявским, неверно показаны высота здания (чрезмерно завышенная), распределение окон (данных в строго симметричной схеме, чего нет в натуре), начертание кривых дверного и оконного проемов (полуциркульные, в то время как они в натуре полого-коробовые) и особенно — архитектурное оформление второго этажа, где В. И. Пилявский изобразил пять однопролетных стрельчатых ниш в прямоугольных обрамлениях, что не соответствует действительности. Нельзя согласиться с изображенной им венчающей частью, которая заимствована с некоторыми видоизменениями с кёшка на Аниковском блюде, передающего облик феодального средneазиатского замка совсем иной культурно-исторической эпохи (VI—VII вв.).

Дом к западу от Султан-калы.

Дом к западу от Султан-калы. Реконструкция фасада.

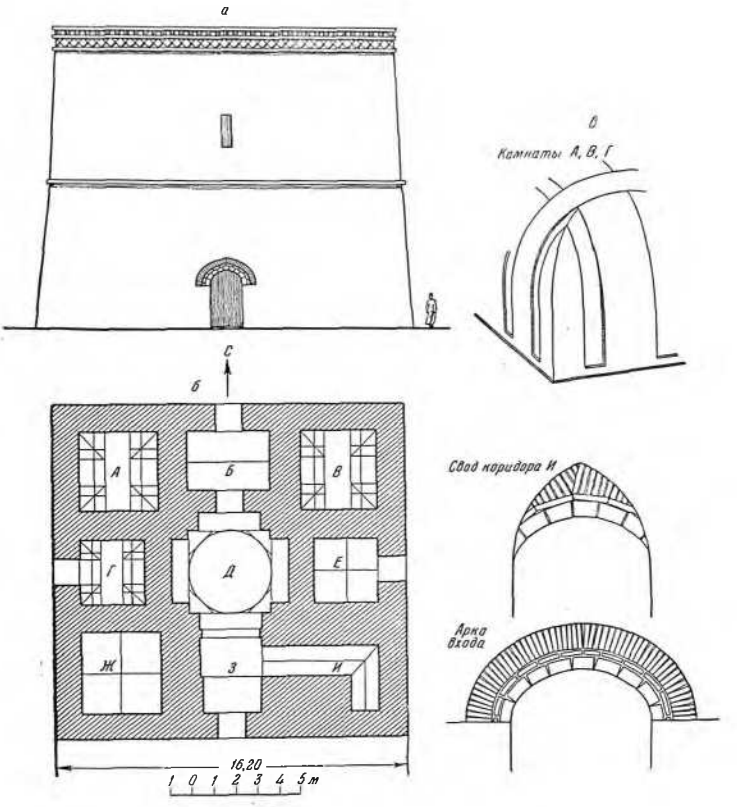
Яккипер

для первого этажа; судя по некоторым сохранившимся участкам, во втором этаже она была аналогичной.

Северный вход ведет в прямоугольное помещение, южный — в обширную сводчатую комнату, открытую в центральный зал. Последний квадратен в плане, имеет неглубокие нишки на осях и возвышается на высоту двух этажей. В западной половине расположено три квадратных комнаты; планировка восточной половины аналогична, но в юго-восточном углу устроен коленчатый коридор, ведущий к лестнице с забежными ступенями.

Типы сырцовых перекрытий здесь весьма характерны для мервской архитектуры XI—XII вв. Помещения, обозначенные нами на плане буквами *Б*, *З*, *И*, перекрыты стрельчатыми сводами «отрезками», квадрат центрального зала перекрыт куполом на тромпах (ныне разрушен), комнаты *Е* и *Ж* — сводами балхи. Чрезвычайно оригинальна конструкция перекрытий в комнатах *А*, *Б*, *Г*. Здесь налицо пересечение четырех взаимно-перпендикулярных подпружных арок и заключенных между ними отрезков коробовых сводов. Система близка к типу так называемых «монастырских сводов». Аналогию им дает пока лишь единственный памятник—Рабати-Шереф в Южном Хорасане (1114—1115 гг.), где, однако, своды сложены из жженого кирпича[1]. Высокие

[1] A. Godard. Khorasan. — AI, t. IV, fasc. I, Paris, 1949, стр. 32, фиг. 21—23.

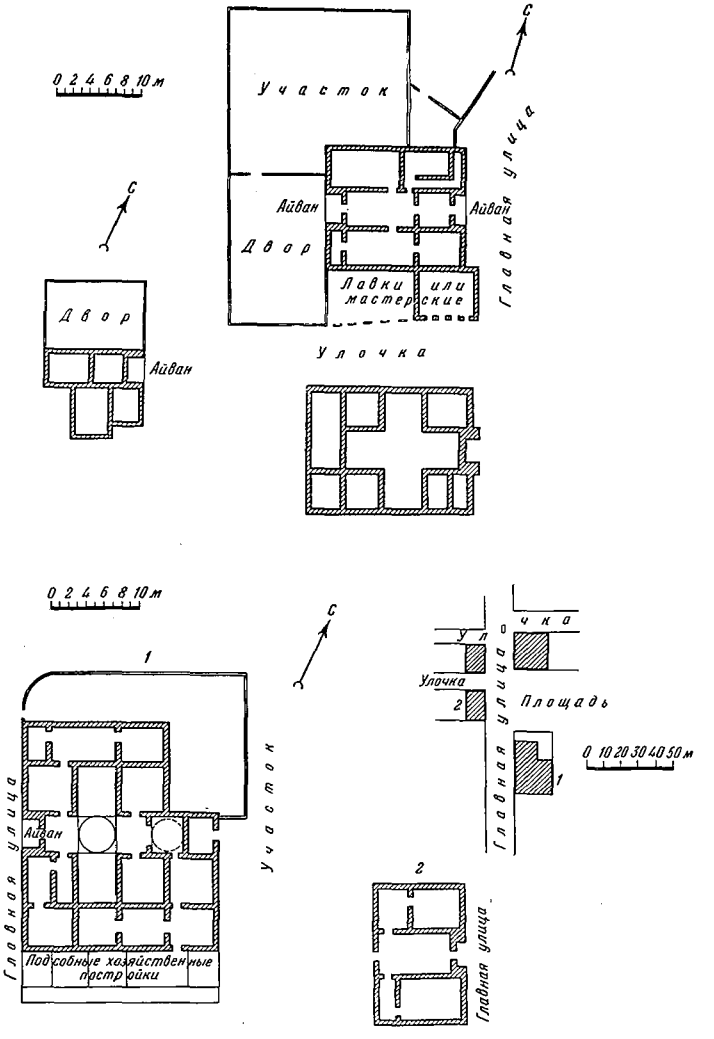

Яккипер.

а—реконструкция фасада; *б*—план I этажа; *в*—арки и своды.

технические качества такого перекрытия подтверждаются тем, что в комнате *Г* описываемого нами дома оно отлично сохранилось доныне, а в двух других полуразрушено лишь потому, что обрушены сами стены. Мы полагаем, что применению этих монастырских сводов в жженом кирпиче предшествовала конструкция, разработанная в сырце.

Общая композиция дома являет собой род усеченной пирамиды. Фасады совершенно гладки, лишь линия раздела первого и второго этажей подчеркнута пояском

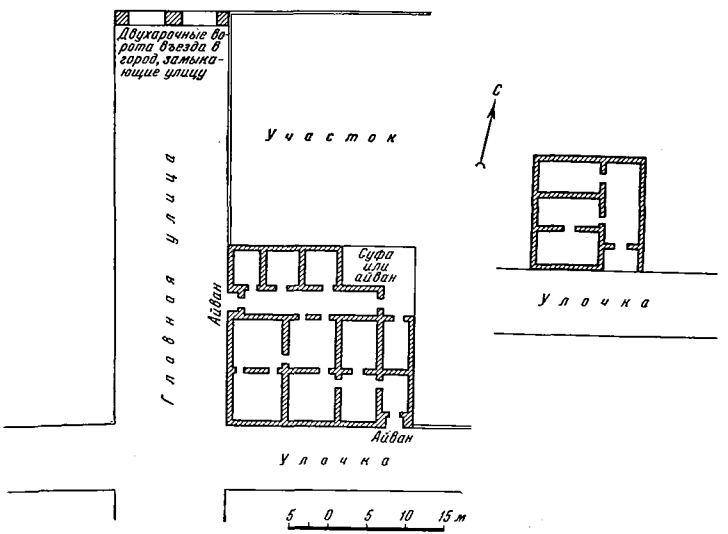
Яз-тепе. Планы домов XI—XII вв.

из трех рядов жженого кирпича размером 25,5×25,5×5 см. Большое количество такого же кирпича, лежащего вокруг дома, позволяет предположить, что он был использован для завершения фриза и карниза как декоративный элемент, что нами и отображено на чертеже реконструкции фасада. Южный фасад оживляли лишь арка входа в первом этаже и узкое оконце во втором. Начертание арки полого-коробовое; кладка осуществлена в три ряда: первый — отрезками полукирпичей, второй — кирпичом плашмя, третий — радиальной кладкой.

В рассматриваемом здании развита в несколько ином варианте та же композиционная идея, что и в двух описанных выше пригородных мервских жилых домах.

Другие жилые дома Мерва и Мервского оазиса

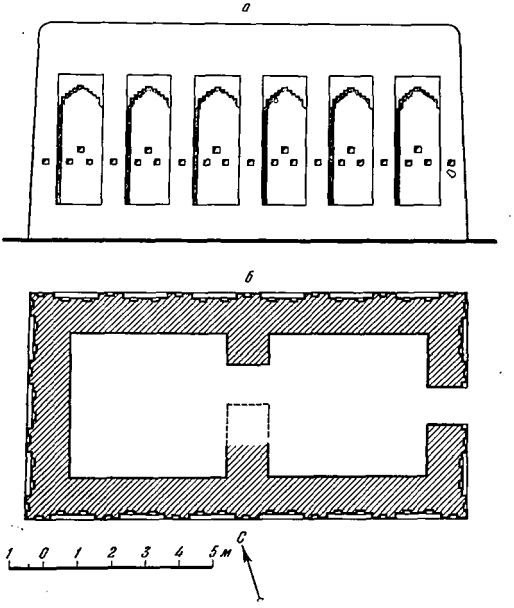
Мерв в XI—XII вв. служил резиденцией сельджукских султанов. Это огромный город, в котором были сконцентрированы материальные богатства и лучшие культурные силы Хорасана. В этой связи может быть поставлен вопрос: если его жилые дома, рассмотренные выше, характеризуют «столичное» строительство, то были ли они такими же в эту

Яз-тепе. Планы домов XI—XII вв.

эпоху в малых городках. Исследование домов на городищах Мервского оазиса позволяет дать утвердительный ответ: разница лишь в масштабах, но не в общих принципах.

На городище Яз-тепе, полузанесенном песками, четко видны гребни стен жилых домов, позволившие полностью заснять планировку многих из них. Дома здесь тянутся вдоль главной магистрали; фасады их строго выдерживают «красную линию» улицы. Дома теснятся плотно один к другому, их разделяет лишь небольшое пространство въезда во двор, а при наличии поперечных улочек со стороны последних осуществляется и въезд. Позади дома располагается приусадебный участок, обширный или малый, в зависимости от имущественного положения хозяина.

Мерв. Сырцовый домик в Султан-кале.
а—фасад; *б*—план.

Материалом построек служит сырец на глиняном растворе. Перекрытия были преимущественно сводчатыми и купольными. Отличие дома состоятельного владельца от небогатого выражено в основном размерами, числом комнат и пр. Стандартных решений планов нет, но принцип композиции примерно един: он характеризуется наличием центральной прямоугольной или крестообразной михман-ханы, связующей все остальные комнаты. Контуры дома прямоугольны. Вход выражен по главному фасаду нишей-айваном. Маленькие дома содержат 3—4 комнаты, большие — до 16, а если предположить в них наличие второго этажа, то и до 30. К капитальным стенам основного объема дома нередко примыкают тонкие глинобитные стенки каких-то помещений, видимо подсобно-хозяйственного назначения, а может быть мастерских и лавок.

Руины жилых домов рядовых горожан XI—XII вв. сохранились также на городище ал-Аскер. Характерным является дом, квадратный в плане (13×13 м), на главной оси которого расположены глубокий сводчатый входной айван и купольная михман-хана. По обе стороны находятся по три сводчатых комнатки, над которыми, видимо, были расположены помещения второго этажа, поскольку в одном из углов помещена лестничная клетка. Архитектурную композицию этого дома определял кубо-

образный объем увенчанной куполом михман-ханы. Стены гладкие, лишь одна из них на главном фасаде оживлена входной аркой.

Составить суждение о внешнем облике небольших рядовых городских домов этой эпохи позволяет жилой домик из Султан-калы, сохранивший по двум фасадам почти первоначальную высоту своих стен (по 4,50 м). Он сложен из сырца (27—28×6—7 см) и оштукатурен глиной. Перекрытие было плоским балочным. Дом прямоугольный (12,40× ×6,10 м) и состоит из двух почти квадратных комнаток. Вход располагался на торцовом фасаде. Стены оформлены снаружи неглубокими нишками: по шести на длинных, по три на коротких фасадах. Нишки вписаны в прямоугольную раму и имеют уступчатое завершение, образованное напуском кирпичей. Примерно на середине высоты ниш расположено по три глубоких квадратных гнезда и по одному — в простенках. Архитектонический принцип прост и оригинален. Уступчатые арочки, очень типичные для мервской сырцовой архитектуры, квадратные гнезда с глубокими тенями в них, чрезвычайно оживляющие гладь стены, — все это придает фасадам архитектурно-организованный характер. Не исключена возможность, что к дому примыкал колонный айван, но и без него оформление стены имеет вполне законченный вид.

Небольшим жилым домам Мервского оазиса присущи те же принципы планировки, конструктивные методы и архитектурно-декоративные приемы, что и крупным домам богатых горожан. Создателями жилья в средневековых городах и поселениях Хорасана были одни и те же народные строители, члены цеха «меморов», следовавшие в своем творчестве единой архитектурной традиции.

Архитектура общественных зданий

Гофрированный дом в Шахрияр-арке

Монументальная гофрированная постройка, сохранившаяся почти в центре Шахрияр-арка, цитадели сельджукидского Мерва, впервые опубликована проф. В. А. Жуковским, давшим ее беглое описание, но отказавшимся от определения ее былого назначения[1]. Историко-архитектурное обследование и обмеры здания были осуществлены в 1937 г. В. И. Пилявским, выдвинувшим мысль, что оно являло собой либо книгохранилище одной из мервских библиотек, либо парадное помещение дворца правителя Мерва[2].

Здание имеет прямоугольный план (22×8 м) и заключает в себе единственный длинный зал (18×4 м). Вопреки утверждению исследователей о наличии двух этажей, здание имело лишь один высокий этаж. Глина рухнувшего сводчатого перекрытия забила его в настоящее время на высоту до 3,50 м от уровня пола.

Материал постройки — обычный для XI—XII вв. сырец размером 29×29×6 см. Перекрытие было сводчатым, причем пространство зала подразделялось на три отсека подпружными арками, покоившимися на пилястрах.

Снаружи дом оформлен в традициях гофрированных кёшков: нижней частью служит высокая гладкая платформа, на которой зиждятся гофры. Число их равно 15 на

---

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 119—120, рис. 3.

[2] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 48—50; его же. Архитектура древнего Мерва, стр. 101—102.

Административное здание в Шахрияр-арке Мерва.

длинных фасадах, 6 — на коротких. Гофры полуцилиндричны, но имеют на оси как бы плоскую вертикальную грань, или лопатку. Они завершались поверху перспективными арочками, в уровне пят которых проложен пояс жженого кирпича.

Стены интерьера оформлены до уровня сводов бесчисленными квадратными гнездами, образованными выкладкой в шахматном порядке трех рядов кирпича. Размеры этих ячеек 20×20 см при глубине до 25 см. С. П. Толстов трактует такого рода ячейки в хорезмских средневековых каптар-хана как «гипертрофированно-декоративное развитие обычных нишек любого средневекового и современного среднеазиатского дома, служащих в качестве полок для хранения разнообразного бытового инвентаря — посуды, одежды, постелей, книг и т. д.»[1]. В. И. Пилявский, соглашаясь с этой точкой зрения, полагает, что в мервской постройке эти гнезда служили для хранения в них «свитков рукописей или книг, имевших на Востоке обычно небольшие размеры»[2], и что самое здание являло собой одну из мервских библиотек.

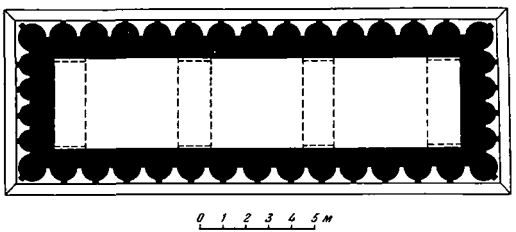
Оставляя в стороне вопрос о хорезмских каптар-хана[3], отметим одно принципиаль-

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 162; ср. также В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 89—90.

[2] В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 102.

[3] Каптар-ханы хорезмских усадеб XI—XII вв., по нашему мнению, являли собой то же, что позднетуркменские «динги» (см. стр. 450, 455): в неспокойные дни они служили оборонными башнями, в обычное же время использовались в качестве подсобнохозяйственных помещений — для сушки фруктов, склада фуража и пр.; пережиточно-декоративным элементом их оборонной функции являются гофры, которые нередко украшают поверхности стен этих каптар-хана.

ное наблюдение в отношении архитектуры дома из Шахрияр-арка. Осмотр ячеек, оформляющих стены его интерьера, показал, что они выполнены из иного кирпича, чем стены и перекрытия самого здания; размер его равен 25—26 см в стороне на 6 см толщины. Этот стандарт сырца типичен для мервских построек XV в., но не для XI—XII вв. К тому же и вся «шахматная» кладка из него приморожена к основным стенам на глиняном растворе, но не имеет с ними перевязки швов. Все это указывает на разновременность возведения дома и его квадратных нишек. Последние никак не могли служить нишами для книг. В. И. Пилявский абсолютно неправ, утверждая,

Дом в Шахрияр-арке. План.

будто восточные манускрипты обычно были невелики, — размеры их чаще всего приближаются к европейскому in-quarto и даже к in-folio; маленькие томики типичны лишь для особо изысканных экземпляров антологий, коранов и пр. Рукописи обычно хранились в особых кожаных или матерчатых футлярах. Представление о внешнем облике восточного книгохранилища XII в. можно составить на основании миниатюры из списка «Макам» Харири Института востоковедения Академии наук СССР. Стены библиотеки или, может быть, высокие полки ее имели особые довольно крупные ниши, в которых стопками лежало по две-три книги[1].

Оформление стен дома из Шахрияр-арка ячейками связано, по мнению М. Е. Массона, со вторичным использованием его в XV в. в качестве затененной сушилки для дынь; в нишки эти вставлялись жерди, на которых развешивались ломти дынь, подобно тому как это практикуется до последнего времени в Средней Азии.

Что же представлял собой изначально этот гофрированный дом? Местоположение его в центре крепостного ядра средневекового Мерва неподалеку от дворца правителя, монументальные масштабы, наличие единственного продолговатого высокого зала — все это указывает на его небытовой характер, на какое-то важное общественное назначение. По-видимому, дом этот являл собой здание правительственно-административного назначения, скорее всего «диван»—зал государственного совета, где обсуждались важные вопросы политического, юридического и административного характера. В его внешней архитектуре были сохранены пережиточно-декоративные формы старин-

[1] И. Ю. Крачковский. Арабские географы и путешественники.— «Изв. РГО», 1937, № 5, стр. 754—755.

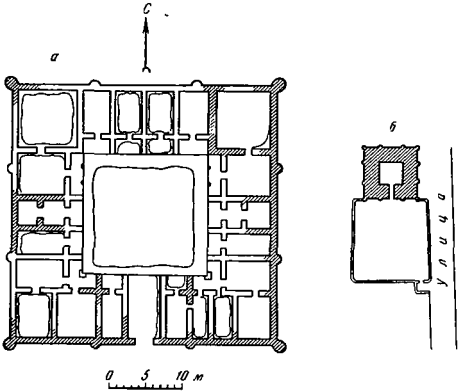

«Макамы» Харири, XII в. Миниатюра с изображением библиотеки.

ных суровых замков, в частности гофры, которым, однако, была придана своеобразная конфигурация, необычайная для построек предшествующих веков.

Рабат в Дахистане

Развалины крупного караван-сарая лежат в пригородной части средневекового Дахистана[1]. Цоколи его выведены из жженого кирпича (в целях предохранения стен от разъедающих почвенных солей), все остальные конструкции (стены, своды, купола)—из сырца. Рабат состоит из обширного двора для вьючного скота и крупного здания гостиницы. Последнее почти квадратно (37×36 м) и окружено стенами, которые оформлены угловыми и промежуточными округлыми башнями. Посередине расположен квадратный двор (11,40×11,40 м), обведенный жилыми худжрами и помещениями общественного и хозяйственного назначения.

Караван-сарай в Дахистане.

а — план караван-сарая; *б* — генеральный план (караван-сарай, скотный двор, улица).

В конструктивном и планировочном отношении почти тожественен дахистанскому рабату караван-сарай Рабати-Зафарани на пути из Нишапура в Себзевар[2], датировку которого по сохранившимся в нишах двора куфическим надписям на основании анализа почерка и титулатуры Н. Ханыков относил к эпохе Мелик-шаха (конец XI в.). Той же эпохой, судя по археологическим и стилистическим данным, следует датировать и дахистанский рабат.

Тип подобных караван-сараев был весьма характерен для хорасанского строительства XI—XII вв.: к Рабати-Зафарани и дахистанскому рабату близок, например, в планировочном отношении рабат Ануширвана сельджукидской эпохи в Ахуане (к востоку от Семнана)[3] и особенно караван-сарай в Пасангане[4].

Караван-сараи на городище Ахча-кала и к северо-западу от Сули-тепе

Вдоль старинного большого пути, который вел из Мерва в северном направлении, разветвляясь здесь на две пролегавшие через пустыню большие транзитные магистрали, шедшие одна на Хорезм, другая в сторону Бухары, рассеяны руины многих сред-

[1] См. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 225.

[2] Рабати-Зафарани впервые описан Н. Ханыковым; см. его «Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale». Paris, 1881, стр. 81. План и описание здания см. E. Herzfeld. Damascus: Studien in Architecture, II.—«Ars Islamica», vol. X, 1943, стр. 22—24.

[3] E. Herzfeld. Damascus, стр. 25—28, фиг. 43.

[4] A. U. Pope. Bridges, Fortifications and Caravan-serails.—SPA, II, стр. 1251.

невековых городков и селений. Среди развалин двух таких городищ — Ахча-кала и другом, безымянном, лежащем в 2 км к северо-западу от Сули-тепе, высятся остатки двух крупных караван-сараев (обследованы нами в 1951 г.). Оба сохранили свои мощные стены, но в обоих внутридворовая застройка разрушена и оплыла настолько, что восстановить былую планировку возможно будет лишь при производстве больших раскопок. Они однородны по типу, различаясь лишь в общих размерах и некоторых деталях. Оба караван-сарая датируются, судя по археологическим данным, XI—XII вв.

Развалины караван-сарая близ Сули-тепе.

Караван-сарай в Ахча-кала прямоуголен в плане (62×55 м). Стены глухие, сложены из пахсы, высота рядов которой равна 93 см. Кладка идет с сужением вверх; толщина стен на высоте до 3 м от поверхности равна 1,50 м; в основании она, очевидно, достигала 2,50 м. Главный фасад расположен на короткой северо-западной стороне. В центре его находится мощная полувосьмигранная башня. Она сложена из сырца размером 31×31×6,5 см; местами видны прокладки из жженого кирпича того же формата. В башне имеется вход в небольшое прямоугольное помещение, некогда перекрытое куполом на тромпах. Из этого привратного помещения проезд вел в обширный двор, по периметру которого располагалась застройка.

Караван-сарай на городище к северо-западу от Сули-тепе несколько меньших размеров, чем в Ахча-кала, — 52×30 м. Стены также выведены из пахсы, высота рядов которой равна 90 см; толщина их у основания достигает 2,50 м; кладка идет с откосом граней. Главный фасад обращен на юго-запад и также имеет мощную предвратную башню, но не восьмигранной, а полукруглой формы. Внешний диаметр ее равен 7 м. Сложена башня из сырца 27×27×6,5 см; цокольная часть на высоту до 1,50 м облицована жженым кирпичом размером 27—28×5—5,5 см, положенным на глиняном растворе. Вход облицован также жженым кирпичом; его высокая арка пролетом 1,85 м охвачена прямоугольный рамой. Башня содержит в себе квадратную комнатку

Караван-сарай близ Сули-тепе. Предвратная башня.

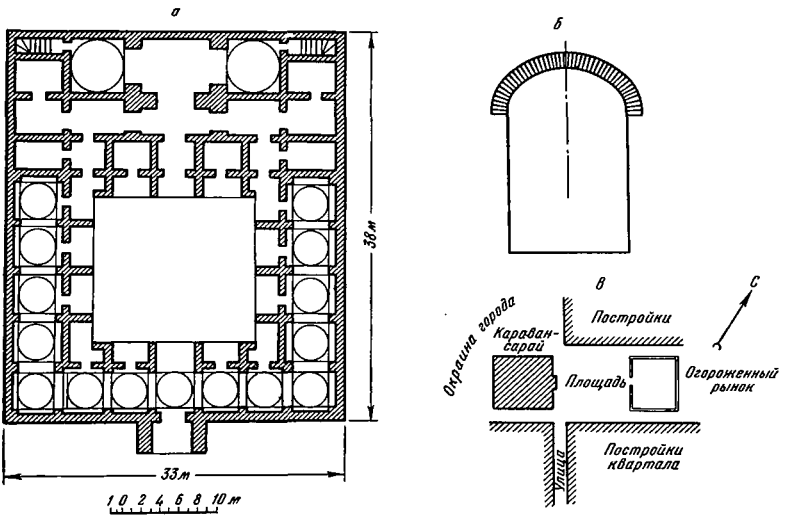
(2,75×2,75 м), перекрытую сводом «отрезками». Судя по высоте башни, несомненно, что и во втором этаже также располагалось помещение, служившее дозорной комнаткой стражи. Внутри караван-сарая — удлиненный прямоугольный двор, обстроенный по периметру помещениями. В некоторых участках оплыва этой застройки видны рухнувшие сырцовые своды «отрезками»; из направления кладок видно, что худжры для жилья и стойла располагались перпендикулярно к стенам.

В обоих рассмотренных караван-сараях чрезвычайно сильно выражено их оборонное назначение. Глухие массивы высоких (до 15 м) пахсовых стен и мощная башня привратного сооружения придают им вид величавой неприступности. К этому направлены и декоративные приемы: в верхней части караван-сарая у Сули-тепе сохранились продолговатые бойницы; они расположены на расстоянии 1,50 м друг от друга и имеют уступчатое завершение вверху и косую грань внизу; выше, вероятно, располагались зубцы. Между тем доступа к этим бойницам изнутри не было — назначение их декоративное.

Типологически оба здания — в Ахча-кала и к северо-западу от Сули-тепе — дают совершенно своеобразный и еще не описанный в литературе тип придорожного хорошо укрепленного караван-сарая XI—XII вв., видимо специфический именно для севернохорасанского строительства. Планировочные и композиционные принципы резко отличают их и от «дахистанского» варианта (описанный выше рабат Дахистана) и от «мавераннахрского» (Рабати-Малик близ Кермине).

Караван-сарай на городище ал-Аскер

Городище ал-Аскер лежит на расстоянии 3 км от средневекового Кушмейхана. Городок этот возник в X—XI вв., а в XIII в. жизнь, по-видимому, в нем прекратилась. В основном ал-Аскер был связан с торговлей; в нем почти нет остатков ремесленных производств, зато сохранились рыночные площади и руины больших огороженных «ханов» (складочных мест) и караван-сараев. Постройки разрушены, сильно оплыли и полузанесены песками.

Караван-сарай на городище ал-Аскер.

а—реконструкция плана; *б*—арка въезда; *в*—генеральный план участка.

Остатки одного из таких караван-сараев обследованы нами в 1951 г. Он стоит на окраине города, но в черте довольно плотной городской застройки, и обращен главным фасадом на большую площадь (см. стр. 200).

Планировка караван-сарая реконструируется по руинам. Здание прямоугольно в плане (33×38 м). Вход выделен выступающим объемом небольшого пештака с обширной аркой въезда. Сооружение делится на две взаимосвязанные планировочные группы. Первую составляет двор, обведенный по периметру стен анфиладой купольных галерей, обращенных во двор арочными нишками; эта группа предназначена была для распаковывания грузов и для размещения вьюков и скота. Вторая, примыкающая к ней с юго-западной стороны, заключает комплекс отдельных или взаимосвязанных худжр; на главной оси лежит открытое проходами в смежные комнаты помещение

Ворота караван-сарая на городище ал-Аскер.

общего пользования. В южном и западном углах этой группы встроены лесенки, ведущие на крышу, а возможно и во второй этаж жилых худжр.

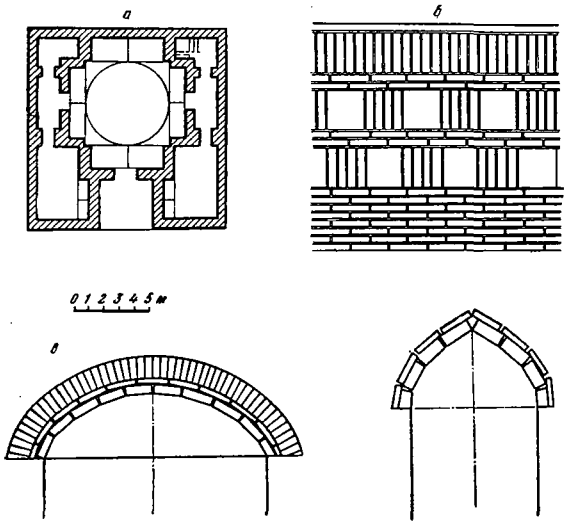
Материал постройки — квадратный сырец размером 26—27×4,5 см. Перекрытия почти исключительно сводчатые. Арка главного въезда имеет начертание коробовой кривой; арки, сохранившиеся в жилой группе, стрельчатые. Помещения квадратного плана, видимо, были перекрыты куполами.

Никаких элементов архитектурного декора не сохранилось. Простота отделки, исчерпывающейся глиняной штукатуркой стен, вполне отвечает служебному назначению караван-сарая, в котором главную задачу архитектора составляла рациональная организация плана. Прямых параллелей в близких по времени караван-сараях Средней Азии и Ирана караван-сарай ал-Аскера не имеет. Между тем важно отметить, что четко выраженный в нем прием анфиладного размещения стойл вокруг двора, оформленного по периметру арочными нишами, при выделении в торцовой части его группы жилых помещений, прочно войдет в более позднюю практику среднеазиатского строительства. Примеры тому дает придорожный рабат Абдулла-хана Караул-базар на пути из Карши в Бухару (XVI в.)[1], а также план типового караван-сарая из комплекта чертежей бухарского мастера, хранящегося в Институте востоковедения Академии наук УзССР[2].

[1] И. Кастанье. Археологические разведки в Бухарских владениях. — ПТКЛА, т. XXI. Ташкент, 1917, стр. 31—32.

[2] Чертеж опубликован в статье: Н. Б. Баклановв. Архитектурные чертежи бухарского мастера XVI века. — «Сообщения Института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 4. М., 1944, рис. 3 и 11, стр. 14—15. Автор ошибается, полагая, что на чер-

План другого, еще более крупного караван-сарая в ал-Аскере читается лишь в общих контурах. Помещения его группируются вокруг квадратного двора. Постройка сырцовая и сохранила ряд интересных конструктивных деталей. В числе их — арки

Городище ал-Аскер. План жилого дома XI—XII вв. и конструктивные детали караван-сарая.

а—план жилого дома; *б*—сырцовая кладка стен; *в*—кладка арки; *г*—арочка прохода.

отлого-коробового и стрельчатого очертания. Особо любопытна кладка стены из сырца, положенного то горизонтальными рядами, то вертикально—тычком, то вертикально — плашмя. Прием этот аналогичен кладкам из Дома правителя в Шахрияр-арке Мерва и дает выразительный образец использования фактуры сырцового кирпича.

Караван-сарай Акча-кала

К западу от железнодорожной станции Уч-аджи на средневековом пути из Мерва в Амуль (Чарджоу), ныне поглощенном песками Кара-Кумов, высятся руины одиночных караван-сараев и рабатов, функционировавших в X—XII вв. [1] К числу наиболее крупных и лучше других сохранившихся относится караван-сарай Акча-кала.

теже представлено здание базара типа гостиного двора (стр. 14). Это, безусловно, караван-сарай; план его почти тожествен рабату Караул-базар; вместе с тем для базарного сооружения в нем не типично наличие большого двора.

[1] Обследование руин впервые было осуществлено нами совместно с М. Е. Массоном осенью 1952 г.

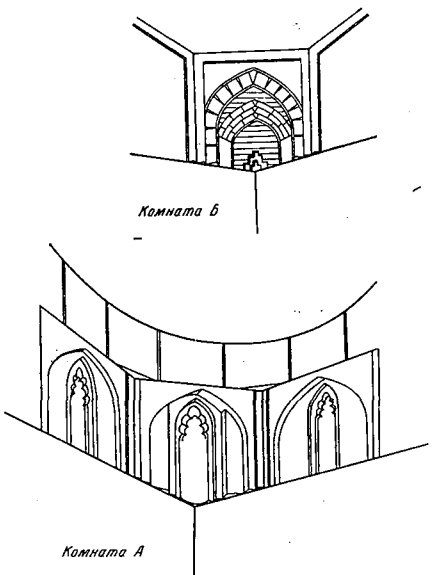

Акча-кала. Главный фасад.

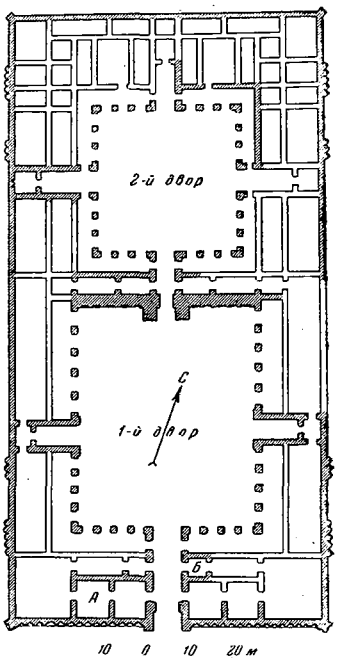
Внешние стены его сложены из пахсы. Цокольная часть их (до 2,50 м) выведена рядами пахсы высотой 30—35 см; верхние участки, частично оформленные гофрами, также из пахсы при высоте блоков 80 см. Стены дворовых строений, арки, своды и купола сложены из сырцового кирпича размером 31—32 см в стороне на 7—8 см толщины, на глиняном растворе. Импостный ряд одного из айванов выведен жженым кирпичом (размеры 28×28×5 см). Местами в толще стен отмечены гнезда деревянных связей; кое-где видны торцы самих балочек. Подавляющая часть перекрытий сводчатая. Своды выложены наклонными или прямыми «отрезками»; пролеты их достигают 6,50 м. Широко используются купола на тромпах, форма которых имеет несколько вариантов.

Глухие монолитные стены огораживают прямоугольное пространство размерами 150×80 м. Вход выделен монументальным пештаком, через который посетитель попадает в длинный сводчатый айван и отсюда в обширный второй двор. На осях двора расположены глубокие сводчатые айваны (боковые несколько сбиты относительно поперечной оси). Примыкающая к главному фасаду часть содержит группу прямоугольных и квадратных комнат, больших и малых, предназначенных, видимо, для особо почетных гостей. Сохранилось парадное оформление одной из этих комнат. Пролет ее 9,40 м. Перекрытие купольное. Переход от квадрата основания осуществлен системой тромпов. Угловая часть каждого тромпа заключает стрельчатую арочку с вписанной в нее нишей-конхой, имеющей пятилопастное ракушеобразное оформление. Такие ракушеобразные нишки имеются и на осях самих стен. Принцип построения тромпа как бы предвосхищает в сырце усовершенствованный тромп мавзолея султана Санджара. Что касается ракушеобразных ниш, то и для них аналогии дают южнотуркменистан-

ские памятники XI—XII вв.: мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда, мавзолей Ярты-гумбез в Серахсе и караван-сарай в Башане (XI в.). Самый мотив фестончатой арки имеет местный средневековый генезис и восходит еще к михрабу Шир-Кабира.

Караван-сарай Акча-кала. Детали перекрытий.

Караван-сарай Акча-кала. План.

Первый двор прямоугольный (размеры 50×42 м). Он обведен двумя рядами галерей, открытых во двор (кроме северного дворового фасада) стрельчатыми арками, основанными на квадратных столбах. Перекрытия были, видимо, купольными. Галереи эти предназначались, очевидно, для скота, для сгруженных вьюков и для фуража. Северный фаад двора оформлен по-особому, чем подчеркивается, что за ним расположены «чистый» двор и основная группа жилых помещений. В центре фасада находится обширный, значительно выступающий вперед айван со стрельчатой нишей, в щипце которой была обширная арка прохода. Устои оформлены узкими, тянутыми нишками с пятилопастным завершением. Боковые участки стен фасада оформлены настенными

Караван-сарай Акча-кала. Руины первого двора.

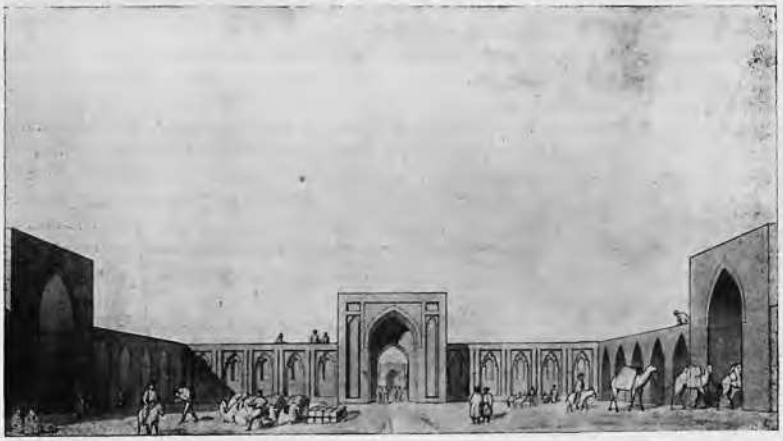
семилопастными арочками в прямоугольном обрамлении. Мотив фестончатой арки, таким образом, в этом здании употреблен как в интерьерах, так и в архитектуре внешних стен.

Второй, «жилой» двор квадратен (30×30 м); на осях его расположены глубокие сводчатые айваны, позади которых лежит по комнатке. Юго-западный айван и расположенная за ним комнатка с фигурной нишкой на юго-западной стене служили, видимо, мечетью. По контуру двора шли галереи, открытые арками во двор. За ними группа разнообразных комнат-худжр, план которых в настоящее время едва угадывается по оплывам гребней стен.

Глубокие своды возвышенных айванов и ажурные арки галерей определяли собой пространственную организацию в композиции обоих дворов караван-сарая. И как бы в контрасте с этими арочными системами предстает наружная архитектура здания.

Главный фасад, ориентированный на юго-юго-запад, имеет в центре мощный, слегка выдвинутый вперед, возвышенный относительно стен пештак со стрельчатой нишей, с гладкими массивами устоев. Стены фасада оформлены крупными гофрами, по 14 целых и две половинных с каждой стороны. Гофры несколько необычной формы: два округлых четвертных столба разделены лопаткой со щелью-швом посередине. Подобный тип гофр, но сложенных не из пахсы, а из сырца, и с одиночной, а не двойной лопаткой известен лишь по описанному выше дому XI—XII вв. в Шахрияр-арке Мерва.

Углы караван-сарая закреплены башнями. В плане они почти квадратны, но расположены диагонально к углу и оформлены такими же гофрами, как на фасаде.

Караван-сарай Акча-кала. Первый двор. Реконструкция.

Боковые стены фасада также оформлены гофрами. Однако форма их полукруглая; они не утоплены в стене, но выступают из нее и покрывают поверхность стены не сплошь, а через гладкие интервалы — по 3—5 штук. Судить об оформлении заднего фасада не представляется возможным.

В планировочном отношении караван-сарай Акча-кала чрезвычайно оригинален. Он иллюстрирует ярко выраженный местный тип плана этого обычного на средневековом Востоке рода общественного сооружения. Подобной ему планировки нет ни в ближневосточном строительстве, ни в Мавераннахре. Между тем в Хорасане этот тип имел, видимо, значительное распространение. Совершенно аналогичный Акча-кале караван-сарай XI в. расположен на том же старинном пути из Мерва в Амуль, в 3,5 км от средневековой «станции» Мансаф, где сохранились руины более старого караван-сарая IX—X вв. с гофрированной обработкой стен (см. стр. 165). Новый караван-сарай возникает поблизости в XI в., вероятно, в силу того, что старый, который все еще функционировал, уже не вмещал потока пришлых караванов; новый же был значительно крупнее по размерам (почти вдвое). Этот караван-сарай XII в. возведен, по-видимому, из худшей по качеству глины, а потому сильно оплыл; планировка его помещений почти не читается. Однако четко видно, что общие габариты прямоугольны (120×60 м), что имеется два двора, обведенных строениями, и что углы были фланкированы башнями, а на оси двора лежали глубокие сводчатые айваны.

В своих архитектурных принципах Акча-кала и этот караван-сарай развивают методы оформления и планировки, определившиеся в Насраке, но в несравненно более значительных масштабах, с «удвоением» дворов, в которых происходит некоторое

перераспределение функций. Во внешней своей архитектуре они предвещают формы Рабати-Малика («Царского рабата») близ Кермине[1].

Время сооружения Акча-кала, судя по археологическим данным, восходит к XI в., скорее всего ко второй его половине. Если учесть, что считавшаяся ранее твердо установленной датировка Рабати-Малика 1078—1079 гг. в действительности к этому памятнику отношения не имеет[2], то именно Акча-кала должна послужить тем объектом, сопоставление с которым позволит подойти к решению вопроса о времени сооружения Рабати-Малика. Акча-кала принадлежит к числу тех зданий севернохорасанского монументального зодчества, которые еще в XI в. сохраняют гофры как метод архитектурного оформления поверхности стен. В здании полуоборонного характера, каковым является придорожный караван-сарай, сохранение гофр как формы, некогда порожденной крепостной архитектурой, вполне уместно. Гофры еще употребляются в ту же эпоху и в оформлении укрепленных усадеб Хорезма (например, в ныне мертвом оазисе Кават-калы)[3]. Мы полагаем, что именно хорасанская традиция оказывает влияние на формы некоторых караван-сараев ближневосточного строительства. Так, оформление главного фасада каменного караван-сарая Султан-хан близ Конии (1229 г.)[4] дает схему, аналогичную Акча-кале: выступающий объем пештака, гофры в обработке стен и угловые граненые башни.

Вместе с тем именно мервская группа сырцовых караван-сараев объясняет появление Рабати-Шерефа[5], лежащего близ Шурлага, между Серахсом и Мешхедом, на одном из главных путей, ведших из Нишапура в Мерв. Рабати-Шереф воздвигнут был в 1114/15 г. по распоряжению Шереф ад-дина Абу-Тахира ибн-С'ада, который в течение долгого времени был губернатором области Мерв. Рабат имеет два четырехайванных двора; первый двор окружают постройки хозяйственного назначения, второй—галереи и жилые худжры. В одной из надписей сохранилось имя мастера Абд ал-Хусейна (ниспа, к сожалению, сбита), в другой — имя каллиграфа, составлявшего надписи,— Али-Бади Абд ал-Мансур Асад ибн-Мухаммед Таифи из Серахса. В планировочном и общем композиционном решении Рабати-Шереф близок к Акча-кале, а его формы, конструктивные и декоративные детали находят ближайшие параллели именно в мервской и серахской группах сооружений.

Близость архитектуры Рабати-Шерефа и таких сооружений, как Акча-кала, мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда, мавзолей Ярты-гумбез (о которых см. ниже) и другие, мы объясняем не просто участием в его создании южнотуркменистанских мастеров, но и общностью стиля зодчества Северного и Южного Хорасана в XI—XII вв.

Караван-сарай Дая-Хатын

На древнем торговом пути, ведшем вдоль левого берега Аму-Дарьи из Чарджоу (средневековый Амуль) в Хорезм, немало руин небольших придорожных «станций» и городков. Значительный историко-куль-

---

[1] См. Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. М., 1928, стр. 8 и сл.

[2] А. А. Семенов. К вопросу о датировке Рабати-Малика в Бухаре. — «Труды САГУ. Новая серия», вып. XXIII. Гуманитарные науки, кн. 4. Ташкент, 1951.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 156 и сл., табл. 61—63.

[4] H. Glück, E. Diez. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, стр. 230.

[5] A. Godard. Khorasan.—AI, t. IV, fasc. I, стр. 7—68.

Караван-сарай Дая-Хатын. Общий вид.

турный интерес представляют среди них развалины Дая-Хатын, лежащие между Дарганом и Джигирбендом. В восточных средневековых дорожниках с X по XIV вв. на этом отрезке пути упоминается рабат Тахирия[1]. По Якуту, название это связано с Тахиром иби ал-Хусейном, что позволяет предположить о возведении его в IX в.; этому не противоречат и данные археологических наблюдений. Сопоставление письменных известий с местоположением развалин Дая-Хатын позволило А. А. Марущенко высказаться в пользу отожествления этого памятника с Тахирией[2]. Самое название Дая-Хатын встречается не ранее XIX в., когда пункт этот служил местом постоя войск хивинских ханов[3].

По-видимому, в пору централизации власти в области Хорасана и Хорезма Тахирия уже играла роль не столько военного поста, сколько укрепленного пункта. Здесь останавливались караваны на трудном пути через нередко затапливаемые водой прибрежные тугаи и тянущиеся вдоль них сыпучие пески пустыни. В этой связи внутри раннесредневекового рабата был отстроен великолепный караван-сарай.

Проживающие в Дарган-атинском районе туркмены называют, однако, памятник не Дая-Хатын, но Бай-Хатын («женщина-богачка»), связывая с ним интересную легенду. Речь в ней идет о добродетельной жене местного владетеля (бая), друг которого

[1] Истахри.— МИТТ, I, стр. 178—180; Якут.—МИТТ, I, стр. 427; Казвини.—МИТТ, I, стр. 511. О местоположении Тахирии на средневековом пути левобережной Аму-Дарьи см. кн.: В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 79—80; G. Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1930, стр. 443, 451 и 472.

[2] А. А. Марущенко. Существенные поправки. — «Туркменоведение», 1930, № 12.

[3] Мунис. — МИТТ, II, стр. 421; Агехи. — МИТТ, II, стр. 440, 478 и 493.

Караван-сарай Дая-Хатын. Свод над вестибюлем.

путем интриги заставил его заподозрить жену в неверности. Оскорбленный мнимой изменой, муж ушел в одежде нищего дервиша. Бай-Хатын долгие годы ждала возвращения супруга, а для того, чтобы облегчить его трудный путь, решила выстроить в пустыне прочный и красивый караван-сарай. Так как хороших глин в ближайших районах нет, то кирпич изготовлялся в Мерве и цепочкой из рук в руки передавался к месту строительства. Среди чернорабочих, выполнявших эти работы, был и долгожданный муж, который, проскитавшись по свету, вернулся в родные края. Бай-Хатын во время осмотра работ узнала мужа, но скрытая чадрой сама оставалась неузнанной. Она устроила пир, на котором присутствовал муж, и здесь иносказательно поведала о его заблуждении. Все закончилось счастливой развязкой.

Таково предание. Письменных известий о сооружении караван-сарая пока не обнаружено, исторических надписей на нем нет, и решить вопрос о времени его возведения можно лишь на основании изучения самого памятника.

Руины Дая-Хатын уже обратили на себя внимание русских путешественников прошлого столетия, изредка проезжавших по этому старинному, почти заброшенному пути. Первая зарисовка его была выполнена Л. Е. Дмитриевым-Кавказским[1]. Но специальное историко-архитектурное изучение было осуществлено лишь в советское время. В 1939 г. здание обследовал С. А. Ершов, составивший описание, обмер плана и

[1] Л. Е. Дмитриев-Кавказский. По Средней Азии. СПб., 1894, стр. 30.

Караван-сарай Дая-Хатын. Свод над вестибюлем.

сделавший несколько фотографий[1]. Дая-Хатын упоминается В. А. Лавровым[2]. Детальное историко-архитектурное изучение этого памятника было осуществлено в 1950 г. А. М. Прибытковой, результаты которого опубликованы в трех ее работах[3]. Памятник обследовался нами в 1954 г.

От раннесредневекового рабата ныне сохранились развалины наружных сырцовых стен (112×125 м по наружному периметру) с круглыми башнями на углах и тремя прямоугольными контрфорсами в промежутках и руины каких-то сырцовых строений внутри. Караван-сарай был размещен почти посередине. Он квадратен в плане (53×53 м) и фланкирован округлыми башнями на углах и полукруглыми посередине юго-восточного и северо-западного фасадов. Квадратный двор (30×30 м) обведен по периметру сводчатой галерей и группой разнообразных помещений.

Основной материал, применявшийся для кладок стен,—сырец размером 28×28×5,5 см. Облицовки стен, а также кладки арок, сводов и куполов выполнены из жже-

[1] С. А. Ершов. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи. — ВДИ, 1941, № 1, стр. 187—188.

[2] В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 97, рис. 188 и 200.

[3] А. М. Прибыткова. Мавзолей Абул-Фазля в Серахсе.— Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, стр. 299 и сл.; ее же (А. М. Прибыткова-Фролова). Архитектура сельджукского периода в Туркмении. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951; ее же. Караван-сарай Дая-Хатын.— Сб. «Архитектурное наследство». М., 1953, стр. 92 и сл.

ного кирпича того же размера на глиняном растворе[1]. Важно подчеркнуть то высокое доверие к глине как к связующему веществу, которое позволило мастерам средневекового Туркменистана применять его в ответственных архитектурных сооружениях, расположенных в районах, удаленных от зоны землетрясений.

Главный северо-восточный фасад караван-сарая центрирован высоким пештаком со стрельчатым сводом; в его щипцовой стене размещена вдвое меньшая по высоте стрельчатая арка. Рама портала расчленена на две широкие полосы, некогда П-образно обрамлявших арку. Очень своеобразна конструкция свода: он выведен клинчатой кладкой, но в верхней части замыкается участком кладки «отрезками», образующим в плафоне ромбическую фигуру. Тот же прием использован и в следующем за входом вестибюльном помещении. По-видимому, эти своды связаны с поздней реставрацией здания.

Углы караван-сарая фланкированы массивными округлыми башнями, которым соответствуют четвертные массивы между сильно выдвинутым пештаком и стенами. Облицовка их выполнена в елку горизонтальным и вертикальным расположением кирпича. В основании стен проходит цоколь нормальной кладки, вперевязку швов. Стены расчленены чередованием трех обширных прямоугольных панно и узких арочек, разделенных лопатками, которые облицованы парами кирпичей с промежуточными вставками из 8-образных «бантиков» или 3-образных резных кирпичиков. По-видимому, поверху лопатки переходили в единую горизонтальную полосу, завершавшую линию стен. В некоторых из больших панно сохранились рельефные кирпичные кладки диагонально-размещенных куфических надписей с именами «праведных» халифов: Абу-Бекра, Омара, Али (имя Османа, видимо, было на одном из полуразрушенных участков стены). Стрельчатые арочки—клинчатой кладки из продолговатых резных кирпичей, отороченные по архивольту кирпичом плашмя. В тимпанах — рельефно-выступающие квадратики (мотив «шахматной доски»); в щипцах арок ниже уровня пят — та же кладка, что и в обрамляющих лопатках, а в межарочном пространстве — узор «сотов», образованный фигурно-подтесанными выступающими кирпичами. Над арочками размещались небольшие прямоугольные панно, может быть, некогда заполненные надписями.

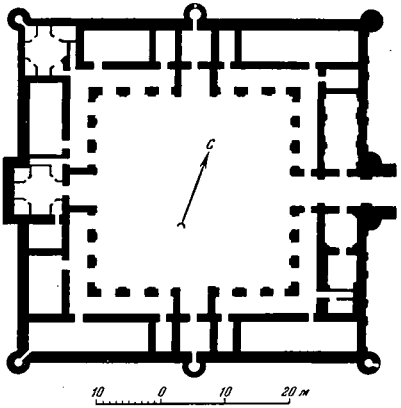
Архитектоника главного фасада очень продумана, отчетлива и рациональна. Входная часть подчеркнута возвышенным объемом и глубокой сводчатой нишей пештака; углы закреплены устойчивыми массивами башен; в простенках — чередование обширных и неширокого прямоугольных полей, взаимосвязанных огибающими их по всему фронту лопатками. Резные кирпичи отчетливо выделяются на глади стен; фигурные кладки дают разнообразные узоры, причем строитель прибегает также к методу рельефных кладок, которые игрой светотени особенно четко выделяют геометрическую и эпиграфическую орнаментацию. Три остальных фасада гладкие, лишь поверху проходит карниз из простых и резных кирпичей[2].

---

[1] А. М. Прибыткова ошибочно пишет, будто жженый кирпич положен на алебастровом растворе («Караван-сарай Дая-Хатын», стр. 95). В действительности ганчевый раствор употреблен лишь в более поздних ремонтных перекладках здания.

[2] А. М. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын, рис. 20.

Двор квадратен; на осях его лежат четыре айвана (неплохо сохранился лишь северо-восточный). Все дворовые фасады идентичны: в центре расположена возвышенная прямоугольная рама айвана со стрельчатым сводом; по обе стороны имеются по три арки, расчлененных на два яруса, причем в нижнем находятся арочные проходы, ведущие к галерее. Облицовки стен (кроме реставрированной северо-восточной) осуществлены здесь парами кирпичей и вертикальными резными кирпичиками. Таким образом, общий декоративный принцип оформления двора тот же, что и на главном фасаде, хотя декор здесь несколько скромнее.

Караван-сарай Дая-Хатын. План.

Галерея и продолговатые комнаты караван-сарая перекрыты сводами «отрезками». Комнаты подквадратной формы перекрыты сводами балхи, в замковой части которых имеются восьмигранные световые отверстия; вероятно, над ними возвышались фонари-ротонды, для того чтобы дождь и снег не попадали внутрь. Квадратные комнаты, лежащие на осях здания, и помещение в западном углу перекрыты куполами. Переход от квадратного (или крестовидного благодаря устройству ниш на осях) плана к кругу осуществлен через восьмигранник системой разгрузочных двухъярусных арочек и консольных парусов, образованных кирпичами, диагонально и параллельно выпущенными из кладки. В одной из комнат северо-восточного фасада применены ячеистые паруса[1].

В здании имеются лестницы, кирпичные ступени которых вели на крышу. Для того, чтобы сделать ее плоской, применена интересная замаскированная система пазушных сводиков, расположенных перпендикулярно к сводам «отрезками» и в пазухах над углами балхи.

В какой-то период здание пришло в упадок, после чего было подвергнуто реставрации с использованием того же кирпича, но на ганчевом растворе. При этом были вновь приморожены на северо-восточном фасаде опавшие облицовки, заново переложены некоторые арки и участки стен входной группы, над сводом вестибюльного помещения сооружена комнатка, купол которой (ныне не сохранившийся) был основан на щитовидных парусах. Применение этой конструкции в Средней Азии отмечается, начиная с XV в. Мы полагаем, что ремонт был осуществлен во второй половине XV в., при Султан-Хусейне Байкаре, когда заботами Мир-Алишера Навои осуществлялись большие работы по поддержанию торговых путей и придорожных сооружений. Едва ли

[1] А. М. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын, рис. 13.

Караван-сарай Дая-Хатын. Свод балхи.

ремонт мог иметь место в XVI в.[1], когда области Туркменистана становятся ареной бесконечных войн и междоусобий.

В вопросе о дате возведения Дая-Хатына нет единого мнения. С. А. Ершов относил ее к периоду, «когда в Хорезме устанавливается более твердое единое государственное управление хорезмшахов»[2], т. е. ко второй половине XII в. А. М. Прибыткова ставит дату сооружения «на рубеже X и XI вв. или в первой половине XI в., когда по традиции еще применялись приемы, свойственные предыдущей эпохе»[3]. Мы настаиваем на иной датировке, которую и попытаемся обосновать.

Оба названных исследователя совершенно справедливо уже обратили внимание на общность конструктивных и декоративных приемов Дая-Хатына с мечетью Талхатан-баба и с так называемым мавзолеем Мухаммеда Ханапья (Мухаммеда ибн-Зейда). Но первый из названных памятников был возведен около 1096 г., а на втором имеется дата — 1112/13 г. Между тем, действительно, конструктивные приемы сырцовых кладок и характер декоративных облицовок Дая-Хатына близки к названному мавзолею; с мечетью же Талхатан-баба сходны кирпичные своды балхи, а оформление михраба аналогично нишкам главного фасада караван-сарая. Но особенно

[1] А. М. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын, стр. 103.
[2] С. А. Ершов. Археологические памятники..., стр. 188.
[3] А. М. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын, стр. 101.

Караван-сарай Дая-Хатын. Консольный парус.

близкие параллели нашему памятнику дает указанный выше Рабати-Шереф на пути из Нишапура в Серахс (1114/15 г.)[1]. В этом двухдворовом караван-сарае особенно парадно разработана вторая его половина, которая аналогична по своей архитектуре Дая-Хатыну: те же четырехайванная композиция двора, обводная галерея, купольные комнаты на осях и продолговатые сводчатые помещения; тот же тип портала с четвертями башенок в углах примыкания его к стене; тот же принцип архитектурной разбивки фасадов двора; те же кладки из спаренных кирпичей с вертикальными резными кирпичиками между ними и фигурные кладки «в елку»; такие же гладкие фланкированные полубашнями наружные боковые стены фасада[2]. Разумеется, полной идентичности форм и деталей нет, но стилистическая общность столь несомненна, что можно говорить об участии в сооружении обоих караван-сараев мастеров единой архитектурной школы и единой эпохи.

А. М. Прибыткова аргументирует свою раннюю датировку применением в Дая-Хатыне ячеистых парусов, которые якобы более древни, чем нишевые паруса (трompы)[3]. Но это отнюдь не так. Сырцовые трompы уже известны в памятниках Средней Азии VI—VII вв. (раннефеодальные замки Мервского оазиса, афригидские замки

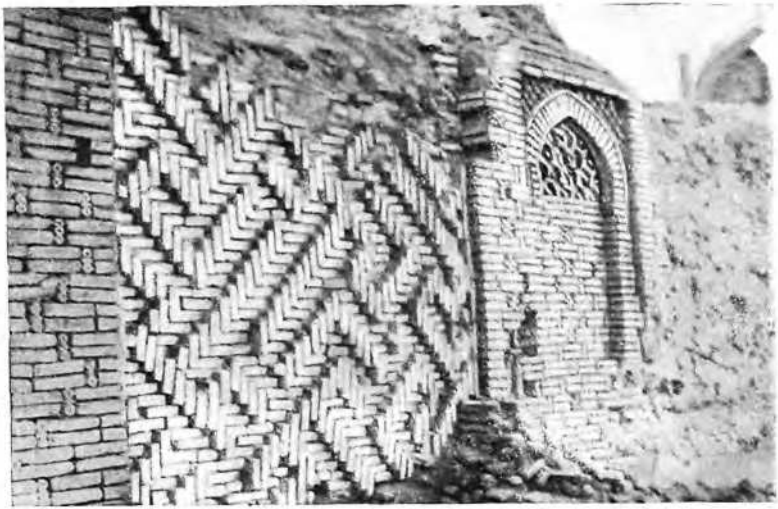
[1] A. Godard. Khorasan.—AI, t. IV, fasc. I, стр. 7 и сл.
[2] Там же, фиг. 2, 10, 28, 37 и др.
[3] А. М. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын, стр. 101.

Караван-сарай Дая-Хатын. Двор.

Караван-сарай Дая-Хатын. Арки галереи и пазушные своды.

Караван-сарай Дая-Хатын. Кирпичная облицовка фасада.

Хорезма, Ак-тепе под Ташкентом); они получили очень разработанный характер «нишевых парусов» в постройках IX—X вв. из сырцового и жженого кирпича (Кыркыз в Термезе, мавзолей Саманидов в Бухаре, Акуйли-кошук и Сули-кошук в Мервеском оазисе и др.). Между тем в связи с передатировкой мечети Хазара[1] о применении ячеистых парусов пока можно говорить лишь начиная с XI—XII вв.; более широкое их употребление отмечается на целом ряде памятников XIV в., как то: средний мавзолей в Касане, мавзолей Наджм ад-дина Кубра в Куня-Ургенче, Сеида Ала ад-дина в Хиве, гумбез Манаса в долине Таласа и др.[2]

Очень важным датирующим показателем являются также косые куфические письмена в прямоугольных панно на фасаде Дая-Хатын. Самый ранний пример таких диагональных куфических надписей, выложенных из кирпича, дают минарет 1121/22 г. в Гаре (в окрестностях Исфахана)[3] и минарет Калян в Бухаре (1127 г.).

Таким образом, сравнительный историко-архитектурный анализ с несомненностью указывает на первую четверть XII в. как наиболее вероятную дату возведения караван-сарая Дая-Хатын.

Отметим, что и анализ исторической ситуации делает маловероятным возведение

[1] В. Л. Воронина. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана. — Сб. «Архитектурное наследство». М., 1953.

[2] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса М., 1950, стр. 80.

[3] M. B. Smith. The manars of Isfahan.—AI, t. I, fasc. II. Paris, 1937, стр. 323 и сл., фиг. 213.

Караван-сарай XI—XII вв. на городище Куртлы (средневековый Башан).

парадного караван-сарая в первой половине XI в. — в период острой политической борьбы за обладание приамударьинскими территориями между Газневидами и поднимавшимися на политическую арену Сельджукидами. Но вполне закономерно было сооружение его в пору наивысшего могущества Сельджукидского государства при султане Санджаре, когда столицей государства был Мерв, когда процветала транзитная торговля, а государственная власть предпринимала меры к поддержанию караванных путей. Для феодального Востока вообще характерна правительственная забота о караван-сараях, дорогах и мостах[1]. По мнению М. Е. Массона указанием на то, что Дая-Хатын был именно таким государственным караван-сараем, служит введение в архитектурный декор имен четырех «праведных халифов», которые принято было выбивать на монетах общегосударственного чекана. Это в известной мере объясняет и необычайно парадный характер здания, воздвигнутого в пустынной местности из строительного материала, который привозился сюда издалека. Не случайно, вероятно, в народной легенде говорится, будто кирпич доставлялся к месту постройки из Мерва.

В предании этом, может быть, нашло отражение ясное представление у народа о «мервском» стиле самого здания. В самом деле, как показали наши разведки 1954 г., все придорожные сооружения к северу от Дая-Хатына, начиная от Даргана, выстроены в чисто-хорезмийских архитектурных традициях. В XI в. Дарган считался первым городом Хорезма со стороны Амуля[2]. Между тем, как показано выше, Дая-Хатын стилистически явно тяготеет к памятникам хорасанского зодчества и особенно к его мервской ветви. Здание это, таким образом, дает важное наблюдение,

[1] W. C. Brice. Caravan Traffic across Asia. — «Antiquity», 1954, июнь, № 10, стр. 78 и сл.
[2] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 79.

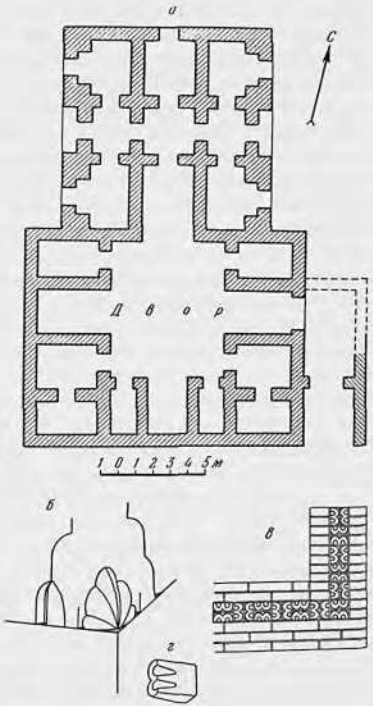
относящееся к проблеме историко-культурного районирования двух крупных областей средневекового Туркменистана — Хорасана и Хорезма.

Архитектура караван-сарая Дая-Хатын являет образец зрелого стиля, в котором требования функциональной обоснованности, конструктивной целесообразности и художественного совершенства предстают в неразрывном единстве.

Караван-сарай в Башане

Работами ЮТАКЭ 1950 г. установлено, что развалинам городища Куртлы-тепе к северу от Байрам-али соответствует средневековый город Башан (в иной транскрипции — Фашан и даже Нашан). Археологический материал, обнаруженный здесь, дает даты начиная от IX—X вв.; особенно обилен он для XI — первой половины XII в., его значительно меньше для второй половины XII — начала XIII в., после чего жизнь на городище совершенно замирает. Этим наблюдениям отвечают и данные письменных источников. У Истахри, в Худуд ал-Алам и у Макдиси (X в.)[1] Башан фигурирует как город; Идриси (первая половина XII в.) характеризует его как «красивый город с прочно построенными базарами, большой мечетью, караван-сараями и банями»[2]. Однако уже Самани (середина XII в.) именует его «селением»[3], а Якут (начало XIII в.) — «деревней»[4]. Сокращение города в середине XII в., очевидно, было связано с событиями «гузской смуты», а прекращение жизни в нем — с монгольским нашествием.

В южной части городища сохранились руины караван-сарая городского типа. Данные археологических наблюдений позволяют датировать его скорее всего XI в. Материал стен и сводчатых перекрытий — сырец (29 × × 29 × 6 см). В кладке цоколя на высоту до 80 см от поверхности земли употреблен жженый кирпич такого же

План и декоративные детали караван-сарая на городище Куртлы.

а — план; *б* — деталь паруса; *в* — деталь кирпичной облицовки стен; *г* — фигурный кирпич.

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 20—23; МИТТ, I, стр. 174, 177 и 191.
[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 31.
[3] МИТТ, I, стр. 339.
[4] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 46.

размера, положенный на глиняном растворе. Жженый кирпич введен и в пояски, протянутые под пятами арок, и в детали облицовок. Во внешнем декоре здания использованы З-образные резные кирпичики (10×6 см). Жилые комнаты оштукатурены.

Планировка караван-сарая весьма своеобразна. Размеры его в общем невелики: 21 м по длинной стороне, 10 и 14 м — по коротким. Он четко членится на две половины. Южная заключает прямоугольный дворик с четырьмя глубокими сводчатыми айванами на осях и группой прямоугольных помещений-худжр. Доступ во двор осуществлялся с восточной стороны, где был пристроен тупичковый проезд; кладка ограждающей его стены глинобитная; возведение ее относится к иному времени, чем самого караван-сарая. Айваны двора, кроме северного, использовались, очевидно, в качестве полуоткрытых стойл для скота. Худжры вокруг двора служили в качестве закрытых стойл, складочных помещений для товаров и для фуража, а также использовались как жилье для челяди, обслуживавшей приезжих.

Северная половина постройки парадная, жилая, связанная с южной посредством глубокого айвана. Его конховый свод основан на парусах ракушеобразной пятилопастной формы. Дверной проем ведет из айвана в почти квадратную центральную комнатку жилого комплекса. Для последнего характерна центрическая композиция плана: центральный квадрат и восемь продолговатых худжр с нишами или без них. Перекрытиями жилых худжр служили в квадратных комнатах своды балхи, в продолговатых — своды «отрезками». Бо́льшая часть комнат имеет выходы наружу. Это характерная черта внутригородского караван-сарая, отличного от придорожных постоялых дворов, в которых опасность нападения извне побуждала к возведению высоких ограждающих стен, изоляции от внешнего мира, введению крепостных элементов, концентрации построек вокруг двора, куда и обращены проемы жилых худжр.

Караван-сарай в Башане — единственный пока из выявленных памятников такого рода средневековой городской гостиницы.

Бани Нисы и Дахистана

В повседневной общественной жизни восточного феодального города бани играли не меньшую роль, чем термы у римлян. Баня была не только санитарно-гигиеническим учреждением, она служила и местом встреч для отдыха и кейфа. Остатки средневековых бань Южного Туркменистана впервые были обследованы ЮТАКЭ в 1946 г. в Нисе[1] и в 1947 г. в Дахистане.

От бани, располагавшейся в цитадели средневековой Нисы, сохранилась лишь часть большого крестообразного в плане моечного помещения и группа расположенных здесь в разных уровнях резервуаров. Стены сложены из рваного бута вперемежку с обломками кирпича, перегородки — из жженого кирпича (24×22×4,5 см), полы и подпольные топочные каналы — из крупных кирпичных плит (55×55×6—7 см). Полы и стены оштукатурены превосходными кыровыми растворами, имеющими водоупорные свойства. На стенах резервуаров сохранились многослойные штукатурки с остатками живописи на них. Живопись, видимо, осуществлялась красками,

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 241 и сл.

разведенными на особых водостойких клеях, в силу чего она отлично сохранилась до наших дней. Мотивы орнаментации геометрические, стилизованно-растительные и эпиграфические (надпись-благожелание: «Счастье и могущество да будут с вами»). Цвета — красный, желто-оранжевый, голубой и черный.

Сложная система подпольных теплопроводов, идущих от топки, расположенной в восточной части бани, разветвлялась по горизонтали и вертикали, осуществляя различный обогрев отдельных участков моечных помещений и бассейнов.

Баня Нисы датируется XII в. Тем же столетием, как будто, могут быть датированы и руины бани на городище Месториан, лежащие в черте густой городской застройки близ минарета 1102 г. Стены ее возведены из жженого кирпича. Видны резервуары, которые, как и полы и стены, обмазаны многослойными кыровыми штукатурками. Под полами сохранились тепловые каналы, густо покрытые копотью. Раскопки, несомненно, позволят выявить план этого сооружения.

Сардобы XI—XII вв. Водохранилища-сардобы составляют специфический тип инженерных сооружений Средней Азии. Они возводились в пустынных районах на караванных путях; они сооружались и в городах. Это особые цистерны для хранения воды, врытые в землю, обложенные кирпичом и обычно перекрытые куполом. В них подается через специальные небольшие каналы либо проточная вода из магистральных арыков (чаще это делается зимой, когда нет сезона поливов), либо вода, образующаяся от тающего снега, а также и от дождей[1]. На территории среднеазиатских республик, в частности и в Туркменистане, зарегистрировано немало сардоб[2]. Однако подавляющее большинство их датируется временем не ранее XVI в. Между тем в исторических источниках имеются указания на наличие здесь сардоб еще в раннем средневековье. Макдиси указывает, что в его время (X в.) в Мерве имелись, наряду с открытыми хаузами, и закрытые водохранилища «с лестницами и дверцами, которые в них со стороны канала открываются по мере надобности»[3].

Остатки городской сардобы XI—XII вв. сохранились в квартале средневековых керамистов Мерва, возле мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда. Сардоба расположена шагах в пятидесяти к северу от мавзолея, со стороны которого начинается и спуск в нее. Спуск тянется на протяжении 4,40 м и имеет крутые ступени. Резервуар сардобы цилиндрический диаметром 6,10 м; глубина его от современной поверхности (стенки выше разобраны) до пола — около 5,50 м. В северной трети сардобы справа и слева относительно главной оси расположены два сливных отверстия прямоугольного сечения (20×30 см). Стена резервуара выложена лишь по внутреннему контуру тщательно в один ряд из жженого кирпича (размеры его от 23×23×4 см до 25×25×4,5 см) на превосходном известковом растворе; вся внешняя толща стены выведена из обломков жженого кирпича на глиняном растворе. Возможно, что купола сардоба не имела.

Исследованием раствора, осуществленным по заданию ЮТАКЭ Н. С. Гражданкиной, установлено, что он принадлежит к группе так называемых известково-

[1] М. Е. Массон. Проблема изучения цистерн-сардоба. Ташкент, 1935.

[2] Там же, карта в конце текста.

[3] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 24.

пуццолановых[1]. Состав его — известь и зола камыша или осоки, взятые в пропорции 3 : 1. Прочность его очень высока: во влажных условиях —до 100 кг/см²; вне влажной среды он значительно слабее. Весьма интересна конструкция пола сардобы: подготовкой его служит земля, смешанная с песком; на ней плотно уложен в полунаклонном положении жженый кирпич, залитый 3-сантиметровым слоем пуццоланового раствора; выше — два горизонтальных ряда кирпича на том же растворе; далее — 2-сантиметровая прослойка этого раствора с большой примесью рубленого самана, который вводился для уменьшения усадки, обычно весьма значительной у известково-пуццолановых растворов; наконец, поверх пол сардобы смазан чистым раствором с гладкой затиркой поверхности. Качества вяжущего вещества таковы, что легче сколоть киркой кирпич, чем скрепляющий его раствор.

Мервская сардоба — самый ранний из сохранившихся памятников этого рода. В ней наглядно запечатлены достижения инженерного искусства средневековых строителей Южного Туркменистана.

Крупная сардоба XII в. еще недавно высилась в песках Кара-кумов, неподалеку от развалин рабата ат-Тахмаладж, на средневековом пути из Мерва в Амуль. Внутренний диаметр резервуара был около 17 м, глубина — до 8 м; вместимость его, таким образом, превышала 150 000 л. По словам жителей ближайшего совхоза, сардоба была перекрыта куполом. Сложена она была из превосходного жженого кирпича размерами 24×24×4,5 см — 25×25×4,5 см. На высоту резервуара, т. е. в условиях влажного режима, кладка была выполнена на сером кыровом растворе. Купол же был сложен на розоватом (от добавки лесса) ганчевом растворе.

По-видимому, средневековой была сардоба Ишкак, расположенная на пути между г. Керки и Кизыл-Айяком. Это тип сардобы открытой, не имевшей купола. Она лежала в центре естественной низины («как»). По сведениям, полученным от техника, осуществлявшего в 1932 г. очистку и ремонт сардобы, она имела 16-метровый диаметр и значительную глубину. Стенки толщиной в 1 м были сложены из жженого кирпича размером 22×22×6(?) см на сером (т. е. кыровом) растворе чрезвычайной прочности. В ближайших окрестностях глин нет; несомненно, что кирпич изготовлялся где-то далеко и привозился на место. Среди населения ходит легенда, широко распространенная по всей Средней Азии, которую рассказывают также и по поводу ряда других архитектурных памятников[2]. В этой легенде говорится, что строительство сардобы велось во времена Искандера, причем воины его стояли цепочкой от Ишкака до самой Бухары и передавали кирпичи из рук в руки. Весной вода в воронке «кака» стоит в диаметре до 1 км, летом же сохраняется лишь в сардобе. По словам техника, при очистке в 1932 г. резервуара им было отмечено до 400 тонких, плотно сцементированных прослоек ила, чередующихся со слоями наносного песка, которые накапливались из года в год. Таким образом, в феодальную пору последняя очистка сардобы была осуществлена в XVI в., после чего сардоба была полностью заброшена. Время сооружения ее, судя по стандарту кирпича, восходит, возможно, еще к средневековью.

---

[1] Н. С. Гражданкина. Строительные материалы сардоб Туркменистана. — «Изв. АН Туркм. ССР», 1954, № 4.

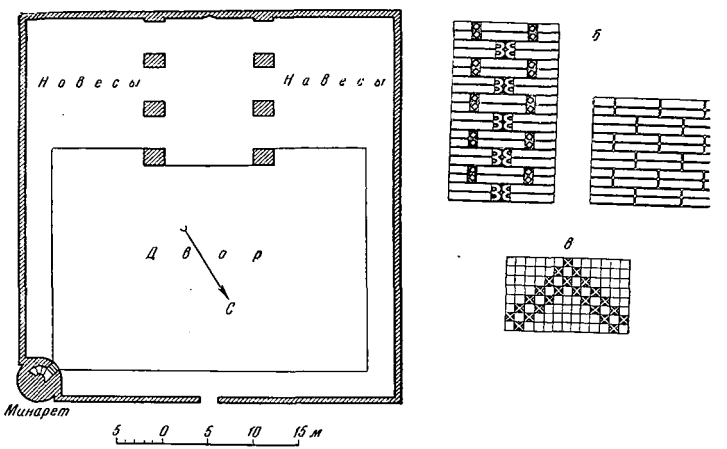
[2] М. Е. Массон. Проблема изучения цистерн-сардоба. Ташкент, 1935, стр. 13.

На территории Туркменской ССР ряд старинных сардоб еще ждет своего обследования для выяснения как времени их сооружения, так и изучения применявшихся при их постройке технических приемов[1].

Мечети

Масджид ас-Сагит в Башане

Развалины мечети на городище Куртлы-тепе (средневековый Башан) были впервые обследованы в 1937 г. В. И. Пилявским. В опубликованной им позднее статье[2] содержится беглое упоминание об этом памятнике, схематический план руин и три фотографии. Изучение здания было продолжено нами в 1950 г.

Мечеть на городище Куртлы (средневековый Башан).
а — план; *б* — детали облицовки устоев; *в* — деталь облицовки михраба.

Руины эти являются остатками упоминаемой в письменных источниках соборной мечети Башана. Существование ее зафиксировано уже авторами X в. — Истахри и Макдиси[3]; последний указывает, что соборная мечеть Башана стоит «в ряду ювели-

[1] Сардобы Сенги сулак, Бутачи, Уста-Ачик, Таз, Юмун-агыз, Исфантуда, Абдулла-хан, Огуз, Геджили, Дунчи, Чаган, Рахим Мехмед и др. (см. М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 33—34 и карта в конце текста).

[2] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 66 и сл.

[3] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 20 и 25; МИТТ, I, стр. 174 и 195.

Руины минарета на городище Куртлы.

ров»[1]. Соборная мечеть также упоминается в сочинениях XII в. Самани именует ее масджид ас-Сагит[2], т. е. «мечеть чистоты», «пречистая мечеть». Идриси характеризует мечеть Башана как «большую»[3].

Итак, возведение мечети относится по крайней мере к IX — началу X в. Эта ранняя дата подкрепляется также крупными размерами сырцового кирпича—32×32×8 см, из которого сложены остатки стен и минарет. Судя по стилю архитектурного декора, позднее мечеть была подвергнута капитальной реставрации, во время которой были нанесены новые облицовки из обожженного кирпича. При этом планировка осталась прежней.

В настоящее время сохранилась лишь часть стены с михрабной нишей, остатки устоев главного помещения мечети и руины минарета. Наблюдения над микрорельефом позволили восстановить общую композицию плана.

Мечеть ориентирована главной осью правильно на кыблу, т. е. северо-восток — юго-запад. Квадратное пространство ее размерами около 42×42 м охвачено стеной. На главной оси находится глубокий сводчатый айван, в торцовой стене которого расположена ниша михраба. Свод имеет 9-метровый пролет; он был основан на шести мощных сырцовых устоях (размеры передних устоев — 2,00×1,80 м, средних — 2,00×1,40 м) и начинался от юго-западной стены. Главное помещение было открыто в боковые приделы, так как между устоями были переброшены поперечные к своду арки, несомненно значительно уступавшие ему по высоте. Судя по невысокому рельефу, двор был охвачен по периметру легкими навесами, основанными, очевидно, на деревянных колоннах, перекрытых плоской крышей; по трем сторонам двора размещался всего один ряд колонн, а в юго-западной (михрабной) части было до пяти таких рядов. В восточном углу располагался минарет, подъем на который осуществлялся со стороны двора по внутренней вин-

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 25; в МИТТ (стр. 195) приведен неясный перевод: «соборная мечеть его стоит отдельно (?)».

[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 25, прим. 2.

[3] Там же, стр. 31.

товой лестнице. Вход в мечеть лежал, по-видимому, на оси; он не был выделен никаким особым предвратным сооружением или порталом.

Планировка здания весьма примечательна. Двор обнесен портиками, но, в противовес традиционной арабской концепции мечети, здесь появляется лежащее на оси главное сводчатое помещение. Этот глубокий сводчатый айван является основным элементом архитектурной композиции; своей обширной главной аркой и малыми боковыми он органически связан с пространством и двора и колонных навесов, вместе с тем масштабно доминируя в композиции здания. Если в мечетях IX в. арабского Востока (мечеть в Самарре, ибн-Тулуна в Каире) равнозначные михрабные нишки распределены по обращенной на кыблу стене, будучи едва различимы со стороны двора благодаря анфиладам расположенных перед ними колонных навесов, то в мечети Башана предстает совершенно иной архитектурный принцип. Михрабная ниша одна. Она расположена на оси всей постройки. Монументализированным выражением ее служит глубокий сводчатый айван, обращенный открытой аркой во двор. Этот айван виден отовсюду — не только со стороны двора, но и за стенами мечети, над которыми он значительно возвышается. Подобный же композиционный прием можно отметить и в мечетях Ирана (мечеть в Ниризе IX в.)[1].

В отличие от ранних арабских мечетей, в которых минареты обычно ставились отдельно и несколько поодаль, в мечети Башана минарет органически вкомпонован в угол смыкания двух ее стен, причем проход в башню ведет со стороны двора. Прием этот не обычен ни для Ирана, ни для Мавераннахра, где минареты строились особняком от здания мечети и нередко связывались с ним лишь мостиком, переброшенным с крыши мечети (ср. минарет Калян в Бухаре и др.).

Как уже сказано, мечеть Башана была подвергнута некоторым внешним реставрациям в XI—XII вв. На сырцовые стены и устои ее были нанесены облицовки из обожженного кирпича. Размеры его двух стандартов: в облицовке минарета — 30×30× ×6,5 см, в устоях и михрабной части стены — 24×24×5 см. Употребление крупного кирпича в облицовках минарета, видимо, было продиктовано стремлением придать ему бóльшую внешнюю монументальность. В облицовке устоев и особенно михраба характерна некоторая измельченность орнаментов, чему способствует более мелкий сортамент принятого здесь кирпича.

Украшением михрабной ниши (сильно попорченной и утратившей бóльшую часть своей облицовки) служат кирпичные квадратики, чередующиеся с несколько выступающими относительно них резными крестовинками. В облицовке устоев применена кладка из спаренных кирпичей, которая местами усложнена введением резных кирпичиков в форме угловатой восьмерки или З-образных, а также несложным геометрическим узором, построенным на пересечении квадратов. Как кладка парами кирпичей, так и все три типа фигурных кирпичиков встречаются в памятниках Южного Туркменистана с начала XI в. и до XIII в. Вместе с тем простота этой орнаментации позволяет предположить, что нанесение ее скорее имело место в XI в. и даже в его первой половине, чем в XII в., когда применение кирпичного декора получило очень широкое развитие.

[1] A. Godard. Le Masdjid-e-Djum'a de Niriz.— AI,t. I, fasc. I, стр. 163 и сл.

Остатки облицовки на минарете показывают, что в основании его на высоту до 5 м была ровная кладка, над которой шел пояс крупного геометрического орнамента, образующего фигуры вписанных друг в друга квадратов. Выше облицовка как будто также была гладкой. В настоящее время минарет сохранился на высоту около 10 м; первоначально он был, несомненно, намного выше. Принцип его оформления близок к минарету 1032 г. на старом Термезском городище [1] и к минарету XI—XII вв. в Фирузабаде (иранский Хорасан) [2]; оба этих памятника, однако, отстроены целиком из жженого кирпича.

Масджид ас-Сагит в Башане — памятник большой принципиальной значимости, иллюстрирующий процесс сложения специфического хорасанского типа мечети с дворовой композицией, главным элементом которой является глубокий сводчатый айван. Тип этот отличен и от «мечети-киоска» дахистанской архитектурной школы (ср. мечеть-мазар при могиле Али ибн-Суккари в Машаде Дахистана) и от колонных центрально-купольных мечетей Мавераннахра (Чар-сутун в Термезе, мечеть в Хазаре). Но композиционный принцип «мечети-айвана» типичен для южно-хорасанского зодчества, на что указывает, например, мечеть-медресе Низамийе в Харджирде, отстроенная около 1067—1068 гг. сельджукским везиром Низам ал-Мульком [3], план которой почти идентичен мечети ас-Сагит. Сходную планировку можно видеть и в некоторых других памятниках Южного Хорасана, возведение которых предшествует монгольскому нашествию. Мечеть в Гунабаде (1212—1213 гг.) имеет квадратный план; на главной оси двора расположен глубокий сводчатый айван, несущие стены которого заключают каждая по три арочки [4]. Аналогична планировка мечети в Бамиане [5].

Последующее развитие архитектурной темы, отчетливо выраженной в мечети Башана, можно видеть в другом памятнике Мервского района — мечети Талхатан-баба.

Мечеть Талхатан-баба

Мечеть стоит на кладбище средневекового селения Талхатан в 8 км к юго-востоку от ж.-д. станции Куйбышев Марыйской области и в 30 км от Старого Мерва [6]. Мечеть принадлежит к числу хорошо изученных памятников. Археологическое обследование кладбища при ней было впервые осуществлено ген. А. В. Комаровым уже в 80-х годах прошлого столетия [7]. В 1890 г. здание мечети было подвергнуто специальному изучению проф. В. А. Жуковским; он опубликовал его описание и связанные с памятником легенды и сведения об исторических лицах, к которым могло бы быть отнесено его народное наименование («Талхатанский старец»), а также три

[1] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 10.

[2] E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Berlin, 1918, стр. 198, табл. 10.

[3] E. Herzfeld. Damascus, фиг. 33—38, стр. 16—19.

[4] A. Godard. Khorasan, фиг. 96.

[5] Там же, стр. 79—81, фиг. 60.

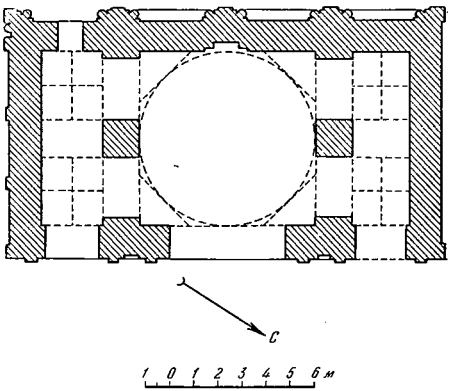
[6] Исторические сведения о селении Талхатан см.: Самани.— МИТТ, I, стр. 332; В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 38 и 186—190; Агехи.— МИТТ, II, стр. 481 и 484.

[7] Закаспийская область в археологическом отношении.— «Туркестанские ведомости», 1888, № 24—25.

фотографии[1]. Характеристика архитектуры и декора этого памятника имеется в работах Б. Н. Засыпкина, С. А. Судакова и Б. П. Денике[2].

Углубленное историко-архитектурное исследование памятника осуществлялось в 1946—1947 гг. А. М. Прибытковой[3]. Здание обследовалось нами в 1950 г.

Материал постройки — жженый кирпич размером 26×26×4,5 м; кладка на глиняном растворе. В уровне арочных пят видны гнезда от некогда заделанных в кладку перпендикулярно стене квадратных деревянных брусков. Кирпич служит одновременно и строительным и декоративным целям: из него сложены стены и перекрытия, из него же выведены разнообразные узорные кладки. Оформление архитектурных поверхностей обогащено также введением разнообразных фигурных кирпичиков, из которых выложены бордюры, обрамления и отдельные орнаментальные поля.

Мечеть Талхатан-баба. План.

Перекрытиями служат арки, своды и купол. Главные действующие усилия давления и распора сосредоточены как бы в «узлах поглощения»: арки и своды основаны на несущих столбах; даже глухие стены являют собой конструкцию смежных разгрузочных арочных ниш. Боковые отделы внутреннего пространства мечети перекрыты сводами балхи, употребление которых широко представлено в сырцовой архитектуре Мервского оазиса XI—XII вв. Основное помещение перекрыто куполом почти полусферического очертания внутри, уступчатой кладки снаружи. Купол основан на тромпах обычного типа; индивидуальную особенность этих тромпов составляют небольшие треугольные разгрузочные паруса в местах перехода от квадрата к восьмиграннику. Такие же треугольники устроены выше, в углах перехода от восьмигранника к кольцевой кладке купола.

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 183—191. Подлинники негативов В. А. Жуковского хранятся ныне в фототеке Ленинградского отделения ИИМК АН СССР (шифры II-26060, I-27837, I-27836).

[2] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 48; С. А. Судаков. Архитектура сельджуков в Средней Азии — «Социалистическая наука и техника», 1935, № 10. Ташкент, стр. 57—59; Б. П. Денике. Указ. соч., стр. 12.

[3] А. М. Прибыткова. Мавзолей Талхатан-баба.— «Сообщения Института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 8. М., 1947, стр. 24—34; см. также: А. М. Прибыткова-Фролова. Архитектура сельджукского периода в Туркмении, стр. 7—8; Н. М. Бачинский. Искусство старых зодчих Туркмении, стр. 25—27.

Мечеть Талхатан-баба. Северо-восточный фасад.

Мечеть прямоугольна в плане (18×10 м). Она замкнута с трех сторон глухими стенами, но открыта по главному северо-восточному фасаду тремя арками. Внутреннее пространство ее подразделено как бы на три отсека: на среднее квадратное помещение, перекрытое куполом, которое сообщается через посредство двух открытых арок с продолговатыми боковыми. Эти последние в свою очередь подразделены каждое надвое и перекрыты сводами балхи.

Мечеть не имела ни колонных навесов, ни даже капитальной ограды; прямоугольник здания являл собой вполне законченную композицию. Это четко выражено на его фасадах. Главный, северо-восточный, выявляет внутреннюю композицию мечети: обширная средняя арка соответствует центральному отсеку, две меньших по обе стороны от нее — боковым. Композиционное расчленение фасада усложнено еще введением промежуточных узких, тянутых арочных нишек, выделяющих местоположение несущих устоев. Все эти арки разделены между собой широкими лопатками, выступающими лишь на четверть кирпича. Характерно, что замки всех арок лежат почти на одной высоте. Принцип начертания кривых в них однороден, а пропорциональное соотношение пролетов и высот резко отлично. Этим приемом достигается введение особого «контрастного» архитектурного масштаба, придающего фасаду большую монументальность.

Юго-западный фасад мечети расчленен на четыре арочные нишки, разделенные между собой такими же лопатками, как и на главном фасаде. Пяты арок покоятся

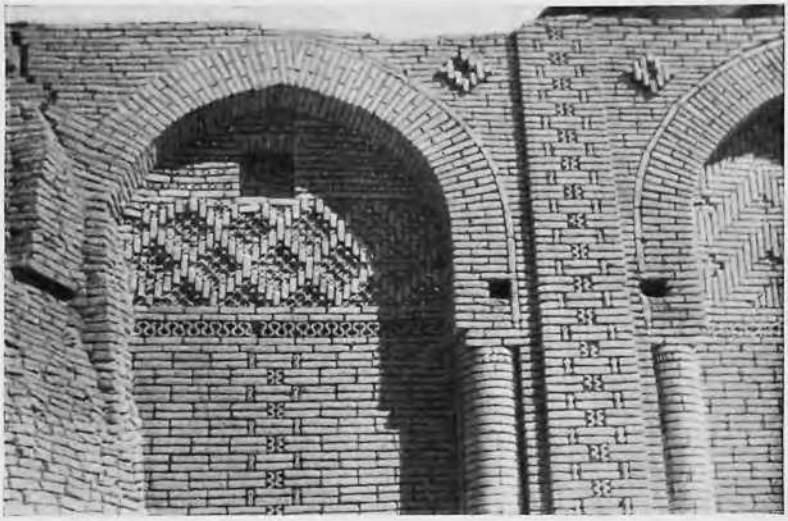

Мечеть Талхатан-баба. Юго-западный фасад.

здесь на трехчетвертных колоннах. Архитектонически этот фасад также отвечает внутренней планировке здания, однако в ином приеме: две средние арки соответствуют здесь центральному отсеку, а каждая крайняя — боковым, причем все они одинаковы по своим размерам. Два боковых фасада мечети оформлены простым расчленением на четыре узкие разделенные лопатками нишки.

Основной декоративный эффект в этом здании как внутри, так и снаружи достигается весьма разнообразным применением жженого кирпича. Кладки выполнены в традиционном приеме положенных вперевязку пар кирпича. В архитектурных членениях он служит также выражением основного масштабного модуля. Этим же кирпичом выполнены всевозможные узорные геометрические кладки. Значительную роль здесь играют также фигурные резные кирпичики, насчитывающие до двух десятков разнообразных типов; они нередко используются в различных взаимных комбинациях.

В архитектурно-декоративном оформлении мечети мастер проявил высокий вкус и применил весьма разнообразные приемы. Центральная арка главного фасада выведена клинчатой кладкой в толщину двух кирпичей. В треугольных тимпанах размещены рельефные квадраты. Лопатки, членящие главный фасад, оформлены расположенными в шахматном порядке резными кирпичиками в форме угловатой восьмерки и спаренными З-образными. Межарочная плоскость узких ниш заполнена рельеф-

Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки.

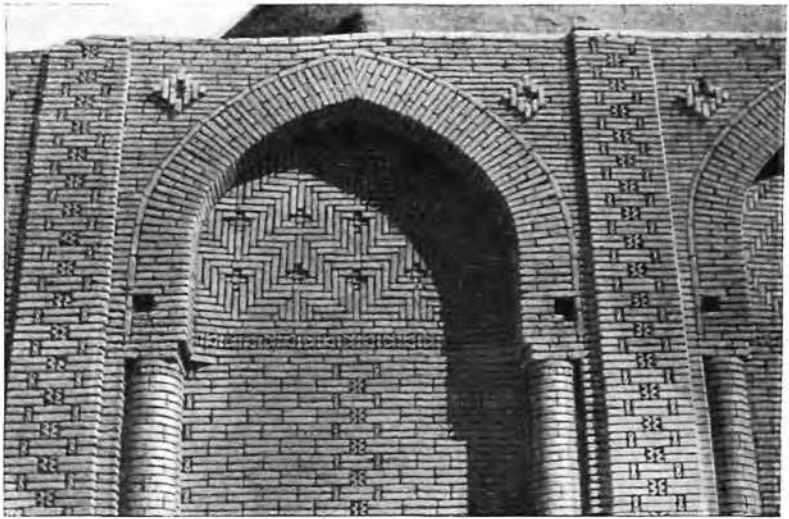
ными треугольниками; в кладках над боковыми нишами виден узор параллельных крупных треугольников, образованных кладкой «в елку».

Лопатки юго-западного фасада оформлены так же, как и северо-восточного. В тимпанах ниш размещено по рельефному диагонально расположенному квадрату (в один из них введена пара голубых кирпичиков). Архивольты арок гладкие. Кладка щипцовых стенок ниш до линии импоста арок однородна (спаренные кирпичи, а по осям такое же, как на лопатках, чередование фигурных кирпичиков). Но орнаментальные линии импостов и межарочные плоскости в каждой нише вполне индивидуальны; они образованы разнообразными ромбическими сетками.

В интерьере мечети основной декоративный акцент сделан на оформлении центрального помещения, где также широко использованы фигурные кирпичные кладки; особенно параден михраб. Стены основного квадрата этого помещения подчеркнуты вверху бордюрами, составленными из кирпичиков: З-образных, корытовидных, квадратиков, ромбиков, Х-образных «бантиков». Сложная геометрическая плетенка заполняет поверхности тромпов.

Таков этот памятник, которому принадлежит важное место в эволюции типа хорасанских мечетей XI—XII вв.

Прежде всего подчеркнем, что это именно мечеть, а не мавзолей, как именовало этот памятник, вслед за Б. Н. Засыпкиным, большинство иссле-

Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки.

дователей. Это мечеть, при которой был похоронен популярный шейх; погребение духовных лиц при мечетях практиковалось уже в первые века ислама.

Вопрос о датировке мечети Талхатан-баба был разрешен еще В. А. Жуковским. Последний (а за ним все исследователи) подчеркивал стилистическую общность здания с сельджукидскими постройками Мерва, определяя время сооружения, таким образом, XI—XII вв. Выдвигая предположение о возведении мечети у могилы Абу-Бекра Мухаммеда ибн ал-Фадла ибн-Ахмеда, проживавшего в Талхатане, занимавшегося здесь сельским хозяйством и толкованием хадисов и скончавшегося в 1095 г., В. А. Жуковский считал возможным связать сооружение здания с этой датой.

С точки зрения эволюции архитектурного типа мечеть Талхатан-баба составляет следующее звено за соборной мечетью Башана и Низамийе в Харджирде. Если в первой выделяется центральное сводчатое ядро, обращенное обширной открытой аркой во двор, а с боков примыкают колонные навесы; если во второй при наличии аналогичного сводчатого айвана по обе стороны от него возводятся уже небольшие продолговатые, также сводчатые помещения, открытые арками во двор, то в мечети Талхатан-баба центральный планировочный элемент получает особую композиционную значимость благодаря перекрытию его куполом. Кирпичный декор мечети Талхатан-баба

Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки.

несравненно сложнее, чем в двух предшествующих постройках. Стилистически Талхатан-баба стоит вслед за ними, хотя отделена от них известным интервалом и, таким образом, относится ко времени не раньше конца XI в.

Сопоставление мечети со стилистически близким к ней памятником Мерва — мавзолеем Мухаммеда ибн-Зейда, отстроенным в 1112—1113 гг., дает ряд добавочных наблюдений. Общими являются конструкции тромпов, композиционный прием ритмического чередования по фасаду широких и узких стрельчатых ниш ек и типы резных декоративных кирпичиков.

Однако в мавзолее Мухаммеда ибн-Зейда в верхней части фасада применен несравненно более сложный геометрический узор, чем те, которые отмечены в мечети Талхатан-баба; значительно сложнее в нем и оформление интерьера, где участвует живопись, а также введен парадный эпиграфический фриз, выполненный из рельефных кирпичей на фоне резьбы по ганчу. Все это позволяет считать мечеть Талхатан-баба несколько более ранней во времени, чем мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Датировка мечети, таким образом, относится или к последнему десятилетию XI в. или к первому десятилетию XII в. Она вполне подтверждает вероятность гипотезы В. А. Жуковского о погребении при мечети упомянутого выше «талхатанского старца» Абу-Бекра Мухаммеда Талхатани, скончавшегося в 1095 г.

Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки.

Мечеть Талхатан-баба. Михраб.

Мечеть Талхатан-баба является выдающимся созданием местного народного зодчества средних веков. В ней превосходно разрешена инженерная задача перекрытия трех пространственно-взаимосвязанных помещений системой сводов и арок, основанных на стенах и несущих опорных столбах. Благодаря высокой организованности и продуманности композиции здание это при относительно скромных масштабах отличается большой монументальностью. Всестороннее использование строительных и фактурных качеств жженого кирпича вносит в эту постройку гармоническое единство конструктивных и декоративных элементов, а употребление его как во внешней архитектуре, так и в интерьере придает органическую цельность художественному замыслу.

Мечеть Данданкана

Развалины сооружений на городище Даш-Рабат в пустыне Кара-кум в 35 км на юго-запад от г. Мары были отмечены уже в прошлом столетии[1]. Открытие погребенных песками руин мечети относится к периоду Великой Отечественной войны — к 1942 г., о чем сообщили в Туркменский филиал Академии наук СССР командир части капитан П. Мездриков, его помощник П. Поливанов и комиссар И. Васильев[2]. Вслед за этим сообщением обследование Даш-Рабата было осуществлено ориенталистом-профессором Б. Н. Заходером, археологами С. А. Ершовым и Г. Б. Федоровым и архитектором М. А. Камышниковым. Работами экспедиции была установлена тождественность Даш-Рабата со средневековым городом Данданканом, лежавшим в 10 фарсахах (60 км) от Мерва на пролегавшем через пустыню большом караванном пути из Мерва в Серахс. Осуществленные в центре городища раскопки на площади до 260 кв. м выявили остатки мечети [3]. Наиболее эффектные фрагменты резного штука были привезены в Музей краеведения в г. Ашхабаде.

О существовании в Данданкане «минбара» (кафедральной мечети) уже сообщает в первой половине X в. Истахри[4]. Максиди (вторая половина X в.) подчеркивает чрезвычайную красоту этой соборной мечети и наличие в Данданкане еще одной мечети — не соборной; обе они, очевидно, принадлежали сторонникам господствовавшего в этом городе шафиитского толка[5]. Город был разрушен гузами осенью 1158 г.; в начале XIII в. Якут застал здесь только крепостную стену и руины красивых зданий [6].

Соборная мечеть располагалась почти в середине города и имела ориентацию главной оси на кыблу. Руины ее были вскрыты в 1942 г. не полностью, в силу чего планировка остается невыясненной. Судя по раскопанным участкам, мечеть являла собой прямоугольный двор, обнесенный по периметру навесами. Последние были основаны на круглых кирпичных колоннах, между которыми были переброшены арки перекрытия. Число колонн на юго-западном отрезке двора равно шести в ряду (открыто два параллельных ряда их). Обнаружены остатки водоема, лежавшего на главной оси двора. Если предположить, что он располагался в центре двора, то число колонн по длинным сторонам было равно восьми.

---

[1] П. М. Лессар. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб., 1884, стр. 65.

[2] Ал. Гурович. Воины из Данданекана.— «Комсомольская правда» от 7 мая 1942 г.

[3] См. Б. Н. Заходер. Данданекан.— «Исторический журнал», 1943, № 3—4, стр. 74—77; С. А. Ершов. Данденакан.— КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 126—136.

[4] МИТТ, I, стр. 174.

[5] МИТТ, I, стр. 195 и 201.

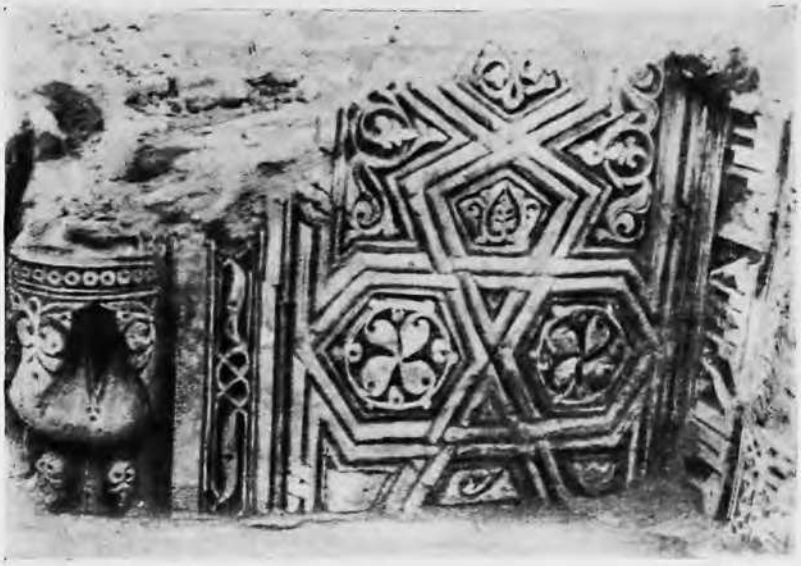
[6] МИТТ, I, стр. 421.

Мечеть Данданкана. Деталь резного штука.

В сооружении этого здания выясняется по крайней мере два крупных строительных периода. Первоначально, в IX—начале X в., оно было отстроено по принципу раннеарабской дворовой мечети с арочными портиками, основанными на круглых кирпичных столбах, покрытых резным ганчем. При этом архитектурные формы, декор и приемы строительной техники являются чисто местными. Радикальная переделка данданканской мечети была осуществлена, как это установлено чтением исторической надписи на михрабной нише, в 90-х годах XI в.[1]. При этом между колоннами первого ряда юго-западной части мечети была протянута тонкая стенка в один ряд кирпича (размеры кирпича 30×30×6,5 см), в среднем интерколумнии устроена нишка михраба, перекрытая полукуполом, и как будто перестроены угловые устои, которые получили причудливую форму пучка сомкнутых трехчетвертных колонок и небольших пилястр. Тогда же, по-видимому, была осуществлена вымостка полов и двора кирпичом 30×30×6,5 см. Все поверхности колонн и арок были перекрыты поверх старой резьбы новым слоем ганча, на который была нанесена изысканная резная орнаментация.

[1] Вопреки утверждению проф. Б. Н. Заходера, будто надписи мечети «исключительно религиозно-коранические» («Исторический журнал», 1943, № 3—4, стр. 76), М. Е. Массоном уже в 1945 г. было установлено наличие надписи исторического содержания, затем прочтенной и М. М. Дьяконовым; см. М. М. Дьяконов. О дате данденаканской мечети. — КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 108; В. А. Крачковская. Указ. соч., стр. 17, рис. 21; М. Е. Массон. Новые данные о надписях одного Мешхеди-Мисрианского минарета.— Сб. «Эпиграфика Востока», VII. М.— Л., 1953, стр. 12, прим. 2.

Мечеть Данданкана. Деталь резного штука.

Резной штук данданканской мечети — это подлинный шедевр средневекового народного прикладного искусства. Надпись в михрабе сохранила имя ее мастера — Абу-Бекра. Резьба выполнена в глубоком рельефе, иногда в двух и трех планах. Контуры узора достигают 1—2 мм по ширине. Элементы крупного орнамента покрывает измельченный узор тончайшей, как бы кружевной вязи геометрических сплетений и легких насечек. Мотивы орнаментации очень разнообразны. Здесь можно видеть на колонках подражание кладкам фигурных резных кирпичиков. В прямоугольном панно на стенках михраба и в плафоне его полукупола употреблены сложные геометрические гирихи, основанные на системе четырех- и восьмиконечных звезд, в переплетения которых включены растительные мотивы. В бордюрах видны замысловатые плетенки. В торцовой стенке михрабной ниши введен тот оригинальный мотив фигурных листьев и «распахнутых крыльев», сюжет которых восходит еще к орнаментике сасанидской эпохи[1]. Подобный же мотив «распахнутых крыльев» представлен в резьбе по глине на михрабе XI—XII вв. из Ашта (Фергана)[2].

[1] Ср K. A. C. Creswell. Early Muslim Architecture, vol. I. Oxford, 1932, стр. 198 и сл.

[2] Г. А. Пугаченкова. Резной михраб из Ашта.— «Сообщения Тадж. ФАН СССР», вып. XXV. Сталинабад, 1950, стр. 34.

Стилизованные растительные завитки, размещенные на сетке сложных геометрических построений, употреблены в бордюрах, в капителях колонн и в фонах надписей. Последние выполнены то сочным куфи, то вычурным несхи; содержание их, кроме упомянутой исторической надписи, дающей дату и имя мастера, составляют цитаты из корана. Очень оригинальны встроенные трехчетвертные колонки михрабной ниши. База являет собой четырехгранник с трапециевидными сторонами, украшенными каждая пятилопастной пальметкой; над ней находится «кузаги» несколько сплюснутого профиля с набегающими на него пальметтообразными лопастями. Цилиндрический ствол украшен плетенкой, образующей пересечение в виде свастики; верхняя часть ствола выделена нешироким бордюром с куфической надписью и полосками «сосочков». Капитель имеет форму вытянутого параллелепипеда, контур которого смягчен растительным орнаментом, нанесенным на гранях, где завершающие завитки узора воспринимаются как обратные волюты, несущие невысокую абаку.

Резьба по ганчу в XI—XII вв. получает очень широкое развитие в архитектурных школах азиатского Востока. Однако сопоставление данданканского резного штука с такими шедеврами резьбы XI—XII вв. вне Хорасана, как, например, дворец правителей Термеза или Алавийе в Хамадане, обнаруживает между ними определенные различия. Общность ограничивается лишь некоторым единством принципов: употреблением сложно-геометрических систем — гирихов, большой ролью надписей шрифтами куфи и несхи, предельной стилизацией растительных мотивов. Однако все эти системы и мотивы отличны как в своих общих решениях, так и в деталях. Данданканский штук — произведение особой школы резчиков по ганчу, чьи художественные традиции оформились в областях Южного Туркменистана на местной творческой основе; генезис этих традиций восходит еще к резному штуку Шир-Кабира.

Пештак в Абиверде[1] Городище Пештак (развалины средневекового Абиверда) получило свое наименование по руине монументального пештака какого-то крупного здания, которое в остальных своих частях уже в прошлом столетии было разобрано на кирпичи. В наши дни высится лишь его северо-западный устой. Судя по ориентации главной оси застройки северо-восток —юго-запад, т. е. в сторону кыблы, можно с уверенностью утверждать, что пештак принадлежал городской мечети.

Материалом постройки служит жженый кирпич размерами 22,5×22,5×5,5 см на превосходном ганчевом растворе. В кладку введено (видимо, с антисейсмическими целями) большое число деревянных связей. Устой пештака монолитен, вверху его видны остатки встроенной в массив винтовой лестницы. Пролет портального свода достигал 10 м, а открытой арки входа — 7 м.

Богатая облицовка украшала пештак. Здесь использовались притертый фигурный кирпич, резной штук и даже голубые глазурованные плитки.

Лицевая плоскость устоя расчленена параллельными узкими и широкими полосками, некогда, очевидно, П-образно обрамлявшими арку. В них чередуются разно-

[1] Руины Пештака обследованы в 1927 г. Хаверанской экспедицией (см. А. А. Семенов. Развалины Абиверда и остатки старины вблизи его.—«Древности Абиверда», стр. 18 и сл.), а в 1947 г. ЮТАКЭ (см. Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 228 и сл.).

Пештак (Абиверд).
Руины портала мечети.

образные геометрические гирихи и заключена крупная надпись почерком «цветущий куфи», длинные буквы которого перерастают в сложные «узлы счастья» и в растительные узоры. В углу устоя — трехчетвертной жгут, обрамлявший арку, по поверхности которого распределен спиралеобразный орнамент. Внутренний угол портального свода имеет в плане очертание крупной выкружки; это позволяет предположить, что перекрытием портальной ниши служил коньковый полукупол. Здесь размещен богатый резной по штуку орнамент в виде замысловатых плетенок на фоне спиралевидного растительного узора.

Судя по стилю орнаментации и по палеографическим данным, мечеть Абиверда может быть отнесена к первой половине XII в.

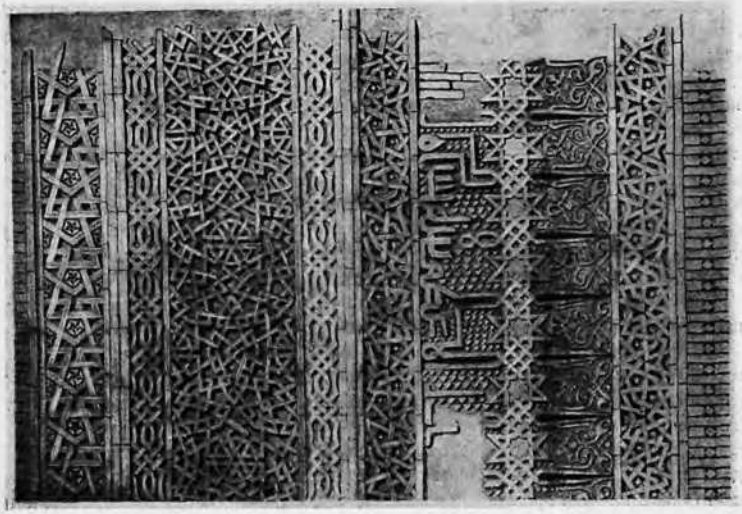
Общая архитектоника пештака и детали орнаментации несколько отличны от построек как мервской, так и дахистанской группы. Своеобразие пештака является наглядным свидетельством самостоятельных творческих поисков народного гения, вносящего элементы нового даже в постройки, назначение которых само по себе предопределяет известное их единообразие.

Мечети Дахистана

Самые ранние иконографические материалы, фиксирующие развалины монументальных архитектурных зданий на городище Месториан (средневековый Дахистан), хранятся в Центральном государственном архиве МВД Грузинской ССР. К донесению генерала Ломакина, помеченному 1875 г., приложены рисунок фасада одной из месторианских мечетей, карта инструментальной съемки, на которой обозначено местоположение двух «мечетей», и прорисовка какой-то куфической надписи. В 1876 г. были опубликованы рисунки некоторых построек Месториана, исполненные поручиком П. А. Шетихиным[1]. В 1902 г. руины их были сфотографированы военным инженером Б. Н. Кастальским, по снимкам которого А. А. Семенов расшифровал часть надписей на портале и одном из минаретов[2]. Позднее

[1] П. А. Шетихин. Развалины древних городов в Средней Азии. Мест-Давран.— «Всемирная иллюстрация», № 374, 1876, рис. 1 и 7.

[2] Б. П. Денике. Искусство Средней Азии, стр. 23, табл. 8; его же. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 24 и 26.

Мечеть в Пештаке. Орнаментация портала.

на основе этих снимков Б. П. Денике и Б. Н. Засыпкин делали попытки стилистического анализа мисрианских минаретов[1].

Историко-архитектурное изучение этих развалин и анализ содержащихся на них надписей были осуществлены X отрядом ЮТАКЭ в 1947 г.[2]. При этом установлено, что руины внутри средневекового шахристана принадлежат двум мечетям, из которых одна датируется 1102 г., а другая — началом XIII в. Третья мечеть — пригородная намазга — располагалась вне городской стены.

Мечеть 1102 г. разрушена настолько, что составить четкое суждение о ее планировке без производства раскопок не представляется возможным. Устанавливается лишь наличие двора, обведенного некогда навесами на кирпичных круглых столбах. В архитектурном декоре здесь применялся резной ганч с великолепной орнаментацией, исполненной высоким рельефом и тонкой резьбой, стилистически очень сходный со штуковым декором данданканской мечети.

[1] Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства Советского Востока.— Сб. «Художественная культура Советского Востока». М., 1931, стр. 31.

[2] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 213 и сл.; М. Е. Массон. Новые данные о надписях одного Мешхеди-Мисрианского минарета.— «Эпиграфика Востока», VII, 1953, стр. 7 и сл.; в этих же статьях — подробная библиография.

Близ северо-западного угла мечети располагался круглый, конически сужающийся кверху минарет, стоявший отдельно от ее стен. Он сохранился в настоящее время на высоту до 20 м, но первоначально был едва ли не вдвое выше.

Кладка ствола минарета на высоту до 3 м выполнена из крупных квадратных плит кирпича размерами 33—35 см в стороне на 6—7 см толщины. Над первым поясом надписей следует кладка из кирпича 23×23×6 см и, наконец, вверху, начиная от широкой орнаментальной полосы, использован кирпич-маломерок 20×20×3,5 см. Факт этот имеет принципиальную важность, свидетельствуя, что в одну и ту же эпоху употреблялись разноформатные, а не единого стандарта кирпичи. Кладка осуществлена на светло-сером ганчевом растворе; кирпич положен вперевязку швов. Кирпич является и основным материалом архитектурного декора: из него выложены надписи, из него же выполнена и геометрическая орнаментация.

Диаметр минарета у подошвы — около 8 м; внутри него встроена винтовая лестница шириной 90 см, огибающая почти 3-метровый центральный столб.

Расчленение минарета как бы на три яруса осуществлено путем введения через значительные интервалы гладкой кладки трех поясов куфической надписи. Вверху располагается сложная геометрическая плетенка, построенная на квадратной сетке. В надписях этих содержится имя заказчика — «владетеля» Дахистана Джафар Абул-Агарра, строителя минарета (видимо, и всей мечети) — «славного» Али ибн-Зийада и дата сооружения — 495 г. хиджры (1102 г. н. э.) Отсутствие при имени архитектора нисбы (указания места рождения) намекает, видимо, на его местное происхождение.

В свое время, основываясь на «скромности облика» мисрианских минаретов, Б. Н. Засыпкин датировал их «досельджукской эпохой»[1]. Между тем эта «скромность» составляет специфическую черту их стиля, радикально отличающую архитектурное решение дахистанских минаретов от минаретов XI—XII вв. Мавераннахра и Ирана.

В 120 м к югу от руин описанной мечети высится минарет и развалины портала другой мечети. Датировка ее уточняется надписью на портале, содержащей имя хорезм-шаха Мухаммеда, т. е. пределами 1200—1219 гг.[2] М. Е. Массон расшифровал также имя строителей мечети — Абул-Хусейна ибн-Мухаммеда ан-Нака и Мухаммеда ибн ал-Хусейна ан-Нака, может быть отца и сына, мастеров дахистанского происхождения[3].

Мечеть отстроена из жженого кирпича размерами 22—22,5 см на 4,5 см в кладках портала, 21—22 см на 4,5 см — в минарете. Кладки выполнены на сероватом ганчевом растворе.

Мечеть прямоугольна в плане, ориентирована главной осью с севера на юг и имеет прямоугольный двор, в центре которого располагался бассейн. В глубине на оси лежит купольное помещение — киоск, выделенное сводчатым айваном и взаимосвязанное арочными проемами с прилежащими портиками, основанными некогда

[1] Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства..., стр. 31.

[2] А. А. Семенов. Надписи на портале мечети в Мешеди-Мисриане.— ЗВО, т. XVIII, вып. 4. СПб., 1908, стр. 0516.

[3] М. Е. Массон. Новые данные о надписях..., стр. 16. В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 21, рис. 27.

Руины мечетей в Дахистане.

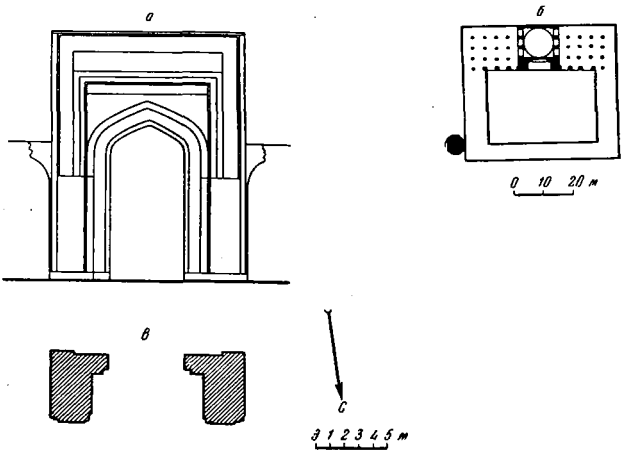
на круглых кирпичных колоннах. Навесы эти шли по периметру двора. В юго-западном углу располагается минарет.

Несмотря на сильную разрушенность нижних участков портала, композиционная схема его устанавливается полностью. Линия импоста портальной арки отчленяет всю нижнюю гладь стен, кладка которых выполнена спаренными кирпичами. Самая же арка П-образно оконтурена орнаментальными рамами, заключающими: а) узор остролистов, выложенный голубыми глазурованными элементами по терракотовому фону; б) геометрический орнамент, основанный на системе восьмигранников; в) надпись цветущим куфи, также выполненную из глазурованных плиток. В тимпанах арки расположены два больших голубых круга на фоне дробного узора, образованного из резных Z-образных кирпичиков. Архивольт арки имел надпись, выполненную голубыми буквами почерка несхи, обведенную бордюрами из Z-образных резных кирпичиков. Арка основана на трехчетвертных колоннах, сложенных из спаренных кирпичей, с фигурными капителями, украшенными резным ганчем. Богатый резной штук покрывал щеки, торец и софит портальной арки. Здесь использовано два приема резьбы: плоскостной, как бы имитирующей в ганче фигурные кирпичные кладки, и горельефной с многопланным стилизованно-растительным и эпиграфическим орнаментом.

Минарет мечети XIII в. круглоствольный; силуэт его таков же, как у минарета 1102 г. Кладка осуществлена парами кирпичей с широким разделительным швом, подчеркнутым глубокой бороздой, как на портале. В настоящее время орнаментации

на минарете не сохранилось, однако на фотографии 1902 г. вверху еще видна широкая (до 2 м) полоса геометрического узора, выложенного из подтесанных кирпичей и построенного на косой сетке; над ней располагалась куфическая надпись.

Обе дахистанские мечети, сооружение которых отделено интервалом в сто лет, сходны во всех своих основных принципах. Ориентация север-юг (а не на кыблу), дворовая организация плана, тип отдельно стоящего круглоствольного минарета и

Мечеть в Дахистане.

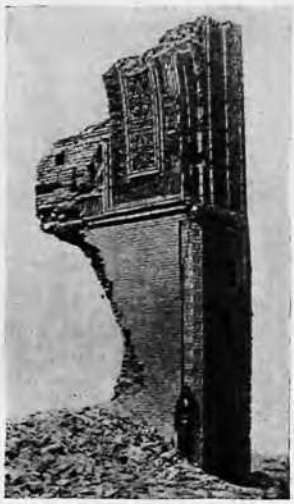
а — схема фасада; *б* — схема реконструкции плана; *в* — план устоев.

приемы архитектурного сформления в них общи; эволюция отмечается лишь в типе архитектурного декора (введение в XIII в. голубых глазурованных изразцов). Отстроенная в правление хорезм-шаха Мухаммеда мечеть ничего «хорезмийского» в своей архитектуре не несет и явно развивает местный, «дахистанский» тип пятничной городской мечети, созданной двумя талантливыми местными мастерами: Абул-Хусейном ибн-Мухаммедом и Мухаммедом ибн ал-Хусейном.

К рассмотренной мечети Дахистана стилистически очень близок другой памятник этого города, ныне совершенно разрушенный, находившийся близ западной стены городища. Он еще отмечен на плане А. М. Коншина[1]; в 1902 г. Б. Н. Кастальский сфотографировал единственный стоявший в его время устой портала этой постройки. Между тем на выполненной в 1875 г. по заданию генерала Ломакина зарисовке и на рисунке П. А. Шетихина видны второй устой, часть арки и торцовая стена. Это был мо-

[1] А. М. Коншин. Разъяснение вопроса о течении Аму-Дарьи по современным геологическим и физико-географическим данным.— «Записки РГО по общей географии», XXXIII, № 1, СПб., 1897 (план городища).

нументальный пештак какого-то крупного здания, сложенный из жженого кирпича и сохранившийся к 1876 г. на высоту более 20 м. Он имел импостное членение устоев, нижняя половина которых трактована в виде стены, оформленной вытянутой стрельчатой нишей с квадратными панно под ней. Арку оконтуривали две широкие полосы куфических надписей и выложенного из фигурных кирпичиков орнамента. Архивольт арки опирался на трехчетвертные восьмигранные колонки, выложенные чередованием спаренных горизонтальных и вертикальных кирпичей. В софите арки было панно горельефного растительного орнамента, напоминающего данданканский штук в обрамлении куфической надписи. Щипцовая стена заключала стрельчатые нишки и неширокий проход. П. А. Шетихин называл эти руины «развалинами дворцовых ворот» и указывал, что они «украшены выпуклыми арабесками, часть которых покрыта эмалью»[1].

Дахистан. Руина портала в пригороде.

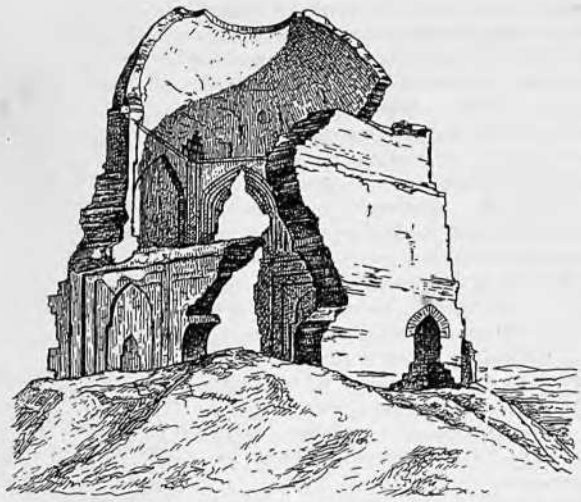
Стилистические элементы убранства и общий архитектонический принцип, чрезвычайно близкие к мечети Дахистана с именем хорезм-шаха Мухаммеда, позволяют отнести этот памятник скорее всего ко второй половине XII — началу XIII в., причем возможно, что это был не дворец, а мечеть.

В северной части пригорода Дахистана находятся руины мечети Шир-Кабир; название ее туркмены связывают с тем же Шир-Кабиром, мавзолеем которого считается здание IX—X вв. на кладбище у Машада. Работами ЮТАКЭ установлено, что это в действительности намазга, т. е. загородная мечеть, предназначенная для совершения обрядов во время двух крупных мусульманских празднеств — курбан и фитр. Датировка ее устанавливается в пределах XI—XII вв.[2].

Здание воздвигнуто из жженого кирпича (21—22 см в стороне на 3—3,5 см); кладка на ганчевом растворе, стены оштукатурены ганчем. Ориентация север—юг. Мечеть имела главное помещение, перекрытое куполом (пролет его — 8,70 м); в каждой стене — по два арочных прохода, на южной стене — михраб. Михрабная ниша имеется и на главном фасаде. Судя по рисунку Шетихина (1876 г), перед ним был полуоткрытый портик, основанный на пучкообразных столбах, а с восточной и западной стороны примыкало два небольших помещения, также полуоткрытых в сторону двора. Двор-

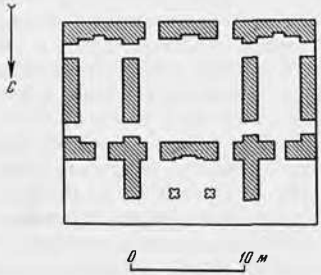
[1] П. А. Шетихин. Развалины древних городов...,— «Всемирная иллюстрация», № 374, 1876.

[2] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 221 и сл.

Развалины намазги в Дахистане.

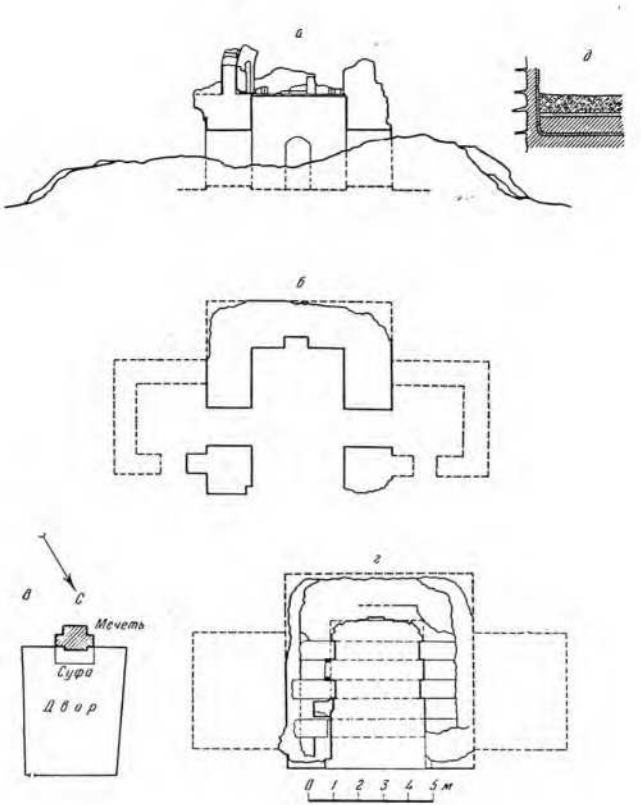
очень обширен и некогда был обведен глинобитной оградой; в углу его высился минарет, в настоящее время разобранный почти до основания.

Намазга в Дахистане. Реконструкция плана.

Главное помещение намазги развивает ту же тему «мечети-киоска», что и рассмотренные выше мечети в шахристане. Купол его основан на тромпах, выведенных в виде шести перспективно сокращающихся арочек, переходящих в сомкнутый свод, т. е. посредством приемов, которые были разработаны в местной сырцовой архитектуре еще в IX—X вв. (мазар Шир-Кабир на кладбище Машад).

Стены были украшены живописью, нанесенной яркосиней краской по белой ганчевой основе; в настоящее время остались лишь ее следы. Здесь виден большой круг в фигурном оформлении и геометрические орнаменты. Ниши михрабов обрамлены надписями почерком несхи, резанными по ганчу.

Намазга в Нисе.

а — разрез; *б* — план; *в* — генеральный план; *г* — проекции сводов; *д* — деталь вскрытия пола.

Намазга Нисы

Руины другой средневековой мечети-намазги сохранились в пригороде Нисы[1]. Стены выведены из рваного копет-дагского камня на ганч-хаке (гипс с большими добавками лесса); сводчатые перекрытия — из жженого кирпича 20×20×4 см на ганч-хаке с бо́льшим содержанием ганча, чем в растворе стен.

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 247 и сл.

План мечети характеризуется наличием обширного среднего сводчатого помещения, открытого аркой во двор и соединенного арочными проходами с двумя смежными малыми комнатками, покрытыми сводами балхи. Последние также были открыты проемами в сторону двора. Двор размером 100×80 м окружен оградой со входом у северного угла. Мечеть ориентирована строго на кыблу. В юго-западной стене основного помещения имеется михрабная ниша.

По археологическим данным, намазга Нисы датируется XI—XII вв. В планировочном отношении она развивает те же черты, которые прослеживаются в упомянутых пятничных мечетях Хорасана ас-Сагит в Башане, и Низамийе в Харджирде.

Рассмотренные мечети-намазги Талхатана, Дахистана и Нисы наглядно опровергают утверждение Э. Дица, будто намазга (иначе мусалля) «представляет интересный пример культовой постройки, слишком мало значимой для того, чтобы внушить создание специального архитектурного типа»[1]. На примерах южно-туркменистанских памятников совершенно очевидно, что намазга оформилась к XII в. как вполне определенный архитектурный тип сооружения, которое выполняло организующую роль, направляя взоры большой толпы в сторону кыблы во время совершения коллективной молитвы. Для композиции их характерна пространственная взаимосвязь постройки и обширного двора с объемным выделением центрального ядра, купольного или сводчатого, являющегося своего рода монументальным, отовсюду видимым михрабом.

Мавзолеи

Мавзолей Мунтасира в Астана-баба

Селение Астана-баба, расположенное в 12 км к северо-западу от г. Керки, лежит на стыке орошенных, возделанных земель Аму-Дарьинского побережья и сыпучих песков. Между тем еще в начале нашего столетия офицер русской службы, художник-любитель Б. Литвинов составил описание обследованной им «подземной мечети-усыпальницы» и связанных с ней легенд[2]. В советское время район посещался археологом А. А. Марущенко (экспедиция Туркменкультa 1931 г.), пришедшим к неверному отожествлению селения Астана-баба с упоминаемым средневековыми географами городом Земмом; четырехстолпный зал описанного Б. Литвиновым памятника он счел за элемент мечети IX—X вв. города Земма. В Архиве Академии наук Туркменской ССР хранится комплект фотографий, выполненных, видимо, по заданию Туркменкультa в начале 1930-х годов с двух архитектурных памятников Астана-баба: указанной «мечети-усыпальницы», а также расположенного в 3 км от нее безымянного мавзолея.

В 1948 г. нами было осуществлено специальное историко-архитектурное изучение двух этих сооружений. Установлено, что более ранним из них является одиночный мавзолей, который, в отличие от мазара Астана-баба, не имеет культа и не пользуется популярностью среди жителей.

Население именует его мазаром Аламбердара (или Аламдара, тугчи-«знаменщика»), который, по преданию, был военачальником, сподвижником Алия. Легенда

[1] E. Diez. Masdjid. Encyclopédie de l'Islam. Supplement.

[2] Б. Литвинов. Астана-баба.— «Туркестанские ведомости», 1910, № 25.

гласит, что однажды, продвигаясь в пустыне, где-то в районе Астана-баба, отряд его остался без воды. Аламбердар отправился на розыски колодца, уговорившись с воинами, что к ночи, для того чтобы он не заблудился, ему зажгут огни. Отыскав воду, Аламбердар уже затемно возвращался к отряду, но по ошибке пришел к огням врагов — кизылбашей, которыми и был убит. Утром его сподвижники бросились на розыски, отбили тело, расправились с убийцами, а позднее предали останки своего вождя погребению и воздвигли над ним мавзолей. Было это будто бы тысячу лет назад.

Астана-баба. Мавзолей Аламбердара. Общий вид.

Мавзолей однокамерный. Выстроен из жженого кирпича размером 26—27 см в стороне на 4,5—5 см толщины. Стены сложены на глиняном растворе; арки, паруса, купол — на ганчевом. Кладка стен снаружи и внутри осуществлена спаренными кирпичами с широкими разделяющими вертикальными швами.

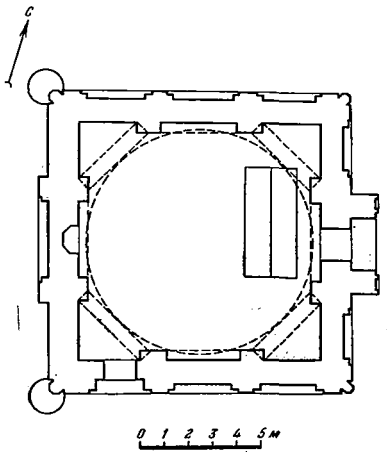
Закладка шурфов показала, что здание вросло на 1,15 м в землю относительно современного уровня, под которым—уплотненный грунт земляного пола. На 55 см ниже пола кончается цокольная часть стены, сложенная также спаренным кирпичом, а ниже лежит фундамент, который состоит из четырех рядов кирпича вперебежку швов на глиняном растворе.

Перекрытие купольное, основанное на восьмигранник трompов. Кладка трompа выполнена в виде сомкнутого полусвода; угол перехода от основания к его сферической поверхности смягчен в пазушной части дополнительным срезом под 45°. Переходы от восьмигранника парусов к основанию купола заполнены четырьмя рядами диагонально выпущенных кирпичей. Сомкнутые своды парусов (толщина кладки их всего лишь в полкирпича) выступают на восьмерике снаружи и ничем не замаскированы. В основании арок парусов для связи заделано диагонально по две деревянных балочки.

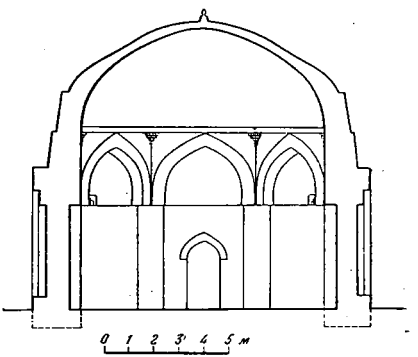
Здание за все время своего существования лишь один раз было подвергнуто капитальной реставрации. При этом была заново возведена западная стена, в которой устроили нишу михраба, в наружных углах были сооружены круглые башенки-контрфорсы, переложены северо-западный и юго-западный парус и заново возведена скуфья купола, которому придали форму, несколько напоминающую верх юрты. В кладку купола заделаны в трех уровнях полувыступающие снаружи кирпичи.

Верхушку его венчает фигурное навершие-кубба. Кирпич ремонта — 25×25×5 см; кладка на ганчевом растворе вперебежку швов.

Здание квадратно в плане (12,80 м по наружной стороне и 8,50 м по внутренней); внутри него близ восточной стены находится крупное обмазанное глиной надгробие. Стены внутри расчленены каждая тремя стрельчатыми нишами. Снаружи северный и южный фасады оформлены тремя неглубокими нишами. Западный, переложенный при ремонте, заключает лишь одну центральную настенную нишу.

Астана-баба. Мавзолей Аламбердара. План.

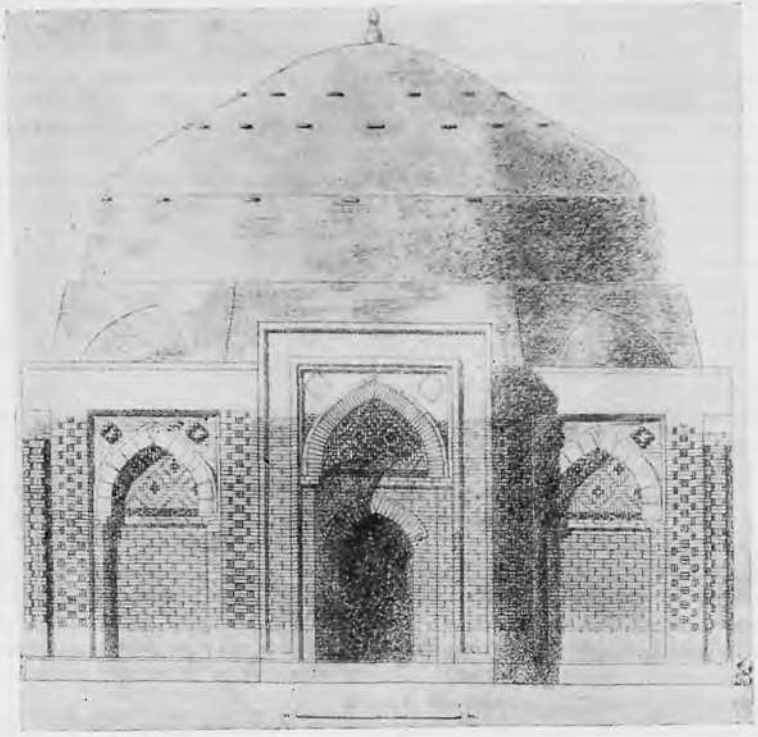

Мавзолей Аламбердара. Разрез.

Центрический характер композиции мавзолея подчеркивается наличием встроенных угловых восьмигранных колонок. Однако, главный фасад отличается от боковых тем, что средняя ниша его развита в объем небольшого, выступающего вперед на 1,08 м и слегка возвышенного относительно стены пештака.

В оформлении архитектурных поверхностей значительную роль играет фактура кирпича. Наряду с характерной кладкой наружных рядов спаренными кирпичами с сильно выраженным вертикальным швом между каждой смежной парой, большую роль играют здесь резные фигурные кирпичики. Последних насчитывается 15 типов, причем в различных взаимных комбинациях они образуют разнообразные варианты геометрического узора. Резьба осуществлена на всей узкой стороне обычного кирпича, на ее половинке или четверти, еще до обжига, образуя простые фигуры—трапеции, округлые скобки, «сигму», «зет», треугольник, полуокружность, крестовинки и просто квадратики.

Основные кладки стен выполнены из спаренных кирпичей, которые в простенках между арочных нишек разделены фигурными кирпичиками. Арки ниш сложены «отрез-

Астана-баба. Мавзолей Аламбердара. Реконструкция фасада.

ками» из положенного плашмя кирпича; арки портала и входа — клинчатой кладки. В тимпанах настенных арок — ромбовидные фигуры; в тимпане арки пештака — ажурный узор, образованный из С-образных резных кирпичиков. Межарочные пространства заполняют простые, но разнообразные геометрические фигуры, основанные на зигзаге, на диагональной или квадратной сетке, образованные кладкой кирпича «в елку». Горизонтальные бордюры, подчеркивающие линию пят арок, выложены из резных кирпичиков; мотивы орнамента очень разнообразны, они варьируются на всех фасадах и составлены из кружков, эллипсов, ромбов, зигзагов и пр. Выкладка угловых колонок осуществлена чередованием спаренных кирпичей и вертикально поставленных.

также спаренных полукирпичиков. Кладка стен интерьера однотипна; она выполнена спаренным кирпичом.

На основании стилевых признаков можно наметить датировку памятника. Центрическая композиция основного объема с характерными встроенными колонками в углах восходит к мавзолею Саманидов в Бухаре (IX—X вв.). Однако наличие пештака как еще не вполне развитой, но уже определившейся архитектурной формы, переход от индивидуальных фигурных плиток к резным кирпичам — эти элементы присущи памятникам XI в. Из наиболее ранних мавзолеев с пештаком можно упомянуть Мир-Саид-Бахром в Кермине и средний мавзолей Узгена (оба XI в.). Оформление стен интерьера тремя стрельчатыми нишами известно по мазару Шир-Кабир в Дахистане (IX—X вв.), по первому мавзолею из комплекса Султан-Саадат в Термезе (XI в.) и мавзолею Абу-Саида в Меана (середина XI в.). На ту же эпоху указывает и сравнение кирпичной фактуры стен мавзолея. В мавзолее Саманидов в Бухаре (IX—X вв.) уже использована кладка из трех рядов кирпича с разделяющим их диагонально поставленным кирпичом[1]. Употребление кладки спаренным кирпичом характерно для всех вышеупомянутых памятников XI в. К ним можно добавить мавзолей Абул-Фазла в старом Серахсе (около 1024 г.) и мавзолей Карахана в Джамбуле (XI в.). Выкладка угловых колонок мавзолея Аламбердара аналогична колонкам мавзолея Мир-Саид-Бахром в Кермине.

Самый ранний пример появления фигурных резных кирпичей пока отмечен для круглобашенного мавзолея в Ладжиме (1022/23 г.) и близкой по стилю и по времени башне в Расджете[2], где использованы кирпичики, аналогичные встречающимся на мавзолее Аламбердара. Различные типы фигурных кирпичиков выявлены были на первоначальных (XI в.) кладках айвана дворца Термезских правителей, в мавзолее Абу-Саида в Меана (середина XI в.). В памятниках конца XI—XII вв. встречаются уже более сложные системы кирпичных выкладок, чем в мавзолее Аламбердара. Усложняется и сама орнаментация, в которую широко вводятся надписи (в мавзолее Аламбердара их нет) и растительные мотивы.

Архитектурный анализ мавзолея Аламбердара ставит его после мавзолея Саманидов в Бухаре, но близко к сооружениям XI в. Изучение же некоторых исторических фактов XI в., связанных с городом Земмом, позволяет раскрыть инкогнито погребенного здесь лица.

В конце X в. Мавераннахр вошел в состав владений Караханидов. С 1003 г. последний саманид Абу-Ибрахим Исмаил «Мунтасир» четырежды пытался вернуть потерянную его династией власть, однако каждый раз был вынужден бежать за Аму-Дарью[3]. В разгоравшейся в то время борьбе последний отпрыск Саманидов бросался за помощью то в Хорезм, то к Кабусу ибн-Вашмгиру, то к Махмуду Газневи. Жертвой интриги этого последнего и пал саманид Мунтасир. Махмуд, который еще в 994 г. после подавления мятежа, поднятого саманидским наместником Абу-Али,

[1] Л. Н. Воронин. Кирпичная фактура стены. — «Труды САИИ. Строительный факультет», вып. 4. Ташкент, 1939, фиг. 5.

[2] A. Godard. Les tours de Ladjim et de Resdjet. — AI, I, fasc. 1, стр. 109-121.

[3] См. Абу-Наср ал-Утби. — МИТТ, I, стр. 222—226; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 282—284.

Безымянный мавзолей.

получил от Нуха почетный титул «меча державы» и наместничество в Нишапуре, почитал себя вассалом Саманидов[1]. Однако характерно, что последней по времени датой, когда в чекане Махмуда проставляется имя саманида Абул-Харис Мансура II, является 387 г. хиджры (997 г. н. э.). После того Махмуд уже выступает как самостоятельный государь и чеканит монету от своего имени[2].

Сохраняя внешне преданность последнему Саманиду, Махмуд был, безусловно, заинтересован в его физическом устранении. События разыгрались следующим образом: когда в конце 1004 г. Мунтасир прибыл в стоянку арабов, кочевавших в Амульской пустыне (т. е. между Чарджоу и Керками), некий Абу-Абдаллах Махруй, бывший у них сборщиком податей от Махмуда, велел арабам устроить засаду на дорогах и убить Мунтасира. По сообщению Утби, тело его было привезено в Май-

[1] Углубленный анализ социально-экономической и политической обстановки в Средней Азии на рубеже X—XI вв. дан в статье: А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи.— Сб. «Фердовси». Л., 1934, стр. 51—96; см. также В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 274.

[2] М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г.— «Материалы ЮТАКЭ», вып. I. Ашхабад, 1949, стр. 140—141.

марг в рудбаре Земма и похоронено там в раби I. 395 г. хиджры (декабрь 1004—январь 1005 г. н. э.)[1]. Термин «рудбар» может быть переведен как «прибрежное предместье». Местоположение Земма на месте г. Керки доказано работами ЮТАКЭ 1948 г. Определение «рудбар Земма» как нельзя более подходит к селению Астана-баба, старинным названием которого, возможно, было Маймарг. Утби сообщает далее, что султан Махмуд воспользовался убийством Мунтасира для того, чтобы разграбить стоянки всех кочевых арабов, наказав для видимости и действовавшего, разумеется, не без его ведома Махруя. Быть может из политических соображений, для того чтобы подчеркнуть свое уважение к памяти бывших сюзеренов и свои преемственные права на многие из принадлежавших им владений, Махмуд приказал отстроить над могилой Мунтасира особый мавзолей. Так расшифровывается происхождение мавзолея Аламбердара. Интересно отметить, как элементы исторической правды сохранились до сих пор в бытующей среди туркмен селения Астана-баба легенде, приведенной выше. Характерно, что именно как мавзолей светского лица памятник этот не имеет культа.

Возведение мавзолея Мунтасира могло произойти близко к году его смерти (1005 г.), если не в этот самый год. Перед нами таким образом один из наиболее ранних в Средней Азии памятников XI в., восполняющий представление об эволюции мавзолеев от центрического типа сооружений к портальному.

Сохранившиеся ранние портальные мавзолеи Средней Азии характеризуются выделением главного фасада за счет приподнятой стены его с развитой аркой входа (мавзолей Мир-Саид-Бахром в Кермине, средний мавзолей Узгена). В Хорасане уже существовал выдвинутый объемный пештак (большая Нагим-кала). В мавзолее Мунтасира как раз общее центрическое решение памятника с равнозначной, как в мавзолее Саманидов, трактовкой фасадов нарушается выделением входа особым (пока небольшим) архитектурным объемом портала, который позднее приобретет сильно развитые пропорции.

Мавзолей Мунтасира дает также, по-видимому, самый ранний пример употребления фигурных резных кирпичиков, составлявших специфическую особенность монументальной архитектуры Южного Туркменистана XI—XII вв.

Безымянный мавзолей

В фототеке Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР хранится фотография, сделанная в 80-х годах прошлого столетия (инв. шифр 0-292.6) с ныне не существующего мавзолея, видимо, стоявшего на кладбище городища Баба-Гамбер по Мургабу[2]. Здание вросло метра на полтора в землю, купол его наполовину разрушен. Сложен мавзолей из жженого кирпича, как будто квадратен в плане, причем главный фасад выделен выступающим на 70—75 см, несколько приподнятым относительно стен пештаком. Его стрельчатая арка оконтурена П-образно неширокой рамой, некогда, видимо, заключавшей кирпичные облицовки, почти полностью облетевшие. Углы мавзолея вынуты «в четверть»; здесь, вероятно, были встроены колонки. Боковой фасад, четко видимый на фотографии, расчленен неширокими обрамляющими лопат-

[1] Утби. — МИТТ, I, стр. 226.

[2] См. «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 245 и сл.

ками на два широких и среднее узкое панно, заполненные фигурной кладкой «в елку». В боковых панно кладка образует рисунок простых зигзагов, в средней — изломанных. Посередине фасада расположен вход в виде неширокой стрельчатой арочки, впоследствии забранной кирпичной решеткой. Купол основан на невысоком барабане, поверхность которого также оформлена фигурной кладкой вертикально и горизонтально поставленных кирпичей; на поперечной оси барабана — стрельчатое оконце. Скуфья купола отлога по очертаниям и выведена кольцевыми рядами «в елку». На фотографии четко виден конструктивный, а не просто декоративный характер этого приема. Аналогичный метод выкладки купола известен в куполке галереи Масджиди-джума в Исфахане (1088 г.)[1], но еще ранее — в здании мавзолея, стоявшего в комплексе руин рабата и минарета Мирза Абул-Касима в Сенгбесте (воздвигнут между 997—1028 гг.)[2]. Эта аналогия, равно как и известная простота узорных кирпичных кладок, позволяют отнести датировку Безымянного мавзолея к 20—30-х годам XI в., но до 40-х годов этого столетия — периода жестокой борьбы за обладание Хорасаном между Сельджуками и Газневидами, когда историческая обстановка была мало благоприятна для строительства.

Безымянный мавзолей — памятник принципиальной важности. Композиционно он занимает соответствующее место вслед за мавзолеем Мунтасира, так как в нем пештак уже выражен как самостоятельный архитектурный объем, не только выступающий из стены, но и возвышающийся над ней; вместе с тем в нем еще сохранены боковые входы, лежащие на поперечной оси. Типологически постройка предшествует зданию мавзолея Абу-Саида в Меана, характеристика которого будет приведена ниже.

Мавзолей Серахс-баба

Так называемый мавзолей Серахс-баба высится на развалинах серахского городища в пределах черты средневекового шахристана близ цитадели. Первое обследование его было осуществлено в 80-х годах прошлого столетия, результаты чего отражены в информации А. В. Комарова[3]. Памятнику этому уделил внимание В. А. Жуковский, который сам в Серахсе не был, но на основании фотографии из собрания А. В. Комарова отметил близость приема кирпичной кладки его к мечети Талхатан-баба, а также привел сводку данных о шейхе Абул-Фазле Серахском, с которым счел возможным отождествить анонимного «Серахс-баба»[4]. Мавзолей осматривался в 1930 г. членами экспедиции Туркменкультa[5]. Историко-архитектурное обследование памятника осуществлялось осенью 1947 г. А. М. Прибытковой[6], и в том же году по линии ЮТАКЭ — XI отрядом экспедиции [7].

---

[1] SPA, IV, табл. 292 и 297.

[2] E. Diez. Churasanische Baudenkmäler, стр. 52—55, табл. 14—15.

[3] Закаспийская область в археологическом отношении.— «Туркестанские ведомости», 1888, № 24—25.

[4] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 185—187.

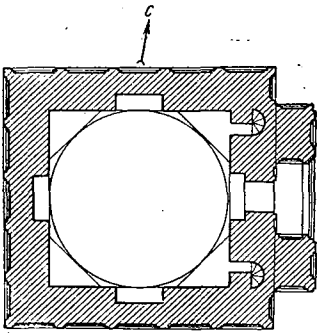
[5] П. В. Арбеков. Древности Серахского района. — «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 43 и сл.

[6] А. М. Прибыткова. Мавзолей Абул-Фазла в Серахсе. — Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, стр. 282 и сл.

[7] Г. А. Пугаченкова. Памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 234 и сл.

Здание сложено из жженого кирпича 23×23×4—4,5 см. Наружные кладки осуществлены чередованием спаренных кирпичей и вертикальных кирпичиков.

Мавзолей квадратен в плане (15,40×15,40 м по наружному обмеру и 10,20×10,20 м по внутреннему). На осях интерьера — арочные ниши; в восточной расположен вход, по обе стороны от которого в угловой толще кладок находятся две винтовых лестницы. Последние вели наверх к галерее, обводившей по периметру мавзолей в уровне подкупольного яруса парусов. На осях галереи — оконца, обращенные внутрь его; они давали свету доступ в помещение. Галерея эта в настоящее время в большей своей части обрушена.

Мавзолей Серахс-баба. План.

С восточной стороны к зданию примыкает портал, который, как установлено расшифровкой М. Е. Массоном надписи на нем, был отстроен в 820 г. хиджры (1417/18 г. н. э.).

Объемную композицию памятника определяют тяжеловесная квадратная призма основного массива и равный ему по высоте цилиндрический барабан со сфероконическим куполом. Пропорции очень монументальны. Методы декоративной отделки основаны лишь на использовании фактурных качеств жженого кирпича. Фасады расчленены пятью плоскими настенными арочками в прямоугольных рамах; средняя арка — выше остальных, чем подчеркиваются оси фасадов.

Купол двойной. Внутренний купол первоначально был основан на тромпах. В XV в. конструкция была изменена: в углах было переброшено по две пересекающихся разгрузочных арочки, выведенных «отрезками». В проекции плана они лежат на сторонах двенадцатигранника. Внешний купол толщиной всего в один кирпич отделен от внутреннего полым пространством.

Архитектурный декор сосредоточен лишь на портале, где он связан с ремонтными переделками XV в. Здесь применена резьба по ганчу: имитация фигурных кирпичных кладок, геометрические орнаменты и надпись почерком сульс на фоне спиралевидных завитков растительного орнамента.

Время сооружения мавзолея, видимо, близко к дате смерти шейха Абул-Фазла, скончавшегося в 414 г. хиджры (1023/24 г. н. э.). Этот видный хорасанский мистик пользовался большим влиянием среди своих современников, и сооружение парадной усыпальницы над ним было осуществлено его почитателями уже в 20-х годах XI в.

В мавзолее Абул-Фазла впервые предстают некоторые конструктивные нововведения: потайная обводная галерея (генезис которой восходит еще к галерейке мавзолея Саманидов в Бухаре), двойная оболочка куполов. В сравнении с мавзолеем Мунтасира в Астана-баба здание это представляет собой дальнейший этап в эволюции центрических мавзолеев. Развитие той же идеи предстанет с предельной выразительностью более чем столетие спустя в мавзолее султана Санджара в Мерве.

Мавзолей Серахс-баба.

Мавзолей Абу-Саида в Мехне

Мавзолей Абу-Саида в Мехне (или Меана) до революции был подвергнут специальному обследованию в 1896 г. профессором В. А Жуковским. Исследователь прочитал здесь надписи, «частью коранические, частью изречения покоящегося здесь старца», отнеся время возведения мавзолея по стилю украшающих портал изразцов к XV вв. [1]. Однако развернутых публикаций по результатам его работ так и не появилось. В 1902 г. мавзолей зарисовал художник К. С. Мишин; полотна его находятся в Музее краеведения Туркменистана.

Углубленное изучение памятника начато было лишь в советское время. В 1926 г. мавзолей Абу-Саида обследовался комиссией Средазкомстариса в составе профессоров А. С. Семенова и А. Э. Шмидта и архитектора А. П. Удаленкова; результаты этого

[1] Отчеты Археологической комиссии за 1896 г., стр. 105.

обследования отражены в опубликованной двумя годами позднее статье А. А. Семенова[1]. В ней приведены описание внешнего состояния здания, чтение части украшающих его религиозных надписей и предложена датировка временем не ранее конца XIV в.[2] Итоги следующей поездки А. А. Семенова в Меана, осуществленной в 1929 г. при работах Хаверанской экспедиции, лишь недавно нашли отражение в печати[3]. Не предлагая уточненных дат, А. А. Семенов на основании наблюдений над содержащимися в здании надписями и над облицовками пришел к заключению о вторичном происхождении последних, связанном с ремонтом старой постройки, «имевшим место гораздо раньше первой половины XVII в.»[4]. Попытка обоснования датировки мавзолея Абу-Саида Мехнейского серединой XI в. была предложена нами в 1947 г. в связи с анализом архитектурного стиля мавзолеев Южного Туркменистана XI—XII вв.[5] Изучение памятника на месте удалось осуществить лишь в 1949 г.

Мавзолей Абу-Саида появляется в пору сложения и утверждения Сельджукского государства, в пору экономического подъема Хорасана, когда город Мехне сильно разрастается.

Личность самого шейха (968—1049 гг.) не раз привлекала к себе внимание исследователей[6]. Для нас он интересен не своим мистико-литературным наследием, не аскетическими подвигами и не поучительными сентенциями, но как видная историческая фигура, сыгравшая немалую роль в некоторых эпизодах политической и духовной жизни Северного Хорасана XI в. Получивший в юные годы превосходное образование, Абу-Саид с юных лет отдался изучению богословских наук и стал одной из главных фигур в суфизме, широкое распространение которого отмечено в Хорасане в XI—XII вв. Покинув Газну и пройдя ступени обучения у известных шейхов Мерва и Серахса, Абу-Саид прибыл в Мехне, где подверг себя «искусу одиночества». Здесь он провел бóльшую часть своей жизни, хотя впоследствии переселился в Нишапур. Возросший авторитет Абу-Саида побудил обратиться к нему за «благословением на власть» сельджукидов Чагры и Тогрула, между которыми он «распределял» завоеванные области, вручив первому Хорасан, второму Ирак[7]. К нему специально заезжал на поклонение по пути в Мерв известный государственный деятель Низам ал-Мульк. По смерти Абу-Саида шейхи не замедлили создать культ вокруг его могилы. В следующем столетии к последней проявляли знаки внимания султан Санджар и хорезмшах Иль-Арслан[8].

[1] А. А. Семенов. По закаспийским развалинам. — «Изв. Средазкомстариса», вып. III. Ташкент, 1928, стр. 71.

[2] Там же, стр. 78.

[3] А. А. Семенов. Развалины Мейхене и Чехче в древнем Хаверане. — «Изв. Тадж. ФАН СССР», 1946, № 12, стр. 42 и сл.

[4] А. А. Семенов. Развалины Мейхене и Чехче в древнем Хаверане, стр. 58.

[5] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистáна, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 240 и сл.

[6] Наиболее разработанная литература об Абу-Саиде Мехнейском с критическим изданием текстов — его или о нем, содержится на русском языке. См. труды В. А. Жуковского, А. Крымского, А. А. Семенова.

[7] МИТТ, I, стр. 344.

[8] МИТТ, I, стр. 346—348; В. А. Жуковский. Жизнь и речи старца Абу-Саида Мейхенейского, СПб., 1899, стр. 3—4.

Мехне. Мавзолей Абу-Саида.

Вопрос о времени создания мавзолея Абу-Саида уточняется некоторыми историческими сведениями. По одним данным, он, якобы, был погребен в Нишапуре; по другим, в день смерти Абу-Саид находился в Мехне, где и был похоронен[1]. Однако никаких сведений о могиле Абу-Саида в Нишапуре как в средние века, так и в наши дни нет. Между тем культ усыпальницы этого шейха в Мехне, отправлявшийся до последнего времени, засвидетельствован разнообразными историческими источниками с XII в.

К XI в. на окраине Мехне, в стороне от густо застроенных улиц и базарных площадей, стоял какой-то старый рабат Закал. Есть известие, что в период прохождения «искуса одиночества» Абу-Саид по ночам уходил из своего дома в «старый рабат», внутри которого была мечеть. Мечеть эта, видимо, была также старой и плохо охранялась, так как здесь он запирался изнутри и до утра творил молитвы. Согласно данным Мухаммеда ибн ал-Мунаввара, Абу-Саид купил себе участок старого рабата, отстроив здесь большой дом. Тут поселились суфии, и это место стало именоваться «ма-

[1] А. Л. Семенов. Мусульманский мистик и искатель бога X—XI вв. по р. х. Асхабад, 1905, стр. 40.

шадом» (святыней). Фарид ад-дин Аттар (XIII в.) сообщает, что когда перед смертью Абу-Саида друзья спросили, желает ли он быть погребенным «на земле шейхов и великих людей», последний отказался от этого, возразив, что желает покоиться на том же холме, что и простой люд[1]. Мухаммед ибн ал-Мунаввар пишет значительно точнее, что шейх скончался в большом помещении (сумаа) своего дома в Мехне, «что против машхада», где и пожелал быть похороненным. А. А. Семенов истолковывает это в том смысле, что «теперешний мавзолей стоит там же, где был машхад, может быть даже план мавзолея, столь простой и вместе с тем удобный для дервишеских радений, взят строителем с плана машхада. Что касается дома шейха, то он мог помещаться или на том месте, где теперь стоят руины мечети, или с юго-восточной стороны мазара... Дом шейха был немалый (его называли сараем, т. е. дворцом). В нем была обширная сумаа, т. е. помещение для дервишеских собраний...»[2].

Нам представляется возможным иное истолкование текста. «Дом» Абу-Саида был не просто жилой дом, не дворец-сарай (для шейха-подвижника сооружение роскошного дворца было бы по меньшей мере поступком непоследовательным). Но это была обширная дервишская обитель, т. е. ханака, вмещавшая большой зал для радений (сумаа), окруженный множеством жилых келий-худжр[3]. Местоположению ханаки соответствуют остатки тех архитектурных руин напротив мавзолея, которые А. А. Семенов именует «мечетью». «Машадом» в XI в. именовался весь участок Абу-Саида на территории брошенного «старого рабата». После же смерти шейха и сооружения напротив ханаки его мавзолея «машадом» стали уже именовать эту усыпальницу как главную святыню всего комплекса; именно так ее и называет в XII в. Мухаммед ибн ал-Мунаввар.

Что касается времени сооружения мавзолея, то нет сомнений, что это произошло вскоре же после смерти Абу-Саида (1049 г.). Возведение мавзолеев в Хорасане над прахом видных деятелей суфизма вообще получило чрезвычайно широкое распространение в XI—XII вв. В XII в. по данным Мухаммеда ибн ал-Мунаввара, уже сложился культ «священной усыпальницы» Абу-Саида в Мехне[4]. Архитектурный стиль мавзолея также подтверждает его датировку XI в.

Археолого-архитектурное обследование и раскопки 1949 г. у мавзолея Абу-Саида показали, что он был воздвигнут на толще культурных отложений раннего средневековья. Шурф, заложенный в восточном углу мавзолея, выявил некоторые детали конструкции его фундамента. Он выступает относительно линии стен неровной конфигурацией своего контура от 35 до 60 см, углублен ниже стен на 1,80—2,50 м и сложен из обломков тонкоплиточного жженого кирпича на глино-саманном растворе с белыми вкраплениями гипса.

Изучение кладок мавзолея показало, что он подвергался в разное время двум капитальным реставрациям (не говоря о мелких промежуточных и последующих ремонтных мероприятиях). Выяснение этих различных строительных этапов позволяет дать

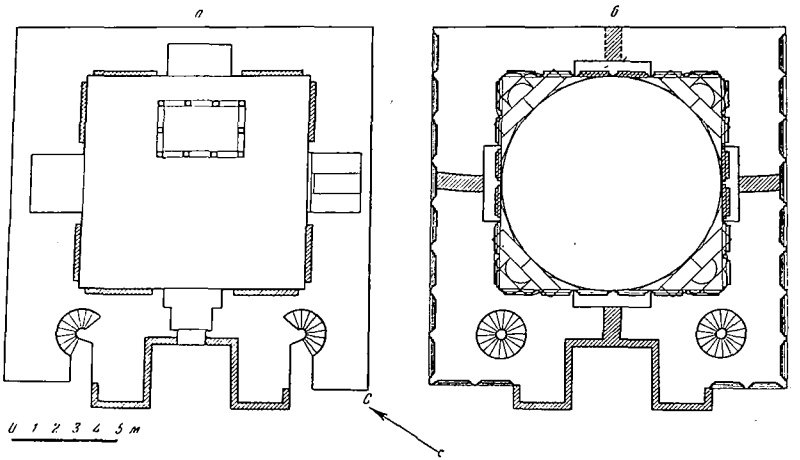
---

[1] А. А. Семенов. Развалины Мейхене и Чехче в древнем Хаверане, стр. 47.
[2] Там же, стр. 60.
[3] Шейх Абу-Саид известен именно как основатель первой в Хорасане ханаки.
[4] МИТТ, I, стр. 347.

описание мавзолея не просто в том виде, каким он дошел до наших дней, но с некоторой исторической перспективой, отражающей его изменения во времени.

Первоначальное здание середины XI в. было воздвигнуто из квадратного кирпича-маломерка размером 21—22—23 см в стороне на 4 см толщины. Кладка стен — на глиняном растворе, кладка сводов — как будто на ганч-хаке.

Входной портал здания обращен на юго-запад. Мавзолей заключает единственное квадратное помещение (размер стороны квадрата 10,30 м). В каждой стене интерьера

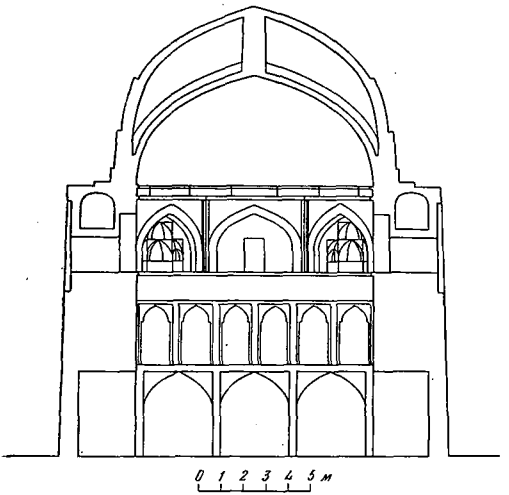
Мавзолей Абу-Саида.

а — план I яруса; *б* — план II яруса и проекции купола. Штриховкой показаны перестройки XIV в.

было по три ниши. Верхняя треть стены была оформлена глухой аркатурой, по шести арочек в прямоугольном обрамлении на каждой из стен. Местами, где отпала ремонтная штукатурка, видна выкладка арочек из спаренных полукирпичей, чередующихся с одинарными, вертикально поставленными. Вообще для первоначального оформления мавзолея XI в. характерна и внутри и снаружи кирпичная фактура.

Переход от стен к куполу осуществлен промежуточным восьмигранником ниш и арочных парусов. Последние заключают внутри своеобразную трехъярусную систему полусводиков (род крупных конструктивных сталактитов), образующих переход от прямого угла стен к плоскости паруса, лежащего относительно них под углом 45°. В нишах этого яруса на осях имеется по оконцу. Между ярусом парусов и куполом находится промежуточный 16-гранник. Купол почти полусферический. На небольших участках его, обнаженных от поздних штукатурок, видно, что кладка велась концентри-

ческими рядами «в елку» всего в один кирпич (т. е. 22—23 см). Снаружи он облицован положенным плашмя кирпичом; возможно, что это лишь ремонтная обкладка. Столь тонкая оболочка купола была возможна потому, что над ним возвышался второй, внешний купол. В основании последнего снаружи сложен невысокий 24-гранник, кладка которого переходит в цилиндрический барабан; они выведены из того же кирпича, но на ганче. Оболочка внешнего купола отстоит от внутреннего на 0,50 м у основания и до 1,50 м в замке. В куполе оставлено 16 квадратных окошек (в размер кирпича) для освещения межкупольного пространства.

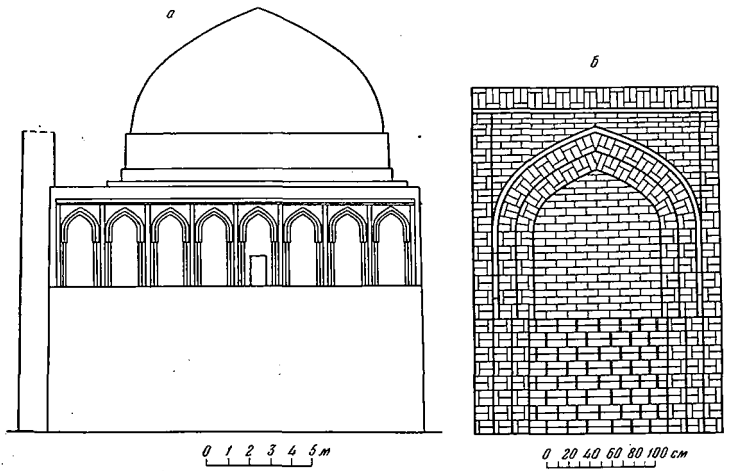
Мавзолей Абу-Саида. Разрез.

Средняя нижняя ниша юго-западной стены помещения имеет входной проем, а из боковых ее ниш можно было попасть к встроенным в угловые толщи лестницам. Они вели наверх к замаскированной, проходившей вдоль наружных стен здания узкой темной верхней галерее и далее — на крышу. Введение галереи, видимо, было вызвано конструктивными обстоятельствами. При кубовидной композиции основного архитектурного объема в верхнем уровне парусов интерьера между облекавшим их четвериком кладки и почти отвесными плоскостями стен образовывалось пазушное пространство, которое и было оформлено наподобие галерей, облегчавших массив кладки.

Композиция здания несложна. Кубообразный объем постройки увенчан куполом на невысоком барабане. Вход в мавзолей на юго-западном фасаде выражен небольшим пештаком со стрельчатой нишкой, несколько выступающим из плоскости стены и возвышающимся над ней. На устоях пештака под покрывающими его более поздними мозаичными облицовками прослеживается изначальная кладка из спаренных кирпичей, разделенных вертикальными резными полукирпичиками в виде угловатой восьмерки. Портальный свод выложен «отрезками»; архивольт его оконтурен кирпичом торцом, по которому вырезаны фигуры двух ромбов с квадратиком между ними.

Первоначальный характер оформления основного архитектурного объема лучше всего прослеживается на северо-восточном фасаде. Нижняя половина его выведена гладкой кирпичной кладкой, верхняя оформлена наподобие ложной аркатуры с восемью арочками в прямоугольных рамках. По расположению основание этой аркатуры соот-

ветствует основанию восьмигранника парусов в интерьере, верхняя же треть ее прикрывает упомянутую потайную галерею. Кладка арочек осуществлена из полукирпичей, положенных поперечно и вертикально. Межарочное пространство до уровня пят заполнено кладкой из спаренного кирпича, а выше — обычной вперебежку швов. Эта аркатура, судя по некоторым остаткам, переходила и на главный фасад, образуя здесь по обе стороны портала по одной нишке. Задний фасад был совершенно гладким. Аркатура служила как бы внешним выражением скрытой за ней обводной галереи.

Мавзолей Абу-Саида.

а — юго-восточный фасад; *б* — деталь кирпичной фактуры юго-восточного фасада.

Вопроса о капитальных реставрациях мавзолея мы коснемся в дальнейшем.

Мавзолей Абу-Саида развивает те принципы, формирование которых было отмечено в других усыпальницах Южного Туркменистана первой половины XI в. Важно отметить применение двойного купола. Употребление его уже установлено на мавзолее Абул-Фазла в Серахсе. Конструктивную аналогию ему дает также перекрытие мавзолея ал-Газали в Тусе (ум. в 1111 г.). От двойного купола берут начало те декоративные купола, приподнятые на высоких барабанах, которые получат особое развитие к XIV—XV вв. Заслуживает внимания выкладка внутреннего купола мавзолея Абу-Саида концентрическими рядами «в елку». Этот конструктивно целесообразный прием, сообщающий кладке большую жесткость, придавал поверхности купола своеобразную декоративность. О подобном принципе выкладки, довольно типичном для архитектуры Хорасана рассматриваемой эпохи, говорилось выше в связи с Безымянным мавзолеем из Южного Туркменистана.

Мехне. Мавзолей Абу-Саида и устой ханаки.

Стилистически мавзолей Абу-Саида уже целиком принадлежит новой эпохе, выражая специфические черты монументальных усыпальниц Хорасана XI—XII вв. Его композицию характеризуют кубообразный объем, спокойная гладь стен, увенчанных поверху аркатурой, купол с двойной оболочкой, применение в орнаментации фигурных кирпичей и, наконец, введение пештака как вполне развитой объемной формы.

Мавзолей Ярты-гумбез

К юго-востоку от городища старого Серахса, в расстоянии 7—8 км от него близ селения Ярты-ходжа высятся руины мавзолея Ярты-гумбез. Здание впервые было зарегистрировано экспедицией Туркменкультa в 1931 г., датировавшей его XIII в.[1] Изучение памятника было осуществлено XI отрядом ЮТАКЭ в 1947 г.[2]

Мавзолей сложен из жженого кирпича 23×23×5—5,5 см. Он квадратен в плане (12×12 м по внешнему периметру), причем сохранилось лишь две его стены (отсюда название Ярты-гумбез, т. е. «Полумавзолей»). Он был перекрыт куполом, основанным на парусах очень своеобразной конструкции: переход от угла квадрата к стороне восьмигранника, на которой покоится часть купола, осуществлен системой трех сомк-

[1] С. А. Ершов. Археология в ТССР за 20 лет.— «Изв. Туркм.ФАН СССР», 1944, № 2—3.

[2] Г. А. Пугаченкова. Памятники Дахистана, Абиверда, Серахса.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 237 и сл.

Мавзолей Ярты-гумбез.

нутых полусводиков, увенчанных четвертым. Аналогию этой конструкции дает прием завершения наружных гранных ниш мавзолея Текеша в Ургенче (конец XII в.)[1]

Вход обращен на юг. Оформление фасадов почти идентично: они расчленены тремя арочными нишками; главный выделен лишь встроенными в углах трехчетвертными колонками. Посередине восточного фасада имеется михрабная нишка; полагаем, что с этой стороны к мавзолею примыкал легкий навес летней мечети на деревянных колоннах.

В мавзолее внутри и снаружи жженый кирпич служит как конструктивным, так и декоративным целям. Кладка выполнена спаренными кирпичами, разделенными широкими швами, которые в михрабе заполнены полукирпичиками. Вверху восточной стены сохранился фрагмент надписи почерком куфи, выложенной из подтесанных кирпичей. В стенах интерьера применены кладки «в елку». Паруса оштукатурены, причем по ганчу нанесена резьба, имитирующая фигурную кирпичную кладку. Характерно, что верхние сводики внутри пазухи паруса оформлены ганчевыми фестонами; о развитии этой формы в местном зодчестве уже говорилось выше в связи с караван-сараями XI—XII вв. в Башане и Акча-кала.

Памятник на основании стиля его декора, безусловно, может быть датирован XI вв., но никак не XIII в. Прочитанная М. Е. Массоном надпись уточняет дату: 491 г. хиджры (1098 г. н. э.). Имя погребенного здесь лица населением забыто; могила

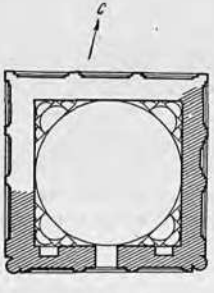
[1] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, М. — Ашхабад, 1939, стр. 66 и 67.

же его до недавнего времени пользовалась большим почитанием. Полагаем, что Ярты-гумбез — не что иное, как усыпальница шейха Ахмеда ал-Хади, погребенного в Андукане, одном из селений Серахса, о которой писал в первой половине XII в. Самани [1].

С точки зрения эволюции архитектурного образа Ярты-гумбез представляет собой постройку, в которой соблюдены центричность композиции и принцип фактурного использования кирпичной кладки, сохраняющей то единство строительных и декоративных материалов снаружи и в интерьере, которые характерны для другого близкого по времени хорасанского памятника — мечети Талхатан-баба.

Мазар Астана-баба [2]

В полукилометре от комплекса общественных зданий Астана-бабинского сельсовета высится оригинальная четырехкупольная постройка. Древние могилы многовековыми пластами окружили здание настолько, что уровень полов его на 2,5—3 м врос в толщу земли.

Мавзолей Ярты-гумбез.

План.

В наименовании памятника существует разнобой: жители именуют его и мазаром Астана-баба, и мавзолеем двух братьев: Зейд-Али и Зувейд-Али и их жен — Кызлярбиби; по объяснению старика Джума Джафар-оглы, это мавзолей некоего Убейда (мужчины) и Зувейды (женщины). Сорок лет тому назад Б. Литвинов слышал от жителей название «Хазрет Шахи Майдан» («святой с Шахской площади»), хотя одновременно записал предание, по которому здание будто бы связано со строительной деятельностью некоего Хазрет ибн-Али Нур-оглы, воздвигшего мавзолей для своей дочери, прекрасной и добродетельной Зайдали-Зувайдали. Записанную Б. Литвиновым легенду в близком варианте рассказывали нам в 1948 г. старики-туркмены. Содержание ее следующее. Четыреста лет тому назад Зувейда, единственная дочь правителя Чарвилайета (т. е. большой, состоявшей из четырех районов, области Балха) ибн-Али Нур-оглы (по современному варианту — Убейда), выданная за управителя Чарджоу-Керкинского района, скончалась вскоре после замужества. Опечаленный отец приказал построить для нее прекрасный мавзолей, для чего выписал лучших мастеров из Мерва и из Самарканда. Однако по окончании строительства мавзолей рухнул. Вновь воздвигнутое здание постигла та же участь, и так продолжалось до трех раз. Нур-оглы пришел в отчаянье, но ночью увидел вещий сон: явившийся ему старец рекомендовал возвести постройку из глины и воды, привезенных из Мекки. Старые люди растолковали сон в том смысле, что следует отрядить в «святой город» караван. Привезенная оттуда земля была подмешана в малых дозах в глину кирпичей, а вода вылита в колодец, откуда воду брали в нужных количествах на строительство. После того сооружение мавзолея было удачно завершено; после смерти Нур-оглы тело его также было погребено в этом здании в помещении, смежном с усыпальницей дочери.

[1] МИТТ, I, стр. 326.

[2] Историко-архитектурное изучение памятника было осуществлено нами в 1948 г.

Мазар Астана-баба (мавзолей Убейда и Зувейды).

Легенда эта, видимо, содержит народное объяснение наличия в комплексном памятнике Астана-баба двух купольных усыпальниц с надгробиями. Возможно также, что в рассказе о разрушении куполов фигурируют смутные воспоминания о тех разрушениях и капитальных перестройках мавзолея, которым он подвергался, судя по архитектурным данным, уже в давние времена.

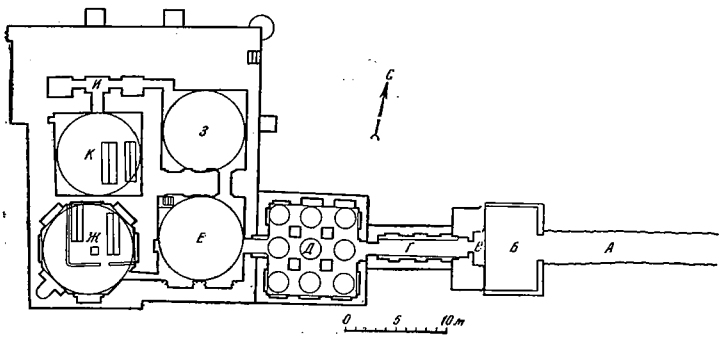
Изучение памятника показывает, что здание представляет конгломерат многочисленных разновременных сооружений, пристраивавшихся к первоначальному ядру, но с известным соблюдением общих планировочных принципов и единства архитектурной композиции. В силу этого описание памятника даем не в порядке «прохода» по нему — от входного портала до дальней усыпальницы, но в хронологической последовательности возведения отдельных составляющих архитектурного ансамбля. Взаимное расположение помещений ясно из чертежа; условно обозначаем их буквами: *А* — открытый коридор, *Б* — дворик, *В* — пештак, *Г* — галерея, *Д* — четырехстолпный зал, *Е* — мечеть, *Ж* — усыпальница Зейд-Али и Зувейд-Али, *З* — дивана-хана, *И* — крытый коридор, *К* — усыпальница Кызляр-биби.

Ориентация основных осей памятника почти совпадает с направлением стран света; вход расположен с восточной стороны; могилы обращены с севера на юг.

Помещение *Е* — видимо старейшее. Оно сохранило древнюю кладку южной и восточной стен из жженого кирпича размером 24×24×4,5 см (варианты

размеров — до 23 см в стороне и 5 см толщины). Кладка — на хорошем ганчевом растворе.

На южной стене — две неглубокие арочные ниши; арки стрельчатого очертания; разделяющие их простенки фланкированы трехчетвертными колонками диаметром 48 см, на которых покоятся архивольты арок. Стволы колонок выложены чередованием горизонтально и вертикально положенных рядов кирпича с разделяющим их широким горизонтальным швом и широкими клинчатыми швами между вертикальных кирпичей (до 2,5—3 см). В простенках между колоннами кирпич размещен вертикальными рядами, поставленными попеременно то торцом, то плашмя. Прием этот отмечен нами в ряде сырцовых построек Мерва XI—XII вв.

Мавзолей Убейда и Зувейды в Астана-баба. План.

Восточная стена сохранила древние кладки спаренными кирпичами в нижней своей половине. Она продолжается и дальше, в помещении «дивана-ханы». В западной стене, сильно переделанной при последующих реставрациях, против входа (но ассиметрично относительно оси помещения) устроена ниша михраба. Северная стена — позднего происхождения. Она выведена из кирпича размером 25—26 см в стороне на 5 см вперебежку швов каждого ряда. Кладка — на ганчевом растворе. Верхний участок стены оформляет аркатура из шести ниш, выведенных вразнобой. Переход к куполу через восьмигранник осуществлен посредством парусов ячеистого типа, образованных многорядным напуском диагонально положенного кирпича. Купол — эллиптической формы; он весь переложен при одном из позднейших ремонтов. Снаружи он основан на восьмерике; в верхней части скуфьи купола видны восемь ребер его конструкции, между которыми велось заполнение отсеков поверхности. Верхушку оформляет небольшой фонарь-ротонда, увенчанный куполком. Этот тип конструкции повторен и в остальных трех куполах.

Пол «мечети» в настоящее время глинобитный. Небольшой разведочный шурф, заложенный в юго-западном углу «мечети», дал следующие наблюдения. На 5—6 см

ниже слоя натоптанной земли находится пол, небрежно выложенный из обломков кирпича. Лежащий под ними 15-сантиметровый слой земли содержит керамику XVI—XVII вв. Следующий пол выложен также довольно небрежно из целых и битых кирпичей. Непосредственно под ним лежит самый древний, сильно попорченный пол, от которого сохранилось несколько кирпичных фрагментов, квадратные кирпичи размером 27×27 см и другие — лекальной формы; близ угла помещения пол этот выбран совершенно. Этот пол соответствует по времени кладкам стен. На 10—12 см ниже этого уровня кладка заканчивается. Таким образом, фундаментов здание не имело.

Ячеистый парус.

Расположенное к северу помещение в основе своей, как сказано, возникло одновременно с «мечетью». Его называют «дивана-хана», т. е. «комната умалишенных»; сюда на врытый когда-то столб привязывали на цепи сумасшедших, привезенных «на исцеление». Кладка стен (кроме древней южной) выполнена из кирпича размером 25—26×5 см. Южная стена расчленена на три стрельчатые ниши с прямоугольными панно над ними. Система парусов повторяет конструкции помещения «мечети», но кривые парусных арок — сильно заостренные по очертанию.

Смежно с «мечетью» с западной стороны расположена усыпальница Зейд-Али и Зувейд-Али, заключающая два крупных, обмазанных глиной надгробия, окруженных грубой оградой. Интерьер оштукатурен ганчем. Основные кладки выполнены из того же кирпича, что и в «мечети», — 24×24×4,5 см; кирпич ремонтов — различного типа. Наиболее значителен последний ремонт — из кирпича русского образца, когда были заложены углы помещения (кроме юго-западного, где оставлена глубокая михрабная ниша) и план внутри преобразован из квадратного в многогранный.

Самым поздним из четырех купольных помещений комплекса является мавзолей Кызляр-биби. Вход к нему осуществляется из «дивана-ханы» через узкий коленчатый коридорообразный проход, один из участков которого сохранил древнюю кладку спаренным кирпичом размером 24×24×4,5 см. При составлении архитектурного плана выяснилось интересное обстоятельство: к северу от этого коридора расположена 5-метровая толща. Перед нами, разумеется, не сплошная стена, но факт закладки какого-то помещения, проникнуть в которое в настоящее время невозможно.

Мавзолей Кызляр-биби считается женским; здесь располагаются две саганы. Он квадратен в плане, сложен из самого разнообразного кирпича, видимо взятого с пришедших в ветхость старых построек (25—26×5 см 23—24×4 см и др.). Система перекрытий и ребристого купола имитирует конструкцию «мечети», но формы арочных кривых неодинаковы и выведены небрежно: купол имеет не круглое, но округленное в углах восьмигранника овальное основание. Расположенный к востоку от «мечети» четырехстолпный зал квадратен в плане; стены его расчленены тремя нишами; перекрытие девятикупольное. Куполки основаны на подпружных арках, переброшенных между стенами и мощными прямоугольными кирпичными столбами.

В свое время выдвигалось утверждение, будто квадратный четырехстолпный зал представляет собой остатки соборной мечети Земма, упоминаемой Макдиси (X в.)[1]. Обследование помещения и закладка шурфов показали, что в действительности зал был пристроен к помещению «мечети» *Е*: западная стена его примазана на ганчевом растворе к древней стене, выложенной спаренными кирпичами. Кладка стен и столбов зала сложена из самого разнокалиберного кирпича, видимо взятого со старых построек: 24×24×4 см, 26×26×5 см, 21×21×4,5 см, и др. Кривые арок также разностильны; система парусов — явно позднего типа; скуфьи куполков отремонтированы кирпичом европейского образца. Шурфовка выяснила, что на 4—5 см под утоптанным слоем земли оказалась вымостка пола из обломков кирпича; под ним другая такая же вымостка. На 12 см ниже ее идет выступающая на 25—30 см платформа устоя, сложенная из одного ряда кирпичей размером 28×16×6 см с бороздками на постелях; ниже находится грунт. Таким образом, уровень полов и основания четырехстолпного зала выше уровней полов мечети, к которой он был пристроен в какие-то поздние времена.

Галерея, ведущая от входа в четырехстолпный зал, сложена из кирпича (25—26×5—5,5 см) на ганчевом растворе и перекрыта сводом наклонными «отрезками». Характерно, что наклон «отрезков» обращен на восток. Таким образом, кладка свода велась от пештака. Между тем кладка последнего выполнена из кирпича европейского типа, который с тыльной стороны пештака «нахлестывает» на кладки галереи. Несомненно, что здесь налицо поздний ремонт. Подтверждение этому мы находим в описании пештака у Б. Литвинова; он сообщает об украшавших пештак колонках четырех типов, «которые чрезвычайно хороши как по рисунку, так и по выполнению и являются однотипными с украшениями на оконных щеках могилы султана Санджара в Старом Мерве»[2]. В настоящее время этих колонок нет.

Что касается современного вида портала, то в оформлении его «лопатками», лучковыми арочками и другими деталями кирпичной фактуры определенно чувствуется участие не среднеазиатского, но русского мастера.

Заслуживает внимания группа плиток резной терракоты, видимо собранных из разных мест и вмазанных над дверью в щековой стене портальной арки. Отмечается два типа: плитки неполивной терракоты XII в., узор которых резан от руки, и другие XIII—XIV вв. со штампованным орнаментом — как неполивные, так и облитые зеленовато-голубой глазурью.

---

[1] МИТТ, I, стр. 188.

[2] Б. Л. Астана-баба.— «Туркестанские ведомости», 1910, № 25.

Вымостка прямоугольного дворика перед порталом, ограниченного кирпичной оградой, на 2 м ниже уровня обступивших его могил; подход осуществляется через узкий открытый коридор. По свидетельству Б. Литвинова, этот коридор вел от здания ныне не существующей мечети легкого типа. Последняя таким образом завершала архитектурную композицию ансамбля.

Изучение мазара Астана-баба позволяет внести некоторую ясность в вопросы датировки этого комплексного сооружения.

Обследование памятника показывает, что ни о какой соборной мечети Земма X в. здесь не может быть речи. Древнейшая часть его связана с помещением *E*, превращенным в мечеть лишь впоследствии, судя по случайному местоположению его михрабной ниши. Кладка стен спаренным кирпичом, а колонок — чередованием вертикально и горизонтально положенных рядов, мотив оформления стен интерьера арочными нишами с трехчетвертными колонками в углах, — все это характерно для памятников XI—XII вв. Северного Тохаристана и Северного Хорасана. Наличие фрагментов резной неполивной терракоты того высокоразвитого стиля, который характерен для XII в., позволяет уточнить датировку раннего здания именно XII в., первой его половиной, т. е. до «гузской смуты», разрушительные последствия которой коснулись и Керкинского района. К этому времени, очевидно, относится и нижний пол, обнаруженный в шурфе «мечети».

Каково первоначальное назначение здания? Если бы это была мечеть, ось постройки была бы обращена на кыблу, т. е. на юго-запад. Ориентация же здания по странам света, скорее, указывает, что это был мавзолей, так как мусульманские погребения обычно обращены с севера на юг. Видимо, памятник был сооружен у могилы чтимого духовного лица (мавзолеи светских лиц обычно не окружают культом), имя которого не сохранилось. Отсюда — долговременный культ, связанный с этим памятником. Главный мавзолей (ныне именуемый мавзолеем Зейд-Али и Зувейд-Али) имеет, видимо, ту же древнюю основу, но сильно искажен позднейшими перестройками. Указание на это дают и кирпич основной кладки и обнаруженная при осмотре интерьера интересная деталь — вмазанный в ограду намогильников фрагмент резного штука с растительной орнаментацией, близкой по стилю к некоторым мотивам резных ганчевых облицовок мечети в Данданкане. Что касается помещения *E*, то оно первоначально играло роль «зиарат-ханы» или ханаки. Может быть, в XII в. уже существовал и портальный вход в дворик перед зданием, оформленный резными терракотовыми колонками, которые еще застал Б. Литвинов.

К концу XIII—XIV вв., после монгольского нашествия, пагубно сказавшегося на жизни района, пришедшее в упадок здание радикально реставрируют. С этой эпохой мы связываем и вымостку среднего пола «зиарат-ханы» и развитые ячеисто-сталактитовые конструкции парусов, особенно характерные для памятников первой половины XIV в. (мавзолей Хасани-Саурани в Хорезме, мавзолей Сеид Ала ад-дина в Хиве, мавзолей Султана Сеид Джелал ад-дина в Касане и ряд других). Тогда же были сформованы плитки штампованной резной неполивной, а для особо парадных участков архитектурных поверхностей — поливной терракоты.

Следующая значительная реставрация здания восходит к XVI в. или, скорее, к XVII в., когда Керкинский район входил в состав сильного Балхского владения.

С восточной стороны пристраивается четырехстолпный зал, грубоватые кирпичные устои которого напоминают галереи на подобных же столбах мечети Калян в Бухаре (XVI в.) и Тилля-Кари в Самарканде (XVII в.). Крытый коридор соединяет его с пештаком. Видимо, к середине XVIII в., когда в области Чарджоу-Керки прочно утвердилось туркменское племя эрсари (может быть, в 40-х годах, когда правителем Керков был влиятельный Рустамбек-кара) [1], относится период следующего ремонта основных помещений («мечеть», «дивана-хана» и др.). Еще позднее, возможно в XIX в., было осуществлено строительство мавзолея Кызляр-биби, на возведение которого брался разнотипный кирпич из пришедших в упадок древних частей комплекса. Для подхода к нему замуровывается часть какого-то помещения в северной группе, оставшийся участок которого превращается в темный коридор.

В таком состоянии застал мавзолей в 1910 г. Б. Литвинов. Капитальная реставрация кирпичом русского типа главного мавзолея и входного пештака, видимо, связана со строительной деятельностью бухарского эмира в 1918—1920 гг., показное благочестие которого в годы великих революционных потрясений было направлено на поддержание всевозможных «святынь».

В наши дни обаяние «святого места» сильно потускнело. Но как памятник местного строительного искусства мавзолей Астана-баба, который пока не состоит в списке памятников, находящихся на государственной охране, безусловно заслуживает быть сохраненным для будущих поколений. Композиция его очень оригинальна. Ее характеризует развитое пространственное решение с осевым построением — от узкого открытого коридора через полузамкнутый дворик к небольшому, но достаточно монументальному по пропорциям пештаку и дальше через крытую галерею в многокупольной четырехстолпный зал, «мечеть» и главный мавзолей. Очень своеобразна четырехкупольная комбинация главных помещений. Оформление нишами, характер кирпичной фактуры древнейших стен, резная терракота—все эти детали в стилистическом отношении сближаются со средневековыми зданиями Термезского и Мервского районов, указывая на генетическую общность Керкинского строительства с архитектурой этих значительных исторических областей. Почти безвестный памятник входит в историю среднеазиатской архитектуры как новый интересный объект, комплексное здание, архитектура которого отражает эволюцию местных строительных традиций.

Мавзолеи Дахистана

На территории кладбища Машад близ Дахистана, прилежащей к холму, на котором высится древний мазар Шир-Кабир, сохранилось несколько полуразрушенных кирпичных мавзолеев. В дореволюционной литературе содержится лишь два-три беглых упоминания о наличии этих сооружений [2]. В советское время они были осмотрены экспедицией Туркменкультa, когда с памятников было снято до десятка фотографий, хранившихся в архиве Академии наук Туркменской ССР [3]. Историко-архитектурное изучение мавзолеев было осуществлено нами при

[1] Мухаммед Казим.— МИТТ, II, стр. 189—191.

[2] Например: П. А. Шетихин. Развалины древних городов..., стр. 133.

[3] С. А. Ершов. Археология в ТССР за 20 лет. «Изв. Туркм. ФАН СССР», 1944, № 2—3, стр. 30.

Машад. Мавзолеи на кладбище.

работах XI отряда ЮТАКЭ в 1947 г.[1]. В 1948 г. на Среднеазиатской секции Института истории материальной культуры Академии наук СССР Н. М. Бачинским был прочитан доклад, в котором фигурировало два из этих мавзолеев[2].

Приведем описание мавзолеев, следуя принятой нами условной нумерации, отражающей не последовательность их возведения, но расположение одного здания за другим.

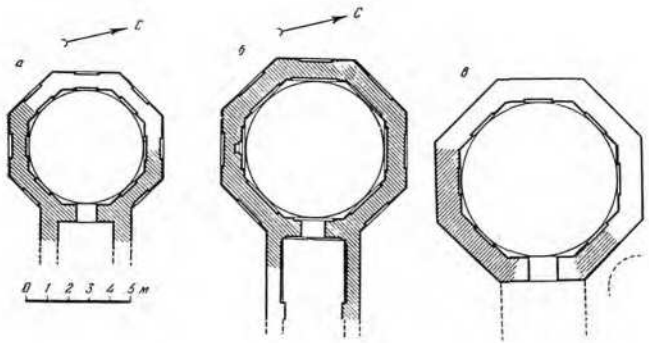
Мавзолей № 1 сложен из кирпича 20×20×3 см. Здание восьмигранно в плане, пролетом 5,40 м (здесь и далее даются внутренние размеры помещения), ориентировано входом почти на восток (восток-юго-восток), оформлено стрельчатыми нишками внутри и снаружи, по каждой грани.

Мавзолей №4 также восьмигранный, но размеры его значительно больше (внутренний пролет 6,80 м —) и сложен он из иного кирпича (19 или 22 см в стороне квадрата на 3—4 см толщины). Монументальная восьмигранная призма увенчана полусферическим куполом. Грани как внутри, так и снаружи оформлены стрельчатыми нишками;

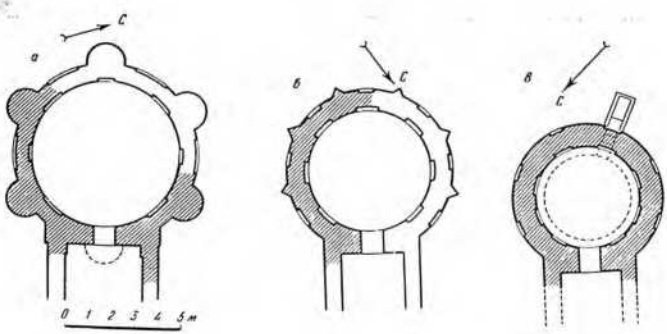
[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 205 и сл.

[2] Н. М. Бачинский. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении, стр. 126—129. При характеристике памятников автор, видимо, не имевший возможности ознакомиться с ними в натуре, основывался на фотографиях и неточных данных чужого осмотра, что в конечном счете привело его к спорным выводам.

в южной нише интерьера расположен михраб. Входная часть выделена особым выдвинутым объемом купольного вестибюля, который по фасаду был открыт обширной аркой в прямоугольном обрамлении.

Планы мавзолеев.
а — мавзолей № 1; *б* — мавзолей № 4; *в* — мавзолей № 7.

Планы мавзолеев.
а — мавзолей № 2; *б* — мавзолей № 5; *в* — мавзолей № 6.

Мавзолей № 7 повторяет ту же архитектурную схему. Пролет помещения его равен 7,40 м. Материалом служит разносортный кирпич (21—22 см × 3,5—4—5 см, 24×24×6 см и др.), явно заимствованный от старых зданий. Грани наружных стен гладкие; внутри они оформлены стрельчатыми нишками.

Мавзолеи № 2 и № 3 почти идентичны по архитектурному решению и, видимо, построены одновременно. Они сложены из жженого кирпича размером 19—21 см

Мавзолей № 4.

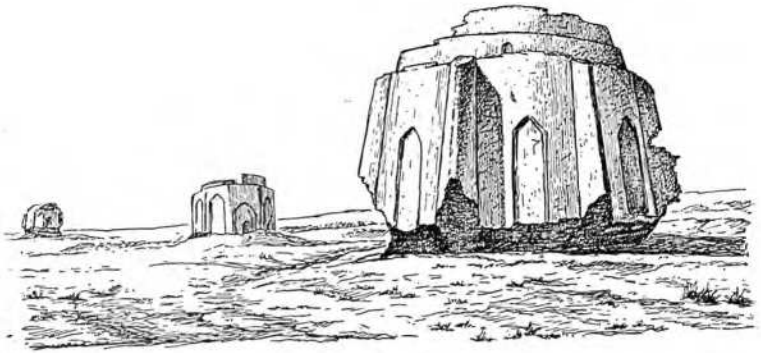
в стороне на 3—4 см толщины и круглы в плане (внутренний диаметр — 7 м). Входы обращены на восток-юго-восток и были выделены сильно развитым объемом вестибюля-айвана (в настоящее время они полуразрушены). Основной цилиндр здания фланкирует пять мощных, конически сужающихся контрфорсных столбов; над сводом входа высится шестой. Кладка этих столбов продолжается выше основного массива наподобие башенок-гульдаста, увенчанных куполками. Купол сферо-конического (приближающегося к коническому шатровому) очертания покоится на цилиндрическом барабане, имеющем стрельчатые оконца. Простенки между описанными столбами-контрфорсами оформлены стрельчатыми нишками. Интерьер также украшают неглубокие нишки, узенькие на двух главных осях и более широкие на осях, расположенных по отношению к ним под 45°.

Мавзолей № 5, выстроенный из кирпича того же формата, дает несколько иной вариант той же архитектурной идеи. Он круглый в плане (диаметр помещения составляет 5,80 м) и имел глубокий сводчатый вестибюль (ныне сохранившийся лишь в основании), обращенный на северо-запад. Снаружи цилиндр стен оформлен девятью несколько суживающимися кверху ребрами, в простенках между которыми заключены настенные нишки с треугольным завершением. В интерьере — восемь нишек, лежащих на главных и диагональных осях.

Мавзолей № 2.

Мавзолей № 6 наиболее прост в своем архитектурном решении. Кирпич его явно сборный, взятый с других (может быть даже разновременных) построек: 19—21 см в стороне на 5—6 см толщины, 22—24 см на 5—6 см, $35 \times 35 \times 7$ см. Его цилиндрический объем оформлен восемью стрельчатыми нишками; с северо-запада примыкал развитой вестибюль. Круглое помещение мавзолея диаметром 5 м также оформлено настенными нишками, размещенными на осях девятигранника. Мавзолей имеет подземный склеп, к которому ведет ступенчатый дромос, расположенный на противоположной от входа стороне. Склеп также круглый и перекрыт отлого-эллиптическим куполом. Посреди него на полу — остатки потревоженного человеческого костяка.

Мавзолей № 5.

Мавзолей Бая Бегаджик (№ 6).

Машад. Мавзолеи на кладбище.

Местное предание связывает эту постройку с неким Баем Бегаджик («бегаджик»— название одного из родов туркменского племени салах, некогда проживавшего в Мисрианском районе), умершим будто бы 300 лет тому назад. Судя по разносортному кирпичу, явно взятому с различных построек средневекового Дахистана, мавзолей этот — поздний, возможно воздвигнутый именно в XVII—XVIII вв., в период большого ремонта самого «Машада» на мисрианском кладбище [1].

Что касается датировки мавзолеев № 1—5, то она устанавливается в пределах XI—XII вв. — времени наибольшего процветания средневекового Дахистана. Они возникли на большом городском кладбище при уже завоевавшей широкую известность местной святыне — мечети-мавзолее Машада. Кирпич, из которого выстроены эти мавзолеи, близок к формату кирпича в верхних кладках минарета 1102 г. на городище Месториан. Подтверждением этой даты является и стиль куфической надписи, остатки которой сохранились над входом в мавзолей № 3. Наконец, по характеру своей архитектуры мавзолеи эти (особенно № 5) сближаются с башенными мавзолеями Хорасана и Джурджана, оформленными круглыми или гранеными гофрами. В раннем своем варианте прием этом представлен в мавзолее Кабуса ибн-Вашмгира на р. Гурген, где

[1] В КСИИМК, XXXIII, стр. 126 этот мавзолей отнесен к IX в. на том основании, что в памятнике отсутствует декор, известный на среднеазиатских мавзолеях X—XII вв. Разумеется, отсутствие декора — еще не аргумент для датировки. Испольвование же в этом сооружении разносортного кирпича разных веков явно свидетельствует о его поздней дате.

грани еще не сомкнуты, но размещены раздельно на теле круглой постройки [1]. Отличие дахистанского варианта от джурджанского состоит в решении архитектурного объема в массивных, но не башенных формах; принципиально важно также наличие в композиции мавзолеев Дахистана сильно развитого входа-вестибюля. К характерным чертам относятся простота композиционного решения, отсутствие декора и выразительность облика, достигаемая исключительно архитектурными средствами.

Два мавзолея Ферявы

Городище Ферава изучалось в 1947 г. участниками XI и V отрядов ЮТАКЭ, когда, в частности, нами были обследованы мавзолеи на кладбище, а Б. А. Литвинским — расположенный на склоне горы мавзолей Парау-биби [2].

Кладбище раскинулось на окраинной части городища, которую в раннем средневековье (IX—X вв.) занимали ремесленные кварталы гончаров, металлургов и др., но которая, судя по археологическому материалу, к XII в. уже не была обжита. С этого времени она, очевидно, была отведена для погребений. Тогда же могли возникнуть и первые мазары.

Один из этих мавзолеев туркмены именуют то просто «овлия», то Парау-ата. Описание его, рисунок общего вида, схема разреза и плана, сделанные, видимо, по фотографии, опубликованы в КСИИМК [3]. Здесь зданию придан круглый план, говорится о разновременности постройки самого мавзолея и его портала, а генезис возводится к формам кочевой юрты. Между тем все это отнюдь не так.

Мавзолей Парау-ата построен на каменном цоколе. Материал его стен и перекрытий — жженый кирпич различных размеров; преобладает кирпич-маломерок 19×19×3 см, видимо заимствованный из построек раннего средневековья, и кирпич 24×24×5 см, типичный для XII в. Раствор глиняный; в нем в большом количестве замешаны черепки керамики X—XI вв. Здание квадратно в плане (наружный размер 7,65××7,65 м). Вход ориентирован на запад и подчеркнут нишей выступающего сводчатого айвана (ныне почти разрушенного). Купол основан на нишевых парусах в форме сомкнутых сводов, выложенных в углах в приеме конического свода, а в остальной части— радиальной кладкой.

Объемная композиция памятника очень монументальна и компактна, заключая массив квадратного основания, несущего восьмерик, соответствующий поясу парусов, на котором покоится отлогий сферо-конический купол. Объемная схема здания напоминает некоторые мавзолеи Хорасана XI—XII вв. — в Джарджаме, в Пиристире, в Сенгбесте [4]. Датировка его, видимо, восходит к той же эпохе, с чем согласуются и археологические данные.

С точки зрения архитектурного типа Парау-ата занимает промежуточное положение между купольными усыпальницами Хорасана (объемное решение основного тела мавзолея) и Дахистана (выдвинутый, но не особенно высокий сводчатый айван).

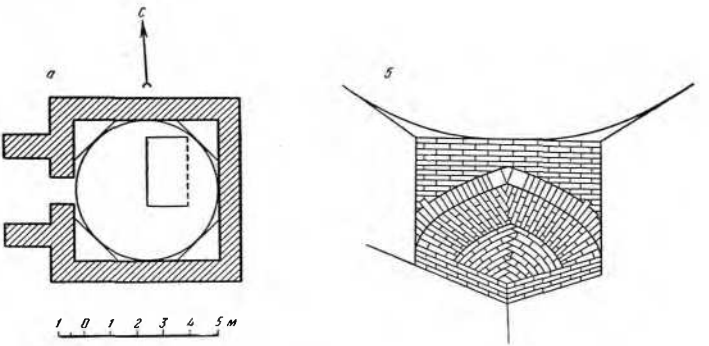
[1] См. E. Diez. Churasanische Baudenkmäler, табл. 2.

[2] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 227 и сл.; Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 295 и сл.

[3] КСИИМК, XXXIII, стр. 124—126.

[4] E. Diez. Churasanische Baudenkmäler, стр. 15, 17 и 53.

В этом, очевидно, нашло отражение особое историко-географическое положение укрепления Ферава, стоявшего на границе двух этих областей, которое отмечается еще средневековыми авторами.

Ферава. Мавзолей Парау-ата.

а — план; *б* — деталь тромпа.

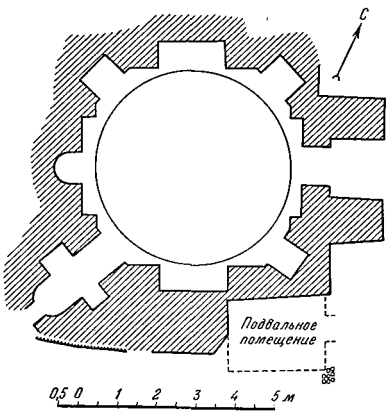

Мавзолей Парау-ата.

Мавзолей Парау-ата послужил образцом для другого, более позднего мавзолея, стоящего на том же кладбище несколько западнее него. Он возведен из разносортного, собранного со старых построек городища кирпича на глиняном растворе. По плану и конструкции парусов здание это повторяет Парау-ата, но несколько отлично своей объемной композицией. Здесь доминируют вытянутый ульеобразный купол и сильно выдвинутый вперед сводчатый айван. Судя по начертанию кривых, имеющих полуцир-

кульную, а не стрельчатую форму, по разносортности кирпича, по примитивности кладки при неплохой относительно сохранности здания, памятник этот недавнего происхождения, скорее всего XVIII—XIX вв [1]. Важно подчеркнуть, что в этом позднем сооружении выражена приверженность к традиционному древнему типу местной усыпальницы.

Мавзолей Парау-биби лежит у самых гор, двумя своими фасадами примыкая к выему скалы. Он заключает квадратное помещение со срезанными под 45° углами, в которых расположены стрельчатые ниши; широкие ниши лежат и на осях стен. В южном углу ниша сильно углублена в скалу, образуя род крестовидной в плане каморки.

Ферава. Мавзолей Парау-биби.

Перекрытие — купольное, основанное на консольно-ячеистых парусах. Общая высота помещения до вершины купола — свыше 7 м.

Главный фасад обращен на северо-восток. Он выделен выступающим и возвышенным относительно стен пештаком со стрельчатой аркой.

Здание сложено в основном из кирпича размерами 19—21×3,5—4 см; ремонтные кирпичи — более крупного стандарта 24×24×4 см. В одном участке кладка выполнена чередованием парных кирпичей и вертикальных кирпичиков, причем первые — обычного желтоватого тона, вторые — красного, что особенно четко выражает кирпичную фактуру.

Характер кладки и тип вертикальных полукирпичей при отсутствии еще резных фигурных кирпичиков позволяют отнести датировку мавзолея к XI в. Характерно наличие пештака. Как и в мавзолее Парау-ата, он сближает Парау-биби с дахистанской группой усыпальниц Машада; однако в остальном композиция развивает традиционный центрический хорасанский вариант.

Мавзолей Чугундор-баба

Городище Чугундор соответствует развалинам средневекового города Куфен. На территории его рабада неподалеку от городской стены высятся руины мазара Чугундор-баба.

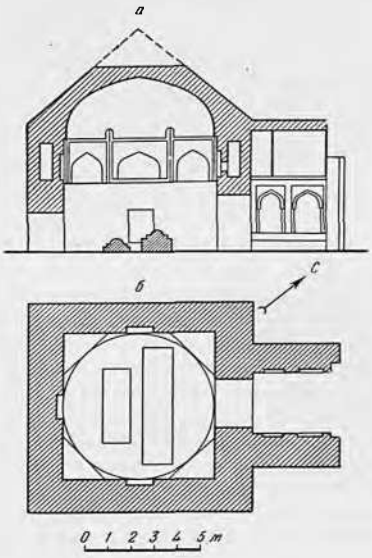
Здание было обследовано в 1927 г. Хаверанской экспедицией, когда было сделано его описание и были выполнены фотографии и чертежи [2]. К 1947 г., когда он

[1] В КСИИМК XXXIII, стр. 122—124 этот мавзолей опубликован как якобы имеющий круглый план, встроенный впоследствии в квадрат с выдвинутым пештаком; датирован он IX—X вв., а генезис мавзолея возводится к формам юрты.

[2] П. В. Арбеков. Чугундор, древности Абиверда, стр. 45—48; см. также статью: «Древнее городище Абиверд». — «Туркменская искра» от 11 мая 1941 г., стр. 4.

Куфен. Мавзолей Чугундор-баба.

Мавзолей Чугундор-баба.
а — разрезы; *б* — план.

осматривался нами, памятник оказался сильно разрушенным: полностью был утрачен портал, разобраны северо-восточная стена и более половины купола, ободрана кирпичная облицовочная рубашка остальных стен. Архитектурная характеристика памятника содержится в «Трудах ЮТАКЭ» за 1947 г.[1]; ей уделил внимание также Н. М. Банинский[2].

Мавзолей кирпичный (размеры кирпича 22×22×4,5 см); он квадратен в плане основного помещения (наружный размер 9,20×9,20 м) и имел глубокий сводчатый айван, обращенный на северо-восток. Айван этот, вопреки высказывавшемуся утверждению, не пристроен к мавзолею позднее, но был сложен одновременно с ним, о чем свидетельствует перевязь его кладки с кладкой стены. Перекрытие основного помещения осуществлено плоскосферическим с легким заострением к шелыге куполом, основанным на восьмиграннике тромпов; переход к куполу смягчен над углами восьмигранника небольшими нишками. Купол снаружи облекала шатровая (пирамидальная) скуфья.

[1] «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 232 и сл.
[2] Н. М. Банинский. Искусство старых зодчих Туркмении, стр. 21.

Пропорции основного объема массивны; примыкавший к нему айван по высоте достигал основания шатра. Снаружи здание было гладко облицовано тем же кирпичом, из которого выведены кладки. Айван же был орнаментально обработан фигурными кирпичиками на фоне кладки из спаренных кирпичей.

Интерьер оштукатурен белым ганчем, по которому нанесены росписи синей краской. Стены расчленены на прямоугольные панно с виньетками в углах, с круглыми медальонами в центре, окаймленными эпиграфическим или отвлеченным орнаментом. На нижнем слое штукатурки сохранились надписи паломников с датами середины и конца XIII в.

Члены Хаверанской экспедиции датировали мавзолей концом XII—первой половиной XIII в.[1] Н. М. Бачинский относит время сооружения основного объема мавзолея на основании отсутствия на нем кирпичного декора к началу X в., а портал его— к XII в. Выше уже было сказано об одновременности сооружения всей постройки. Создание же его восходит, скорее всего, к концу XI — началу XII в. Об этом говорит общий стиль архитектурного декора, тип терракотовых плиток, кладки из спаренных кирпичей, чередующихся с «бантиками», характерные для датированных памятников Южного Туркменистана этого времени.

Декоративные элементы сближают этот памятник с рядом построек мервской и аму-дарьинской группы. С точки же зрения архитектурной композиции мавзолей Чугундор-баба синтезирует хорасанский и дахистанский тип: центрический характер основного здания массивной купольной усыпальницы нарушен здесь введением сильно развитого айвана, присущего мавзолеям более северных районов — Феравы и Дахистана.

Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда в Мерве

Так называемый мавзолей Мухаммеда Ханапья расположен на площади рабада средневекового Мерва к западу от городища Султан-кала на территории огромного квартала керамистов, бесчисленные печи которых занимают площадь до 10 га.

Специальное обследование памятника было осуществлено В. А. Жуковским в 1890 г.[2] В советское время он изучался Б. Н. Засыпкиным, Н. М. Бачинским и В. И. Пилявским. Последним были осуществлены в 1937 г. детальные архитектурные обмеры, результаты чего отражены в ряде его публикаций[3]. В 1950 г. здание было подвергнуто дополнительным исследованиям Мервским отрядом ЮТАКЭ. Коренным достижением их явилась расшифровка надписи в интерьере мавзолея, которая внесла совершенно новые данные в историю памятника.

Среди туркменского населения здание фигурирует под названием то мазара Мухаммеда Ханапья (т. е. Мухаммеда ибн ал-Ханафия), то мазара имама Джафара ас-Садыка. По В. А. Жуковскому, памятник не имеет отношения ни к первому, умершему и похороненному в Аравии в самом конце VII или начале VIII вв., ни ко второму, скончавшемуся в 765 г. и погребенному в Медине. Исследователь очень осторожно указал

[1] Сб. «Древности Абиверда», стр. 47.

[2] В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва, стр. 152—157.

[3] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 47—49; Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении. вып. I, стр. 33—42; В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 72; его же. Архитектура древнего Мерва, стр. 103—114.

Мерв. Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда.

на возможность принадлежности мавзолея к могиле сельджукида Алп-Арслана (ум. в 1072 г.) [1]. Обычай приписывать старым могилам или надмогильным постройкам имена видных мусульманских «святых» широко практиковался на средневековом Востоке. В частности, Мухаммеду Ханапья приписывается не только мавзолей в Мерве, но и здание мазара Ярты-гумбез близ Серахса и мавзолей в селении Дехайбалянд близ Нур-ата[2].

Между тем в литературе уже прочно утвердилось мнение со ссылкой на расшифровку надписи А. Ю. Якубовским о, якобы, несомненности возведения мервского мавзолея над местом погребения Мухаммеда Ханапья, причем здание это будто бы было подвергнуто перестройке в 1157/58 г. [3] В. А. Крачковской было уточнено по фотографии чтение даты — не 1157 г. (когда Мерв лежал наполовину в развалинах в связи с событиями смуты гузов), но 1112/13 г. [4] Изучение надписи в натуре позволило М. Е. Массону установить имена упомянутых в ней исторических лиц.

В *надписи говорится, что это — могила Мухаммеда-Сейида ибн-Зейда ибн-Али* Зейн ал-Абедина ибн ал-Хусейна ибн-Али ибн Абу-Талиба. Далее сообщается имя

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 154 и 157.

[2] И. Кастанье. По Бухарским святыням. — «Туркестанский курьер», 1916, № 36—38.

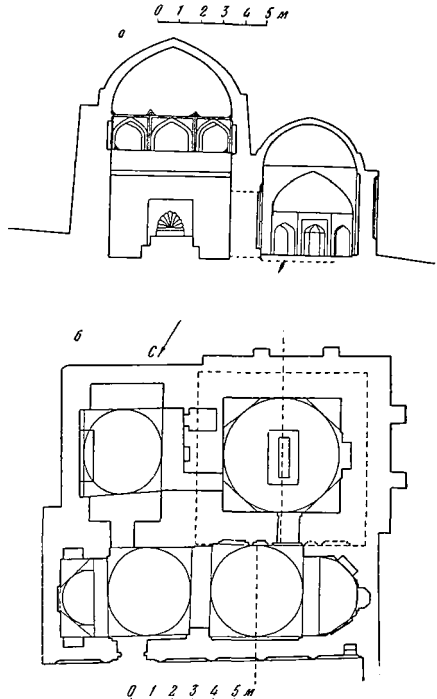
[3] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 33; В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 102.

[4] В. А. Крачковская. Эволюция куфического почерка в Средней Азии, стр. 19.

строителя — «правителя области» Али ибн-Хусейна, а также дата (1112/13 г.).

Итак, мавзолей не имеет никакого отношения к Мухаммеду Ханапья. Неправа, но несколько ближе к истине народная традиция, приписывающая здание Мухаммеду Джафару ас-Садыку[1], который был двоюродным братом упомянутого в надписи Мухаммеда ибн-Зейда. Вероятно, последний был и современником Джафара ас-Садыка, т. е. жил в конце VII — начале VIII в. Неизвестно, когда культ его могилы получил в Мерве распространение; можно думать, что это произошло уже в IX—X вв. Характерно известие Макдиси (X в.), что в Хорасане «потомки Алия в почете до крайней степени». Автор этот, в частности, сообщает, что в двух фарсахах от Мерва стоял рабат, в котором находилась маленькая гробница, «и говорят, что эта гробница головы Хусейна ибн-Али»[2].

Личность Шереф ад-дина Абу-Тахира, упомянутого в надписи, по распоряжению которого было воздвигнуто здание мавзолея, исторически хорошо прослеживается. Это был видный феодал, приехавший из Кумма в Хорасан; он был в течение 40 лет правителем Мерва. С 1121/22 г. он стал везиром султана Санджара. С деятельностью Шереф ад-дина, между прочим, связано сооружение великолепного караван-сарая Рабати-Шереф на пересечении путей из Мерва в Нишапур и из Серахса в Мешхед[3].

Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда.
а — разрез I—I; *б* — план.

Шереф ад-дина Абу-Тахира ибн-Саида ибн- «сооружения этого мешхеда» в 506 г. хиджры

[1] Мухаммед Джафар ас-Садык (ум. в 765 г.) являл собой бесцветную фигуру в роду потомков Алия, но вошел в историю как шестой по счету из числа так называемых 12 шиитских имамов (Ст. Л э н-П у л ь. Мусульманские династии. Пер. с примечаниями и дополнениями В. В. Бартольда. СПб., 1899, стр. 57).

[2] МИТТ, I, стр. 201 и 204.

[3] AI, t IV fasc. I, табл. II.

В надписи мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда говорится о «сооружении машхада». Обследование конструкций и декора мавзолея показало, что в 1112/13 г. весь он был заново отстроен, возможно, на месте другого, более древнего, к XII в. пришедшего в состояние полного упадка.

Закладка шурфа у северо-западного (главного) фасада здания разъяснила устройство его фундаментов. По существу здесь имеется не фундамент, но особое, сильно уплотненное, мелкослоистое глинистое основание. Уплотнение грунта, видимо, обеспечивалось постепенной заливкой котлована очень жидким раствором с постепенным оседанием частиц глины, просушкой, новым заполнением его раствором и т. д., и так на высоту до 80 см. Это было вызвано тем, что мавзолей возводился на культурном слое, который к XII в. уже достиг большой мощности. На этом уплотненном основании положен 30-сантиметровый слой пахсы, на котором уже покоится кладка стен. Стены сырцовые; размеры кирпича-сырца 25×25×6 см; кладка — на глиняном растворе. Перекрытие купольное, основанное на тромпах; вся система его сложена из жженого кирпича. Внешними облицовками служил шлифованный жженый кирпич, отесанный до размера 18—19 × 3,5 см, положенный на глине; большую роль играли фигурные резные кирпичики разнообразных форм. Стены интерьера оштукатурены ганчем с живописью по нему.

Средневековую основу постройки составляло одиночное центрическое здание мавзолея, посередине которого находится надгробие. Самое здание подвергалось неоднократным позднейшим переделкам. Размеры основного квадрата мавзолея — 8,50 × × 8,50 м снаружи и 5,70 × 5,70 м внутри. Вход располагался с северо-западной стороны. В юго-западной стене устроена нишка михраба. При перестройке мавзолея три его фасада (кроме северо-западного) были обложены как бы кирпичным футляром, стены интерьера местами заново оштукатурены (и не раз), вход заложен, а новый пробит напротив михраба. С северо-восточной стороны возникли помещения нового мавзолея с могилой, примкнутой к стене. С северо-западной стороны пристроена мечеть в виде анфилады из двух купольных и двух полукупольных отсеков; михраб части ее имеет в плане форму половины восьмиугольника.

Со стороны мечети северо-западная стена мавзолея сохранила незастроенной часть своих первоначальных кирпичных облицовок, которая позволяет восстановить схему фасадной композиции: три арочных ниши, между которыми размещены узкие нишки и над которыми находится три прямоугольных панно, заполненных фигурной кладкой кирпичей. В кладках арок, стен и бордюров широко использованы разнообразные фигурные кирпичики.

Стилистически мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда более всего подходит к двум близким по времени памятникам Мервского района: мечети Талхатан-баба и Худай-Назаровлия. В нем виден тот же принцип чередования на фасаде обширных и узких арок, те же приемы кладки парными кирпичами, широкое применение фигурных резных кирпичиков и геометрических орнаментов. Вполне совпадают методы начертания арочных кривых; сходны приемы выведения тромпов[1]; аналогичны мотивы орнаментации.

[1] Почти идентичную конструкцию и оформление тромпового пояса можно также видеть в Рабати-Шерефе (1114/15 г.) и в пятничной мечети в Сангане (1140/41 г.) — оба памятника в Южном Хорасане. См. A. Godard. Khorasan.— AI, t. IV, fasc. I, фиг. 4 и 6.

Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Деталь кирпичной кладки.

Сходство с этими памятниками позволяет с полным основанием предположить, что не только главный фасад мавзолея, но и все остальные несли насыщенный кирпичный декор. Что касается северо-западного фасада, то, по предположению Б. Н. Засыпкина, на нем размещались три широкие и четыре узкие арочные нишки [1], что было принято и остальными исследователями [2]. В. И. Пилявский предполагает также, что поверх была протянута карликовая галерейка [3]. Между тем расчистка северного края фасада показывает, что в действительности здесь была не нишка, но гладкая широкая полоса кладки из спаренных кирпичей, чередующихся с фигурными кирпичиками в форме угловатой восьмерки. Реконструкция фасадной схемы мервского мавзолея таким образом может быть предложена совсем иная, чем та, которая опубликована В. И. Пилявским, а именно: три широкие арки, в промежутке между ними две узкие, поверх три горизонтальных панно геометрического орнамента, а вся эта композиция П-образно охвачена широкой полосой упомянутой комбинированной кирпичной

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 48.

[2] В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 106; Н. М. Бачинский. Искусство старых зодчих Туркмении, стр. 26.

[3] В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 109.

Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Деталь росписи интерьера.

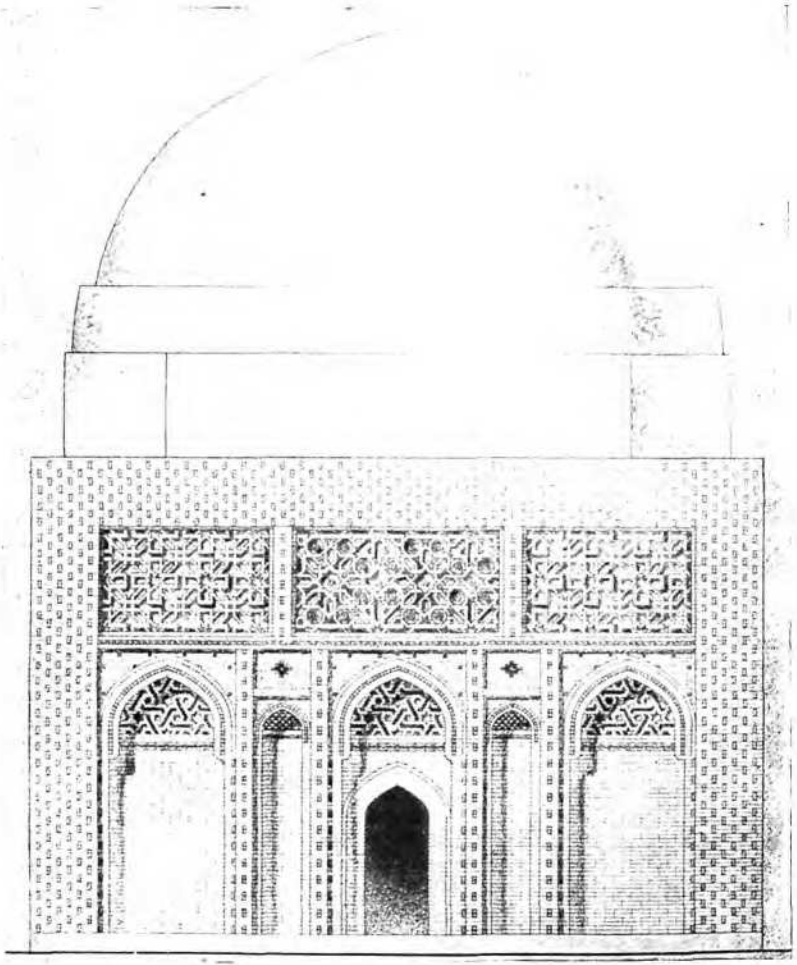
кладки. Судя по конструкции купола, даже с учетом ремонтных обкладок его внешней поверхности, ни для какой аркатуры здесь места нет.

Интерьер мавзолея также был оформлен в высшей степени гармонично. Сырцовые стены его оштукатурены глиной, по которой нанесена ганчевая подготовка, а по ней выполнена роспись. Датируется она не X—XI вв., как полагает В. И. Пилявский[1], но временем возведения здания, т. е. 1112/13 г. В литературу вошло лишь описание росписи михрабной ниши[2]. Между тем живопись сохранилась местами почти на всей верхней половине юго-западной стены интерьера, хотя состояние ее самое плачевное, узор полустерт, краски потускнели или облетели.

Стена была расчленена на три прямоугольных панно, оконтуренных двумя бордюрами, *заключающими мотив гибкого побега — «ислими»*, *выполненный белым* цветом на красном и синем фоне. В углах этих панно размещен по диагонали сложный

[1] В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 109. Помимо ошибочности общей схемы членений, на чертеже реконструкции автором ненатурально-заостренно переданы кривые арок, дверного проема и купола.

[2] В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 109; Н. М. Бачинский. Искусство старых зодчих Туркмении, стр. 26.

Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Реконструкция фасада.

растительный узор, а посередине панно — крупный миндалевидный картуш («бадам»), сохранившийся лишь в верхней части, где он завершен красной пальметкой; росписи эти выполнены в основном красной и синей краской по белому фону.

Особенное внимание уделено было отделке михраба. Примечательна его ниша в виде конхи, имеющей фестончатый наружный контур и ракушеобразное оформление. Форма эта прослеживается на целом ряде памятников зодчества Туркмении XI—XII вв.: можно напомнить о ракушеобразных парусах караван-сараев Башана и Акча-кала, о ярусе ракушевидных пишек над тромпами в мавзолее Текеша в Куня-Ургенче. Середина конхи михрабной ниши мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда подчеркнута рельефным лепным жгутом. Лопасти окрашены чередующимися зеленым, красным и синим тонами, служившими как бы фоном для разбросанных по ним белых или желтоватых пяти- и шестилепестковых цветочков. Тимпаны также окрашены в синий цвет. Над ними идет широкая полоса куфической надписи, выполненной желтоватыми буквами, обведенными по контурам зеленой краской, по красному фону.

Стены поверху оконтуривает широкий эпиграфический пояс в обрамлении полос фигурной кладки из Z -образных и полукруглых фигурных кирпичей, рельефно выступающих на фоне сложных растительных завитков, резанных по ганчу. Ярус тромпов содержит восемь арок, архивольты которых выложены из продолговатых резных кирпичей. Щипцовые стенки арок, лежащих на осях помещения, и поверхности сомкнутого свода у тромпов выведены внизу парными кирпичами, в основной поверхности — кладкой «в елку». Углы перехода от квадрата к восьмиграннику, а выше от него к 16-граннику смягчены ступенчатой «перспективной» кладкой по фигуре треугольника. Купол гладкий, сложенный кольцевыми рядами. Снаружи купол выражен слегка заостренной скуфьей, переход к которой осуществлен двумя восьмигранными уступами. Однако вся его внешняя поверхность покрыта ремонтными обкладками.

Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда — памятник, небольшой по размерам, но выдающийся по своим архитектурным качествам. Типологически он развивает традиционную для Хорасана тему центрально-купольного «киоска», воздвигнутого над почитаемой могилой. Своим органическим единством наружного и внутреннего оформления и виртуозным использованием художественных качеств кирпичной фактуры мавзолей особенно близок к мечети Талхатан-баба. Но так как, в отличие от мечети, он заключает закрытое помещение, где нет опасности атмосферных воздействий, основные плоскости стен интерьера здесь покрыты живописью. Характерно, что их трехчастное членение вполне соответствует архитектоническому принципу, выраженному на фасаде, хотя и не идентично ему в деталях; фактурное же единство интерьера и фасадов достигается кладками тромпового пояса и самого купола. Мавзолей этот являет собой один из образцов, завершающих развитие того типа центрических усыпальниц, сложение которого протекало в областях Мерва—Серахса—Туса в XI— первой половине XII в.

Худай-Назар-овлия

Хотя мазар, или как его именуют туркмены «овлия» (почитаемая могила), Худай-Назара расположен всего лишь в 28 км к северу от Байрам-Али, здание это до сих пор выпадало из поля зрения исследователей. Памятник был открыт нами в 1951 г. при маршрутных работах мервского отряда ЮТАКЭ. Он лежит на окраине средневекового селения X—XII вв., у старого клад-

Худай-Назар-овлия.

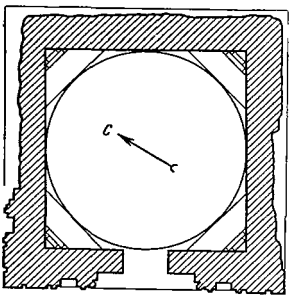
бища. Внутри мавзолея — крупный, грубо обмазанный глиной намогильник. Культ «святого» поддерживался среди туркмен вплоть до революции.

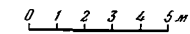
Здание ориентировано главным фасадом на юго-юго-запад. Оно сложено из сырца размерами 24×24×6 см и было облицовано снаружи жженым кирпичом 25—25,5× ×5,5 см на глиняном растворе. Жженый кирпич был также частично употреблен в угловых кладках главного фасада. В настоящее время высится четверик стен, причем облицовки сохранились только на главном фасаде и в смежных с ним углах боковых фасадов. Разрушен и наново переложен без сохранения симметрии участок стены у входного проема. Перекрытие рухнуло. Выведено оно было также из сырца; переход к куполу осуществлялся посредством тромпов, заключающих в углах по два нишевидных отступа, сложенных из сырца и соединенных вверху парой жженых кирпичей.

Композиция мавзолея строго центрична. Он квадратен в плане; наружный размер его 11×11 м, внутренний — 7,90×7,90 м; толщина стен с облицовками равна 1,55 м. Оформление главного фасада и боковых (может быть и заднего) было вполне идентично; единственную разницу составляло наличие входа в центральной нише главного фасада.

Мавзолей стоит на общей невысокой платформе, обложенной жженым кирпичом. Он имеет цоколь высотой 45 см, выведенный вперебежку швов; выше кладка выпол-

нена спаренными кирпичами. В декоративном оформлении основных фасадных плоскостей значительную роль играют фигурные кладки из обычного жженого кирпича, кирпичных квадратиков и фигурных резных кирпичиков. Архитектоника главного фасада отчетливо выражает центрический характер общей композиции здания. В центре фасада — обширная (3,90 м) арочная ниша, архивольт которой покоится на встроенных восьмигранных колонках, чьи грани выложены чередованием пар кирпичей и резных кирпичиков в виде спаренных ромбов (род угловатой восьмерки). Кладка торцовой стены ниши до линии импоста арок выполнена спаренными кирпичами и резными кирпичиками в форме угловатой буквы S. Над ней, вплоть до начала кривизны арки, следуют бордюры, составленные из ромбических, Х-образных, З-образных и корытообразных фигурных кирпичиков. Внутриарочная часть торцовой стены выложена чередованием рядов «в елку» и крестовидных фигур, образованных из кирпичных квадратиков. Тимпаны арки заполнены той же кладкой, что и торцовая стена ниши. Кривая арки почти полуциркульная, слегка заостренная в замке.

Худай-Назар-овлия. План.

С обеих сторон этой ниши расположено по узкой тянутой стрельчатой нишке, подчеркнутой выступающими лопатками шириной в один кирпич, широкая полоса геометрического орнамента и, наконец, широкие лопатки кладки углов. Эта кладка образована чередованием спаренных кирпичей, заостренных S-образных кирпичиков по краям и спаренных З-образных на оси. Совершенно идентична кладка торцовых стенок упомянутых узких ниш. Межарочная часть их заполнена в четыре ряда лежачими Х-образными кирпичиками. Обрамляющие лопатки дают чередование целых пар кирпичей и четвертушек их, разделенных посередине двумя ромбическими кирпичиками. Широкая орнаментальная полоса геометрического гириха образована на 45-градусной сетке пересечением восьмиугольников и квадратиков.

Судя по остаткам облицовск на северо-западном фасаде, архитектурные членения и декор здесь были аналогичны юго-западному. Отличия лишь в деталях: так, например, орнамент в смежной широкой полосе имеет несколько иной гирих; хотя он и построен на той же 45-градусной сетке, но образован пересечением лишь взаимно-перпендикулярных линий.

В целом композиция мавзолея оставляет впечатление большой законченности и организованности. Центрический принцип выдержан в нем предельно; его выражает и общая симметрия объема (прямоугольная призма основания, увенчанная сферической скуфьей) и однозначность фасадов. По своим техническим методам, декоративным приемам, наконец общему стилю, Худай-Назар-овлия более всего приближается

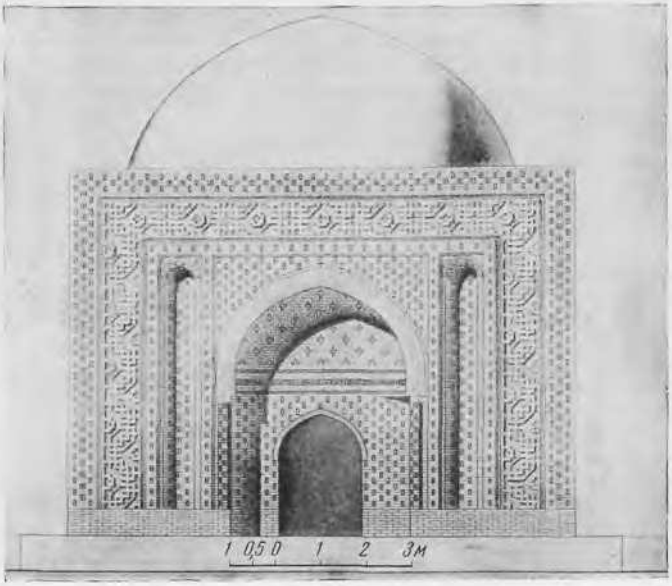
Худай-Назар-овлия. Деталь фигурной кирпичной кладки.

к мавзолею Мухаммеда ибн-Зейда (1112/13 г.), что позволяет предположить и близкую дату его сооружения.

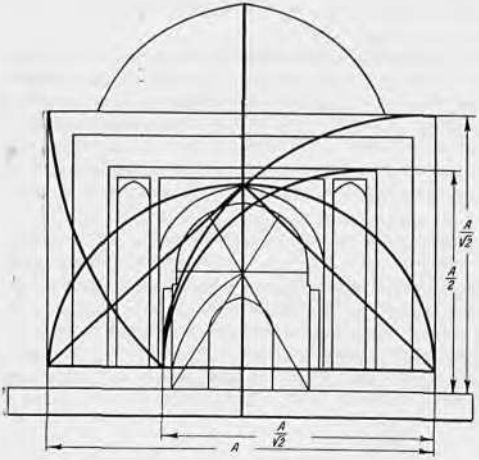
Архитектоника фасада с его чередованием обширных и тянутых стрельчатых ниш, широких и узких лопаток, с геометрическим узором, образованным выкладками кирпича, находит близкие параллели также в оформлении мечети Талхатан-баба. Эти три памятника являются созданием не только единой архитектурной школы, но, видимо, и единой цеховой корпорации мервских строителей, центр которой располагался в самом Мерве и которая привлекалась для выполнения ответственных архитектурных заданий в другие города и поселения Мервского оазиса, а может быть и за его пределы.

Анализом фасада мавзолея Худай-Назар-овлия устанавливается, что в основе его лежат соотношения, кратные единице, двум и $\sqrt{2}$, т. е. пропорции квадрата и его диагоналей. На чертеже показано, что все основные членения фасада могли быть получены мастером-строителем простым геометрическим построением.

Худай-Назар-овлия входит в особый цикл среднеазиатских центрических беспортальных мавзолеев, основу архитектурного декора которых составляют фактурные качества жженого кирпича и образцами которых являются мавзолей № 1 из ансамбля Султан-Саадат в Термезе, мавзолеи в селении Саят, Ярты-гумбез близ Серахса и

Худай-Назар-овлия. Реконструкция фасада.

Худай-Назар-овлия. Анализ пропорций.

мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда в Мерве. При единстве общей концепции каждое из этих сооружений имеет вполне индивидуальные качества, отнюдь не повторяя друг друга в архитектурных элементах и деталях, что является показателем высокого мастерства созидавших их зодчих, умевших внести в стандартный архитектурный тип неповторимое своеобразие.

Мавзолей султана Санджара

Кажется, нет ни одного описания развалин старого Мерва, даже самого краткого, где не был бы упомянут мавзолей султана Санджара. Но хотя памятник этот уже фигурирует в публикациях, предшествующих 1896 г., первым строго-научным исследованием его следует признать соответствующий раздел монументального труда В. А. Жуковского «Развалины старого Мерва». Здесь приведено обстоятельное (не всегда, впрочем, достаточно точное) описание здания, изложены сведения из различных исторических источников и народные легенды, опубликованы некоторые фотографии [1]. Первое же специальное историко-архитектурное исследование его было осуществлено уже в советское время Б. Н. Засыпкиным [2]. Опубликованный тремя годами ранее Э. Кон-Винером стилистический разбор мавзолея Санджара, целиком формалистический по своему содержанию, ничего не внес в понимание подлинных архитектурных качеств этого сооружения [3]. Новые данные получены были Н. М. Бачинским, осуществлявшим в 1937 г. ремонтно-реставрационные и одновременно обмерные работы на мавзолее, что нашло отражение в ряде его публикаций [4]. Наконец, еще целый ряд наблюдений был сделан нами в 1947 и 1950 гг. во время работ мервского отряда ЮТАКЭ, когда, в частности, были осуществлены дополнительные обмеры памятника.

Исторические сведения о мавзолее Санджара (самые ранние из них восходят к началу XIII в.) сводятся к следующему. Согласно ар-Равенди, после смерти султана Санджара в 1157 г. «его похоронили во дворце, который сооружен в Мерве» [5]. По данным ибн ал-Асира, Санджар был погребен в куполообразном здании, отстроенном им еще при жизни и названном «Дор ал-ахира» (дом загробной жизни) [6].

Якут также утверждает, что могила Санджара находится в большом мавзолее, голубой купол которого виден на расстоянии дня пути, т. е. до 30 км, причем его решетчатое окно (панджара) обращено к соборной мечети [7]; по дошедшим до Якута сведениям, здание, якобы, возвел после смерти Санджара один из его слуг, оставивший вакф в пользу чтецов корана и сторожей. У Бондари приводится иной вариант, по которому Санджар еще при жизни приказал своему фавориту Ихтияр ад-дину Джаухару ат-Таджи отстроить высокий «гумбез», в котором была бы заготовлена могила

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 120—126.

[2] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 28—46.

[3] E. Cohn-Wiener. Die Ruinen der Seldschukenstadt von Merv und Mausoleum Sultans Sandschars. — «Jahrbuch der Asiatischen Kunst». Berlin, 1925; статью Э. Кон-Винера в свое время подверг суровой критике акад. В. В. Бартольд в «Изв. ГАИМК», т. IV, 1925.

[4] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 17—31; Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949, стр. 20—22; его же. Искусство древних зодчих Туркмении, стр. 24—25.

[5] МИТТ, I, стр. 358.

[6] МИТТ, I, стр. 393.

[7] МИТТ, I, стр. 433—434.

с возложенной намогильной плитой для нанесения на нее в последующем эпитафии [1]. Сооружение мавзолея во всяком случае предшествовало событиям гузской смуты (1152 г.). По ибн ал-Асиру, при разгроме Мерва монголами в 1220 г. могила Санджара была разграблена в поисках сокровищ, а здание, якобы, было предано пламени [2]. В этом сообщении, вероятно, справедлива лишь первая половина; никаких следов пожарища в здании нет, да и не мог огонь нанести ущерб его кирпичной твердыне.

Слава мавзолея Санджара сохранилась в веках. Рашид ад-дин (начало XIV в.) характеризует его как «самое большое здание на свете» [3], Исфизари (конец XV в.) еще более патетически утверждает: «Это одна из величайших построек царств вселенной и до такой степени прочна, что порча не может коснуться ее» [4]. Среди туркменских племен к XVII—XVIII вв. «гумбез Санджара-мазы» стал своеобразной национальной святыней: к нему совершалось паломничество, причем в знак памяти о султане посетители бросали кирпич, черепок или камень в огромную пирамидальную кучу, расположенную неподалеку от здания, символизирующую собой «могилу врагов Санджара».

Кажущееся противоречие письменных источников XII—XIII в., по которым мавзолей либо являл собой отдельное купольное здание, либо был пристроен к мечети, либо входил в состав дворца, исчезает, если допустить, что дворец, гумбез и соборная мечеть составляли единый архитектурный ансамбль в центральной части средневекового Мерва (городище Султан-кала), на что уже обратил внимание В. А. Жуковский [5].

Раскопками, осуществленными вокруг мавзолея на ширину до 2—2,5 м в 1937 г., установлено, что мечеть примыкала к мавзолею с восточной стороны; здесь обнаружены цоколи, вплотную подходящие к стене мавзолея, и остатки кирпичного архитектурного декора. Парадный вход в мавзолей вел с запада, где выявлена вымощенная жженым кирпичом дорожка, по ширине соответствующая арке входа [6]; возможно, что она вела по направлению к дворцу Сельджукидов.

Материалом постройки является жженый кирпич. Использовано три основных стандарта его размеров. В кладку фундаментов, цоколя и стен до уровня венчающей галереи употреблен квадратный кирпич размерами 28—29 см в стороне на 5,5—6—6,5 см толщины; кирпич галерей и вся подкупольная часть сложены из квадратного кирпича размерами 24—25 см в стороне на 5 см толщины; наконец, в арках подкупольной конструкции положен особый прямоугольный кирпич 38×25×5 см. Установлено, что при изготовлении кирпича в массу его вводился саман, добавка которого в крупных кирпичах значительно большая, чем в малых [7]. Растворы в разных частях соору-

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 30.

[2] Там же, стр. 53.

[3] Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. III. М.—Л., 1946, стр. 229.

[4] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 72.

[5] Там же, стр. 134.

[6] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 19.

[7] Исследования кирпичей и строительных растворов мавзолея султана Санджара были осуществлены по заданию ЮТАКЭ зав. лабораторией строительных материалов САНИИРИ Н. С. Гражданкиной.

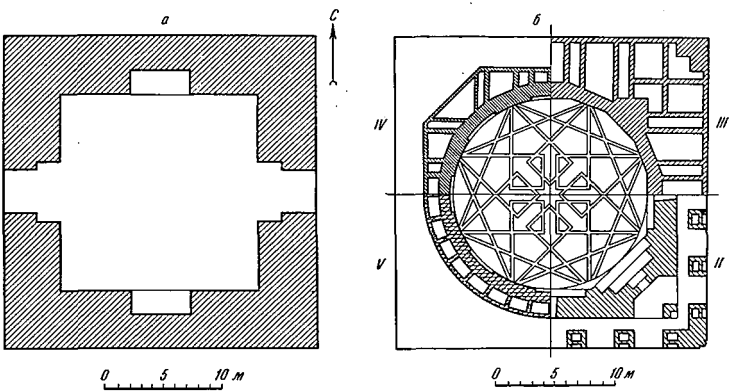
Мавзолей султана Санджара.

жения применены различные с учетом особенностей конструктивного порядка. Так, в фундаментах и в цоколе употреблены водоустойчивые известково-зольные (кыровые) растворы, в кладке стен и сводчатых конструкций — необычные в практике среднеазиатского строительства гипсо-песчаные растворы (ганч с большой добавкой песка).

В кладках здания отмечается большое число деревянных связей, которые, видимо, в процессе возведения использовались одновременно и для лесов.

Шурф, заложенный нами в 1953 г. внутри мавзолея, у южной стены показал, что при сооружении здания котлован для фундамента был вырыт на глубину более 4 м от дневной поверхности Мерва XII в., а по ширине отступал внутрь на 1,1 м от проектной линии стен. Этот котлован прорезал массив многовековых наслоений

средневекового города, накопившихся в его центральной части. Стратиграфия археологических слоев дает на вскрытом участке четкую картину накопления культурных толщ с VIII до XII в., врезаясь в которые строитель проходил то через слои пахсы каких-то разрушенных сооружений, то через рыхлый навал земли с отходами ремесленных производств (гончарного, железообрабатывающего), то, наконец, через уплотненные слои глины, в которой встречаются куски кирпичей, фрагменты керамики, угольки, зола и т. п. На глубине 4,20 м строители сочли дальнейшее углубление котлована уже нерациональным (хотя еще и не дошли до материка), но, прежде

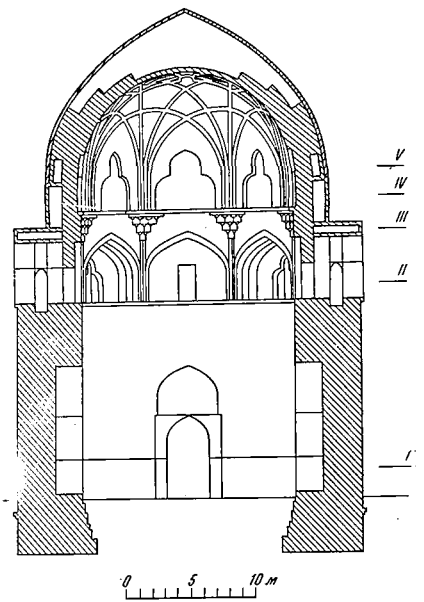
Мавзолей Санджара.

а — план в уровне панели; *б* — план в уровнях парусов и купола (римскими цифрами обозначены сечения, показанные в разрезе).

чем приступить к выкладке фундамента, произвели уплотнение основания. С этой целью котлован был заполнен на какой-то срок водой (чем была достигнута осадка верхних слоев грунта), а затем осушен. Аналогичный способ уплотнения грунта был отмечен нами в фундаментах ряда более поздних построек среднеазиатской архитектуры: мавзолее Гури-мир, мечети Анау, мавзолее Ишрат-хана, причем здесь осуществлялось даже многократное заполнение водой с последующей осушкой котлована, чем достигались соответствующая усадка и предельная уплотненность лессовых суглинков основания.

Выкладка фундамента (как это установил в свое время и Н. М. Бачинский) была осуществлена шестью не одинаковыми по высоте уступами. Нижний уступ высотой 1,20 м плотно заполнял котлован; поэтому грань его не вертикальна, но повинуется выгибам стенок той ямы, которую он заполнял. Следующие пять уступов выведены строго отвесно. Кладка фундаментов выполнена на сером кыровом растворе, обладаю-

щем гидроизоляционными свойствами[1]. По выведении фундамента свободное пространство котлована было засыпано почти до уровня верхнего уступа. Засыпка рыхлая с большим количеством кусков сырца, жженого кирпича и керамики. Видимо, в дело шли всевозможный строительный мусор, хозяйственные отвалы и пр. Над этой засыпкой лежит 18-сантиметровый слой речной гальки на тощем гипсовом растворе, а поверх произведена заливка тем характерным розоватым гипсо-песчаным раствором, на котором выведены стены мавзолея Санджара. Почти несомненно, что на этой заливке лежал кирпичный пол, ныне не сохранившийся, который располагался выше первого уступа фундамента примерно на 25 см, немного ниже современной смазки пола. Былая же панель мавзолея доходила до этого уступа; ныне от нее лишь местами сохранились кирпичи, приморожденные на том же розоватом растворе.

Мавзолей Санджара. Разрез (римскими цифрами обозначены уровни, показанные в плане).

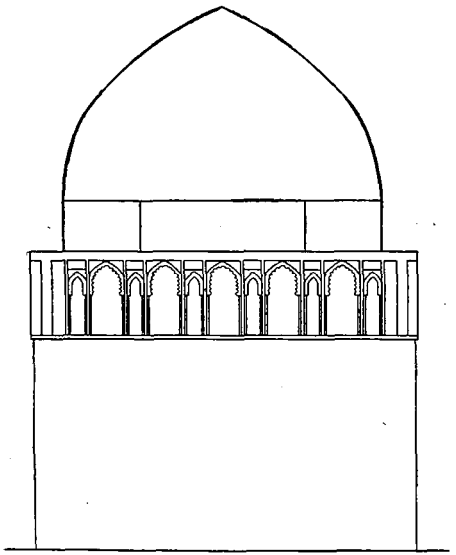
Здание мавзолея квадратно в плане; оно заключает помещение 17-метрового пролета при наружном периметре 27 × 27 м. Перекрытие его куполом составляло очень ответственную инженерную задачу, какой еще не знала строительная практика средневековых мастеров предшествующих столетий. Ее решение было блестяще осуществлено системой своеобразных облегченных подкупольных устройств.

Стены мавзолея до уровня парусов имеют 5-метровую толщину. Массив их несколько облегчен обширными стрельчатыми нишами, лежащими на главных осях. На высоте 14,20 м от пола начинается восьмигранник парусов, которому снаружи соответствует галерея, образующая круговой обход вокруг основного квадрата здания и открытая наружу изящной сквозной аркадой. В этом уровне толщина стен сокращается до 1,50 м. Паруса мавзолея представляют собой не обычный тромп — сомкнутый полусвод, но более сложную конструкцию. Здесь по сторонам восьмигранника переброшены несущие арки. Переход к этим аркам от прямых углов основания

[1] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 17, ошибочно указано, будто кладка фундамента осуществлена на растворе плотной глины с добавками ганча.

выполнен системой облегченных, перспективно сокращающихся сводиков, образующих трехлопастную фигуру, в средней части которой расположено по окну. Окна устроены также и на главных осях здания; всего их, таким образом, было восемь.

Тип парусов мавзолея Санджара имеет местное происхождение, восходящее еще к архитектуре XI в. Простейшие трехлопастные паруса применены в стрельчатой нише входа мавзолея Гумбеди-Кабус (1006/07 г.) [1]. Система эта использована в подкупольном ярусе конструкций мавзолея Абу-Саида в Меана; тот же прием отмечен нами в мавзолее 1098 г. Ярты-гумбез близ Серахса. Он есть и в сырцовой архитектуре, пример чего дает караван-сарай Акча-кала на пути из Мерва в Амуль. К концу XII в. тип трехлопастного паруса проникает в строительство сельджукидов в Исфахане (ср. малое купольное здание 1088 г. в Масджид-и-джума) [2]. Однако купола этих построек по своим масштабам не могут выдержать сравнения с мавзолеем Санджара. Особенностью мервского мавзолея является также то, что паруса его облегчены окнами, открывающими углы.

Мавзолей Санджара. Реконструкция фасада.

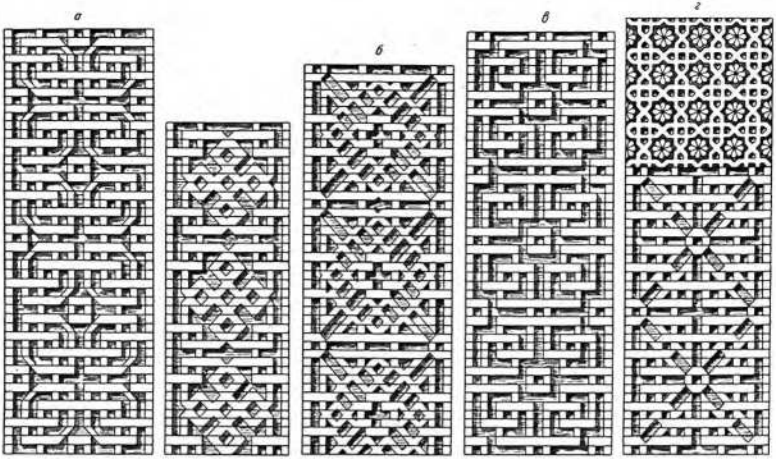
Снаружи кладка стен мавзолея гладкая. С уровня, которому внутри соответствует начало парусов, здесь расположена арочная галерея. Она обводит мавзолей по периметру, более чем наполовину сокращая сечение стен. Галерея перекрыта системой стрельчатых сводов, переброшенных как вдоль ее оси, так и перпендикулярно к ней. Пяты этих последних лежат в уровне замков продольных сводов; таким образом, конструктивного пересечения между ними, которое потребовало бы создания крестового свода, нет. Поперечные своды открыты наружу, а несущие их устои облегчены нишками, которые снаружи были забраны сквозными решетками из тесаных кирпичиков.

Б. Н. Засыпкин считал эту галерею элементом чисто-декоративным [3]. Э. Диц

[1] E. Schroeder. Islamic Architecture. The Seljuq Period.—SPA, II, фиг. 344.

[2] SPA, IV, табл. 289 и 290.

[3] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 39—40.

Мавзолей Санджара. Панно из тесаных кирпичиков на угловых устоях галереи.
а — северный фасад; *б* — восточный фасад; *в* — южный фасад; *г* — западный фасад.

возводит происхождение подобных верхних галерей к подражанию декоративным аркатурам, украшающим башнеобразные ступа Афганистана[1]. Однако появлению декоративной формы в архитектуре всегда предшествует момент функциональной обусловленности. Можно попытаться понять генезис этой формы привлечением некоторых аналогий.

Возможно, что в данном случае пережиточно сохранен древний, восходящий еще к античной эпохе, прием устройства обводных коридоров, окружавших культовые постройки. Напомним, что монументальная храмовая башня и Круглый храм, из комплекса парфянских зданий в Старой Нисе окружены по квадрату обводными галереями. Прием этот отмечен и в западно-парфянской архитектуре; таков, например, храм Хатры.

В памятнике раннефеодальной среднеазиатской торевтики — так называемом Аниковском блюде Государственного Эрмитажа — можно видеть изображение двух зданий: замка-кёшка и расположенного на втором плане здания с арочной галерейкой наверху. Отсюда выносят оссуарий (по мнению С. П. Толстова, ритуальный оссуарий Сиявуша), что намекает на культовое назначение здания, хотя и используемого в дни осад для обороны.

В средневековом зодчестве Среднего Востока первоначальная функция ритуальных обходов была забыта. Однако самый принцип обводных галерей сохранился в

[1] E. Diez. Islamic Architecture. Principles and Types.—SPA, II, табл. 924.

некоторых культовых постройках. Примеры применения верхних галерей дают: для IX—X вв. — мавзолей Саманидов, для XI в. — описанные выше мавзолеи Абул-Фазла в Серахсе (20-е годы XI в.) и Абу-Саида в Меана (середина XI в.). В мавзолее Санджара наблюдается возврат к принципу мавзолея Саманидов: галерея ажурная, сквозная и составляет важный элемент архитектурной композиции здания. Использование верхних галерей можно наблюдать и позднее: в мавзолее Улджейту в Султании (1304—1316 гг.), в мечети Анау (1456 г.) и в мавзолее Ходжа-Раби близ Мешхеда (1617—1622 гг.).

Арочные галереи южно-туркменистанских мавзолеев XI—XII вв. имеют вместе с тем и определенный конструктивный смысл. Галереи эти служат для частичного погашения усилий распора, вызванного арками, парусами и самим куполом. Строитель вводит их как разгрузочные устройства взамен сплошного инертного массива стен. Наконец, несомненен архитектурно-декоративный смысл галерей, стремление замаскировать тромпы, которые так органически включаются в композицию интерьеров, но которые снаружи выглядели бы очень неэффектно. В мавзолее Абул-Фазла сами галереи еще закрыты плоскостями стен, но в мавзолеях Абу-Саида и Санджара они становятся важным элементом в общей композиции архитектурных объемов и стенных плоскостей. Изящество малых аркатур контрастно подчеркивает величие основного массива постройки.

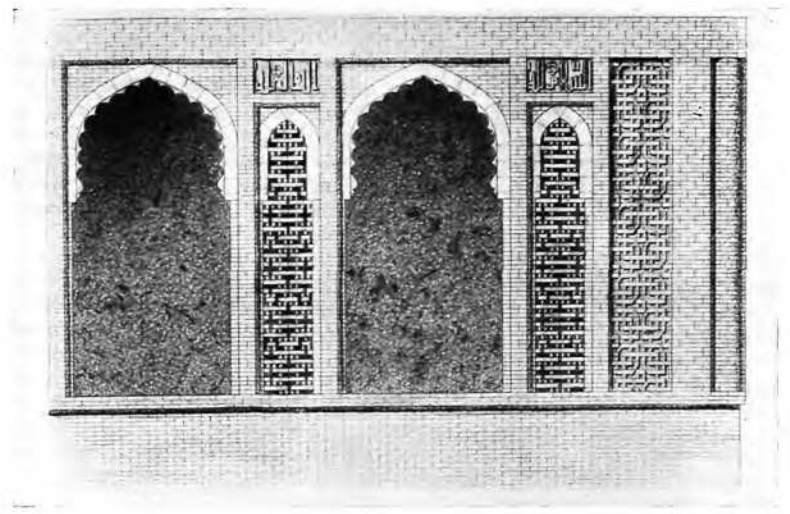
В контрасте с гладью стен, декоративное оформление галереи выглядит чрезвычайно изысканным. Снаружи галерея выражена чередованием обширных открытых арок и забранных решетками малых арочек. Орнамент панно на несущих эти арки столбиках-устоях построен на системе квадрата и его диагоналей. Всего имеется пять вариантов гириха; построение одного из них расшифровано Н. Б. Баклановым [1].

Важно подчеркнуть одну деталь, ранее не отмечавшуюся исследователями: открытые арки были оформлены по контуру фестонами в количестве 13 или 15. В настоящее время от них местами сохранились лишь отдельные фрагменты. Фестоны эти были выточены из кирпичей и вставлены в ганчевую обмазку архивольтов, после чего профиль фестонов корректировался также ганчем. Вопрос о происхождении фестончатых арок уже поднимался в данном исследовании. Подчеркнем лишь вновь их глубокую традиционность в средневековом зодчестве Южного Туркменистана, что прослеживается еще в столь раннем памятнике, как михраб мазара Шир-Кабир в Машаде близ Мерва, а для XI в. — в сырцовом караван-сарае Акча-кала. Фестончатое оформление, несомненно, придавало аркам мавзолея Санджара особую ажурность, изящество очерка и легкость формы.

Чередующиеся с этими арками узкие нишки, полые внутри, забраны снаружи фигурной кладкой толщиной в один кирпич, образующий геометрические узоры. Они не одинаковы на всех фасадах, но все построены на простой системе пересекающихся полных и неполных квадратов, приближаясь по общему типу к геометрическим орнаментам на фасадах Худай-Назар-овлия и караван-сарая Рабати-Малик.

Софиты сводов галереи оформлены резьбой по ганчу. Щеки сводов в смежной к фестончатому контуру части выделены широкой полосой с замысловатым

[1] Н. Б. Баклановв. Герих. — «Советская археология», IX, 1947, рис. 11.

Мавзолей Санджара. Реконструкция галереи.

орнаментом растительных сплетений, выполненным глубокой резьбой; в уровне пят расположено эпиграфическое панно с сочными буквами почерка несхи на фоне растительных узоров. Остальные поверхности сводов и устоев этих арок покрывает плоская резьба, имитирующая разнообразные узорные кирпичные выкладки — «в елку», крестовинками, с применением фигурных резных кирпичиков и пр.

Согласно существующим публикациям, над обводной галереей мавзолея располагалась вторая арочная галерея, будто бы имевшая ту же разбивку, что и нижняя, и являвшаяся таким образом продолжением кубической формы памятника. Говорилось даже о возможности наличия здесь каких-то подсобных помещений[1]. Исследование кладок показало, что в действительности это совсем не так.

Прежде всего устанавливается, что здесь налицо не галерея, но система арок, разобщенных несущими стенками. Они отнюдь не продолжали кубовидный объем мавзолея, но отступали от внешнего контура стен на глубину всей расположенной ниже обводной галереи. Они шли не по квадрату, но по фигуре правильного восьмигранника, притом имея пять вариантов размеров пролета. Наконец, все они были наглухо закрыты; это видно и по остаткам поперечных кирпичных стенок, и по сохранившимся целиком заложенным аркам. Одним словом, то была не обводная галерея, не

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 37; Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 19.

декоративная аркатура, но система пазушных сводов, облегчавших переходный подкупольный восьмерик.

То же наблюдение сделано было и в отношении расположенных выше арочек, в уровне которых наблюдается начало округления купола. Число их равно 32. Они представляли собой не «аркатурный барабан», по Б. Н. Засыпкину[1], не «декоративную галерею третьего яруса, с арками, забранными с внешней стороны решетками», по Н. М. Бачинскому[2], не 16-гранную аркаду, по В. И. Пилявскому[3], но добавочную систему облегченных пазушных сводиков, опоясывавших мавзолей в его подкупольной части. Снаружи они были закрыты: именно здесь начинался узел сопряжения двух оболочек — внутреннего и внешнего купола.

По сведениям Якута купол мавзолея был голубым[4]. В наши дни остатков наружной, облицованной голубыми кирпичами скуфьи не сохранилось, однако сами кирпичи были найдены в значительном числе при расчистках, осуществленных на площади, прилежащей к мавзолею. Кладка внутренней скуфьи идет с постепенным уступчатым сужением к замку. Никаких следов кирпичных ребер, которые связывали бы ее с оболочкой наружного купола, нет. Вероятно для того, чтобы не загружать чрезмерно внутренний купол, обе оболочки существовали в верхнем участке раздельно, сопрягаясь лишь внизу. Наружная скуфья имела, несомненно, обычную для центрических мавзолеев Хорасана сферо-коническую форму, но отнюдь не шатрово-коническое очертание, традиционное для группы хорезмских мавзолеев, как это утверждает В. И. Пилявский![5]

Двойные оболочки куполов составляли обычное явление в архитектуре Хорасана XI—XII вв. Они отмечены в ряде мавзолеев этой поры: Абул-Фазла в Серхасе, Абу-Саида в Меана, ал-Газали в Тусе. Здесь, несомненно, зародыш декоративных куполов, приподнятых на высоких барабанах, применение которых широко войдет в архитектуру Средней Азии и Ирана в XIV—XV вв. Небезинтересно отметить, что в европейской архитектуре облегченный кирпичный купол с двойной оболочкой появится лишь в XV в. (купол Флорентинского собора Брунеллеско).

Внутренний купол мавзолея Санджара имеет своеобразную систему кирпичных гуртов, образующих замысловатый геометрический узор, построение которого исходит из фигуры восьмиконечной звезды. Рельеф гуртов образован диагональной заделкой кирпича. Метод распределения пучка гуртов, исходящих в куполе мавзолея Санджара из углов основного восьмигранника и образующих в плафоне фигуры различных многоугольников и центральной звезды, сходен с крестовыми нервюрными звездчатыми сводами английской готики XIV в.[6] Однако сходство это формального порядка, так как существо среднеазиатской конструкции радикально отлично от западно-европейской. В готической архитектуре конструктивна сама сетка нервюр.

---

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 39.
[2] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 19.
[3] В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 116.
[4] МИТТ, I, стр. 434.
[5] В. И. Пилявский. Архитектура древнего Мерва, стр. 116.
[6] А. В. Кузнецов. Своды и их декор. М., 1938, стр. 216—217, рис. 216 и 224.

Мавзолей Санджара. Резной штук.

В куполе же мавзолея Санджара гурты представляют собой лишь разделительные элементы комплекса кирпичных распалубок, образованных на отсеках сложной геометрической фигуры и составляющих купольную оболочку. Кирпичные купола этого типа получают особенно широкое распространение в сельджукской архитектуре Центрального Ирана (Исфахан, Гульпайган, Ардистан и др.); в Хорасане они встречаются в виде исключения. Нельзя не подчеркнуть, что мавзолей Санджара дает пример наиболее сложного по начертанию и наиболее значительного по масштабу купола, оформленного сеткой гуртов, с которым не могут выдержать сравнения даже разнообразные варианты этого типа куполов соборной мечети Исфахана[1].

[1] E. Schroeder. Islamic Architecture. First period.—SPA, II, стр. 961, фиг. 332a, 332o, 334, 365 и 366.

Лишь в мавзолее XIV — XV вв. Мили-Аханган (в иранском Хорасане) в углах подкупольной конструкции на чашу купола исходят пучки из четырех гуртов, подобные гуртам мавзолея Санджара[1]. Возможно, что именно мервский памятник послужил классическим образцом, которому следовал строитель этой усыпальницы.

Внутреннее убранство мавзолея крайне пострадало от времени. В основании на высоту до 3,80 м от пола проходила панель. Судя по некоторому нависанию расположенных выше кладок стен, можно предположить, что она была выполнена или выкладкой кирпичных плит, или, скорее, толстым слоем штукатурки, окрашенной иначе, чем стены. Вся расположенная выше часть стен и перекрытий была покрыта живописью, нанесенной по белому фону. В свое время было выдвинуто предположение о якобы позднейшем происхождении этой живописи[2]. На одновременности нанесения росписей и сооружения мавзолея настаивал на основании внимательного рассмотрения штукатурок Б. Н. Засыпкин[3], в чем он безусловно прав.

Подготовкой под роспись служил слой ганча со значительной примесью песка, т. е. тот же раствор, который употреблен и в кладках мавзолея. На него нанесен тонкий белый грунт, по которому синей и красной красками выполнена живопись. Основной прямоугольник каждой из четырех стен оконтурен геометрическим бордюром, мотивом которого служит простая плетенка шестигранников; в угловых четвертях диагонально расположена миндалевидная орнаментальная фигура «мадахили-бадам». Поверху стен протянут широкий, почти 1,5-метровый эпиграфический фриз, от которого сохранились лишь отдельные буквы. Надпись выполнена крупными белыми буквами цветущего куфи на фоне тонких растительных сплетений. Почерк вполне отвечает общему стилю куфического шрифта XII в.[4] По аналогии с иными памятниками среднеазиатского зодчества, можно предположить, что надпись содержала исторический текст.

В росписях щипцов нишевых арок уровня парусов, лежащих на осях мавзолея, повторен контур арки и вписаны орнаментальные фигуры; в частности, в центре над окнами размещены миндалевидные картуши. Внутренние поверхности парусов расчленены на прямоугольные панно, в которые вписаны фестончатые арочки; в межарочном поле размещен красный орнаментальный круг с исходящими из него лучами. В софитах арок и тромпов использован мотив переплетающихся растительных побегов. В архивольтах их видны надписи почерком несхи, стиль которых аналогичен надписям, резанным по ганчу в арках обводной галереи.

В сталактитах, маскирующих переход от восьмигранника тромпов к куполу, размещено по миндалевидной фигуре («мадахили-бадам»). На гуртах купола употреблен мотив переплетающихся растительных побегов. В трехлопастных фигурах нижней половины скуфьи купола сохранились следы росписи в виде миндалевидных картушей. С восточной стороны имеется особенный картуш; в нем на фоне ганчевой резьбы растительного орнамента выложено из кирпича имя строителя мавзолея —

---

[1] A. Godard. Khorasan.—AI, t. IV, fasc. I, стр. 137—142.

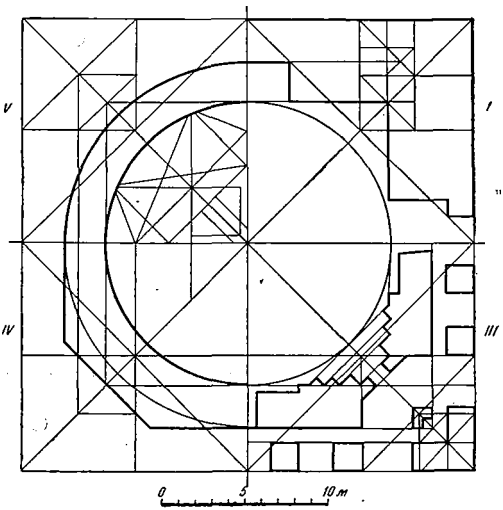
[2] П. Уваров. Поездка в Ташкент и Самарканд. — «Русская мысль», 1891, кн. XII, стр. 21; В. А. Жуковский. Указ, соч., стр. 122; E. Cohn-Wiener. Указ. соч., стр. 116.

[3] Б. П. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 42.

[4] В. А. Крачковская. Эволюция куфического почерка в Средней Азии, стр. 19 и сл.

Мухаммеда ибн-Атсыза, прочитанное В. Л. Вяткиным; М. Е. Массоном была расшифрована его нисба — место рождения: ас-Серахси.

Трудно разделить утверждение в отношении росписей мавзолея Санджара, будто «весь стиль и главное тональность рисунка находятся в явном диссонансе с общим строгим мастерством, вложенным в создание этого сооружения»[1]. Оформление интерьера как нельзя более отвечает монументальному стилю всей постройки. Как и снаружи, нарастание декоративных элементов здесь идет снизу вверх. Основные качества этой живописи: простота оформления плоскостей стен скромными обрамляющими бордюрами; парадность главной надписи, буквы которой четко вырисовываются на фоне сложных растительных сплетений; детальная орнаментальная разделка пояса тромпов; соподчинение форм и мотивов росписи на куполе геометрической системе оформляющих его гуртов. Все это придает интерьеру торжественную монументальность, чему способствует и колористическая ограниченность тонов. Отметим, что белый цвет здесь служит не просто фоном росписи, но играет активную роль в общем декоративном оформлении, внося холодную, чистую, умиротворяющую ноту в убранство мавзолея [2].

Мавзолей Санджара. Пропорции плана (римскими цифрами обозначены уровни, показанные в разрезе).

Анализ композиции плана мавзолея указывает на наличие определенных модульных закономерностей, выраженных как простыми соотношениями, так и иррациональными числами, соответствующими правилам модульных соотношений.

Квадрат (его стороны и диагонали) определяет собой построение основных элементов плана в разных ярусах мавзолея. Толщина стен, глубина арок, размеры ароч-

---

[1] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 21.

[2] Неясен вопрос о местоположении тех покрытых позолотой штукатурок, куски которых были обнаружены при раскопках в завале у мавзолея (Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1, стр. 17 и 19). Предположение будто они покрывали гладкую кладку внешних стен (там же), невероятно, так как штукатурки этого рода очень нестойки и плохо сохраняются даже в интерьерах зданий; снаружи золото вскоре же после нанесения было бы смыто дождем. Возможно, что позолотой была покрыта штукатурка ныне не существующей панели интерьера.

ной галереи, подкупольного барабана, наружный и внутренний контур двойной оболочки купола подчинены системе прогрессивно-сокращающихся, диагонально вписанных друг в друга квадратов.

Мавзолей султана Санджара безусловно принадлежит к числу тех шедевров мирового зодчества, в котором воплощены все качества подлинной высоко-организованной архитектуры: четкость общего композиционного замысла, гармония форм и деталей, органическая взаимосвязь конструкции, архитектурных форм и декора, остроумие технической мысли. Абсолютно неправ Э. Кон-Винер, который утверждал, будто и по форме и по характеру своей орнаментации мавзолей Санджара занимает изолированное место[1]. Композиция мавзолея Санджара являет собой логическое завершение развития тех центрических усыпальниц, тип которых определился именно в Северном Хорасане уже с XI в. и подробная характеристика которых была приведена выше. Его архитектурные формы, его конструктивные приемы, его декор, включающий и фигурные кирпичные кладки, и резьбу по ганчу, и живопись, также предопределены всем ходом эволюции южно-туркменистанского зодчества XI—XII вв. В памятнике этом синтезируются высочайшие достижения народного строительного гения средневековья, воплощенного в творчестве зодчего Мухаммеда ибн-Атсыза из Серахса и всей корпорации сотрудничавших с ним мастеров.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Памятники архитектуры Южного Туркменистана XI — начала XIII в. предстают как ярко выраженные образцы нового направления местного зодчества. Эпоха эта, открывающая новую страницу развития феодального общества на Среднем и Ближнем Востоке, создает предпосылки к формированию и сложению нового направления в архитектуре, успех которого был предопределен возрастающей общественной активностью феодальных городов. Эпоха ставит задачи быстрого, разнообразного, нередко большемасштабного строительства в черте городов, населенных пунктов, вдоль больших торговых путей. Можно думать (исторические источники этой поры почти не содержат конкретных данных по вопросу о положении городских трудящихся масс), что именно в XI—XII вв., в пору расцвета феодальных городов и чрезвычайно интенсивного развития всевозможных ремесел завершается процесс оформления ремесленных объединений (в том числе и строительных специальностей) в своеобразные организации цехового типа. Пережиточные формы последних сохранились в Средней Азии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции: различные ремесленные производства были объединены по признаку своей однородности в цехи; они имели определенную структуру — выборных старейшин, мастеров, подмастерьев, учеников; имели особые писанные статуты-рисоля[2]. В числе их известны связанные с архитектурной деятельностью цехи каменщиков, плотников, резчиков и др.

---

[1] В.В. Бартольд. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г.— «Сообщения ГАИМК», т. I, Л., 1926, стр. 215.

[2] М. Гаврилов. О ремесленных цехах Средней Азии и их статутах-рисоля. — «Изв. Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 223 и сл.

Процесс организации крупного городского строительства входит в систему государственных ведомств. Безусловно прав Н. М. Бачинский, который полагает, что изложенные Рашид ад-дином сведения о наличии проектных и сметных расчетов в строительстве времени Газан-хана (конец XIII в.) фиксируют уже традиционный, ранее сложившийся опыт[1]. Эта система не могла бы возникнуть в условиях государства, едва оправившегося от последствий монгольского нашествия и хищнического произвола, царившего во всем государственном военно-чиновном аппарате при первых хулагуидах, но возникла значительно ранее. По Рашид ад-дину, Газан-хан «назначил достойных доверия чиновников, честных и опытных писцов и умеющих составлять чертежи зодчих. Очень расчетливо определили все материалы, их стоимость и стоимость работы при таком их количестве, чтобы если производящие расчет с рабочими лица совершат преступление, недостача и убытки ложились на них. Доверенные люди и оценщики постоянно считают уже использованные материалы и те, которые предназначены для работы, и, основываясь на этом, требуют отчета от каждого подотчетного лица. Все так твердо установлено, что если даже через сто лет захотели бы составить смету на стройки и отпустить деньги, то пусть сопоставят расчеты битикчиев с материалами, которые израсходованы на работу, и немедленно истина отчетливо отделится от неправды, причем решительно смета не окажется ни ниже, ни выше. Никогда ни один доносчик не найдет возможности упрекнуть за работу тех чиновников и зодчих. При каждом деле назначены смотрители, чтобы не допускать применения в работе плохих материалов или убавления извести или примешивания к ним земли. Соблюдение такого порядка и предосторожности лежат на их обязанности. Затем еще поставку всех древесных и железных материлов отдали в подряд по установленным ценам, так что сорта их были определены и утверждены»[2].

Вся эта разработанная система организации строительных работ, которая начинается с составления архитектурных чертежей и сметных расчетов, со строгим соблюдением количества расходуемых материалов, наблюдение за чем возлагается на группу государственных чиновников, несомненно восходит еще к XI—XII вв., ко времени сложения мощных феодальных монархий, осуществлявших через развитой чиновно-бюрократический аппарат центральной власти большие строительные мероприятия.

Важно подчеркнуть, что автор проекта, обычно опытный зодчий, ведал проведением строительства, начиная от составления чертежей и кончая отделочными работами. В исторических надписях, сохранившихся на некоторых памятниках этой эпохи, содержатся имена правителя, доверенного лица, которому поручено осуществление работ, и главного архитектора или главных мастеров, трудившихся над возведением здания. Архитектурные памятники XI—XII вв. донесли до нас несколько имен выдающихся мастеров Южного Туркменистана, создателей построек непреходящего художественного значения: Абу-Бекра (мечеть Данданкана 90-х годов XI в.), Али ибн-Зияда (минарет 1102 г. в Дахистане), Али ибн-Мухаммеда ас-Серахси (минарет 1108/09 г. в Джар-Кургане), Мухаммеда ибн-Атсыза ас-Серахси (мавзолей султана Санджара, отстроенный до 1152 г.), Абул-Хусейна ибн-Мухаммеда ал-Нака

[1] Н. М. Бачинский. Искусство старых зодчих Туркмении, стр. 20.

[2] Рашид ад-дин. Указ. соч., т. III, стр. 225—226.

и Мухаммеда ибн ал-Хусейна ал-Нака (мечеть начала XIII в. в Дахистане). Следует упомянуть также мастера архитектурной эпиграфики — Алиабади Абу-Мансура Асада ибн-Мухаммеда Таифи из Серахса (Рабати-Шереф 1114/15 г.).

Зодчие Туркменистана XI—XII вв., безусловно, были хорошо знакомы с технологией и практикой применения строительных материалов, обладали эмпирическим знанием некоторых законов строительной механики, значительными сведениями из области прикладной математики; построения сложных геометрических орнаментальных систем на плоскостях стен и на поверхностях тромпов и куполов свидетельствуют о совершенном владении ими методами планиметрии и стереометрии.

Строительная техника претерпевает значительные усовершенствования. Установлено местное происхождение исходного сырья для строительных материалов — глин, песчано-галечных фракций, вяжущих веществ. Сырцовый кирпич по-прежнему остается основным материалом массового строительства. Однако в сравнении с предшествующим периодом стандарт его мельчает: преимущественные размеры сырцовой плитки — от 26 до 29 см в стороне на 5,5—6 см толщины. Наоборот, жженый кирпич становится крупнее, техника обжига его совершенствуется, что позволяет использовать в одном и том же здании сортамент и $20\times20\times3{,}5$ см и $35\times35\times7$ см. Преобладающий стандарт, однако, составляет кирпич размером 24—25 см в стороне на 5—6 см толщины. Важно отметить широкое введение жженого кирпича в монументальном строительстве. Великолепные конструктивные качества кирпича XI—XII вв. приближают его к современной марке «100» с ее высокими технологическими показателями.

Кладки из жженого кирпича осуществляются как на глиняном растворе (например большая часть монументальных построек мервской группы, — кроме мавзолея Санджара), так и на ганчевом (памятники Дахистана, Абиверда, Серахса и др.). Прекрасными качествами обладают известково-зольные (так называемые кыровые) растворы фундаментов зданий, штукатурок бань и особенно водохранилищ-сардоб. В качестве зольных добавок использовалась зола янтака и камыша; последняя являлась одной из наиболее активных, придавая вяжущему веществу особую стойкость в условиях влажного режима. В кладках стен, в штукатурках, в резных облицовках употребляются гипсовые (ганчевые) растворы; отмечено применение чистого, почти без добавок гуль-ганча и ганч-хака — смеси гипса с лессом. В мавзолее султана Санджара применен своеобразный гипсо-песчаный раствор.

В сырцовом строительстве этой эпохи экономичней становится кладка стен: наружные имеют толщину 0,90—1,00 м, внутренние — 50—60 см.

Совершенствуются системы сводчатых перекрытий, представленных в разнообразных вариантах, выведенных из сырцового и жженого кирпича. Стрельчатые арки, коробовые своды, выложенные «отрезками», перекрывают все более обширные пролеты: до 7 м при сырцовом кирпиче и до 10 м — в жженом; пролеты куполов достигают 17 м. Некоторые отрицательные качества коробового свода, как, например, возможность основания его лишь на параллельных стенах (не на столбах) и значительная разница отметок в уровне пят и в шелыге, в результате чего неэкономично пропадают большие участки пространства, побуждают строителей к поискам более усовершенствованных конструкций. В силу этого широкое распространение получают своды балхи, имеющие невысокую стрелу и перекрывающие квадратные и прямо-

угольные помещения, покоящиеся либо на стенах (ср. дом в квартале керамистов Мерва), либо на устоях и подпружных арках (мечеть Талхатан-баба). Очень оригинальны «монастырские своды» сырцового дома в Яккипере, перекрывающие квадратные в плане комнаты; очерк кривых этих сводов, крутой у основания и почти горизонтальный вверху, разрешает задачу чрезвычайно экономичного использования внутреннего пространства и сокращения толщи междуэтажных кладок.

Начертание кривых в сводчатых конструкциях XI—XII вв. получает ряд разнообразных вариантов. Для арок и коробовых сводов наиболее типична стрельчатая кривая, плавно круглящаяся в нижней половине и почти спрямленная у замка. Вместе с тем мервская группа сооружений дает ряд примеров употребления арок пониженной кривизны в виде трехцентровой коробовой (дом правителя в Шахрияр-арке, сырцовый дом к западу от Султан-калы, караван-сарай в ал-Аскере). Весьма распространена в мервской группе сооружений настенная арка «ложного» типа, сведéние которой осуществляется ступенчатым напуском кирпичей (сырцовый домик в Султан-кале, дом к западу от Султан-калы и др.). Употребляются, наконец, арочки фестончатого очертания. Они встречаются и в конструктивном варианте (например в парусах мавзолея Ярты-гумбез) и в декоративном (арочные галереи мавзолея Санджара, арки дворового фасада караван-сарая Акча-кала, михраб мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда); зарождение их относится к предшествующей эпохе — к настенным аркатурам Кыз-калы и Машадскому михрабу.

Выдающихся успехов достигают в рассматриваемую эпоху мастера Северного Хорасана и Дахистана в разработке купольных перекрытий. С большой виртуозностью разрешается задача подкупольных устройств, образующих переход от квадратного плана к круглой скуфье. Исключительно разнообразны варианты угловых парусов, выведенных как из сырца, так и из жженого кирпича. Иногда это обычный сомкнутый полусвод-тромп (сырцовые жилые дома Мерва, мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда, мечеть Талхатан-баба). То это перспективный парус, образованный отступом вписанных друг в друга стрельчатых арочек (Намазга в Дахистане) или прямоугольных рам (дом правителя в Шахрияр-арке). Употребляются также консольные паруса (Астана-баба, Дая-хатын). Иногда это система малых полу- и четвертных сводиков, род конструктивных сталактитов (Ярты-гумбез, мавзолей Абу-Саида), предвещающих будущие декоративные варианты сталактитовых систем. То, наконец, это остроумная комбинация сразу нескольких приемов: перспективно сокращающихся арок, пересекающихся арок и сомкнутых полусводиков, представленных в совершенной системе парусов и купола мавзолея Санджара. Это разнообразие сводчато-купольных систем обусловливает и большое разнообразие в пространственном решении квадратных помещений.

Самая оболочка купола и несущий барабан предельно облегчаются. С этой целью массив подкупольного объема высвобождается от излишних кладок путем устройства галерей — замкнутых (мавзолей Абу-Саида и Серахс-баба) или открытых (мавзолей Санджара). В подкупольном барабане мавзолея Санджара применена остроумная система пазушных сводиков, которые осуществляют распределение усилий распора на лежащие ниже участки стен. Кладка куполов выводится кольцевыми рядами, нередко для большей жесткости — путем взаимной перевязки кирпича «в елку»

(мавзолей Абу-Саида, Безымянный мавзолей). Сечение скуфьи купола в замковой части достигает одного-полутора кирпичей; к основанию оно возрастает. В зданиях монументальной архитектуры с целью не перегружать основную скуфью наружными облицовками, а также изолировать ее от непосредственного воздействия атмосферных вод выводится вторая, внешняя оболочка купола (мавзолеи Абул-Фазла, Абу-Саида, султана Санджара). Этот прием предвозвещает те возвышенные наружные купола, которые получат особенное развитие в позднефеодальном строительстве всей Средней Азии и Ирана. Существенные изменения претерпевает в XI—XII вв. архитектурный декор. В строительстве Хорасана особенно широкое распространение получают геометрические сетки, образованные выкладкой кирпича «в елку», а также применение фигурных резных кирпичиков.

Использование фактурных качеств жженого кирпича уже получило в среднеазиатском зодчестве свое великолепное выражение в мавзолее Саманидов в Бухаре (X в.). Различные приемы кладки, чередование кирпича, положенного горизонтально и под углом, плашмя и вертикально, диагонально и «в елку», кирпич в полную длину, в половину, в квадратик, кирпич, лекально стесанный, из которого выкладываются круглые диски и четырехлепестковые розетки, — наглядно выражают в этом памятнике богатство декоративных возможностей столь непластичного материала, как кирпич.

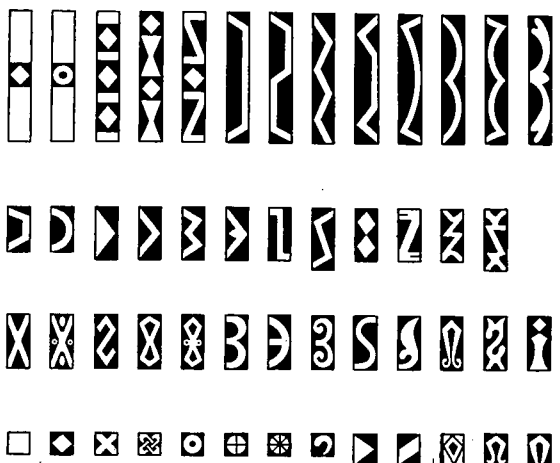
Кирпич в мавзолее Саманидов предстает в виде комплекса подчиненных определенной архитектонической схеме отдельных индивидуально трактованных геометрических кирпичных плиток. В архитектуре же XI—XII вв. уже иной художественный принцип: кирпичи представлены здесь в наборах, составленных из сочетания мелких фигурных, штучных изразцов, образующих многообразные орнаментальные комбинации, в основе которых лежат элементарно-простые фигуры квадрата, треугольника, зигзага и пр. Но при рациональности идеи конструктивно экономного и внешне эффектного использования фактуры обычного строительного кирпича в конечном счете налицо все же отрыв облицовочного кирпича от строительной основы, декоративное его применение.

Для ряда хорасанских кирпичных зданий XI в. (мавзолей Мунтасира, Абу-Саида, мечеть Талхатан-баба) характерно использование кирпичной фактуры во внешней и внутренней отделке зданий; в этом приеме еще жива традиция бухарского мавзолея Саманидов. К концу этого столетия и в XII в. интерьеры оформляются по преимуществу резным штуком и резной кирпич используется лишь во внешней облицовке. В мавзолее Мухаммеда ибн-Зейда кирпичная фактура применена в наружной отделке сырцовых стен, а внутри — лишь в кладках тромпов и купола, в то время как стены украшены живописью. В мавзолее султана Санджара снаружи — кирпич, в галереях — резной ганч, в интерьере — только живопись.

Применение фигурных кирпичных кладок и узорных резных кирпичиков нигде не достигало такого развития, как в зодчестве Хорасана. Вопрос о происхождении этих приемов еще не поднимался в литературе. Между тем генезис их прослеживается в местном же строительстве.

В обработке стен дворца правителя из Шахрияр-арка и караван-сарая на городище ал-Аскер представлены своеобразные приемы сырцовых кладок, где чередуются

то горизонтальные тычки кирпича, то вертикальные, то кирпич плашмя. Прием этот имеет вполне конструктивное назначение, так как обеспечивает разнообразную перевязку швов кладки. В этой связи уместно напомнить, что в практике народного строительства Туркменистана доныне принято выкладывать для просушки штабели сырцового кирпича чередованием в шахматном порядке горизонтальных и вертикальных клеток.

Основные типы фигурных резных кирпичиков из построек Южного Туркменистана XI—XII вв.

Вместе с тем прием этот создает интересную комбинацию чередующихся тычков и ложков кирпича, чрезвычайно оживляющую общую гладь стены. Именно здесь, в сырце зарождается система фигурных кладок, перенесенная на жженый кирпич. Обработка резьбой тычковой стороны кирпича, четко выделяющейся на общем фоне фигурных кладок, составляла тот новый шаг, который был осуществлен в архитектуре XI в. Резьба осуществлялась на сырце, после чего кирпичи обжигались и шлифовались. Это уже род штучных неполивных изразцов. Варианты их многочисленны, хотя исходные орнаментальные мотивы очень просты: квадратик, ромб, трехугольник, зигзаг, кружок или два кружка наподобие восьмерки, полукружие или две скобки в виде буквы З, завиток. Они употреблялись в виде вставок между нормальной горизонтальной кладкой, чаще всего выведенной парами кирпичей, в различных бордюрах и обрамлениях, а иногда сплошным заполнением небольших полей.

Возникает вопрос: имели ли эти мотивы чисто орнаментальный характер? Не связано ли было с каждым из них какое-то смысловое содержание? Считаем возможным высказать следующее предположение: формы резных кирпичиков в южно-туркменистанской архитектуре XI—XII вв. не просто декоративны, но повторяют в орнаментальной форме рисунки племенных туркменских тамг. Этнографический материал дает в этом отношении множество параллелей. Так, кружок является тамгой у сарыков, у текинских отделений махтум и отомыш, у рода ходжа иомутов; С-образный знак — у отделения атабай иомутов; З-образная тамга — у отделения коджук, бага, дюеджи иомутов, у перренг и даш-аяк текинцев, у всех салыров; горизонтальная восьмерка — у текинского колена кахшал и сарыкского отделения тохтамыш; V-образная фигура — у текинского колена канджик и иомутского бага; крестовина — у племен иомут, сарык, теке. Наконец, почти у всех племен есть тамги, составленные из прямых полосок — одной, двух, трех, параллельных, в строчку и перпендикулярных[1]. При сравнении основных туркменских тамг с современными тамгами и древними тамгообразными знаками других народов Средней Азии Г. И. Карпов установил, что значительная часть из них принадлежала огузам, другие же сходны с тамгами былого ираноязычного населения областей Туркменистана[2].

Представляется неслучайным, что именно в XI—XII вв., когда в связи с сельджукским движением протекает особенно интенсивное отуречивание Хорасана, мотивы глубоко-традиционной племенной орнаментации проникают в местную художественную культуру. Не надо думать, что это проникновение происходило непосредственно и прямолинейно; возможно в какой-то мере процесс происходил почти неосознанно для самих создателей новых художественных мотивов. Но если само применение фигурных резных кирпичиков, обусловленное развитием строительной техники и формированием нового стиля архитектурного декора, было связано с творческой активностью городских ремесленно-строительных корпораций, то и кочевническая часть хорасанского населения внесла нечто свое в сферу некоторых орнаментальных сюжетов. Здесь мы видим выразительную картину вхождения кочевнического элемента в городскую культуру, в область архитектуры, развитие которой прежде всего связано с деятельностью оседлого населения. Не потому ли главное и преимущественное применение фигурных резных кирпичей в архитектурном декоре зданий XI—XII вв. имело место именно в Хорасане, где в ту пору особенно интенсивно протекало формирование туркменской народности? Употребление резных фигурных кирпичей (в гораздо меньшем масштабе и в меньшем числе вариантов узора) в иных областях Средней Азии — Мавераннахре, Хорезме — могло иметь те же причины, ибо там, как известно, протекал сходный процесс проникновения кочевого элемента в городскую среду.

Возвращаясь к характеристике кирпичного декора в южно-туркменистанском зодчестве XI—XII вв., следует подчеркнуть, что геометрические фигуры, составленные комбинациями резных кирпичиков, строго подчинены общей архитектурной

---

[1] Г. И. Карпов. Родовые тамги у туркмен. — «Изв. ТуркмФАН СССР», 1945, № 3—4, стр. 43 и сл.

[2] Там же, стр. 49.

Штабель сырцового кирпича.

разбивке. Эти декоративные приемы логически увязываются с основными конструкциями; они помогают зрительно уяснить основной метод архитектурных членений плоскости или поверхности и никогда не затемняют главной архитектурной идеи. Они полноценно выявляют богатые фактурные качества того материала, из которого воздвигнуто само здание, хотя в отношении «черного тела» играют лишь роль облицовочной рубашки.

Приемы выкладки из кирпича геометрических узоров можно разбить на две категории: плоскостной и рельефной кладки. Первая осуществляется лишь путем постановки кирпича в вертикальном и горизонтальном направлениях, а также введением фигурных штучных кирпичей-изразцов. Вторая выполняется из плотно подогнанных кирпичей (без выделения швов), выступающих на гладком фоне и образующих геометрический узор, четкость восприятия которого обусловлена игрой светотени. Узор этот обычно являет собой гирих-плетенку, построенную на оси квадрата (Худай-Назар-овлия, мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда, мавзолей Санджара); в Пештаке использованы также построения на 12-лучевой сетке шестиугольника. Из точеных кирпичей выкладываются рельефные надписи; в мечети начала XIII в. в Дахистане эпиграфическое заполнение одного из обрамлений портальной арки выполнено уже из резного поливного кирпича.

Применение узорных кирпичных кладок в XI—XII вв. нечуждо было ни Мавераннахру, ни западно-иранским областям. Однако нигде оно не достигает той

виртуозности, какая присуща в эту пору постройкам Хорасана (Северного и Южного), причем ведущее положение, бесспорно, принадлежало мервским мастерам. Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда, Худай-Назар-овлия, мечеть Талхатан-баба входят в число шедевров мировой архитектуры, в которых художественные качества исходного строительного материала — кирпича — выявлены с необычайной выразительностью. В них налицо не простое развитие тех приемов, которые заложены в мавзолее Саманидов, но рождение качественно нового принципа. В мавзолее Саманидов индивидуален каждый кирпич, размещенный торцом или плашмя или отесанный по фигуре круга. Этим кирпичам ведется строгий счет, они распределены в определенных участках архитектурных поверхностей как сумма неких единиц. В постройках же XI—XII вв. не просто усложнена фигурная резьба кирпичиков, но все кирпичи — резные и обычные — подчинены системе архитектурных членений, сетке геометрического узора, орнаментальному заполнению архитектурных поверхностей и плоскостей. В этих постройках X-образные «бантики» могут быть безболезненно заменены Z-образными или имеющими форму восьмерки, или еще иными — ничто особенно не изменится в общем художественном восприятии; непременным условием остается лишь сохранение размера самих кирпичиков, так как изменение его повлекло бы за собой разрушение исходной геометрической сетки.

В основе архитектурного орнамента в эту пору лежит геометрический элемент — гирих. Ему подчинены не только системы фигурных кирпичных кладок, но и резьба по ганчу, где даже растительные мотивы, как правило, построены на принципе орнаментальных повторов (раппортов).

Существует мнение, будто широкое развитие с XI в. кирпичных и терракотовых облицовок, приороженных на растворе к черному телу строительной кладки, знаменует собой тот декоративизм, который, якобы, составлял коренную черту среднеазиатского зодчества. Б. Н. Засыпкин определял этот декоративизм как проявление тюркского элемента, включившегося в XI—XII вв. в среднеазиатскую архитектуру[1].

Мы полагаем, что самый фактор применения облицовочных материалов в отделке зданий отнюдь не определяет собой «декоративизма» в архитектуре. Достаточно вспомнить зодчество древнего Рима, где бетонную основу строительных массивов покрывали облицовки из разнообразных материалов: камней различных пород, штукатурок и т. п., но которое сохраняло качества высокой архитектоничности объемов и форм.

Архитектуру Южного Туркменистана XI—XII вв. также характеризует подчинение декоративных задач архитектоническим, отдельным форм — композиции целого, орнаментальных мотивов — системе членений. Приемы фигурных кирпичных кладок, ганчевые панно и живопись имеют здесь не самодовлеющую ценность, но лишь помогают уяснить основной архитектурный замысел.

Четкость архитектурной идеи находит свое выражение, между прочим, в наличии определенных методов пропорциональных построений, как это установлено анализом чертежей мавзолея Санджара, мавзолея Абул-Фазла, Худай-Назар-овлия.

---

[1] Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства Советского Востока. — Сб. «Художественная культура Советского Востока». М.—Л., 1931, стр. 33 и сл.

Наряду с простыми арифметическими соотношениями (например 1 : 2 : 4) применяются динамические пропорции иррациональных чисел ($\sqrt{2}$, $\sqrt{3}$), выражающих отношение стороны прямоугольника к его диагонали. Пропорциональные закономерности заложены в планах зданий, в их фасадных схемах, в системах геометрической орнаментации, в методах начертания стрельчатых и коробовых арок. Все это стоит в связи с широкой практической (а может быть, и теоретической) осведомленностью народных мастеров-строителей в области прикладной геометрии. Вместе с тем это указывает на исключительно вдумчивое отношение местных зодчих к вопросам архитектурной композиции здания, в отношении которой декоративное оформление играло строго соподчиненную роль.

В архитектурном декоре XI—XII вв. значительное место принадлежало резьбе по ганчу. Мечети Дахистана и Данданкана, мавзолей Санджара дают образцы высокого развития традиций, определившихся уже в интерьере мазара Шир-Кабир в Машаде. Приемы резьбы совершенствуются: она выполняется в двух и в трех пространственных планах, в ней сочетаются общая монументальность композиции с ювелирной разработанностью деталей, в ней гармонически слиты мотивы растительного, эпиграфического и геометрического орнамента. Любопытно, что приверженность к кирпичной орнаментации порождает имитации фигурных кладок в резьбе по ганчу (мечети Дахистана, мавзолей Санджара). Но в общем здесь преобладают стилизованно-растительные мотивы, значительно усложненные сравнительно с раннесредневековой орнаментикой. В эту пору в архитектурной эпиграфике широко используется шрифт несхи, в котором плавные начертания букв и их мягкие контуры, перерастающие в сложные соединения петель, органически сочетаются с причудливыми сплетениями растительного узора.

Значительное распространение имеет в монументальном зодчестве в рассматриваемую эпоху и декоративная роспись стен. Фоном обычно служит белый ганчевый подслой; колорит ее ограничен двумя-тремя тонами (синий, красный, реже зеленый и желтый, иногда золотой). Росписи скорее графичны, чем живописны, это преимущественно расцвеченный рисунок. Композиция их тесно связана с основными элементами интерьера: прямоугольниками стены, полосами фриза, архивольтами арок или парусов. Преобладают стилизованно-растительные, эпиграфические мотивы, фигурные заполнения углов, круглые картуши, центрирующие плоскость прямоугольного панно. Изобразительные мотивы, может быть, имели употребление и в некоторых жилых домах или дворцах (сведения об этом имеются для XI в. относительно построек Газны), но пока подтверждения этому в памятниках Южного Туркменистана не найдено. Наоборот, обращает внимание крайняя простота оформления больших домов богатых феодалов Мерва, внутренняя отделка которых исчерпывается глиняной штукатуркой. Быть может стены завешивались тканями и коврами, как это засвидетельствовано ибн-Батутой в отношении жилых домов Ургенча начала XIV в.[1]

Исчезновение изобразительных сюжетов и повсеместное утверждение отвлеченных орнаментальных мотивов знаменуют собой окончательное закрепление позиций

---

[1] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930, стр. 17.

ислама и являются наглядным воплощением феодального схоластического мировоззрения, характерного для восточного средневековья в области эстетических воззрений и художественной практики. Вместе с тем творческая фантазия народных мастеров проявляла себя в изумительном разнообразии композиций геометрического, растительного и эпиграфического орнамента.

Развитию строительной техники и приемов декора сопутствует появление новых черт в масштабах и формах местной архитектуры, что было связано с решением новых строительных задач. Архитектурные композиции сооружений жилого и общественного зодчества Южного Туркменистана подвергаются в XI—XII вв. существенным изменениям, поскольку изменяется в эту пору внутреннее содержание этих сооружений.

В рассматриваемую эпоху на смену суровому наследственному замку дихкана приходит комфортабельный дом новых слоев феодального общества. Дом стоит не среди угодий наследственного поместья, но в тесной черте городской застройки или на участке рабада. Полностью утратив оборонное назначение былого кешка, дом призван вместить владельца и его домочадцев, обеспечив им уютный быт.

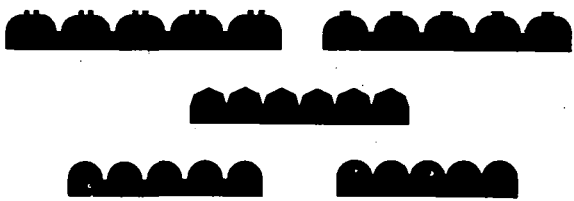
В планировке жилья преобладает центрический принцип композиции. Экономия площади застройки побуждает к возведению по меньшей мере двух-, а то и трехэтажных домов. Как правило, в них наличествует центральный квадратный планировочный элемент — изредка двор, чаще приемный зал — михман-хана, крытый куполом, возвышающимся над стенами здания. Вокруг михман-ханы более или менее симметрично размещены разнообразные покои.

Объемная композиция этих зданий очень проста. Обычен дом с наклонными гладкими гранями стен, с подчеркнутым расчленением фасадов на два этажа, с выделенным скуфьей купола центральным элементом михман-ханы. Арочная ниша отмечает вход. В обработке стен применяются настенные арочки и лопатки; гофры здесь (в отличие от некоторых усадеб XI—XII вв. в Хорезме) уже не применяются. Наружный архитектурный декор относительно редок; он встречается лишь в особо богатых домах и ограничен употреблением облицовок из гладкого и фигурного жженого кирпича, орнаментальные выкладки которого, как правило, подчинены основным архитектурным членениям.

В густой застройке жилых кварталов средневекового города величавые массивы таких домов, обступая неширокие русла улиц, придавали им очень парадный вид и включались в силуэт городской композиции. На окраинах и в пригородах теснились лачуги простого люда; однако, как показывает домик XII в. из Султан-калы, дома горожан, значительно уступая по своим масштабам жилищам феодалов, выдерживали общий стиль городской застройки: те же наклонные грани сырцовых стен, то же оформление их арочками в прямоугольных рамах. Единая традиция народного строительства обусловила общность конструктивных и художественных приемов. Социальные условия придают внешнему облику жилищной архитектуры определенные черты: замкнутость в композиции архитектурных масс и глухие поверхности стен.

Идея центрической композиции разрабатывается в ином варианте в архитектуре караван-сараев. Центральным организующим элементом здесь служит двор, вокруг

которого по сторонам квадрата группируются разнообразные помещения для пребывания людей, размещения скота, имущества и фуража. Характерен караван-сарай в Дахистане. Внешняя архитектура здания сурова и проста; облик его приближается к крепостным сооружениям, что объясняется оборонным назначением постройки, призванной не только дать кров, но и уберечь торговые караваны от нападения. Единство назначения этих придорожных постоялых дворов в разных частях мусульманского мира обусловливает общность архитектурного решения построек этого типа как в Малой Азии, так и в Азербайджане, как в Хорасане, так и в Мавераннахре. Отличия выражены лишь разницей строительных приемов, архитектурных деталей и форм. Но в планировочном отношении Эль-хан близ Конии, Рабати-Зафарани близ Нишапура, караван-сарай в Дахистане, караван-сарай в ал-Аскере в Мервском оазисе,

Типы гофр в архитектуре Южного Туркменистана.

Дая-Хатын на Аму-Дарьинском побережье, Рабати-Малик в Бухарской области аналогичны.

Однако наряду с этой группой постоялых дворов, воздвигнутых в традициях, схожих для различных стран средневекового Востока, в Хорасане существовали и иные, очень своеобразные типы караван-сараев. Руины их близ Сули-тепе и Ахчакала дают оригинальную композицию прямоугольных массивов пахсовых стен, лишенных угловых бурджей, но зато со входом, выраженным мощной округлой башней. Сырцовые караван-сараи Акча-кала и Мансаф, лежащие на древнем пути из Мерва в Амуль, имеют своеобразную двухдворовую организацию плана, аналогию которому дает лишь Рабати-Шереф (в Южном Хорасане). Во внешнем решении их развитой пештак, угловые башни и гофрированные участки стен как нельзя более выражают оборонный характер самих сооружений.

Особо выделяются в Северном Хорасане караван-сараи, стоявшие в городах, например в Башане. В планировочном отношении здание слагается из двух частей, причем обе сохраняют центрический принцип композиции: для служебной группы помещений центральным организующим элементом служит двор, для жилой — купольная квадратная в плане михман-хана. В принципе это скорее гостиница для приезжих, чем постоялый двор; крепостных элементов в его архитектуре нет и в помине. Жилая группа имеет несколько выходов и окон, обращенных прямо на улицы города.

Внешне здание оформлено, как подобает благоустроенному городскому дому: стены облицованы жженым кирпичом, ниши обрамлены поясами резных фигурных кирпичиков.

Как и вообще в зодчестве средневековья, культовая архитектура занимает очень ответственное место в развитии монументального городского строительства.

Вопросы генезиса типа средневековых среднеазиатских мечетей в отечественной литературе почти не поднимались. В существующих публикациях есть лишь отдельные замечания по этому вопросу. Так, в свое время нами предлагалось объяснение образования архитектурных форм южно-туркменистанских мечетей-намазгах в связи с развитием типа открытых айванных построек, восходящих еще к парфянской эпохе[1]. В. А. Нильсен в михрабе мечетей-намазгах видел исходную форму среднеазиатских порталов-пештаков[2]. Ш. Е. Ратия отмечал, что ранние дворовые мечети, обведенные колонными галереями, в дальнейшем усложняются объемными сооружениями и выразительно акцентируемыми входами[3].

Проблемой происхождения и эволюции архитектурного типа иранских мечетей и медресе уже давно занимается А. Годар. Первоначально процесс формирования мечетей Ирана он объяснял так: арабы принесли в Иран тип дворовой организации плана — с колоннами, оконтуривающими периметр двора (Тари-хана в Дамгане). В XI в. появляется мечеть-киоск (Исфахан, Гульпайган, Казвин и др.), генетически будто бы восходящая к зороастрийскому аташкеду. Параллельно существует мечеть в виде глубокого сводчатого айвана (Нириз), тип которой связан с айванами сасанидских дворцов. В XII в. происходит слияние идей и возникает четырехайванная мечеть с купольным зданием в михрабной части плана (Заваре, 1135 г.). Ссылаясь на отсутствие более ранних медресе, чем Мустансирийе в Багдаде (1233/34 г.), и основываясь на этом «аргументе от молчания», А. Годар полагал, что план комплексной дворово-айванной мечети был впоследствии перенесен и в здания медресе[4].

Десять лет спустя, в связи с исследованиями, осуществленными в иранском и афганском Хорасане, А. Годар изменил эту последнюю точку зрения. Он отмечает, что в караван-сарае Рабати-Шереф (1114/15 г.) и в медресе Низамийе в Харджирде (конец XI в) уже наличествует четырехайванная дворовая организация плана. Генезис этих монументальных зданий автор возводит к планировке хорасанских жилых домов, привлекая для сравнения план дома предмонгольского времени из Бамиана. Схема развития получает у него такое выражение[5]:

---

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 250—251.

[2] В. А. Нильсен. Бухарский намазго. — «Труды Института истории и археологии АН УзССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана», т. II. Ташкент, 1950, стр. 80—81.

[3] Ш. Е. Ратия. Мечеть Биби-ханым. М., 1950, стр. 101—102.

[4] A. Godard. Les anciennes mosquées de l'Iran.—AI, t. I, fasc. II; A. Godard. Note sur d'anciennes mosquées de l'Iran.—«Иранское искусство и археология». III Международный конгресс. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 70 и сл.

[5] A. Godard. L'origine de la madrasa, de la mosquée et du caravanserail à quatre iwans.—«Ars Islamica», 1951, vol. XV—XVI, стр. 1 и сл.; A. Godard. Khorasan.—AI, t. IV, fasc. I, стр. 88 и сл.

Но и новая схема А. Годара представляется недостаточно убедительной. В свете исследований архитектуры Южного Туркменистана может быть предложено иное объяснение. Вполне рациональна и приемлема в концепции А. Годара лишь попытка связать генезис композиции зданий монументального гражданского и культового зодчества с традициями местной жилой архитектуры. Примером средневекового четырехайванного жилого дома с двором является описанный выше дворец правителя в Шахрияр-арке Мерва, причем сама традиция уходит своими корнями из средневековья в глубину античной поры. Однако выводить из планировки медресе развитие типа караван-сарая и типа мечети лишь на том основании, что А. Годару пока не известны памятники этого рода, которые были бы старше Низамийе, есть тот же «аргумент от молчания». «Теория» сразу же рушится, если привлечь айванные дворовые композиции памятников Северного Хорасана: мечеть ас-Сагит в Башане (X—XI вв.), караван-сарай X в. Насрак и близкий по времени к Низамийе караван-сарай Акчакала. Сходность планировочных приемов лежит не во «влиянии» плана медресе, но в том, что столь типичные для феодальной эпохи и такие разные по своему назначению постройки, как медресе, мечеть и караван-сарай, формировались одновременно, в соответствии с выполняемыми ими функциями. При несомненной стилевой общности архитектурных решений все они получают вместе с тем ряд специфических черт. Нет надобности производить караван-сарай от медресе и наоборот. Тот и другой тип постройки, порожденный в условиях единой социально-исторической среды и созданный творчеством единого народа, содержит в себе качества общности и отличия. Мечеть как основное культовое здание ислама предшествует медресе, появление которых на Среднем Востоке отмечается лишь к IX в. Караван-сараи, видимо уже существовавшие в античную эпоху, получают широкое распространение и в пору раннего средневековья в связи с разросшейся транзитной торговлей в системе феодальных государственных образований. Одним словом, процесс формирования архитектурных типов различных зданий монументального средневекового зодчества был предопределен не формально-типологическими «взаимовлияниями», но прежде всего комплексом определенных общественных потребностей, вызвавших к жизни определенные общественные учреждения и соответствующие им по самой организации и внешнему выражению архитектурные постройки.

Возвращаясь к характеристке архитектуры южно-туркменистанских мечетей, отметим, что к XI—XII вв. здесь слагается два основных типа мечети: намазга и джума. Композицию первой характеризуют трехчленное построение, пространственная взаимосвязь отсеков плана, открытый вовне дворовый фасад при замкнутости внешних стен (мечеть Талхатан-баба, намазга в Нисе). В соборных же городских мечетях (джума) двор обычно обводится портиками, основанными на деревянных колоннах (мечеть в Башане) или на кирпичных столбах (мечеть в Данданкане); на главной оси лежит глубокий сводчатый айван, игравший роль монументального, отовсюду видимого михраба. Минарет включается в комплекс мечети, встраиваясь в ее угол. Вход в мечеть иногда оформлен парадным пештаком, богато украшенным геометрической и эпиграфической орнаментацией (мечеть в Абиверде).

В Дахистане получает развитие композиционно близкий, но несколько отличный вариант. На главной оси лежит главное купольное помещение, иногда подчеркнутое монументальным айваном (ср. мечеть времени хорезм-шаха Мухаммеда). Пространство двора окружено портиком на кирпичных колоннах; минарет включается в северо-западный угол стен, обводящих двор. Дахистанские мечети ориентированы не на кыблу, как хорасанские, но, следуя видимо стойкой местной традиции, по странам света. Существенное отличие обоих вариантов состоит в деталях конструкций и архитектурных форм, в архитектонике и декоре. Так, к примеру, в дахистанских мечетях применены «перспективные» трompы, в хорасанских — трompы типа сомкнутого свода; порталы дахистанских зданий имеют четко-выраженное импостное членение по горизонтали, в хорасанских преобладает П-образное обрамление портальной арки и т. д.

Важным элементом при мечети служат минареты. Игравшие роль не только сооружений, предназначенных для призыва верующих на молитву, но и дозорных и оборонных башен, минареты являлись очень важным элементом в высотной композиции и силуэте города. Для южно-туркменистанских минаретов характерны круглоствольная форма, стройность пропорций, расчленение не сплошными концентрическими поясами, как в Мавераннахре, но чередованием обширной глади кирпичной кладки и отдельных полос с геометрическим или эпиграфическим заполнением.

Близкой по типу к мечети XI—XII вв. была архитектура медресе. В 1941 г. на городище Мадау (средневековый Ахур в Дахистане) осуществлялась разборка руин медресе, сложенного из жженого кирпича (22×22×4 см) на ганчевом растворе. Это было прямоугольное в плане здание, обнесенное глухими стенами. В углах главного фасада помещались две шестигранные башни. Двор был обведен аркадами (видимо, торцы обращенных в него худжр); на главной оси находился глубокий сводчатый айван[1].

Особую значимость приобретает в архитектуре Южного Туркменистана XI—XII вв. строительство мавзолеев. Они возводятся для увековечения памяти представителей верхушки феодального общества. Причины, способствовавшие распространению строительства мавзолеев для лиц гражданского и клерикального сословий,

---

[1] Сведения о медресе в Мадау сообщены нам Х. Ю. Юлдашевым. Руин медресе XI—XII вв., кроме мадаусского на территории Хорасана и Джурджана, пока не выявлено. Между тем число их в эту эпоху было весьма значительным. Так, в одном лишь Нишапуре при ограблении города гузами было разрушено 8 ханефитских и 17 шафиитских медресе (Ибн ал-Асир. — МИТТ, I, стр. 399).

были в конечном счете едины, хотя в глазах современников они были порождены различными мотивами. В рассматриваемую эпоху господствующий феодальный класс, вполне осознавший свою социальную силу, использует искусство как средство собственного возвеличения.

Возведение особых погребальных сооружений в корне противоречило коренным положениям ислама. Но хотя, согласно догме ислама, погребение «правоверного» должно было отличаться крайней простотой, а возведение памятных сооружений возбранялось, это положение было нарушено в мусульманских странах самим же духовенством уже в первых веках хиджры. Однако первоначально погребения чтимых духовных лиц совершались при мечетях, и мавзолей еще не составлял самостоятельного элемента архитектурной композиции. Примером этого может служить дахистанский Машад (IX—X вв.); здание, где располагалась могила Али ибн-Суккари, представляло собой именно мечеть.

Не то мы видим в XI—XII вв. Намогильники-саганы шейхов иногда располагаются при мечетях (ср. Талхатан-баба), но нередко над ними воздвигается самостоятельное архитектурное сооружение. Таков, например, мавзолей Ярты-гумбез, где главным компонентом являлся именно гумбез-мавзолей, к восточной стене которого примыкала деревянная мечеть.

Широкое развитие строительства в Хорасане в XI—XII вв. мавзолеев духовных лиц имеет глубокие исторические корни. В Хорасане, более других областей бывшем яблоком раздора между различными завоевателями, в области идеологии отмечается в эту пору исключительно широкое развитие суфизма. Обращение к потустороннему, поиски мистического единения с божеством, отречение от земных благ во имя экстатического блаженства уводили мысли трудящихся классов от мрачной действительности и острых социальных проблем. Суфизм был той тонкой отравой, которая усыпляла души, парализуя в них волю к активной борьбе, к протесту, к осуждению существующего порядка. Вот почему «еретические», противные догматике ортодоксального мусульманства положения суфизма не только не встречали оппозиции в среде местных крупных светских феодалов, но даже, напротив, ими поощрялись. Представители различных династий, феодалы — обладатели обширных территорий или претенденты на них, богатые купцы, государственные деятели охотно признавали своими «пирами» — духовными наставниками видных вождей суфизма. Именно в Хорасане в XI—XII вв. происходит сложение важнейших дервишеских орденов. В духовной жизни страны большую роль начинают при этом играть личности выдающихся шейхов, возглавлявших отдельные течения, направления, секты суфизма. Напомним имена шейха Фарид ад-дина Логмана Серахского, шейха Баязида Бистамского, шейха Абу-Саида Мехнейского и ряда других. Их влияние было очень значительным не только на широкие народные массы, но и на видных правителей, избиравших их своими «пирами». Авторитет их поддерживался и после смерти; отсюда идет культ могил, который так ярко раскрывает приписываемое пророку Мухаммеду изречение, нередко приводимое на древних намогильниках: «Когда вас приведут в отчаянье (современные вам) обстоятельства, ищите помощи у лежащих в могилах!» Отсюда исходит сооружение на средства благочестивых жертвователей и последователей мазаров «святых» в виде отдельно стоящих мавзолеев или в виде усыпальниц при основанных ими обителях — ханака,

строительство которых в Хорасане также широко отмечается именно начиная с данной эпохи.

Возвеличение светских феодалов также находит отражение в возведении парадных памятных сооружений. Их воздвигают правители больших государств и отдельных областей, султаны, везиры, князьки. Не очень полагаясь на внимание наследников, они сооружают еще при жизни свои «гумбезы», соперничающие между собой величием масштабов и форм. В этом сказывались не простая прихоть личного тщеславия, но большой социальный заказ. Задача, стоящая перед зодчим, заключалась в утверждении средствами архитектурной выразительности идеи нерушимости феодальной власти и величия феодала, для которого воздвигается постройка и имя которого должно быть сохранено в веках.

В отличие от мазаров шейхов, культ которых прочно поддерживался духовенством и «святость» которых возрастала с веками, светских мавзолеев сохранилось немного. Потомство быстро вычеркнуло из памяти имена былых властелинов, вошедших в историю в лучшем случае удачами или неуспехами своих военных деяний, и нимало не заботилось об их сохранении. Между тем дошедшие до нас памятники этого рода свидетельствуют о высоком таланте их создателей, мастеров из народа. Мавзолей Мунтасира с его компактным объемом и использованием декоративного богатства фактуры жженого кирпича, мавзолей ал-Газали в Сенгбесте, усложняющий ту же объемную композицию, Гумбеди-Кабус с его стройным силуэтом, мавзолей султана Санджара с его логическими, простыми и величественными формами — все это примеры разнообразных решений общей архитектурной темы на почве Хорасана и Джурджана в XI—XII вв.

В мавзолеях Южного Туркменистана развивается два основных архитектурных варианта: хорасанский (представленный памятниками Мерва, Серахса, Чарджоу, Астана-баба) и дахистанский (мавзолеи в Машаде); промежуточный между ними тип дают мавзолеи Ахала.

Мавзолеи хорасанской группы характеризует центрическая композиция объемов, являющих собой квадратную призму стен, несущую стрельчатый купол на барабане. Лишь иногда в них наличествует слабо выраженный объем пештака. Для дахистанского комплекса типичен круглый или многогранный объем основной постройки, несущей стрельчатый купол без промежуточного барабана, а также сильно развитой объем входа, являющий собой не просто пештак, но как бы вестибюльное помещение или глубокий сводчатый айван.

Эволюция хорасанского мавзолея прослежена нами уже для раннего средневековья. Исходной установкой для архитектора является возведение укромного помещения для ограждения чтимой могилы. Кыз-биби в Мерве дает пример первоначального решения задачи, когда строительным материалом еще служит сырец; безымянный мавзолей близ крепости Чарджоу и мавзолей Ахмеда повторяют его в жженом кирпиче. Что касается общей архитектурной композиции, то генезис ее восходит еще к традициям местного предарабского строительства; мы связываем его с тем центральным квадратным помещением, перекрытым куполом, которое служит организующим элементом в планировке раннефеодального кёшка. Этот как бы выделившийся в самостоятельный объем центральный элемент предстает в мавзолейном строительстве в ви-

де квадратного киоска с арками (или арочными нишами) на осях, несущими при помощи системы тромпов купольную скуфью. Последующие видоизменения идут за счет все возрастающих масштабов, усложнения архитектоники фасадов, выделения тромпов в членениях интерьера в самостоятельный ярус, иногда охваченный снаружи обводной галереей, обогащения декора, наконец иногда выделения входной арки небольшим пештаком (почти не нарушающим центричности массива основного объема). Однако исходная идея остается прежней.

Совсем по-иному представляется нам развитие архитектурного типа дахистанских усыпальниц. Н. М. Бачинский связывал их происхождение с подражанием кочевой юрте, поскольку эти мавзолеи имеют якобы строго центрическую форму круглого плана и юртообразный, почти конический купол[1]. Взгляд этот не нов. Он был высказан уже в прошлом столетии[2] и имеет хождение до наших дней[3]. Однако изучение группы так называемых «шатровых» мавзолеев» Среднего Востока (и в частности Хорасана) привело нас к совершенно иному мнению[4].

Исследование происхождения шатровых мавзолеев указывает на связь их с монументальными древними курганообразными погребальными постройками северных (в основном тюркских) народов Средней Азии, подражавшими не юрте, но являвшими собой архитектурную интерпретацию форм погребального кургана. В эпоху сельджуков различные варианты шатровых мавзолеев широко входят в монументальное мавзолейное строительство Среднего и Ближнего Востока, где они были восприняты и творчески освоены местными зодчими в соответствии с существовавшими на этих территориях архитектурными приемами и традициями.

Что касается машадских мавзолеев круглого плана с «холмообразным» очертанием купола, с развитым удлиненным входом, то и их происхождение, несомненно, связано не с юртой, но с традициями такого рода среднеазиатских монументальных надмогильных сооружений, которые в идее своей восходят к насыпному холму — кургану, заключающему округлую погребальную камеру, с подводящим к ней удлиненным входом-ляхатом. Именно эта идея заложена в архитектурной схеме дахистанских мавзолеев: «холмообразная» композиция основного массива и дополнительный объем развитого входа.

Наличие тюркской традиции в погребальных постройках Дахистана вполне правомерно, поскольку население этой области издревле было смешанным. Коренной этнический массив здесь составляли в древности те «дахи», народ ираноязычной группы, о которых упоминают еще античные авторы. Вместе с тем Дахистан издавна наводнялся

---

[1] Н. М. Бачинский. Малоизвестные архитектурные памятники Туркмении; его же. Искусство старых зодчих Туркмении.

[2] И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству, I. СПб., 1882, стр. 123; П. Уварова. Поездка в Ташкент и Самарканд. — «Русская мысль», 1891, кн. XI, стр. 18.

[3] E. Diez. Islamic Architecture. B. Principles and Types.— SPA, II, стр. 926—927; E. Schroeder. The Seljuq period.— SPA, II, стр. 1020; E. B. Smith. A Dome: a Study in the History of Ideas. Pripceton, 1951; рец. AJA, 1953, N 1, стр. 46—47.

[4] Дабы не отвлекаться от основной темы, отсылаем к нашей специальной статье: «К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана».— «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 57 и сл.

тюрками, составлявшими значительный слой местного населения ко времени арабского завоевания, что засвидетельствовано средневековыми источниками[1].

Смешанность тюрко-дахских традиций, видимо, имела место не только и может быть даже не столько в аристократической среде, сколько в народной толще. Этот синтез традиций не мог не отразиться и в области культурных явлений, в частности в архитектуре. Придерживаясь тюркского типа намогильных сооружений, строители придают им высокоорганизованный архитектурный облик монументального кирпичного мавзолея. Основной объем усыпальницы приобретает округлый или восьмигранный план, причем многогранность выражена и на некоторых круглых мавзолеях благодаря введению фланкирующих их прямоугольных ребер; ляхат предстает в виде особого помещения, перекрытого сводом или куполом, оформленного по фасаду обширной открытой аркой. Первое появление мавзолеев этого типа также относится к доарабским временам.

Мавзолеи Машада представляют, видимо, переживание тех древних архитектурных типов и строительных традиций, которые корнями своими уходят в местную доисламскую старину, в смешанную тюрко-дахскую народную традицию.

Архитектура Южного Туркменистана с XI в. вступает в качественно новый период своего развития. Архитектура Среднего Востока в целом и двух крупных историко-культурных областей его — Хорасана и Дахистана — в частности на грани первого и второго тысячелетия нашей эры претерпевает процесс становления новых художественных качеств.

Появление новых идейных задач архитектуры, связанных с особенностями социального заказа и эстетических воззрений слагающих общество классов, порождает те новые архитектурные качества, которые являются опосредствованным выражением внутренних сдвигов и изменений в структуре феодального общества рассматриваемой эпохи. Эти важные изменения возникают как результат развития феодальных отношений, углубления общественных противоречий и классовой борьбы. Изменения эти налагают глубокую печать и на различные формы надстроечных явлений в частности на общественно-эстетические взгляды. Отражением последних в архитектуре служат новые стилевые качества, выявленные выше при анализе конкретных архитектурных памятников рассматриваемой эпохи.

Сложение новых явлений в среднеазиатской архитектуре XI—XII вв. уже было отмечено советскими исследователями. Однако объяснение причин, вызвавших это новое к жизни, ставилось ими в связь с факторами то этнического, то политического порядка. Архитектура XI—XII вв. нередко именуется по имени династий, вышедших в эту пору на историческую арену: «караханидской» — для Мавераннахра и северно-туркестанских областей, «сельджукской» — для зодчества Южного Туркменистана. Термины эти довольно прочно вошли в литературу[2]. Между тем они едва ли уместны в историко-архитектурной номенклатуре, так как сами по себе не определяют ни времени, ни определенной территории, ни подлинных причин развития местного зодчества.

---

[1] Табари. — МИТТ, I, стр. 63—65, 98, 107 и 109.

[2] См., например: С. А. Судаков. Архитектура сельджуков в Средней Азии. — «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1935, № 10; А. М. Прибыткова-Фролова. Архитектура сельджукского периода в Туркмении. М., 1951, и др.

Новый этап сложения стиля охватывает время с конца X — по начало XIII в. и специфичен для Средней Азии в целом, в то время как Караханиды, Газневиды, Сельджукиды, хорезм-шахи правили лишь отдельными крупными среднеазиатскими областями, притом с переменным успехом, ибо династии эти теснили друг друга и сходили с исторической арены. В частности, определение архитектуры Северного Хорасана как сельджукской также не отвечает ни хронологическим рамкам правления Сельджукидов, ни областям, которыми последние обладали. Внутри государства Великих Сельджуков архитектура отнюдь не являла комплекса стилистически единых качеств, скажем, в Хорасане и в среднем Иране (Ираки-Аджам): тип построек Исфахана XI—XII вв. отличен от сооружений Мерва того же времени. Главное же основание неприемлемости династических наименований для истории архитектуры заключается в том, что художественные достижения эпохи прежде всего определялись не сменой правителей, но творчеством народа на той или иной фазе его исторического развития. Мы видим, например, что зодчие Дахистана и в начале XII в., когда область номинально входила во владения Сельджуков, и в начале XIII в. при хорезм-шахе Мухаммеде возводят обширные, богато украшенные дворовые мечети, выдержанные в единых стилевых традициях благодаря передаче своего искусства из поколения в поколение независимо от смены династий.

Б. Н. Засыпкин некогда обосновывал появление в среднеазиатском зодчестве «караханидского» стиля наличием некоего «тюркского элемента», связанного с факторами расселения тюркских народностей[1] (позднее он от этого взгляда отошел). Характерным проявлением «тюркского элемента» в архитектуре Средней Азии XI—XII вв. автор считал портальность взамен центричности композиции и декоративность выражения и назначения архитектурных форм, в противовес конструктивной и утилитарной оправданности их в зодчестве предшествующей эпохи. Придерживаясь этой схемы, автор рассматривал, например, мавзолей Санджара не как качественно новое явление в архитектуре Южного Туркменистана, но лишь как пережиточное выражение традиций мавзолея Саманидов, а минареты Мешхеди-Мисриана (1102 г. и начало XIII в.) из-за скромности их архитектурного декора датировал досельджукской эпохой[2].

Нельзя, разумеется, для XI—XII вв. миновать столь важное явление, как широкое продвижение и оседание тюркских этнических массивов из северных областей Средней Азии на юг. Но если несомненен факт проникновения в эту пору в строительную практику южных областей некоторых новых идей (например, шатровой усыпальницы), то фактор этнический ни в коем случае не был определяющим для всей суммы новых качеств архитектурного стиля. Самый процесс просачивания тюркского этнического пласта в среднеазиатские области, как установлено советской исторической наукой, начался за много столетий до рассматриваемого периода, а потому новый приток в XI—XII вв. тюркоязычных групп населения сам по себе не мог решающим образом повлиять на ход развития художественных идей. И безусловно был прав И. А. Орбели,

[1] Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства Советского Востока.— Сб. «Художественная культура Советского Востока». М.—Л., 1931, стр. 24; см. в том же сб.: И. Бороздин. Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока, стр. 12—15.

[2] Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства..., стр. 30—31.

который еще в 1935 г. утверждал: «Сельджукское искусство в целом дает значительное разнообразие форм, в особенности в архитектуре, в зависимости от того, в каком из районов упомянутой колоссальной территории эти памятники созданы, причем в каждом данном случае в основных чертах сказываются, как господствующие, формы местного, в предшествующий период развивавшегося искусства»[1].

Вопрос о том, почему архитектура XI—XII вв. во всей Средней Азии и, в частности, в областях Южного Туркменистана претерпевает серьезные качественные изменения, может быть правильно разрешен лишь при условии анализа социально-экономических процессов. Новые общественные задания, выдвинутые перед архитектурой этой эпохи могли возникнуть лишь в условиях новых, четко выраженных феодальных отношений с определенными формами землевладения и закрепления крестьянства, в которые вступают народы Среднего Востока.

Изучение и анализ памятников архитектуры Южного Туркменистана XI — начала XIII вв. наглядно показывает, что архитектура Северного Хорасана и Дахистана сохраняет специфику, отличающую ее от зодчества крупных сопредельных областей Средней Азии — Хорезма и Мавераннахра. Задачи в них едины, но решения отличны. В формировании крупнейших школ среднеазиатского феодального зодчества: хорезмской, северно-туркестанской (Семиречье и Фергана) мавераннахрской и хорасано-дахистанской, находят свое отражение особенности художественного творчества тех населявших эти области коренных народностей и народов, из которых в последующем слагались среднеазиатские нации.

Поясним на примерах. Тема монументальной усыпальницы в равной мере стоит в эту эпоху перед зодчими Ферганы, Ургенча, Мерва. Между тем первые создают портальную композицию, в которой основной акцент сделан на разработке парадного входа (мавзолеи Узгена); вторые избирают шатровый тип постройки, где треугольный силуэт купола придает зданию динамическую устремленность ввысь (мавзолеи Фахр ад-дина Рази и Текеша); третьи развивают тему центрической усыпальницы (Худай-Назар-овлия, мавзолей Санджара и др.), где простота объемов и противопоставление глади стен ажуру кирпичных фигурных кладок предопределяют законченную монументальность здания. Бухарский архитектор членит поверхность ствола минарета системой концентрических, сплошь орнаментированных полос (минарет Калян), дахистанский зодчий строит архитектонику ствола на сочетании отдельных декоративных поясов и обширной глади кладки, а мастер из Серахса возводит в Джар-Кургане минарет, оформленный по вертикали полукруглыми гофрами. В резьбе по ганчу в Мавераннахре преобладали сложно-геометрические системы (дворец правителей в Термезе), в Хорасане и Дахистане — растительные и эпиграфические мотивы (мечеть в Данданкане, мечети на городище Месториан). В XI—XII вв. в Северном Хорасане с исключительным мастерством используется фигурный резной кирпич, выкладками которого достигается большое разнообразие в оформлении стенных поверхностей. Между тем в постройках Мавераннахра и Ферганы резные кирпичики (преимущественно Х-образной формы) играют второстепенную роль, но зато здесь получает широкое употребление

---

[1] И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства.— «Иранское искусство и археология». III Международный конгресс. Доклады. М.— Л., 1939, стр. 154.

неполивная терракота, покрытая виртуозной резьбой, а в Хорезме фигурные кирпичики встречаются лишь в виде исключения, но зато там применяются растительные мотивы в резьбе на торцовой поверхности кирпичей, подбиравшихся в сложные узоры. Уместно подчеркнуть, что в приамударьинских районах не только Туркменской ССР, но и юга Узбекской ССР. Таджикской ССР и Афганистана в XI—XII вв. преобладал именно хорасанский принцип декорировки монументальных кирпичных зданий (мавзолей Султан-Саадат и дворец термез-шахов в Термезе, мазар Ходжа-машад в Саяте, здание в Балхе)[1], что указывает на большую историко-культурную близость областей средневекового Тохаристана к хорасанской школе искусств.

Разумеется, развитие среднеазиатских архитектурных школ не протекало изолированно; обмен культурным опытом здесь постоянно практиковался. Вот почему на границе Южного и Северного Туркменистана в г. Тахирии возводится в начале XII в. караван-сарай, известный ныне под названием Дая-Хатын[2], архитектурные принципы которого позволяют решительно утверждать о возведении его зодчими мервского круга; вот почему мастер из Серахса строит минарет в Джар-Кургане, а серахский каллиграф выполняет надписи Рабати-Шерефа, лежащего на дороге в Нишапур. Однако своеобразие северно-хорасанского и дахистанского комплекса сооружений вполне очевидно.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть общность архитектуры памятников XI—XII вв. Северного и Южного Хорасана, ныне разделенных государственной границей. Им присуще единство конструктивных и строительных приемов, форм и деталей, планировочных и композиционных принципов. Мавзолей Абул-Фазла в Серахсе по композиции аналогичен мавзолеям в Тусе и в Сенгбесте, мечеть-медресе Низам ал-Мулька в Харджирде близка по планировке к мечети Башана и оформлена резным ганчем и фигурными кирпичными кладками, караван-сарай в Месториане идентичен караван-сараю близ Нишапура, а Акча-кала сходна с Рабати-Шерефом у Шурлага. А между тем памятники иранского Хорасана во многих отношениях радикально отличны от современных им построек других районов Ирана (Азербайджан, Ираки-Аджам, Фарс). Средневековый Хорасан с его смешанным тюрко-таджикским населением составлял единую историко-культурную область, совершенно особую, не «персидскую», что наглядно подтверждается его архитектурой.

Процесс сложения выдающейся художественной культуры XI—XII вв. Среднего и Ближнего Востока протекал в условиях феодализма, на новом этапе его исторического развития. Отсюда то постоянное культурное взаимодействие, которое отнюдь не определялось силой «влияний», будто бы шедших из Ирана в сопредельные страны Средней Азии, Закавказья и др. Напротив, при общности строительной тематики, отмечающей архитектуру феодальных стран Востока, специфически местное в них

---

[1] ЮТАКЭ, т. I, рис. 29 и 99; Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, рис. 4 и 5; А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят.— КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 65—68; A. Foucher. La vieille route de l'Inde de Baktres à Taxila, vol. I. Paris, 1942, табл. XVI-e.

[2] О стилистической близости Караван-сарая Дая-Хартын к памятникам монументальной архитектуры мервского круга, а также обоснование его датировки именно первой половиной XII в. см. выше, стр. 231 и сл.

никогда не стиралось, способствуя появлению очень крепких, ярко индивидуальных художественных школ, возникших в условиях интенсивной конгломерации различных этнических элементов. Расцвет культуры этого периода был обусловлен не культурным соподчинением «тюркских» народностей «иранскими», как и не ролью «тюркского элемента» в ее формировании, но условиями развивающегося феодального общества поры его исторического подъема и связанного с этим сложного этногенетического процесса, роста городов, торговли и ремесла, в частности художественных ремесел.

Архитектурные школы Северного Хорасана и Дахистана XI—XII вв. демонстрируют высокие достижения творчества населявших области Южного Туркменистана предков туркменского народа в период расцвета феодальной формации.

ВТОРОЙ ЭТАП (XIII—XVI вв.)

Монгольское нашествие, сопровождавшееся актами неслыханной жестокости, поголовным истреблением населения, опустошением городов и селений, разрушением ирригационных систем, нанесло непоправимый удар развитию производительных сил Хорасана. Современник событий, ибн ал-Асир, в патетических выражениях повествует о них как о «самой ужасной катастрофе и величайшем бедствии, подобного которому не видывали ни день ни ночь на земле и которое разразилось над всеми народами... Как летящие искры, воспламеняющие всюду пожар, как дождевая туча, гонимая ветром, вышел от пределов Китая этакий до тех пор неведомый народец и устремился в области Туркестана, каковы Кашгар и Баласагун, оттуда в области за рекой Аму-Дарьей, в Самарканд, Бухару и другие... Затем часть их идет в Хорасан, опустошает эту страну, а жителей грабит и убивает...»[1].

В начале XIII в. феодальная монархия хорезм-шахов, включавшая в свой состав, помимо Хорезма бо́льшую часть земли Хорасана и Мавераннахра, оказалась бессильной противостоять мощному натиску монгольских орд. Внешний блеск и могущество централизованного Хорезм-шахского государства зиждились на непрочной основе. Здесь ни на минуту не ослабевала борьба между различными слоями феодального общества за власть и имущественные наделы. Показная роскошь столичного Ургенча покупалась ценой разорения подвластных провинций. Предельно возросла эксплуатация и крестьянства и трудовых слоев городского населения. Военную опору шахов Хорезма составляли малонадежные контингенты наемников или полунезависимых племенных туркменских объединений. Раздираемое внутренними противоречиями, лишенное крепкого организационного единства государство хорезм-шахов не в силах было противопоставить эти войска ядру великолепно сплоченной армии Чингисхана. Государство рушится, как карточный дом. Ни бесстрашие и яркая личная инициатива Джелал ад-дина Мангуберти, ни активное сопротивление населения ряда крупных, хорошо укрепленных городов не могли преодолеть главной причины поражений — феодальной раздробленности, разрушающей общенародное единство.

---

[1] Ибн ал-А с и р; цит. по кн.: А. К р ы м с к и й. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии, т. III. М., 1914—1915, стр. 1 и сл.

Последствия монгольского нашествия для Хорасана были ужасающими. Доныне на территории Туркменистана немыми свидетелями его служат обезлюдевшие оазисы, разрушенные древние каналы, руины разграбленных городов и опустевших селений. Письменные источники сообщают о поголовном истреблении населения целых областей, о беспощадном уничтожении материальных и культурных ценностей — плодов труда многочисленных поколений. В одном только Мерве после взятия его твердынь было перебито более 100 тысяч человек; за 40 дней бесчинств, учиненных монголами, уцелело лишь четыре жителя, а общее число перебитых превышало 1300 тысяч человек[1]; 70 тысяч людей было истреблено в Нисе[2]. Разоренный монголами Хорасан долгое время не мог оправиться от последствий нашествия Чингис-хана.

В первой половине XIII в. в Хорасане, вошедшем в состав удела Хулагуидов, в условиях общего упадка хозяйственной жизни не было предпосылок к развитию какой-нибудь культурно-созидательной деятельности. Не было таких предпосылок и для строительства. Панегирист Газан-хана, историк Рашид ад-дин, в своем стремлении возможно выгоднее представить его деяния невольно становится на объективные позиции, описывая подлинное положение в правление предшествующих ханов. Он пишет, что когда монгольские гонцы прибывали в какой-нибудь город, то воеводы и малики ставили их на постой в домах у жителей, забирая у последних ковры, постели, утварь и пр. «Каждый баскак, ездивший в какую-нибудь область, занимал по меньшей мере сотню частных домов... Под постой гонцов и воевод отводились непременно самые лучшие жилища. Стало так, что никто не решался строить домов, а те, которые строили, делали усыпальницы и называли их рабатами или медресе. Тем не менее пользы не было. Многие из людей упразднили в домах двери и сделали труднопроходимые входы через подземелья в надежде, что может быть их дома не выберут под постой, однако в них проламывали стены и располагались»[3].

Те хорасанские мастера-строители, которые не были перебиты в период монгольского нашествия, бежали в западные области мусульманского мира. Так, изразцовое убранство, а может быть и сооружение известного Сирчели-медресе в Конии (1242/43 г.) было выполнено мастером Мухаммедом из Туса[4].

По свидетельству того же Рашид ад-дина, даже немногие архитектурные сооружения в областях Ирана, возведение которых осуществлялось по заданию самих монгольских ханов и их везиров, отличались низким качеством строительства и в ряде случаев оставались незавершенными[5].

Буддийская кумирня в Мерве

В числе самых ранних построек этого второго этапа на территории Южного Туркменистана находится интереснейший памятник старого Мерва, руины которого изучались ЮТАКЭ в 1950—1951 гг. Они лежат в 60 км к югу от стены так называемого Южного обвода Султан-калы, у старой

---

[1] Джувейни.— МИТТ, I, стр. 493; Хафизи-Абру (в кн.: В. А. Жуковский Указ. соч., стр. 65).

[2] Мухаммед ан-Несеви.— МИТТ, I, стр. 473.

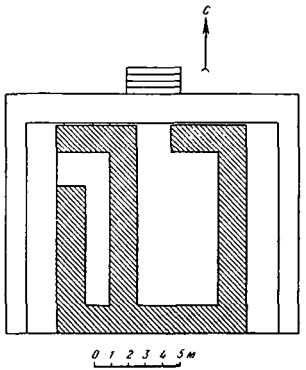
[3] Рашид ад-дин. Указ. соч., т. III, стр. 312—314.

[4] J. Strzygowski. Altai—Iran und Völkerwanderung. Wien, 1917, стр. 272.

[5] Рашид ад-дин. Указ. соч., т. III, стр. 225.

дороги, ведшей к обширной пробоине в городской стене, появившейся здесь в пору разгрома Мерва монгольскими войсками в 1221—1222 гг.[1]

Здание было воздвигнуто на развалинах более древнего строения, где была сложена сплошная сырцовая площадка высотой 65 см, на которой основаны стены. Стены мощные, толщиной 1,60 м. Сложены они следующим образом: по контурам — правильной кладкой из сырца (размеры его 32×32×5 см), а внутри забутованы обломками сырцовых кирпичей с заливкой глиняным раствором. Стены разрушены; максимальная высота их от уровня пола — не более 80 см. Пространство внутри и особенно вне стен забито кусками кирпича, битой черепицы, разломанных облицовочных плит, штукатурки со следами живописи; все это красноречиво говорит о преднамеренном и беспощадном разрушении постройки. В силу этого контуры плана были восстановлены не без труда. Здание было снаружи почти квадратно (около 11 м в стороне); в нем было два помещения: прямоугольное (пролетом 4,90 м) и коридорообразное (1,40 м). Ориентация — почти по странам света, главный вход был обращен на север.

Буддийская кумирня в Мерве. Реконструкция плана.

Самую многочисленную группу среди вскрытых при раскопках фрагментов былого архитектурного убранства составляют особые прочные сероглиняные терракоты различных форм и типов. Они не имеют ни одной среднеазиатской черты, но явно тяготеют к дальневосточной художественной и технической традиции. Это подтверждается также находкой фрагмента черепицы с четырьмя китайскими иероглифами.

Наиболее значительное количество, исчисляемое сотнями фрагментов, составляют черепицы. Техника их изготовления ручная, без гончарного круга; для их изготовления сырое глиняное тесто наносилось на особые сшитые из мешковины, связанные на концах длинные «рукава», туго набитые песком, в результате чего эти «рукава» приобретали цилиндрическую форму. Плетение ткани, нити, которыми она сшивалась, и даже складки материи на концевых участках очень четко отпечатались на внутренней стороне всех этих черепиц. Уже в сыром виде цилиндр разрезался по образующим: при малых диаметрах на две части, при крупных — на четыре. Черепицы, обращенные на крыше своей выпуклой стороной вверх, «половинные», имеют диаметр 18 см при 2-сантиметровом сечении стенок; черепицы, положенные выпуклостью вниз, «четвертные»; сечение их то же, но длина хорды равна 22 см. Длина черепиц достигала 40 см. С одного конца они имеют особый манжет, на который накладывалась следующая черепица.

---

[1] См. Г. А. Пугаченкова. Буддийская кумирня в Мерве.— КСИИМК, LIV, 1953, стр. 140 и сл.

Треугольные свесы черепиц.

У края крыши черепицы снабжались особыми скульптурными украшениями. Выпуклые заканчивались кругом, маскировавшим собой торец балочки. На круге, охваченном по контуру извилистой линией, оттиснуты устрашающие антропоморфные морды. Вогнутые черепицы завершались особыми свисающими треугольниками, служившими «капельниками», с концов которых вода падала наземь. Черепицы украшены отвлеченным орнаментом, образованным извилистыми линиями, следующими контуру треугольника, и посередине трехлепестковой фигурой на стерженьке.

Среди плоских терракот значительный комплекс составляют плиты, на которых налепом выполнены горельефные изображения. Сюжетом служили устрашающие существа с выпуклыми огромными глазами, клочьями волос, чешуйчатыми телами, в частности драконы. Особую группу составляла круглая скульптура. Здесь также обнаружены драконы с открытыми пастями и чешуйчатыми телами, видимо, покрывавшие коньки и ребра крыши. Интересны скульптурные утки со сложенными крыльями, полые внутри, с длинным трубчатым стержнем вместо ног, который видимо надевался на заделанный вертикальный штырь.

Весь этот когда-то разбитый на мелкие куски материал находит прямые аналогии в искусстве Дальнего Востока. Тип желобчатых черепиц, укладывавшихся внахлестку друг на друга, оформленных на краю круглыми и треугольными завершениями, обычен в архитектуре Китая и Монголии, где он с некоторыми видоизменениями употреблялся с эпохи Хань и до последних столетий. Такие крыши по традиции издревле сооружались китайцами в зданиях, воздвигнутых вне своей родины. Примеры тому дает и абаканский «дом Ли-Лина»[1] и постройки кара-китайского периода в Семиречье[2].

---

[1] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана. — КСИИМК, XII, 1946, стр. 76 и сл.

[2] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина».— МИА, № 14. М.— Л., 1950, стр. 139.

Маскароны — завершения черепиц. Оттиск ткани и китайских иероглифов на внутренней стороне черепицы.

Несомненно, что конструкция крыши мервского здания была стропильной с крутыми скатами (видимо четырьмя) и, может быть, как это принято в китайском строительстве, двухярусной. Массивность черепичной кровли обусловила выведение более чем 1,5-метровых стен при небольших сравнительно пролетах помещений.

Тема устрашающей львоподобной антропоморфизированной морды играла большую роль в художественном оформлении как архитектурных объектов, так и предметов прикладного искусства всего Дальнего Востока — от Японии до Явы и Восточного Туркестана (Хотан, Кизыл и др.). Что касается драконов, то они переданы в типичной китайской концепции, сложившийся уже к эпохе династии Тан (VIII—X вв.). Мотив драконов широко входит в оформление крыш храмовых зданий. Относительно поздний пример украшения скульптурными и горельефными изображениями этих чудовищ дает храм Цу-ло-сы в Жехе (XVIII в.). На ребрах всех четырех скатов крыш поставлены целые фигуры или скульптурные морды драконов с отверстыми пастями; на плоскости стенки, разделяющей оба яруса крыши, в каждом углу видны аналогичные по типу морды, выполненные в барельефе[1]. Можно по аналогии предположить подобное же размещение их и в мервской постройке.

Живопись в интерьере осуществлялась по очень тонкому белому подслою, нанесенному на 2-сантиметровый слой глиняной штукатурки. Остатки ее сохранились лишь

[1] Б. П. Денике. Китай. М., 1935, илл. 87.

Фрагменты морды дракона с кровли.

в виде незначительных фрагментов. Живопись была выполнена в технике «аль-секко». Цвета очень интенсивны, палитра богата: яркосиний и небесно-голубой, интенсивно-красный и темно-малиновый, зеленый, желтый, оранжевый, черный, белый. Рисунок наносился тонкой кистью беглыми линиями уверенной рукой. Среди отдельных фрагментов интересна фигурка скачущего зайца. Сохранились куски с крупной красной чешуей, оконтуренной белыми линиями,— несомненно, от туловища дракона.

Именно распространенность и глубокая традиционность всех этих изобразительных сюжетов на черепицах и в живописи Дальнего Востока затрудняют определение по ним датировки мервского здания. Уточнение даты вытекает из другой группы декоративных элементов.

В числе обнаруженных при раскопках фрагментов большое место занимают куски изразцовых облицовок, очевидно от былых панелей. Они выполнены на кирпичных плитах размерами 17,5×17,5×4—5,5 см. Материалом служит обычная для Мерва желтоватая глина. Узор, нанесенный до обжига, вырезан узкой, но довольно глубокой (до 5 мм) разделительной линией. Орнамент геометрический. По фрагментам удалось реконструировать систему его построения (гирих), которая основана на пересечении восьмигранников. Основная геометрическая сетка орнамента выполнена в белом цвете; в многоугольниках, образованных ею, чередуются голубой и блекло-фиолетовый тона.

Появление и применение подобных майолик в зодчестве Средней Азии относятся ко второй половине XIII — первой половине XIV вв. В этих пределах таким образом устанавливается датировка исследуемой постройки. Анализ исторической ситуации позволяет еще более ее уточнить. Сооружение здания, по мнению М. Е. Массона, связано с сообщаемым Джувейни фактом о том, что монгольский наместник Аргун в 648 г. хиджры (1250/51 г. н. э.) приказал разбить в Разикабаде сад и возвести дворец, что и было исполнено местной знатью. По данным ЮТАКЭ, местность Разикабад как раз соответствует площади в южном участке между Гяур-калой и Султан-калой, где встречается немало фрагментов керамики XIII—XIV вв. Описанная постройка, очевидно, представляет одно из строений, поставленных в саду Аргуна. Это был не просто парковый павильон, на сооружение которого вполне могли бы быть использованы местные мервские мастера. Для возведения здания по определенному плану, для оформления его венчающих частей в стиле традиционных дальневосточных крыш был привлечен дальневосточный мастер (может быть, несколько мастеров), что диктовалось особой функцией самой постройки. Судя по архитектуре, это был храм, буддийская кумирня, поставленная, также в согласии с традицией, в саду. В нем Аргун и представители монгольской знати отправляли соответствующие религиозные обряды.

Однако храм этот просуществовал недолго. Монгольские ханы из династии Хулагуидов и их придворное окружение исповедывали буддизм вплоть до правления Газан-хана. В начале царствования Газан-хан почитался ревностным буддистом и сам отстроил в Хабушане великолепные кумирни. Однако в 1295 г., из политических соображений, он принял ислам, после чего отдал приказ об уничтожении идолов, полном разрушении буддийских храмов, о высылке из страны и даже казни всех, не желавших принять мусульманство. Об этом подробно повествует Рашид ад-дин[1].

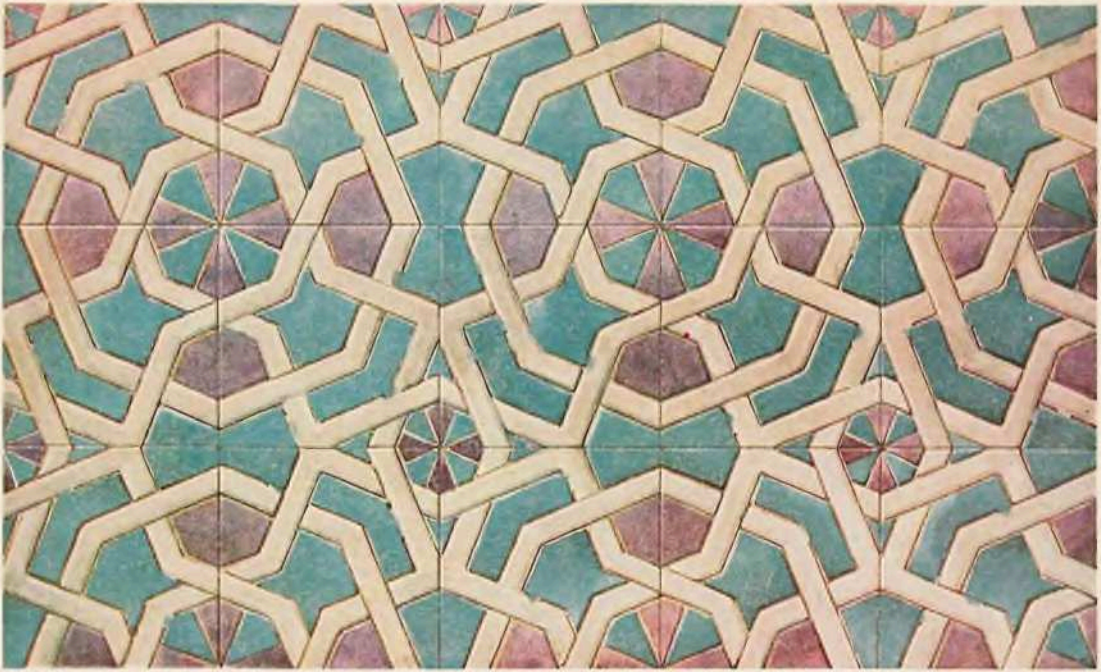
Несомненно, что или в том же 1295 г. или немногим позднее был разрушен и мервский храм буддистов. Уничтожение осуществлялось с демонстративной жестокостью: в нем не просто разносились деревянные и черепичные крыши, но рушились стены, сдирались облицовочные плиты, разбивались на мелкие куски скульптура и живопись. На месте его с тех пор не возводилось никаких сооружений.

Буддийская кумирня Мерва является постройкой выдающегося историко-культурного значения. Вероятно, общий архитектурный облик ее приближался к типу малых изящных храмовых павильонов, подобных, например, буддийскому святилищу на холме Ван-чу-чан в садах у летнего дворца императоров в Пекине, которые характеризуются высокой прямоугольной платформой, одно- или двухкомнатной планировкой и двухярусной черепичной кровлей со скульптурными украшениями[2]. В своих стилевых особенностях буддийская кумирня Мерва являет образец эклектического сочетания монголо-китайских и местных хорасанских архитектурных элементов, как результат сотрудничества дальневосточных и мервских мастеров. Первые внесли сюда прием выкладки стен с забутовкой сырцовых наружных кладок обломками кирпича, традиционный план, традиционное оформление скатных крыш, крытых фигурной черепицей, пластические и живописные мотивы из круга дальневосточных образов.

---

[1] Рашид ад-дин. Указ. соч., т. III, стр. 162—164, 206, 217—218.

[2] S. W. Buschell. L'art chinoise. Trad.par Hd'Ardenne de Tizac. Paris, 1910, фиг. 37, стр. 67.

Изразцовая панель. Реконструкция.

Вместе с тем мервские мастера ввели в облицовку буддийской кумирни типичный среднеазиатский декор в виде цветных майоликовых плит, несущих замысловатый геометрический узор. Такое механическое смешение разнородных стилевых форм было достаточно типичным для строительства монгольских ханов и на их родине. Известно, что при Каракорумском дворе сотрудничали мастера китайские, «мусульманские» (вероятно среднеазиатские), русские и европейские[1]. Описание дворца в Каракоруме, приведенное Рубруком, красноречиво рисует бестолковую роскошь и эклектическую разностильность его архитектуры[2].

Буддийская кумирня Мерва является своеобразным, единственным пока в своем роде памятником среднеазиатского строительства XIII в., в котором сочетаются элементы зодчества Среднего и Дальнего Востока.

Слабый, но постепенный подъем общественной деятельности, восстановления городов, роста строительства падает в Южном Туркменистане на последнюю четверть XIII в. Выявление этого подъема — важная заслуга советской археологии. В общественном строе самих монгол здесь происходит ряд изменений. В эту пору уже сами монгольские ханы под влиянием земско-городской (по терминологии И. П. Петрушевского) феодальной знати пытаются изменить политический курс в сторону нормализации общественной жизни, так как хозяйственная разруха в государстве Хулагуидов сказалась не только на положении широких масс, но и на состоянии государственной казны и доходов феодальной верхушки. Весьма примечательна в этом отношении деятельность Газан-хана и его сына Улджейту Худабенде, направленная к относительному упорядочению экономики, торговли и права, к осуществлению некоторых культурных мероприятий. Пора эта отмечена некоторым развитием научных знаний: Джувейни составляет историю монголов, а Рашид ад-дин — монументальный свод своих «Летописей», в Мараге функционирует знаменитая обсерватория; в окрестностях Табриза Рашид ад-дином основываются мастерские, где большой коллектив каллиграфов, позолотчиков и миниатюристов занят перепиской и художественным оформлением многочисленных рукописей. Именно в это время в Табризе и Султании воздвигаются ансамбли парадных зданий: дворцов, мечетей, медресе и мавзолеев.

Однако эта строительная активность, которая проявляется в столичных городах, значительно ослабевает на периферии хулагуидских владений. Северный Хорасан, в эту пору в основном населенный туркменами, являясь окраинным владением, почти не привлекает внимания ханов, которые лишь изредка наведываются в область Мерва, ценившуюся ими главным образом как место охоты.

Тем не менее некоторое оживление городской жизни и частичное восстановление сельского хозяйства в областях Южного Туркменистана, как уже сказано, имели место с последней четверти XIII в. Процесс этот интенсивно нарастает в XIV в. Причина этого лежала в постепенном ослаблении власти монгольских ханов, в нарастании антимонгольских тенденций в местной среде и фактической эмансипации отдельных областей.

---

[1] В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 34.

[2] В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 138 и сл.

Уже к концу XIII в. отмечается возрождение жизни на развалинах испепеленного войсками Тули города Мерва. В науке прочно утвердился взгляд, будто после разгрома монголами Мерв оставался в руинах в течение двух столетий, и что лишь Шахрух, восстановив Султан-бендскую плотину, возродил в нем городскую жизнь[1]. Мнение это основано на некритическом использовании данных тимуридского панегириста Хафизи-Абру[2]. Однако это утверждение опровергается объективными данными археологического порядка.

При работах ЮТАКЭ в Шахрияр-арке и Султан-кале отмечена значительная насыщенность верхних слоев керамическими фрагментами конца XIII—XIV вв., в числе которых наряду с посудной керамикой встречаются архитектурные майолики и резные поливные изразцы. Картина возрождения городской жизни в конце XIII—XIV вв. наглядно выявлена работами ЮТАКЭ в Дахистане[3], в Нисе[4], в Генугирде[5], в Анау[6]. Однако жизнь оазисов уже никогда не могла достичь былых масштабов; большая часть городов и поселений осталась лежать в развалинах; размеры заселенной части города в эту пору резко уменьшились сравнительно с порой их расцвета в XII в.

Художественная культура Среднего Востока конца XIII—XIV вв., которая по традиции именуется монгольской, в действительности характеризуется именно антимонгольскими, локальными тенденциями. Это было время возрождения и дальнейшего развития местной феодальной культуры, особенно в период ослабления политической власти монголов, что между прочим находит свое отражение в формировании ряда локальных школ. Одна из таких школ существовала в областях Северного Хорасана. Ее своеобразные качества выражены в тех немногочисленных пока памятниках феодальной архитектуры на следующем этапе ее развития, выявление которых в основном было осуществлено ЮТАКЭ.

Мавзолей Абу-Саида

Большой интерес представляет мавзолей Абу-Саида Мехнейского, сооружение которого, как показано выше, относится к середине XI в. Вопрос о времени первой капитальной реставрации его оставался пока неразрешенным. Реставрация эта не коснулась постройки в ее конструктивной части. Однако требования нового стиля и иных эстетических норм привели к существенным изменениям в части архитектоники интерьера и особенно декора всего здания.

Размер ремонтного кирпича 24—25×4,5—5 см. Кладка выполнена на почти чистом ганчевом растворе.

Внутри мавзолея в эту пору в каждой стене закладываются боковые ниши, причем в нишах юго-западной стены устраиваются михрабы, а входы к винтовым лестни-

---

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 69; A. Jakoubovsky. Merw al-Shahidjan.— «Encyclopédie de l'Islam». Suppl., стр. 161.

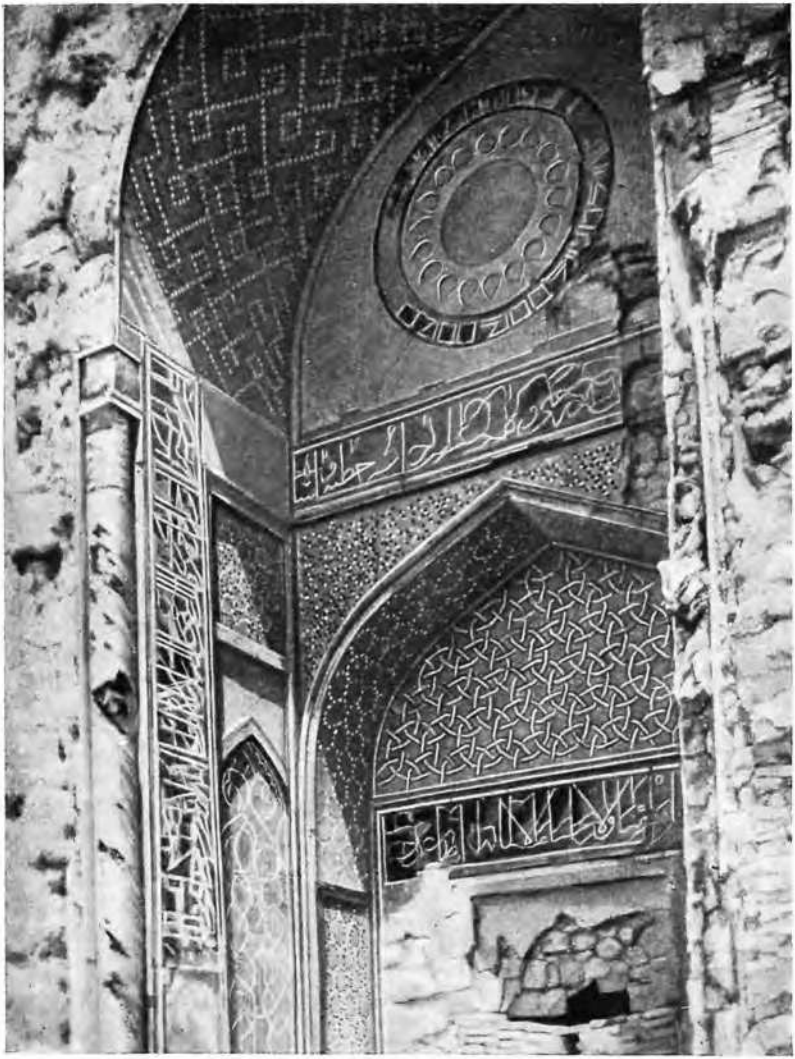
[2] Хафизи-Абру; цит. по кн. В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 65.

[3] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, 1951, стр. 59.

[4] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 77 и сл.

[5] В. М. Массон. Развалины Генугирда.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1951, № 3, стр. 15.

[6] В. А. Левина. Городище Анау.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, 1951, стр. 364 и сл.

Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Детали изразцовой облицовки портала.

Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Мозаики в портале.

цам пробиваются снаружи. В расположенной выше аркатуре две средние нишки на каждой стене выравниваются под одну плоскость. В уровне парусов закладывается и заштукатуривается окно юго-западной стены. Некоторым переделкам подвергнута была конструкция куполов: в эту пору на внутренний купол навели снаружи 4 кирпичных ребра жесткости, идущих меридианально от шелыги к пяте и расположенных диагонально к направлениям главных осей здания. Снаружи реконструкция коснулась лишь главного фасада. Фасад и свод пештака были заново облицованы: на первоначальную кладку был приморожен на ганчевом растворе кирпич плашмя, по нему нанесен толстый слой ганча, армированного вертикально заделанными камышинами; на слой ганча были насажены цветные изразцы кашинной наборной мозаики. Кашин плотный светлый. Основные цвета мозаичных элементов: синий, голубой, белый; отдельные мелкие вставки выполнены в желтом цвете. Облицовка сплошная, фактура жженого кирпича в ней совершенно не участвует. Общая цветовая гамма на расстоянии — интенсивная сине-голубая. В орнаментации использованы преимущественно геометрические гирихи и надписи почерком сульсованной несхи религиозного содержания[1].

Новым в убранстве интерьера является покрывающая его от пола до вершины купола роспись. Все поверхности были при этом оштукатурены; живопись наносилась по белому

[1] Чтение надписей см. А. А. Семенов. По Закаспийским развалинам. — «Изв. Средазкомстариса», вып. III. Ташкент, 1928, стр. 74—78.

фону ганчевой подгрунтовки минеральными красками (вероятно, по сырой основе). Основные цвета росписи — синий и красный, отчасти — фисташково-зеленый.

В основании стен — панель высотой 1,20 м, окрашенная в интенсивно-красный цвет. В лежащих на осях помещения нишах видны геометрические узоры, построенные на осях шестигранника, надписи почерка несхи и пышный растительный узор. Растительные элементы характеризует большая живость линий, свободный, отходящий от обычных канонов архитектурного орнамента, хотя и условный рисунок цветов, листвы, побегов. Интересен мотив кустов хлопчатника с бутонами и раскрывшимися коробочками хлопка. Смежные нишам участки стен обрамлены в виде прямоугольных панно орнаментальными бордюрами и имеют вверху фестончатое завершение. Посередине этих панно нанесен крупный орнаментальный круг со спирально исходящими из центра лучами, заполнение их эпиграфическое. Интересно украшение некоторых участков росписи рельефными накладными ганчевыми шишечками, покрытыми мелким резным узором и окрашенными в красный цвет. Это, несомненно, имитация выпуклых металлических «шляпок».

Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Деталь настенной росписи.

В верхнем ярусе стен в каждой из малых нишек размещен пышный букет цветов в вазе с двумя ручками или в кумгане с ручкой и носиком. Уровень раздела стен и восьмигранника парусов выделен широкой полосой надписи почерка сульсованный несхи, огибающей весь мавзолей. Надпись начертана белыми буквами по синему фону; она едва прослеживается, так как очень сильно пострадала от времени. Расшифровка ее, осуществленная М. Е. Массоном, позволила установить, что, в отличие от всех прочих эпиграфических украшений мавзолея исключительно религиозного характера, данная надпись имеет историческое содержание и заключает упоминание «пресветлого сада» (т. е. усыпальницы) шейха Абу-Саида, подробная генеалогия которого приведена вслед за его именем.

Паруса и ниши оформляют эпиграфические полосы почерка несхи и геометрический орнамент, имитирующий кирпичные выкладки. Под куполом проходит кольцо надписи почерком сульсованный несхи.

Орнаментация купола сохранила почти первоначальную чистоту красок. Она заключает как бы нарисованную систему сложных гуртов, построенных на восьмико-

нечной звезде и восьмигранниках. В образованных ими многоугольниках размещены круглые, миндалевидные и треугольные фигуры с мелким растительным заполнением. В вершине купола находится резная ганчевая скуфейка с рельефными гуртами, построенными по тому же принципу пересечения восьмигранников и восьмиконечных звезд. Все элементы разбивки также украшает измельченная орнаментация.

Следующие реставрационные работы на мавзолее, видимо, имели место в XV в. одновременно с сооружением напротив на месте былой ханаки нового здания, о чем свидетельствует употребление идентичного кирпича 25,5—27×5—5,5 см на ганчевых растворах. Этим кирпичом были осуществлены подкладки выщербленной цокольной части стен, выступающей относительно стен наподобие небольшой платформы высотой 55 см и вынесенной на 50—90 см. По главному фасаду была произведена надстройка верхней части пештака, переложены и скруглены наподобие башен южный и западный углы, заключающие винтовые лестницы. По всем фасадам осуществлены закладки выщербленного кирпича. Видимо, для усиления верхних кладок наружного купола на внутреннем куполе был основан полый восьмигранный столб, выступающий снаружи.

Здание сохранило также следы каких-то грубых позднейших ремонтов в виде обкладок сырцовым кирпичом или простой обмазки глиной.

Чрезвычайно важно решение вопроса о времени осуществления первой большой реставрации мавзолея Абу-Саида, внесшей принципиальные изменения в архитектурный облик его главного фасада и особенно интерьера. В. А. Жуковский полагал, что художественная отделка здания относится ко времени одного из первых тимуридов[1]. А. А. Семенов в 1929 г. подметил, что мозаичная облицовка портала и живописная отделка внутри мавзолея вторичного происхождения и что она связана с капитальным ремонтом пришедшего в упадок старого здания (начальной даты его возведения автор не уточняет); стиль самих облицовок и фресок он также почитал относящимися ко времени не ранее конца XIV в. и не позднее первой половины XVII в., датируя отделочные работы на мавзолее XV в.[2]

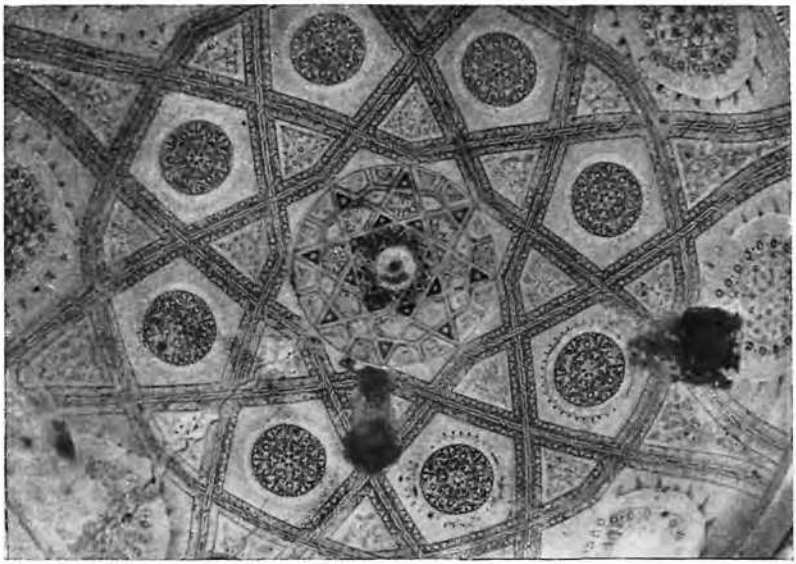
Однако сравнение декоративных элементов мавзолея Абу-Саида с памятниками Самарканда времени Тимура и тимуридов указывает на отсутствие прямых стилистических аналогий между ними. Тот же отрицательный вывод дает и сопоставление мехнейского мавзолея с постройками Хорасана XV в. (в частности, в Туркменистане — мечети Анау или здания у могил асхабов в Мерве).

Стилистический анализ приводит нас к совершенно иным заключениям в части датировки; ближайшие аналогии с нашим мавзолеем дает группа памятников другого художественного круга. Отметим прежде всего, что развитие резных наборных мозаик на кашинной основе имело место с первой половины XIV в. в архитектуре Хорасана, Среднего Ирана и Азербайджана, в то время как в Мавераннахре и Хорезме в эту пору преобладал иной тип цветных изразцовых облицовок — резная поливная терра-

---

[1] Отчеты Археологической комиссии за 1896 г., стр. 105.

[2] А. А. Семенов. Развалины Мейхене и Чехче в древнем Хаверане. — «Изв. ТаджФАН СССР», 1946, № 12, стр. 57—58; его же. По закаспийским развалинам, стр. 25; его же. Гератское искусство в эпоху Алишера Навои. — Сб. «Родоначальник узбекской литературы». Ташкент, 1940, стр. 148.

Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Роспись на куполе.

кота и многокрасочные майолики. Основными цветами элементов мозаичных наборов XIV в. являются синий, голубой и белый, с незначительными темножелтыми вставочками; таков, например, михраб с датой 740 г. хиджры (1340 г. н.э.), ныне находящийся в Музее в Пенсильвании[1]. Именно это сочетание цветов дает и портал мавзолея Абу-Саида. Между тем в мозаиках конца XIV—XV вв. желтый цвет уже занимает значительное место; кроме того, широко употребляются зеленые и черные шлифованные вставки, окрашенные в розоватый цвет.

В упомянутом михрабе 1340 г. можно видеть совершенно идентичный мозаикам мавзолея Абу-Саида мотив узких бордюров с ромбовидными синими и белыми вставками на синем фоне. Весьма близок и стиль надписей почерком сульсованной несхи. Геометрические орнаменты в мозаиках мавзолея Абу-Саида, построенные на пересечении восьмигранников, шестиугольников и шестиконечных звезд, мелкие квадратные сетки, стиль колонок с капителями, составляющими продолжение цилиндрической

[1] Persian art. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House. London, 1931, стр. 52; SPA, IV, табл. 402.

формы ствола, аналогичны мотивам внешнего оформления ханаки в Натанзе 1316/17 гг.[1] Большие орнаментальные круги — «колеса» — типичны для ряда шахи-зиндинских мавзолеев XIV в. Мотив крупных стилизованных растительных сплетений в панно на щеках портальной арки мавзолея в Мехне имеет почти прямую параллель в орнаментации майоликового надгробия Кусама ибн-Аббаса (20—30-е годы XIV в.)[2].

Те же хронологические рамки определяют и стиль художественных росписей интерьера мавзолея. На куполе его видна оригинальная система как бы нарисованных, построенных на геометрической сетке гуртов. Если еще в XII в. гурты имели определенный конструктивный смысл (например, в мавзолее султана Санджара[3]), то в XIV в. сохраняется лишь их декоративное выражение на поверхности купола, например в изразцовых облицовках двух мавзолеев Шахи-Зинда: Шади-Мульк и эмира Бурундука[4]. В мавзолее Шади-мульк в нижних многоугольниках этой декоративной гуртовой сетки размещены миндалевидные фигуры «бадамча», подобно тому как это сделано и в мавзолее Абу-Саида. Очень схожи с последними выполненные в технике цветной росписи по белому фону «бадамча» с богатым растительным и эпиграфическим заполнением на куполе мечети Вакти-саат в Иезде, датируемой 1325 г.

Общий стиль художественных росписей мавзолея Абу-Саида чрезвычайно близок к украшениям мавзолея Улджейту Худабенде в Султании (начало XIV в.)[5]. Большие прямоугольные панно с крупными орнаментальными кругами в них, заполненными сложными растительными узорами и фигурными картушами в углах, эпиграфическое оформление архивольтов ниш и стиль почерка сульсованный несхи, мелкие геометрические орнаментальные сетки в украшении щек этих ниш и красочная гамма, — все это очень сходно в обоих мавзолеях.

Известную общность с растительным орнаментом мехнейского мавзолея дают росписи мавзолея ал-Хасана ибн-Кейхосроу в Абаркухе, датируемом 1318 г.[6] Фигурные четырехлопастные картуши в росписях ниш имеют прямую паралелль в формах подобных же картушей надгробия Наджм ад-дина Кубра в Куня-Ургенче[7].

Итак, стилистический анализ приводит к заключению, что первая большая реставрация мавзолея Абу-Саида имела место не позднее первой трети XIV в.

Косвенные данные письменных источников позволяют уточнить датировку этого капитального ремонта. Рашид ад-дин, повествуя о принятии Газан-ханом в 1295 г. ислама, сообщает о посещении и воздавании им почестей гробницам видных хорасанских шейхов; при этом хан ознакомился с состоянием этих усыпальниц; среди последних назван и мавзолей Абу-Саида ибн Абул-Хайра[8]. К строительным мероприятиям этого времени, видимо, и относится описанная реставрация мехнейского мавзолея. Характерно, что Хамдаллах Казвини в своем географическом сочинении, составленном в 1340 г., называет Мехне не селением, как в начале XIII в. Якут, но горо-

[1] SPA, IV, табл. 367—369.

[2] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, илл. 143 и 144.

[3] См. выше стр. 325.

[4] С. Н. Полупанов. Архитектурные памятники Самарканда. М., 1948, илл. 82 и 90.

[5] SPA, IV, табл. 382—384.

[6] A. Godard. Abarkuh.—AI, t. I, fasc. I, фиг. 46, 47; SPA, V, табл. 526-в.

[7] Н. М. Бачинский. Памятники Туркмении, вып. 1, стр. 93.

[8] Рашид ад-дин. Указ, соч., т. III, стр. 228—229.

Люстровый изразец из Нисы.

дом. «Город (касаба) Мехне, где жил шейх Абу-Саиди Абул-Хайр... подчиняется Хаверану», — пишет он. Подъем городской жизни в Мехне в конце XIII — в первой половине XIV вв. нашел, очевидно, свое отражение и в предпринятых реставрационно-отделочных работах на мавзолее Абу-Саида.

Самый стиль украшающих памятник элементов указывает на принадлежность его иному кругу, чем архитектурные школы Хорезма и Мавераннахра; он явно приближается к художественной традиции Хорасана в целом и отчасти Азербайджана. Факт этот чрезвычайно важен в свете проблемы историко-культурного районирования и понимания тех связей и взаимодействий, которые присущи художественной культуре Южного Туркменистана XIII—XIV вв. Вместе с тем богатство, разнообразие и высокое мастерство мозаик и особенно росписей мавзолея Абу-Саида позволяют с полным правом рассматривать данный архитектурный памятник как шедевр того полихромно-живописного стиля, который характерен для архитектуры этого времени. Росписи его интерьера принадлежат к числу выдающихся образцов архитектурной живописи; трудно назвать еще хоть одну подобную роспись на всем Среднем Востоке.

С XII в. и позднее мавзолей Абу-Саида сохраняет значение почитаемой культовой постройки, привлекавшей немало паломников. Характерно наличие на штука-

турках мавзолея Абу-Саида большого числа надписей XVII в., оставленных различными паломниками, нередко приходившими в Мехне издалека; помимо отмеченной здесь А. А. Семеновым надписи с датой 1655 г., нами записаны даты, несколько более ранние: 1041 г. хиджры (1631/32 г. н. э.) и 1049 г. хиджры (1639/40 г. н. э.).

Архитектурные изразцы

Употребление полихромного декора в зодчестве Южного Туркменистана широко практиковалось в XIII—XIV вв. Но резные наборные мозаики мавзолея Абу-Саида представляют здесь явление исключительное. Введение их мы склонны рассматривать как результат привлечения азербайджанских специалистов (употребление наборных резных мозаик широко представлено, например, в мавзолее Улджейту Худабенде в Султании[1] и в мавзолее 1323 г. в Берда[2]). Факты использования продукции иноземных керамистов в облицовке богатого сооружения конца XIII в. в г. Нисе установлены находкой ЮТАКЭ в 1946 г. люстровых изразцов кашанского типа в виде восьмиконечных звезд и четырехконечных крестовин[3]. На одной из этих звезд изображен юноша, сидящий у пруда под сенью стилизованных кустов, на другом — старец с цветком в руке, также среди ветвей. По контуру звезд начертаны персидские стихи лирико-любовного содержания. Крестовины — синего цвета с рельефным стилизованным растительным узором, подчеркнутым поверх глазури белой ангобной краской и золотом. Привозной характер этих изделий несомненен. Хорошо известно, что в XIII—XIV вв. прославленная продукция Кашана широко экспортировалась далеко за пределы этого города, откуда, в частности, она проникла и в Нису.

Однако значительно важнее установление другого факта, а именно: изразцы кашанского типа, хотя и уступающие по качеству кашанской продукции, изготовлялись в эту пору в самих городах Южного Туркменистана. На городище Месториан (средневековый Дахистан) попадаются звездчатые и крестовидные плитки синей, голубой и белой поливы со следами узоров, которые, несомненно, некогда подбирались в виде наборных композиций. Наличие на этом городище керамических отвалов посудной продукции, близкой к так называемым кашанским и султанабадским типам XIII—XIV вв., наглядно свидетельствует о местном изготовлении как бытовой, так и архитектурной керамики. Недавние археологические изыскания, осуществленные в области Джурджан недалеко от советских рубежей, также сопровождались обнаружением керамических изразцов. Качество и стиль этих изразцов привели исследователя к заключению, что общепринятая атрибуция так называемой кашанской керамики должна быть в корне пересмотрена в пользу отнесения значительной части ее к гончарной продукции городов Джурджана XIII в.[4]

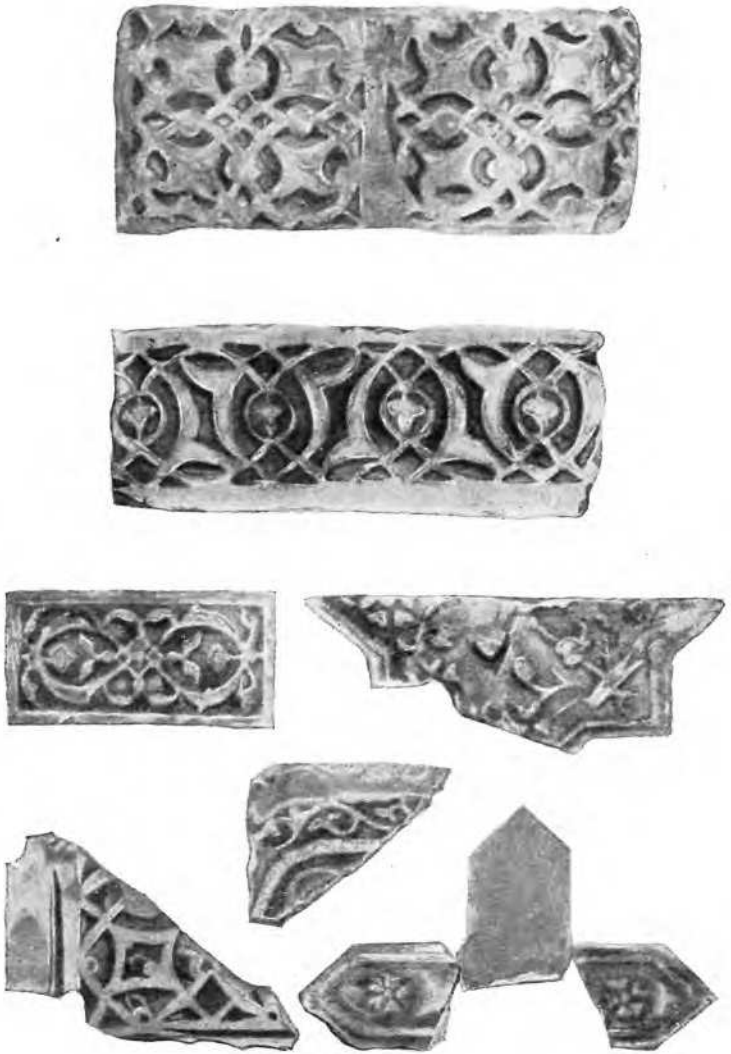
---

[1] SPA, IV, табл. 380.

[2] Е. И. Мануч а р о в, А. В. С а л а м-з а д е, И. Г. С у л т а н о в. Архитектура мавзолеев г. Барды. — Сб. «Архитектура Азербайджана эпохи Низами». М.—Баку, 1949, стр. 245 и сл.

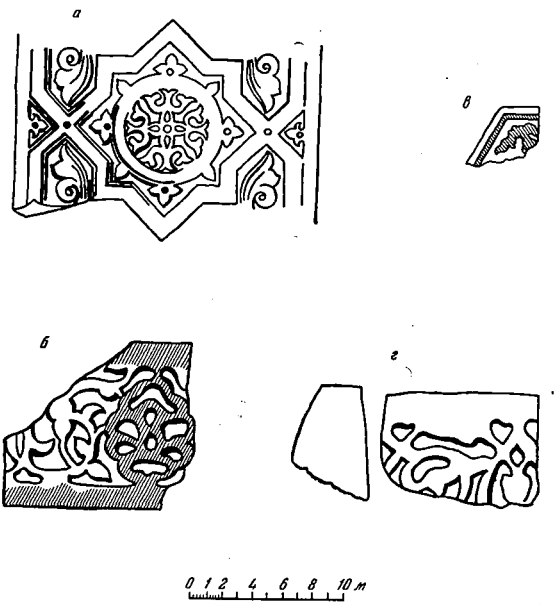
[3] М. Е. М а с с о н. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 78; Л. Т. Г ю з а л ь я н, М. М. Д ь я к о н о в. Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища НоваяНиса. — «Труды ЮТАКЭ», т. I, 418—419.

[4] M. B a h r a m i. Faiences émaillés et lustrées de Gurgan. — «Artibus Asiae», X/2 Ascona, 1947, стр. 105.

Гёк-гумбез. Поливные изразцы.

Изготовление и употребление изразцов, близких по типу к так называемым кашанским, установлено нами также в поселении области Мерва XIII—XIV вв. у Гек-гумбеза (о котором подробнее — в другом месте). Это изящные небольшие восьмиконечные

Глазурованные изразцы из Нисы.

а—фрагмент плитки штампованной терракоты, темно-зеленая полива; *б*—фрагмент плитки штампованной терракоты, полива голубая и синяя; *в*—фрагмент майолики, зеленовато-черный фон, ярко-синий орнамент; *г*—фрагмент облицовки полуколонки, штампованная терракота, голубая полива.

звезды, прямоугольные плиточки и четырехконечные крестовинки. Основу их составляет несколько рыхлый кашин. Орнамент рельефный, полива однотонная: бирюзово-голубая или яркосиняя. Мотивы орнаментации стилизованно-растительные, рисунок измельченный, линии узора тонки, контуры их мягки. По своим технологическим качествам изразцы напоминают кашанские, однако орнамент их типичный среднеазиатский; параллели ему дают, например, некоторые облицовочные плитки ранних мавзолеев Шахи-Зинда.

Абсолютно неиранской по типу является третья (и основная) группа изразцовых облицовок XIII—XIV вв. из Южного Туркменистана — резная поливная терракота.

Мазар Зенги-баба в с. Мурча.

Первые экземпляры ее были обнаружены в 1946 г. на Нисе. Узоры изразцов выполнены штампом и покрыты голубой поливой. Рисунок стилизованно-растительный, контуры его несколько мятые — нет той четкости, которая присуща резьбе, выполненной от руки.

В существующих публикациях не содержится никаких данных о штампованной резной поливной архитектурной терракоте из Средней Азии; ее невысокие художественные качества не привлекали внимания исследователей. Между тем применение ее было весьма широким, можно отметить находки ее в Бухаре, в Шахрисябзе, в Андижане. Распространение подобной штампованной терракоты относится преимущественно к XIII—XIV вв., как датируются и нисийские изразцы. На Нисе обнаружены плитки с растительной орнаментацией, выполненной в технике штампа, с применением двух цветов: бирюзово-голубого и темносинего. Тональность и мотивы орнамента (стилизованный лотос, гибкие побеги) напоминают облицовки некоторых из ранних мавзолеев Шахи-Зинда.

Уточнение датировки такого рода южно-туркменистанских полихромных штампованных изразцов дает фрагмент плитки от намогильника, найденной в Шахрияр-арке Старого Мерва. На этом фрагменте видны остатки надписей, выполненных одна цветущим куфи, вторая почерком «дивани», типичным для рассматриваемой эпохи, причем последняя содержит дату, расшифрованную М. Е. Массоном — 678 г. хиджры (1279/80 г. н. э.). Цвета поливы: голубой, мутносиний и белый. Наряду с панелью

мервской кумирни это один из самых ранних примеров полихромных архитектурных изразцов на Среднем Востоке.

На кладбище упомянутого урочища Гёк-гумбез Мервской области было обнаружено большое число поливных резных терракотовых плиток. Преобладают продолговатые плитки размерами 7,5×19 см и 9×20 см с традиционными для архитектурной орнаментики Средней Азии мотивами переплетающихся побегов и стилизованной листвы. Плитки покрыты голубой поливой, причем некоторые из них оттиснуты штампом, другие резаны от руки. Местное производство их подтверждается находкой бракованных экземпляров среди отвалов керамических шлаков.

Плитки поливной резной терракоты отмечены нами в мавзолее Астана-баба, где они вмазаны в щипцовую стенку портальной ниши, и связаны с одним из ремонтов этого памятника в XIV в. Значительное число фрагментов штампованной терракоты, покрытой голубой поливой, было выявлено в 1947 г. исследованиями ЮТАКЭ на городище Шахри-ислам (средневековый Языр)[1]. В числе их особенный интерес представляют криволинейные изразцы, явно оформлявшие цилиндрическую поверхность колонн. Трехцветная штампованная терракота найдена А. А. Росляковым на городище Парзтепе (Ашхабадская область).

Приведенные примеры имеют большую важность. Впервые устанавливается широкое распространение техники поливной, преимущественно штампованной терракоты в архитектурной практике Хорасана XIII—XIV вв. Привлеченный нами материал указывает на несостоятельность утверждения, будто «штампованная поливная терракота имеет преимущественное распространение в Персии, в то время как в Средней Азии — резная»[2]. Ни резная, ни штампованная терракота совершенно не типичны для областей Ирана, для которых характерны кашинные мозаики, но зато она хорошо известна в архитектуре Мавераннахра. Факт этот указывает на бо́льшую культурную общность городов Северного Хорасана XIV в. с Самаркандом и Бухарой, чем с Исхафаном или Табризом, хотя номинально области Южного Туркменистана и входили во владения Хулагуидов.

Находка среди руин средневековых городов Южного Туркменистана всех этих многочисленных архитектурных изразцов является наглядным доказательством существования в них в XIII—XIV вв. почти не сохранившихся построек монументальной архитектуры, отличавшихся если не значительностью масштабов, то во всяком случае богатством внешнего оформления.

Мазар Зенги-баба

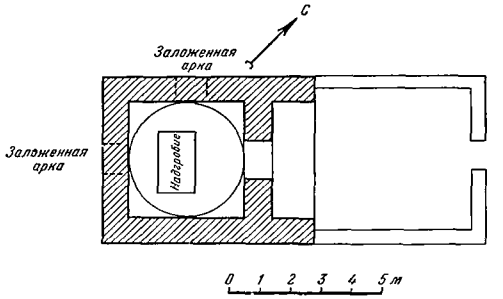
Плитки штампованной и резной поливной терракоты некогда украшали мазар Зенги-баба в селении Мурча Бахарденского района (средневековое селение Мурси). Здание обследовано автором и Д. М. Овезовым в 1951 г. Мазар воздвигнут из жженого кирпича-маломерка размером 20—21 см в стороне на 4 см толщины, что указывает на его раннюю (X—XI вв.) дату. Однако, судя по стилевым данным, он или был заново перестроен в XIII—XIV вв. на старом месте старым же кирпичом, или же при возведении его в эту пору был использован

---

[1] См. «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 266.

[2] Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства Советского Востока. — Сб. «Художественная культура Советского Востока». М.—Л., 1931, стр. 36.

кирпич какого-то пришедшего в ветхость раннесредневекового здания. Кладка осуществлена на глине. Мавзолей ориентирован входом на северо-запад. Он заключает квадратное помещение с крупным, подвергавшимся ремонтным обмазкам надгробием. Выдвинутые антовые стены основного объема образуют нишу портала, которая видимо имела стрельчатую арку, позднее рухнувшую и замененную грубым балочным перекрытием. В верхних кладках фасадной стены сохранились фигурные резные голубые кирпичики в форме двух завитков (мотив бараньих рогов). Над входом в щипцовой стене при ремонте вмазаны фрагменты плиток резной и штампованной

План мазара Зенги-баба.

поливной терракоты синих и голубых тонов, заполненных растительным и буквенным орнаментом. Можно думать, что они первоначально располагались в тимпанах портальной арки, после разрушения которой были при ремонте беспорядочно вмазаны на щипцовой стене. Мазар перекрыт куполом несколько мятого сферо-конического очертания.

Тема подобной портально-купольной усыпальницы развита в группе мавзолеев, сохранившихся в урочище Гёк-гумбез, лежащем в зоне пустыни, на крайней северо-западной оконечности Мервского оазиса.

Мавзолеи урочища Гёк-гумбез

Едва ли не единственное литературное упоминание «мечети Гёк-кумбез» содержится в статье инженера В. В. Русинова[1]. О наличии в Гёк-гумбезе мавзолеев нам говорил также А. А. Марущенко. Однако памятники эти никем не изучались до 1951 г., когда мервским отрядом ЮТАКЭ было осуществлено обследование городища Гёк-гумбез.

Это городище в настоящее время затеряно среди песков и такыров. Однако расположенное здесь старинное кладбище функционирует и поныне: к нему приносят своих покойников туркмены из скотоводческих колхозов, пасущие стада у расположенных вблизи колодцев. Странным и неожиданным кажется этот городок, площадь которого усеяна жженым кирпичом, изразцами, черепками разноцветной посуды, в местности, лежащей на расстоянии 70 км от крайних функционирующих

[1] В. В. Русинов. Водоземельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918, стр. 5.

Гёк-гумбез. Мавзолей № 1 (слева) и № 2 (справа).

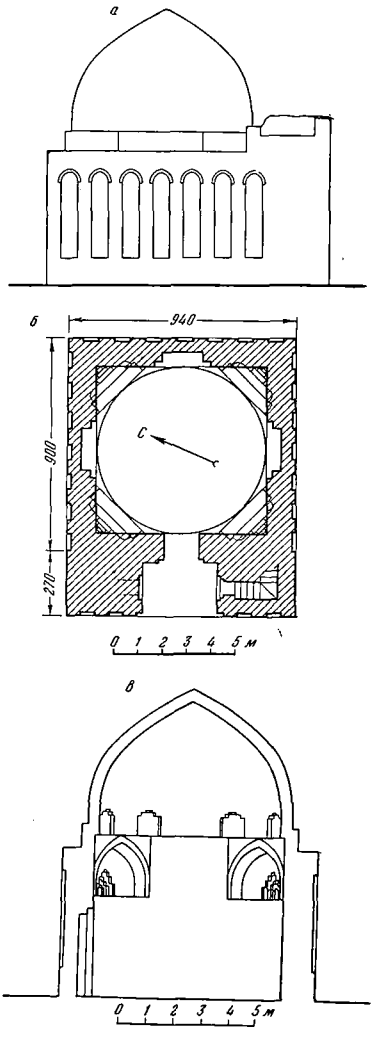
ныне арыков Мургабской системы. Между тем среди такыров и зарослей саксаульника видно русло старого магистрального канала, тянувшегося еще далее Гёк-гумбеза к Шейхи-Мансуру. М. Е. Массон связывает появление Гёк-гумбеза с событиями монгольского завоевания. Разрушение монголами Султан-бендской плотины катастрофически сказалось на жизни оазиса в правобережье Мургаба, воды которого, предоставленные сами себе, устремились в северо-западном направлении. Левобережные земли в XIII—XIV вв. неожиданно получили добавочный дебет воды, в силу чего, по мере того как область Мерва стала оправляться от последствий монгольской катастрофы, здесь начинают возникать небольшие поселения. К числу последних относится и Гёк-гумбез. Он не был обычной деревней или городом. Это было своеобразное поселение шейхов. У них были жилые дома, свои ремесленные производства (главным образом гончарные и железоделательные), продукция которых сбывалась окрестным кочевникам. Но главный доход, видимо, поступал духовенству с того большого некрополя, который слагался здесь возле почитаемых мавзолеев каких-то местных «святых». В письменных источниках упоминание данного урочища встречается лишь в XV в. в связи с событиями борьбы в 1456 г. между Мирзой-Санджаром и Султан-Хусейном Байкарой[1].

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч стр. 70—71.

Остатки мавзолеев высятся и поныне: вокруг простирается целый комплекс фамильных дахма — четырехугольных намогильных массивов, сложенных из жженого кирпича.

В настоящее время на городище сохранилось четыре кирпичных мавзолея. Три из них расположены почти на одной прямой на расстоянии 80 м друг от друга и ориентированы своими порталами на запад-северо-запад; четвертый, разрушенный сильнее других, лежит несколько севернее, в стороне и был обращен входом на юго-восток,

Мавзолей № 1 основной в этом ансамбле; он самый значительный по размерам и содержит внутри до десятка могил. Мавзолей этот выстроен из жженого кирпича размерами 22,5 см (варианты 22—23 см) в стороне квадрата на 4,5 см толщины (варианты 4—5 см). Кладки выполнены на глиняном растворе. Здание имеет единственное квадратное в плане помещение (7,20×7,20 м) и развитый в высоту пештак, лежащий на продолжении боковых стен. Наружные габариты его составляют 9,40×11,70 м. Портальная ниша перекрыта стрельчатой аркой, начиная от щипца, и выведена на десять рядов «отрезками», а далее—клинчатой кладкой. Основное помещение перекрыто куполом, основанным на восьмиграннике тромпов. Конструкция тромпа такова: по стороне восьмигранника плана переброшена несущая арка; угловая пазуха заключает парус в виде трех перспективно-сокращающихся уступчатых арочек; остальная часть выведена в приеме сомкнутого свода. В арках тромпового яруса на главных осях было по оконцу (все они ныне замурованы). Углы перехода от восьмигранника к окружности купола смягчены небольшими разгрузочными уступчатыми арочками. Поясу тромпов снаружи частично соответствует

Мавзолей № 1.

а) Северный фасад; *б*) план; *в*) разрез.

Мавзолей № 1. Общий вид.

невысокий (75 см) восьмигранный барабан. На нем покоится сферо-коническая скуфья купола. Кладка скуфьи осуществлена кольцевыми рядами; толщина ее — два кирпича. На высоте до 2 м сечение сокращается до одного кирпича; снаружи с этого уровня идет обкладка кирпичом плашмя. В кладку купола в пяти концентрических рядах введены наполовину выступающие кирпичи. Последние, возможно, служили для лучшей связи облицовочных плиток голубого цвета, впоследствии опавших, но валяющихся вокруг мавзолея; так как они были насажены на глиняном растворе, то попадавшая в швы вода давно его размыла, и плитки опали. В самом названии мавзолея «Гёк-гумбез» — «Голубой купол»—содержится напоминание об этом характерном элементе его архитектуры.

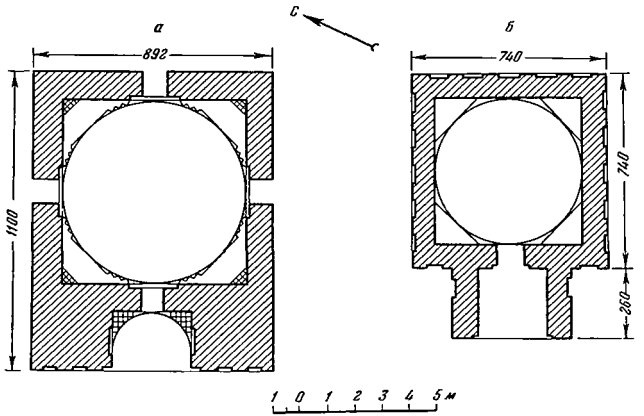
В устоях пештака заключено по лестнице, которые вели наверх в маленькие квадратные комнатки (2,30×2,30 м), перекрытые сводами типа балхи.

Несмотря на обрушение верхних кладок пештака, мавзолей монументален в своих пропорциях. Архитектонику портала определяют стрельчатая арка и П-образные обрамления из двух широких полос и трех узких лопаток. Боковые фасады и задний оформлены узкими длинными стрельчатыми нишками.

Остатков изразцовых облицовок, которые как указывалось выше, в большом числе встречаются у Гёк-гумбеза, на его фасадах не сохранилось. Между тем черновая

кладка П-образных рам портальной ниши со следами глиняного раствора явно намекает на их применение по крайней мере в облицовках пештака.

Мавзолей № 1 наглядно демонстрирует процесс сохранения в зодчестве XIII — XIV вв. местных, разработанных ранее традиционных приемов и вместе с тем появление новых архитектурных качеств. С предшествующей эпохой его связывают характерные для мервского зодчества конструктивные детали, например принцип выведения тромпа, углы которого заключают перспективно-уступчатые паруса (ср. мавзолей

Планы мавзолеев № 2 и № 3.

а) Мавзолей № 2; *б*) мавзолей № 3.

Мухаммеда ибн-Зейда и мечеть Талхатан-баба). Принцип обработки фасадов настенными нишками отмечается в мавзолее Серахс-баба и мавзолее ал-Газали в Тусе. Новым в композиции мавзолея № 1 Гёк-гумбеза является подчеркнуто-развитой пештак, который не просто слегка выступает на главном фасаде (как в мавзолее Абу-Саида), но сам по себе является основной и единственной фасадной формой. Памятник этот развивает ту же тему одиночной портально-купольной усыпальницы, которая в XIV в. разрабатывается и в Мавераннахре, например в ранней группе мавзолеев Шахи-Зинда в Самарканде.

Мавзолей № 2 выстроен из кирпича почти того же формата (22,5—23—24 см в стороне на 4—4,5 см толщины), сложенном на глиняном растворе. Он аналогичен в плане, имеет развитой пештак со стрельчатой аркой и содержит в себе квадратное помещение. Здание утратило северо-восточный угловой участок стен и купол.

Пештак выделен тремя неширокими П-образными рамами, разделенными кирпичными лопатками. Портальная ниша имеет форму конхи, причем переход к полукуполу осуществлен при помощи сотовых парусов, образованных последовательным выпуском диагонально-заделанных в кладку рядов кирпича.

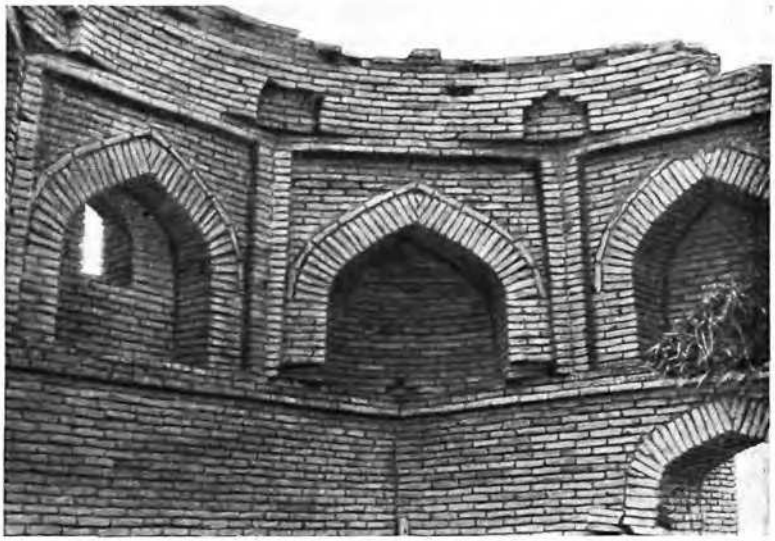
Мавзолей № 2. Портал.

Квадратное помещение мавзолея имеет на осях четыре входа. Оно было перекрыто куполом, основанным на трompах. Углы трompов смягчены трехрядными сотовыми парусами; в уровне сопряжения восьмигранника с куполом введен зубчатый ряд диагонально-заделанных кирпичей, маскирующих переход от восьмигранника к кругу.

Сотовые паруса, появление которых восходит еще к XI веку, очень типичны для памятников среднеазиатской архитектуры XIV в. Они применены в гумбезе Манаса (1334 г.), в одном из мавзолеев Касана, в мавзолее Хасани-Саурани в Хорезме, Наджм ад-дина Кубра в Куня-Ургенче (20-е годы XIV в.) и Сеида Ала ад-дина в Хиве (вторая половина XIV в.)[1]. Мавзолей № 2 Гёк-гумбеза был, по-видимому, возведен вскоре же после первого. Не будучи ему вполне идентичным, он однако развивает тот же тип портально-купольного однокамерного мавзолея.

Мавзолей № 3 меньше по размерам и несколько отличен по своей объемной композиции. К его основному кубообразному телу (7,40×7,40 м по внешнему периметру)

[1] См. М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 62; Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Ферганы. — «Искусство Средней Азии». М., Изд. РАНИОН, 1930, стр. 66, табл. XI; Я. Г. Гулямов. Памятники города Хивы.—«Труды УзФАН СССР, серия I», вып. 3. Ташкент, 1941, стр. 19—20.

Мавзолей № 3. Тромпы.

с западной стороны примыкает небольшой пештак. Все фасады, в том числе и отрезки западного фасада по обе стороны от пештака, оформлены узкими тянутыми настенными арочками. Композиционный прием таким образом аналогичен портальным мавзолеям XI—XII вв.: Абу-Саида в Меана, Безымянного из Имам-баба и Чугундор-баба. Выстроен мавзолей № 3 из жженого кирпича (24,5—25×4,5—5 см) на глиняном растворе. Помещение его перекрыто куполом на тромпах типа сомкнутых парусов, уровень которых снаружи выражен восьмигранным барабаном; самый купол не сохранился.

Чрезвычайно интересно наличие склепа. Перекрытие его в средней части разрушено, и потому в склеп можно спуститься, хотя пол его загроможден обломками кирпича. Склеп был квадратен (5,50×5,50 м), на осях его находятся 4 ниши глубиной 1,20 м каждая. Арки ниш имеют стрельчатый очерк; выведены они от щипца «отрезками» и наполовину —клинчатой кладкой. Основной квадрат склепа был перекрыт сводом балхи в один кирпич толщиной, очень пологого очертания. Эта конструктивно смелая система пологого балхи 5,5-метрового пролета является свидетельством дальнейшего развития конструктивного приема, широко разработанного в мервской строительной практике XI—XII вв. Самый принцип устройства склепа в среднеазиатском строительстве отмечен не ранее XIV в. Склепа еще нет в мавзолее Сейф

ад-дина Бохарзи (вторая половина XIII в.), но он уже имеется в мавзолее Ходжа Ахмада в комплексе Шахи-Зинда (около середины XIV в.), где перекрыт так же, как в мавзолее № 3 Гёк-гумбеза, пологим сводом балхи толщиной в один кирпич[1].

Характеристику мавзолея № 4 мы опускаем, так как он чрезвычайно разрушен. Мавзолей этот стоит к северу от первого; выстроен он из жженого кирпича 23—24—25 см в стороне на 5 см толщины на глиняном растворе, прямоугольный в плане, был перекрыт сводом «отрезками», внутри он содержит крупную, неоднократно обмазывавшуюся глиной сагану. Планировочной взаимосвязи его с остальными мавзолеями не ощущается; не вполне совпадает даже его ориентация по странам света.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Рассмотренная группа в общем немногочисленных памятников архитектуры Южного Туркменистана конца XIII—XIV вв. наглядно рисует дальнейшую эволюцию местного феодального зодчества.

Подъем его в эту пору определяется, безусловно, не тем, «что монгольские ханы начали усваивать городскую жизнь и культуру, а потому строить дворцы и культовые здания»[2]. Наоборот, именно ослаблением власти монгольских ханов на местах и постепенной эмансипацией от монгольского владычества подвластных крупным местным феодалам областей обуславливается некоторый подъем общественной жизни и развитие культурно-созидательной деятельности. Процесс развития феодализма в эту пору еще идет по поступательной кривой. Искусство, в частности зодчество, еще стоит на пути новых творческих достижений. В Северном Хорасане, хотя и утратившем былое первостепенное значение в ряду крупных среднеазиатских областей, также происходит процесс сложения новых качеств в архитектуре.

Если буддийская кумирня в Мерве является еще памятником эклектического характера, то и в нем уже налицо достижения местных керамистов в части создания полихромных архитектурных облицовок. XIII—XIV столетия в архитектуре Южного Туркменистана, как и других областей Среднего Востока, проходят под знаком завоевания цвета. Отныне цветные изразцы и полихромные росписи входят обязательным элементом в парадное оформление зданий. Вместе с тем неверен взгляд, будто декоративные задачи в эту пору оттесняют на второй план задачи чисто архитектурные[3]. Даже на группе рассмотренных мавзолеев Гёк-гумбеза можно видеть сложение нового архитектурного типа, когда на смену центрическим усыпальницам предшествующего периода (иногда снабженным слабо развитым порталом) прихо-

[1] М. Е. Массон. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея «Ходжа Ахмада» в группе «Шах-Зинда» в Самарканде в 1922 году. — «Изв. Туркестанского отдела РГО», т. XVII. Ташкент, 1924, стр. 157.

[2] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, стр. 70.

[3] Ср. например характеристику, данную М. М. Дьяконовым архитектуре Азербайджана XIII—XIV вв., когда якобы «творческая мысль бледнеет, конструктивно смелое и оправданное переходит в декоративную мишуру... Памятники теряют свое местное своеобразие» (М. М. Дьяконов. Рецензия на книгу И. П. Щеблыкина «Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами».— «Исторический журнал», 1945, № 5, стр. 79.)

дит портально-купольный мавзолей с подчеркнутой значительностью форм монументального пештака.

Важно подчеркнуть, что в группе трех основных мавзолеев Гёк-гумбеза наличествует четкая планировочная идея. Построение их на единой красной линии, вдоль которой, видимо, пролегал освященный традицией путь зиарата, подчеркнутая значимость обращенных на эту линию пештаков усыпальниц, сохранение единства композиционного принципа, — все это служит показателем, что возведение данных сооружений было подчинено идее ансамбля. Напомним, что те же тенденции ансамблевой застройки характерны для рассматриваемой эпохи и в Бухаре (мавзолей Сейф ад-дина Бохарзи и Буян-кули-хана) и в Самарканде (Шахи-Зинда). Памятники Гёк-гумбеза красноречиво свидетельствуют о том, что даже на окраине культурных земель, где-то в провинциальном городке, в XIV в. в феодальном зодчестве Хорасана продолжается поступательное развитие, создаются новые формы и разрешаются сложные композиционные задачи.

Наконец, надо отметить, что в архитектурных памятниках XIII—XIV вв. уже вполне наглядно предстают стилистические различия зодчества Южного и Северного Туркменистана. Мавзолеи Куня-Ургенча — Наджм ад-дина Кубра (1322—1332 гг.) и так называемый Тюрябек-ханым[1] (вернее, усыпальница ургенчской династии Сефи, 60 — 70-е годы XIV в.[2]) — являют собой выразительные образцы хорезмской архитектурной школы рассматриваемого периода. Первый из них дает комплексное трехкупольное здание с фронтальным построением фасадной композиции и с резко выделенной плоскостью входного пештака; второй развивает сложную тему портально-шатрового мавзолея, в котором по продольной оси развертывается трехчастная композиция, выраженная сложной комбинацией объемов: возвышенно-плоским порталом, десятигранной призмой основного помещения, увенчанной коническим куполом на стройном барабане, и наконец, купольным строением небольшой гур-ханы. Достаточно сопоставить эти здания с описанными мазара и Гёк-гумбеза или с мавзолеем Абу-Саида Мехнейского в его реконструированном к XIV в. варианте, чтобы ощутить отличие в идейно-образном воплощении однородной архитектурной темы двух родственных, но оригинальных архитектурных школ: хорезмской и северно-хорасанской.

ТРЕТИЙ ЭТАП (XV в.)

Пятнадцатое столетие вписало в историю среднеазиатской архитектуры одну из самых блистательных страниц. Бурная строительная деятельность в городах Мавераннахра при Тимуре была порождением целенаправленной политики «Железного хромца». Самарканд, столица новой мировой империи, становится сосредоточением лучших созидательных сил эпохи. Известно, что по мере завоеваний Тимура из Хорезма и из Азербайджана, из Индии и из Фарса сюда вывозились выдающиеся зодчие, мастера по обработке камня и по изготовлению мозаик, живописцы и каллиграфы,

[1] См. Н. М Бачинский. Памятники Туркмении, вып. 1, стр. 90 и сл.; стр. 53 и сл.

[2] М. Е. Массон. О датировке так называемого мавзолея Тюрябек-ханым в Куня-Ургенче.— «Изв. АН Туркм. ССР», 1952, № 4, стр 86—87.

тысячи ремесленников различных строительных специальностей и, наконец, просто чернорабочие. Мавераннахр, обладавший большим коллективом собственных специалистов, где в XIV в. сформировалась великолепная локальная архитектурная школа, поглощает и растворяет все эти пришлые элементы. К XV в. на базе синтеза лучших архитектурных достижений народов Среднего Востока в процессе разрешения монументальных строительных задач, выдвинутых эпохой, слагается новый стиль, исходные положения которого непосредственно вытекают из строительной практики предшествующего столетия, но который вместе с тем, будучи порожден коллективной активностью мастеров различных локально-стилевых направлений, предстает уже в ином качественном выражении.

Процесс политической децентрализации, который в первой половине XV в. еще завуалирован номинальным вхождением уже полунезависимых областей в состав государства Шахруха, и который особенно отчетливо предстает во второй половине этого столетия, оказывается благотворным в смысле рассредоточения культурно-созидательной деятельности в Хорасан, в Азербайджан, в Ираки-Аджам, в Фарс. В области развития культуры Герат в начале столетия уже находится в отношении Самарканда на положении равного партнера, а в конце он его затмевает. Блеск и показная роскошь, которую культивируют тимуридские отпрыски в своих удельных владениях, присущи в эту пору Тебризу, Исфахану, Ширазу, Иезду, Керману и другим городам. Однако Герат среди них не знает себе равных. Блеск и пышность придворной жизни, меценатство Тимуридов и их феодального окружения, бурное строительство монументальных зданий: мечетей, медресе, мавзолеев, дворцов и т. п., — все это покупалось ценой беспощадной эксплуатации закабаленного трудового крестьянства.

Области Южного Туркменистана в XV в. играют роль одной из окраинных провинций тимуридского государства.

При Тимуридах экономическое значение южно-туркменистанских территорий сводится к роли трех крупных «житниц» — Мерва, Нисы, Абиверда, тучные урожаи которых поступали в пользу тимуридских царевичей и удельных феодалов. Будучи заинтересованы в извлечении податей, Тимуриды предпринимают меры к известному восстановлению сельскохозяйственной жизни районов, заселенных оседло-земледельческим, смешанным таджикско-туркменским населением. Однако Северный Хорасан в эту эпоху уже не мог достичь того процветания, которое в XI — XII вв. было порождено интенсивным развитием феодального строя.

Тимуридские историки-панегиристы всячески превозносят деяния своих царственных покровителей по восстановлению ирригационных систем и возрождению общественной жизни в северно-хорасанских областях. Между тем созданная ими радужная картина «процветания» края блекнет при сопоставлении с объективными данными археологических наблюдений. Восстановление Шахрухом Султан-бендской плотины лишь частично оживило земли Мервского оазиса. Сооружение канала между Мервом и Серахсом, предпринятое Султан-Хусейном Байкарой, о чем сообщает Исфизари[1], не двинулось дальше первоначальных земляных работ по прорытию русла[2]. В при-

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 71.

[2] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 61.

каспийских районах даже не делалось попыток к восстановлению нарушенной системы комплексного искусственного орошения. Отныне здесь пребывают лишь кочевые туркменские племена, передвигающиеся со своими стадами и юртами от колодца к колодцу, и безжизненными руинами высятся стены и строения функционировавших еще в XIV в. городов: Дахистана, Ахура и др.

При всем том вполне очевиден известный подъем в XV в. в Северном Хорасане сельского хозяйства и городской жизни. Последняя иногда возрождается в старых, переживших период монгольского безвременья городах: таковы Ниса, Анау, Абиверд, но иногда она воскресает на новых местах близ населенных пунктов, покинутых к концу XIV в. в силу ряда причин, примером чего является Мерв.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Развалины тимуридского Мерва красноречиво характеризуют общие качества северно-хорасанской архитектуры XV в. Историко-топографическое изучение этого города было начато в 1890 г. проф. В. А. Жуковским и завершено ЮТАКЭ в 1950 г. по немногим сохранившимся с тех пор руинам. Мерв XV в. особенно интересен тем, что возник на совершенно новом месте; он таким образом не унаследовал, подобно другим исторически слагавшимся городам, более раннего скелета улиц, площадей, крепостных стен и пр. Новый Мерв был создан на основе высоких принципов среднеазиатского градостроительства тимуридского периода по четко задуманному плану, осуществленному в пределах нескольких десятилетий.

События воссоздания Мерва в правление Шахруха изложены Хафизи-Абру и Абд ар-Раззаком Самарканди[1], которые сообщают о восстановлении Султан-бендской плотины, очистке каналов, восстановлении разрушенной ирригации. «Когда эта плотина была возведена и вода стала действовать в той области, со всех сторон и концов люди выразили желание и стремление поселиться и остановиться в ней. Отстроили мазары, заблистали мечети, заложили бани и караван-сараи. Во дни его (Шахруха) благополучной державы были устроены и заведены ханаки, медресе, рабаты и мосты»[2].

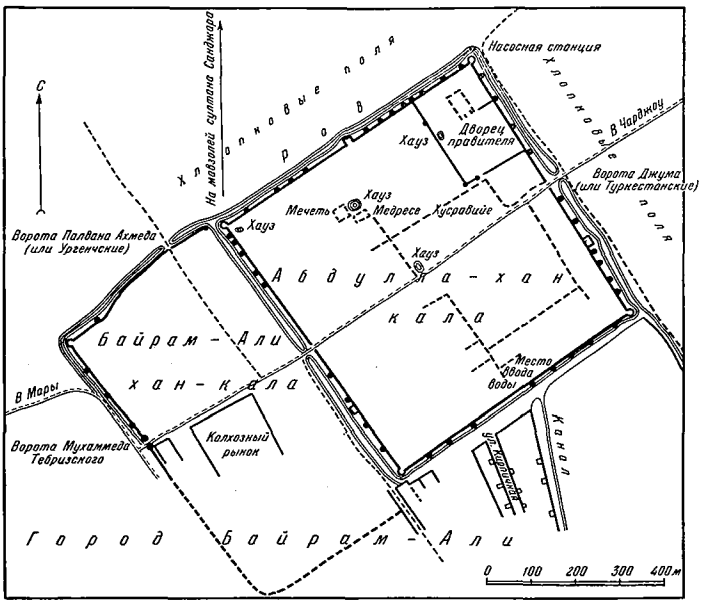
Новый город закладывается Шахрухом на 1 км южнее средневекового Мерва, на слабо заселенных участках былого рабада. Ему соответствуют руины городища Аблулла-хан-кала, лишь с течением времени принявшего это название, которое ошибочно связывает его с деятельностью узбекского хана XVI в. Причина переноса в XV в. Мерва на юг была обусловлена тем, что старые русла каналов Разик и Маджан на территории средневекового города были уже сильно заглублены, что затрудняло подачу воды на городские участки. Разбивка нового Мерва так сказать «на пустом месте» открывала свободу действий для авторов генерального плана города, не связанных условиями скученной частновладельческой застройки и унаследованных от прошлого участков и сети уличных магистралей.

При всей велеречивости описаний тимуридских историков-панегиристов археологически устанавливается, что Мерв Шахруха был невелик. Городище Абдулла-

[1] МИТТ I, стр. 525 и сл.; стр. 530 и сл.

[2] Хафизи-Абру. — МИТТ, I, стр. 525—526.

хан-кала имеет подквадратную форму (630 — 695 м в стороне); оси его ориентированы диагонально к странам света. Оно сбведено крепостными стенами, фланкированными полукруглыми башнями, число которых достигает 44, и опоясано рвом (глубина его в настоящее время — от 4,5 до 8 м при ширине от 10—15 до 30 м у юго-западного отрезка стен). Одни ворота, называвшиеся Воротами Джума или Туркестанскими, так как

План Мерва XV в.

к ним подходила большая дорога из Чарджоу, расположены в середине северо-восточной стены, а другие — в юго-западной; последние вводят в многоугольник примыкающего с этой стороны городища Байрам-Али-хан-кала. Городище это, по данным ЮТАКЭ, было возведено не в поздние времена, как считалось прежними исследователями[1], а в том же XV в. Уже к середине XV в. новый город не вмещает ни разросшегося в связи с оживлением сельскохозяйственной деятельности оазиса населения, ни городских торгово-ремесленных предприятий. Неспокойная эпоха, раздоры среди членов царствующей династии и феодальные междоусобицы выдвигают также задачу усиления обороноспособности города. Археологически установлено, что уже в XV в. произво-

[1] См Д. И. Эварницкий. Указ. соч., стр. 36.

Мерв. Стены и ворота Абдулла-хан-калы.

дятся работы по расширению площади мервского хисара за счет пристройки с южной его стороны добавочного, обведенного стенами прямоугольного отсека. Стихи Навои, восхваляющие двух Санджаров — строителей Мерва: султана Санджара сельджукида и Мирза-Санджара тимурида[1], позволяют считать, что расширение города имело место именно в правление последнего (1454—1457 гг.), и лишь поздняя традиция присвоила этому добавочному обводу нового города имя Байрам-Али-хана, туркменского правителя XVIII в., юрты которого располагались на данной территории. В конце XV в. Мерв не раз посещался Султан-Хусейном Байкарой, который разбивал в окрестностях города свои палатки[2]. Письменные источники сохранили свидетельство о восстановлении этим тимуридом какого-то крупного здания, находившегося в южной части Султан-калы[3].

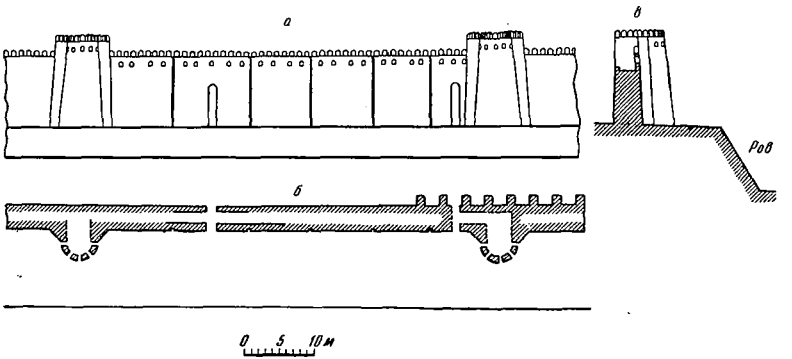
[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 72.

[2] Хондемир. Книга благородных качеств. Пер. М. А. Салье. — Сб. «Родоначальник узбекской литературы». Ташкент, 1940, стр. 195.

[3] В. В. Бартольд. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. — «Сообщения ГАИМК», I, Л., 1926, стр. 212.

Новый прямоугольный отсек города также получил обвод стен, фланкированных полукруглыми башнями. Он имел двое ворот: юго-западные (так называемые Ворота Махмуда Тебризи) и северо-западные (Ворота Пахлаван-Махмуда, или Ургенчские, так как к ним подходит большая дорога из Хорезма).

Крепостные стены «хисара» — укрепленной части ранне-тимуридского города сложены из сырца размером 24 × 24 × 5 см. Общая толщина стен достигает 3 м. Судя по некоторым участкам, местами они заключали внутристенные проходы или потайные камеры. В ряде мест стены с внутренней стороны оформлены настенными аркадами; арки

Крепостные стены Мерва XV в.

а) Реконструкция фасада; *б*) план; *в*) разрез.

стрельчатые, основанные на 1,5-метровых устоях. Видимо, они создавали общее уширение тех верхних площадок, на которых в дни осад располагались участники обороны. Снаружи стены ровные. Архитектурное оформление их составляли зубчатый парапет, бойницы под ним и особые вертикальные керамические желоба корытообразного сечения, идущие от парапета до низа стен на расстоянии 8—10 м друг от друга и сделанные в целях предохранения стен от размыва дождевыми и талыми водами. Своеобразную, необычную для раннесредневековой фортификации деталь этих стен составляют глухие арочные нишки, размещенные в числе двух-трех в межбашенных пролетах стен. Они, видимо, служили калитками для вылазки защитников города. Составляя вместе с тем уязвимые, демаскирующие участки стен, эти калитки были впоследствии наглухо забиты пахсовыми блоками или комьями глины.

Крепостные башни сложены из того же сырца, что и стены; они возвышаются на расстоянии 25—40 м друг от друга. В плане башни полукруглые, как бы примкнутые к косым (под 45°) срезам кладки. Башни были двухэтажными и содержали две небольшие камеры; они несколько возвышались относительно стен. Обстрел осуществлялся из-за зубцов парапета или через бойницы верхней камеры.

Крепостные ворота были сложены из жженого кирпича. Они выступали в виде развитого пештака со стрельчатой аркой въезда и мощными круглобашенными устоями. Подобная схема ворот очень типична для тимуридской эпохи, о чем свидетельствуют некоторые миниатюры XV в., и сохраняется в среднеазиатском зодчестве в течение ряда столетий (ср. ворота XVI в. Бухары, XVIII—XIX вв. — Хивы и др.).

План тимуридского Мерва подчинялся регулярной планировочной схеме. Главная магистраль рассекала его на равные половины. Судя по микрорельефу, сеть основных улиц шла параллельно крепостным стенам. В северо-восточном углу хисара располагался арк. Он прямоугольный в плане (225 × 150 м) и опоясан стенами, фланкированными округлыми башнями. Материалом служил тот же сырец размером 24 × 24 × 5 см, что и в кладках городских стен. Внутри размещались правительственный дворец, большой хауз, хранилища и пр. У западной стены обнаружены остатки железообрабатывающего производства.

В северной половине города находился главный культовый ансамбль: мечеть, медресе и обширный хауз. Местоположение главной рыночной площади не определено. Что касается жилых кварталов, то их характеризует большая скученность частновладельческой застройки.

Город был не лишен элементов известного благоустройства. Посередине его, под главной улицей, ведшей от ворот к воротам, обнаружен тазар, т. е. канализационный сток для дождевых и талых вод. В основании тазара проложены корытообразные желоба (шириной 55 см); с боков он имеет кирпичные стенки высотой до 30 см, сложенные из жженого кирпича различного формата, принесенного со зданий средневекового Мерва, и перекрыт трапециевидным сводом, выведенным наклонными «отрезками». Воды сбрасывались в ров у северо-восточной стены хисара. Во дворах жилых домов выявлены особые сливные ямы или поглощающие колодцы в виде небольших, но глубоких подземных цистерн. Стенки их выложены жженым кирпичом, перекрытия — в виде куполков.

Мерв Шахруха дает пример типового планировочного решения небольшого хорасанского городка XV в. Нетрудно убедиться, что это решение ни в коей мере не отвечает той топографической схеме, якобы неизменно присущей феодальным городам Среднего Востока, которая была намечена В. В. Бартольдом и критика которой уже приведена нами в другом месте. Характерная черта градостроительного принципа тимуридского Мерва: геометризм основных планировочных приемов; квадратный план; главная магистраль, рассекающая его посередине; перпендикулярные к ней поперечные улицы; выделение одной из четвертей города для правительственного комплекса, включающего арк-цитадель и дворцовые строения; выделение культового ансамбля.

О планировке новой части Мерва, созданной при Мирза-Санджаре, сунить весьма затруднительно, так как в настоящее время на него надвинулись постройки и рынок города Байрам-Али. Несомненно лишь, что принципы были те же, что и в городе Шахруха. Главная улица лежала на продолжении главной магистрали раннетимуридского города, рассекая новый отсек надвое; контур его опоясывали стены, фланкированные полукруглыми башнями, и ров. Стена, разделявшая ранне- и позднетимуридский город, не была уничтожена видимо с определенной целью: служить

заградительным рубежом на случай, если бы при осаде врагом была занята одна половина города.

Судить о планировке других городов Южного Туркменистана XV в. до постановки раскопочных работ затруднительно. Число их в общем невелико. Следует упомянуть Дурун, лежавший вверх по течению магистрального канала, почти в 20 км к югу от былого главного города данного района — Языра (городище Шехр-Ислам). «Перехватив» воду, Дурун окончательно подорвал жизнь в Языре, которая, судя по археологическим данным, еще продолжалась там в XIV в. Население перекочевывает в Дурун, разбирая воду канала на орошение полей в его верховьях[1]. Самый Дурун — это хисар, т. е. хорошо укрепленный город. Как и в Анау, план его был унаследован от средневековья. Дурун прямоуголен, обведен сырцовыми стенами и содержит в северо-восточном углу цитадель.

Об интенсивности городской жизни Нисы XV в. свидетельствуют комплексы разнообразных археологических объектов: керамика, намогильники, монеты. Великолепные, обязанные еще парфянской эпохе крепостные качества города предопределяют собой то, что жизнь и в эту пору сосредоточивается в пределах средневекового шахристана и цитадели и отчасти в рабаде. Работами ЮТАКЭ установлено, что в восточной части Нисы размещался богатый квартал местной феодальной верхушки, что в Нисе XV в. было развитое ремесленное производство, что усадьбы и дачи богатых землевладельцев размещались на территории былого рабада[2]. Однако выделить топографию жилой и общественной застройки для XV в. в таком «многослойном» городище, как Ниса, не представляется возможным.

На примере Куфена (городище Чугундор) наглядно видно, насколько в XV в. была сокращена заселенная часть его территории сравнительно с габаритами города XI—XII вв. В XV в. обжита была в основном его северо-западная часть, где осуществляется застройка площадей, свободных от руин более ранних сооружений. В Абиверде, главном городе одноименной области, был заселен основной прямоугольник средневекового шахристана и лишь частично былой обширный рабад. Мехне, который в XI — начале XII в. представлял собой оживленный торговый и сельскохозяйственный городок, в эту пору уже именуется «селением»[3] и известен по преимуществу своим «машадом» — мавзолеем и ханакой шейха Абу-Саида, где в XV в. проживали шейхи, с которыми поддерживал переписку сам Джами[4], — подлинные и мнимые потомки Абу-Саида, облеченные правами феодального владения на окрестные земли. В XV в. здесь была обжита лишь территория раннесредневекового рабата Зак'ал в то время как обширная площадь разоренного гузами Мехне XI — первой половины XII в. по-прежнему лежала в развалинах.

[1] См. Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова. Изучение Така-Языра Дуруна. — «Труды ЮТАКЭ», т. I, 1949, стр. 294 и сл.; Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 283 и сл.

[2] См. М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — «Труды ЮТАКЭ», т. I; М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 г. (там же); Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. (там же); М. И. Вязьмитина. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. II.

[3] Хафизи-Абру. — МИТТ, I, стр. 528.

[4] «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 152.

Вообще в списках населенных пунктов Северного Хорасана XV в. фиксируется очень малое количество городов при довольно значительном (хотя и далеком от цифры домонгольского времени) числе селений, чем подчеркивается сельскохозяйственная в основном деятельность всей этой обширной области. Примером одного из таких городков-селений является Анау. Название это позднее (искаженное Обинау, т. е. «Нововодск»); по вполне обоснованной догадке А. А. Марущенко, в XVI—XVII вв. оно именовалось Багабадом[1]; однако в XV в. название это письменными источниками не отмечено и видимо было иным. Жизнь в Анау в эту пору была сосредоточена преимущественно на территории раннесредневековой цитадели. Площадь основной заселенной части не превышала 9 га. Крепостные стены отсутствовали. В эту пору были отстроены великолепная мечеть и сардоба. Вокруг простирались поля, огороды и сады, орошенные водами горного сая Лоин-чай.

Основные архитектурные объекты застройки населенных пунктов XV в. составляли жилые дома, рыночные здания, ремесленные мастерские, местные мазары (обычно при кладбищах), а в городах также соборная мечеть, медресе и дворец правителя области. Несмотря на несколько провинциальный характер, архитектура Северного Хорасана несет в себе ряд черт, типичных для всего среднеазиатского зодчества XV в.

ГРАЖДАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА

Строительным материалом жилых домов XV в. остается сырец. Однако цокольная часть нередко сложена из жженого кирпича (так было в Нисе и в Мерве, где, впрочем, кирпич брался со старых построек XI—XII вв.). Инженерные сооружения — мосты, сардобы, тазары — возводятся целиком из жженого кирпича на превосходных ганчевых и известково-пуццолановых (кыровых) растворах. Жженый кирпич применяется также в архитектуре монументальных зданий культового назначения: мечетях, ханака, медресе. В числе декоративно-облицовочных материалов, употребляемых в Нисе и в Анау, отмечены наборные резные мозаики. Плитки, из которых изготовляются элементы набора, выполнены на силикатном черепке-кашине, политом яркими глазурями синего, голубого, белого, зеленого и желтого цветов. Техника изготовления их, как и самые методы нанесения набора идентичны тем, которые получили в эту пору столь широкое распространение и столь блистательное выражение в архитектуре Самарканда и Герата. В архитектурном декоре построек Мерва, Нисы и Анау употребляются также цветные глазурованные кирпичи — синие, белые и голубые, которыми на фоне гладко притертого жженого кирпича выкладываются различные гирихи и куфические надписи.

Находка в Нисе, Керках, Мерве, Меане и Талхатане целой группы разных намогильников[2], покрытых великолепной резьбой растительного и эпиграфического

[1] А. А. Марущенко. Существенные поправки. — «Туркменоведение», 1930, № 12.

[2] См. В. А. Жуковский. Указ. соч., табл. VI—VIII; М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 82 и сл. Намогильники в г. Керки и в Меана обнаружены и обследованы М. Е. Массоном и автором в 1948 и 1949 гг.

Мерв. Развалины дворца XV в. в Абдулла-хан-кале.

орнамента, свидетельствует о наличии в Северном Хорасане, наряду с Мавераннахром и Южным Хорасаном, высоких традиций резьбы по камню. Однако плит, явно принадлежащих облицовке панелей или стен, пока не обнаружено, в силу чего нельзя утвердительно говорить об использовании резного камня и в архитектуре.

Архитектурных сооружений XV в. на территории Южного Туркменистана сохранилось немного. Но даже наличного числа их достаточно, чтобы составить суждение о той эволюции, которую претерпело в эту пору местное зодчество.

Дворец XV в. в Мерве

Руины построек гражданской архитектуры можно видеть (или можно было видеть в прошлом столетии) в Мерве в границах тимуридского города и за пределами его крепостных стен. К их числу относятся остатки правительственного дворца в цитадели и загородной дворцовой постройки южнее тимуридского Мерва.

Дворец в цитадели сооружен из сырцового кирпича размерами 24×24×5 см на глиняном растворе. Снаружи он оштукатурен глиной; на внутренних стенах сохранились следы ганчевой штукатурки. Описание руин содержится у ряда авторов, посетивших в прошлом столетии Мерв (Конноли, О'Донавана, Жуковского и др.). Ныне от здания сохранились лишь отдельные участки стен.

Мерв. Иморат и дарваза к северу от Абдулла-хан-калы.

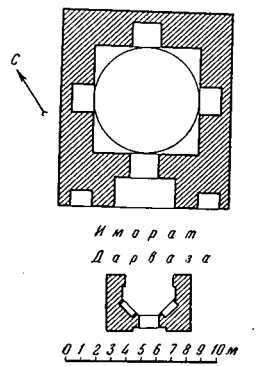
Дворец прямоуголен (около 40×45 м по внешнему периметру) и заключает внутри двор (25×30 м), обведенный двухэтажной застройкой[1]. Высота его достигала 15 м, если же допустить наличие над крышами легких галерей — балахана, то и 20 м. Междуэтажные перекрытия и крыши были основаны на балках, многочисленные гнезда которых сохранились в стенах. В массиве кладок было заделано большое число деревянных связей. Отделка стен была очень проста. Внешние поверхности членились слегка рельефными лопатками на узкие и широкие прямоугольные панно с декоративным выделением линии раздела двух этажей. В узких прямоугольниках панно были вписаны фигурные арочки фестончатого очертания (типа «даури-пая»). В интерьерах комнат были сделаны глубокие нишки-таббадоны для утвари.

К главному зданию дворца примыкал комплекс одноэтажных построек, конюшен, служб и пр.

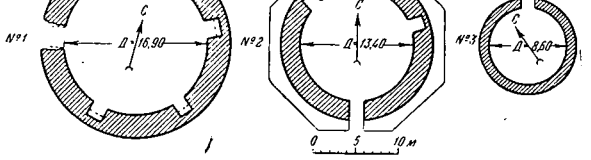
Архитектуре мервского дворца нельзя отказать в импозантности замысла и монументальности форм, хотя в общем он не может идти ни в какое сравнение с роскошными дворцами XV в. в Самарканде, Шахрисябзе, Герате, строившимися из жженого кирпича и роскошно отделанными мрамором, изразцами и живописью.

[1] О'Донаван ошибочно писал о трех этажах (см. В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 103).

Иморат Севернее крепостной стены тимуридского Мерва сохранилось сырцовое сооружение той же эпохи. В настоящее время можно говорить о двух постройках, которые однако принадлежали одному ансамблю. Первая представляет собой ворота-дарваза, оформленные в виде небольшого пештака со стрельчатой нишей снаружи и с глубокой полувосьмигранной нишей-конхой с тыльной стороны. Строго на оси ворот на расстоянии 28 м высится крупное строение. Оно также выведено из сырца размерами 27×27×5,5 см. Здание содержит единственное квадратное в плане высокое помещение, на осях которого лежит по глубокой нишке. Между тем во внешнем оформлении постройка трактована как двухэтажная. Главный фасад заключает возвышенный айван с глубокой аркой, по обе стороны которой расположены в два яруса декоративные ниши-лоджии, перекрытые звездчатыми полукуполками, конструкция которых выполнена из глины и оштукатурена ганчем. Боковые фасады здания имеют два яруса плоских настенных ниш и арочек. Стены интерьера также оштукатурены глиной, при помощи которой выполнены различные детали моденатуры: тяги, обрамления и пр., покрытые поверх ганчевой обмазкой. В тимпанах ниш здесь сохранились остатки резаного на ганче орнамента типа «мадахили-бадам», характерного для орнаментики изразцовых тимпанов XV в. К последней дате нас, бесспорно, склоняет и характер упомянутых звездчатых полукуполков, являющих собой один из типичных для этого времени вариантов системы щитовидных парусов, известных уже в мечети Анау (1456 г.) и Ишрат-хане (1464 г.)

Мерв. Руины имората XV в. План.

Мерв. Планы снегохранилищ.

Что же представляла собой эта постройка? Высказывавшееся предположение, будто это руины мечети, невозможно прежде всего из-за ориентации, так как предполагаемые «михрабные» ниши обращены на север. Перед нами здание иного назначения: это парадный парковый павильон — «иморат» — монументальное здание, сто-

Мерв. Снегохранилище.

явшее в саду одного из мервских богачей; вход в сад был оформлен особой постройкой— дарваза. Пригородное местоположение указывает, что это был «чар-баг»—парк, куда владелец выезжал на лето из густо застроенного хисара.

Согласно правилам среднеазиатского садово-паркового строительства, изложенным в земледельческом трактате «Иршад аз-зераа», составленном в Герате в начале XVI в., при разбивке типового чар-бага рекомендуется именно такое расположение имората на главной оси аллеи, ведущей от ворот. По обе стороны главной аллеи разбиваются газоны, лужайки и посадки плодовых и декоративных деревьев и кустарников. Перед иморатом располагается «пешгох» — парадная площадка, иногда вымощенная плитками, с бассейном посередине. Примеры такого рода архитектурных решений представлены на целом ряде миниатюр XV—XVI вв.[1]

В композиции мервского имората следует отметить ряд характерных черт. Несмотря на его парадный характер, он выстроен из сырца, в чем сказывается приверженность к этому материалу в мервском строительстве, запечатленная еще на жилых и дворцовых постройках XI—XII вв. Интересно, что тема верхней настенной аркатуры, генезис которой прослежен для южно-туркменистанских построек XI—XIII вв., здесь также сохранена. Главный фасад павильона с его возвышенным айваном и боковыми крыльями, оформленными двухярусными лоджиями, повторяет прием, обычный

[1] Г. А. Пугаченкова. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и тимуридов. — «Труды САГУ. Новая серия», вып. XXIII, Ташкент, 1951, стр. 152 и сл.

для построек Хорасана XV в., как гражданских, так и культовых. Аналогии ему дают описываемая ниже мервская мечеть, мечеть в Туруке, мечеть в Анау и др. Такое единообразие форм монументальных сооружений культового и светского зодчества составляет одну из типичных черт феодальной архитектуры на всем Среднем Востоке.

Снегохранилища

В мервской архитектуре XV в. сырец как строительный материал сохраняет ведущее значение даже в постройках инженерного назначения. К числу их относится особая группа крупных сырцовых купольных сооружений, сохранившихся между Султан-калой и Абдулла-хан-калой, т. е. как раз на землях, где в XV в. располагались дачи и загородные усадьбы. Д.И. Эварницкий считал их холодильниками для скопления в них дождевой воды[1], что энергично оспаривалось В. А. Жуковским, который определил их, как «обычный до сих пор в Персии (Хорасане) тип общественных ледников, в которых сложенный лед может сохраняться несколько лет»[2]. Тем не менее еще в наши дни исследователи, упоминавшие в своих публикациях об этих сооружениях, определяют их именно как «сырцовые сардобы-водохранилища»[3].

Между тем в вопросе о назначении, безусловно, прав В. А. Жуковский. По своей архитектуре — строительным материалам, приемам, архитектурному силуэту они совершенно идентичны некоторым функционирующим поныне ледникам-яхтангам в пограничных с Туркменией областях Ирана (например в Зафарани, в Гульпайгане, в прикаспийских районах и др.)[4]. Правильнее однако было бы именовать их «снегохранилищами», так как в них сохраняется не лед, но плотно набитый зимой снег, который покрывается сверху прессованным слоем янтака (верблюжьей колючки). Использование данных сооружений в мервской группе развалин в качестве водохранилищ сардоб исключено: ни одно из них не имеет резервуара для воды. Кроме того, в сардобах кладка по крайней мере до уровня стока по желобам талых вод должна быть осуществлена из жженого кирпича, так как сырцовые кладки вскоре же были бы размыты; между тем кладка мервских снегохранилищ целиком выполнена из сырца, иногда в комбинации с пахсой. Архитектурно снегохранилища Мерва представляли собой ряд огромных сырцовых куполов, водруженных прямо на земле и имеющих вытянутый ульеобразный силуэт.

Ниже приводится описание трех построек этого рода, изучавшихся нами в 1950 г. Порядковая нумерация их (№ 1, 2, 3) была дана условно в процессе обхода.

Снегохранилище № 2 расположено близ описанной выше пригородной дачи XV в. с иоратом и, судя по подъемному археологическому материалу, а также по стандарту сырца, датируется именно этой эпохой. Постройка выведена из сырцового кирпича 24×24×5 см на глиняном растворе. Она заключает круглое помещение более чем 13-мет-

[1] Д. И. Эварницкий. Указ. соч., стр. 48.

[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 150.

[3] В. И. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, стр. 71; Н. М. Бачинский. Искусство старых зодчих Туркмении, стр. 12; Н. Коробков. Старый Мерв и проблемы ирригации. — «Советское краеведение», 1935, № 1.

[4] A. Godard. Voûtes iraniennes.—AI, t. IV, fasc. II, Paris, 1949, стр. 231, фиг. 196—198.

Мерв. Снегохранилище. Деталь кладки.

рового пролета, основанное на восьмигранной по наружному контуру платформе. С юга располагается вход, в северной трети — две глубокие нишки. Кладка купола идет от самого уровня земли и осуществлена кольцевыми рядами. Силуэт почти конический; крутой изгиб кривой начинается примерно в двух третях высоты, с этого уровня во внутренней кладке введены концентрические пояса из диагонально-заделанных сырцовых кирпичей, обеспечивающих лучшую перевязь рядов. Над вторым из этих поясов (считая снизу) введен также ряд поперечно-заделанных тонких балочек, концы которых выступают из кладки. Они осуществляли добавочную связь, а также может быть использовались в процессе выведения купола в качестве подмостей для строителей. Кладка кольцевых рядов купола осуществлена с некоторым свесом их, в силу чего внешний контур получает уступчатое очертание.

Снегохранилище № 3, круглое в плане (внутренний диаметр 8,60 м) сложено в основании из двух рядов пахсы (1,00 и 0,60 м). Над ними проходит ряд часто расположенных гнезд былых деревянных связей. Вся купольная часть выведена из сырца «тимуридского» стандарта — 25×25×4,5 — 5 см на глиняном растворе. Вблизи видны остатки строений былой усадьбы; рассеянный здесь керамический материал относится по преимуществу к XV в. Вход расположен с севера. Прием кладки купола, три пояса диагонально-заделанных кирпичей, расположенных в верхней его половине, принцип выведения сырцовой арки входа,— все эти конструктивные детали

совершенно идентичны снегохранилищу № 2. Оба здания, видимо, близки по времени сооружения.

Наиболее грандиозное снегохранилище № 1 расположено восточнее двух описанных, к югу от Гяур-калы. Его внутренний диаметр в уровне пят достигает 17 м, а наружный — 23 м. Кладка до уровня арочных пят выполнена двумя рядами пахсы, далее — до замков арок — 25 рядами сырца; выше следует еще ряд пахсы, после чего идет лишь сырцовая кладка. Размер сырца 27×27×6 см, раствор глиняный.

Купол выведен кольцевыми рядами. С уровня, где кривая его становится все более крутой, введено 7 концентрических рядов балочек, заделанных наискось в кладку; неспиленные концы их торчат и по настоящее время. Арочки ниш и входного проема выведены в два ряда клинчато-положенного жженого кирпича размером 28×28×5,5 см на плотном глиняном растворе. Ориентация входа почти на север. По периметру помещения расположено 4 глубоких арочных ниши; от основания ниш и на высоту до 10 м в кладке купола оставлена пазушная щель. Устройство этого рода в других снегохранилищах Мерва нам наблюдать не удалось.

Датировка здания № 1 может быть несколько более ранняя, чем двух других; судя по топографическому положению и по типу строительных материалов, оно, возможно, относится еще к XII в.

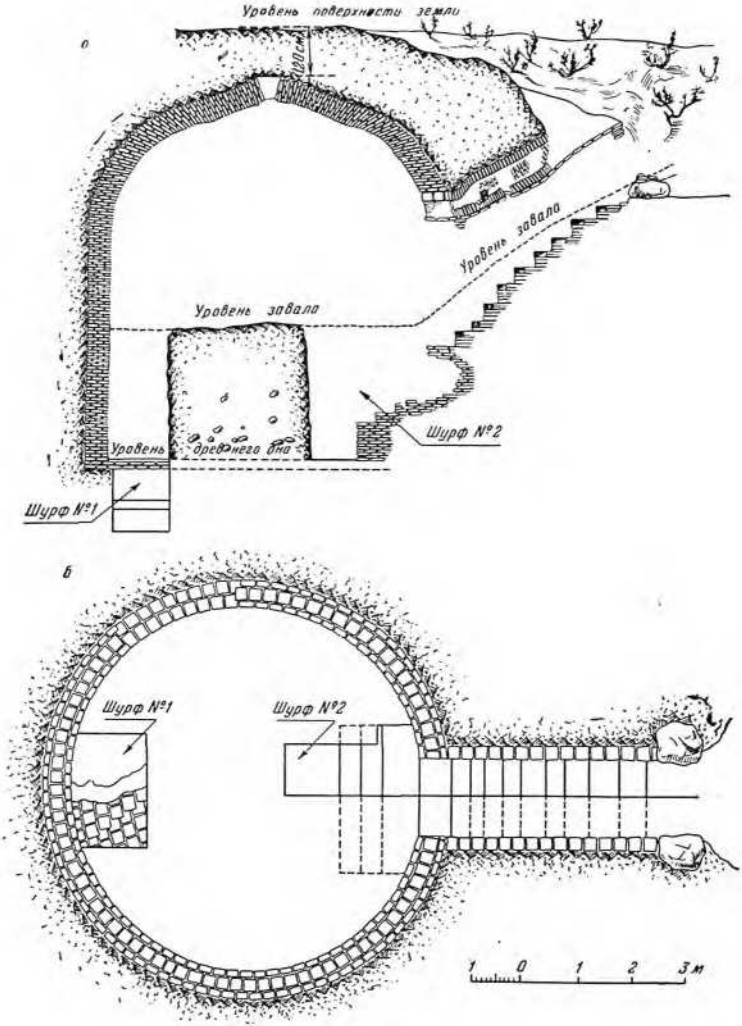
Общий облик мервских снегохранилищ очень монументален, кладка идет с постепенным сужением кверху, выраженным снаружи уступами. Их величавые силуэты, выступавшие среди зелени садов, играли роль своеобразных высотно-объемных элементов в пригородном пейзаже позднего Мерва.

Сардобы

XV веком датируется в своей основе мервская сардоба, расположенная близ ансамбля построек у могил асхабов в южной части Султан-калы. Однако пришедшая позднее в ветхость сардоба была заново переложена уже при русских, из европейского кирпича.

Представление о сардобе XV в. дает таковая, расположенная почти в центре крепости Анау. Возведение ее близко ко времени сооружения знаменитой мечети города Анау (1456 г.). Она имеет круглый резервуар внутренним диаметром 6,50 м. С востока расположен ступенчатый спуск на глубину до 2,80 м от дневной поверхности. С этого уровня резервуар углублен еще на 2,80 м. Максимальная вместимость сардобы достигала 200 000 л воды. Три сточных желоба расположены на высоте 5 м от пола. Перекрытием служил купол коробового очертания, сильно деформированный от времени. Кладка стен и купола сардобы осуществлена из жженого кирпича размерами 25×25×5см на лёссо-гипсовом растворе. Сечение стены и купола — в два кирпича вперебежку швов (употреблены целые кирпичи и половинки их).

Пол оказался трехслойным. Основание было залито 40-сантиметровым слоем глиняной массы, смешанной с известковым тестом. Слой этот служил целям водоизоляции и предохранения от утечки воды. На нем был уложен пол в два ряда жженого кирпича на гидравлическом растворе, смазанный поверх известью с большой добавкой камышевой золы и затертый поверху до состояния плотной стекловидной поверхности. Оба этих раствора принадлежат к группе так называемых известково-пуццолановых (кыровых — в местной терминологии) и обладают высокой водостойкостью, приближаясь по своим технологическим качествам к самым высоким маркам современных

Сардоба в Анау.

а) Разрез по оси входа; *б*) план (с показанием системы кладки).

гидравлических растворов. Верхний слой пола сардобы, который не всегда находился в условиях водного режима, был не только водонепроницаемым, но также и воздухостойким[1].

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

Мечеть и медресе Мерва

В рассматриваемую эпоху наиболее монументальны масштабы зданий культовой архитектуры.

Еще в прошлом столетии на городище Абдулла-хан-кала высились руины мечети, описание которых содержится у Д.И. Эварницкого, Е.Л. Маркова и В. А. Жуковского[2]. В настоящее время былое местоположение ее в северной части мервского хисара отмечено лишь старыми траншеями от выбранного вплоть до фундаментов кирпича.

Несомненно, что это и есть упоминаемая в письменных источниках XV в. мечеть тимуридского Мерва, сооружение которой начато было при Шахрухе (около 1417 г.)[3]. Она действовала еще в XVII в.: в 1600 г. при Шах-Аббасе в этой мечети в присутствии толп народа читалась хутба на имя шиитских имамов[4]. К XIX в. мечеть уже была полуразрушена.

Мечеть имела обширный купольный зал, открытый наружу стрельчатой аркой монументального пештака. Вокруг основного зала располагалась анфилада одноэтажных помещений, сообщавшихся по боковым фасам с главным залом тремя проходами. Планировочный и общекомпозиционный принцип его повторен в мечети-ханаке Файзабад под Бухарой, отстроенной в 1598—1599 гг. Дустом Диван-биги[5]. Может быть и мервская мечеть одновременно использовалась в качестве ханаки.

Наружные стены мечети лишены какого бы то ни было архитектурного декора. Стены интерьеров были оштукатурены белым ганчем, по которому синей краской были нанесены местами геометрические орнаменты.

Общие пропорции мечети Мерва очень величавы. Пештак имел в центре стройную арку (до 6,50 м в пролете и до 10 м высотой) с косым срезом архивольта; пилоны оформлены двумя глухими настенными арочками, разделенными узкими прямоугольниками; по обе стороны к пилонам примыкали одноэтажные боковые крылья, заключав-

---

[1] Среди других инженерных сооружений Южного Туркменистана может быть именно XV в. следует датировать два больших кирпичных моста, руины которых застали в прошлом столетии русские: Таш-кепри на р. Кушке и Пули-хатун на Теджене. Первый их них имел 8 арочных пролетов, второй видимо 5 или 6; арки были основаны на мощных быках, причем у Пули-хатун основания последних волнорезами выдавались вперед. Окончательное разрешение вопроса о датировке этих мостов возможно лишь после обследования их остатков. Рисунки, исполненные в 1885 г. А. Алихановым, опубликованы в кн.: А. И. Дмитриев-Мамонов. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге. СПб., 1913, стр. 9 и 34.

[2] Д. И. Эварницкий. Указ. соч., стр. 37—38; Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии, т. I. СПб., 1901, стр. 307—308; В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 142, рис. 13 и 14.

[3] Хафизи-Абру.—МИТТ, I, стр. 526; Абд ар-Раззак Самарканди.—МИТТ, I, стр. 530.

[4] Сведения Искандера Мунши; см. В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 78.

[5] В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 67; Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, рис. 84 (план Файзабада).

Мерв. Мечеть XV в.

шие арочные проходы. Первоначальная высота пилонов может быть соответствовала общей высоте пештака, но может быть ограничивалась по высоте двумя настенными арочками и тогда композиция имела бы трехъярусное пирамидальное построение с нарастанием от краев к центру.

Купол стрельчатого начертания покоился на восьмигранном барабане, на диагональных гранях которого выступали ничем не замаскированные тромпы в форме сомкнутых сводов. Характер этой конструкции несколько архаичен и живо напоминает хорасанские купольные сооружения XI—XII вв., свидетельствуя о стойкой приверженности к местной традиции. Купол этот уже в дальней перспективе придавал зданию очень монументальный облик. Силуэт мечети несколько распластан, формы строги и просты. Однако отсутствие каких-либо элементов декоративного убранства придавало архитектурным членениям мечети известную сухость и создавало впечатление незавершенности здания. Организация фасадной и объемной композиции мервской мечети близка к мечети 1433—34 г. в Туруке (Иранский Хорасан)[1].

По сведениям О'Донавана и В. А. Жуковского[2], перед зданием мечети располагался двор с бассейном для ритуальных омовений. К югу от нее находилось рухнувшее медресе, вход в которое вел со стороны двора мечети. Есть все основания к отождествлению его с упоминаемым Хондемиром медресе Хусравийе, воздвигнутым в Мерве

[1] A. Godard. Khorasan, стр. 128 и сл.

[2] O'Donavan. The Merv Oasis. London, 1882; В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 142.

Портал мечети.

во второй половине XV в. Алишером Навои, где обучалось множество студентов, которым Навои назначил стипендию[1]. Об архитектуре медресе можно судить лишь по тем жалким остаткам, которые застал и опубликовал В. А. Жуковский[2]. План здания традиционен, заключая двор, обведенный кельями-худжрами, расположенными по периметру, с двумя сводчатыми айванами на осях. Айван имеет обширную тяжеловесную в пропорциях арку; устои его оформлены двумя глухими широкими настенными арочками. Очерк кривых очень сухой: с крутым изгибом в нижней трети у пят, а далее почти спрямленный. Также как и мечеть, медресе не имело типичных для XV в. полихромных облицовок. Характерной деталью декора является введение в тимпаны больших и малых арок фигурной кладки горизонтально и вертикально расположенного кирпича. Несомненно, что здесь налицо подражательный прием — имитация тех кладок «в елку», которые с таким разнообразием использовались в архитектуре Южного Туркменистана в XI—XII вв. Однако в мервском медресе XV в. уже утрачена былая виртуозность их применения: узор примитивен; косые линии кирпича

[1] А. Шарафудинов. Алишер Навои. Ташкент, 1948, стр. 56.
[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 142—143, рис. 15 и 16.

Мерв. Руины медресе Хусравийе в Абдулла-хан-кале.

в тимпанах главный арки зрительно мешают восприятию арочной кривой и не имеют отчетливых границ. Отметим, что аналогичная выкладка тимпанов «в елку» употреблена в Гератской соборной мечети, реставрированной Навои в 1498 г.[1]

Интерьеры худжр мервского медресе были покрыты ганчевой штукатуркой.

Принцип ансамблевого сочетания медресе и мечети (в данном случае медресе и мечети-ханаки) обычен в архитектурном строительстве тимуридской эпохи. Иногда две этих постройки располагались на оси одна напротив другой, в принципе «кош» (соборная мечеть Тимура и медресе Ханым; медресе и ханака Мухаммед-Султана в Самарканде); иногда они стояли в парной композиции рядом друг с другом со строгим соблюдением параллельности осей (медресе и Мусалля Гаухар-шад в Герате); иногда медресе примыкало к зданию и двору мечети (медресе Дор ут-тиляват и мечеть Кок-гумбез в Шахрисябзе). Именно последний композиционный прием развит в комплексе мечети и медресе тимуридского Мерва. Отметим, что такого рода сочетание мечети и

[1] O. Niedermayer. Afghanistan. Leipzig, 1924, табл. 150. О реставрации гератской Джума-мечети см.: Хондемир. Указ. соч. — Сб. «Родоначальник узбекской литературы», стр. 192—194.

Мавзолеи асхабов. Общий вид.

медресе, вход в которое осуществлялся со стороны двора мечети, будет повторено в начале XVI в. в ансамбле зданий при гробнице шейха Сефи в Ардебиле.

Мавзолеи асхабов

Среди построек тимуридского Мерва значительный интерес представляет комплексное здание у гробниц асхабов. Фотографии его публиковались неоднократно; краткое описание приводят О'Донаван, Д. И. Эварницкий, В. А. Жуковский и др.[1] Однако специальное историко-архитектурное изучение памятника было произведено лишь в 1950 г. архитектурным отрядом ЮТАКЭ.

Имена погребенных здесь асхабов, т. е. сподвижников пророка Мухаммеда: ал-Хакам ибн-Амр ал-Гифари и Бурейда ибн ал-Хусейб ал-Аслами. Первый из них прибыл в Мерв в 665 г.; он совершил поход в Тохаристан, где сломил силы «неверных», и вывез оттуда множество пленных и богатую добычу; скончался в Мерве в 670 г. и здесь же был похоронен. Бурейда, согласно традиции, был якобы прислан в Мерв самим Мухаммедом; он прибыл сюда из Басры и умер в 681 г.[2] Оба они были похоронены рядом друг с другом, причем вскоре же, видимо, мусульманское духовенство создало у их могилы подобающий культ. Уже Самани (XII в.) и Якут (начало XIII в.) свидетельствуют о почитании обеих могил[3]. Эти могилы располагались в квартале Джассин «в верхней части города», игравшем в ту пору роль кладбища и именовавшемся Танургарон

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 127—128, рис. 7.
[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 10—11.
[3] МИТТ, I, стр. 329 и 332.

Архитектурный ансамбль у могил асхабов.

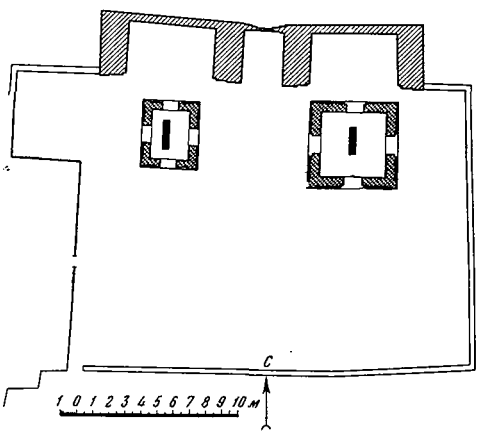
(«мастера печей» — видимо, намек на расположенный здесь некогда квартал этих ремесленников). Действительно, могилы асхабов лежат в южном обводе Султан-калы (т. е. в верхней части средневекового Мерва), а вокруг них простирается древнее, действующее поныне мусульманское кладбище. Во времена Хафизи-Абру (XV в.) ворота южного обвода назывались Воротами знаменосца в честь Бурейды и Хакама, «знаменосцев пророка».

Сами могилы асхабов расположены в расстоянии около 15 м друг от друга. Они украшены резными мраморными надгробиями в форме параллелепипедов, на которых вырезаны витиеватые надписи, содержащие генеалогические данные асхабов, даты их кончины и выспренные восхваления. Резьба глубокая, изысканная, сочетающая эпиграфические мотивы с растительной орнаментацией. Общий стиль ее, близкий к аналогичным мемориальным памятникам Самарканда и Герата XV в., с несомненностью указывает на тимуридскую эпоху. В. А. Жуковский был склонен постановку этих намогильников связывать с деятельностью Шахруха, «обновителя мервских пепелищ»[1].

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 134.

Над каждым из намогильников воздвигнут купольный киоск; квадратный — над могилой Бурейды и прямоугольный, меньший по размерам,— над могилой Хакама. Материалом служит жженый кирпич продолговатого русского образца; перекладка этих построек имела место в начале XX в. (до 1910 г.) и была осуществлена вдовой Нур-Берды-хана — Гульми-Джемаль-бай[1].

Между тем еще на снимках прошлого столетия можно видеть, что полуразрушившиеся к тому времени надмогильные киоски были воздвигнуты из квадратного кирпича, причем тот, что возвышался над прахом Бурейды, был украшен орнаментальной кирпичной выкладкой, построенной на сетке диагональных квадратов. Сооружение его было осуществлено в ту же пору, когда были поставлены мраморные надгробия и воздвигнуто большое двухарочное здание, т. е. в XV в., так как, по словам О'Донавана, для украшения были использованы точно такие же, как в этом здании, синие и голубые изразцы[2]. Можно почти с уверенностью утверждать, что эти кирпичные балдахины были отстроены в XV в. взамен пришедших в ветхость еще более старых, может быть даже сырцовых. Тема намогильного киоска в мервской архитектуре восходит, как это было показано выше, еще к X—XI вв. (ср. Қыз-биби, мавзолей на кладбище Имам-баба и др.).

Усыпальница асхабов. План.

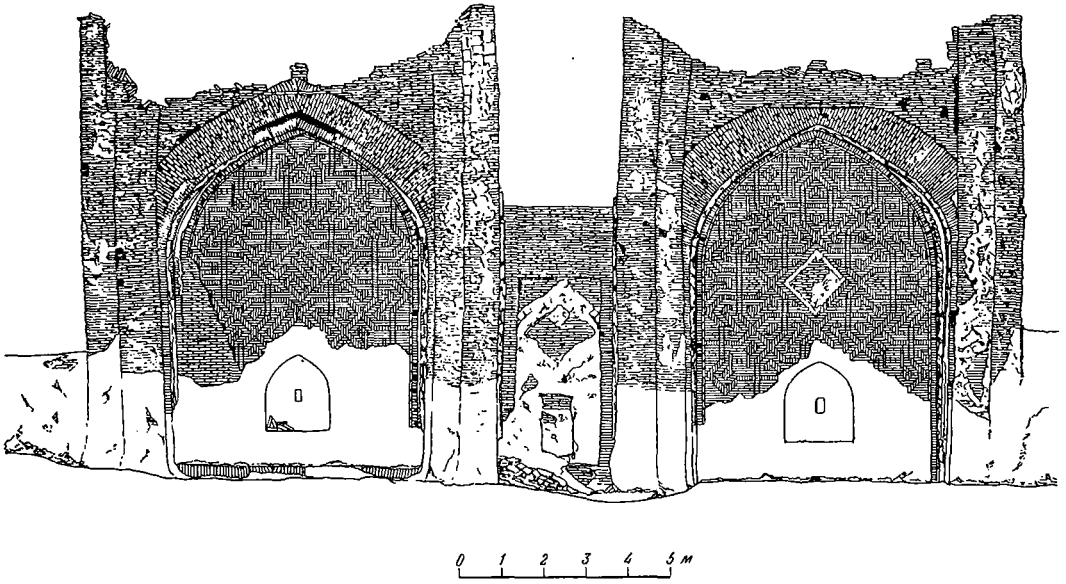
Что касается монументального двухайванного здания, воздвигнутого при могилах, то его мы считаем возможным отожествить с той постройкой в южной части Султан-калы, восстановление которой было осуществлено во второй половине XV в. Султан-Хусейном Байкарой[3].

Строительным материалом здания служит жженый кирпич красноватого цвета (отличный от серовато-желтого по тональности кирпича мервских построек XI—XII вв.) размерами 24,5—25×5—5,5 см на глиняном растворе. Применение последнего в монументальном сооружении свидетельствует о том, что глина как вяжущее вещество

[1] Э. Р. Барц. Орошение в долине реки Мургаба и Мургабское государево имение. СПб., 1910, стр. 160.

[2] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 103—104.

[3] В. В. Бартольд. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. — «Сообщения ГАИМК», т. I, Л., 1926, стр. 212.

Двухпортальное сооружение у могил асхабов. Фасад.

высоко ценилась в строительстве сейсмически благополучных районов, к которым принадлежит и Мервский оазис. Фундамент нашего здания являет собой попросту заглубление стен в землю на 80 см.

В облицовках использованы глазурованные кирпичи синих и голубых эмалей, приморожженные на ганч-хаке — гипсо-земляном растворе. Качество их неперво-классное: эмаль то имеет пузырьки, то покрыта сетью мелких трещин (цек). Известная мутноватость цвета невыгодно отличает их от глазурованных кирпичей самаркандских памятников XV в.

Главное здание имеет вид двух обширных сводчатых айванов, лежащих строго на осях надгробий асхабов и разделенных узким промежутком, прежде перекрытым аркой. Эти айваны образуют своеобразное парадное обрамление для стоящих впереди небольших киосков. Строгое подчинение их архитектуры надмогильным сооружениям выясняется уже из того факта, что оси сводов в плане слегка непараллельны, так как ориентация осей намогильников также не вполне совпадает.

Контраст в масштабе намогильных киосков и арок главной постройки придает последней характер особой монументальности. Ту же задачу контрастного противопоставления размеров осуществляет и разделяющий оба портала узкий арочный пролет. Сами порталы, несмотря на обрушение верхних частей, воспринимаются как очень стройные; пропорции их арок выдержаны в соотношениях пролета к высоте, близких к золотому сечению. Остатков декора на внешних плоскостях порталов не сохранилось — облицовки опали. Архитектоническая разбивка, видимо, исчерпывалась выделением общего П-образного обрамления, треугольными тимпанами арок и размещенного поверху прямоугольного орнаментального или эпиграфического панно. Декоративные облицовки сохранились на торцах и щеках портальных арок. Они выполнены из шлифованных строительных кирпичей, а также глазурованных кирпичей голубого и синего цвета. На щипцовых стенах выложен геометрический узор, гирих которого построен на сетке лучей, исходящих из центра большого восьмигранника. В центральной восьмиконечной звезде выложено цветными кирпичами куфическим почерком восклицание ﻳﺎ ﻟﻄﻴﻒ («О, боже!»). На щеках арок имеется более сложный гирих, построенный на системе «динамических» многоугольников, заключающих ту же многократно повторенную формулу. В межпортальной арочке выложен также динамический гирих, основанный на системе осей диагонально-размещенного квадрата. Все эти мотивы широко распространены в архитектуре тимуридской эпохи. Аналогии им дают облицовки мечети Биби-ханым в Самарканде (1399—1405 гг.)[1], мавзолея Абдаллаха Ансари близ Герата (1418—1428 гг.)[2], медресе Улугбека в Самарканде (1417—1420 гг.) и в Гиждуване (1433 г.)[3] и др. Системы гирихов, примененных в заупокойном сооружении Бурейды и Хакама, можно видеть также и на аналитических чертежах из собрания Института востоковедения Академии наук УзССР, составленных в Средней Азии в XV—XVI вв.[4]

Сооружение особого здания у могил асхабов ставило целью возвеличение

[1] Ш. Е. Ратия. Мечеть Биби-ханым. М., 1950, рис. 41 и 49.

[2] O. Niedermayer. Указ. соч., табл. 170.

[3] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент, рис. 166 и 167.

[4] Н. Б. Бакланов. Гирих. — «Советская археология», IX, 1947, рис. 1.

средствами монументальной архитектуры местной святыни. Идея эта красноречиво выражена в надписи на намогильнике Хакама: «Благо месту, которое возвеличили эти два славные тела: оно похоже на зодиакальный знак о двух телах на высшем небе, в котором соединились два великих светила и которые обнимает обе стороны «домов блаженства». Спаренные порталы «домов блаженства» по существу не имели никакой утилитарной функции: они не защищали могил асхабов от дождя и снега, они не были парадными входами к ним. Назначение их чисто образное: служить как бы монументальным обрамлением второго плана для небольших, но высоко значимых по своему содержанию киосков, воздвигнутых над прахом «святых».

Создание таких парадных предмогильных порталов составляло специфику именно хорасанской школы тимуридской архитектуры и никакой иной. Применение этой архитектурной формы можно найти, например, в медресе при усыпальнице ходжа Абдаллаха Ансари в Гузаргахе близ Герата, где фоном для надгробия шейха служит великолепный полувосьмигранный в плане сводчатый айван[1], или мечети Анау (об этом — ниже). Однако мавзолей Бурейды и Хакама дает вполне оригинальное разрешение той же темы: сопряжение двух порталов в связи с объединенным культом двух могил. Аналогий ему нет во всей архитектуре Среднего и Ближнего Востока.

Хакама в Мехне

В XV в. помимо Мерва, монументальное строительство осуществлялось и в других пунктах. В числе построек этой эпохи можно назвать развалины того ныне почти исчезнувшего здания, которое стояло напротив мавзолея Абу-Саида в Мехне. Сейчас это лишь руины одного из устоев былого сооружения; в таком состоянии застал его уже в 1926 и 1929 гг. А. А. Семенов; таким мы осматривали его в 1949 г. Между тем фотография В. А. Жуковского 1896 г. и этюд маслом, исполненный в 1902 г. художником К. С. Мишиным, фиксируют значительно лучшее состояние памятника, когда он еще сохранял часть портала и главного купольного помещения.

Здание лежало на оси мавзолея Абу-Саида. Оно возведено из жженого кирпича квадратной формы размерами от 25,5 до 27 см в стороне на 5 см толщины на ганчевом растворе, подшлифованного с лицевой стороны.

Вход был обращен в сторону мавзолея и выделен возвышенным пештаком с глубоким сводом (около 5 м). В центре размещалось обширное квадратное помещение с четырьмя арками на осях, сообщавшееся с прилежащими по трем сторонам (кроме северо-восточной) одноэтажными комнатками. Перекрытием главного зала служил стрельчатый купол на высоком барабане, основанном на восьмигранном ярусе подпружных арок и арочных парусов. Кладка арок осуществлена «отрезками» в два ряда плашмя положенного кирпича, над которыми лежит разгрузочный ряд кирпича на ребро. В подкупольном барабане на главных осях и диагоналях здания располагалось по большому окну стрельчатой формы в прямоугольном обрамлении. Переход от него к скуфье купола подчеркнут сталактитовым карнизом — гульдастой из кирпичей диагональной кладки.

---

[1] А. А. Семенов. Развалины Мейхене и Чехче в древнем Хаверане.— «Изв. ТаджФАН СССР». 1946, № 12, стр. 58 и сл.; его же. По закаспийским развалинам. — «Изв. Средазкомстариса», вып. III. Ташкент, 1928, стр. 71 и 79.

На сохранившейся ныне руине восточного устоя видно, что помещения были оштукатурены ганчем, причем контуры арок были подчеркнуты профилированными тягами, а углы главного зала заполняла лепнина крупных сталактитов, оформлявших арочные паруса. В целом, судя по старой фотографии, здание оставляло впечатление величия, достигавшееся не только масштабами (высота его от первоначального уровня земли до вершины купола достигала примерно 30 м), но и монументальными пропорциями строгих архитектурных форм. Жители Мехне еще помнят его голубой купол, однако никаких других изразцовых облицовок здание, по-видимому, не имело.

Сооружение это, которое А. А. Семенов именует «мечетью»[1], являет собой, судя по сопоставлению данных историко-топографического порядка и письменных источников, руины ханаки. Однако это уже не ханака Абу-Саида, отстроенная им в XI в., но новое сооружение, воздвигнутое на ее развалинах.

Судя по стандарту кирпича, произошло это позднее нанесения на мавзолей Абу-Саида мозаичных облицовок, т. е. первой половины XIV в., но одновременно со следующим значительным (техническим) ремонтом мавзолея, о котором было упомянуто выше. Датировка уточняется на основании архитектурного стиля самой ханаки.

Характер крупной сталактитовой лепнины в угловых парусах главного помещения близок к сталактитовому декору мечети Анау (1456 г.). Пропорции главного архитектурного объема, его мощный высокий барабан, основанный на восьмиграннике тромпов, и силуэт стрельчатого купола сближают здание с одной из купольных построек тимуридской эпохи к северо-западу от Герата[2]. Планировочная и объемная схема напоминает описанную выше мечеть XV в. в Мерве, но пропорции барабана и купола мехнейской ханаки значительно стройнее. Ее общая композиция наиболее близка зданию XV в. в Мазари-Шерифе близ Балха[3]. Это здание имеет большое центральное помещение крестовидного плана с худжрами в углах, с крупными арками по фасадам, перекрытое куполом на монументальном барабане с восемью большими окнами. Как гератскую, так и балхскую постройку отличает лишь наличие изразцового декора, которого лишено здание ханаки в Мехне. Создается впечатление, что сооружение это было воздвигнуто во всех своих конструктивных элементах и даже закончено внутренней отделкой, но какие-то обстоятельства помешали нанесению на него обычных для монументальных сооружений XV в. облицовок из цветных глазурованных кирпичей или наборных мозаик.

Планировка среднеазиатских ханака характеризуется наличием большого центрального зала зикр-ханы — для совершения дервишеских радений — и окружающих его келий-худжр для пребывания самих дервишей. Таковы ханаки Файзабад (XVI в.)[4] и Надира Диван-биги (XVII в.) в Бухаре и Касим-шейха в Кермине[5]. Отличаясь от них сравнительно ограниченным числом помещений, более ранняя ханака Абу-

[1] А. А. Семенов. По закаспийским развалинам. — «Известия Средазкомстариса», вып. III, стр. 49 и 60.

[2] O. Niedermayer. Указ. соч., табл. 164.

[3] Там же, табл. 92.

[4] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, рис. 84.

[5] А. К. Писарчик. Памятники Кермине. «Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР». М., 1944, рис. 6.

Ханака в Мехне.

Мечеть Анау.

Саида в Мехне имеет ту же планировку. В общей композиции здания доминирует монументальный объем зикр-ханы, выделенной монументальным куполом на барабане.

Памятник этот дает интересный образец монументального здания XV в., стилистически сближающегося с постройками Восточного Хорасана этой эпохи. Характерен ансамблевый принцип постановки ханаки напротив мавзолея Абу-Саида в приеме «кош» (т. е. спаренных противолежащих зданий), очень типичном для феодального среднеазиатского зодчества.

Мечеть Анау

Шедевром монументальной архитектуры Южного Туркменистана XV в. является мечеть на городище Анау. Упоминания о ней уже содержатся в газетных заметках и дорожных путеводителях первых лет после присоединения Туркменистана к России и особенно после прокладки Закаспийской железной дороги [1]. Но началом подлинно-научного изучения памятника послужили работы профессора В. А. Жуковского 1896 года[2], которые, к сожалению, не были им доведены до конца. Мечетью Анау много раз занимался также профессор А. А. Семенов, посвятивший ей ряд публикаций[3]. В советское время здание

[1] Например: Э. Ухтомский. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб., 1891; Д. И. Эварницкий. Указ. соч., стр. 20—22; А. И. Дмитриев-Мамонов. Указ. соч., стр. 246.

[2] Отчеты Археологической комиссии за 1896 г., стр. 104—105.

[3] А. А. Семенов. Варвар в доме Красоты.— Газ. «Русское слово», 1905, № 165; его же. Развалины мечети близ селения «Анау». Ташкент, 1910; его же. Некоторые данные к истории

Мечеть Анау.

было взято на государственную охрану по списку памятников всесоюзного значения. В связи с проводившимися на ней в 1926 и 1937 гг. ремонтно-реставрационными работами мечеть была подвергнута исследованию инженерами и архитекторами[1]. Краткая архитектурная характеристика памятника содержится в ряде трудов по истории среднеазиатской архитектуры и искусства[2]. В военные годы профессор М. А. Безбородов исследовал технологические свойства анауских изразцов[3]. В 1947 г., в связи с намеченной Управлением по делам архитектуры Туркменской ССР капитальной реставрацией

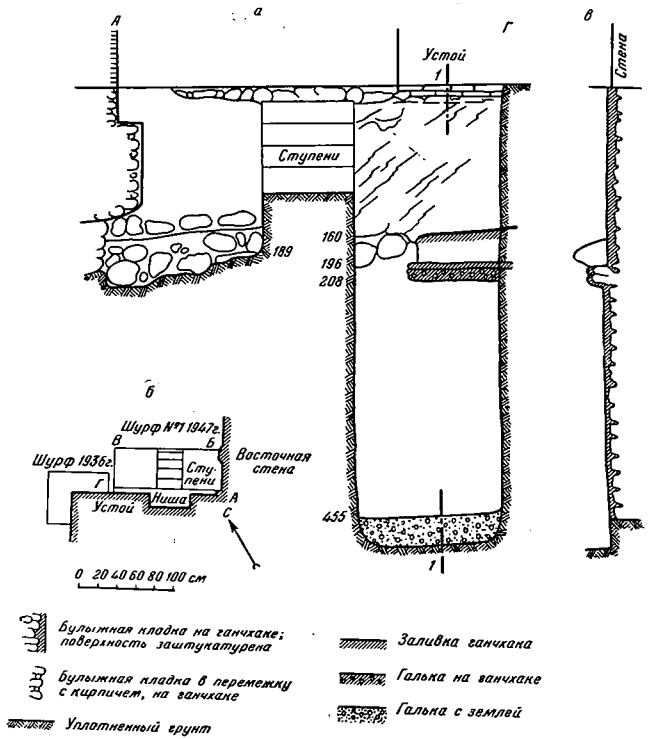
мечети Анау.— «Изв. Туркестанского отдела РГО», т. XVII. Ташкент, 1924, стр. 209 и сл.; его же. По закаспийским развалинам.— «Изв. Средазкомстариса, вып. III, стр. 58 и сл.

[1] Обследование состояния сохранности мечети Анау. Полторацк (Асхабад), 1926; С. Скляревский. Ремонт мечети в Анау.— «Туркменоведение», 1928, № 99, стр. 70—72; Н. М. Бачинский. Мавзолей Джемал-ул-Хакк Уаддина («Памятники Туркмении», вып. I, стр. 102—108); его же. Антисеймика в архитектурных памятниках Средней Азии, стр. 44, прим. 16.

[2] Н. М. Бачинский. Памятники Туркмении, вып. I, стр. 102 и сл.; В. П. Денике. Искусство Средней Азии, стр. 30, илл. 14; его же. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 178, 181, 186; R. Вугоп. Timurid Architecture.—SPA, II, стр. 1130; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии, стр. 98, 99; Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, стр. 111—112 и др.

[3] М. А. Безбородов. Строительные материалы мавзолея Анау. — «Изв. Туркм. ФАН СССР», 1948, II, стр. 82 и сл.

памятника, VII отрядом ЮТАКЭ были осуществлены детальные архитектурные и археологические исследования мечети[1]. Работы эти оказались как нельзя более

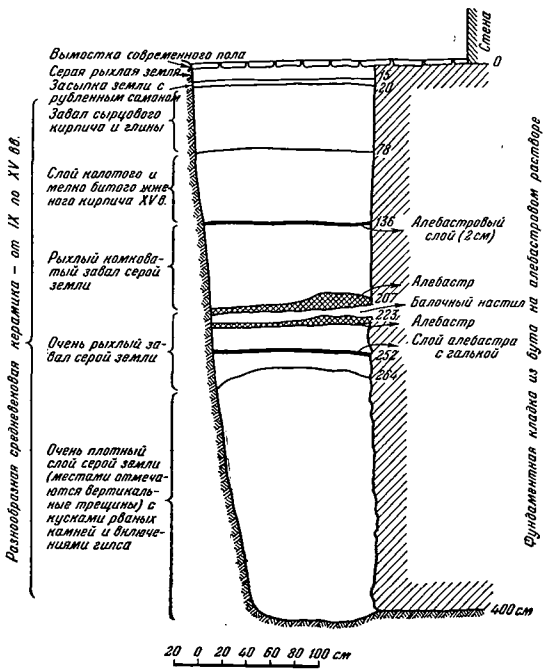
Мечеть Анау. Шурф № 1.

а) Развертка шурфа; *б*) план шурфов у северо-восточного угла мечети; *в*) профиль *1—1*.

своевременными, так как в следующем 1948 г. после сокрушительного ашхабадского землетрясения от мечети остались лишь груды обломков.

[1] Архитектурные и археологические работы на мечети Анау в 1947 г. возглавлялись Г. А. Пугаченковой, в составе отряда были архитекторы Б. В. Дмитровский и Е. С. Александрова, а также коллектор О. В. Обельченко. Данные исследований отражены в подготовленной Г. А. Пугаченковой монографии «Мечеть Анау». Приведенное ниже описание соответствует состоянию памятника 1947 г.

В исторических надписях на фасаде мечети и в ее интерьере говорится о возведении здания в правление Абул-Касим Бабера[1] для некоего шейха Джемал ад-дина сыном последнего, Мухаммедом, «на собственные благоприобретенные средства», в 860 г. хиджры (1455/56 г. н. э.). Абул-Касим Бабер, тимуридский царевич, правил

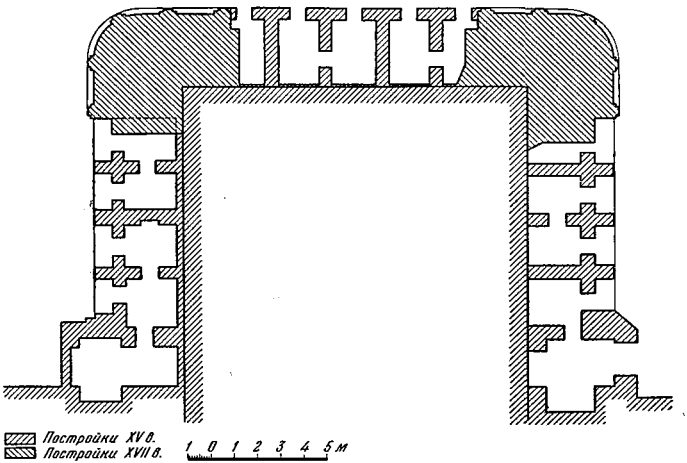
Мечеть Анау. Шурф № 3. Разрез.

Хорасаном с 1447 по 1457 г. Упомянутый Джемал ад-дин был, очевидно, каким-то местным анауским незначительным шейхом, поскольку имени его даже нет в агиалогических списках XV в. Между тем сын его Мухаммед, вероятно, был какой-то видной фигурой и крупным феодалом (хотя он и именует себя «презренным бедняком»), коль скоро он мог отстроить в провинциальном городке такое здание, которое своими масштабами и великолепием отделки соперничало с лучшими постройками Герата и

[1] Знак «кесра» на портале мечети при имени султана показывает, что оно произносилось как «Бабер», а не «Бабур».

Самарканда. Мы считаем возможным отожествить его с Мухаммедом Худайдот, везиром Абул-Касим Бабера, а затем Султан-Хусейна Байкары; деятельность Мухаммеда Худайдота была связана именно с областью Нисы, в подчинении которой находился и Анау[1].

Анау, по археологическим данным, в XV в. являл собой небольшой городок, средневековые крепостные стены которого были разрушены еще в XIII в. монголами.

Мечеть Анау. План цокольного этажа. Реконструкция.

Мечеть была воздвигнута у гребня былых стен так, что ее основное здание располагалось на внешнем склоне, а двор и прилежащие к нему боковые постройки находились уже на внутренней территории былой крепости. Несмотря на сложный пересеченный рельеф, строитель очень умело справился с поставленной перед ним задачей, водрузив главное здание на внешнем крутом обрезе в двух уровнях: первый, нижний, на котором размещен цокольный этаж, и второй, верхний, соответствующий полу здания и уровню двора.

Археологическими вскрытиями установлена одновременность выведения фундаментов и стен всей мечети—главного здания и боковых, о чем свидетельствует перевязь их кладок. Однако отделочные работы велись неодновременно, и если к 1456 г. были завершены облицовки основного здания, то остальные строения мечети были закончены к этому времени лишь вчерне; строительные работы, видимо, были прерваны в 1457 г. в связи с той напряженной общеполитической ситуацией, которая возникла в Хорасане после смерти Абул-Касим Бабера.

[1] Мирхонд. — МИТТ, т. I, стр. 538.

Воздвигая здание на рыхлой почве наросших к XV в. многометровых культурных толщ, строитель мечети был озабочен созданием надежных оснований. Для этого отрытые котлованы многократно заполнялись водой, чем была достигнута большая уплотненность грунта.

Фундаменты главного здания отличаются чрезвычайной мощностью; глубина заложения их (от уровня пола) равна 4,50 м при ширине 2,70 м. Кладка из булыжного камня положена на глубину 2,07 м на ганч-хаке (гипс с лёссом в процентном соотношении 70 : 30%). Здесь при закладке шурфов выявлен своеобразный, нигде в других среднеазиатских сооружениях пока не известный конструктивный прием: в кладку фундаментов введен ростверк из балок сечением около 15—20 см, сцементированных ганчевым раствором; они осуществляли связь между фундаментом восточной и западной стен. В массивы фундаментов портала были заделаны параллельно фасадной стороне такие же балочки, чем, видимо, в известной мере поглощались усилия распора портальной арки. Ниже ростверка фундаменты выведены на глиняном растворе.

Фундаменты боковых строений мечети опущены на глубину всего лишь 1,30 м; они сложены из бутового камня вперемежку с кирпичом на ганч-хаке.

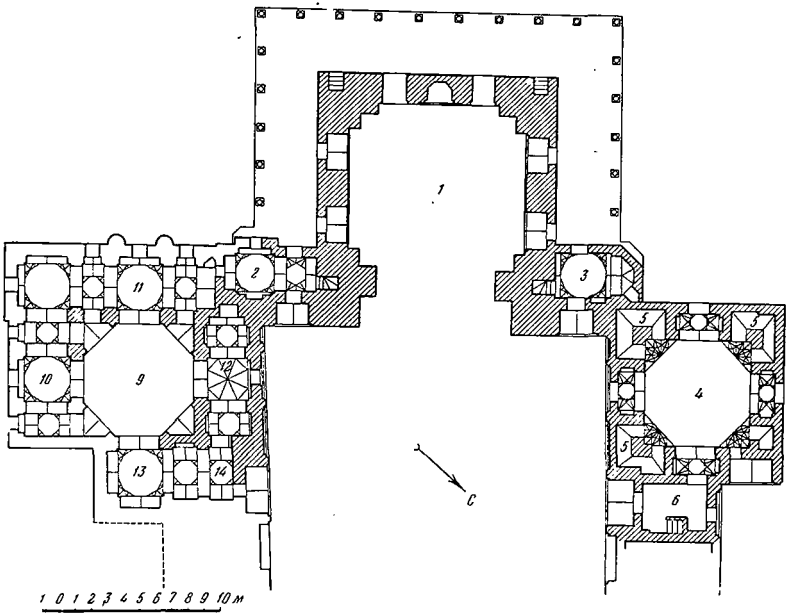
На склоне средневековой крепостной стены вдоль трех фасадов главного здания мечети располагался обводивший его с трех сторон развитой цокольный этаж, кровли которого соответствовали полу мечети. Всего в нем было 17 помещений. Стены сложены из бута на гипсо-песчаном растворе; перекрытия выведены из жженого кирпича. В основном это своды «отрезками», однако в угловой северо-восточной худжре применен крестовый свод (редчайший в среднеазиатском зодчестве), а в северо-западной — звездчатый куполок, основанный на четырех подпружных арках и щитовидных парусах.

Худжры цокольного этажа мечети, видимо, были предназначены для постоя паломников, приходивших к анауской «святыне». Плоская кровля его служила террасой-айваном, обводившей по периметру главное здание мечети. Стены последнего отстроены из жженого кирпича размерами 23—24×4,5 см на хорошем ганчевом растворе. Мечеть содержит квадратный зал пролетом 10,50 м, перекрытый куполом, основанным на четырех обширных подпружных арках и на тромпах, замаскированных сложной сталактитовой лепниной. Стены зала расчленены на три яруса. В центре южной стены находится михраб, по обе стороны которого располагаются две узкие ниши с выходами на внешнюю террасу; в западной и восточной стенах имеется по две обширных и глубоких ниши, также с выходами на террасу. По второму ярусу во всех трех стенах расположено по две таких же ниши-лоджии, а в третьем — по одной, лежащей на оси. В углах основного квадрата размещены винтовые лестницы, ведущие к обводным галереям второго и третьего этажей, а также на крышу.

С северной стороны мечеть открыта во двор обширным сводчатым айваном. К нему примыкают два боковых крыла, выраженных по фасаду трехъярусными нишами-лоджиями, за которыми в первом этаже размещены худжры; два верхних яруса чисто декоративные.

Айван значительно возвышается над ними. Вверху его с тыльной стороны видна трехъярусная система разгрузочных аркад. Верхняя аркатура, забранная некогда резными решетками, была открыта по фасаду, образуя изящное завершение портала.

Устои его были фланкированы сзади полубашнями, которые, судя по некоторым конструктивным данным и по находке в угловых завалах лекальных кирпичей, возвышались на «плечах» портала в виде небольших минаретов (см. чертеж реконструкции фасада). Примеры такого рода портальных композиций очень типичны для тимуридских построек второй половины XV в. (соборная мечеть в Исфахане[1], Масджиди-шах

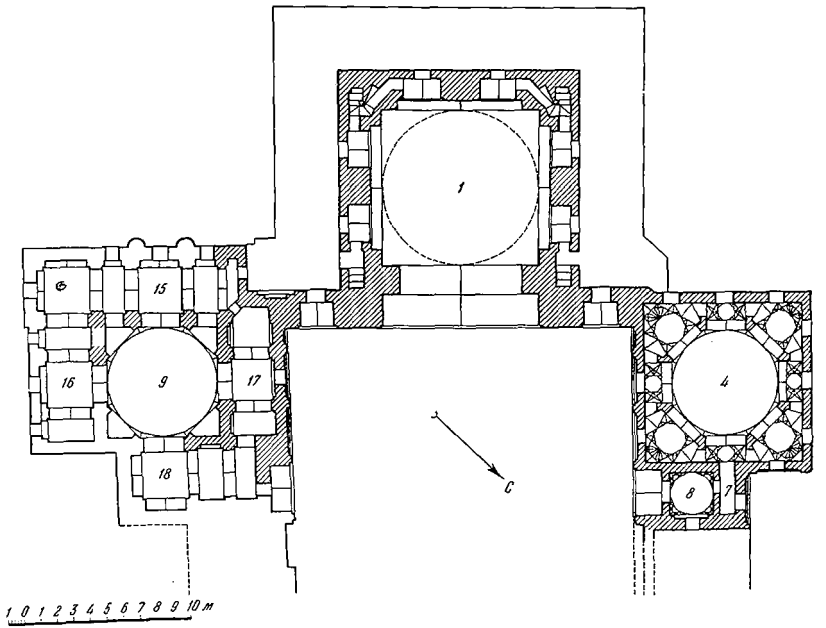
Мечеть Анау. План I этажа. Реконструкция.

в Мешхеде[2], безымянное здание в Герате[3] и др.). Эти башенки придавали устоям айвана большую устойчивость, отчасти погашая усилия распора портальной арки. Однако в сейсмически неблагополучных районах такое устройство нерационально; причиной разрушения их уже в давние времена послужило, очевидно, землетрясение.

Восточная и западная группы строений мечети неодинаковы по плану. Обе они имеют по большому купольному трехъярусному залу пролетом 8,60 м (условно именуем их «дарсханами» — аудиториями *4* и *9*), обведенному двухъярусными галереями.

[1] A. Godard. Isfahan. —AI, t. II, fasc. I, фиг. 5; AI, t. I, fasc. II, стр. 248, фиг. 162 и 163.
[2] E. Diez. Churasanische Baudenkmäler, табл. 38.
[3] O. Niedermayer. Указ. соч., табл. 165.

Западная дарсхана *4* имеет квадратный план. В первом ярусе на главных осях сделаны глубокие ниши с выходами наружу; в трех углах расположены тесные темные коридорообразные комнатки *5*, как бы огибающие несущие конструктивные столбы. С севера примыкает просторное прямоугольное помещение *6*, заключающее у северной стены крутую одномаршевую лестницу и имеющее выход

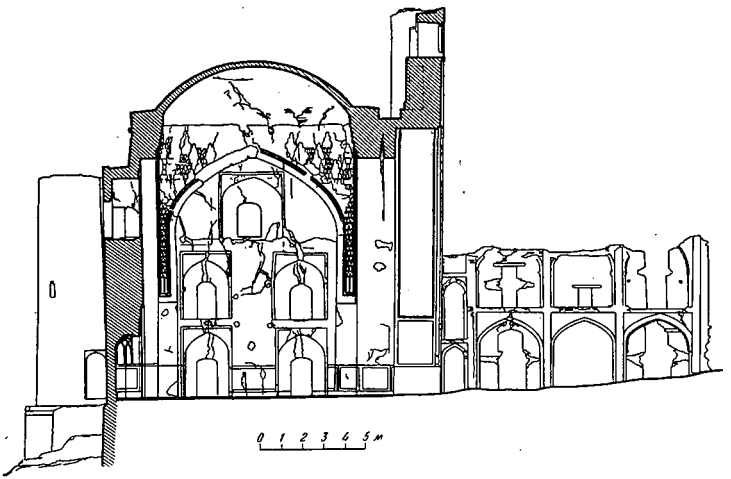

Мечеть Анау. План II этажа. Реконструкция.

во двор, подчеркнутый глубокой лоджией. Лестница ведет в аналогичную комнату второго этажа и во второй ярус просторной обводной галереи дарсханы. Эта галерея открыта внутрь просторными стрельчатыми арками, образующими в плане восьмигранник и основанными на восьми легких кирпичных устоях. Третий ярус представлял собой повышенное 16-гранное внутри, круглое снаружи основание купола.

Следует отметить исключительное разнообразие примененных здесь сводчатых и купольных систем. Конструкция выводится как бы «вчерне» в кирпиче, но затем обогащается и усложняется лепкой полуконструктивных-полудекоративных ганчевых плафонов. Так, в первом ярусе дарсханы удлиненные в плане потолки лежащих на

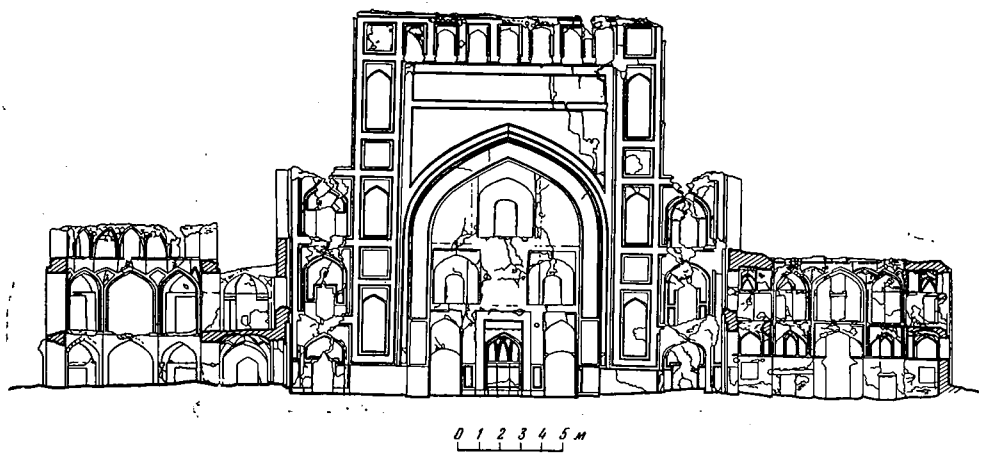
осях ниш заключают в центре звездчатый восьмиконечный куполок. Поддерживающие его щитовидные паруса образуют фигуру более развитой восьмиконечной звезды, которая основана на удлиненных щитовидных парусах и расположенных между ними отсеках вспарушенной арки. Переход от основного квадрата плана дарсханы к восьмиграннику второго яруса осуществлен при помощи заполнения углов сложной системой

Мечеть Анау. Разрез по главной оси.

щитовидных парусов, образующих как бы рассеченный надвое звездчатый восьмиконечный куполок. Исключительно интересны перекрытия галереи второго яруса. Сложные многоугольники угловых лоджий перекрывают десятиконечные куполки, переходы к которым осуществлены очень остроумной системой вспарушенных арок, щитовидных парусов и вспомогательных полукуполков. Перекрытие квадратной комнатки *8* имеет вид купола, основанного на 16-граннике парусов, из которых угловые в свою очередь заполнены в пазухах системой щитовидных парусов.

В этих разнообразных перекрытиях заслуживает быть отмеченным конструктивный прием: ганчевые тяги-гурты, определяющие направление, армировались заделанной посередине и разрезанной надвое камышиной. Этот гибкий материал, легко следующий направлению любой кривизны, обеспечивал вместе с тем конструктивную жесткость гурта. Весьма интересно также перекрытие комнаты *6*. Здесь был переброшен тонкостенный ребристый свод, выведенный чередованием рядов кладки, кирпич которой положен то плашмя, то на ребро. Ряды кирпича различной высоты, выравнивающие конструкцию до горизонтальной плоскости выстилки пола второго этажа, проложены через известные промежутки (15—20 см).

Мечеть Анау. Разрез по дарсханам.

Купол дарсханы *2* покоился на 32-гранном барабане, основанном на переходных щитовидных парусах 16-гранника, в свою очередь переходного от восьмигранного плана. Самого купола не существует. Судя по старым фотографиям, его уже не было и в прошлом столетии. Однако завершенность алебастровой отделки интерьера безусловно указывает, что купол этот когда-то существовал, но либо был разобран в период заброшенности памятника, либо рухнул во время одного из прежних землетрясений.

Восточная группа построек особенно пострадала. Однако по старым фотографиям, по остаткам парусных систем на сохранившейся части стен и по пролетам между несущими столбами удалось реконструировать не только основные элементы плана, но и схемы былых перекрытий.

Состав помещений этой части комплекса сложнее западной группы. Ядро его составлял квадратный двухъярусный трехсветный зал дарсханы *9*. Со всех сторон к нему примыкают галереи в виде анфилад, частично открытые внутрь дарсханы. С севера и запада последнюю отграничивают стенные устои с переброшенными между ними сквозными арками. Пролет квадрата дарсханы равен 6,50 м. Углы его перекрывают кирпичные тромпы в форме половины сомкнутого свода, на которых во втором ярусе основаны треугольные ниши-лоджии, некогда перекрытые конховыми полукуполами, основанными на кирпичных щитовидных парусах. Третий ярус дарсханы таким образом основан на восьмиграннике, от которого посредством восьми щитовидных парусов осуществлен переход сначала к 16-гранному барабану (с размещенными в нем восемью окнами), а затем через промежуточный 32-гранный пояс к круглому основанию купола. Интерьер дарсханы *9* не только не был заштукатурен, но в нем даже остались неспиленными заделанные в кладку стен в уровне арочных пят выпущенные наружу арчевые бревна. Все это свидетельствует о внезапном прерыве в строительных работах.

Прилежащее к дарсхане помещение *12* расчленено на три отсека. Центральное перекрывает ребристый куполок, 8 граней которого сходятся к центру наподобие шатра; по обе стороны от него расположены восьмиконечные звездчатые куполки, основанные на подпружных арках и щитовидных парусах. Данная система повторена в остальных отсеках галерей 11 и 14, обводивших дарсхану, но там она чередуется с основанными на квадратном плане 12-гранными звездчатыми куполками *10* и *13*, также на щитовидных парусах. Планировка второго яруса примерно повторяла по расположению помещения первого этажа.

Восточный и западный дворовые фасады были расчленены слегка выступающими пилястрами, между которыми располагались (рассматривая от угла сопряжения с с главным фасадом): в первом пролете — три яруса узких настенных арочек, за ними два пролета двухъярусных настенных арочек и один пролет двухъярусных глубоких лоджий. Черновой характер кладки пилястр и арок, резко контрастирующий с великолепным декором смежного главного фасада, наглядно свидетельствует, что по замыслу фасады эти были также предназначены под облицовку, которая в связи с прекращением строительных работ так и не была нанесена. Закладка шурфа № 3 выявила принципиально важный факт. Оказалось, что боковой фасад тянулся значительно дальше на север. Таким образом боковые фасады двора продолжались в северном направлении, причем не исключена возможность, что самый двор имел не П-образную

Мечеть Анау. Портал.

форму, но был замкнут с северной стороны, а вход в него был выделен входным пештаком. Предположение это наиболее вероятно, если учесть большую традиционность типа замкнутой дворовой мечети, сложившегося в зодчестве Хорасана еще в первой половине XII в. и получившего свое наиболее грандиозное воплощение в архитектуре XV в. (мечеть Биби-ханым в Самарканде, Мусалля в Герате и др.).

Самый двор первоначально был вымощен кирпичом. Близ северного портала, несколько восточнее главной оси, стояло надгробие Джемал ад-дина (с таким расчетом, чтобы не закрывать во время многолюдных молений михраба мечети и минбара имама); позднее, вблизи «святыни» расположилось множество могил.

Главное внимание зодчий сосредоточил на архитектуре северного фасада, который решен в виде пештака с обширной аркой и отрезков лежащих в одной с ним плоскости, меньших по высоте, боковых крыльев. В основании всего фасада проходит 1,5-метровая панель. Несколько меньшая по пролету арка, ведущая из двора во внутреннее помещение мечети, повторяет форму главной арки пештака. Архивольт большой арки, который начинается с верхнего уровня панели, по наружному контуру срезан под углом 45°. Над аркой расположено поле тимпана, на котором находится удлиненное поле надписи, а выше — сквозная аркатура («ревак» по среднеазиатской терминологии) из 7 арочек. Устои пештака расчленены по вертикали чередованием

трех удлиненных прямоугольников с заключенными в них настенными арочками и трех квадратов[1]. Размеры и уровень верхнего квадрата соответствуют сквозной аркатуре ревака. Боковые крылья главного фасада заключают три яруса глубоких лоджий-ниш.

Декоративные облицовки фасада выполнены серовато-желтым притертым кирпичом, глазурованными квадратиками синего и голубого цвета и мозаичными наборами. Облицовки приораживались к черным кладкам на толстом (6—7 см) слое чистого алебастрового раствора. По данным Н. М. Бачинского, набор больших мозаичных панно тимпанов портальной арки предварительно осуществлялся квадратами, которые крепились на толстом (9—10 см) слое ганчевого раствора с введением в последний для лучшего скрепления свинцовых штырей.

Что касается глазурованных вставок и элементов мозаичного набора, то это обычный в практике тимуридского строительства кашин. Абсолютно неправ был А. А. Карелин, утверждавший, будто мозаики мечети Анау «представляют листки обожженного каолина высотой в 1/2 толщины спички, покрытые прозрачной эмалью, причем эти цветные листки (пяти окрасок) прихвачены к алебастровому слою в 2 см толщиной, лежащему на ганче в 1 1/2 вершка (6—7 см) толщиной...»[2]. Анализ кашина из Нисы, осуществленный по поручению ЮТАКЭ в лаборатории Академии наук УзССР, показал, что в составе кашина содержится более 92% кремнезема и небольшие добавки окисей алюминия, кальция, железа и магния[3]. Пористая структура черепка благоприятствовала глубокому проникновению в него глазури, образующей по поверхности стекловидный слой, отличающийся чрезвычайной интенсивностью тона. Кашин легко режется, это позволяло выпиливать из большой кашинной плитки всевозможные криволинейные фигуры растительной орнаментации, буквы и т. д. Отходы работы мозаичистов в виде закраин такого рода плиток, мелких осколков и пр. были найдены при раскопках 1947 г. в подсыпке строительного мусора под вымосткой двора.

Основные цвета элементов кашинной мозаики: темносиний (иногда фиолетового оттенка) и яркоголубой; реже употреблены медово-желтый, белый и зеленый.

Все *основные линии архитектурной разбивки фасада — арки, ниши, панно, обрамления* архивольтов и т. д.— как бы отчеркнуты однородной полосой шлифованных кирпичных квадратиков, выложенных с расшивкой швов.

В орнаментации мечети отмечаются мотивы геометрические (гирихи), эпиграфические, стилизованно-растительные и даже зооморфные.

Панель устоев и боковых крыльев заполнена выкладкой кирпичей, положенных торцовой стороной «в елку». Панель щековых стен устоев пештака и его внутренней арки прохода оформляет геометрический орнамент, выполненный из восьмигранных терракотовых плиток, расчлененных цветной четырехконечной звездочкой. В оформлении фасадной стороны внутренней арки использована в крупных размерах подобная же система геометрического орнамента. В удлиненных шестиугольниках этого орна-

[1] Подобную разбивку отмечаем в устоях айванов мечети Гаухар-шад в Мешхеде 1418 г. (SPA, IV, табл. 428—429).

[2] А. А. Карелин. Указ. соч., стр. 10.

[3] Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 403.

мента своеобразным почерком «косого куфи» выложена восьмикратно «калима» — формула мусульманской веры; остальные элементы узора заполняет геометрическая мозаика.

Щеки этой арки по существу уже включены в архитектуру интерьера мечети. На них от панели до замка по гладкой ганчевой штукатурке вырезан очень плоским рельефом орнамент в виде системы взаимосвязанных фигурных картушей. Они оставлены белыми, а фон слегка окрашен в кремовый цвет; благодаря различию цветов орнамент четко выделяется на общей фактуре фона. Прием этот, поныне существующий в практике народных мастеров Средней Азии, известен под названием «часпак».

Косой срез архивольта портальной арки (шириной 35 см) оформляет прекрасный мозаичный бордюр; по синему фону выложены причудливо чередующиеся оранжево-желтые и голубые побеги в зеркальном повторении основного орнаментального элемента на всем протяжении архивольта. Щеки арки несут над панелью прямоугольные панно с геометрическим орнаментом, построенным на осях и гранях десятиконечной звезды.

Художественное оформление тимпанов арки совершенно оригинально. Они содержат изображения двух извивающихся драконов, обращенных друг к другу в геральдической композиции. Изгибы их тел хорошо заполняют основное пространство треугольных полей тимпанов. Фоном служит свободная стилизованно-растительная композиция: это тонкий, очень длинный куст или древо, вырастающие из отверстий пасти дракона от его языка и свободно разветвляющиеся по всему полю. Бесчисленные голубые завитки и побеги этого куста усыпаны либо белыми цветочками (в 3, 4 и 5 лепестков), либо крупными оранжевыми остролистами. На фоне этой дробной запутанной орнаментации особенно четко рисуются фигуры драконов, выполненные резко белым и желто-оранжевым контуром. Животные имеют устрашающую морду с открытой пастью, с расположенными по одну сторону в фас (несмотря на профильный поворот) глазами, с извивающимися как бы в состоянии бурного движения клочковатыми прядями бороды и гривы; змеиные тела с хорошо разделанной чешуей снабжены четырьмя пятипалыми лапами.

Историческая надпись в горизонтальном поле над тимпанами выполнена белыми буквами почерка «сульс» с очень стройными линиями вертикальных букв и плавным начертанием остальных; расположенный вверху нее куфический текст, выложенный желтой мозаикой, непропорционально мал и по существу воспринимается как второстепенный элемент фона для главной надписи.

Поле надписи, тимпаны и архивольт портальной арки с уровнями пят ее окаймляет своеобразный мозаичный бордюр. Его узор составляют вписанные друг в друга зигзагообразные острия синего, голубого и белого цвета; однако общее начертание их не прямолинейное, но волнистое, а на концах расположены маленькие трилистники.

Устои портала расчленены на удлиненные настенные арочки и квадратные панно. Орнаментация их содержит геометрические и эпиграфические мотивы, выложенные глазурованными кирпичами или мозаикой.

Арки боковых крыльев имеют богатые мозаичные тимпаны с тремя вариантами мотива сложных растительных сплетений. Щековые и торцовые стенки этих лоджий-ниш облицованы шлифованным кирпичом с небольшими инкрустациями поливных кирпичей и глазури.

Декоративное убранство интерьера мечети значительно скромнее. По существу единственное красочное пятно здесь составлял михраб, некогда сплошь залитый ярчайшими мозаиками. Отделка стен мечети очень проста. В основании проходит такая же панель, как и на щипцовой арке портальной ниши, а сами стены оштукатурены светлым ганчем. Ниши и лоджии всех трех ярусов декоративно подчеркнуты обрамлениями в виде плоских фигурных ганчевых тяг.

Обрамления подпружных арок, начинающиеся с уровня второго яруса, рельефно выступают из плоскости их устоев, причем выступ этот оформлен по краю в виде четвертной выкружки, огибающей углы мечети и проходящей понизу от одной арки к другой. Выкружку оформляют рельефные ганчевые надписи, выполненные почерком «насх». По определению проф. В. А. Жуковского, они заключают текст панегирика ал-Бусири (XIII в.) в честь пророка Мухаммеда, называемый «ал-Бурда»[1]. В юго-западном углу мечети в нижней части надписи содержится дата постройки 860 г. хиджры (1455/56 г. н. э.) — та же, что и в мозаичной надписи портала. Щеки подпружных арок имели скромный декор, выполненный в технике «часпак», в виде простой геометрической схемы восьмиконечных звезд и промежуточных крестовидных фигур. Сразу же между обрамлениями надписей в углах мечети начинается лепка ганчевых сталактитов, которые сначала следуют по плоскости стен, а затем с 15-го ряда переходят на паруса. Всего от основания до купола насчитывается 30 рядов. Сталактиты мелкие; число их по периметру окружности под куполом доходит до 120; они одинаковы по размерам и структуре; лепка их производит несколько монотонное впечатление.

Скуфья купола плоско-эллиптического сечения. Поверхность ее оштукатурена ганчем, по которому осуществлена в технике «часпак» плоская резьба, образующая линейный геометрический орнамент; фон его окрашен в серый (может быть в голубой) цвет. Узкие полоски орнамента почти полностью облетели. Гирих здесь был основан на системе восьмиконечных звезд и промежуточных четырехугольных и пятиугольных фигур, постепенно уменьшающихся к шелыге. По подсчету, на поверхности купола орнамент распределялся в 20 секторах.

Стилистически мечеть Анау близка к хорасанской группе построек XV в.; вместе с тем в ней имеется ряд оригинальных черт, что выделяет ее из всех других мечетей.

По своему характеру это комплексное здание, соединявшее в себе функции мечети (отстроенной при чтимой могиле), медресе, и, видимо, ханаки. Мастер очень искусно справился с задачей сочетания разнородных, но связанных общим идейным замыслом больших и малых, парадных и скромных помещений в единое гармоническое целое.

В своем композиционном решении северный фасад мечети Анау более всего сближается с двумя тимуридскими постройками Герата: медресе при усыпальнице Абдаллаха Ансари и Безымянным мавзолеем в южной части этого города[2].

Общую композицию комплекса Анау характеризует сочетание монументальных объемов главного здания и купольных боковых построек. Мечеть доминировала над всем окружающим не только на крепостном холме или в городе, но и на всей прилежащей равнине, отлого поднимающейся в сторону Копет-дага. Геометрическая простота

[1] Отчеты Археологической комиссии за 1896 г., стр. 104—105.

[2] O. Niedermayer. Указ. соч., табл. 165 и 169.

прямоугольных объемов, глухие плоскости стен, лишь местами нарушенные небольшими просветами окон, утверждение всего массива построек на крутом обрезе городища,— все это производило на расстоянии впечатление суровой мощи и замкнутости. Это впечатление несколько изменялось при приближении к постройке с южной стороны.

Архитектуру главного здания характеризуют ясность и рациональность строительной идеи; эстетические качества ее выступали здесь как мощный фактор идеологического воздействия.

Архитектура интерьеров в неменьшей мере отвечала той же задаче. Новым пространственным решениям здесь отвечало применение новой системы сводчатых конструкций, развитие которых отмечено в архитектуре Средней Азии XV в.

Если до конца XIV в. здесь безраздельно господствовал сложившийся почти тысячелетием ранее тип купольного перекрытия, основанного на стенах (иногда через посредство четырех несущих разгрузочных арок) и на четырех арочных парусах, так называемых «тромпах», то новое решение было найдено в особой, не известной западному зодчеству конструкции щитовидных парусов и пересекающихся арок.

«Щитовидный парус», «щиток», имеет характерную форму четырехконечной, как бы надломленной фигуры, несколько напоминающей геральдический щит и представляет собой не что иное, как вырезку сводчатой поверхности, заключенную между отрезками арочных кривых. Выкладка «щитков» осуществляется кирпичом, положенным торцами «в елку». Выведение этих парусов не произвольное; оно подчинено определенному геометрическому направлению правильных многоугольников, образующих разнообразные рисунки узорной сетки. Контуры паруса строго ограничены, повторяя отрезки линий, следующих той же закономерности построения, что и архивольты опертых на угловые устои несущих арок всей системы. Таким образом, конструктивная решетка всего перекрытия — это не что иное, как пересечение, по законам правильных многогранников, отрезков арок, а образующиеся между ними пространственные четырехугольные отсеки представляют собой «щитовидные паруса».

Принципиальное отличие такого рода среднеазиатских парусных систем, несущих купол, от европейских (исходящих из византийской конструкции) заключается в том, что в последних парусный свод расчленен основной параллелью на зону собственно парусов и зону купольной скуфьи [1]. В среднеазиатском решении их расчленяет не параллель, а пространственный зигзаг: щитовидные паруса как бы врезаются своими остриями в поверхность скуфьи, образуя фигуру не окружности, а правильной звезды.

Конструктивная идея таких систем несет в себе в зародыше те элементы, которые в скором времени превращают их в декоративные. Оштукатуривание кирпичных парусов ганчем с подчеркиванием ребер рельефными гуртами приводит постепенно к отрыву алебастровой оболочки от черной кладки. В результате возникают те декоративно-сетчатые своды, которые держатся на кирпичной основе лишь по внешнему контуру и лишь силой сцепления раствора, но в остальном представляют самостоятельную пространственную оболочку.

Зарождение новой конструктивной идеи отмечается в зодчестве Средней Азии

[1] А. В. Кузнецов. Своды и их декор. М., 1939, стр. 364.

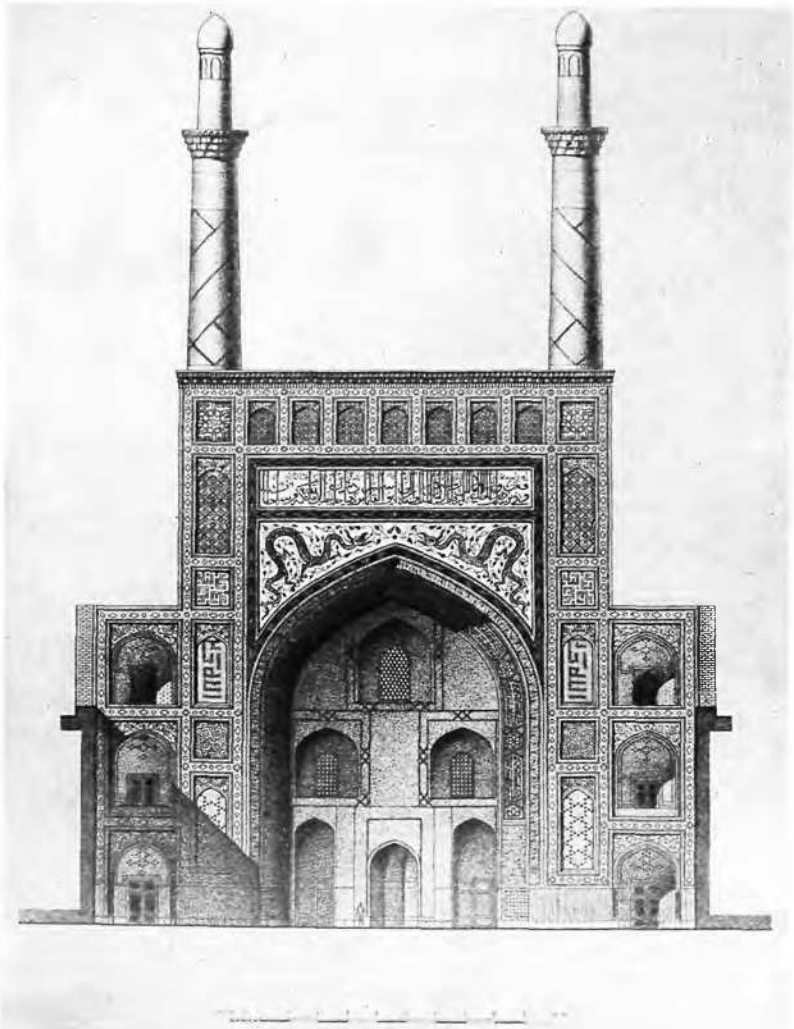
уже на исходе XIV в. в мавзолее Ходжа-Ахмеда Ясеви в Туркестане (1393 г.), но заключительный шаг был сделан лишь в 30—40-х годах XV в. К этому времени купольная конструкция размещается на четырех пересекающихся арках, усилия распора которых, идущие в направлении самих арок, поглощаются лежащими на их продолжении контрфорсными устоями. Межарочный пролет и угловое пространство, заключенное между последними, могли при этом оставаться незаполненными; таким образом, происходит высвобождение большого массива стеновых кладок. Возводимые же на пересекающихся подпружных арках купола основываются на системе щитовидных парусов, контуры которых повторяют кривизну начертания подпружных арок. В Мавераннахре это решение в полной мере представлено в ряде самаркандских памятников: мазаре Чупан-ата (40-е годы XV в.), мавзолеях Ишрат-хана (1464 г.) и Ак-Сарай (70-е годы XV в.). В Хорасане применение новой конструкции связано с творчеством выдающегося зодчего Кавам ад-дина; в сильно развитом виде она предстает уже в поздних постройках мастера — в мавзолее Гаухар-шад в Герате (1437 г.)[1] и в западной дарсхане медресе в Харджирде (1444 г.)[2].

В какой мере запечатлевает мечеть Анау — памятник эпохи, непосредственно следовавшей за временем расцвета культурной жизни в Мавераннахре Улугбека и Хорасане Шахруха, — те конструктивные нововведения, которые характеризуют строительство середины XV в.? В главном здании мечети новые конструктивные достижения не нашли своего отражения. Применение традиционной схемы переходного восьмигранника арок, маскирование тромпов густой лепкой подвешенных на деревянных «пальцах» сталактитов — все это лишь повторяет прием, который в несравненно более грандиозных масштабах уже был использован в конце XV в. в перекрытии главного зала мавзолея Ахмеда Ясеви (пролет купола в последнем равен 18 м, а в мечети Анау он составляет около 10 м). Однако в архитектуре интерьера мечети Анау появляется новое качество, которого нет ни в мечети Биби-ханым, ни в других, более ранних мечетях. Взамен глухих стен, ограничивающих внутренний объем помещения, здесь была попытка пространственного оформления интерьера за счет трех ярусов глубоких лоджий-ниш. Прием этот, зрительно нарушающий традиционную замкнутость главного здания мечети, не нашел применения в последующие эпохи, так как отступление от канонизированного временем и традицией замкнутого типа мечети, видимо, не могло вызвать одобрения со стороны духовенства.

Между тем в главном зале мечети Анау подкупают больше всего именно его воздушность и легкость форм, большое количество света, проникавшего как через открытую арку портального свода, так и через многочисленные двери и окна, устроенные в торцовых стенах лоджий-ниш. Окна первоначально были забраны ажурными ганчевыми решетками — панджара, со вставками цветного стекла (кусочки закраин его были встречены в строительном мусоре в шурфе № 1). Эти разноцветные оконца и мозаичный михраб составляли по существу единственные красочные пятна в интерьере. В основе был белый цвет, на фоне которого лишь легкие тени подчеркивали геометрическую или эпиграфическую орнаментацию, размещенную на куполе и на арках.

[1] «Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology», vol. V, N 2, 1937, стр. 129, фиг. 20.

[2] E. Diez. Churasanische Baudenkmäler, стр. 72—76, фиг. 31—34.

Мечеть Ашау. Реконструкция.

Мелкоячеистая лепка парусов давала несколько дробную и монотонную игру теневых и освещенных пятен, с которой контрастировал спокойный плоскостный узор (в технике «часпак»), размещенный на скуфье купола. И хотя в данном случае узор имеет чисто-декоративный характер (подобно тому, как при реставрации в XV в. мавзолея Абу-Саида в Мехне геометрическая сетка была нарисована на белой штукатурке купола), в самом приеме украшения скуфьи геометрическим орнаментом, как бы имитирующим конструкцию нервюр, есть основание видеть дань местной традиции, отраженной уже на куполе мавзолея султана Санджара в Старом Мерве. Украшение куполов и сводчатых систем в приеме «часпак» получит значительное распространение в зодчестве Средней Азии XVI—XVII вв. (ханака Файзабад, медресе Кукельташ в Бухаре и др.) [1].

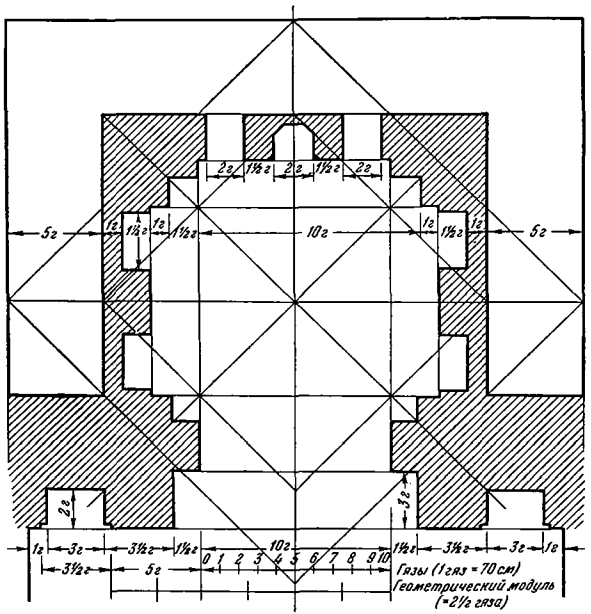
Значительно больший интерес, с точки зрения развития архитектурных идей, представляют в мечети Анау интерьеры восточной и западной групп комплекса. Здесь в полной мере предстает многообразие тех комбинаций, которые могут быть осуществлены в кирпиче и ганче при использовании конструкции щитовидных парусов. Подобное разнообразие (но несколько иных по начертанию систем) можно отметить для XV в. лишь в мавзолее Ишрат-хана в Самарканде (1464 г.). В Анауской мечети даже в пределах сохранившихся остатков сооружений комплекса насчитывается 14 различных вариантов перекрытий; первоначально их было, безусловно, больше. Особенно эффектны эти системы в западной дарсхане. Исключительно оригинально решено перекрытие угловых отсеков галереи второго яруса в виде десятиконечного звездчатого купола, где сложные комбинации щитовидных парусов и вспарушенных арок сосредоточивают активные усилия нагрузки на шести точках стен и на двух столбиках, расположенных на грани внутреннего восьмигранника. Опоясывающие обе дарсханы сводчатые галереи строятся по принципу анфилад, открытых не только по оси движения, но также и внутрь центрального пространственного ядра. Следует подчеркнуть, что мастер сознательно избегает повторения однородных схем в различных этажах (например, в лежащих на главных осях нишах первого и второго ярусов западной дарсханы) и даже отдельных помещениях (ср. перекрытие худжр, примыкающих с востока и запада к портальной группе). В обеих дарсханах средствами исключительно конструктивными, без применения каких-либо декоративных элементов, зодчий достигает замечательного эффекта воздушной легкости, переливания архитектурного пространства от одного архитектурно отграниченного участка к другому, мягкого рассеянного освещения.

Архитектурных решений, подобных анауским дарсханам, в архитектуре Среднего Востока известно очень мало. Для XV в. они не находят себе аналогий; для XVI в может быть назван лишь единственный пример — обведенный внутренними галереями трехсветный зал медресе Абдулла-хана в Бухаре (1588—1590 гг.). Зодчеству Ирана подобные открытые пространственные композиции интерьеров чужды.

Строитель мечети Анау принадлежал к той категории мастеров, которые умеют найти прекрасное в функционально-оправданном. Создавая восточную и западную группы комплекса, он, будучи здесь менее связан традицией, чем в архитектуре главного

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, илл. 83 и 85, стр. 119.

объема мечети, сумел сочетать требования планировочной и технической целесообразности с общей выразительностью архитектурного решения, следуя не по проторенным путям предшествующих поколений, не ограничиваясь перепевом старых архитектурных форм и деталей, но создавая качественно-новое архитектурное целое.

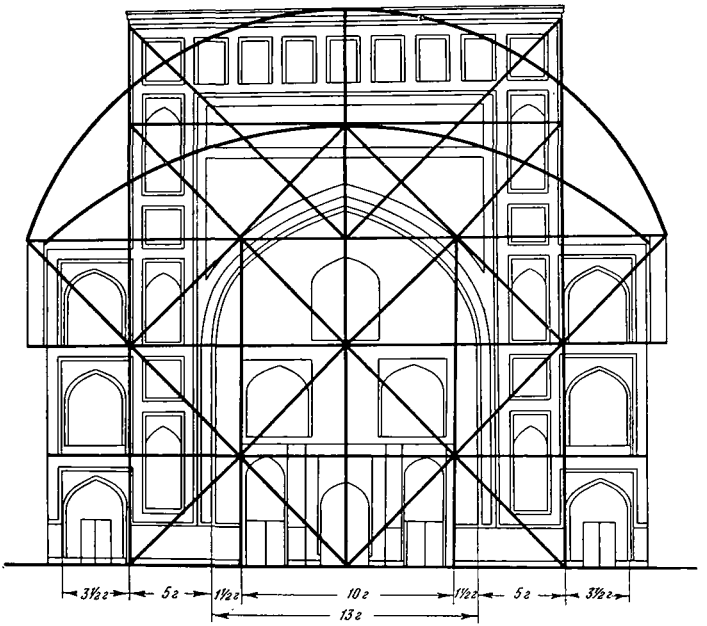

Мечеть Анау. Пропорции плана.

Анализ архитектуры мечети Анау позволил установить наличие в ней определенных математических закономерностей в расчленении и модуляции объемов, пространства и плоскостей. Явление это весьма характерно для зодчества XV в.; оно подтверждается как рядом письменных первоисточников тимуридского времени, содержащих конкретные данные о размерах и пропорциях тех или иных выдающихся сооружений этой эпохи (например, у Шереф ад-дина есть прямое указание в отношении размеров и пропорций мавзолея Ходжа-Ахмеда Ясеви, соборной мечети Самарканда, некоторых из пригородных садов Тимура), так и анализом, осуществленным уже для ряда выдающихся памятников среднеазиатской архитектуры.

Общим элементом пропорций является гяз — среднеазиатская мера длины, не имеющая точного эталона, условно равная длине вытянутой руки, считая от одного

или другого плеча. Размер гяза не одинаков не только для разных эпох или территорий, но даже в пределах одного отрезка времени, в одном городе, он дает для различных памятников известные колебания. Так, гяз построек дворика Гури-мира определен нами как равный 66,4 см, а Ишрат-ханы — 73,5 см; гяз мечети Биби-ханым

Мечеть Анау. Пропорции фасада.

и Ак-Сарая (определен Ш. Е. Ратия) составляет 73 см а гяз секстанта обсерватории Улугбека (вычислен М. Е. Массоном) — 70,2 см и т. д.

В архитектурном строительстве гяз служил не столько абсолютной единицей длины, сколько модулем. Однако наряду с сеткой гязов среднеазиатские зодчие широко прибегали к методам геометрических (триангуляционных) построений, используя начертание прямоугольников и их диагоналей, основанных на простейшей осевой разбивке (45, 30 и 60°).

Анализ плана главного здания мечети Анау позволил установить, что в основе его разбивки лежит система диагонально вписанных друг в друга квадратов. Они определяют собой линии внешнего и внутреннего контура стен, подпружных арок,

арки входа и колонного айвана. Вместе с тем здесь имеется и гяз. Он равен 70 см и укладывается 2 1/2 раза в модульном квадрате. В гязах исчисляются толщина подпружных арок (1 гяз), ширина ниш (3 гяза) и размер михрабной ниши (2 гяза). В разбивке фасадной части здания содержится также кратное число гязов: пролет портального свода составляет 13 гязов, арка входа — 10 гязов, устои портала — по 4 гяза, ниши лоджий боковых крыльев — по 3 гяза, глубина их — 2 гяза, расстояние от ниш до боковых крыльев — по 3 гяза, глубина их — 2 гяза, расстояние от ниш до боковых построек — по 1 гязу (см. чертеж).

В членениях самого фасада, помимо мелкой сетки гязов, использованы также некоторые геометрические построения. В основу «большого чертежа» была положена ширина портала. Размер квадратов, построенных на одной четвертой части этой ширины, дает высоты первого, второго и третьего ярусов боковых лоджий-ниш, а также трех ярусов разбивки михрабной стены интерьера. На высоте двух таких квадратов лежит линия пят портального свода, на высоте четырех — средняя линия панно исторической надписи. Высота прямоугольной рамы, в которую вписана портальная арка с тимпанами и надписью, определяется построенным на ее ширине равносторонним треугольником, вершина которого лежит на пересечении линии пят и главной оси фасада.

Нельзя не отметить, что архитектурная разбивка главного фасада отличается известной сухостью членений и подчеркнутым геометризмом линий. При большой продуманности архитектурной композиции и организованности форм схема фасада имеет известную каноничность, несколько смягченную лишь декоративными средствами: благородством цвета и фактуры и оригинальностью мотива заполнения тимпанов.

В основе архитектурного декора главного фасада мечети лежит сочетание облицовочного притертого кирпича и ярких мозаичных наборов. Следует подчеркнуть, что этот кирпич воспринимается здесь так, как если бы он принадлежал конструктивной кладке, а его желтоватый тон — фактуре фасада. Синие и голубые вставки, картуши, элементы геометрического узора или куфических букв по закону контраста оттеняются основным тоном кирпичной фактуры. Сплошные мозаичные панно использованы лишь в наиболее ответственных участках архитектурной разбивки, как бы акцентируя их: в тимпанах больших и малых арок, в надписях исторического и религиозного содержания. Здесь в полной мере проявляется новая тенденция в стиле архитектурного декора монументальных зданий второй половины XV в. — отход от цветовой перенасыщенности зданий конца XIV — первой половины XV в.

Среди отдельных орнаментов мечети Анау заслуживает особого внимания мозаичный бордюр обрамления тимпанов портальной арки и большой исторической надписи. Мотив, в котором слегка изломанные острия как бы вписаны друг в друга, не имеет параллелей в архитектурной орнаментации памятников Средней Азии и Ирана. Между тем этот мотив очень стойко держится доныне в туркменском ковре под названием «дырнак» (кокоток). Показателем очень большой его древности на территории Туркменистана служит также архаическая расписная керамика с городищ Яссытепе, Намазга и др. Отсюда напрашивается интересный вывод: воздвигая в области расселения туркменских племен монументальное культовое здание, хорасанский зодчий вводит в качестве элемента украшения местный орнаментальной сюжет, удачно сочетая его с традиционными для XV в. мотивами мозаичных облицовок.

Мечеть Анау после землетрясения 1948 г.

Наиболее оригинальным во внешнем оформлении мечети является, безусловно, украшение тимпанов портальной арки великолепными фигурами драконов. Иконографическая близость их к обычной трактовке этих чудовищ в искусстве Китая отмечалась почти всеми, писавшими о мечети Анау. Одни говорили при этом о китайском влиянии [1], другие — о прямом заимствовании сюжета из Китая [2], третьи еще более решительно называют их «китайскими императорскими драконами», считая несомненным, будто исполнителем рисунка мозаики был китайский мастер [3].

Анализ изображения приводит нас к иному истолкованию. Китайская иконография драконов мечети безусловна. Однако утверждение ее в изобразительном искусстве Хорасана имело место уже к XIII в., наглядным свидетельством чего являются описанные выше драконы буддийской кумирни Мерва, а также миниатюрная живопись XIII—XIV вв. Самый сюжет дракона-аждага имеет древние местные корни. Изображения эти были глубоко традиционны, истоки мотива восходят к парфянскому искусству. Изобразительная трактовка драконов мечети Анау отнюдь не является ни результатом преднамеренного введения в здание мусульманской архитектуры геральдической эмблемы китайских императоров, ни произведением китайских художников. Прекрас-

[1] И. И. Умняков. Архитектурные памятники Средней Азии. Ташкент, 1928, стр. 34.

[2] Б. П. Денике. Искусство Средней Азии, стр. 39; его же. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 176 и 178; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии, стр. 98.

[3] А. А. Семенов. Развалины мечети близ селения Анау, стр. 5; Н. М. Бачинский. Памятники Туркмении, вып. 1, стр. 107.

ные тимпаны мечети сработаны среднеазиатским мастером-мозаичистом, изобразившим дракона в схеме, которая в XV в. была уже давно канонизирована в местном изобразительном искусстве. Драконы размещены здесь в качестве существ-охранителей, как бы магически оберегающих «Дом Джемаля» от зла. В среднеазиатском зодчестве изображениями такого рода дивных стражей являются и львоподобные грифоны дворца Термезских правителей (XII в.) и тигры медресе Шир-дар в Самарканде (XVII в.) и коневидные драконы медресе Рустамбека в Ходженте (XIX в.).

Здание в последующем подвергалось перестройкам. В XVI—XVII вв. осуществляется забутовка юго-восточного и юго-западного углов цокольного этажа мечети, превращение их в основание для постановки мощных трехчетвертных круглых башен, заключавших внутри по винтовой лестнице взамен частично замурованных прежних, располагавшихся в толще стен. Башни эти выведены из жженого кирпича иного стандарта, чем употребленный в кладках мечети: размер его 24,5—25×6 см; кирпич сложен на рыхловатом глино-алебастровом растворе с большим процентным содержанием лёсса. Возможно, что, по замыслу строителя, башни должны были играть не только фортификационную роль, но и конструктивную, фланкируя углы здания, которое к тому времени под влиянием просадок грунта и землетрясений могло иметь некоторые разрушения. В конце XVIII—XIX вв. у мечети были наращены сырцовым кирпичом юго-восточная башня и сырцовые стенки на восточном крыле главного фасада; если в эту пору она, отчасти, использовалась в целях обороны, то все же в основном сохраняла свою главную функцию высокочтимой и далеко известной святыни.

В советское время мечеть Анау как памятник выдающегося художественного значения была взята под всесоюзную государственную охрану.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Обращаясь к общей характеристике архитектурного стиля XV в., следует подчеркнуть, что он отражает четко выраженный новый этап развития феодального зодчества Южного Туркменистана.

Историческая ситуация, в силу которой эта область в ту пору остается на положении окраинной провинции государства Тимуридов, предопределяет собой ограниченный размах строительных работ и скромные масштабы самих сооружений. Центром сосредоточения интенсивной архитектурной деятельности на протяжении всего столетия предстает Герат: здесь концентрируются лучшие творческие силы эпохи, сюда стекаются огромные материальные богатства, полученные ценой жестокой феодальной эксплуатации подвластных областей, часть которых используется на возведение величественных мечетей и медресе, отделку роскошных дворцов, разбивку великолепных садов и парков. Подъем городской жизни в Северном Хорасане в это время в общем чрезвычайно ограничен в сравнении с XI—XII вв. В этом отношении разительную картину являет Мерв. Хисар тимуридского Мерва (так называемые городища Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала) составлял не более одной девятой от площади сельджукидского шахристана (городище Султан-кала с северным и южным обводами). Что касается предместий, то они занимали лишь малую часть былого средневекового рабада. При этом они не включали в себя, как прежде, развитых ремеслен-

ных производств, обширных рыночных площадей и оживленных торгово-ремесленных магистралей, но являли собой лишь прилежащие к городскому рву возделанные сельскохозяйственные участки.

Вместе с тем именно на примере Мерва видно, что в XV в. происходит дальнейшее развитие принципов организованного градостроительства. Планировка города дает образец разумного решения ответственной градостроительной задачи, свидетельствуя о развитии навыков планировочной организации крупных населенных пунктов.

Круг основных строительных объектов остается обычным для зодчества феодального Востока. Среди построек гражданской архитектуры находятся дворцы и просто жилые дома, рыночные здания, мосты, сардобы, снегохранилища; из культовых сооружений — мечети, ханаки, медресе, мазары. В композиционном решении их наблюдается закрепление традиционных форм. Особо значительное место принадлежит монументальному порталу со стрельчатой нишей, который составляет основной элемент композиции фасадов, наружных (пештак) или дворовых (айван). Стойко держится прием концентрации помещений вокруг прямоугольного двора; дворовая организация плана присуща и светским постройкам (дворец, жилой дом) и культовым (медресе).

Преемственная связь с традицией предшествующего столетия запечатлена в использовании полихромных облицовок. Однако применение специфических для XIII—XIV вв. майолик и поливных резных терракот сходит на нет. Как и на всем Среднем Востоке, преобладающими становятся цветные кирпичные или резные наборные мозаики.

Одно из важных стилистических достижений северно-хорасанского зодчества XV в. составляет решение пространственных композиций. Наряду с традиционным приемом дворовой организации плана (ср. дворец и медресе в Мерве) появляется ряд оригинальных решений.

Двухпортальное сооружение у надгробий асхабов в Мерве дает совершенно своеобразную архитектурную тему спаренных монументальных ниш, пространственно оформляющих небольшие объемы надмогильных киосков. Мечеть Анау — замечательный образец сложно-пространственной композиции; здесь пространство двора органически вливается в интерьер главного помещения, а боковые дарсханы составляют единое целое с комплексом опоясывающих их обводных галерей, получая развитие не только в плане, но и в высоту благодаря двухъярусному и трехсветному построению. Практическое осуществление такого рода развитых систем интерьеров облегчается широким развитием сложно-парусных конструкций перекрытий взамен традиционных тромпов.

Эти конструктивные системы перекрытий являются не просто достижением инженерной мысли, но также порождением новых идейно-образных задач, возникших в XV в. перед архитекторами Среднего Востока. Композиция интерьера становится основным объектом творческих поисков архитектуры этого времени. Именно здесь с особой силой проявляется новаторство народных зодчих. Во внешней композиции зданий строитель оперирует комплексом устоявшихся, ранее разработанных архитектурных форм: пештак, стрельчатый купол на барабане, контрастные масштабы больших и малых арок, настенных аркатур и ниш, прямоугольные панно с орнаментальным заполнением, — все это, в конечном счете, восходит к достижениям предшествующих столетий. Архитектор лишь придает им другое звучание иным соотношением

форм, иными пропорциями масс и деталей, иными методами, а иногда мотивами архитектурного декора. А между тем в композиции интерьеров появляется совершенно новое осмысление законов пространственного построения. Отличие архитектуры интерьера XV в. от предшествующих эпох мы вкратце определили бы так: на смену архитектоническому решению внутреннего пространства приходит пластическое оформление его.

Для иллюстрации достаточно сопоставить, например, интерьеры мавзолея Санджара и восточной дарсханы мечети Анау. В первом случае наблюдается отчетливо выраженное расчленение: стена, подкупольный восьмигранник тромпов, чаша купола. Во втором примере уже на уровне панели стен начинаются декоративные гурты, которые осуществляют плавный переход к различным типам куполов и полукуполков. Эту мягкость линий усиливает то, что звездчатый контур их размещен не в единой плоскости, но в разных пространственных планах (хотя в проекции чертежа он и образует правильный многогранник). Далее располагается второй ярус обводных галерей, плафоны которых построены на тех же принципах. Выше — световой фонарь, над которым как бы парит звездчатая в основании купольная скуфья. В интерьере этом отсутствует царящая в мавзолее Санджара монументальная гладь стен. Ниши, лоджии, аркады, галереи, световой фонарь в дарсхане мечети зрительно уничтожают массивы стен; последние как бы не существуют, система строится на переливании и взаимопроникновении пространственных отсеков. В мавзолее Санджара наглядно выражена двухмерность плоскостей; в дарсхане мечети и в целом и в деталях ощутимо третье измерение, пространство, глубина.

Развитие этого «пластического» метода построения интерьеров достигнет своей предельной выразительности позднее, в бухарской школе XVI в. В Северном Хорасане в силу различных исторических причин оно остановится на стадии начальных достижений, ярким образчиком которых является мечеть в Анау.

При определении роли и места северно-хорасанского зодчества XV в. сравнительным анализом памятников устанавливается наличие в них тех же стилевых качеств, которые присущи архитектуре Хорасана в целом. Но вместе с тем памятники эти отнюдь не являют собой лишь провинциальных повторений гератских или мешхедских образцов. Мечеть Анау, ханака в Мехне, мавзолеи асхабов в Мерве характеризует и оригинальность композиции и своеобразие деталей. Эти памятники являются красноречивыми свидетелями того, что даже в исторически неблагоприятных условиях неиссякаемый родник народного гения вносит свежую струю творческих дерзаний и высокого вкуса в художественную практику эпохи.

Глава пятая

ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО

В XVI—XVIII вв. феодальные междоусобицы составляют главное содержание политических событий в Южном Туркменистане; к ним примешивается также межплеменная рознь среди туркмен, искусно используемая феодалами в своей внутренней борьбе.

Области обитания туркмен становятся объектом алчных притязаний персидских шахов, бухарских и хивинских ханов и плацдармом почти непрерывных военных действий.

С XVI в. в Северном Хорасане все более сокращается число городов. Сохраняются лишь те из них, которые обладают хорошими крепостными качествами: Мерв, Ниса, Багабад-Анау, Амуль-Чарджоу. Никаких мероприятий по благоустройству их не производится. По существу, основная строительная деятельность, осуществляемая местным правительством, исчерпывается укреплением и починкой городских стен. Следы бесчисленных поздних ремонтов, закладок и обкладок археологически установлены во всех перечисленных выше городах.

В XVIII—XIX вв. возникают многочисленные туркменские крепости. При создании их используются старые городища, возвышенный рельеф которых и старые стены (или оплывы стен) служили удобным основанием для новых твердынь. Такова, например, крепость Геок-тепе, штурм которой в 1881 г. нелегко дался русскому войску, несмотря на несомненное превосходство в военной технике. В основе этой крепости лежит холм мощного парфянского городища Денгиль-тепе, на гребнях которого текинцы возвели пахсовые стены. Таково городище Хосров-кала VI—VII вв., использованное в XVIII в. Надир-шахом в качестве укрепленного города, куда он переместил жителей из Хивы. Такова «кала» селения Мурча Бахарденского района, основа которой восходит к средневековью; еще в прошлом столетии за ее не раз реставрировавшимися стенами мурчинцы отсиживались во время набегов неприятеля.

Вместе с тем крепости возникают и на новых местах. Изучение позднетуркменских крепостей, осуществленное А. А. Росляковым, позволило ему зафиксировать

многие десятки их. Пример небольшой текинской крепостцы XVIII—XIX вв. дает осмотренная нами в 1947 г. Динг-кала, расположенная севернее станции Гяурс. Ее прямоугольник площадью около 7 га обведен глинобитной стеной, широкой в основании, тонкой поверху. В одном из углов находится бастион. Внутреннее пространство почти лишено микрорельефа: оно, очевидно, не было застроено. Здесь располагались лишь юрты, да в дни осады сюда загоняли скот. Другая позднетуркменская крепость Раши под Ашхабадом отличалась наличием большого числа прямоугольных башен, фланкировавших ее пахсовые стены[1].

Примером хорошо организованной крепости XVIII в. является Хивеабад (в 20 км к юго-востоку от Каахка). Руины его еще в прошлом столетии обратили на себя внимание А. В. Комарова[2]; в советское время специальное изучение Хивеабада проводилось в 1927 г. членами Хаверанской экспедиции[3], а в 1948 г.— XIII отрядом ЮТАКЭ (В. А. Левиной при участии Б. В. Дмитровского).

Крепость была основана по распоряжению Надир-шаха, переселившего сюда из Хорезма (преимущественно из Хивы, откуда и произошло название Хивеабад) 16 тысяч человек[4]. Крепость эта прямоугольна (1100×800 м) и обнесена пахсовой стеной с многочисленными круглыми башнями. Посередине северо-западной и северо-восточной стен помещаются ворота. В центре находится «кала» — внутренняя цитадель. По периметру стен расположены многочисленные сводчатые помещения (по мнению В. А. Левиной, казармы). Жилая застройка имеет регулярный вид и подчинена системе взаимно-перпендикулярных магистралей. В северной части сохранились руины двух сырцовых ледохранилищ

С точки зрения конструктивных и оборонных качеств поздняя крепостная архитектура Туркменистана иллюстрирует определенный регресс строительной и фортификационной мысли. Стены выводятся небрежно, наспех, в основном глинобитной кладкой, изредка — с применением сырца; лишь при наличии вблизи пришедших в упадок средневековых зданий из жженого кирпича в дело употреблялся и он. Стены лишены той капитальности, которая характерна для построек периода рабовладения и развитого феодализма; не только ослаблена массивность кладок, но отсутствуют рационально размещенные внутристенные проходы, камеры для стрелков, парапеты, регулярно расположенные башни и т. д.

Судить о жилой застройке городских и сельских населенных пунктов XVI—XVII вв. в настоящее время почти не представляется возможным: выстроенные из недолговечных строительных материалов, они давно разрушились. Между тем в сочинении историка Абул-Гази (XVII в.) содержится чрезвычайно интересное указание на наличие у оседлых туркмен архитектуры жилья, типы которого у разных племен имели специфические стилевые черты, позволявшие безошибочно различать, например,

---

[1] Ср. Шерпантье. Развалины Закаспийской области.— «Разведчик», 1897, № 325, стр. 28 и 30.

[2] См. «Закаспийская область в археологическом отношении».

[3] Т. Г. Мачнев. Курганы Коша-тепе, развалины Хивеабада, Хосроу-кала, Кюрень-кала и Ших-Назар. — «Древности Абиверда», стр. 28—36.

[4] Махди-хан Астрабадский. Тарихи-Надири. — МИТТ. II, стр. 146 и 166; Мунис. Фирдаус ул-икбал. — МИТТ, II, стр. 333.

Мерв. Мечеть Ходжа Юсуфа Хамадани.

по внешнему облику рядом расположенные аулы, принадлежащие абульхановским и мангышлакским туркменам[1].

Число вновь возведенных в Южном Туркменистане монументальных зданий в пору позднего феодализма было крайне невелико.

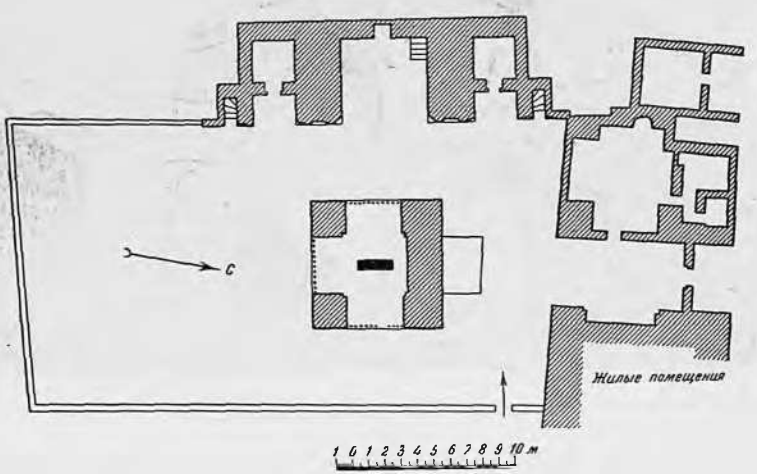
В целях поддержания престижа местных «святынь» в XVI—XVII вв. проживавшими при них представителями духовенства были осуществлены некоторые реставрации (например на мечети Анау, мавзолее Мухаммеда ибн-Зейда в Мерве, мавзолее Астана-баба и др.). С деятельностью духовенства связано также возведение немногих новых культовых построек. В числе их находятся некоторые мазары, например описанный выше круглый мавзолей Машада или Безымянный мавзолей с порталом и ульеобразным куполом на городище Ферава.

Среди построек этого рода следует назвать мечеть Юсуфа Хамадани («Ходжа-Юсуп» в местном наименовании) на городище Старого Мерва близ северо-восточного угла давно опустевшего к тому времени средневекового города Султан-калы. Упоминание этой постройки содержится у ряда авторов, писавших о Мерве: Конноли, О'Донавана, Эварницкого, Жуковского. Последний впервые опубликовал подробные биографические сведения об Юсуфе Хамаданском, возле погребения которого возникло

[1] Абуль-Гази. Родословное древо туркмен. Казань, 1904, стр. 282—283.

здание мечети [1]. Историко-архитектурное изучение этого памятника впервые было осуществлено нами в 1950 г. при участии архитектора Н. В. Князева.

Абу-Якуб Юсуф ибн-Айюб, уроженец г. Хамадана, один из «старцев» дервишеского ордена Накшбендиев (род. в 1048 или 1049 г.), был видной фигурой в среде суфиев Мерва, где он в основном проживал между 1122—1140 гг. Здесь у него была

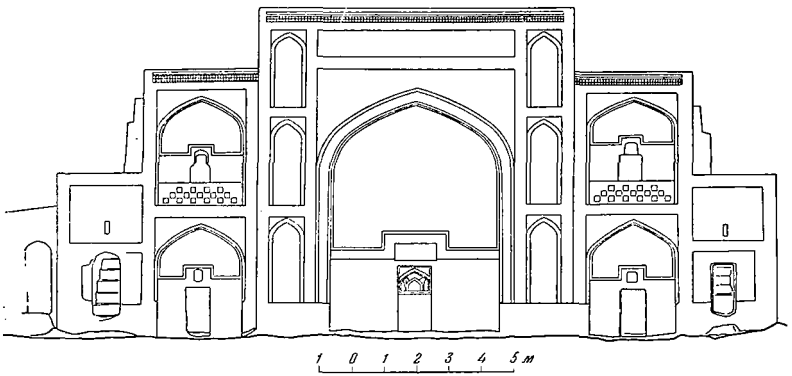
Мечеть Ходжа Юсуфа Хамадани. План строений.

«убогая, обитель», посещавшаяся отшельниками; сюда был перенесен после 1140 г. его прах и здесь был построен мазар, пользовавшийся, по словам ибн ал-Асира (XIII в.), известностью, которая возрастала с веками, о чем свидетельствует Джами (XV в.). Характерно, что в Туркмении существует и второй мазар Ходжа-Юсуфа Хамадани: им считается поздний по своей архитектуре сырцовый мавзолей на городище средневекового Фараба [2].

В. А. Жуковский, рассматривая надмогильное и предмогильное сооружения ансамбля как одновременные, относил их основание к XII в.[3] Но если первоначально над погребением и существовал киоск-мавзолей, то позднее он был в корне перестроен. Во всяком случае существующий купольный чартак-киоск с четырьмя открытыми арками, забранными металлическими решетками, судя по европейскому стандарту кирпича, возник при одной из поздних реставраций.

[1] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 167—172.
[2] Л. Д. Зимин. Старый Фараб. ПЗКЛА, вып. 3, Ашхабад, 1917, стр. 6.
[3] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 172.

С юго-западной стороны на оси надгробия было возведено здание мечети. Оно сложено из жженого кирпича (26×26×5,5—6 см) на глиняном растворе и заключает глубокий арочный айван, в щипцовой стене которого находится ниша михраба; перекрытие ее выполнено из ганча и представляет собой полукуполок, основанный на системе сетчатых парусов. Последние типичны для архитектуры Средней Азии и Ирана XVI в., чем определяется время сооружения самой мечети.

Мечеть Ходжа Юсуфа Хамадани. Фасад.

Устои портала оформлены по высоте тремя глухими настенными арочками. По обе стороны от них расположены двухъярусные лоджии-ниши, верхняя линия которых соответствует уровню второй арочки устоев. По обе стороны от лоджий находится по одноэтажному участку стены, также оформленному арочной нишей. Таким образом, плоскость фасада имеет уступчатое построение с нарастанием к центру. Фасад этот являет собой как бы монументальный экран для надгробия и купольного киоска над ним, однако «экран» не плоский, но пространственный, за счет глубокого свода и лоджий. Идея здесь, несомненно, та же, что и в мавзолее асхабов в Мерве. Существенное отличие однако заключается в том, что здание у могилы Ходжа-Юсуфа Хамаданского выполняет функцию мечети. В силу этого композицию всей постройки можно охарактеризовать как некий монументальный михраб, направляющий взоры верующих на кыблу и вместе с тем обрамляющий почитаемую могилу. Это говорит о развитии именно северно-хорасанского архитектурного приема, представленного в конце XI в. мечетью Талхатан-баба, а в XV в. — мечетью Анау. Мечеть Юсуфа дает новый вариант все той же темы. Характерно, что здесь даже нет закрытого помещения для молящихся. Это как бы монументальный фасад здания без самого здания.

Подобную ступенчатую композицию фасада со средней обширной аркой и примыкающими к ней лоджиями, расположенными в два и в один ярус, дает мечеть в

Дурун. Кизыл имам.

Гайяне (иранский Хорасан, близ афганской границы), где в том же принципе воздвигнуты и парадный вход-дарваза, ведущий во двор, и главное здание мечети[1].

Мечеть Юсуфа Хамадани имеет небольшой двор, обведенный дувалами и обстроенный с двух сторон худжрами для приезжавших на зиарат; пристройки эти недавнего происхождения, но, видимо, они сооружены на месте старой «обители» XII в. Участок, где проживали шейхи, примыкает с южной стороны двора.

Другое дошедшее до нас в руинах здание XVI в. — это мазар Кизыл-имам на городище Дурун. Гравюра с него была опубликована еще в 1883 г. по рисунку, выполненному во время похода в Закаспий ген. Ломакина, войска которого устроили здесь редут[2]. Здание уже в прошлом столетии обратило на себя внимание исследователей[3]. Специальное изучение его впервые было осуществлено V отрядом ЮТАКЭ в 1947 г.[4]

Здание сложено из жженого кирпича размером 24×24×4 см — 25×25×5 см на ганчевом растворе. Оно имеет центральный квадратный зал (6,20×6,20 м), на осях

[1] A. U. Pope. Iranian and Armenian Contribution to the Beginning of Gothic Architecture.— «Armenian Quarterly», vol. I, N 2, 1946, стр. 141, фиг. 36.

[2] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. III. СПб., 1883 (гравюра между стр. 132—133).

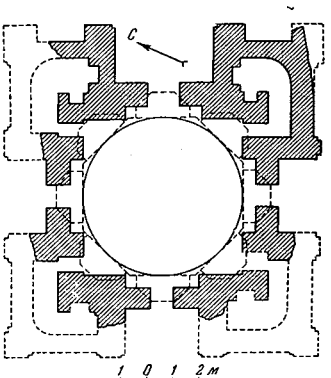
[3] П. С. Васильев. Ахалтекинский оазис, его прошлое и настоящее, СПб., 1888, стр. 2 и 8.

[4] Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 276 и сл.

которого лежат неглубокие ниши и выходы наружу. Композиция почти центрична: на оси каждого фасада находится обширная стрельчатая арка; устои ее оформлены глухими настенными арочками. Угловые массивы постройки заключают небольшие (видимо, двухэтажные) худжры и лестницы для подъема наверх. Главный фасад ориентирован на юг. Арка входа здесь была оформлена в виде конхи.

Мавзолей, по-видимому, имел двойной купол; внутренний был основан на системе тромпов и сетчатых парусов; внешний покоился на цилиндрическом барабане, который лишь и сохранился.

В интерьере видно четкое трехчастное членение: панель, вверху которой проходят надписи, размещенные в удлиненных медальонах; стены, украшенные росписью, выполненной в основном красной краской и состоящей из цветочных орнаментов, система тромпов и сетчатых парусов, осуществляющих плавный переход к плоско-эллиптической чаше купола.

Мавзолей Кизыл-имам в Дуруне. План.

Здание, видимо, являло собой сочетание мазара и ханаки. Подобный принцип планировки дает группа среднеазиатских мавзолеев XV—XVI вв. (Ак-Сарай в Самарканде[1], мавзолей Юнус-хана и Мухаммеда Каффаль-Шаши[2] в Ташкенте) и ханака-мечетей XVI в. (Намази-джума в Беха уд-дине близ Бухары, ханака Хакими-мулла-мир в Рамитанском районе[3] и др.).

Конструкция перекрытия в виде системы сетчатых ганчевых парусов позволяет с полной определенностью датировать здание XVI в., скорее всего первой его половиной; более всего эта конструкция приближается к подкупольной системе мечети Ходжа Зайн уд-дина в Бухаре[4]. По данным П. С. Васильева, еще в 80-х годах прошлого столетия в Кизыл-имаме имелась вмазанная в стену мраморная доска (очевидно, намогильная плита), содержавшая дату — 1513 г.[5]

В 150 м на восток от Кизыл-имама в Дуруне высится руина другой значительной постройки, называемой Ак-имам[6]. Она возведена из сырца (25×25×5 см) и в настоящее время полуразрушена. Характер плана, объемной композиции, конструкций,

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, рис. 73.

[2] Н. И. Френкель. Мавзолей Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши в Ташкенте.—Сб. «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана». [М.], 1950, стр. 76.

[3] В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 35.

[4] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Бухара. М., 1949, рис. 19.

[5] П. С. Васильев. Указ. соч., стр. 8.

[6] Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 283—284.

Мавзолей Ак-имам в Дуруне.

даже общие размеры близки к Кизыл-имаму. Несомненно, что последний послужил для этого мавзолея образцом, но время его возведения восходит к XVIII—XIX вв.

Руины подобного же мавзолея, указанные нам А. А. Марущенко и обследованные в 1952 г., высятся на кладбище Кумбетли-яйла близ покинутого текинского селения на границе песков, севернее колхоза Чопан Геок-тепинского района. Купол здания и часть его стен обрушились при землетрясении 1948 г. Снять план мавзолея нам удалось лишь в его основных контурах, так как здание завалено грудами кирпича.

Мавзолей сложен из жженого кирпича размерами 23×23×4,5—5 см; по постелям их проведено по три параллельных бороздки. Кладка выполнена на глиняном растворе. Кирпич местной выделки, есть немало бракованных (пережженных и недообожженных) экземпляров.

Мавзолей содержит квадратное в плане помещение (5,75×5,75 м) с неглубокими, но обширными арочными нишами в каждой стене. На осях расположены четыре входа. Посредине стоит кирпичное надгробие. Главный фасад был обращен на запад и выражен сводчатой нишей (пролет ее 4,15 м). Меньшие по размерам ниши есть и на остальных фасадах. Угловые массивы здания заключали по худжре, а также лестницы, ведущие наверх.

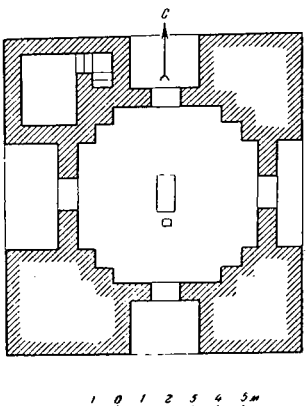
Сохранившиеся арки очень плавного, несколько отлогого стрельчатого начертания, напоминающего арки в дарсханах мечети Анау. Свод главного входа был,

очевидно, оформлен в виде конхи: в углах сохранились тромпы в виде перспективно-сокращающихся трапециевидных арочек.

Переходная подкупольная конструкция была основана на подпружных арках. Снаружи видны остатки восьмерика былого барабана.

По своей планировке мавзолей близок к Кизыл-имаму и к Ак-имаму в Дуруне. Датировка его устанавливается в пределах второй половины XV—XVI вв.; уточнить ее можно будет лишь при постановке раскопок. Самое же кладбище функционировало и раньше: на его территории подобран кусок поливной штампованной терракоты XIV в. [1]

Вблизи имеются развалины другого мавзолея. Кирпич его — размером 25,5—26—27×4,5—5 см. Кладка на глине. План квадратен; вход выделен небольшим арочным порталом. Архитектурные детали грубы; линии арочек (лучковых) невыразительны. Мавзолей явно поздний, воздвигнутый в период резкого упадка городской жизни и строительной деятельности в области Северного Хорасана, вероятнее всего в XVII — начале XVIII в.

Мазар на кладбище Кумбетли-яйла. План.

В рассмотренной группе мавзолеев XVI в. — Кизыл-имам, Кумбетли-яйла заслуживает внимания общий характер объемной композиции, являющейся развитием исконной северно-хорасанской темы центрической усыпальницы. В ней нет особо выделенного пештака, столь характерного для позднефеодальной архитектуры Мавераннахра. Фасады почти равнозначны, и главный выражен лишь некоторым усложнением оформления входной ниши и смежных ей участков стен. По существу, здесь лишь новый этап последовательного развития темы центрической усыпальницы, классические образцы которой сформировались уже в средневековом зодчестве.

Памятники XVI в. — мечеть Юсуфа Хамадани, мавзолеи Дуруна и Кумбетли-яйла — наглядно показывают, что в пору, когда монументальное строительство в Южном Туркменистане сходит на нет, творческие потенции народа не угасают. В постройках этих есть и движение созидательной мысли, и связь с традициями предшествующих поколений. Однако, если в XVI—XVII вв. в Мавераннахре, Южном Хорасане, областях Ирана еще было создано немало выдающихся произведений монументальной архитектуры (напомним постройки Бухары, Самарканда, Балха, Мешхеда, Исфахана, Шираза и др.), то в Северном Хорасане, где все это время не угасала феодальная борьба, почти исчезают предпосылки для монументального строительства.

История Туркмении во второй половине XVIII—XIX в. характеризуется жестокой межплеменной рознью. Подлинное воссоединение туркмен произошло лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в условиях советского строя сложилась социалистическая туркменская нация.

Застройка немногих городов Южного Туркменистана в XVIII—XIX вв. отмечена чертами, присущими всем среднеазиатским городам периода поздних ханств. Чарджоу, Фараб и Керки, входившие во владения Бухарского эмирата и вмещавшие смешанное узбекское и туркменское население, имели обнесенную стенами цитадель бека (для нее использовалась платформа средневекового арка), к которой примыкали плотные иррегулярные массивы жилых кварталов. Для них характерны скученность застройки, запутанная уличная сеть и антисанитария.

Между тем несомненные черты своеобразия (можно считать — элементы национального своеобразия) присущи в ту же эпоху сельским поселениям приамударьинских районов, Мервского оазиса, Ахала и Атека, в составе которых было лишь туркменское население. Городов в собственном смысле слова в силу специфики хозяйственной жизни и особенностей племенного уклада у туркмен было крайне мало. Преобладающим типом являлось крупное сельское поселение с некоторыми чертами, присущими городскому населенному пункту: крепостью, торгово-ремесленным узлом, иногда — культовым ансамблем.

Примером позднетуркменского города может служить Пештак, руины которого лежат близ железнодорожной станции Каахка. Основан он был туркменами племени али-эли, издревле проживавшими в этом районе, в 1740 г. выселенными Надир-шахом в Хиву, но при русских в 1876 г. вновь возвращенными к родным местам. Археолого-топографическое изучение позднего городища Пештак, осуществленное в 1948 г. XIII отрядом ЮТАКЭ (археологом В. А. Левиной при участии архитектора Б. В. Дмитровского), позволило восстановить основные черты его планировки и распределения городских функций в XVIII—XIX вв.[1]. Город возник на территории шахристана и отчасти рабада средневекового Абиверда. Старая цитадель с ее великолепными стенами была использована в качестве крепости, куда население укрывалось во время грабительских набегов неприятелей; здесь были даже осуществлены некоторые оборонные мероприятия: отремонтированы стены, углублен ров. Самый город П-образно огибает цитадель, имея осевую магистраль, от которой отходили прямые узкие улочки, очерчивавшие кварталы. В нем выделялся торгово-ремесленный узел с лавками, мастерскими и постоялыми дворами.

Планировка туркменских селений, расположенных в предгорьях Копет-дага, в значительной мере была обусловлена направлением питающих русел. Последние были связаны или с немногочисленными, небольшими горными саями или с каналами, вода которых поступала наружу из системы кяризов. Примером селения, лежащего на сае, является аул Анау, сложившийся у крепости Багабад и населенный группой анаулинцев[2]. Вода Лоин-чая направлялась от главного русла по вееру арыков, на котором лежало селение; вдоль отводных арыков шли главные уличные магистрали. В верхнем участке города располагались базарная площадь и ремесленные мастерские;

[1] См. В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища, — «Труды ЮТАКЭ», т. III, ср. 19 и сл. Первый, весьма схематичный и неверный план Пештака, снятый топографом П. С. Бугро, опубликован в сборнике «Древности Абивердского района» (Ташкент, 1931). Новая, уточненная съемка плана была осуществлена В. А. Левиной в 1948 г.

[2] См. В. А. Левина. Позднее городище Анау. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 342 и сл.

в нижнем участке — кладбище и культовый комплекс; основной доминантой последнего служила знаменитая мечеть XV в. при могиле шейха Джемал ад-дина. Возвышенный массив средневекового (в основе своей парфянского) города использовался жителями как крепость. Жилая часть Анау заключала обширные участки, на которых располагались жилые и хозяйственные постройки и возделывались сады, виноградники и огороды.

Сельскохозяйственное назначение не менее отчетливо выражено в планировке мурчинских селений Бахарденского района. Особенно характерна в этом отношении Дэв-кала (ныне колхоз им. Сталина), возникшая в 80-х годах XIX в. на землях, выделенных русским правительством для мурчинцев, которых до того крайне теснили текинцы. Дэв-кала вытянута с юга на север вдоль двух отводов питающих арыков. Посередине пролегает главная улица, застроенная по красным линиям домами и дувалами. Участки нарезаны узкими прямоугольниками перпендикулярно к этой улице. В обращенной на главную улицу части размещен дворик, обстроенный жилыми домами, амбарами, хлевами и пр. Вся остальная площадь участка заключала сад, виноградники и огород. В селении было две небольших «гузарного» типа мечети. В северной части селение завершалось обширной крепостью.

В отличие от тех туркменских аулов, которые возникали близ старых городищ, чьи твердыни использовались в качестве цитаделей, крепость Дэв-кала была заново создана. Кала обнесена пахсовыми стенами, фланкированными в углах круглыми башнями, и заключает внутри обширное пространство, в котором могли бы отсиживаться жители в дни осад. Посередине расположена внутренняя цитадель, в свою очередь обнесенная стенами с башнями. Пространство калы обстроено по периметру стен глинобитными сооружениями, видимо для временного обитания укрывавшихся в крепости жителей. Имеется здесь интересное купольное сырцовое строение — своеобразный «элеватор» для хранения зерна.

Оборонное назначение особенно отчетливо выражено в планировке и застройке селений туркмен-теке — не кочевой их части, но тех, что начали оседать на землю. «Каждое селение, — писал в прошлом столетии Ю. Д. Мельницкий, — представляет крепостцу, которую можно взять без потерь лишь при содействии полевой артиллерии»[1].

Вот как характеризовал укрепленные поселения Ахал-Текинского оазиса Н. Н. Каразин, освидетельствовавший некоторые из них в 1884 г.: «Эти сооружения представляют собой четырехугольные и многоугольные, непременно замкнутые редуты, обнесенные высокими глинобитными стенами и рвом с наружной стороны; на углах таких редутов — фланкированные башни, рондели с висячими бойницами, такие же башни по бокам ворот, — вот и все. Посередине города, обнесенного такой оборонительной оградой, на искусственно насыпанном холме — цитадель, тоже глинобитная, доминирующая над внешней оградой; между цитаделью и стенами города расположены базары и тесно скучены глинобитные сакли и кибитки обитателей. Прибавьте к этому группы

[1] Ю. Д. Мельницкий. Маршрутное описание путей между Ашхабадом и Мешхедом. — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XXIII. СПб., 1886, стр. 159.

тутовых и таловых деревьев, плантации джугары, риса, табака и хлопка, виноградники и посевы люцерны, прорежьте всю окрестность сетью больших и малых оросительных канав (арыков), проведите между плантациями извилистые, узкие дорожки, и вы получите полный тип туркменского населенного пункта, — тип почти тождественный с населенными пунктами оседлых областей Средней Азии»[1].

Характерный пример текинского селения дает селение Багир, сложившееся в конце XVIII в. на землях Нисы[2]. Вплоть до прихода русских Багир являл собой комплекс «кала». Каждая из них представляла собой род небольшой крепостцы, обнесенной высокими стенами и фланкированной башнями. Кала служила прибежищем для группы семей одного рода, имущественным положением которого определялись ее размеры. Ориентация калы самая произвольная; направление улиц в селении беспорядочное, следующее изгибам ограждающих стен, границ участков или питающих арыков. По существу, это механическое соединение самостоятельных усадебных ячеек, не связанных какой-либо единой планировочной идеей, которая, например, наличествует в Дэвкале и в Анау.

Еще ждет своего специального исследования текинское селение Койне-Ахал (или Кумбетли-яйла). Оно связано с процессом оседания на землю текинцев, в хозяйственной жизни которых однако значительную роль играло скотоводство. Селение лежало за границей барханных песков, где вновь идет полоска пригодной для земледелия земли, а за ней начинаются пески пустыни. Усадьбы очень обширны, обведены дувалами, но заключают незначительное число жилых и хозяйственных строений. Имеется мощная кала, прямоугольная в плане с высокими пахсовыми стенами, фланкированными шестью-восемью округлыми башнями. Здесь есть руины комплекса культовых сооружений, в числе их девятикупольное медресе.

Область Мерва и приамударьинские районы характеризует совсем иной, чем в Атеке, характер расселения проживавших здесь оседло-земледельческих туркменских племен. Отличие это было продиктовано иными условиями водопользования. Если в предгорьях Копет-дага земли и возделывались вдоль маловодных саев и русел кяризных систем, то в Мерве земледелие связано было с широкой сетью отводных каналов, питаемых водами Мургаба, а в области между Чарджоу и г. Керки — с узкой прибрежной полосой плодороднейших земель, тянущихся вдоль Аму-Дарьи. Туркменские селения здесь носят рассредоточенно-хуторской характер; сел и деревень с компактной уличной застройкой в сущности нет. Вот как описывает путешественник прошлого столетия путь между г. Мары и Байрам-Али: «Аул от аула отличить нельзя. Они так часто сидят вокруг Мерва, что сливаются своими садами и виноградниками в одно сплошное громадное поселение... Рядом с глинобитными домами вперемежку с ними и отдельно от них в садах и на выгонах аула целые становища круглых войлочных кибиток»[3]. Подобные же характеристики можно прочитать и в отношении

[1] Н. Н. Каразин. Экспедиция против Ахал-теке («Всемирная иллюстрация», 1884) — Сб. «Туркестан». Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, инв. Т. п/3437, т. XVI, л. 169.

[2] См. М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 94 и сл., В. Д. Жуков. Изучение пригорода Нисы в 1946 г. (там же, стр. 170 и сл.); см. также «Труды ЮТАКЭ», т. III, стр. 8 и сл.

[3] Е. Марков. Россия в Средней Азии. СПб., 1901, стр. 274.

Селение Багир. Шейх-кала.

поселений, тянувшихся на юг от Чарджоу, с той лишь разницей, что юрты были здесь крайне редки.

Отсутствие компактных населенных пунктов — одно из несомненных свидетельств регресса общественной жизни в позднефеодальном Туркменистане. Для контраста достаточно вспомнить, что в списках средневековых авторов X—XIII вв. для одного лишь Мервского оазиса названы десятки городов и сотни селений, от которых остались к XVIII—XIX вв. лишь бесчисленные тепе.

Кочевой уклад, который в XVIII—XIX вв. был ведущим в жизни некоторых туркменских племен (теке, йомутов), способствовал образованию у них большого числа кочевых аулов. Они представляли собой становища юрт, разбитые обычно в известной системе с соблюдением прямых линий, образующих род улиц, на которые юрты были обращены входными проемами.

Традиционен взгляд, будто юрта являлась единственным типом жилища туркменского народа. В прошлом столетии с легкой руки Г. Вамбери создалось представление о туркменах как о «сынах пустыни», живущих в неприхотливых разборных кибитках. «Обычай строить дома, то есть постоянные жилища, до сих пор еще не утвердился в Средней Азии, даже в тех ее местах, где оседлость существует в течение уже целых столетий», — утверждал Вамбери[1]. Это отрицание у народов Средней Азии собственной строительной культуры прочно укоренилось за рубежом. Эта точка зрения не была рассеяна и нашей дореволюционной наукой. Хотя в программу задач Этнографо-статистического отдела Аму-Дарьинской экспедиции 1874 г.

[1] А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 106.

Селение Багир. Каурма-кала.

было включено изучение туркменских жилищ и поселений, работа эта так и не была осуществлена[1]. В публиковавшихся же материалах и обзорах по Закаспийскому краю, где нередко кроме юрт упоминаются «глинобитные мазанки» туркменских племен, ведущих земледельческое или оседло-скотоводческое хозяйство, строительство их связывалось с деятельностью персидских поселенцев. Постройки эти квалифицировались не как создания архитектуры, но как «глиняные четырехугольные ящики без крыш, массивные и почти слепые», как «глинобитные сакли персидского типа», в отношении которых «о каких-либо архитектурных приемах не может быть и речи»[2] и т. д.

Характерно, что и в советское время этнографы называли как единственно-национальный тип жилья туркменскую юрту «гара-ой»[3]. Об отсутствии опыта в жилищной архитектуре у туркменского народа утверждают и в среде историков архитектуры[4].

Исследованиями ЮТАКЭ в корне поколеблена эта точка зрения и выявлены традиции жилищной архитектуры в Южном Туркменистане[5]. Юрта была здесь специфична лишь для тех туркменских племен, которые вели чисто-кочевое хозяйство и соответ-

[1] Программы для исследований Аму-Дарьинской экспедиции.— «Изв. РГО», т. X, 1874, стр. 203—204.

[2] Е. Марков. Указ. соч., стр. 274; А. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900, стр. 39—40; А. Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 38.

[3] П. И. Иванов. Өj—кибитка.— «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 47—50.

[4] В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, стр. 126.

[5] См. В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. — «Труды ЮТАКЭ», т. III, М., 1953.

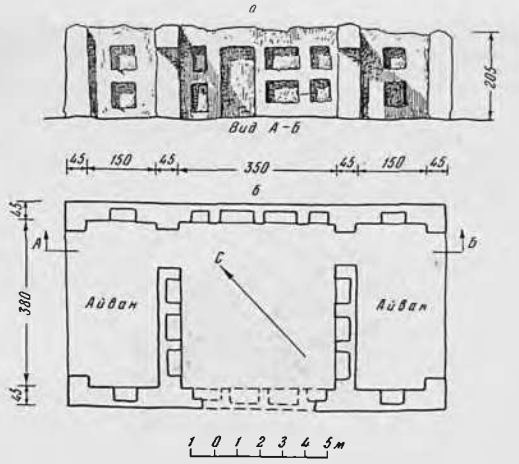
Койне-Ахал. Жилой дом.

ствующий ему образ жизни. Характерно, что даже такое кочевническое в основном племя, как теке, по мере оседания на землю в районах Атека и Мервского оазиса переходило к смешанному типу жилища, заключающего обнесенную высокой пахсовой стеной усадьбу с различными надворными постройками и с юртой (или группой юрт), стоящей во дворе. Типичные примеры таких текинских усадеб дают руины родовых текинских кала селения Багир, названия которым обычно давались по именам старейшин родов, владевших землями Багира.

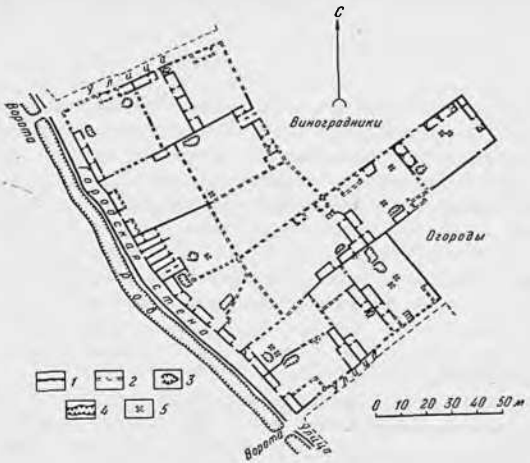
Несколько иной характер отличает текинские постройки Койне-Ахала. Селение это имело одну большую калу, а потому частновладельческие усадьбы совсем не укреплены. Дома содержат две-четыре комнаты. Перекрытия их по большей части балочные, но встречаются и купольные, сложенные из сырца. В стенах устроены ниши-касамоны; в углу некоторых комнат встречаются камины.

С точки зрения архитектурных качеств среди селений предгорной полосы Копет-дага значительно больший интерес представляла жилая архитектура тех небольших туркменских племен, которые принадлежали к аборигенным группам, искони населявшим эти территории и стойко сохранявшим свои культурные традиции: али-эли, анаули, мурчали, нухурли.

Руины построек али-элинцев сохранились в Пештаке. Вот как описывает М. В. Дандевиль один из богатых али-элинских домов: «Я вошел в широкие ворота

Пештак. Жилой дом.
а) Разрез по *А—Б*; *б*) план.

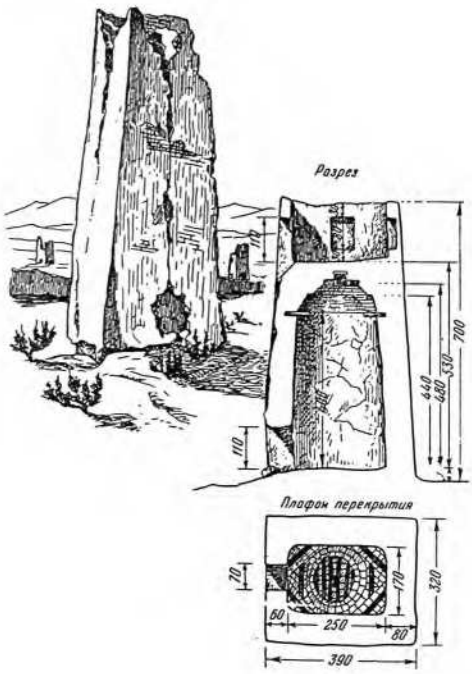

Пештак. Жилой квартал. План.

грязного (т. е. хозяйственного. — *Г. П.*) двора. После недлинного прохода двор круто заворачивал в сторону, и внутренность его скрывалась за высоким забором с дверцей посередине... я очутился на чистом дворике с небольшой саклей у противоположной стены. Сакля эта состояла из двух комнат, одна из которых, не имея стены, представляла род веранды. Такое помещение, предназначенное для приема гостей, называется «мехман-хана»[1]. Изучение руин жилых домов Пештака позволило В. А. Левиной выделить четыре планировочных типа, из которых три обязательно имеют айван: центральный, угловой или же два боковых, расположенных по обе стороны от среднего помещения. Стены были сырцовыми. Перекрытия плоские на деревянных балках; отмечено употребление потолка «дарбази». Стены интерьеров снабжены нишами. Видны забота о комфорте и благоустройстве быта, устойчивая традиция строительства, умелое использование местных подручных строительных материалов[2].

[1] М. В. Даниевиль. Указ. соч., стр. 532.
[2] «Труды ЮТАКЭ», т. III, стр. 19.

Жилые усадьбы позднего Анау (туркменское племя анаули) дают иной архитектурный тип [1]. В них четко выражено сельскохозяйственное назначение, что обусловливалось основным занятием жителей. Застройка располагалась по периметру участка, основной массив которого занимали посевы и сады. Дом имел две-три комнаты. Почти обязательным элементом его являлся динг — высокая двухэтажная башня, служившая в качестве жилья в мирное время и становившаяся оборонной в дни налетов аламанщиков. Динги Анау квадратны или круглы в плане; они имели форму высокого усеченного конуса или пирамиды. Материалом служила пахса, реже сырец. Междуэтажные перекрытия были плоскими, «дарбази» или купольными.

Анау. Динг.

Своеобразна жилая архитектура мурчинцев (селения Мурча и Дэв-кала Бахарденского района; некоторые постройки мурчинских строителей есть в самом Бахардене) [2]. Планировку мурчинской усадьбы характеризует подразделение на два отсека. Первый, примыкающий к улице, содержит жилой дом и надворные постройки: зерновой склад и стойла для скота. Основная территория участка занята садом (с фруктовыми деревьями и обязательно с тутовыми, листья которых шли на выкормку шелкопряда), виноградником и огородом. Усадьба огорожена невысоким дувалом, из-за которого видны строения двора; здесь совершенно нет той глухой изоляции от внешнего мира, которая присуща текинским кала или эрсаринским ховлы.

Для планировки жилого дома типичен прямоугольный контур и наличие от двух до четырех смежных комнат. Вдоль длинного фаса дома располагается антовый айван

[1] «Труды ЮТАКЭ», т. III, стр. 14 и сл.; В. А. Левина. Жилище Анау. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, стр. 379 и сл.

[2] «Труды ЮТАКЭ», т. III, стр. 11 и сл.

на деревянных колоннах. Колонны очень стройны; стволы их увенчаны оригинальными деревянными подбалками. Последние нередко оформлены в виде капители ионического типа с волютами, спиральный раствор которых идет от круглого глазка, и с боковыми поверхностями, вырезанными в форме простых баллюстр. Мурчинские капители дают пример очень стойкого переживания местной архитектурной формы, насчитывающей

Анау. Жилой дом.

более чем двухтысячелетнюю давность. Сами мурчали именуют эти капители «гочбуйныз» (бараньи рога), поскольку форма волют близка к этому широко распространенному в туркменской среде орнаментальному мотиву.

Не менее своеобразен другой тип мурчалинских колонн. Не располагая древесным стволом достаточного сечения, строитель использует пару тонких смежно-поставленных стоек, связанных поверху поперечной импостной подбалкой, на которой покоится прогон. В этих спаренных колоннах может быть сохранилась древняя деревянная конструкция, послужившая прообразом тех мощных кирпичных четырехлопастных столбов, которые несут основные прогоны перекрытия Квадратного зала в парфянском дворце Старой Нисы.

Перекрытия айванов архитравные. Над прогонами выступают торцы поперечно-опертых балочек, другие концы которых заделаны в стену. Кровля плоская земляная.

Материалом стен обычно служила пахса; цокольная часть нередко сложена из камня на глиняном растворе; в подгорных районах из камня иногда возводились и стены.

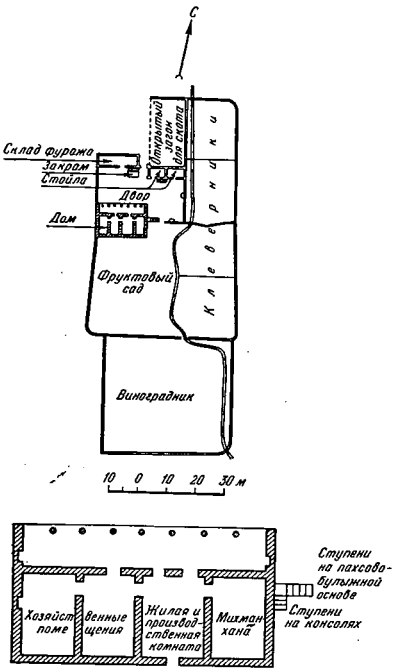
Анау. Динг.

Стены снаружи смазаны глино-саманной штукатуркой, их гладь оживляют проемы окон с прямой или треугольной перемычкой.

Жилые покои даже при небольших размерах плана очень высоки — до 4,5—5 м. Эта значительная высота обеспечивала хорошую кубатуру и тот добавочный воздушный объем, который спасал помещения от перегрева. Оформление интерьеров имело четко выраженный архитектонический характер. Стены оштукатурены ганчем; им же выполнены в легком рельефе различные архитектурные элементы. Понизу проходит панель высотой до 80 см. Основная плоскость стены разбита на равные интервалы, причем на стенах изображен силуэт колоннады с капителями фестончатого очертания, тип которых сохранился в некоторых старых мурчинских мечетях. Над этой колоннадой проходит полоса архитрава и линия сомкнутых полукружий, видимо имитирующих торцы кругляков, опертых на прогон. Иногда в межколонных промежутках устраиваются ниши для утвари. Нередкая принадлежность интерьера — камин.

Система перекрытий в помещениях та же, что и в айванах. Отличие состоит в том, что комнаты, как правило, имеют «чистый» потолок. Последний подшит над несущими балочками и выполнен из тщательно пригнанных нешироких (до 7—8 см) дощечек, размещенных или перпендикулярно к балочкам, или чаще под углом 45° к ним. Этот тип мурчинского потолка отличен от характерного для узбекского и таджикского жилища потолка «васса» в виде сплошного наката из полукругляков.

Жилые дома мурчинцев характеризует большое своеобразие архитектурных форм (колонны, плафоны, обработка интерьеров) и глубокая связь их с традициями местного зодчества, генезис которых восходит еще к парфянской эпохе.

Селение Мурча. Усадьба и дом Девлет Юз-баши-оглы.

а) План усадьбы; *б*) план жилого дома.

Типологически близка к мурчинским традициям и архитектура небольшого, живущего по соседству с мурчали, туркменского племени нохурли[1]. Селения их лежат в предгорьях Бахарденского и Кара-Калинского районов. Природные условия побудили жителей к широкому использованию в строительстве камня наряду с сырцовым кирпичом. Из камня выкладываются на глубину около 1 м фундаменты и цоколь, приподнятый примерно на ту же высоту. Стены выводятся из сырца (современный размер его 25×13×7 см) на глиняном растворе; толщина стен обычно — в два кирпича, высота — до 2,5—3 м. Перекрытия плоские. Арчевые балки укладываются через 40—50 см; промежутки между ними обшиты дощечками, расположенными поперек или диагонально, как бы образуя рисунок «в елку». Затем накладывается камыш или саман, после чего — толстый слой сырой глины; вслед за этим поверхность заравнивается тщательной глиняной смазкой. В середине потолка оставляется отверстие для выхода дыма; под этим отверстием ставится железная печь, а в старину, видимо, располагался открытый очаг; иногда в углах устраиваются небольшие камины.

Планировка домов несложна: они содержат от двух до трех смежных комнат, сообщающихся дверьми. Нередко вплотную к жилой группе примыкают помещения для скота. Почти обязательным элементом жилья служит колонный айван. Колонны того же типа, что и у мурчинцев,—с волютообразными капителями «гоч-буйныз».

[1] Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. — «Среднеазиатский этнографический сборник», М., 1954, стр. 126 и сл.

Селение Мурча. Айван жилого дома.

Любопытно, что последние иногда расположены не вдоль несущего прогона, но перпендикулярно к нему, чем нарушается строительная логика этой формы, призванной играть роль подбалки, сокращающей межколонные пролеты прогона и равномерно передающей силы давления крыши на колонны. Во всяком случае, и здесь налицо стойкое переживание в этнографической архитектуре древних приемов местного народного зодчества.

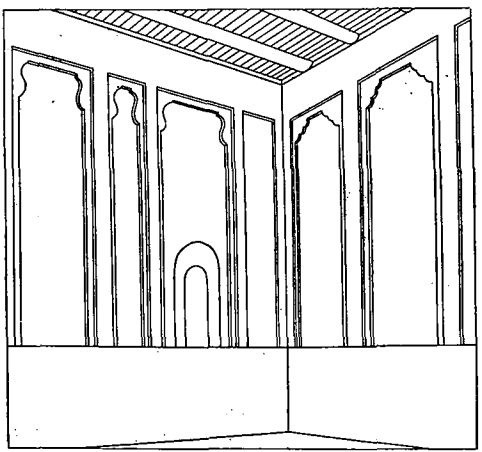
Совершенно иной характер присущ жилищам туркмен Марыйской области [1].

Участок усадьбы обычно имеет прямоугольный контур и обнесен глинобитным дувалом. Жилые и хозяйственные постройки располагаются в одном из углов двора, реже — по его периметру. Дома одноэтажны; плоские перекрытия основаны на стропильных балках, по которым поперечно положены камышевые маты, смазанные поверху глиной; на этой смазке положен слой утрамбованной глины, также покрытой глино-саманной смазкой. Очень широко использовались в мервской народной архитектуре также сводчатые перекрытия — своды «отрезками», своды балхи и купола, основанные на тромпах или на «перспективных» парусах. Дома заключают от двух до шести комнат. Конструктивно каждое из помещений, перекрытых куполом или сводом балхи, представляет как бы самостоятельный архитектурный объем, примк-

[1] «Труды ЮТАКЭ», т. III, стр. 24 и сл.

нутый к такому же смежному объему. В стенах устроены многочисленные нишки для утвари; в углу располагается камин, дымоход которого проходит в толще угловой кладки. Дома обычно имели легкую террасу-айван на деревянных колоннах.

Разнообразное сочетание куполов определяет собой общий силуэт этих домов. Сюда включается также характерный вертикальный элемент — башня-динг. Их назначение то же, что и дингов Анау: хозяйственное и оборонное. Динги мервской

Селение Мурча. Михман-хана в доме Сахата Халмурадова.

группы дают образцы квадратного, круглого и восьмигранного башенного типа. Динги ставились возле жилого дома, но иногда особняком: в углу или даже посередине двора. Высота их достигала 10—12 м; пропорции их стройны, силуэт отчетлив. Внутри динг имел два этажа, но иногда первый был превращен в род платформы, так как был забит глиной. Подъем наверх осуществлялся посредством приставных лестниц. Грани многогранных дингов подчеркнуты рельефными лопатками. На прямоугольных иногда встречается несложный гребенчатый орнамент. Местами устраиваются смотровые щели и небольшие оконца. Внутренние стены динга снабжены нишками.

Возвышаясь многими сотнями среди густой зелени плодороднейшего Мервского оазиса, стройные вертикали дингов придавали местности очень своеобразный селуэт, о чем упоминают в своих очерках путешественники конца прошлого — начала нашего столетия.

Мурчинское селение Дэв-кала. Строения в цитадели.

Иной архитектурный облик присущ жилым постройкам Приамударьинских районов Южного Туркменистана[1]. Оазис тянется здесь узкой непрерывной полосой между рекой и песками пустыни от Чарджоу к г. Керки. Он издавна населен оседлым туркменским племенем эрсари. Главным занятием населения служило земледелие, шелководство, изготовление лодок и домашнее скотоводство.

Основной тип расселения носил рассредоточенно-хуторской характер; многочисленные усадьбы-ховлы, большие и малые, отстояли на расстоянии 100—500 м друг от друга[2]. Каждая ховлы представляла собой род малой крепостцы, обнесенной высокими стенами; в оформлении стен видны пережиточные формы крепостной архитектуры: угловые и навесные башенки, зубчатые парапеты, ложные бойницы.

Основным строительным материалом служила пахса; в кладках арок применялся сырцовый кирпич. Дерево использовалось на перекрытия и колонны. Из камыша, в обилии растущего вдоль побережья, изготовлены маты, употреблявшиеся в крышах и в качестве изоляционных прокладок в цокольной части стен.

[1] «Труды ЮТАКЭ», т. III, стр. 28 и сл.

[2] Характерный пейзаж эрсаринских ховлы в окрестностях Чарджоу зафиксирован был в 1879 г. Н. Н. Каразиным; см. сб. «Туркестан», Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, инв. Т. п/3437, т. XVI, л. 166; см. также Л. Е. Дмитриев-Кавказский. По Средней Азии. СПб., 1894, стр. 5 и 6.

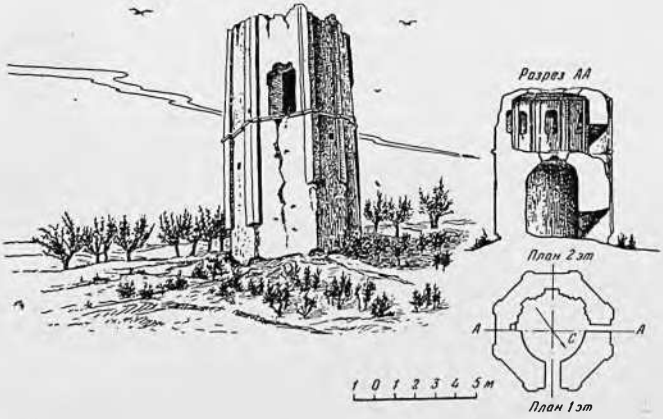
Сырцовый дом в Марыйской области.

Жилой дом в Марыйской области.

Усадьбы в окрестностях Байрам-Али.

Динг в окрестностях Байрам-Али.

Динг в окрестностях Байрам-Али.

Чарджоуская область. Ховлы.

Район Саккара. Ворота ховлы.

План ховлы чаще всего прямоуголен. Обычно он подразделен на две части. Одну из них занимает скотный двор, по периметру которого размещены стойла; скотный двор отделен от чистого специальным забором. В чистом дворе ховлы строения обычно расположены вдоль одной или двух стен и заключают жилые и хозяйственные помещения. Часть построек в целях экономии площади выведена в два этажа; это двухъярусное строение именуется «учек». Оно служило для жилья или в качестве подсобного хозяйственного помещения. В былые времена учек использовался также и как динг: в нем во время набегов укрывались застигнутые врасплох жители.

При жилой части дома нередко имелся айван на деревянных колоннах, обычно ориентированный на север. Во дворах зажиточных эрсаринцев иногда ставилась юрта, которой однако не встречалось в ховлы бедняков[1].

Архитектурную композицию приамударьинских ховлы характеризуют массивы глухих стен и вздымающихся над ними объемов учеков. Стены выведены с обычным для глинобитного строительства скосом граней, что придает им черты устойчивости и массивности.

Заслуживает внимания прием введения в цокольной части стены (на 30—35 см от уровня земли) камышевой прокладки толщиной 6—7 см. По объяснению туркмен,

[1] А. Быков. Очерк долины Аму-Дарьи. — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. IX. СПб., 1884, стр. 55.

это солеизолирующие прослойки, гарантирующие стены от разрушения почвенными солями.

В разделке стен большую роль играют фактурные качества пахсовых кладок. Четко выделены горизонтальные ряды, высота которых несколько сокращается снизу вверх. В отделке поверхности виртуозно используются эластические свойства сырой глины, по которой особым гребенчатым инструментом — чикычем наносится «штриховой» рельефный орнамент. Наиболее распространена орнаментация вертикальными каннелюрами. Широко встречается также «шахматная» разделка, когда плоскость стен членится в виде сетки прямоугольников, среди которых гладкие чередуются с заштрихованными прямо, вкось, в елочку, зигзагом и т. п. Прием этот особенно наглядно выражает блочный характер пахсовой кладки. Иногда стена оставляется гладкой, но на ней ритмически распределены отдельные орнаментальные полосы или панно. Изредка встречаются крупные орнаментальные круги, помещенные обычно на восточной стене, что может быть намекает на их связь с солярными эмблемами.

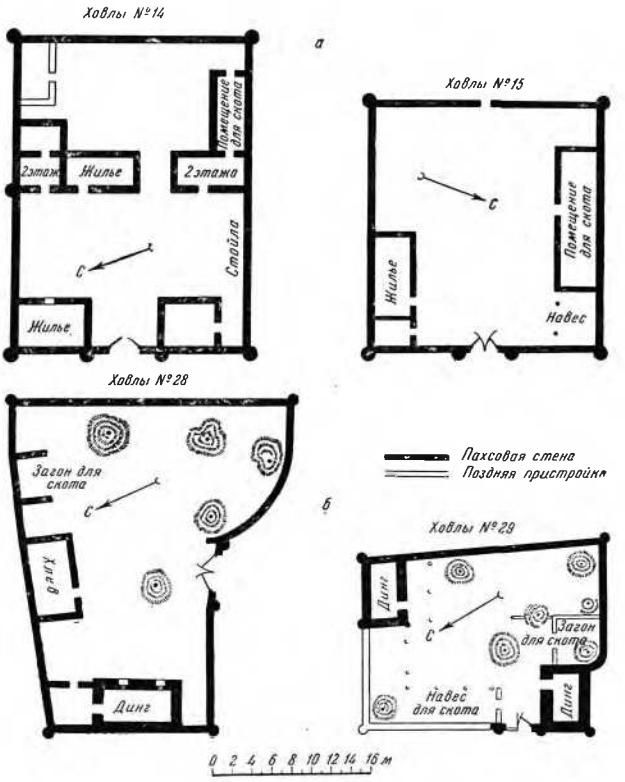
В оформлении стен значительное место принадлежит пережиточно-крепостным формам. Так, на углах ховлы у ворот, а иногда и в промежутках на стенах размещены круглые башенки-гульдаста. Вверху стен устраиваются ложные навесные башенки-рондели, а также рельефные козырьки для несуществующих бойниц. Поверху проходит ложный зубчатый парапет. В надвратной части нередко размещаются щелевидные бойницы — прямые, иногда со стреловидным завершением. Въезд в ховлы подчеркнут башенками, возвышен относительно стен, имеет навесной козырек и массивные двухстворчатые ворота.

Ансамбль строений, находящихся внутри ховлы, характеризует органическое слияние с пространством двора. В жилой группе это осуществляется через посредство айванов, верхних лоджий и, наконец, самым расположением их по периметру «чистого» дворика. Если во внешнем виде ховлы господствует гладь стен, то здесь наблюдается сочетание различных объемных и пространственных элементов. Композицию их можно было бы назвать живописной: в ней нет единой оси симметрии, нет строгого взаиморавновесия отдельных слагаемых ансамбля, она свободно строится как в пространстве самого двора, так и по вертикали благодаря введению двухэтажного учека, которому наклонные грани стен и плоское перекрытие придают форму усеченной пирамиды, развитой в высоту.

Своеобразный элемент усадеб приамударьинской группы туркмен-мукры (архитектура которых в общем типологически сходна с эрсаринской) составляет «куммез», купольное строение, стоящее в глубине двора. Оно содержит единственное круглое в плане помещение, в центре которого располагается очаг, и имеет форму высокого (до 7 м) эллипсоидального купола, сложенного из пахсы. Внешняя поверхность рядов пахсы оформлена орнаментом чикычем в косую клетку. Куммез был предназначен для стариков, которые проводили в нем целые дни у очага[1]. Генезис куммеза, видимо, уходит в глубокую древность. Мы склонны поставить его в связь с переходом

[1] «Труды ЮТАКЭ», т. III, стр. 42 и сл.

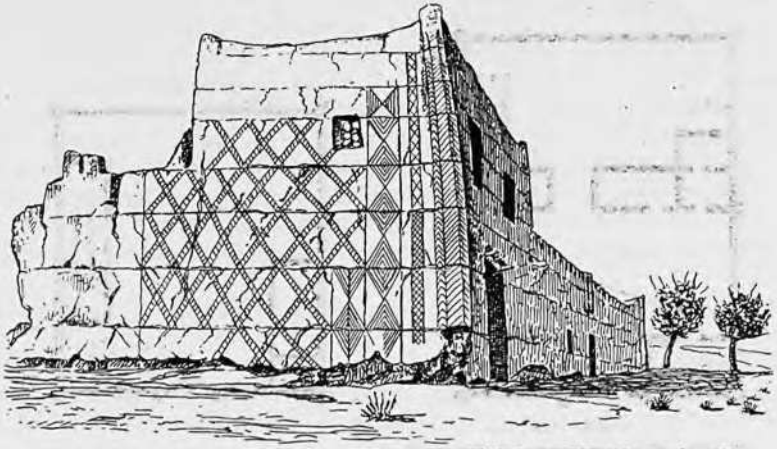
от кочевой кибитки-юрты к стационарному жилью с сохранением круглого плана юртообразной формы, дымового отверстия — «тундюка», но уже с использованием долговечного строительного материала и достаточно совершенной конструкции.

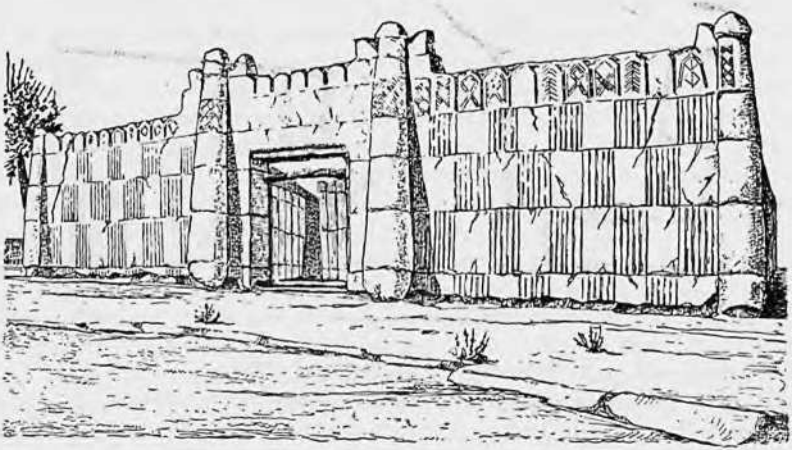
Чарджоуская область. Планы усадеб.

а) Ховлы близ селения Ламбе; *б*) ховлы близ селения Халач.

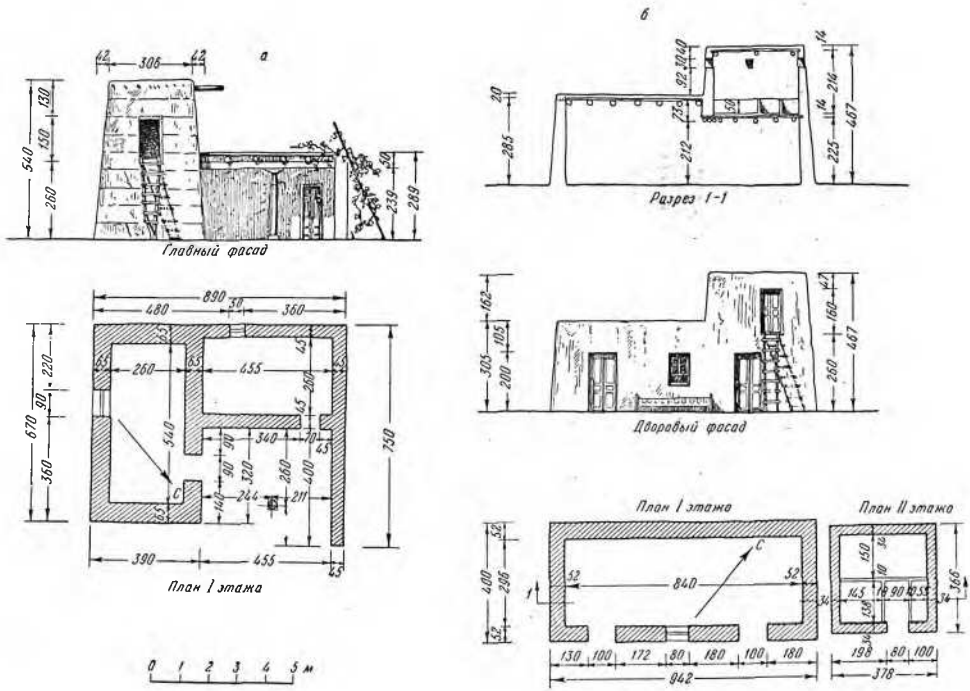
К этому убеждению склоняет то, что в районе Астана-баба эрсаринцы до сих пор нередко устраивают юрты, остов которых крыт не кошмами, а плетенными из чия циновками, обмазанными снаружи глиной. Они используются исключительно в теплое

Ховлы близ Ламбе.

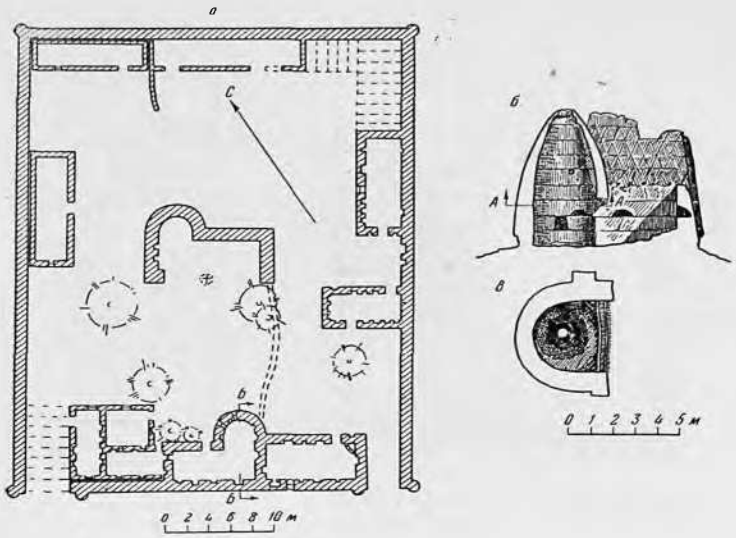

Ховлы близ Ламбе.

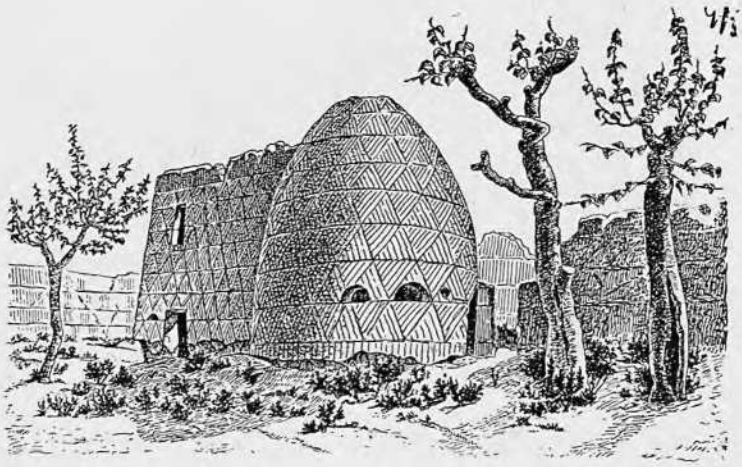
Селение Астана-баба. Дом Джума Джабарова.

а) Жилое зимнее помещение с айваном; *б*) жилое зимнее помещение.

Кувакский район. Ховлы Раушана Мереда.

а) План; *б*) разрез *Б—Б*; *в*) вид *А—А*.

Куммез ховлы Раушана Мереда.

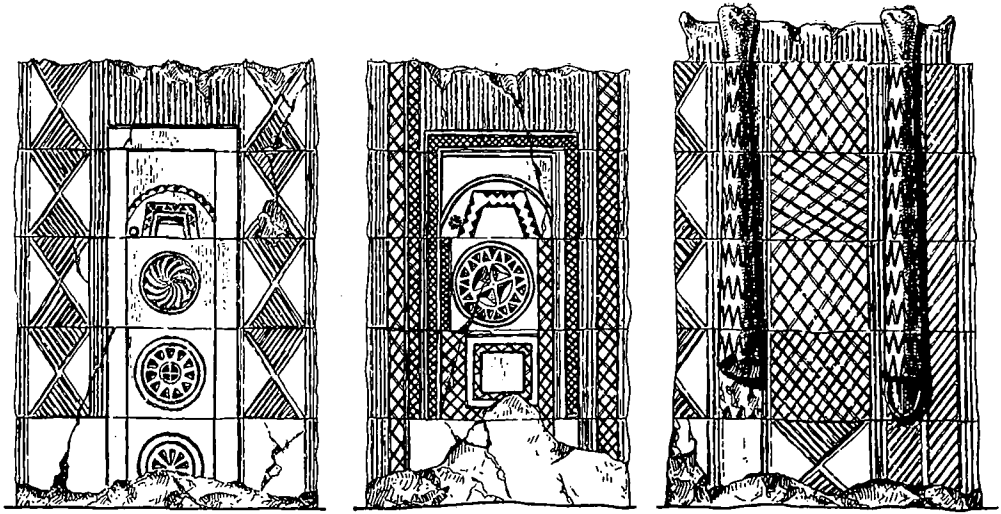

Схема обработки стены

Детали декора пахсовых стен.

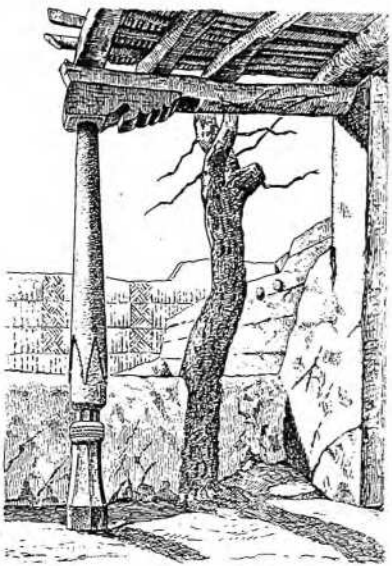
Район Саккара. Ховлы

время года и очень недолговечны, но зато легко выполнимы и дешевы. Мукринские же куммезы — это капитальные сооружения, которым приданы черты подлинно монументальной архитектуры: прочность конструкции, четкий силуэт и орнаментальная обработка поверхностей. Это «дом очага», пережиточная форма патриархального уклада, сохраненная в традициях маленькой автохтонной туркменской группы и не имеющая себе параллелей в зодчестве других среднеазиатских народов.

В архитектурном решении жилых строений эрсаринских ховлы большую роль играет айван на деревянных колоннах. Последние нередко являют собой хорошо разработанный архитектурный тип. Колонна вытачивается из цельного древесного ствола, сечение круглое или восьмигранное, пропорции стройны (диаметр к высоте находится в отношении 1:13). Базис занимает от одной четверти до одной трети общей высоты и имеет развитой восьмигранный «стул», увенчанный цилиндрической или многогранной подушкой и шаровидный базис-кузаги. Капители нет, но обязательно есть подбалка с фестончатым оформлением концов. Развивая общий для всей Средней Азии тип деревянных колонн, эрсаринские колонны имеют ярко выраженное своеобразие в трактовке форм и деталей.

Интерьеры эрсаринских домов почти лишены какого-либо оформления. Связано это было, видимо, с тем, что в туркменском быту огромную роль играли ковры и кошмы. Благородная фактура, строгий узор, красивая, основанная на красной рас-

цветке окраска ковров вносили во внутренний облик помещения большую живописность. Лишь в одном из полуразрушенных старинных ховлы в окрестностях Халача удалось зарегистрировать дом, интерьер которого оформлен настенной аркатурой с треугольными арочками, завершенными парой завитков (мотив «бараньих рогов», широко распространенный в орнаментике среднеазиатских кочевников).

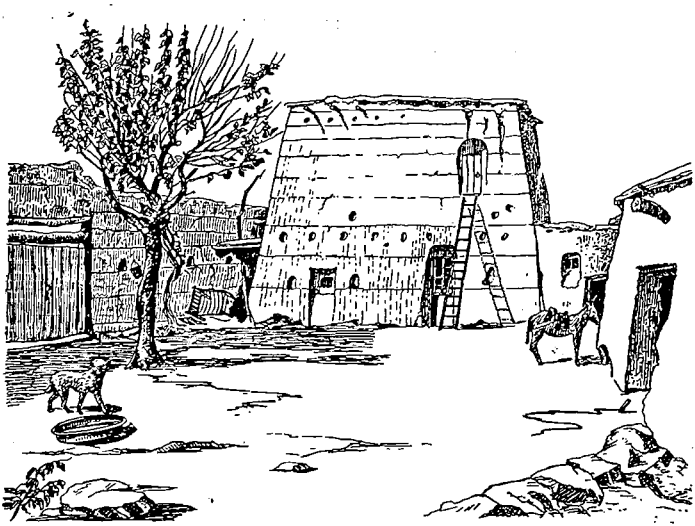
Колонна айвана.

Типы колонн.

В противовес жилищной архитектуре, в строительстве туркмен XVIII—XIX вв. культовое зодчество занимало сравнительно скромное место. В этом — одна из отличительных черт южно-туркменистанской архитектуры сравнительно с застройкой узбекских городов той же эпохи. Бухара, Хива, Коканд интенсивно застраиваются зданиями мечетей, медресе, мавзолеев. В поселениях же Южного Туркменистана имелась лишь небольшая мечеть, иногда — мазар над старой почитаемой могилой, изредка — медресе.

Характерной чертой поздней культовой архитектуры Туркменистана является ее прочная связь с местной народной строительной традицией; этим объясняется, как и в жилищном строительстве, существование ряда локальных типов. Вместе с тем, поскольку культовое зодчество всегда наиболее консервативно, в постройках этих

Дворик ховлы.

обнаруживается наибольшая приверженность к традиционным архитектурным типам.

В самом деле, центрическую «мечеть-киоск», сложение которой восходит к поре раннего средневековья (ср. мечеть-мавзолей Машада), можно видеть, например, в старинной, ныне заброшенной эрсаринской мечети селения Саккар (Чарджоуской области). У нее квадратный план и невысокие стены, на которых высится заостренно-отлогий купол. Главный фасад отличен от остальных лишь наличием входа, а также михбарной ниши в центре; михраб имеется и внутри на противолежащей стене. Сырцовый купол основан на треугольных парусах, которые образованы заделанным под 45° к стенам накатом из балочек. Мечеть эта абсолютно непохожа на городские квартальные мечети Средней Азии.

Руины другой эрсаринской мечети прошлого столетия сохранились близ селения Халач. Мечеть расчленена анфиладно на три отдела, перекрытых куполами. В среднем помещается михрабная ниша. На осях стен лежит по входу (кроме михрабной стены). Михраб имеет своеобразное оформление в виде трехугольной арки, увенчанной фигурными завитками. Наружные стены обработаны в обычном для этих мест приеме — вертикальным рифлением пахсовых блоков. Такой продольный трехчастный план восходит к композиционным принципам XI—XII вв: к мечети Талхатан-баба и нисийской Намазгох.

Халач. Развалины ховлы.

Интересен минарет при несохранившейся старинной мечети, стоящей в 10 км к северо-западу от колхоза имени Кирова Кизыл-Айякского сельсовета. Возраст его, судя по опросным данным, составляет до 100 лет. Минарет круглый, конически суживающийся вверх. Сложен он из пахсы, ряды которой покрыты вертикальными каннелюрами; высота его — до 15 м при диаметре около 5 м. Внутри устроена винтовая лестница с глинобитными ступенями на деревянных балочках. Освещение осуществлено через оконца, расположенные в разных уровнях. Кладка выполнена на деревянном каркасе; блоки пахсы набивались по арматуре из восьми вертикальных стоек, перехваченных по контуру деревянными же обвязками. Перед нами редкий пример отдельно стоящей башни, возведенной из пахсы и все же хорошо сохранившейся. Халачский минарет повторяет типичный для средневекового хорасанского строительства круглоствольный тип этого рода башенных сооружений.

Вполне оригинальны мечети мурчинцев. Мечеть в селении Мурча имеет трехколонный айван в антах, образованных боковыми стенами. Она заключает единственное помещение, на поперечной оси которого расположен также ряд из трех колонн, поддерживающих несущий прогон. Средняя колонна увенчана волютообразной капителью того же типа, что и в жилье; две боковых увенчаны капителями, которые отесаны с боков системой выпуклых фестонов (в местной терминологии «гульбанд» — «букет»). Следует подчеркнуть, что типологически эта форма прямо про-

тивоположна капителям узбекской архитектуры, где подбалка получает сложно-изрезанный профиль с преобладанием вогнутых элементов. Форма «гульбанда» имеет очень старый генезис; перенос ее из деревянного прототипа в монументальную архитектуру можно наблюдать на примерах сасанидских капителей из Таки-Бустана и Исфахана. Ниша михраба лежит на противоположной от входа стене, на оси комнаты.

Саккар. Мечеть

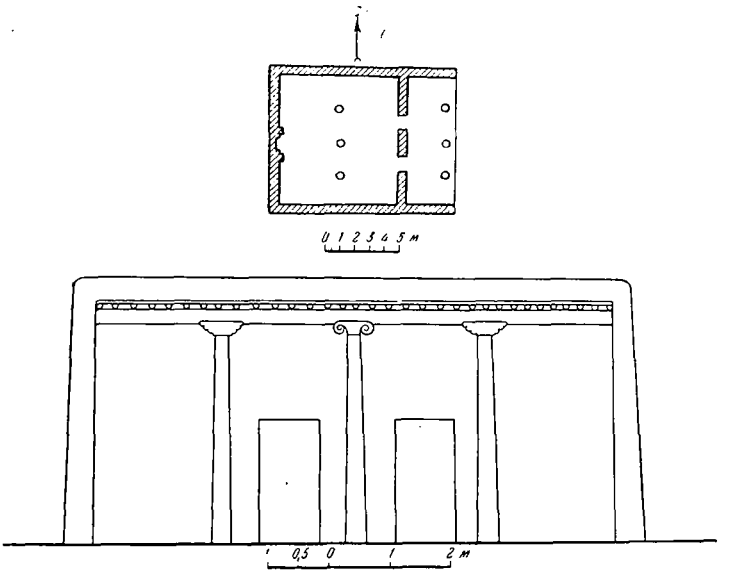

Халач. Руины мечети.

Центральная колонна почти закрывает ее — показатель того, что михраб устроен лишь как дань потребностям культа, как форма, введенная в давно сложившийся тип интерьера. Мечеть в селении Дэв-кала аналогична по планировке, однако главный прогон ее поддерживается теми спаренными стойками с общей подбалкой, которые встречаются в айванах мурчинских домов. Перекрытия обычно плоские.

В строительство мечетей мурчинские мастера вносили привычные для них конструкции и формы, разработанные в массовой архитектуре жилья.

Позднетуркменские мазары сохраняют традиционный тип центрической усыпальницы северно-хорасанского или дахистанского типа. Два мавзолея XIX в. в Багире — Абу-Алю и Бабаджана — обследованы ЮТАКЭ в 1946 г.[1]. Первый, воздвигнутый над могилой Абу-Али-Даккака (личности полулегендарной, полуисторической),

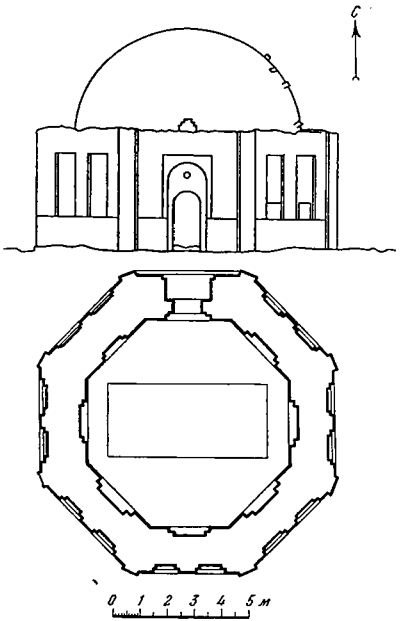
Селение Мурча. План и разрез мечети.

имеет древнюю основу и, видимо, повторяет план и формы усыпальницы XI—XII вв.[2]. Он выстроен из жженого кирпича, восьмигранен в плане и довольно значителен по своим размерам (внутренний пролет — 7 м при толщине стен 1,60 м). Грани снаружи и внутри оформлены плоскими нишками; в южной грани располагается арочный проход. Перекрытием служит полусферический купол. Композиция памятника аналогична мавзолеям XII в.— Парау-биби в Фераве и восьмигранным мавзолеям Дахистана, но в нем отсутствует пештак.

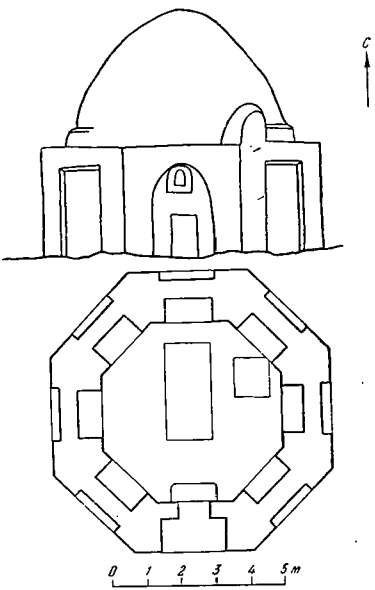
[1] В. Д. Жуков. Изучение пригорода Нисы в 1946 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 176—178.
[2] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, стр. 60—61.

Мавзолей Бабаджана сооружен из сырца. Композицию его также характеризует восьмигранный объем, увенчанный сферо-коническим куполом. Несколько центрических и портальных мазаров было на туркменском кладбище близ Бами[1].

Хорасанский тип купольной усыпальницы представлен и мавзолеем Сандуклы-овлия близ городища Пештак[2]. Он сложен из сырца, квадратен в плане и перекрыт

Багир. Мазар Абу-Алю.

Багир. Мазар Бабаджан.

юртообразным куполом, переход к которому осуществлен системой промежуточных восьмериков. Аналогичный по композиции мазар можно видеть в Кюрень-кале.

В Мерве поздние мазары также центричны, квадратны в плане и перекрыты обычно сводами балхи, столь традиционными в местной сырцовой архитектуре, по крайней мере с XI—XII вв. Таков, например, мавзолей Ахмеда Замчи близ западной стены Султан-калы[3].

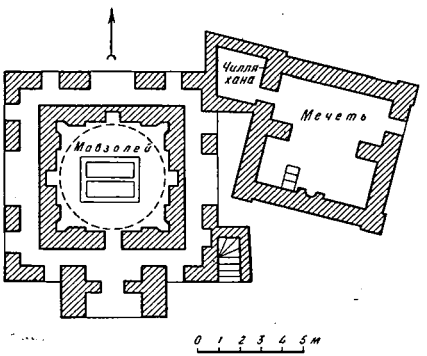
[1] Сб. «Туркестан». Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, инв. Т. п./3427, т. XVI, л. 179.

[2] Сандуклы-овлия впервые обследован Хаверанской экспедицией 1926 г. (см. «Древности Абиверда», стр. 10 и сл.).

[3] В. А. Жуковский. Указ. соч., стр. 158 и сл.

Неподалеку от станции Коушут высится безымянный сырцовый мазар со следами недавнего ремонта. Здание развито в высоту и композиционно строится на принципе шатровой усыпальницы: от квадратного основания через срезы углов к восьмигранной призме и к почти коническому куполу; наклонные грани сырцовой кладки усиливают общее ощущение динамической устремленности по вертикали.

Интересен мазар Шейх-Касыма в районе Туркмен-калы Марыйской области. Он квадратен в плане и имеет обводную галерею. Вход выделен пештаком с двумя глинобитными башенками-гульдастами «на плечах» (как некогда в мечети Анау). С востока примыкает помещение зимней мечети, расположенное под некоторым углом, так как оно ориентировано на кыблу, а мавзолей — по странам света.

Мазар Шейх-Касим. План.

Таким образом, поздние туркменские мазары Южного Туркменистана повторяют традиционные типы монументальных усыпальниц, разработанные в предшествующие эпохи. Но эти повторы ухудшенного качества: снижаются масштабы, исчезает четкость архитектурных форм и пропорций, сходит на нет декоративное убранство. Эпоха бессильна вдохнуть что-либо новое в постройки, законсервированному содержанию которых отвечают обветшавшие, стандартные формы.

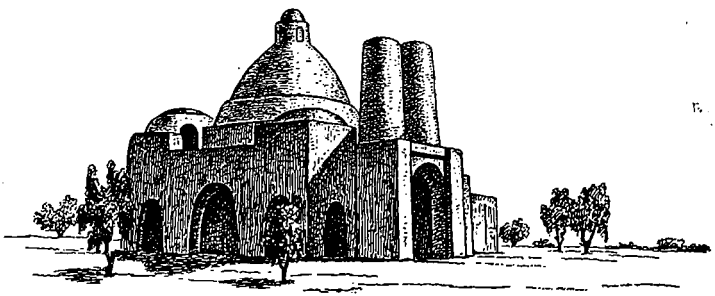
Число медресе, воздвигнутых в XVIII—XIX вв. в областях Туркменистана, невелико. Они обычно повторяют шаблонный для всего Среднего Востока тип: двор, обведенный худжрами, с угловыми дарсханами. Медресе эти одноэтажны и невелики, заключая до 15—20 худжр. Последние перекрыты коробовыми сводами или сводами балхи. Таково медресе Багира, разрушенное землетрясением 1948 г., медресе в колхозе имени 8 Марта Марыйской области (в котором ныне размещается правление колхоза), покинутое медресе в Астана-баба и др. В Багирском медресе, отстроенном в конце XIX в., был своеобразен вход, оформленный в виде портала с минаретообразными башенками на устоях.

Существовала однако более оригинальная группа туркменских медресе, которую застали русские в период присоединения Закаспия. Эти медресе представляли собой группу отдельных куммезов — перекрытых ульеобразными куполами худжр, размещенных в правильном порядке, иногда в одну линию, иногда по периметру прямоугольника. Примером первого может служить медресе текинского селения Койне-Ахал, второго — медресе али-элинцев у Коушут-калы (ныне не сохранившееся)[1]

[1] Изображение медресе у Коушут-кала — см. рис. Алиханова в сб. «Туркестан». Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, инв. Т. п./3437, т. XXVI, л. 121.

и медресе поселения сарыков у Талхатан-баба (обследовано нами в 1952 г.). Традиционная схема медресе с его дворовой организацией получает здесь совершенно новое воплощение. Это как бы становище юрт — группа рядом стоящих купольных ячеек; здесь налицо влияние кочевой традиции на архитектуру здания, тип которого был выношен многими веками в условиях городской культуры.

Итак, последний этап развития феодальной архитектуры Южного Туркменистана предстает перед нами отнюдь не как совсем бесплодная полоса в истории местного зодчества. Прежде всего устанавливается наличие у туркменского народа в XVIII—XIX вв. определенной архитектурной традиции. Характерным типом

Мазар Шейх-Касим.

поселения был не только подвижной аул, юрты которого легко снимались с места и перевозились к новым стоянкам, но и стабильные населенные пункты. Среди них можно выделить: укрепленные поселения городского типа (Пештак); крупные селения с сельскохозяйственными чертами (Анау, Мурча); наконец, поселения рассредоточенно-фермерского характера (в приамударьинских районах и Мервском оазисе), в которых не существовало какого-либо организующего архитектурно-планировочного центра.

В народной архитектуре Южного Туркменистана отмечается порайонно ряд локальных архитектурных направлений, вызванных не столько природными особенностями, сколько социальной организацией туркмен, в быту которых вплоть до советской власти стойко держались родо-племенные отношения. Руководящий тип сооружений всюду составляло жилище. В числе построек общественного назначения можно отметить лишь крепости и культовые здания, причем те и другие связаны с деятельностью эксплуататорских классов — феодалов и духовенства. В XVIII—XIX вв. в туркменском жилище в наибольшей мере находят свое воплощение черты народного художественного творчества. Эта жилая архитектура имеет ряд вполне индивидуальных качеств, отличающих ее от жилищного строительства других народов среднеазиатских республик. Создателями ее были не пленные персы и не выселенцы-узбеки, как это утверждалось в литературе, но сами туркмены.

С присоединением Закаспия к русским владениям отмечается определенное оживление строительной деятельности в туркменских поселениях, причем целый ряд из них возникает вновь. С проникновением русского капитализма в Среднюю Азию начинается быстрый рост городов, лежавших на Закаспийской железной дороге,— Кизыл-Арвата, Ашхабада, Каахки и др. Застройка их осуществляется в принципах развитой русской градостроительной культуры: для городов этих характерны прямые широкие улицы, капитальные благоустроенные дома, регулярное озеленение и т. п. Воздействие русской строительной культуры сказывается и на применяемых строительных материалах: в туркменских жилых домах широко входят в обиход застекление окон, железные печки, решетки и пр.

Однако на фоне строительной деятельности в городах Закаспия был особенно ощутим разрыв между русской и местной архитектурной традицией. Попытки придания некоторым зданиям локально-азиатских черт не идут далее введения псевдоориентальных форм: «мавританских» арок, «арабесковых» украшений и пр. С другой стороны, общие принципы планировки, композиции и декора в зданиях туркменской народной архитектуры остаются теми же, какие здесь бытовали до присоединения этого края к России.

В условиях капиталистического строя было немыслимо преодоление этого разрыва. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда создание культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, стало руководящим принципом развития культур советских социалистических республик, зодчество Туркменистана вступило в период нового расцвета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашем исследовании зодчество Южного Туркменистана рассматривалось в его становлении и развитии в условиях определенных социально-экономических формаций. Оно рассматривалось как продукт деятельности тех племен и народностей, к которым восходят этногенетические корни туркменского народа, как итог многовековой архитектурной практики его предков во всей ее конкретно-исторической обусловленности.

Анализ обширного фактического материала устанавливает, что архитектура в Южном Туркменистане возникает в глубочайшей древности. Она возникает как результат сознательной деятельности местных оседло-земледельческих племен. И не «светлым пламенем Эллады», не стремительным шествием ислама обусловлен расцвет ее в эпоху рабовладения и феодализма, а закономерным развитием архитектурно-строительного дела на местной народной творческой основе, определившей собой глубоко оригинальное направление в истории мировой архитектуры.

Исследование показало, что на всем продолжительном пути своего развития южно-туркменистанское зодчество формировалось на основе практических бытовых потребностей, материальных ресурсов, технико-экономических возможностей и художественных запросов общества на той или иной ступени его социального развития.

Исследование позволило наметить картину развития градостроительного искусства Южного Туркменистана в рабовладельческую и феодальную пору. В противовес выдвинутой В. В. Бартольдом и широко вошедшей в историко-архитектурные публикации условно-статичной схеме феодального города, якобы неизменно состоящего из трех частей (арк, шахристан, рабад), рассеченного крест на крест двумя магистралями, с купольным рынком-чарсу на перекрестке, выяснено, что средневековые города Южного Туркменистана при наличии некоторых принципиально общих черт получали отличные от этой схемы решения. Эти решения находились в зависимости от ряда природных и социальных условий, связанных с естественно-территориаль-

ными возможностями, водоснабжением, экономикой, бытовым и оборонным назначением. Именно эти факторы в первую очередь обусловили и контуры плана, и внутригородское членение, и направление главных магистралей, и характер городского силуэта.

Установлено, что периоды наиболее прогрессивного развития архитектуры в рабовладельческую и феодальную эпоху характеризуются появлением сооружений, в которых стороны утилитарная, техническая и эстетическая предстают в неразрывном единстве. Разносторонний анализ с точки зрения функциональной целесообразности, конструктивной оправданности, художественной выразительности таких памятников, как парфянский храм Новой Нисы, южный и северный комплексы Старой Нисы, гофрированные кёшки Кыз-кала и Нагим-кала, мечети в Дахистане, Талхатане, Данданкане, мавзолеи Абул-Фазла в Серахсе, Абу-Саида в Мехне, Худай-Назар-овлия, Санджара в Мерве, средневековые дома Мерва, караван-сара Акчакала и Дая-Хатын, мечеть Анау и многие другие,— показывает, что они являются для своего времени как бы вехами на пути архитектурного прогресса.

Экспедиционные работы выявили наряду с архитектурными шедеврами былых эпох массовую архитектуру городов и поселений. Обзор этого обширного комплекса памятников южно-туркменистанского зодчества позволил выяснить созданные народами Туркменистана на протяжении многих столетий разнообразные, проверенные опытом поколений методы использования местных материальных ресурсов, рациональные системы экономичных и прочных строительных конструкций приемы возведения зданий различного типа и назначения, обусловленных конкретными заданиями, которые выдвигались жизнью. Далеко не все в архитектурном наследии Южного Туркменистана может быть расценено с положительных позиций. Памятники монументальной архитектуры, особенно выдающиеся в художественном отношении, представляют собой явления разнохарактерные. Но наряду с произведениями эклектическими (кумирня в Мерве), подражательными (мечеть Ходжа-Юсупа в Мерве), архаизирующими (гофрированный дом в Шахрияр-арке), эпохи высокого развития архитектуры отмечены созданием сооружений, синтезирующих большой предшествующий опыт и новаторскую мысль. В таких своих наиболее выдающихся образцах, как нисийские дворцы и храмы, как мавзолей Санджара или мечеть Анау, зодчество античного и средневекового Хорасана характеризуется четкостью соотношения целого и деталей, органичностью всех архитектурных элементов, правдивым выявлением назначения здания, лаконизмом и выразительностью художественных средств. Созданные по заказу и на потребу высших классов общества, произведения эти являются выражением прогрессивных достижений народного архитектурного гения былых эпох.

Изучение обширного архитектурного материала различных эпох позволяет нам предложить схему периодизации истории архитектуры Южного Туркменистана, которая отражает основные этапы развития местного зодчества. Проверенная и уточненная сопоставлениями с многочисленными археологическими изысканиями ЮТАКЭ, схема эта в свою очередь корректирует и уточняет ряд моментов в периодизации истории материальной культуры Южного Туркменистана (в широком смысле термина, включающего и область архитектуры).

Мы выделяем:

1) архаическую архитектуру (IV — середина I тысячелетия до н. э.);

2) античное зодчество (середина I тысячелетия до н. э.— середина I тысячелетия н. э.), в котором наиболее ярким является парфянский период (III в. до н. э.— III в. н. э.), членящийся на два основных этапа — раннепарфянский (III—I вв. до н. э.) и позднепарфянский (I—III вв. н. э.);

3) раннефеодальное зодчество (VI—X вв.), которое подразделяется на первый этап (VI—VII вв.) и после определенного застоя, вызванного событиями арабского завоевания, продолжающий его второй этап (VIII—X вв.);

4) архитектуру развитого феодализма, кульминационным пунктом которой является первый этап (XI — начало XIII в.), но развитие которой, хотя и подорванное монгольским нашествием и владычеством (XIII в.), все же продолжается во втором (конец XIII—XIV в.) и третьем (XV в.) этапах;

5) позднефеодальное зодчество, охватывающее XVI—XIX вв.

Детальное обоснование этой периодизации, построенное на историко-архитектурном анализе, приведено в соответствующих разделах настоящей монографии. Разумеется, разработку периодизации мы не считаем завершенной: нет сомнений, что новые открытия советской археологии позволят внести в эту схему дальнейшую детализацию.

В пределах намеченных крупных эпох, периодов и этапов выясняется сложение новых, сравнительно с предшествующими, явлений в развитии местной архитектуры, причем черты нового наиболее разительно предстают при смене социально-экономических формаций. Так, с крушением в областях Туркменистана рабовладельческого строя, формированием новых общественных отношений и радикальными изменениями в структуре общества резко меняется программа строительства: хорасанское зодчество раннефеодальной поры во всех своих основных чертах уже совсем иное, чем парфянская архитектура. Внутри же единой общественной формации изменения идут в плане эволюционного развития. Так, например, раннефеодальное зодчество Южного Туркменистана на втором этапе своего развития лишь преемственно продолжает традиции первого этапа. В следующий же период архитектура, приобретая ряд вполне новых качеств, решает однако идейно-образные задачи, общие по своему содержанию с теми, которые стояли перед зодчими VIII—X вв.

Намеченная периодизация отражает основные вехи развития архитектуры Южного Туркменистана. Она лишь в наиболее крупных своих разделах, соответствующих общественным формациям, совпадает с периодизацией истории архитектуры других крупных областей Средней Азии. Внутри же этих подразделений динамика развития архитектурной деятельности для разных областей далеко не всегда идентична.

Для подкрепления этого тезиса достаточно сопоставить ход развития средневековой архитектуры таких двух сопредельных областей (ныне входящих в границы единой республики), как Южный и Северный Туркменистан, т. е. Хорасан и Хорезм средневековья. Вторая половина XI — первая половина XII в., которые ознаменованы в Северном Хорасане высочайшими достижениями монументального зодчества, запечатленными памятниками Мерва, Мехне и Серахса, далеко не столь продуктивны для Хорезма. Напротив, вторая половина XII — начало XIII в., когда политико-

экономическая ситуация обеспечила энергичный подъем архитектурного строительства в Ургенче, были мало плодотворными для зодчества Хорасана, игравшего в эту пору лишь роль одной из податных провинций хорезм-шахов. Четырнадцатое столетие ознаменовано новым блестящим подъемом архитектурной деятельности в городах Хорезма (особенно в Ургенче); в Хорасане же оно ограничивается созданием скромных по масштабам и малопримечательных по своей архитектуре сооружений типа комплекса Гёк-гумбез. В XV в. в бывшем на положении окраинной провинции тимуридской державы Северном Хорасане еще возникает такой шедевр, как мечеть Анау; между тем о былом величии Хорезма, попранного копытами армий Тимура, напоминают лишь руины разрушенных сооружений. Иными словами, ход поступательного развития феодального зодчества Южного и Северного Туркменистана не был идентичен, хотя и протекал не изолированно, но в постоянном взаимном контакте.

Различие путей развития северно-хорасанского и хорезмского зодчества определяется также принципиальными отличиями местных архитектурных направлений, вызванными различием экономических, культурно-исторических и технических условий формирования архитектуры в данных областях.

Вопрос о самостоятельном месте южно-туркменистанской архитектурной школы среди иных направлений развития архитектуры Среднего Востока многократно поднимался в ходе настоящего исследования. В среднеазиатском зодчестве античной поры четко выделяются четыре главнейшие школы: хорезмийская, парфянская, тохаристанская и согдийская, которые в феодальную эпоху сменяются школами: хорезмской, северно-хорасанской, мавераннахрской (на территории былого Согда и Тохаристана) и северно-туркестанской (Фергана и Семиречье). Установление существования этих школ имеет большое значение прежде всего для правильного решения некоторых важных вопросов культурного наследия народов нашей многонациональной родины. Изучением памятников южно-туркменистанского зодчества устанавливается следующий тезис: в эпоху рабовладельческого строя северно-парфянское, а в феодальную пору — северно-хорасанское зодчество представляли собой в общем цикле среднеазиатской архитектуры особое направление, созданное народами, составлявшими в то время основной этнический массив областей Южного Туркменистана и вошедшими в туркменский этногенез. Аналогичное явление имело место в зодчестве Хорезма, где также протекало формирование туркменского народа.

Вместе с тем устанавливается большая близость основных качеств средневековой архитектуры Северного Хорасана и Хорасана Южного [1]. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос о наличии в феодальную эпоху единой крупной хорасанской школы, внутри которой однако существовал ряд локально-областных ответвлений, связанных с деятельностью крупных цеховых строительных корпораций, сосредоточенных в больших городах. Даже в пределах Южного Туркменистана нами установлено три таких локальных направления. Одно из них охватывает район Серахс — Мерв — Амуль (Чарджоу) — Земм (Керки); второе — предгорную полосу: Абиверд — Ниса — Ферава; третье — область Дахистана. Несомненно, что при проведении исследований на тер-

[1] Утверждать то же положение в отношении предшествующей эпохи пока, до постановки специальных исследований в зарубежных областях Хорасана, нет данных.

ритории зарубежного Хорасана также удастся установить детальную локализацию направлений феодальной архитектуры. Однако во всех этих локальных областях и центрах архитектуры получают развитие руководящие принципы, общие для Хорасана в целом.

Историко-географическое положение Хорасана обусловило и в древности и в средние века постоянное взаимодействие с культурами как Средней Азии, так и Ирана при сохранении однако самостоятельности местной культуры, которая была порождена особым ходом исторических судеб. Своеобразие хорасанской школы есть результат присущего южно-туркменистанской архитектуре с древнейших времен наличия глубоких местных корней и стойкой народной традиции, выработанной сотнями поколений населения края. Перед новыми поколениями советских людей архитектурные памятники Южного Туркменистана предстают как богатейший фонд культурного наследия туркменского народа.

Архитектуре Южного Туркменистана в эпохи ее наивысшего подъема присущи те главнейшие качества, которые характеризуют подлинную зрелость архитектурной мысли: прочность, функциональная обоснованность, рациональность и красота.

Архитектурное наследие Туркменистана дает ряд поучительных примеров использования местных строительных материалов. Глина в ее основных производных (пахса, сырец, жженый кирпич) играла самую активную роль в местном зодчестве, начиная с глубочайшей древности; она послужила исходным сырьем при создании как выдающихся шедевров так и массовой жилой архитектуры, начиная от ясы-депинских строений III тысячелетия до н. э. и кончая жилищем туркмен XIX — начала XX в.

История архитектуры Южного Туркменистана показывает, как напряженно и плодотворно работала творческая мысль народных строителей над созданием и совершенствованием экономичных и прочных конструкций. Используя кирпич (сырцовый, реже жженый) как основной строительный материал, мастера разрабатывают системы бескружальных сводов: сначала простейший тип «отрезками», затем купол на угловых арочных парусах (все усложняя и совершенствуя последние), потом облегченные системы двойных куполов и наконец системы пересекающихся арок и щитовидных парусов, приведшие к созданию легких ганчевых подвесных куполов-оболочек. Применение местной разновидности гипса — ганча было оправдано его превосходными вяжущими свойствами, особенно в условиях сейсмически неблагополучных районов. Известь в смеси с зольными добавками уже в средневековье стала использоваться в качестве гидравлического раствора.

В настоящем исследовании автором была сделана попытка на основе детального изучения значительного числа характерных архитектурных памятников различных эпох уяснить основные процессы формирования зодчества Южного Туркменистана на протяжении почти двух с половиной тысячелетнего развития его в рамках рабовладельческой и феодальной формации и выявить его ведущие черты, обусловленные в первую очередь творческими достижениями народного гения.

Не ставя целью в этих заключительных страницах дать детальную характеристику развития южно-туркменистанской архитектуры на разных ее этапах, напомним в самых общих чертах те выработанные в ней принципы, которые, на наш взгляд имеют не только исторический, но и большой творческий интерес.

Парфянская архитектура на основе развития стоечно-балочных конструкций разрабатывает своеобразные системы «контрастного» и «монументального» архитектурного ордера, успешно применявшиеся и в фасадах и в интерьере. Ей присуще тонкое понимание пропорциональных соотношений, лаконизм выразительных средств, четкость архитектурной разбивки. Умелое владение цветом (трехцветная бело-красно-черная гамма) составляет ее важное качество. В композиции архитектурных поверхностей характерна активная роль стенной плоскости при участии настенных колоннад или без них. Конструктивно-целесообразные пучкообразные колонны и функционально-оправданные гофрированные башни дают оригинальные решения, в которых архитектурная конструкция приобретает черты художественной выразительности. Органическая связь монументальной архитектуры с традициями массового народного строительства выражается в применении колонн «праионического» типа и айванов на деревянных колоннах. Климатические особенности и бытовые условия порождают широкое применение этих айванов, перистильную организацию плана и разработку плоской кровли с зубчатыми парапетами. Важную черту составляет синтез искусств, в частности видная роль монументальной скульптуры в архитектуре интерьера.

Феодальная эпоха выдвигает иные художественные нормы. В раннефеодальном зодчестве Южного Туркменистана очень впечатляющи системы гофрированных поверхностей, в которых четко выявлены декоративные качества пахсовой и сырцовой стены. Бескружальные сырцовые сводчатые системы в эту пору являются достижением конструктивной мысли, составляя важный формообразующий архитектурный фактор. Чрезвычайно рациональны приемы компактной планировки крупного двухэтажного жилого комплекса (кёшка) с центральным элементом михман-ханы. Значительное место принадлежит объемным композициям центрического типа, особенно купольному киоску с хорошо разработанной конструктивной системой переходов от кубовидного основания через восьмигранные промежуточные объемы к купольной скуфье. Уже возникает пештак, т. е. объемно-выраженный парадный вход. Резной ганч и резное дерево участвуют в декоративном оформлении, которое, однако, строго подчинено методу архитектурных членений. Слагаются системы растительного и эпиграфического орнамента.

Архитектура периода развитого феодализма поднимается к вершинам творческих достижений. Развитая пространственно-дворовая организация плана сосуществует наряду с компактными изолированно-объемными композициями. Важную роль в силуэте города играют минареты, крепостные башни и купола мавзолеев. Процесс совершенствования сводчато-купольных систем из сырцового и жженого кирпича приводит к дальнейшему развитию темы центрического увенчанного куполом объема; при разработке ее монументальность общего впечатления достигается не только посредством возрастания масштабов, но и глубоко-продуманной архитектоникой: совершенной системой пропорций, контрастным соотношением обширных плоскостей стен и малых венчающих аркатур, противопоставлением глади кирпичных кладок богатству измельченного геометрического узора. Фактурные свойства жженого кирпича приобретают художественные качества высокой выразительности; резные фигурные кирпичи входят в композицию узоров, строго соподчиненных архитектонике главных масс, поверхностей и линий, и никогда не соперничают с ними. Однако в

интерьерах совершенная по исполнению резьба по ганчу уже достигает известного перенасыщения и находится на грани перехода к декоративизму. Зато живопись пленяет сдержанностью колорита и приемов распределения узора на стенах, сводах, куполах при известной однако ограниченности мотивов: геометрических, растительных и эпиграфических.

В архитектурных композициях последующих этапов развития южно-туркменистанского зодчества большую роль начинает играть портал со стрельчатой аркой-нишей (форма почти стандартная для всего Среднего Востока), получая своеобразную интерпретацию в спаренных сочетаниях или участвуя в дворовой организации плана комплекса. Но особых успехов достигает в эту пору разработка пространственных композиций в интерьере. Новая система перекрытий на пересекающихся арках и щитовидных парусах, которая является прогрессивным достижением инженерной мысли, обеспечивает взаимное раскрытие интерьеров, облегченный характер конструкций и пластическую подвижность архитектурных линий. Пластичность архитектурных форм составляет новое качество в композиции интерьеров. Пространственность составляет важную черту и экстерьеров зданий, глубокие арочные айваны которых организуют прилежащее дворовое пространство. Обогащение красочной палитры в связи с развитием прочных, высококачественных, высокохудожественных изразцовых облицовок составляет одно из важнейших достижений архитектурного декора.

В архитектуре позднефеодальной поры монументальное зодчество застывает в шаблонных композиционных решениях. Однако народный творческий гений ярко проявляется в массовой архитектуре туркменского жилища. Такие качества его, как рациональность планировки, пространственный принцип дворовых композиций, введение затененных колонных айванов своеобразного стиля, живописность объемной композиции при активном участии двухэтажных башенных форм, вызванная рационально-асимметричным размещением комплекса помещений, употребление простейших подручных строительных материалов и своеобразные способы художественной декоровки их (например виртуозное использование фактуры пахсовой кладки путем применения разнообразной орнаментации чикычем), — все это выражает те прогрессивные элементы, которые заложены в искусстве, имеющем глубокие народные корни.

Таков самый общий перечень лишь некоторых из тех передовых для своего времени приемов и особенностей архитектуры Южного Туркменистана, которые входят в фонд архитектурного наследия туркменского народа. Детальный разбор их приведен в соответствующих главах настоящего исследования. Изучение же богатств художественного наследия прошлого является необходимым для дальнейшего плодотворного развития многонациональной культуры народов Советского Союза.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — «Вестник древней истории».

ВИА — «Всеобщая история архитектуры» (т. I — М., 1944; т. II, кн. 1—М., 1949; т. II, кн. 2 — М., 1948).

ЗВО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества».

КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР».

МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».

МИТТ — «Материалы по истории туркмен и Туркмении. Труды Института востоковедения АН СССР» (т. I — М., 1939; т. II — М., 1938).

ПЗКЛА — «Протоколы Закаспийского кружка любителей археологии» (Асхабад).

ПТКЛА — «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии» (Ташкент).

РАИМК — «Российская академия истории материальной культуры».

РГО — «Русское географическое общество».

ТАКЭ — «Термезская археологическая комплексная экспедиция» (т. I — Ташкент, 1941; т. II — Ташкент, 1945).

СЭ — «Советская этнография».

ТВ — «Туркестанские ведомости».

ТОВЭ — «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа».

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция Академии наук Туркменской ССР.

AI — «Athār-é Irān. Annales du Service Archéologique de l' Iran» (t. I—IV, Paris, 1936—1949).

AJA — «American Journal of Archaeology».

SPA — «A Survey of Persian Art». Ed. A. U. Pope (vol. I—VI, London, New York, 1938—1939).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ[1]

План Намазга-тепе (*а*) и Ясы-тепе (*б*). (Съемки П. С. Бугро и М. Е. Массона) 14
Намазга-тепе. Часть многосемейного дома II тысячелетия до н. э. (Аксонометрия по обмеру Б. А. Литвинского) 15
Элькен-тепе. План. (Съемка М. Е. Массона) 17
Элькен-тепе. Общий вид. 18
Султан-дешт. 19
Эрк-кала (архаический Мерв). План. (Съемка М. Е. Массона.) 19
Мерв. Эрк-кала. 20
Парфавниса. План. 30
Новая Ниса. Часть крепостных стен. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 31
Старая Ниса. Северо-западный фасад. Реконструкция. 32
Старая Ниса. План. 33
Старая Ниса. Часть стены и пандуса. Реконструкция. 35
Изображения крепостей на парфянских монетах. 38
Крепостные стены Гяур-калы у северных ворот. 40
Городище Кырк-тепе в Маргиане. (Съемка М. Е. Массона) 41
Парфянский Мерв. План. (Сост. М. Е. Массон.) 42
Крепостные стены античного Мерва. Реконструкция. 43
Город Сирок. План. (Съемка М. Е. Массона.) 44
Гёбеклы-тепе. 45
Чичанлык-тепе и Акча-тепе. Планы. (Обмеры М. Е. Массона.) 46
Дурнали. Общий вид. 47
Дурнали. План. (Съемка М. Е. Массона.) 48
Дурнали. Стены. 49
Дурнали. Стены. 50
Дурнали. Реконструкция. 50
Чильбурдж. Общий вид. 51
Чильбурдж. Генеральный план. (Обмер М. Е. Массона и К. А. Шахурина.) 52
Чильбурдж. Часть стены. Реконструкция. *а*) Фасад; *б*) план. 53
Чильбурдж. Разрез стены. Реконструкция. 54
Чильбурдж. Деталь башни с гофрами. 55
Чильбурдж. Реконструкция. 56
Парфянская деревня близ Алты-яба. Схема плана. (Сост. М. С. Мерщиев.) 57
Джин-тепе в Маргиане. Жилой дом парфянского времени. 58
Новая Ниса. План вскрытых помещений в некрополе. 61

[1] Обмеры, рисунки, фотографии, чертежи и реконструкции, принадлежность которых в перечне не оговорена, выполнены Г. А. Пугаченковой.

Каменные парфянские базы из Нисы. 62
Терракотовая капитель из храма в Новой Нисе. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 63
Храм в некрополе Новой Нисы. Пропорции «ордера» Красной стены. 65
Новая Ниса. Храм. Реконструкция. (Цветная таблица.) . . . . . 66—67
Новая Ниса. Раскоп парфянского некрополя. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 67
Арка прохода, соединяющего парфянские погребальные камеры. (Обмер Н. И. Юшко.) . . 68
Старая Ниса. План вскрытых строений северного комплекса. 70
Старая Ниса. Раскопки длинных комнат Квадратного дома. (Фото Е. Н. Юдицкого.) . . 71
Квадратный дом. План с показанием последовательных изменений. 73
Квадратный дом. Алтарь; деталь росписи. 75
Квадратный дом. Анализ пропорций плана (первый строительный период). 76
Комнаты Квадратного дома. Реконструкция. 77
Южный комплекс. План выявленных раскопками строений. 79
Вскрытие Квадратного зала. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 80
Архитектурные терракотовые детали. 82
Реконструкция фриза. 83
Капитель из Мерва (Фото Е. Н. Юдицкого.) 85
Квадратный зал (первый строительный период). Разрез. Реконструкция. 86
Квадратный зал. Ордер первого строительного периода. Реконструкция. 87
Квадратный зал. Полуколонны второго строительного периода. (Фото Е. Н. Юдицкого.) . . 88
Квадратный зал. Ордер второго строительного периода. Реконструкция. 89
Квадратный зал. Расчистка упавшей глиняной статуи. 91
Глиняная статуя из Квадратного зала после реставрации. 92
Квадратный зал (второй строительный период). Разрез. Реконструкция. 93
Квадратный зал. Реконструкция. 95
Метопы. (Фото Туркменкульта.) 96
Метопы. 97
Старая Ниса. Колонна портика в южном ансамбле (Фото Туркменкульта.) 99
Профили баз из помещений южного комплекса Старой Нисы. *а*) Базы четырехлопастных столбов Квадратного зала; *б*) базы полуколонок Квадратного зала; *в*) базы северо-восточного портика; *г*) базы северо-западного портика. 100
Терракотовый акант из Круглого храма Нисы. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 101
«Метопа» с головой льва. (Фото Туркменкульта.) 102
Круглый храм. Ордер. Реконструкция. 103
Круглый храм. Интерьер. Реконструкция. (Цветная таблица.) . . . . . 104—105
Схема поселений Кара-тепе и Даалыхан-тепе. (Съемки М. Е. Массона.) 122
План Хосров-калы. (Съемка М. Е. Массона.) 123
Хосров-кала. Общий вид руин. (Фото ИИМК АН СССР.) 124
Хароба-кошук. 127
Хароба-кошук. *а*) Типы арок; *б*) план. 128
Остатки административного здания на вершине холма Эрк-кала в Старом Мерве. 131
Большая Нагим-кала. 132
Большая Нагим-кала. *а*) Реконструкция фасада; *б*) план. 133
Большая Нагим-кала. Типы арок и перекрытие над окном. 134
Малая Нагим-кала. (Фото С. А. Вязигина.) 135
Большая и Малая Нагим-кала. Реконструкция. 136
Большая и малая Кыз-кала. (Фото Л. И. Ремпеля.) 136
Большая Кыз-кала. План руин II этажа. 137
Большая Кыз-кала. Деталь свода. 138
Малая Кыз-кала. *а*) План I этажа; *б*) план II этажа. (Обмеры В. И. Пилявского.) . . 138
Малая Кыз-кала. Тромп. 139
Мервский оазис. Городище Тургай-тепе. Планы домов VI—VII вв. *а*) Дом в рабаде; *б*) дом в шахристане. 139

Кара-тепе. Ансамбль домов у площади (VI—VII вв.) 140
Кара-тепе. Планы домов-усадеб к северу и северо-востоку от цитадели (VI—VII вв.). . . 141
Старый Мерв. Развалины кёшка к югу от Гяур-калы. *а*) Фасад; *б*) план. 150
Кёшк к югу от Гяур-калы 151
Развалины кёшка к востоку от Гяур-калы. *а*) Реконструкция фасада; *б*) план; *в* и *г* — детали арок и сводчатых перекрытий. 152
Харам-кёшк. 153
Харам-кёшк. План 154
Харам-кёшк. Деталь перекрытия коридора. 155
Харам-кёшк. Детали перекрытий. *а*) Построение арки входа; *б*) фасад и план перспективного тромпа; *в*) план перекрытия коридора. 155
Сулу-кошук. 156
Сулу-кошук. План II этажа. 156
Акуйли-кошук. 157
Акуйли-кошук. Планы и конструктивные детали. 158
Гофрированная башня на городище Дурнали. 159
Жилая башня при доме на городище Дурнали. План. 159
Мунон-тепе. План жилого дома. 159
Жилая башня при доме на городище Мунон-тепе. 160
Городище Мунон-тепе. Гофрированная башня при доме. 161
Развалины караван-сарая на городище Кишман-тепе (средневековый Хурмузфарра). . . . 163
Сырцовые арки караван-сарая на городище Кишман-тепе. 164
План караван-сарая на городище Кишман-тепе. 165
Ат-Тахмаладж. Руины. 166
Ат-Тахмаладж. План. 167
Мазар Шир-Кабир. 169
План мазара Шир-Кабир. 169
Интерьер мазара Шир-Кабир. 170
Михраб мазара Шир-Кабир. (Рис. с фото Б. Н. Кастальского.) 171
Мазар Шир-Кабир. Деталь резьбы по ганчу. (Фото Туркменкульта.) 173
Мазар Шир-Кабир. Пристройки XII в. (Фото Туркменкульта.) 174
Мавзолей Кыз-биби. План. (Обмер В. И. Пилявского.) 175
Мавзолей на кладбище Имам-баба. (Фото В. А. Жуковского.) 176
Мавзолей в старом Чарджоу. 177
Мавзолей в старом Чарджоу. План. 177
Мавзолей Ахмада. (Фото Археологической комиссии.) 179
План Мерва XI—XII вв. (Сост. М. Е. Массон.) 191
Стены Султан-калы. (Фото Л. И. Ремпеля.) 192
Средневековый Абиверд. План. (Съемка В. А. Левиной.) 196
Средневековый город Куфен (Чугундор). План. (Съемка М. Е. Массона). 197
Средневековый Языр. План. (Съемка Б. А. Литвинского.) 198
Ферава. План. (Съемка М. Е. Массона и Б. А. Литвинского.) 199
Мерв. Руины дворца правителя в Шахрияр-арке. 203
Мерв. Дворец правителя в Шахрияр-арке. План. 204
Мерв. Дворец правителя в Шахрияр-арке. Конструктивные детали. *а*) Своды балхи (комнаты *9*, *10*, *13*); *б*) парус комнаты *15*; *в*) арка входов айванов двора *2*; *г*) сырцовая кладка щипцовой стены комнаты *17*. 205
Мерв. Жилой дом в квартале керамистов. *а*) План здания; *б*) арка дверного проема; *в*) свод балхи (комнаты *А* и *Б*). 206
Мерв. Жилой дом к востоку от Гяур-кала. *а*) Южный фасад; *б*) план I яруса; *в*) арка *А* (деталь). Реконструкция. 207
Дом к западу от Султан-кала. *а*) План I этажа; *б*) план II этажа. (Обмеры В. И. Пилявского.) 209

Дом к западу от Султан-кала. 210
Дом к западу от Султан-кала. Реконструкция фасада. 210
Яккипер 211
Яккипер. *а*) Реконструкция фасада; *б*) план I этажа; *в*) арки и своды. 212
Яз-тепе. Планы домов XI—XII вв. 213
Яз-тепе. Планы домов XI—XII вв. 214
Мерв. Сырцовый домик в Султан-кала. *а*) Фасад; *б*) план. 215
Административное здание в Шахрияр-арке Мерва. (Фото Л. И. Рempеля). 217
Дом в Шахрияр-арке. План. 218
«Макамы» Харири, XII в. Миниатюра с изображением библиотеки. (Из рукописи Института востоковедения АН СССР.) 219
Караван-сарай в Дахистане. *а*) План караван-сарая; *б*) генеральный план (караван-сарай, скотный двор, улица). 220
Развалины караван-сарая близ Сули-тепе. 221
Караван-сарай близ Сули-тепе. Привратная башня. 222
Караван-сарай на городище ал-Аскер. *а*) Реконструкция плана; *б*) арка въезда; *в*) генеральный план участка. 223
Ворота караван-сарая на городище ал-Аскер. 224
Городище ал-Аскер. План жилого дома XI—XII вв. и конструктивные детали караван-сарая. *а*) План жилого дома; *б*) сырцовая кладка стен; *в*) кладка арки; *г*) арочка прохода. 225
Акча-кала. Главный фасад. 226
Караван-сарай Акча-кала. Детали перекрытий. 227
Караван-сарай Акча-кала. План. 227
Караван-сарай Акча-кала. Руины первого двора 228
Караван-сарай Акча-кала. Первый двор. Реконструкция. 229
Караван-сарай Дая-Хатын. Общий вид. 231
Караван-сарай Дая-Хатын. Свод над вестибюлем 232
Караван-сарай Дая-Хатын. Свод над вестибюлем. 233
Караван-сарай Дая-Хатын. План. 235
Караван-сарай Дая-Хатын. Свод балхи. 236
Караван-сарай Дая-Хатын. Консольный парус. 237
Караван-сарай Дая-Хатын. Двор. 238
Караван-сарай Дая-Хатын. Арки галереи и пазушные своды. 238
Караван-сарай Дая-Хатын. Кирпичная облицовка фасада. 239
Караван-сарай XI—XII вв. на городище Куртлы (средневековый Башан). 240
План и декоративные детали караван-сарая на городище Куртлы. *а*) План; *б*) деталь паруса; *в*) деталь кирпичной облицовки стен; *г*) фигурный кирпич. 241
Мечеть на городище Куртлы (средневековый Башан). *а*) План; *б*) детали облицовки устоев *в*) деталь облицовки михраба. 245
Руина минарета на городище Куртлы. 246
Мечеть Талхатан-баба. План. (Обмер А. М. Прибытковой.) 249
Мечеть Талхатан-баба. Северо-восточный фасад. 250
Мечеть Талхатан-баба. Юго-западный фасад. 251
Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки. 252
Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки. 253
Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки. 254
Мечеть Талхатан-баба. Деталь фигурной кладки. 255
Мечеть Талхатан-баба. Михраб. (Фото В. А. Жуковского.) 255
Мечеть Данданкана. Деталь резного штука. (Фото С. А. Ершова.) 257
Мечеть Данданкана. Деталь резного штука. (Фото С. А. Ершова.) 258
Пештак (Абиверд). Руина портала мечети. (Фото А. А. Семенова.) 260
Мечеть в Пештаке. Орнаментация портала. (Чертеж А. А. Семенова.) 261
Руины мечетей в Дахистане. (Фото Б. Н. Кастальского.) 263

Мечеть в Дахистане. *а*) Схема фасада; *б*) схема реконструкции плана; *в*) план устоев. . . . 264
Дахистан. Руина портала в пригороде. (Фото Б. Н. Кастальского.) 265
Развалины Намазги в Дахистане. 266
Намазга в Дахистане. Реконструкция плана. 266
Намазга в Нисе. *а*) Разрез; *б*) план; *в*) генеральный план; *г*) проекция свода; *д*) деталь вскрытия пола. 267
Астана-баба. Мавзолей Аламбердара. Общий вид. 269
Астана-баба. Мавзолей Аламбердара. План. 270
Мавзолей Аламбердара. Разрез. 270
Астана-баба. Мавзолей Аламбердара. Реконструкция фасада. 271
Безымянный мавзолей. (Фото Археологической комиссии.) 273
Мавзолей Серахс-баба. План. 276
Мавзолей Серахс-баба. (Фото Археологической комиссии.) 277
Мехне. Мавзолей Абу-Саида. 279
Мавзолей Абу-Саида. *а*) План I яруса; *б*) план II яруса и проекции купола. 281
Мавзолей Абу-Саида. Разрез. 282
Мавзолей Абу-Саида. *а*) Юго-восточный фасад; *б*) деталь кирпичной фактуры юго-восточного фасада. 283
Мехне. Мавзолей Абу-Саида и устой ханаки. 284
Мавзолей Ярты-гумбез 285
Мавзолей Ярты-гумбез. План. 286
Мазар Астана-баба (мавзолей Убейда и Зувейды). 287
Мавзолей Убейда и Зувейды в Астана-баба. План. 288
Ячеистый парус. (Фото Туркменкульта.) 289
Машад. Мавзолеи на кладбище. (Фото Туркменкульта.) 293
Планы мавзолеев. *а*) Мавзолей № 1; *б*) мавзолей № 4; *в*) мавзолей № 7. (Обмеры М. Е. Массона.) 294
Планы мавзолеев. *а*) Мавзолей № 2; *б*) мавзолей № 5; *в*) мавзолей № 6. (Обмеры М. Е. Массона) 294
Мавзолей № 4. (Фото Туркменкульта.) 295
Мавзолей № 2. (Фото Туркменкульта.) 296
Мавзолей № 5. 297
Мавзолей Бая Бегаджик (№ 6). (Фото Туркменкульта.) 297
Машад. Мавзолеи на кладбище. (Фото Туркменкульта.) 298
Ферава. Мавзолей Парау-ата. *а*) план; *б*) деталь тромпа. 300
Мавзолей Парау-ата. 300
Ферава. Мавзолей Парау-биби. (Обмер Б. А. Литвинского и В. М. Массона.) 301
Куфен. Мавзолей Чугундор-баба. 302
Мавзолей Чугундор-баба. *а*) Разрезы; *б*) план. (Обмеры С. Скляревского.) 302
Мерв. Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. 304
Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. *а*) Разрез I—II; *б*) план. 305
Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Деталь кирпичной кладки. (Фото Н. С. Гражданкиной.) 307
Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Деталь росписи интерьера. (Рис. Н. В. Князева.) . . . 308
Мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Реконструкция фасада. 309
Худай-Назар-овлия. 311
Худай-Назар-овлия. План. 312
Худай-Назар-овлия. Деталь фигурной кирпичной кладки. 313
Худай-Назар-овлия. Реконструкция фасада. 314
Худай-Назар-овлия. Анализ пропорций. 314
Мавзолей султана Санджара. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 317
Мавзолей Санджара. *а*) План в уровне панели; *б*) план в уровнях парусов и купола (римскими цифрами обозначены уровни, показанные в разрезе.) 318

Мавзолей Санджара. Разрез (римскими цифрами обозначены уровни, показанные в плане) . . 319
Мавзолей Санджара. Реконструкция фасада. 320
Мавзолей Санджара. Панно из тесаных киргичиков на угловых устоях галереи. *а*) Северный фасад; *б*) восточный фасад; *в*) южный фасад; *г*) западный фасад. 321
Мавзолей Санджара. Реконструкция галереи. 323
Мавзолей Санджара. Резной штук. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 325
Мавзолей Санджара. Пропорции плана (римскими цифрами обозначены уровни, показанные в разрезе). 327
Основные типы фигурных резных кирпичиков из построек Южного Туркменистана XI—XII вв. 333
Штабель сырцового кирпича. 335
Типы гофр в архитектуре Южного Туркменистана. 339
Буддийская кумирня в Мерве. Реконструкция плана. 352
Треугольные свесы черепиц. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 353
Маскароны — завершения черепиц. Оттиск ткани и китайских иероглифов на внутренней стороне черепицы. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 354
Фрагменты морды дракона с кровли. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 355
Изразцовая панель. Реконструкция. (Цветная таблица.) . . . . . 356—357
Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Деталь изразцовой облицовки портала. (Фото Археологической комиссии.) 359
Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Мозаики в портале. 360
Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Деталь настенной росписи. 361
Мехне. Мавзолей Абу-Саида. Роспись на куполе. 363
Люстровый изразец из Нисы. 365
Гёк-гумбез. Поливные изразцы. 367
Глазурованные изразцы из Нисы. *а*) фрагмент плитки штампованной терракоты, темнозеленая полива; *б*) фрагмент плитки штампованной терракоты, полива голубая и синяя; *в*) фрагмент майолики, зеленовато-черный фон, яркосиний орнамент; *г*) фрагмент облицовки полуколонки, штампованная терракота, голубая полива. 368
Мазар Зенги-баба в с. Мурча. 369
План мазара Зенги-баба. 371
Гёк-гумбез. Мавзолей № 1 (слева) и № 2 (справа). 372
Мавзолей № 1. *а*) Северный фасад; *б*) план; *в*) разрез. 373
Мавзолей № 1. Общий вид 374
Планы мавзолеев № 2 и 3. *а*) Мавзолей № 2; *б*) мавзолей № 3. 375
Мавзолей № 2. Портал. 376
Мавзолей № 3. Тромпы 377
План Мерва XV в. (Обмер О. В. Обельченко.) 382
Мерв. Стены и ворота Абдулла-хан-калы. (Фото В. А. Жуковского.) 383
Крепостные стены Мерва XV в. *а*) Реконструкция фасада; *б*) план; *в*) разрез. (Обмеры и реконструкция Г. А. Пугаченковой и О. В. Обельченко.) 384
Мерв. Развалины дворца XV в. в Абдулла-хан-кале. (Фото В. А. Жуковского.) 388
Мерв. Иморат и дарваза к северу от Абдулла-хан-калы. 389
Мерв. Руины имората XV в. План. 390
Мерв. Планы снегохранилищ. 390
Мерв. Снегохранилище. 391
Мерв. Снегохранилище. Деталь кладки. 393
Сардоба в Анау. (Обмеры М. С. Мерщиева.) *а*) Разрез по оси входа; *б*) план (с показанием системы кладки). 395
Мерв. Мечеть XV в. (Фото В. А. Жуковского.) 397
Портал мечети. (Фото В. А. Жуковского.) 398
Мерв. Руины медресе Хусравийе в Абдулла-хан-кале. (Фото В. А. Жуковского.) 399
Мавзолеи асхабов. Общий вид. (Фото Л. И. Рempеля.) 400

Архитектурный ансамбль у могил асхабов. (Фото В. А. Жуковского.) 401
Усыпальницы асхабов. План. (Обмер Н. В. Князева, под ред. Г. А. Пугаченковой.) . . . 402
Двухпортальное сооружение у могил асхабов. Фасад. (Обмер Н. В. Князева под ред. Г. А. Пугаченковой.) 403
Ханака в Мехне. (Фото Археологической комиссии.) 407
Мечеть Анау. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 408
Мечеть Анау. (Фото Археологической комиссии.) 409
Мечеть Анау. Шурф № 1. 410
Мечеть Анау. Шурф № 3. 411
Мечеть Анау. План цокольного этажа. Реконструкция. 412
Мечеть Анау. План I этажа. Реконструкция. 414
Мечеть Анау. План II этажа. Реконструкция. 415
Мечеть Анау. Разрез по главной оси. (Обмеры Е. С. Александровой и Б. В. Дмитровского, под ред. Г. А. Пугаченковой.) 416
Мечеть Анау. Разрез по дарсханам. (Обмеры Е. С. Александровой и Б. В. Дмитровского, под ред. Г. А. Пугаченковой.) 417
Мечеть Анау. Портал. (Фото С. Г. Татинцева.) 419
Мечеть Анау. Реконструкция. . . . . 424—425
Мечеть Анау. Пропорции плана. 426
Мечеть Анау. Пропорции фасада. 427
Мечеть Анау после землетрясения 1948 г. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 429
Мерв. Мечеть Ходжа Юсуфа Хамадани. 435
Мечеть Ходжа Юсуфа Хамадани. План строений. (Обмер Н. В. Князева, под ред. Г. А. Пугаченковой.) 436
Мечеть Ходжа Юсуфа Хамадани. Фасад. (Обмер Н. В. Князева, под ред. Г. А. Пугаченковой.) 437
Дурун. Кызыл-имам. (Старинная гравюра.) 438
Мавзолей Кызыл-имам в Дуруне. План. (Обмеры Б. А. Литвинского и В. М. Массона.) . . . 439
Мавзолей Ак-имам в Дуруне. (Старинная фотография.) 440
Мазар на кладбище Кумбетли-яйла. План. 441
Селение Багир. Шейх-кала. (Фото Е. Н. Юдицкого.) 445
Селение Багир. Каурма-кала. (Рис. Б. В. Дмитровского.) 446
Койне-Ахал. Жилой дом. 447
Пештак. Жилой дом. (Обмеры Б. В. Дмитровского и В. А. Левиной.) *а*) Разрез по А—Б; *б*) план. 448
Пештак. Жилой квартал. План. (Обмер Б. В. Дмитровского и В. А. Левиной.) 448
Анау. Динг. (Рис. Б. В. Дмитровского.) 449
Анау. Жилой дом. (Рис. Б. В. Дмитровского.) 450
Анау. Динг. (Фото Л. И. Ремпеля.) 451
Селение Мурча. Усадьба и дом Девлет Юз-баши оглы. *а*) План усадьбы; *б*) план жилого дома. 452
Селение Мурча. Айван жилого дома. 453
Селение Мурча. Михман-хана в доме Сахата Халмурадова. 454
Мурчинское селение Дэв-кала. Строения в цитадели. 455
Сырцовый дом в Марыйской области. 456
Жилые дома в Марыйской области. 456
Усадьбы в окрестностях Байрам-Али. (Фото В. А. Жуковского.) 457
Динг в окрестностях Байрам-Али. (Рис. Б. В. Дмитровского.) 457
Динг в окрестностях Байрам-Али. 458
Чарджоуская область. Ховлы. 458
Район Саккара. Ворота ховлы. 459
Чарджоуская область. Планы усадеб. (Обмеры Г. А. Пугаченковой и Н. В. Князева.) *а*) Ховлы близ селения Ламбе; *б*) ховлы близ селения Халач. 461

Ховлы близ Ламбе. (Рис. Н. В. Князева.) 462
Ховлы близ Ламбе. (Рис. Н. В. Князева.) 462
Селение Астана-баба. Дом Джума Джабарова. (Обмеры Б. В. Дмитровского и В. А. Левиной.)
а) Жилое зимнее помещение с айваном; *б*) жилое зимнее помещение. 463
Кувакский район. Ховлы Раушана Мереда. (Обмеры Б. В. Дмитровского и В. А. Левиной.)
а) План; *б*) разрез *Б-Б*; *в*) вид *А-А*. 464
Куммез ховлы Раушана Мереда. (Рис. Б. В. Дмитровского.) 464
Детали декора пахсовых стен. (Рис. Б. В. Дмитровского.) 465
Район Саккара. Ховлы. 466
Колонна айвана. 467
Типы колонн. (Рис. Н. В. Князева.) 467
Дворик ховлы. (Рис. Н. В. Князева.) 468
Халач. Развалины ховлы 469
Саккар. Мечеть. 470
Халач. Руины мечети. (Рис. Н. В. Князева.) 470
Селение Мурча. План и разрез мечети. 471
Багир. Мазар Абу-Алю. 472
Багир. Мазар Бабаджан. 472
Мазар Шейх-Касим. План. 473
Мазар Шейх-Касим. 474

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. АРХАИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА 11
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПАРФЯНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО 22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО (VI—X вв.) 118
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. АРХИТЕКТУРА РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (XI—XV вв.) 188
ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЕ ЗОДЧЕСТВО 433
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 476
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 483
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 484

Г. А. Пугаченкова

Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. VI

Утверждено к печати Академией наук Туркменской ССР

Редактор издательства *А. Г. Подольский*. Художник *А. Г. Ларский*
Художественно-технический редактор *Т. А. Прусакова*

РИСО АН СССР № 11—122В. Сдано в набор 5/VII 1956 г. Подпис. к печати 30/VI 1958 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 30,75+4 вкл.=50,43+4 вкл. Уч.-изд. л. 39,1+0,5 вкл. Тираж 1300 экз. Т-05731. Изд. № 1143. Тип. зак. № 1115

Цена 26 руб. 15 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства. Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
15	7 св.	эпохи «варварства»	«эпохи варварства»
41	6 св.	повторяют	повторяет
93	6 св.	Кедре на	Кедрена
114	5 сн.	взаимоотношений, стены несущих	взаимоотношений стены, несущих
121	10 сн.	области	власти
132	3 сп.	этажом платформой	этажом-платформой
366	10 св.	1323	1322
421	19 св.	отверстий	отверстой
421	11 сп.	уровнями	уровня
439	22 св.	Беха уд-дине	Бехауддине